П. И. Лященко.

ОЧЕРКИ
АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦІИ РОССІИ.

ТОМЪ I.

РАЗЛОЖЕНІЕ НАТУРАЛЬНАГО СТРОЯ И УСЛОВІЯ ОБРАЗОВАНІЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАГО РЫНКА.

№ 110606
Bibliotheca universitatis Jurievensis

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

4 - VIII A
Tartu Riiklik [illegible]kooli
Raamatukogu
7185

Оглавленіе.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ. I. Задачи историческаго и систематическаго изученія экономики сельскаго хозяйства (1)—II. Торговый капиталъ, какъ предшественникъ капитала производительнаго и характеръ процесса первоначальнаго накопленія (9). — III. Разрушеніе натуральнаго земледѣльческаго хозяйства и образованіе сельскохозяйственнаго рынка (27).— IV. Развитіе капиталистическихъ отношеній въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ (41).—V. Вліяніе развитія капиталистическихъ отношеній на крестьянское земледѣльческое хозяйство. Системы сельскохозяйственныхъ организацій (64).—VI. Эволюція капиталистическихъ и некапиталистическихъ хозяйствъ подъ вліяніемъ конкурренціи на рынкѣ (91) . . . . . 1—107

ГЛАВА I. Первоначальная дифференціація земледѣльческаго населенія въ древней Руси. Характеръ древняго крестьянства.— Обезземеленіе земледѣльческаго населенія.—Древній крестьянинъ, какъ докапиталистическій фермеръ.— Развитіе барщины, какъ формы помѣщичьяго предпринимательства.—„Первоначальное накопленіе“ рентъ . . . . 111—127

ГЛАВА II. Торговый капиталъ и земледѣльческое хозяйство въ древней Руси. Превращеніе накопленныхъ рентъ въ торговый капиталъ.—Организація и значеніе торговаго класса.— Возникновеніе сельскохозяйственнаго рынка и торговли земледѣльческими продуктами.—Государство, какъ представитель землевладѣльческихъ и торговыхъ интересовъ . 128—149

ГЛАВА III. Возникновеніе производительнаго капитала и торгово-промышленная политика XVIII вѣка. Развитіе городской жизни въ Петровскую эпоху и вліяніе

ея на сельское хозяйство.—Возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ.—Борьба землевладѣльческихъ и торговыхъ интересовъ.—Правительственная торговопромышленная политика и регулированіе внѣшней и внутренней торговли . . . . . 150—172

ГЛАВА IV. Начало предпринимательства въ сельскомъ хозяйствѣ въ XIX вѣкѣ. Опыты интенсификаціи культуры и вложенія капитала въ земледѣльческое производство.—Побѣда экстенсивныхъ зерновыхъ системъ.—Попытки новой организаціи хозяйства.—Подражаніе западноевропейскимъ образцамъ (фермерство, индустріализація) и выработка самостоятельныхъ формъ (оброкъ, барщина и соединенныя ихъ формы).—Крушеніе земледѣльческаго предпринимательства и его причины . . . . . 173—189

ГЛАВА V. Итоги крѣпостного земледѣльческаго хозяйства. Размѣры помѣщичьяго производства наканунѣ освобожденія крестьянъ.—Недостаточность рынка и помѣщичье перепроизводство.—Паденіе и неустойчивость цѣнъ.—Условія преобладанія на рынкѣ помѣщичьяго производства.—Крѣпостной трудъ, какъ орудіе сношеній съ рынкомъ . . . . . 190—210

ГЛАВА VI. Условія и послѣдствія ликвидаціи крѣпостного права. Условія освобожденія крестьянъ.—Уменьшеніе надѣловъ.—Увеличеніе денежныхъ повинностей и развитіе денежнаго хозяйства.—Расширеніе крестьянскихъ запашекъ.—Увеличеніе сбыта крестьянскаго хлѣба на рынкѣ и его условія.—Переустройства въ экономической географіи . . . . . 211—235

ГЛАВА VII. Сельскохозяйственный рынокъ и желѣзныя дороги. Планъ и цѣли первоначальнаго желѣзнодорожнаго строительства.—Земледѣльческій характеръ желѣзнодорожнаго движенія.—Значеніе желѣзныхъ дорогъ для развитія сельскохозяйственнаго рынка.—Новыя перемѣщенія въ экономической географіи.—Демократизація и децентрализація рынка . . . 236—257

ГЛАВА VIII. Тарифная политика и земледѣльческая конкурренція окраинъ съ центромъ. Расширеніе желѣзнодорожной сѣти на востокъ и интенсификація ея.—Дифференціальные тарифы.—Конкурренція на внутреннемъ рынкѣ центра и востока.—Развитіе товарно-торговаго земледѣлія.—Значеніе сельскохозяйственнаго рынка для народнаго хозяйства . . 258—277

ГЛАВА IX. Опытъ статистическаго изученія сельскохозяйственнаго рынка.

I. Матеріалы торговой статистики.—Статика и динамика рынка . . . . . 278—301

II. Урожай и запасы.—Зависимость запасовъ отъ размѣровъ урожая.—Истощеніе запасовъ въ странѣ.—Циклъ ежегодныхъ колебаній запасовъ.—Характеръ колебанія запасовъ для различныхъ хлѣбовъ . . . . . 302—314

III. Поступленіе хлѣбовъ на рынокъ.—Абсолютный ростъ поступленій въ зависимости отъ желѣзныхъ дорогъ.—Относительный, въ сравненіи съ урожаемъ, ростъ поступленій. — Ускореніе и перераспредѣленіе поступленій.—Развитіе цѣлей торговаго сбыта въ разныхъ раіонахъ.—Значеніе скорости реализаціи урожая . . . 314—328

IV. Географическое распредѣленіе движенія хлѣбныхъ грузовъ. — Характеръ внутренняго и вывозного сообщенія.—Ростъ внутренняго рынка и конкурренція на немъ отдѣльныхъ раіоновъ.—Окраины и центръ на внутреннемъ рынкѣ . . . . . 329—352

V. Хлѣбныя цѣны.—Значеніе близости внутренняго и внѣшняго рынка. — Соотношеніе мѣстныхъ и рыночныхъ цѣнъ.—Измѣненія цѣнъ въ зависимости отъ урожаевъ.—Избыточное предложеніе и понижательное значеніе его.—Соотношеніе весеннихъ и осеннихъ цѣнъ; портовыхъ и внутреннихъ.—Размѣры портоваго остатка.—Общіе выводы относительно положенія сельскохозяйственнаго рынка . . . . . 352—387

ГЛАВА X. Крестьянское хозяйство и хлѣбный рынокъ. Земскія данныя о соотношеніи крестьянскаго производства и потребленія.—Покупки и продажи хлѣба въ крестьянскихъ хозяйствахъ.—Размѣры внутренняго рынка и его элементы.—Характеръ измѣненій въ народномъ потребленіи.—Увеличеніе вывознаго потребленія. — Отсутствіе увеличенія мѣстнаго потребленія . . . . . 388—424

Приложенія. Таблица I. Годовой ходъ запасовъ хлѣбовъ на главныхъ рынкахъ за 1900—1906 гг.

Таблица II. Перевозки хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ за 1890—1904 гг.

Таблица III. Перевозки хлѣбныхъ грузовъ по водянымъ путямъ за 1890—1904 гг.

Таблица IV. Соотношеніе урожаевъ хлѣбовъ, желѣзнодорожныхъ и водныхъ перевозокъ въ 63 губерніяхъ за 1890—1904 гг.

Таблица V. Годовой ходъ поступленій хлѣбовъ къ 24 главнымъ рынкамъ Европейской Россіи за 1897—1904 гг.

Таблица VI. Отправленія и прибытія хлѣбныхъ грузовъ по губерніямъ въ среднемъ за 1898—1902 гг.

Таблица VII. Вывозъ хлѣбовъ по Европейской границѣ и въ торговлѣ съ Финляндіей за 1901—1905 гг.

Таблица VIII. Чистый сборъ хлѣбовъ на частновладѣльческихъ и крестьянскихъ земляхъ за 1901—1905 гг.

Указатель литературы по экономической исторіи русскаго сельскаго хозяйства въ крѣпостной періодъ.

Діаграмма I. Годовой ходъ запасовъ хлѣбовъ на главныхъ рынкахъ.

Діаграмма II. Годовой ходъ подвозовъ хлѣбовъ къ 24 главнымъ рынкамъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Введеніе.

I. Задачи историческаго и систематическаго изученія экономики сельскаго хозяйства.—II. Торговый капиталъ, какъ предшественникъ капитала производительнаго и характеръ процесса первоначальнаго накопленія.—III. Разрушеніе натуральнаго земледѣльческаго хозяйства и образованіе сельскохозяйственнаго рынка.—IV. Развитіе капиталистическихъ отношеній въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ. — V. Вліяніе развитія капиталистическихъ отношеній на крестьянское земледѣльческое хозяйство. Системы сельскохозяйственныхъ организацій.—VI. Эволюція капиталистическихъ и некапиталистическихъ странъ подъ вліяніемъ конкурренціи на рынкѣ.

I.

При изученіи сельскаго хозяйства, какъ отрасли хозяйственной дѣятельности, приходится встрѣчаться съ полной почти необоснованностью и неразработанностью теоріи его экономики. Нельзя сказать, чтобы экономическія явленія сельскаго хозяйства не привлекали вниманія изслѣдователей. Наоборотъ, въ послѣднее время въ особенности, не только у насъ въ Россіи, но и въ Зап. Европѣ интересъ и вниманіе экономической литературы къ вопросамъ экономіи сельскаго хозяйства ни сколько не меньшій, чѣмъ къ вопросамъ экономіи обрабатывающей промышленности. И между тѣмъ въ разработку экономической теоріи сельскаго хозяйства внесено все же очень мало новаго, если не считать старыхъ и хотя въ сущности не доказанныхъ, но встрѣчающихся во всѣхъ учебникахъ трюизмовъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ изъ «факторовъ производства»— природа имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ промышленности, такъ какъ земледѣльческій производитель больше отъ нея зависитъ; что сельское хозяйство примѣняетъ гораздо больше живого труда, чѣмъ промышленность; что въ сельскомъ хозяйствѣ преобла-

дастъ оборотный капиталъ, а не постоянный, какъ въ промышленности; что въ сельскомъ хозяйствѣ мелкое производство отличается, по нѣкоторымъ специфическимъ особенностямъ этой отрасли хозяйственной дѣятельности, гораздо большей устойчивостью передъ крупнымъ, сравнительно съ промышленностью и т. п.

Теоріи эволюціи сельскаго хозяйства до сихъ поръ не создано или имѣющіяся попытки въ этомъ направленіи мало обоснованы. Еще менѣе разработанъ вопросъ о формахъ сельскохозяйственнаго производства и ихъ систематизаціи. Эта глава теоретической экономіи, столь блестяще разработанная въ примѣненіи къ промышленности въ новѣйшихъ трудахъ Шмоллера, Бюхера, Зомбарта и др., совершенно отсутствуетъ въ экономической теоріи сельскаго хозяйства. Систематизація формъ сельскохозяйственнаго производства не идетъ далѣе дѣленія его на крупное, помѣщичье и мелкое, крестьянское. Такимъ образомъ необходимо признать, что или въ основу систематизаціи экономическихъ явленій кладется посторонній и преходящій сословный признакъ; или что понятію «крестьянскаго» и «не-крестьянскаго» хозяйства придается какой то чуждый имъ и не вполнѣ опредѣленный экономическій смыслъ.

Между тѣмъ ясно, что въ изученіи какой бы то ни было категоріи явленій ихъ систематика должна предшествовать и теоретическому, и историческому изученію; иначе и тому, и другому придется оперировать надъ объектомъ съ нѣсколько неопредѣленными, преходящими и расплывчатыми границами. Только систематизація можетъ внести опредѣленное и основывающееся на экономическихъ признакахъ разграниченіе подлежащихъ изученію явленій; при правильно проведенной систематизаціи станетъ невозможнымъ введеніе какихъ либо постороннихъ, не экономическихъ, напр. сословныхъ признаковъ для опредѣленія экономическихъ понятій.

Причиной такой неразработанности экономической теоріи, экономической исторіи, наконецъ экономической систематики формъ сельско-хозяйственнаго производства, по совершенно вѣрному замѣчанію Зомбарта, является то обстоятельство, что весь вопросъ о сельскохозяйственномъ производствѣ, весь такъ называемый «аграрный вопросъ или совершенно включается въ общее теченіе хозяйственнаго процесса, или трактуется въ качествѣ вполнѣ самостоятельнаго явленія». Поэтому и получается или «мертвящая всеобщность» живыхъ и носящихъ свои особенности явленій, или они выдѣляются, какъ единичныя, лишая теорію ея типичности. Между тѣмъ въ области сельскохозяйственнаго производства есть, безъ сомнѣнія, и феномены, представляющіеся особымъ образованіемъ, и явленія, не отличающіяся отъ типическихъ формъ общаго хозяйственнаго процесса.

Извѣстно, что въ общей теоріи экономическаго развитія крупнѣйшаго теоретика новѣйшей политической экономіи сельское хозяйство именно цѣликомъ включалось въ общій процессъ хозяйственнаго развитія и его теорію въ этомъ отношеніи задѣла именно «мертвящая всеобщность». Какъ извѣстно, основной идеей доктрины Маркса о теоріи развитія современнаго капиталистическаго строя является ученіе о концентраціи средствъ производства, посредствомъ вытѣсненія мелкой промышленности крупною, посредствомъ экспропріаціи мелкихъ производителей крупнымъ капиталомъ. Въ то время, какъ на верхахъ современнаго капиталистическаго общества происходитъ накопленіе (accumulation) и концентрація (concentration) капиталовъ [1]), въ то время, какъ здѣсь средства производства обобществляются все болѣе въ крупныя производственныя единицы,—на низахъ капиталистическаго общества происходитъ экспропріація мелкихъ производителей, обращеніе ихъ въ безправныхъ и безхозяйныхъ слугъ капитала—пролетаріевъ [2]), пока такая концентрація средствъ производства не приведетъ современный буржуазный строй силою логической необходимости дальнѣйшаго обобществленія къ новому соціальному порядку и пока «экспропріирующіе не будутъ экспропріированы» [3]).

---

[1]) «*Капиталъ*» I, 548.

[2]) «Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ—т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала,—накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія». I, 565.

[3]) «Вмѣстѣ съ постепенно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплоатація; но увеличивается также и сопротивленіе рабочаго класса, который постоянно возрастаетъ..... и объединяется механизмомъ капиталистическаго способа производства. Монополія капитала становится помѣхой для того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой степени, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующихъ экспропріируютъ». *Капиталъ* I, 667.

Хотя давая свою схему историческаго хода развитія современнаго капиталистическаго общества, Марксъ говоритъ большею частью объ обрабатывающей промышленности, но и тенденція развитія современнаго сельскаго хозяйства представляется ему вполнѣ соотвѣтствующей этой схемѣ: вытѣсненіе мелкаго самостоятельнаго производителя крупнымъ, экспропріація мелкаго крестьянства и обращеніе его въ «свободнаго» пролетарія, разореніе мелкаго хозяйства крупнымъ капиталистическимъ. Нужно даже замѣтить, что это положеніе о тождествѣ исторической тенденціи развитія сельскохозяйственной промышленности съ обрабатывающей нигдѣ спеціально не развивается, какъ не требующее доказательства. Если яркимъ доказательствамъ подчиненія мелкой промышленности капиталу отводятся сотни страницъ, то вопросъ о тенденціи развитія сельскаго хозяйства почти обходится, считаясь рѣшеннымъ въ общей теоріи развитія капиталистическаго общества. Дѣйствительно, приводимые въ наиболѣе важномъ для этого вопроса отдѣлѣ «о накопленіи» факты земледѣльческаго быта того времени — «очистка» имѣній, экспропріація сельскаго населенія, разрушеніе общиннаго землевладѣнія — служатъ скорѣе лишь иллюстраціей «идиллистическихъ способовъ первоначальнаго накопленія», являющихся необходимымъ матеріаломъ для развитія промышленнаго капитализма и создающихъ «необходимый приливъ свободныхъ пролетаріевъ къ промышленности». Если даже экспропріаціей сельскаго населенія дѣйствительно «было завоевано поле для капиталистическаго земледѣлія» [1]) — то насколько успѣшно и въ какихъ именно формахъ на этомъ полѣ стала развиваться капиталистическая земледѣльческая промышленность—представляется невыясненнымъ. По крайней мѣрѣ отвѣтъ на поставленный самимъ же авторомъ вопросъ: «откуда же взялись капиталисты, такъ какъ экспропріація крестьянъ создаетъ непосредственно только крупныхъ землевладѣльцевъ» — лишь въ общихъ чертахъ намѣчаетъ типъ перваго капиталиста въ земледѣліи, «капиталистическаго фермера», совершенно не затрагивая вопроса о конкретныхъ формахъ разрушенія докапиталистическаго сельскаго хозяйства, о процессѣ и причинахъ, о формахъ и послѣдствіяхъ замѣны его капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ.

[1]) L. c. I. 641.

По характеру того фактическаго матеріала, которымъ пользовался Марксъ, и невозможно было представить такую же яркую картину развитія земледѣльческаго капитализма, какъ для промышленнаго; за то тѣмъ болѣе легко было нарисовать его по аналогіи съ промышленнымъ капитализмомъ. Въ его время промышленный капитализмъ развился уже достаточно сильно, язвы, причиняемыя имъ современному обществу, были настолько обнажены, сопротивленіе угнетенныхъ противъ угнетателей было уже настолько подготовлено, что выяснить сущность и тенденцію капиталистической промышленности представлялось менѣе труднымъ. Въ земледѣліи же для капитала было только «расчищено поле», но и въ этомъ отношеніи экспропріація земледѣльческаго населенія была болѣе характерна, какъ факторъ капиталистическаго развитія промышленности, какъ первоисточникъ и способъ созданія рабочихъ массъ, чѣмъ для земледѣлія. Сама по себѣ она не рѣшала главнаго вопроса ни о большей успѣшности приложенія крупнаго капитала въ земледѣліи предъ мелкимъ, ни о силѣ сопротивляемости мелкаго земледѣльческаго производства крупному, ни о какихъ либо особенностяхъ земледѣльческаго производства.

Позднѣйшія статистическія сельскохозяйственныя обслѣдованія и въ особенности данныя хозяйственныхъ повторныхъ переписей, въ концѣ прошлаго столѣтія произведенныхъ въ Германіи и другихъ странахъ, выдвинули въ теоріи экономическаго развитія сельскаго хозяйства рядъ новыхъ вопросовъ и фактовъ, нѣсколько противорѣчащихъ, повидимому, той полной общности процесса развитія сельскаго хозяйства, какъ предполагалъ Марксъ. И въ той же самой школѣ, среди его учениковъ и послѣдователей начинается движеніе въ сторону полнаго обособленія явленій сельскохозяйственнаго экономическаго развитія отъ общаго процесса развитія. Данныя современнаго сельскаго хозяйства, говоритъ Бернштейнъ, «противорѣчатъ всему, что до сихъ поръ принимала соціалистическая теорія; концентрація сельскохозяйственной промышленности идетъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ полагалъ Марксъ» [1]). Теоретикъ «пересмотра» Э. Давидъ признаетъ, что лишь авторитетъ Маркса и произведеннаго имъ анализа производства мѣшалъ до сихъ поръ искать причины неправильности прогноза Маркса относительно сельскаго хозяйства «въ специфическихъ особенно-

[1]) *E. Bernstein.* Die Voraussetzungen d. Socialismus. Stut. 1899. 61—65.

стяхъ самаго сельско-хозяйственнаго производства» [1]). Даже Каутскій, хотя и съ оговорками, но все же весьма опредѣленно приходитъ къ заключенію, что «сельское хозяйство развивается не по тому шаблону, какъ индустрія; оно слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ» [2]). Итакъ, на протяженіи всего лишь трехъ десятилѣтій въ одной и той же экономической школѣ теорія единства экономической эволюціи сельскаго хозяйства и промышленности смѣнилась теоріей о болѣе или менѣе полной особенности законовъ эволюціи сельскаго хозяйства.

Впрочемъ, нужно сказать, что Каутскій, остающійся вѣрнымъ прежней догмѣ, не смотря на приведенное мнѣніе, ставитъ вопросъ на иную — и совершенно вѣрную почву: въ выясненіи эволюціи сельскаго хозяйства, говоритъ онъ, важнѣйшимъ вопросомъ является не то, имѣетъ ли въ немъ преимущество крупное или мелкое хозяйство, происходитъ ли концентрація производства, а то, «овладѣваетъ ли капиталъ сельскимъ хозяйствомъ и какимъ образомъ ему это удается, совершаетъ ли онъ въ немъ переворотъ, приводитъ ли къ тому, что прежнія формы производства и собственности оказываются отжившими и вызываетъ ли онъ необходимость новыхъ». Другими словами—изъ чистой теоріи, изъ догмы вопросъ переносится на историческую почву, и хотя обсужденію стараго вопроса о преимуществахъ мелкаго или крупнаго сельскаго хозяйства, о концентраціи производства удѣляется все еще значительное мѣсто, однако въ общемъ «аграрный вопросъ» все же трактуется уже какъ историческій вопросъ о разрушеніи докапиталистическаго натуральнаго строя, о развитіи капиталистическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ, о капитализаціи сельскохозяйственнаго производства.

Но для ясности изученія современныхъ формъ сельскохозяйственнаго производства нельзя ограничиться однимъ лишь историческимъ изученіемъ происхожденія современныхъ формъ сельскохозяйственнаго производства изъ разрушенія предшествовавшихъ имъ формъ докапиталистическаго производства и натуральнаго хозяйства. Параллельно съ этимъ должна быть построена, какъ сказано, и систематика современныхъ формъ организаціи сельскохозяйственнаго производства. Для правильности построенія этой системы необходимо, чтобы въ основу ея былъ положенъ извѣстный принципъ историческаго развитія. Для современнаго хозяйственнаго капиталистическаго строя этимъ принципомъ является степень развитія капиталистическихъ отношеній, степень капитализаціи сельскаго хозяйства.

[1]) *E. David.* Socialismus und Landwirtschaft. Berl. 1903.

[2]) *Kautsky.* Die Agrarfrage. Stut. 1899, 5.

Этотъ принципъ, т. е. развитіе капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ въ новѣйшей экономической литературѣ дѣйствительно и кладется въ основу изученія сущности современнаго сельскохозяйственнаго развитія. Однако, при анализѣ съ помощью этого принципа современныхъ сельскохозяйственныхъ формъ ему придается большею частью слишкомъ абсолютное значеніе. Предполагается, что лишь тѣ хозяйственныя и въ частности сельскохозяйственныя организаціи могутъ быть пріобщены къ капиталистическимъ, въ которыхъ *производство* организовано капиталистически. Вмѣстѣ съ тѣмъ и систематика современныхъ формъ сельскохозяйственныхъ организацій исчерпывается дѣленіемъ ихъ на капиталистическія и некапиталистическія производства, при чемъ среди послѣднихъ главное мѣсто занимаетъ «крестьянское» производство.

Между тѣмъ, для характеристики положенія какой-либо хозяйственной организаціи въ общей системѣ важно не только степень капитализаціи производства, а еще болѣе—степень развитія капиталистическихъ отношеній во всемъ хозяйственномъ строѣ во всей его совокупности, т. е. не только въ производствѣ, но и напр. въ обмѣнѣ. Для сельскаго хозяйства это представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что процессъ капитализаціи производства идетъ вообще очень медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ въ промышленности, и пережитки старыхъ, некапиталистическихъ формъ въ сельскохозяйственномъ строѣ гораздо болѣе устойчивы и гораздо болѣе распространены. Поэтому и систематика современныхъ формъ организаціи сельскохозяйственнаго производства должна быть гораздо болѣе сложной, чѣмъ простое и единственно употребляющееся до сихъ поръ дѣленіе ихъ на капиталистическія и некапиталистическія, «крестьянскія». Если даже и употреблять этотъ послѣдній терминъ въ обозначеніе извѣстной весьма многочисленной и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно однородной группы сельскохозяйственныхъ организацій, то во всякомъ случаѣ при этомъ невозможно ограничиться только такимъ сословнымъ признакомъ, а необходимо должна быть указана и степень затронутости этой хозяйственной формы капиталистическими отношеніями или наоборотъ свободы отъ

нихъ; должно быть по крайней мѣрѣ указано, въ какомъ именно смыслѣ это крестьянское хозяйство можетъ квалифицироваться, какъ некапиталистическое, и къ какимъ именно некапиталистическимъ организаціямъ въ общей системѣ хозяйственныхъ формъ оно можетъ быть приравнено.

Но не только для систематическаго, но и для историческаго изученія медленность развитія капиталистическихъ отношеній, постепенность развитія капиталистическихъ принциповъ въ сельскомъ хозяйствѣ имѣетъ важное значеніе. Развитіе капиталистическихъ отношеній, господство капитала и капиталистическихъ принциповъ вообще никогда не начинается съ подчиненія имъ непосредственно и сразу сферы производства: производительному капиталу въ общей экономической эволюціи всегда предшествуетъ торговый капиталъ, капиталистическому производству—капиталистически организованный обмѣнъ. Поэтому, чтобы прослѣдить образованіе современныхъ формъ сельскаго хозяйства, недостаточно взять въ разсмотрѣніе только процессъ развитія капиталистическаго производства — это будетъ уже завершеніемъ развитія капитализма — но необходимо разсмотрѣть зарожденіе въ сельскомъ хозяйствѣ болѣе раннихъ феноменовъ капитализма. Ими будутъ прежде всего: экспропріація сельскаго населенія, разрушеніе натуральнаго сельскохозяйственнаго строя, возникновеніе сельскохозяйственнаго рынка и образованіе на развалинахъ натуральнаго сельскохозяйственнаго строя торговаго капитала. Только послѣ расцвѣта капиталистическихъ отношеній въ области сельскохозяйственнаго обмѣна начинается и капитализація сельскохозяйственнаго производства. На извѣстной стадіи развитія чисто капиталистическія отношенія и явленія въ сферѣ сельскохозяйственнаго обмѣна могутъ уживаться съ некапиталистическимъ производствомъ. А это, конечно, придаетъ гораздо большую сложность системѣ современныхъ формъ организаціи сельскохозяйственнаго производства, чѣмъ простое обычное дѣленіе ихъ на капиталистическія и некапиталистическія, частновладѣльческія-предпринимательскія и крестьянскія.

Разсмотрѣнію всѣхъ этихъ вопросовъ и посвящены нижеслѣдующія главы. Необходимость выдѣлить и болѣе значительно подчеркнуть нѣкоторыя явленія и стороны сельскохозяйственнаго развитія заставляетъ предпослать небольшое общаго характера введеніе. Дѣлая попытку систематизаціи современныхъ формъ организаціи сельскохозяйственнаго производства, авторъ не задавался цѣлью

вводить въ нее какихъ либо новыхъ терминовъ, считая вполнѣ возможнымъ воспользоваться терминологіей системъ обрабатывающей промышленности, хотя бы нѣкоторые изъ этихъ терминовъ въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и могли звучать нѣсколько, на первый разъ, странно.

Главная же часть книги посвящена разсмотрѣнію всѣхъ намѣченныхъ вопросовъ въ примѣненіи къ Россіи и къ ея сельскохозяйственному развитію. Какъ на развалинахъ русскаго натуральнаго земледѣльческаго хозяйства возникала и проходила для земледѣльческаго хозяйства «эпоха ранняго капитализма»? Какъ произошло въ нѣдрахъ натуральнаго строя самое зарожденіе капитала, капиталистическихъ принциповъ, инстинктовъ накопленія? Какими путями и способами эти принципы и инстинкты проникли и разрушили старый хозяйственный укладъ и строй? Насколько, наконецъ, новые принципы развились, утвердились и какое вліяніе къ концѣ концовъ они оказали на общее сельскохозяйственное развитіе?

На всѣ эти отвѣты наша экономическая, и въ частности сельскохозяйственная исторія, не смотря на свою неразработанность, даетъ все же нѣкоторые характерные отвѣты и можетъ быть будетъ не лишне посмотрѣть на эти первые шаги капиталистическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ — которыми всегда бываютъ разрушеніе натуральнаго сельскохозяйственнаго строя и возникновеніе капиталистическаго сельскохозяйственнаго рынка.

II.

Торговый капиталъ, какъ предшественникъ капитала производительнаго и характеръ процесса первоначальнаго накопленія.

По одному изъ новѣйшихъ опредѣленій, капитализмомъ называется такое хозяйство, при которомъ специфической формой его является капиталистическое предпріятіе, т. е. «такая форма хозяйства, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы при помощи извѣстной суммы договорныхъ условій относительно оплачиваемыхъ деньгами дѣйствій и отвѣтныхъ дѣйствій реализировать вещественное имущество, т. е. воспроизводить его собственнику съ приростомъ. Иму-

щество, которое используется такимъ образомъ, называется капиталомъ» [1]).

Такимъ образомъ по этому опредѣленію главнымъ признакомъ капиталистической формы хозяйства является извѣстная цѣль капиталистическаго предпринимателя, которая выражается въ томъ, что онъ стремится не просто къ полученію тѣхъ или иныхъ конкретныхъ матеріальныхъ благъ, а къ отвлеченной цѣли — полученію прибыли, въ чемъ-бы она ни заключалась. Хотя этотъ признакъ— производство въ цѣляхъ полученія прибыли—свойствененъ не только капиталистическому хозяйству (рабовладѣльческое хозяйство древности, современныхъ колоній), но капиталистическое хозяйство представляется наиболѣе совершеннымъ и законченнымъ типомъ хозяйства для полученія прибыли. Этимъ признакомъ, съ другой стороны, капиталистическое хозяйство отличается отъ цѣлаго ряда другихъ хозяйственныхъ формъ, цѣлью производства которыхъ является не полученіе прибыли, а удовлетвореніе собственныхъ потребностей. «Эти два принципа раздѣляютъ въ сущности два міра и смотря по тому, который изъ нихъ господствуетъ надъ производствомъ, это различіе цѣлей производства имѣетъ рѣшающее значеніе для всего строя хозяйственной жизни» [2]).

Понятно, что лишь въ смыслѣ схемы, въ теоріи можно говорить о строгомъ разграниченіи этихъ цѣлей и этихъ формъ хозяйства, такъ какъ въ историческомъ развитіи народнаго хозяйства онѣ не только могутъ неоднократно смѣнять другъ друга, но и существуютъ часто совмѣстно, частью сливаясь, часто видоизмѣняясь подъ взаимнымъ вліяніемъ. Если и можно сказать, что на первобытныхъ ступеняхъ развитія хозяйственнаго быта преобладаетъ производство для удовлетворенія собственныхъ потребностей, въ болѣе же развитыхъ — принципъ полученія прибыли, то съ другой стороны и въ древнемъ хозяйствѣ встрѣчаются такія организаціи, въ которыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ господствовалъ принципъ обогащенія и полученія прибыли, и въ болѣе развитыхъ формахъ хозяйства могутъ встрѣчаться (въ особенности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда, какимъ именно и представляется сельское хозяйство) предпріятія, основанныя въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей. Да, наконецъ, и самая совершенная и развитая форма —

[1]) *Зомбартъ.* Современный капитализмъ, кн. II, от. I, 206.
[2]) Ibid, стр. 65.

будущее соціалистическое хозяйство по этой классификаціи относится къ категоріи хозяйственныхъ организацій, основанныхъ на удовлетвореніи собственныхъ потребностей.

Такимъ образомъ въ ряду формъ хозяйственныхъ организацій, основанныхъ въ цѣляхъ полученія прибыли, капиталистическая форма хозяйства является лишь одной изъ историческихъ стадій, правда, наиболѣе полно развившей и наиболѣе послѣдовательно проводящей господствующій принципъ добыванія прибыли. Обладая этой цѣлью, отвлеченною и безграничною, капиталистическое предпріятіе можетъ развивать непомѣрную энергію для достиженія ея, захватывая самыя разнообразныя отрасли и виды народнаго труда— будетъ ли то собственно производительныя предпріятія, т. е. основанныя для производства вещественныхъ благъ, будутъ ли это предпріятія для предложенія услугъ, для доставленія кредита, для транспорта и т. п. Но какъ бы ни были разнообразны и разнородны эти формы и проявленія капиталистическаго предпріятія, одна, общая имъ всѣмъ цѣль—полученіе прибыли—достигается одними и тѣми же способами и средствами. Эти средства заключаются въ томъ, чтобы суммой свободныхъ договорныхъ соглашеній, относительно оцѣниваемыхъ на деньги дѣйствій и отвѣтныхъ дѣйствій на нихъ, поставить техническаго работника, исполнителя извѣстныхъ дѣйствій и услугъ, въ извѣстныя отношенія къ той матеріальной силѣ, которая движетъ капиталистическимъ предпріятіемъ, къ капиталу, въ конкретной и реальной формѣ представляемому въ видѣ собственника этого капитала, въ видѣ главы капиталистическаго предпріятія. Каковы бы ни были разновидности и функціи такого капиталистическаго предпріятія, его внѣшняя форма, его оболочка всегда и вездѣ представляется, теоретически, одинаковой, покоясь на извѣстныхъ, фиксированныхъ для данной исторической стадіи хозяйственнаго строя принципахъ и отношеніяхъ матеріальныхъ производительныхъ силъ, т. е. на отношеніяхъ труда и капитала въ конкретной формѣ ихъ носителей — наемнаго капиталистическаго работника и капиталистическаго предпринимателя. Это, достигающее полной законченности въ капиталистическомъ предпріятіи раздѣленіе матеріальныхъ производительныхъ силъ и ихъ извѣстное соотношеніе въ производствѣ, ведущее къ такому же соотношенію ихъ носителей — соціальныхъ массъ, участвующихъ въ производствѣ классовъ, требуетъ, конечно, и цѣлаго ряда условій: экономическихъ, соціальныхъ, моральныхъ и матеріальныхъ, ко-

торыя въ совокупности и создаютъ формы быта, лежащія въ основаніи современнаго капиталистическаго буржуазнаго общества. Эти условія — полная юридическая свобода («свобода, равенство, братство»), «священное» право собственности, извѣстный уровень развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Чѣмъ развитѣе и законченнѣе форма капиталистическаго хозяйства, тѣмъ болѣе окрѣпшими, тѣмъ болѣе широкими должны быть эти предварительныя условія развитія капитализма. Съ другой стороны, чѣмъ лучше подготовлена и чѣмъ болѣе удобрена соціальная почва для развитія капиталистическаго предпріятія, чѣмъ пышнѣе его расцвѣтъ, тѣмъ тѣснѣе связь между двумя противоположными производительными силами, между двумя противоположными соціальными массами — классомъ рабочихъ и классомъ работодателей; связь, выражающаяся все въ большемъ подчиненіи одной производительной силы и одной соціальной массы другой.

Въ этомъ отношеніи, какъ въ различныхъ видахъ капиталистическаго предпріятія, такъ и въ историческомъ развитіи капитализма эта связь, это подчиненіе производителя матеріальной силѣ капитала и капиталисту выражается въ различныхъ по силѣ формахъ. Въ настоящее время господство и регулирующая роль капитала и капиталиста сказывается въ наиболѣе полной степени въ *производительномъ* капиталистическомъ предпріятіи, гдѣ владѣльцу капитала принадлежитъ руководство производительнымъ процессомъ во всѣхъ его стадіяхъ, тогда какъ въ *торговомъ* капиталистическомъ предпріятіи владѣльцу капитала принадлежитъ господство надъ продуктомъ лишь въ сферѣ его обращенія уже послѣ того, какъ онъ выйдетъ законченнымъ изъ производства. Въ историческомъ же развитіи капитализма торговому капиталистическому предпріятію и торговому капиталу принадлежитъ роль первоначальной стадіи развитія. «Не только торговля, но и торговый капиталъ старѣе капиталистическаго способа производства и исторически является въ дѣйствительности самымъ стариннымъ свободнымъ видомъ существованія капитала» [1]).

Необходимость тѣхъ условій, о которыхъ мы упомянули выше, для существованія и развитія капиталистическаго предпріятія вообще, а въ особенности развитыхъ его формъ, объясняютъ также и то, почему торговый капиталъ является первой исторической фор-

[1]) *Марксъ*, Капиталъ III, 259.

мой капитала, задолго до того времени, когда появляется производительный капиталъ и когда само производство подчиняется капиталу. Такъ какъ торговый капиталъ подчиняетъ себѣ продуктъ лишь въ сферѣ обращенія его, не воздѣйствуя на самое производство, такъ какъ цѣль его—содѣйствовать лишь обмѣну товаровъ, то для его существованія вовсе не необходимы тѣ условія, которыя требуются для производительнаго капиталистическаго предпріятія. Ни отсутствіе свободнаго труда, ни низкій уровень техники и развитія производительныхъ силъ, ни отсутствіе частной собственности на землю и орудія производства не представляются тѣми препятствіями для развитія торговаго капитала, какими они являются для производительнаго капитализма: торговый капиталъ возникаетъ и завладѣваетъ сферой обращенія и при рабскомъ, и при крѣпостномъ трудѣ, такъ же какъ и при свободномъ; и при общинномъ и нераздѣльномъ владѣніи землей, какъ и при частной земельной собственности; и при господствѣ крупнаго, такъ же какъ и мелкаго хозяйства.

Единственно, что необходимо для торговаго капитала—это возможность товарнаго и денежнаго обращенія, независимо отъ того, представляетъ ли производство во всемъ своемъ размѣрѣ товарное производство, т. е. производство предметовъ, самихъ по себѣ предназначающихся на продажу; или товарный характеръ получаютъ только тѣ продукты, которые представляютъ избытокъ сверхъ собственнаго потребленія самостоятельнаго и независимаго хозяйства, и только тогда, когда они оказываются излишними для собственнаго хозяйства. Даже болѣе того: нельзя признать, что «торговля требуетъ изготовленія *излишняго* продукта, предназначеннаго вступить въ обмѣнъ, для того, чтобы увеличить предметъ потребленія и богатства производителей» [1]). При нѣкоторыхъ условіяхъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ полнѣе и совершеннѣе торговый капиталъ завладѣлъ сферой обращенія, и чѣмъ менѣе капиталистически организовано само производство, вполнѣ возможенъ, а часто становится необходимымъ сбытъ такихъ продуктовъ и въ такихъ размѣрахъ, которые не представляютъ излишка, остающагося сверхъ удовлетворенія всѣхъ хозяйственныхъ потребностей производителя, а наоборотъ являются крайне необходимыми для самаго хозяйства предметами. Не заботясь объ успѣшности и продуктивности производства, а

[1]) *Марксъ*, Капиталъ III, 260.

лишь о воспроизведеніи прибыли въ процессѣ обращенія, торговый капиталъ не только не смотритъ на правильность хозяйственнаго потребленія и воспроизведенія благъ, но наоборотъ стремится втянуть въ сферу обращенія возможно бо́льшее количество продуктовъ, хотя бы это вредно отзывалось на производительной дѣятельности и на условіяхъ существованія производителей. Массовыя покупки—массовыя продажи являются по необходимости условіемъ существованія торговаго капитала въ его стремленіи къ полученію прибыли. Понятно также поэтому, что чѣмъ менѣе развито само производство, чѣмъ менѣе законченъ процессъ его обобществленія, тѣмъ могущественнѣе и вліятельнѣе роль торговаго капитала, какъ самостоятельнаго посредника въ обмѣнѣ, тѣмъ сильнѣе его стремленіе и способность высасыванія продуктовъ изъ рукъ производителя, тѣмъ быстрѣе идетъ сосредоточеніе въ рукахъ торговцевъ крупныхъ состояній въ формѣ торговаго капитала—пока измѣненіе самихъ условій производства не предоставитъ возможности превращенія торговаго капитала въ высшую его форму, въ капиталъ прозводительный [1]).

Какъ же возникаетъ эта первоначальная историческая форма капитала? Какова роль торговаго капитала въ общемъ ходѣ экономическаго развитія и въ отдѣльныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства?

Несмотря на то, что крупная роль торговаго капитала выдвигается въ дѣйствительности уже самыми ранними историческими эпохами, однако въ общей исторической схемѣ экономическаго развитія преобладаніе и господство торговаго капитала является далеко не на первыхъ стадіяхъ экономической жизни. Съ другой стороны– въ особенности для нѣкоторыхъ отраслей хозяйственной жизни—его значительная роль сохраняется и тогда, когда общее экономическое развитіе далеко опередило тѣ условія, которыя вызывали необходимость самостоятельнаго существованія торговаго

[1]) «Чѣмъ менѣе развито производство, тѣмъ слѣдовательно больше будетъ сосредоточиваться денежное состояніе въ рукахъ купцовъ, или тѣмъ оно больше будетъ являться въ специфической формѣ купеческаго состоянія... Самостоятельное и преобладающее развитіе капитала въ видѣ купеческаго капитала, равнозначуще съ неподчиненіемъ производства капиталу, слѣдовательно съ такимъ развитіемъ капитала, которое основывается на общественной формѣ производства, ему чуждой и отъ него независимой. Слѣдовательно, самостоятельное развитіе купеческаго капитала находится въ обратномъ отношеніи къ общему экономическому развитію общества». *Маркса*, Капиталъ, III, 260—61.

капитала, какъ особой экономической категоріи и его обособленія отъ производительнаго капитала.

Извѣстно, что первоначальной стадіей хозяйственнаго развитія, является та форма хозяйства, которая обозначается большею частью именемъ «натуральнаго» хозяйства, и которая существуетъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ лишь на первобытныхъ ступеняхъ экономическаго развитія, въ модифицированномъ же видѣ долгое время является присущей значительно болѣе развитымъ экономическимъ эпохамъ въ качествѣ частныхъ и мѣстныхъ явленій. Характерной чертой этого «натуральнаго» хозяйства является не натуральное обращеніе внутри его, какъ первоначально было установлено первымъ изслѣдователемъ, принявшимъ такое подраздѣленіе [1]), но его замкнутый, самодовлѣющій характеръ [2]). Типичной же исторической формой такого хозяйства, помимо первобытныхъ доисторическихъ родовыхъ и общиныхъ хозяйствъ, является такъ называемое ойкосное хозяйство древности или помѣстное хозяйство средневѣковья.

Природа ойкоснаго хозяйства достаточно ясно и подробно выяснена творцомъ этой исторической схемы, Родбертусомъ, равно какъ въ дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса и другими авторами, принимающими въ цѣломъ или съ нѣкоторыми видоизмѣненіями его схему [3]). Понятно, что она является именно только схемой, или, какъ выражается популяризаторъ Родбертусовской теоріи ойкоснаго хозяйства, «не исторіей, а лишь теоріей хозяйства». Дѣйствительно, вполнѣ замкнутаго и самодовлѣющаго хозяйства не встрѣчается даже на первыхъ ступеняхъ исторической жизни Греціи и Рима: обмѣнъ продуктами долженъ былъ существовать между обособившимися уже тогда familia urbana и familia rustica [4]), между отдѣльными общинами. Обмѣнъ этотъ былъ не только широко распространенъ, но и вполнѣ организованъ, происходилъ на опредѣлен-

[1]) *Hildebrandt*, Nationalökonomie d. Gegenwart und Zukunft. 1848.

[2]) Именно въ этомъ смыслѣ совпадаютъ понятія «замкнутаго домашняго хозяйства» *Бюхера* (Die Entstehung d. Volkswirtschaft, 4 Aufl. Tüb. 1904, 110), «индивидуальнаго хозяйства» *Зомбарта* (Современный капитализмъ, Т. I, стр. 70) а частью и «деревенскаго хозяйства» *Шмоллера* (Jahrbuch f. Gesetzgebung etc., 1890—93).

[3]) *Ср. Rodbertus*, Jahrbücher f. Nationalökonomie, 1865, IV; *Bücher* l. c., *Philippowich*, Grundriss d. politischen Oekonomie, IV Aufl. Tüb. 1901 и др.

[4]) *Гревсъ*, Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія Спб. 99. 497—515.

ныхъ крупныхъ рынкахъ не только въ натуральной, но и въ денежной и даже въ кредитной формѣ [1]). При довольно значительномъ развитіи крупныхъ рабовладѣльческихъ предпріятій, хозяйство такой familiae, всегда имѣло значительные избытки продуктовъ и входя въ живой обмѣнъ съ другими хозяйственными единицами, могло задаваться и часто задавалось въ своемъ производствѣ продуктовъ не цѣлями личнаго ихъ потребленія, но цѣлями обмѣна, цѣлями полученія прибыли и ея накопленія. Конечно, этимъ самымъ нисколько не подрывается научная правильность Родбертусо-Бюхеровской теоріи, какъ исторической схемы. При сложности соціальной жизни каждый историческій моментъ ея заключаетъ въ себѣ и элементы, уже отжившіе, пережитки даже глубокой древности, такъ же какъ въ зачаточной стадіи и элементы лишь назрѣвающаго будущаго.

Поэтому форма замкнутаго хозяйства, далеко не являясь исключительной и единственной даже въ древніе періоды исторіи, представляется характерной и для гораздо болѣе позднихъ вѣковъ, когда несмотря на крупнѣйшія перемѣны въ народномъ хозяйствѣ, несмотря на все бо́льшее обобществленіе его, отдѣльныя хозяйственныя единицы все еще могутъ оставаться обособленными, самоудовлетворяющимися, производящими свои продукты лишь въ цѣляхъ собственнаго потребленія внутри себя, а не въ цѣляхъ обмѣна и не ради полученія прибыли, т. е. лишенными капиталистическихъ буржуазныхъ инстинктовъ накопленія. Разложеніе этихъ хозяйственныхъ единицъ новыми стремленіями, новымъ духомъ—стремленіемъ къ полученію прибыли и ея накопленія—выработка соотвѣтственной новой организаціи начинается, какъ извѣстно, съ возникновеніемъ городовъ и рынковъ, съ обособленіемъ особыхъ промышленныхъ классовъ городского населенія, съ развитіемъ обмѣна между группами разнородныхъ хозяйствъ, прежде всего между ремесленными городскими хозяйствами и земледѣльческими хозяйствами деревни. Этотъ процессъ, развивавшійся въ теченіе всего европейскаго средневѣковья и преобразовалъ къ новѣйшему времени хозяйственный строй Европы изъ замкнутости и обособленности отдѣльныхъ самоудовлетворяющихся хозяйственныхъ единицъ въ обобществленныя формы современнаго капиталистическаго, получающаго прибыль и накопляющаго хозяйства. Въ этомъ процессѣ образованіе

[1]) *Bücher*. l. c., s. 119—121.

и вліяніе торговаго капитала, какъ первой формы и средства накопленія, имѣло если и не рѣшающую, то все же весьма видную роль: его зарожденіе ведетъ къ крупнѣйшимъ измѣненіямъ въ сферѣ обращенія и обмѣна продуктовъ; его накопленіе и стремленіе къ подчиненію себѣ не только области обмѣна, но и самого производства ведетъ къ крупнѣйшимъ измѣненіямъ въ организаціи производства. Даже тогда, когда развившееся въ чистыя капиталистическія формы производство эмансипируется отъ вліянія торговаго капитала, воздѣйствіе его въ общемъ строѣ хозяйства чувствуется еще долго и сильно.

Если торговый капиталъ старѣе, чѣмъ производительный капиталъ, то сама торговля вообще гораздо старѣе, чѣмъ торговый капиталъ. Первый шагъ, который сдѣлало натуральное хозяйство для разрушенія своей замкнутости былъ простой обмѣнъ продуктами in natura самими производителями, безъ внѣшняго посредничества. Но даже и тогда, когда денежный обмѣнъ уже смѣнилъ этотъ малоподвижный способъ обмѣна, весь процессъ его еще долгое время остается непосредственно въ рукахъ у производителей. На безчисленныхъ рынкахъ и городахъ средневѣковья сходились прежде всего сами производители, сначала просто обмѣнивавшіе, затѣмъ продававшіе и покупавшіе, но безъ посредниковъ свои произведенія. Каждый производитель является вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстные періоды и торговцемъ, но торговцемъ не профессіоналомъ, покупающимъ товары для дальнѣйшей перепродажи, а продающимъ лишь продукты собственнаго производства. Наконецъ, даже и при возникновеніи нѣкоторыхъ чертъ профессіонализма, т. е. при развитіи торговли двусторонней, основывающейся на покупкѣ товаровъ съ цѣлью ихъ перепродажи, эта торговля первоначально также находится не въ рукахъ обособленнаго класса, а въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ по тѣмъ или другимъ причинамъ временно отдающимся этому занятію [1]).

Но и съ того времени, когда торговля переходитъ въ руки особаго класса профессіоналистовъ еще далеко до возникновенія торговаго капитала и капиталистической торговли. Первоначальные

[1]) «Охотно занимаются ею богатые люди: помѣщики, высшіе чиновники и тому подобныя лица... Въ средніе вѣка въ Европѣ... всѣ значительныя торговыя операціи производились совсѣмъ не купцами. Тѣми категоріями, которыя разсматриваются какъ торговцы... были всѣ, кто владѣлъ имуществомъ». *Зомбартъ*. Современный капитализмъ I, 172, 199.

профессіональные представители торговли ни по объему ихъ оборотовъ, ни по соціальному положенію своему, совершенно не являются въ видѣ купцовъ-капиталистовъ. По объему ихъ оборота, «это были ремесленныя единицы... Специфически ремесленный характеръ торговца стараго покроя обнаруживается прежде всего въ своеобразности той цѣли, которую онъ себѣ ставилъ. Въ глубинѣ души и онъ руководится ни чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ къ барышу, но не въ смыслѣ современнаго предпринимателя; онъ не желаетъ ничего другого, какъ того, чтобы трудомъ своихъ рукъ обезпечить себѣ сносное содержаніе, соотвѣтствующее его состоянію, не больше и не меньше того; при этомъ вся его дѣятельность находится подъ вліяніемъ мысли о пропитаніи [1])».

Профессіональная средневѣковая торговля носитъ на себѣ отпечатокъ чисто ремесленнаго характера, т. е. представляется лишенной инстинктовъ накопленія. Только съ разложеніемъ ремесленной организаціи хозяйства и обгоняя его, торговый капиталъ начинаетъ постепенно проникать въ разныя сферы хозяйственной жизни, приготовляя почву для капитала производительнаго и являясь для него однимъ изъ факторовъ «первоначальнаго накопленія». Само первоначальное накопленіе, выросшее въ формѣ торговаго капитала, зародилось однако не въ нѣдрахъ средневѣковой ремесленной торговли или ремесленной промышленности.

Какъ можно считать въ настоящее время установленнымъ, тѣ денежныя богатства, которыя были накоплены къ началу капиталистическаго періода и послужили къ образованію промышленнаго капитала, едва-ли могли быть, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, накоплены отъ прибылей до-капиталистической торговли или до-капиталистической ремесленной промышленности; доходы и сбереженія той и другой были, повидимому слишкомъ ничтожными для этого, и накопленіе капитала въ этой сферѣ могло быть дѣломъ лишь исключительно благопріятныхъ и единичныхъ условій: «рѣшительный моментъ образованія капитала надо искать внѣ сферы нормальныхъ хозяйственныхъ отношеній промышленнаго характера» [2]).

Однако, съ другой стороны исторія первоначальнаго накопленія происходила, повидимому, и не такъ, какъ предполагаетъ Марксъ, говоря, что исторія первоначальнаго накопленія записана въ лѣ-

[1]) Ibid, стр. 182.

[2]) Ibid, стр. 230 и слѣд.

тописяхъ человѣчества «кровью и желѣзомъ» и что въ ней «наиболѣе выдающимися событіями были перевороты, въ особенности же тѣ моменты, когда огромныя массы людей внезапно и насильственно отторгались отъ средствъ ихъ существованія и выбрасывались на рабочій рынокъ, какъ свободные и незакрѣпленные пролетаріи» [1]).

Повидимому, въ исторіи первоначальнаго накопленія естественные экономическіе факторы, способствующіе образованію и концентраціи капитала, играли не меньшую роль, чѣмъ «кровь и желѣзо» и само накопленіе происходило болѣе медленно. Съ одной стороны, выдѣленіе изъ земледѣльческаго населенія и сосредоточеніе въ городахъ промышленнаго пролетаріата, образовавшагося медленнымъ путемъ отхода населенія изъ деревень въ города, должно было предшествовать накопленію состояній. Съ другой — «бѣгство въ города» изъ деревень захватило не только «экспропріируемое» сельское населеніе, но и самихъ помѣщиковъ и земельныхъ собственниковъ, т. е. людей богатыхъ: если первые шли въ города ради куска хлѣба, послѣдніе искали въ нихъ способовъ накопленія и увеличенія состояній.

Источникомъ этого накопленія для поземельной знати явилось накопленіе поземельныхъ рентъ. Образованіе на земляхъ крупныхъ владѣльцевъ пунктовъ обмѣна, рынковъ и городовъ, ростъ населенія въ нихъ, интенсивный спросъ на землю явились впервые причиной образованія новаго дохода—поземельной ренты. Заинтересованная сама въ увеличеніи этихъ рентъ [2]) и въ развитіи городской жизни и промысловъ, въ погоню за нахожденіемъ спо-

[1]) *Марксъ*. Капиталъ, I, 648.

[2]) А насколько быстръ былъ ихъ ростъ, можно напр. видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Германіи, въ Мозелѣ, если цѣну на землю во времена Каролинговъ считать за 100, то въ XII в. она возвысилась до 1184, XIII в. до 1671 и въ концѣ XIV ст. до 3085. *Lamprecht.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. L. 1885, III. Въ Пруссіи въ срединѣ XVII в. за гуфъ земли платили 81 тал., а въ срединѣ XVIII в. 700—900 таллеровъ. *Meitzen.* Der Boden und die landw. Verhältnisse d. Preuss. Staats. Ber. 1868, III. Тоже въ Саксоніи см. *Böhme.* Entwicklung d. Landwirtschaft auf d. Kgl. Sächs. Domänen S. 47—57. Еще болѣе, конечно, быстръ и выгоденъ для земельныхъ собственниковъ былъ ростъ земельныхъ цѣнъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ впослѣдствіи образовывались крупные города; напр. въ Парижѣ 1 кв. метръ земли стоилъ въ 15 в. 2 сант., въ 17 в. 4 фр. 50 сант., а въ 18 в. 28 фр. *Avenel.* La fortune privée à travers sept siècles. Pr. 95, цит. по Philippowich.

собовъ ея увеличенія и направляется въ города бывшая земельная аристократія. Въ руки ея, а также въ руки вновь образовавшейся городской знати и начинаетъ стекаться этотъ новый видъ дохода. Иногда эта рента принадлежала владѣльческимъ фамиліямъ до нѣкоторой степени по праву—именно, если новый городъ возникалъ на землѣ ихъ прежняго помѣстья; иногда они, какъ стоящіе во главѣ городскихъ управленій, пользовались и простымъ захватомъ городскихъ или окрестныхъ земель; иногда получали цѣлыя городскія области въ даръ отъ императора; наконецъ, гораздо рѣже городская община основывалась на земляхъ прежнихъ крестьянскихъ общинъ. Но во всякомъ случаѣ, даже и въ послѣднемъ, въ концѣ концовъ земельныя ренты переходили большею частью въ руки немногихъ именитыхъ родовъ, данниками которыхъ являлось ремесленное безземельное населеніе, зачатокъ будущаго городского пролетаріата [1]).

Накопленіе этихъ земельныхъ рентъ и положило начало первоначальному накопленію капитала, дальнѣйшее увеличеніе и умноженіе котораго зависѣло уже отъ предпріимчивости и изобрѣтательности его владѣльцевъ. Ему открывался широкій путь торговыхъ оборотовъ, промышленности, спекуляціи; бывшая земельная знать становится во главѣ торговыхъ и коммерческихъ предпріятій, вступаетъ въ ряды будущей буржуазіи. [2]) Самыя общественныя условія производства въ городѣ были гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ въ деревнѣ; даже для лицъ низшихъ ремесленныхъ классовъ, несмотря на ихъ матеріальную необезпеченность, не меньшую, чѣмъ въ деревнѣ, условія городской жизни имѣли громадныя преимущества: «городской воздухъ дѣлалъ людей свободными», онъ дѣлалъ ихъ также и равными. Въ погонѣ за наживой и накопленіемъ бывшая земельная знать, становящаяся во главѣ торговыхъ и промышленныхъ городскихъ предпріятій, сливается съ недавними крѣ-

[1]) «Тѣ суммы, изъ которыхъ развился современный капитализмъ, есть ни что иное, какъ накопленіе земельныхъ рентъ.... Превращенныя въ деньги земельныя ренты служатъ базисомъ современнаго капитализма, по крайней мѣрѣ онѣ дали ему первоначальный фондъ для пріобрѣтенія денегъ на деньги другими путями. Города съ большими сельскими земельными рентами имѣли преимущество предъ тѣми, фондъ которыхъ состоялъ исключительно изъ городской земельной ренты». *Зомбартъ*. Современный капитализмъ, стр. 305.

[2]) Объ этомъ подробно см. *Зомбартъ*. Современный капитализмъ, кн. II, гл. 12.

постными, вольноотпущенниками, ремесленниками, хотя, конечно по своему положенію и по размѣрамъ капитала она занимаетъ среди нихъ выдающееся и главенствующее мѣсто.

Таково было первое, почти незамѣтное появленіе въ міръ капитала. Оно, какъ видно, сразу нивеллировало многія сословныя отличія, разрушило сословные предразсудки, сравнявъ сословія въ одинъ рядъ капиталистовъ, различающихся лишь по размѣрамъ своихъ капиталовъ. Понятно, если вообще для всякаго капитала первоначальный путь шелъ чрезъ форму торговаго капитала, то крупный капиталъ могъ скорѣе, какъ только создались надлежащія условія, перейти въ высшія формы производительнаго капитала. Но для этого нужны были именно соотвѣтствующія производительныя условія, прежде всего разрушеніе ремесленной организаціи производства, съ которой и начинается продолжительная, многовѣковая борьба капитала. И если въ смыслѣ скорости накопленія прибыли особенно благопріятными формами для первоначальнаго приложенія торговаго капитала являлись такія отрасли, какъ оптовая вывозная торговля, устройство банкирскихъ домовъ, въ которыхъ особымъ успѣхомъ и особыми преимуществами должны были пользоваться наиболѣе крупныя состоянія, то въ отношеніи экономической роли и экономическихъ послѣдствій особенное значеніе получаетъ другая сторона стремленій крупнаго торговаго капитала. Это—стремленіе подчинить себѣ процессъ производства, т. е. перейти въ высшую экономическую форму, въ производительный капиталъ.

Такое стремленіе естественно обусловливалось прежде всего тѣмъ, что современная ремесленная организація производства стояла въ рѣзкой оппозиціи и противорѣчіи интересамъ, стремленіямъ и инстинктамъ накопленія новой торговой буржуазіи и не давала достаточно большого матеріала для вѣчно движущагося торговаго капитала [1]). Разъ возникнувъ, торговый капиталъ разрушаетъ эти старыя формы производства и создаетъ новыя; эти новыя формы, смѣнившія старыя феодальныя, скоро вылились въ чистыя капиталистическія, т. е. капиталъ завладѣлъ не только сферой обмѣна продуктовъ, но и ихъ производствомъ въ такъ или иначе организованномъ капиталистическомъ предпріятіи [2]).

[1]) *Зомбартъ*. I. с. 290 и слѣд.

[2]). Конечно такой ходъ экономическаго развитія былъ обусловленъ не самимъ торговымъ капиталомъ, а условіями производства. «Торговля всюду оказываетъ болѣе или менѣе разлагающее вліяніе на ту организацію производства,

Переходъ отъ старыхъ феодальныхъ способовъ производства къ новымъ совершается разнообразными путями и въ различныхъ формахъ. Или самъ производитель «становится купцомъ и капиталистомъ въ противоположность земледѣльческому натуральному хозяйству и ремеслу, связанному цеховыми отношеніями средневѣковой городской промышленности» [1]). Этотъ путь въ общемъ исключительный, болѣе рѣдкій, доступный лишь крупному капиталу, особой предпріимчивости, при особо благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Болѣе медленнымъ является другой обычный путь разрушенія торговымъ капиталомъ старыхъ формъ производства и насажденія новыхъ. Купецъ овладѣваетъ производствомъ непосредственно, но болѣе медленно и постепенно, заставляя работать на себя самостоятельнаго мелкаго производителя и постепенно подчиняя его все большему контролю, все большему вліянію матеріальной силы капитала. Эта постепенность подчиненія и развитія зависимости производителя отъ капитала, въ началѣ именно отъ торговаго капитала, проявляется главнымъ образомъ въ слѣдующихъ формахъ [2]).

1. Капиталистъ въ образѣ купца завладѣваетъ исключительно лишь сферой обмѣна продуктовъ, не проявляя никакого вліянія на само производство ихъ и на техническаго рабочаго, на производительное хозяйство. Такое вліяніе купеческаго капитала можетъ проявляться какъ при существованіи замкнутаго хозяйства, производящаго продукты лишь съ цѣлью собственнаго потребленія. такъ и при существованіи хозяйства, работающаго на продажу. Въ первомъ случаѣ, капиталистъ до нѣкоторой степени лишь случайно завладѣваетъ обмѣномъ продуктовъ, такъ какъ производительное хозяйство сбываетъ на рынкахъ только излишки своихъ произведеній и обходится большею частью безъ услугъ посредника-купца. Понятно, поэтому, что для крупныхъ производительныхъ хозяйствъ, вродѣ средневѣковыхъ помѣстій, раньше, чѣмъ для мелкаго возникаетъ необходимость прибѣгать къ посредничеству торговца. Первоначально крупное хозяйство стремится установить и въ этомъ отношеніи собственную организацію, въ видѣ особыхъ лицъ—negotiator'овъ и mercator'овъ—принадлежащихъ къ тому же хозяйству. Но какъ только замкнутое хозяйство въ какой либо своей отрасли начинаетъ работать на рынокъ, это равносильно тому, что «у него какъ у дерева засыхаетъ верхушка»: работа на продажу становится уже цѣлью производства. Роль купца становится уже болѣе вліятельной, хотя это вліяніе въ началѣ и не распространяется на производство [1]).

2. Купецъ-капиталистъ начинаетъ уже вліять на производство, благодаря тому, что изучивъ требованія рынка, зная его потребности, онъ становится въ качествѣ руководителя все болѣе отдаляющагося отъ рынка ремесленника. Послѣдній начинаетъ работать уже не только «по заказу» (Lohnwerk), но и спеціально для продажи (Preiswerk) и купецъ становится для производителя его главнымъ работодателемъ. Этимъ путемъ торговый капиталъ находитъ вѣрный способъ для внѣдренія въ процессъ производства и для подчиненія его подъ свое вліяніе.

3. Другой, менѣе замѣтный, но не менѣе вѣрный способъ—подчиненіе производства путемъ кредита на организацію хозяйства, на покупку орудій производства и пр. По виду при такой ссудѣ капитала самостоятельный производитель сохраняетъ всю свою независимость, но въ дѣйствительности необходимость извѣстной гарантіи ссуды даетъ въ руки владѣльца капитала могучее средство если не вліять на производство непосредственно, то держать въ полной зависимости все хозяйство производителя. Этотъ послѣдній оказывается въ дѣйствительности работающимъ для доставленія прибыли владѣльцу капитала, какъ простой технической рабочій, совершенно теряя всю свою независимость въ качествѣ самостоятельнаго хозяина-производителя.

которую она застаетъ и которая, во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ, направлена преимущественно на потребительскія стоимости. Куда приведетъ такой процессъ разложенія, т. е. какой новый способъ производства замѣнитъ прежній, это уже будетъ зависѣть не отъ торговли, а отъ характера самого прежняго способа производства. Въ античномъ мірѣ вліяніе торговли и развитіе торговаго капитала имѣло своимъ послѣдствіемъ рабовладѣльческое хозяйство. Напротивъ того. въ новомъ мірѣ оно обращается въ производство капиталистическое. Отсюда слѣдуетъ, что сами эти результаты зависѣли совсѣмъ отъ иныхъ условій, а не отъ развитія торговаго капитала». *Марксъ*. Капиталъ, I, стр. 265.

[1]) *Марксъ*. Капиталъ, I, 267.

[2]) Ср. *Зомбартъ*, l. c. I стр. 213, *Марксъ*, l. c. стр. 269, *Bücher*. Die Entstehung etc., 194 и слѣд., а также статью «Gewerbe» въ Handw. d. Staatswissenschaften.

[1]) «Вторая стадія домашняго производства» (Hausfleiss) по *Бюхеру*, см. его статью «Gewerbe», Handw. d. Staatswiss.

Эта потеря самостоятельности скоро овеществляется не только фактически, но и формально: если владѣлецъ денежнаго капитала не только беретъ на себя сбытъ продуктовъ, но и ихъ производство, если онъ не только въ скрытой формѣ ссуды, но открыто, съ опредѣленной производительной цѣлью доставляетъ производителю средства производства, сырые матеріалы и жизненныя средства—возникаетъ развитая форма господства капитала уже въ формѣ производительнаго капитала, причемъ опять таки по степени и интенсивности вліянія капитала, по способу контроля надъ производствомъ, по способу организаціи процесса труда возникаетъ или

1) «система производства на скупщика» (Verlagssystem Бюхера), система домашней промышленности (Hausindustrie) по старой терминологіи, т. е. такая форма производства, въ которой «предприниматель занимаетъ постоянною работой болѣе или менѣе большое число рабочихъ, но эта работа ведется не въ помѣщеніи предпринимателя, а на дому у работниковъ. Скупщикъ-предприниматель ссужаетъ рабочихъ сырьемъ и уплачиваетъ стоимость полученныхъ продуктовъ раньше, чѣмъ они достигнутъ потребителя... Производство ведется за счетъ предпринимателя; онъ соединяетъ элементы производства, соразмѣряетъ ихъ и регулируетъ ихъ дѣятельность; онъ же заботится и о сбытѣ» [1]).

Однако и здѣсь зависимость рабочаго отъ предпринимателя-скупщика можетъ выливаться въ формы, различныя по степени. Именно, производитель сначала обладаетъ, въ качествѣ самостоятельнаго хозяина, не только орудіями производства, но и сырымъ матеріаломъ, который онъ или самъ получаетъ и производитъ въ своемъ хозяйствѣ, или покупаетъ на рынкѣ. Въ этомъ случаѣ, конечно, просторъ хозяйственной иниціативы самостоятельнаго производителя является значительно большимъ и вліяніе на производство скупщика сравнительно меньшимъ, чѣмъ при другихъ, болѣе развитыхъ формахъ этой системы производства. Скупщику-предпринимателю приходится какъ-бы довольствоваться уже имѣющимся матеріаломъ, лишь постепенно видоизмѣняя его въ цѣляхъ соотвѣтствія рыночнымъ требованіямъ. Переходъ въ эту форму производства часто непосредственно изъ натуральнаго хозяйства представляется очень легкимъ, въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ

[1]) Handwörterbuch d. Staatswiss.. art. «*Gewerbe*».

промышленности (преимущественно сельской) и въ тѣхъ случаяхъ, когда уже само натуральное хозяйство естественно создаетъ избытки продуктовъ сверхъ количествъ, необходимыхъ для собственнаго потребленія. Однако эта же форма въ свою очередь легко переходитъ и въ высшія степени зависимости производителя отъ скупщика: сначала выдача скупщикомъ сырого матеріала для работы, а затѣмъ и орудій производства ведетъ къ установленію полной зависимости рабочаго отъ предпринимателя, къ полному лишенію первымъ своей хозяйственной самостоятельности; тѣнь ея сохраняется лишь въ томъ, что работа ведется въ жилищѣ рабочаго. Соціальныя и экономическія основы капиталистическаго предпріятія выливаются здѣсь уже почти вполнѣ развитой формѣ; впереди остается лишь простой техническій процессъ, вызываемый условіями большей производительности труда при концентраціи процесса производства въ одномъ мѣстѣ и при введеніи въ производство сложныхъ машинъ. Этотъ процессъ ведетъ къ

2) мануфактурѣ и фабрикѣ, какъ къ такой формѣ предпріятія, въ которомъ регулирующая производство роль капитала достигаетъ полной законченности, въ которомъ отдѣленіе производителя отъ средствъ и орудій производства и утрата имъ самостоятельности, проявлявшіяся въ другихъ формахъ въ нѣсколько смягченномъ видѣ, здѣсь обнаруживаются вполнѣ открыто.

Во всей совокупности предпріятія—какъ «система производства наскупщика», такъ и фабричное производство представляются предпріятіями капиталистическими. Но въ первой капиталистически организованъ лишь сбытъ, производство же только въ высшихъ формахъ развитія получаетъ зачаточные признаки капиталистической организаціи; во второмъ же капиталистическая организація захватываетъ не только сбытъ, но также и процессъ производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый процессъ производства централизуется, фабрика становится формой объединенія производительнаго техническаго труда, тогда какъ въ системѣ производства на скупщика процессъ производства представляется разъединеннымъ, децентрализованнымъ и объединеніе продукта происходитъ лишь въ сферѣ обращенія.

Созданіемъ фабрики и фабричнаго производства въ сущности заканчивается историческое развитіе капиталистическаго хозяйства. Дальнѣйшій процессъ, въ смыслѣ углубленія капиталистическихъ отношеній—концентрація капитала, побѣда крупной промыш-

ленности надъ мелкой, соціальное объединеніе класса капиталистовъ и рабочихъ—представляется уже столько же наивысшими формами развитія капиталистическихъ отношеній, сколько зачаточными стадіями и постулатами возникновенія болѣе развитыхъ формъ будущаго экономическаго строя.

Мы остановились на этихъ общеизвѣстныхъ фактахъ съ подробностью, нѣсколько большею, чѣмъ, быть можетъ, слѣдовало бы, въ виду того, что капитализацію, т. е. процессъ подчиненія той или другой отрасли хозяйства капиталу, часто принимаютъ, въ особенности по отношенію къ сельскому хозяйству, лишь какъ подчиненіе капиталу самого производительнаго процесса. Между тѣмъ побѣдносное шествіе капитала въ современной промышленности является весьма медленнымъ и въ началѣ вліяніе его совершенно незамѣтно для самостоятельнаго и независимаго производителя. Въ то же время капиталъ не создаетъ въ началѣ тѣхъ законченныхъ и прогрессивныхъ производительныхъ формъ, какія являются характерными для болѣе развитыхъ формъ капитализаціи, а довольствуется извлеченіемъ прибыли лишь косвеннымъ путемъ, черезъ подчиненіе себѣ сферы обмѣна. Лишь къ концу своего историческаго развитія капиталъ достигаетъ созидательной роли; первые же шаги его должны были носить разрушительный характеръ. Онъ возникъ на развалинахъ прежнихъ сословно-феодальныхъ отношеній, на развалинахъ ремесленной организаціи, на полѣ, отвоеванномъ послѣ долгой борьбы отъ домашней промышленности. Борьба съ каждымъ изъ прежнихъ наслоеній была неодинакова. Прежде всего и легче всего исчезли и разрушены были сословныя рамки и неравенства; уже одно появленіе, въ качествѣ стимула производства, стремленія къ прибыли, еще болѣе—первоначальное накопленіе капитала непосредственно связаны съ разрушеніемъ сословныхъ началъ: городъ равняетъ земельную знать съ городскими плебеями. Болѣе упорной и продолжительной была борьба съ ремесленной организаціей производства, растянувшаяся на нѣсколько вѣковъ и закончившаяся полной побѣдой капитала лишь къ срединѣ прошлаго столѣтія. Борьба же централистическихъ стремленій капитала съ децентрализованной организаціей производства, какою представляется система производства на скупщика является особенно затруднительной, для многихъ отраслей труда—и прежде всего для сельскаго хозяйства—до сихъ поръ не вполнѣ рѣшенной. Нѣкоторыя экономическія, техническія и соціальныя

особенности той или другой изъ отраслей хозяйственной дѣятельности могутъ или способствовать скорѣйшему наступленію господства капитала и капиталистически организованнаго предпріятія, или, наоборотъ, задерживать его и давать мѣсто развитію и преобладанію другихъ организацій. Въ зависимости отъ этого и скорость развитія капиталистическихъ отношеній въ различныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, напр. въ промышленности и земледѣліи, не одинаковы.

Всѣ изложенныя теоретическія предпосылки, хотя и относятся къ общей теоріи экономическаго развитія, однако создавались ихъ авторами на основаніи данныхъ развитія главнымъ образомъ обрабатывающей промышленности, которая лишь въ самыхъ первоначальныхъ стадіяхъ своихъ совпадаетъ по субъекту производства съ сельскохозяйственной промышленностью; дальнѣйшая же судьба этихъ двухъ главныхъ отраслей труда и промысла во многомъ совершенно отлична.

Поскольку же развитіе сельскаго хозяйства вмѣстимо въ рамки общей теоріи? Какимъ путемъ идетъ процессъ капитализаціи этой хозяйственной отрасли? Какія особенности, вытекающія изъ экономическихъ и соціальныхъ различій въ организаціи, выводятъ историческій путь развитія сельскаго хозяйства изъ рамокъ общей схемы экономическаго развитія?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, посмотримъ на какой почвѣ возникло и какъ развивалось рядомъ и въ связи съ общимъ ходомъ экономическаго развитія европейское сельское хозяйство.

III.

Разрушеніе натуральнаго земледѣльческаго хозяйства и образованіе сельскохозяйственнаго рынка.

Европейское сельское хозяйство не находится въ непосредственной преемственной связи съ сельскимъ хозяйствомъ античной культуры. Тѣ латифундіи, которыя «погубили Италію» и хозяйство которыхъ было основано на примѣненіи въ широкихъ размѣрахъ рабскаго труда, имѣя цѣлью эксплоатацію этого труда ради полученія прибыли, совершенно исчезли въ первые вѣка древнеевропейской культуры. Основанная на коммунистическихъ началахъ

первоначальная организація европейскаго землевладѣнія устанавливала равное и, главнымъ образомъ, мелкое владѣніе общинной землей. При трудности разработки пашни изъ подъ лѣсовъ, размѣры владѣнія обусловливались лишь тѣмъ количествомъ, которое необходимо было для поддержанія существованія владѣльца гуфы. Тѣми коммерческими цѣлями, которыя преобладали въ римскихъ крупныхъ familia, хозяйство мелкаго общинника не могло задаваться и поэтому хозяйство каждаго соучастника во владѣніи общинной землей было основано на исключительныхъ цѣляхъ личнаго удовлетворенія потребностей, было совершенно незнакомо съ инстинктами накопленія. Именно благодаря этому отсутствію стремленія къ накопленію, при родовомъ занятіи территоріи и господствѣ воззрѣнія о принадлежности всей земли всему роду, въ лицѣ его верховнаго главы, во владѣніи землей господствуетъ принципъ равенства всѣхъ членовъ извѣстной государственной организаціи и одинаковыхъ правъ каждаго на участки общинной земли.

Такимъ образомъ владѣніе землей не давало какихъ либо соціальныхъ и политическихъ преимуществъ и правъ; наоборотъ, само право владѣнія и пользованія землей являлось лишь результатомъ правъ политическихъ, т. е. принадлежности къ данной государственной или родовой организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это владѣніе и не давало никакихъ экономическихъ выгодъ, кромѣ возможности снискивать себѣ пропитаніе на участкѣ общинной земли.

По экономическому своему строю, по своимъ хозяйственнымъ функціямъ такое хозяйство земледѣльца-общинника, какъ ни велико было въ народной жизни преобладаніе земледѣльческой культуры, должно было всегда представлять довольно сложный комплексъ различныхъ отраслей производства; удовлетворяя всѣ свои потребности внутри себя, оно должно было все же заниматься хотя-бы простѣйшей переработкой продуктовъ и въ общемъ представляло изъ себя одинъ изъ чистѣйшихъ типовъ натуральнаго самоудовлетворяющагося хозяйства.

Съ пробужденіемъ индивидуалистическихъ стремленій съ одной стороны—среди самой общины, съ другой—съ образованіемъ среди свободнаго и мелкаго крестьянства крупныхъ привиллегированныхъ помѣстій, измѣняются и аграрныя отношенія, и экономическія основы земледѣльческаго быта. Сначала неизвѣстное германской эпохѣ и зародившееся на романской почвѣ крупное землевладѣніе, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ постепенно, но совершенно преобразуетъ аграрно-экономическія отношенія европейскаго населенія.

Возникновеніе крупныхъ помѣстій и расширеніе земледѣльческой культуры усиливаетъ стремленіе къ землѣ, но уже на иныхъ основаніяхъ и въ иныхъ цѣляхъ, чѣмъ раньше. Крупное землевладѣніе можетъ и не обусловливаться принадлежностью къ общинѣ и являться не результатомъ родовыхъ правъ на землю, а результатомъ какихъ либо постороннихъ и даже случайныхъ причинъ. Но во всякомъ случаѣ, это сосредоточеніе въ рукахъ извѣстнаго класса крупныхъ земельныхъ владѣній, образовавшихъ отдѣльный и совершенно независимый отъ общины видъ владѣнія, стало служить не только средствомъ для достиженія общественной и политической власти, но и цѣлью полученія экономическихъ выгодъ. На мѣстѣ мелкаго, свободнаго несословнаго земледѣльческаго быта или рядомъ съ нимъ возникаетъ все болѣе сильная организація крупнаго, основаннаго на несвободномъ трудѣ и на сословныхъ привиллегіяхъ земледѣльческаго хозяйства. Это средневѣковое крупное помѣстное хозяйство лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (напр. при непосредственномъ пріобрѣтеніи прежнихъ римскихъ латифундій) стояло въ непосредственной связи съ римскимъ землевладѣніемъ. Но хотя возникло оно большей частью самостоятельно, однако по своей хозяйственной организаціи имѣетъ много общаго съ римскимъ крупнымъ хозяйствомъ.

Если раньше для свободнаго мелкаго хлѣбопашца-общинника наиболѣе подходящей была самая упрощенная хозяйственная организація, сводившаяся къ полному самоудовлетворенію, къ независимости отъ товарнаго обмѣна и обращенія, къ полной свободѣ прилагаемаго въ хозяйствѣ труда, то съ такой организаціей хозяйства не могло долго ужиться крупное помѣстье.

Самая величина такого хозяйственнаго препріятія, которое представляло изъ себя средневѣковое крупное землевладѣніе, требовала сложнаго строенія, сложной организаціи производства. Оно ее и выработало въ видѣ законченной формы «помѣстья», т. е. особой группировки вокругъ главнаго хозяйственнаго центра цѣлой сѣти соподчиненныхъ и большей частью обладающихъ въ общей организаціи особыми функціями отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Вмѣсто свободнаго труда самостоятельнаго производителя въ нихъ сталъ все въ большихъ размѣрахъ прилагаться несвободный — въ различныхъ формахъ и степеняхъ этой несвободы—трудъ, регулируемый одной общей волей, исходящей изъ центра хозяйства.

Въ соціальномъ отношеніи помѣстное хозяйство, какъ основанное на сословномъ началѣ и на дифференцировкѣ сословныхъ отношеній, совершенно порвало связь съ сущностью прежняго свободнаго мелкаго крестьянскаго хозяйства. Но по своему мѣсту въ схемѣ историческихъ формъ хозяйственныхъ организацій оно мало отличается отъ деревенскаго хозяйства крестьянина общинника. Несмотря на то, что потребности и стремленія его значительно расширены: не смотря на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ должна была усложниться и его организація до полной дифференцировки отдѣльныхъ, входящихъ въ его составъ хозяйственныхъ единицъ, оно остается тѣмъ же натуральнымъ хозяйствомъ, лишь болѣе сложнымъ, «расширеннымъ», съ раздѣленіемъ хозяйственныхъ единицъ, но съ господствомъ того же принципа: производство ради удовлетворенія собственныхъ потребностей. Связанность всего народнаго хозяйства съ землей, остающейся по прежнему необходимымъ полемъ для приложенія труда, служитъ причиной того, что вокругъ земли и владѣнія ею группируются всѣ хозяйственныя функціи этого крупнаго помѣстья. Какъ мелкій земельный свободный собственникъ, совладѣлецъ въ общинной маркѣ, такъ и крупный помѣщикъ съ массою прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ вырабатываютъ, получаютъ и потребляютъ всѣ необходимые жизненные продукты въ своемъ хозяйствѣ: «хозяйство не знаетъ ни цѣнъ, ни рабочей платы, ни аренды, ни прибыли на капиталъ; въ нихъ нѣтъ ни предпринимателя, ни рабочаго... Въ руки господина стекаются всѣ избытки его помѣстья, но они представляются исключительно потребительными благами, не могущими ни долго сохраняться, ни быть капитализированными»[1]). «Ни мелкіе свободные землевладѣльцы, ни тѣмъ болѣе крѣпостные оброчные крестьяне того времени не производятъ излишковъ для обмѣна и обезпеченія другихъ классовъ населенія благами, производимыми въ сельскомъ хозяйствѣ. Значительная часть населенія расходуетъ свою хозяйственную силу на то, чтобы каждый самъ по себѣ могъ удовлетворить свои несложныя, сами по себѣ весьма скромныя потребности».

Но, конечно, какъ ни были несложны потребности такихъ хозяйствъ-помѣстій или хозяйствъ мелкихъ крестьянъ, необходимо было довольно значительное разнообразіе производства, чтобы замкнутый характеръ ихъ могъ сохраниться. Какъ ойкосное

[1]) Bücher. l. c., s. 127.

хозяйство древности, такъ и помѣстное и деревенское хозяйство никогда не являются «чисто-земледѣльческимъ» хозяйствомъ: они заключаютъ въ себѣ всю дальнѣйшую переработку продуктовъ, необходимыхъ для приготовленія пищи и одежды; заключаютъ въ себѣ и ремесло со всѣми его сложными отраслями, необходимыми для удовлетворенія всѣхъ разнообразныхъ нуждъ хозяйства и т. п. Только такая организація создавала дѣйствительную ненужность рынка и независимость отъ него не только крестьянскаго, но и помѣщичьяго хозяйства.

Требовались, впрочемъ, и другія условія поддержанія этой независимости. Такъ какъ раздѣленіе труда внутри хозяйства было очень невелико, то необходимо была взамѣнъ этого, по крайней мѣрѣ, многочисленность семейнаго состава крестьянской семьи или состава помѣстья. Поэтому то первоначальной формой хозяйственной единицы и является большею частью крупная семья, часто разростающая до размѣровъ цѣлой отдѣльной общины; эта послѣдняя въ своей хозяйственной дѣятельности представляетъ обширную сложную замкнутую хозяйственную единицу, совмѣщающую разностороннія хозяйственныя функціи. Еще болѣе многочисленнымъ производительнымъ и хозяйственнымъ составомъ должно было отличаться помѣстье, съ его разносторонней хозяйственной дѣятельностью. Другой особенностью такого замкнутаго хозяйства являлась необходимость производства въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это требовалось для непосредственнаго потребленія: для обезпеченія жизни и продовольствія семьи и хозяйства въ годы неурожайные требовались громадные запасы всевозможныхъ продуктовъ, которые, оставались за отсутствіемъ сбыта въ хозяйствахъ въ урожайные годы. Часто внѣшнія причины—преходящія-ли въ видѣ народныхъ бѣдствій и войнъ, постоянныя-ли, въ видѣ обременительныхъ податей, подрывали и разоряли хозяйство, лишая его такой матеріальной обезпеченности; но все же экономическая основа возможности его существованія лежала именно въ этой натуральной обезпеченности и безъ нея хозяйство не могло-бы существовать.

Если описанное хозяйство не было собственно земледѣльческимъ, требуя приложенія значительнаго количества труда въ другихъ отрасляхъ, то и въ чисто земледѣльческой части хозяйства соотношеніе отдѣльныхъ отраслей его представляло значительныя особенности. Въ каждомъ хозяйствѣ оно должно было быть весьма разнообразнымъ и равновѣсіе между отдѣльными отраслями, на-

примѣръ, между скотоводствомъ, зерновымъ и луговымъ хозяйствомъ вызывалось здѣсь не раціональнымъ ихъ сотношеніемъ, но внутреннею экономической необходимостью: не будучи чистымъ земледѣльцемъ, сельскій хозяинъ того времени не былъ и исключительнымъ «хлѣборобомъ». Зерновое хозяйство занимало сравнительно очень небольшую роль среди отраслей хозяйства, такъ какъ могло удовлетворять только одной потребности въ хлѣбѣ, тогда какъ животноводство доставляло гораздо болѣе разнообразныхъ продуктовъ, могущихъ подвергаться гораздо болѣе разнообразной переработкѣ и удовлетворять гораздо болѣе разнообразнымъ потребностямъ. Это конечно въ наибольшей степени относится къ крупнымъ помѣщичьимъ хозяйствамъ, которыя сосредоточивали въ своихъ предѣлахъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ отраслей труда и массу лицъ, работавшихъ не съ денежной оплатой труда, а съ платой натурой самыми разнообразными предметами: землей, одеждой, пищей, жилищемъ; если даже работы исполнялись изрѣдка наемными рабочими или крестьянской барщиной—оплата ихъ происходила все же натурой и требовала отъ помѣщичьяго хозяйства разнообразнаго и крупнаго по своимъ размѣрамъ производства.

Таковы были, въ самыхъ краткихъ чертахъ, основы натуральнаго земледѣльческаго хозяйства, поскольку можно было тогда говорить о «земледѣльческомъ» хозяйствѣ. Однако, такая натуральная организація хозяйства въ чистомъ видѣ, основанная на исключительномъ удовлетвореніи собственныхъ потребностей, совершенно чистая отъ стремленія къ прибыли и отъ инстинктовъ накопленія если и существовала въ дѣйствительности, то лишь при невысокой степени общественнаго и экономическаго развитія. Съ другой стороны, съ болѣе или менѣе крупными измѣненіями эта система можетъ являться характерной и для гораздо болѣе поздняго времени, въ особенности въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ хозяйственной жизни. Разложеніе деревенскаго натуральнаго хозяйства, зачатки и необходимость его преобразованія и измѣненія лежали частью въ немъ самомъ, частью во внѣшнихъ его условіяхъ.

Такъ, прежде всего, чѣмъ болѣе просты и несложны были хозяйственныя функціи и потребности, тѣмъ дольше хозяйство могло оставаться свободнымъ отъ торговаго обмѣна и отъ рынка, удовлетворяя собственнымъ производствомъ всѣ свои нужды, хотя бы общія условія жизни вокругъ этого хозяйства настолько измѣнились, что обмѣнъ сталъ явленіемъ всеобщимъ и для большинства хозяйствъ необходимымъ. Именно вслѣдствіе этой простоты потребностей мелкое хозяйство можетъ сохранить значительную степень своей замкнутости и самодовлѣющій характеръ даже въ эпоху гораздо болѣе позднюю, въ эпоху не только широкаго мѣнового хозяйства, но и въ современную эпоху развитыхъ капиталистическихъ отношеній производства и рынка, тогда какъ въ крупномъ хозяйствѣ натуральный строй подлежитъ гораздо болѣе скорому разложенію.

Но наиболѣе видную роль въ разложеніи натуральныхъ основъ хозяйства должна была сыграть та междухозяйственная дифференціація, которая должна была произойти вслѣдствіе неравномѣрности въ ходѣ развитія производительныхъ силъ въ разныхъ хозяйствахъ, т. е. главнымъ образомъ въ развитіи крупнаго и мелкаго хозяйства. Первое всегда должно было имѣть громадныя преимущества передъ мелкимъ, такъ какъ обладало и большей возможностью раздѣленія труда и большей его производительностью; большей устойчивостью при всевозможныхъ хозяйственныхъ бѣдствіяхъ и неурядицахъ; большей независимостью отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій. Наоборотъ, мелкое хозяйство, всѣ силы котораго посвящались изысканію непосредственнаго пропитанія членовъ семьи, гораздо чаще могло попадать въ такія неблагопріятныя условія, изъ которыхъ выйти собственными силами, сохранивъ свою хозяйственную самостоятельность, не представлялось возможнымъ. Отсюда и возникаютъ уже въ нѣдрахъ натуральнаго хозяйства тѣ формы зависимости болѣе мелкихъ хозяйствъ отъ крупныхъ, которыя выливаются сначала въ видѣ натуральнаго или денежнаго оброка за пользованіе тѣми или другими угодьями, въ которыхъ могло нуждаться хозяйство, и вообще за ту или другую матеріальную помощь крупнаго хозяйства мелкому; а затѣмъ въ видѣ барщинно-крѣпостной системы, какъ болѣе полной зависимости мелкаго производителя отъ крупнаго помѣщика.

Собственно возникновеніе такого новаго юридическаго института, какимъ являлось крѣпостное право, могло бы и не повліять на дальнѣйшую дифференціацію натуральнаго хозяйства. Какъ до развитія крѣпостного права, такъ и при немъ и крупное хозяйство помѣщика, и хозяйство самого крѣпостного крестьянина сохраняли свой натуральный замкнутый характеръ. Слѣдов. съ этой стороны возникновеніе крѣпостного права не внесло въ хозяйство по внѣшности ничего новаго. Но за то оно должно было глубоко измѣнить

такъ сказать психологію крупнаго землевладѣльческаго хозяйства. Образованіе въ крупныхъ хозяйствахъ массы оброчнаго или барщиннаго, а затѣмъ просто дарового крѣпостного труда сначала создало въ хозяйствѣ болѣе или менѣе избыточныя количества потребительныхъ цѣнностей, а затѣмъ стало побуждать къ созданію новыхъ цѣнностей, уже не цѣляхъ потребленія, а въ цѣляхъ накопленія ихъ и полученія прибыли. Но какъ только этотъ принципъ сталъ получать преобладаніе въ хозяйствѣ, всѣ натуральныя основы его должны бы распасться, такъ какъ онѣ стояли въ полномъ противорѣчіи съ работой ради полученія прибыли.

Потребительное замкнутое хозяйство не могло значительно расширять ни своего производства, ни даже накопленія цѣнностей, а слѣдов. не могло и стремиться къ осуществленію въ расширяющихся размѣрахъ новаго принципа. Для удовлетворенія этой новой хозяйственной цѣли—производства ради сбыта и полученія прибыли—требовалось съ одной стороны возникновеніе потребительнаго рынка, съ другой соотвѣтствующая организація правильнаго обмѣна.

Еще значительно раньше возникновенія этого обмѣна, первые шаги широкаго развитія производительныхъ силъ крупнаго крѣпостного земледѣльческаго хозяйства, усложненіе и дифференціація его хозяйственныхъ функцій должны были привести крупное хозяйство къ отдѣленію въ немъ самомъ нѣкоторыхъ функцій въ особыя категоріи отраслей труда, болѣе или менѣе независимыхъ отъ земледѣлія. Въ хозяйствѣ обособились отдѣльныя группы лицъ, занятыхъ въ этихъ новыхъ, постороннихъ земледѣлію отрасляхъ производства, и образовавшихъ, еще до возникновенія междухозяйственнаго обмѣна, зачатки внѣшняго рынка. Послѣ возникновенія обмѣна онъ сталъ все болѣе обособляться и расти. Сначала само крупное земледѣльческое хозяйство создаетъ внутри себя сложную промышленную дѣятельность, отдѣляя земледѣльческія операціи отъ промышленныхъ, производительныя отъ торговыхъ. Окончательное выдѣленіе изъ прежняго сложнаго и законченнаго по своимъ функціямъ натуральнаго хозяйства отдѣльныхъ спеціальныхъ отраслей промышленности и торговли является завершеніемъ того процесса, который прошло въ стремленіи къ развитію своихъ производительныхъ силъ крупное хозяйство. Въ конечномъ результатѣ такого развитія получается то, что благодаря стремленію дифференцирующагося и обособляющагося населенія къ освобожденію отъ зависимости отъ регулирующей воли единаго хозяйства—первоначально въ видѣ перехода къ денежному оброку, а затѣмъ къ окончательному экономическому и юридическому освобожденію—возникаетъ отдѣльная отъ крѣпостного земледѣльческаго «помѣстья» городская жизнь и промышленность. Крупному хозяйству остается лишь использовать этотъ, порожденный имъ самимъ потребительный рынокъ въ своихъ цѣляхъ и выгодахъ, въ цѣляхъ развитія своихъ производительныхъ силъ, расширенія и усиленія процесса полученія прибыли и ея накопленія.

Самое возникновеніе рынковъ и рыночнаго обмѣна, какъ орудій и средства накопленія, было обусловлено наличностью свободныхъ, сверхъ личнаго потребленія, остатковъ произведенныхъ въ хозяйствѣ продуктовъ. Количество этихъ продуктовъ находилось въ прямой зависимости отъ величины хозяйства, отъ количества крѣпостного труда, затрачиваемаго въ немъ; поэтому крупныя помѣстныя хозяйства стали прежде мелкихъ и особенно настоятельно нуждаться въ сбытѣ и обмѣнѣ. Самое оборудованіе рынковъ при тогдашнихъ условіяхъ торговаго оборота, при тогдашнемъ состояніи дорогъ требовало къ тому же затраты большихъ средствъ и большого количества труда, почему было подъ силу только крупнымъ хозяйствамъ. Поэтому-то первоначально рынки и возникаютъ большею частью на земляхъ крупныхъ владѣльцевъ, монастырей, королей и т. п. [1]). Крупнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ порожденъ и въ его интересахъ возникъ первоначальный обмѣнъ, возникъ товарный характеръ земледѣльческаго производства, возникли идея и инстинктъ накопленія въ земледѣліи.

[1]) Насколько велика была концентрація земельной собственности въ рукахъ помѣстнаго дворянства и духовенства, показываютъ напр. такія цифры. Въ Германіи, въ цвѣтущее время помѣстнаго хозяйства 9—18 тыс. моргеновъ земли во владѣніи у отдѣльныхъ лицъ духовенства было весьма обычнымъ, но очень распространены были и владѣнія въ 30 — 60 тыс. моргеновъ, у свѣтскихъ же князей владѣнія были еще крупнѣе. Монастыри сосредоточивали въ своихъ рукахъ цѣлыя тысячи прежнихъ гуфъ; напр. монастырь Бонифація владѣлъ 15.000 гуфъ, монастырь Бенедектинцевъ имѣлъ и весь хозяйство въ 6.700 имѣній; Ст.-Галленскій монастырь—4.000 имѣній. Хозяйство такихъ латифундій должно было вестись въ широкихъ размѣрахъ, съ товарнымъ характеромъ производства; оно и стало прежде всего приводить къ необходимости образованія спеціальныхъ мѣстъ обмѣна — рынковъ. См. *Buchenberger*, Agrarwesen und Agrarpolitik, Leipzig, 1892, I. S. 409, а также *Lamprecht*, «Agrargeschichte» in Handw. d. Staatswiss., I.

*

Но возникши исключительно на почвѣ служенія интересамъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства, эти новыя идеи и новыя отношенія производства и обмѣна быстро пріобрѣтаютъ гораздо болѣе широкое общественное и экономическое значеніе. Возникновеніе денежныхъ отношеній и обмѣна влечетъ отторженіе отъ самого трудового земледѣльческаго населенія цѣлаго класса лицъ, которыхъ къ новой дѣятельности побуждаетъ не стремленіе къ полученію прибыли, а снисканіе простого пропитанія, котораго они не могутъ найти въ земледѣліи благодаря разрушенію ихъ прежняго натуральнаго хозяйства. Дифференцировка и разложеніе стараго земледѣльческаго быта захватываетъ не только крупное земледѣльческое хозяйство, но и мелкое крестьянское, для котораго старое выраженіе, что «крестьянинъ независимъ отъ рынка», все болѣе отходитъ въ область преданія. Подчиняясь новой возникшей потребности—нуждѣ въ покупныхъ денежныхъ средствахъ, не имѣя возможности удовлетворить ее въ рамкахъ прежняго своего разрушающагося натуральнаго хозяйства, мелкій производитель принужденъ покидать свое земледѣльческое хозяйство и искать новыхъ формъ приложенія своего труда въ новыхъ открывшихся отрасляхъ народнаго хозяйства—торговлѣ и промышленности. Натуральныя основы производства все болѣе падаютъ и принципы товарнаго производства получаютъ все большее значеніе въ народномъ хозяйствѣ.

Такимъ образомъ, какъ первоначальное накопленіе капитала въ видѣ рентъ, такъ и обращеніе его въ дѣйствительную движущую экономическую силу, въ видѣ товарно-торговаго, а затѣмъ денежно-торговаго капитала, шло изъ нѣдръ земледѣльческаго хозяйства, въ интересахъ крупнаго владѣнія и хозяйства, за счетъ разложенія натуральныхъ основъ какъ крупнаго, такъ и мелкаго крестьянскаго хозяйства. Но возникши въ нѣдрахъ сельскаго хозяйства, разрушивши его натуральныя основы, капиталъ долгое время еще не оказываетъ положительнаго вліянія на земледѣльческое хозяйство и не принимаетъ здѣсь руководящей производительной роли. Отсюда онъ тотчасъ же начинаетъ отливать въ городскую промышленность и торговлю, такъ какъ соціальныя и экономическія условія городской жизни имѣютъ громадныя преимущества предъ деревенской. Свободный торговый оборотъ встрѣчался въ деревнѣ съ неподвижными условіями сословно-крѣпостническаго строя, тогда какъ въ городѣ онъ имѣлъ дѣло уже съ гораздо болѣе свободнымъ въ сословномъ отношеніи бытомъ. По-

этому идея накопленія, зародившаяся въ деревнѣ, скоро переносится и получаетъ расцвѣтъ въ городѣ. Борьба съ ремесленной организаціей, несмотря на всю устойчивость послѣдней, представлялась прежде всего борьбой на почвѣ техники, тогда какъ земледѣльческая промышленность, тѣсно связанная съ такими сословными институтами, какъ та или другая форма землевладѣнія, та или другая степень обязательности крѣпостного труда, для своей капитализаціи требовала не только измѣненія техническо-экономическихъ условій, но и освобожденія отъ сословныхъ путъ.

Измѣненіе экономической жизни вокругъ деревни и возникновеніе городской промышленности еще болѣе крупное разрушительное вліяніе оказало на чисто промышленныя стороны деревенскаго хозяйства. Въ деревнѣ при господствѣ натуральнаго строя всегда должны были существовать группы лицъ, промыселъ которыхъ былъ не чисто земледѣльческій, а носилъ ремесленный характеръ и состоялъ въ удовлетвореніи несложныхъ неземледѣльческихъ потребностей крестьянскаго хозяйства въ обмѣнъ за натуральную оплату этихъ услугъ земледѣльческими продуктами. Нѣкоторая техническая обработка сырыхъ продуктовъ совершалась конечно и въ каждомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Но ни деревенскій ремесленникъ, ни чистый земледѣлецъ деревни не могли достичь хоть какого-нибудь техническаго совершенства въ своемъ производствѣ и вслѣдствіе отсутствія знаній, и за неимѣніемъ средствъ, и за невозможностью техническаго прогресса.

Естественно поэтому, что быстрый ростъ и усовершенствованіе рядомъ съ деревней городской промышленности, усвоившей совершенно иные пріемы производства, съ высокимъ раздѣленіемъ труда, съ концентраціей рабочихъ силъ, съ высокой производительностью труда, достигшей крайней дешевизны своихъ товаровъ—должно было оказать глубокое вліяніе и на сельскую промышленность во всѣхъ ея видахъ: и на свободное ремесло живущихъ въ деревнѣ ремесленниковъ, и на побочныя занятія въ цѣляхъ сбыта самого земледѣльца, и на изготовленіе предметовъ его личнаго и домашняго потребленія и т. п. Всѣ эти отрасли промышленнаго деревенскаго труда, подвергшись нашествію, въ той или другой формѣ городской промышленности, должны были скоро уступить мѣсто этой болѣе совершенной организаціи производства.

Прежде всего изчезаютъ изъ деревни самостоятельные, работавшіе по найму ремесленники. Ихъ производство изъ деревенскаго оби-

хода начинаетъ вытѣсняться услугами болѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятій, поставляющихъ всѣ необходимые въ сельской жизни и производствѣ предметы; деревня становится все въ большую денежную связь и зависимость отъ города и его промышленности. Если прежнему мельнику за перемолъ зерна, телѣжнику за сооруженіе повозки, кузнецу за починку плуга или сапожнику за изготовленіе обуви, вся деревня платила разнообразными предметами первой необходимости собственнаго производства, то теперь все это перерабатывается и выдѣлывается въ городѣ, откуда достать можно только за деньги [1]).

Развитіе городского ремесла и городской промышленности убило такимъ образомъ деревенское ремесло. Но еще болѣе глубокое и важное по своимъ послѣдствіямъ вліяніе развитіе городской промышленности оказало на другую сторону деревенской промышленной дѣятельности, именно на такъ называемое «домашнее производство», т. е. на промышленную переработку получаемыхъ въ хозяйствѣ сырыхъ продуктовъ скотоводства, земледѣлія, лѣсныхъ промысловъ и т. п. Нарождающаяся промышленность въ постоянномъ стремленіи къ расширенію, въ поискахъ за новыми рынками сбыта не могла оставить, чтобы такой громадный потребительный рынокъ, какимъ представлялось для промышленности сельское населеніе, оставался, благодаря развитію домашнихъ промысловъ, самоудовлетворяющимся. Городской промышленности, капиталу необходимо было побѣдить, или такъ или иначе подчинить себѣ деревенскую домашнюю промышленность. Но если деревенское ремесло было прямо убито городскою капиталистическою промышленностью, то деревенская домашняя промышленность оказалась болѣе живучей и подъ воздѣйствіемъ капитала породила въ жизнь новую систему организаціи промышленности.

Деревенская жизнь вообще сравнительно трудно поддавалась разлагающему вліянію городской промышленности и капитала, тѣмъ болѣе, что первоначально и въ техническомъ, и въ экономическомъ отношеніи у городской промышленности было не очень много преимуществъ. Поэтому капиталу пришлось выискивать себѣ другой способъ подчиненія и эксплоатаціи крестьянской домашней промышленности. Возрастающая потребность въ деньгахъ всегда заставляла крестьянское земледѣльческое хозяйство смотрѣть на свои домашніе

[1]) *Зомбартъ*, Современный капитализмъ, т. 1, гл. 26.

промыслы не только, какъ на натуральный способъ удовлетворенія личныхъ потребностей, но и какъ на подсобный источникъ покрытія денежной нужды. Сбытъ крестьянскихъ домашнихъ издѣлій съ возникновеніемъ денежныхъ отношеній въ деревнѣ долженъ былъ принять еще болѣе широкіе размѣры. Понятно, что направленіе производства обусловливалось большею частью собственными потребностями крестьянскаго хозяйства, такъ какъ на рынокъ сбывались только избытки. О соотвѣтствіи производства условіямъ и потребностямъ рынка не могло быть рѣчи, такъ какъ крестьянинъ не могъ знать и изучить этотъ рынокъ. Этой послѣдней стороной и воспользовался нарождающійся городской капиталъ, чтобы эксплоатировать крестьянскіе домашніе промыслы въ свою пользу.

Въ деревнѣ является «благодѣтель» крестьянскаго хозяйства, дающій ему подсобный источникъ для поддержанія земледѣлія и увеличенія его скудныхъ денежныхъ доходовъ: это—скупщикъ крестьянскихъ издѣлій. Вначалѣ лишь скупая имѣющійся матеріалъ, онъ впослѣдствіи, благодаря своему знанію рынка, превращается въ настоящаго организатора производства, расширяя его количественно и направляя качественно въ соотвѣтственную сторону. Общія условія благопріятствовали вначалѣ такой постановкѣ производства. Часто высокое умѣнье и вкусъ крестьянъ въ разныхъ издѣліяхъ, готовый подъ руками сырой матеріалъ, свободное въ теченіе всей зимы отъ полевыхъ работъ время и поэтому дешевая расцѣнка собственнаго труда—все это благопріятствовало вначалѣ успѣху такого начинающаго капиталиста, предпринимателя-скупщика. Неимѣніе крупнаго предпринимательскаго капитала являлось для него препятствіемъ иной, болѣе раціональной постановки производства; къ тому же въ городахъ ему приходилось выносить сначала неравную борьбу съ хорошо организованной и могущественной цеховой промышленностью [1]).

Поэтому то дѣятельность въ деревнѣ, въ видѣ скупщика-предпринимателя представляется однимъ изъ главныхъ этаповъ въ развитіи будущаго промышленнаго капитализма, многихъ будущихъ отраслей мануфактуры. Первоначально этотъ капитализмъ является здѣсь въ видѣ только торговаго капитализма и надолго мирится съ этой ролью, владѣя лишь областью сбыта продуктовъ и мало касаясь или даже совсѣмъ не касаясь собственно области производства. Но скоро капиталисту-скупщику, торговому капиталу

[1]) *Bücher*, l. c., IV. 200—215.

пришлось уступить и здѣсь мѣсто самостоятельному капиталистическому предпринимателю, производительному капиталу, захватившему подъ свой контроль и въ свое вѣдѣніе не только область сбыта, но и область производства и произведшему въ ней крупный переворотъ въ смыслѣ поднятія и улучшенія техники, а слѣдовательно и въ удешевленіи продукта. Дальнѣйшая централизація рабочихъ на мануфактурѣ и фабрикахъ даже при болѣе высокой оплатѣ фабрично-заводскаго труда оказалась еще болѣе выгодной и производительной, чѣмъ пользованіе дешевой, но малопроизводительной и разсѣянной силой крестьянъ. Поэтому чѣмъ быстрѣе развивалось машинное фабричное производство, тѣмъ быстрѣе падало производство на скупщика, тѣмъ быстрѣе вытѣснялись изъ деревни вмѣстѣ со скупщикомъ и подсобные земледѣльческіе промыслы.

Но этимъ однимъ не ограничилось вліяніе перенесенія въ городъ и быстраго расцвѣта тамъ обрабатывающей промышленности. Оно коснулось не только деревенскихъ промышленныхъ занятій, которыя большею частью являются побочнымъ и добавочнымъ заработкомъ сверхъ обезпеченія отъ земледѣльческаго труда. Денежныя отношенія, завязавшіяся между деревней и городомъ, вслѣдствіе постояннаго притягиванія послѣднимъ изъ деревни всѣхъ промышленныхъ занятій, придали новый характеръ и чисто земледѣльческимъ занятіямъ сельскаго населенія. Возрастающая нужда въ деньгахъ для покрытія неземледѣльческихъ расходовъ заставляла стремиться къ извлеченію возможно большаго дохода изъ земледѣльческихъ занятій. Отсюда вытекала необходимость не только раціонализаціи самого техническаго процесса земледѣлія, но и иного отношенія къ самому земледѣльческому труду. Послѣ паденія деревенской домашней промышленности онъ сталъ единственнымъ источникомъ покрытія всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ расходовъ хозяйства.

Земледѣльческое производство само должно было получить характеръ товарнаго производства. Сумма производимыхъ на продажу земледѣльческихъ продуктовъ должна была опредѣляться денежной нуждой хозяйства. Лишь остатокъ сверхъ этого шелъ на внутреннее потребленіе самого хозяйства вмѣсто обратнаго отношенія, господствовавшаго при натуральномъ строѣ. Земледѣльческое хозяйство, даже въ отношеніи производства земледѣльческихъ продуктовъ, стало ставить себѣ цѣлью не самоудовлетвореніе, котораго теперь уже нельзя было достигнуть, но полученіе денежнаго дохода.

Товарный характеръ всѣхъ производимыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ сталъ исключительно господствующимъ.

Въ этомъ отношеніи какъ мелкое некапиталистическое крестьянское хозяйство, такъ и крупное предпринимательское оказались въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ: оба они должны работать для рынка, подчиняясь общимъ законамъ рыночнаго обмѣна. Но тѣмъ самымъ, конечно, они встали на рынкѣ въ положеніе непримиримыхъ конкуррентовъ. Если при натуральномъ строѣ интересы мелкаго крестьянскаго и крупнаго помѣщичьяго хозяйства не только не сталкивались, но были вполнѣ солидарны, то теперь они стали противоположными. Вліяніе рынка на положеніе того и другого было различно, привело къ различнымъ слѣдствіямъ и къ различнымъ въ нихъ самихъ перемѣнамъ.

IV.

Развитіе капиталистическихъ отношеній въ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ.

Первоначальные зачатки и признаки вѣянія новыхъ началъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ смыслѣ служенія его рынку можно замѣтить въ европейскомъ хозяйствѣ еще задолго до эпохи капитализма, до окончательнаго разрушенія натурально-потребительнаго строя и феодальныхъ земельныхъ отношеній. Но это служеніе рынку вначалѣ еще не приводитъ къ перестройкѣ и измѣненіямъ въ самыхъ производственныхъ отношеніяхъ, въ организаціи земледѣльческаго производства.

Какъ и въ обрабатывающей промышленности, простѣйшей и первоначальной формой зависимости земледѣльческаго хозяйства отъ капитала было подчиненіе торговому капиталу, подчиненіе капиталу процесса обмѣна земледѣльческими продуктами. Эта форма является исторически уже достаточно обособленной, чтобы ее можно было выдѣлить въ качествѣ наиболѣе ранней изъ другихъ существующихъ формъ зависимости сельскаго хозяйства отъ капитала. Зависимость хозяйства отъ торговаго капитала, какъ сказано выше, можетъ существовать и ранѣе возникновенія того освободительнаго движенія, результаты котораго — освобожденіе труда, индивидуализированіе земельной собственности и пр. — явились необходимыми постулатами для возникновенія производительнаго капитализма въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Однако, какъ первобыт-

ный непосредственный обмѣнъ земледѣльческими продуктами самими производителями въ городахъ, часто имѣвшій мѣсто при сохраненіи общимъ строемъ сельскохозяйственной жизни натуральнаго характера, такъ и эта первоначальная докапиталистическая торговля земледѣльческими продуктами занимала едва ли видное мѣсто по своимъ размѣрамъ и по своему значенію въ общемъ народномъ хозяйствѣ. Въ противоположность распространенному мнѣнію можно полагать [1]), что докапиталистическая торговля земледѣльческими продуктами была очень невелика: годовые обороты хлѣбной торговли въ 16—17 вѣкахъ такихъ рынковъ, какъ Гамбургъ и Штеттинъ, въ эпоху ихъ процвѣтанія были равны размѣрамъ одного-двухъ современныхъ кораблей. Также ничтожны были обороты торговли другими сельскохозяйственными продуктами, также незначительно было число профессіональныхъ торговцевъ.

Но не только по размѣрамъ своихъ оборотовъ, но и по вліянію на сельскохозяйственное производство, въ особенности вначалѣ, докапиталистическая торговля не имѣла особеннаго значенія. Оно могло стать выдающимся лишь тогда, когда измѣнились самыя условія производства, внутреннія отношенія хозяйства, когда пробужденіе новаго предпринимательскаго духа, стремленія къ наживѣ и къ полученію прибыли становится всеобщимъ, захватывая и земледѣльческое хозяйство, начинающее работать спеціально на продажу вмѣсто прежняго удовлетворенія личнымъ потребностямъ. Только тогда, когда торговый капиталъ сбрасываетъ съ себя прежнюю пассивную роль и начинаетъ использовать эти новыя стремленія, пробудившіяся въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, становятся возможными широкіе и дѣйствительно заслуживающіе вниманія торговые обороты сельскохозяйственными продуктами. Съ разрушеніемъ натуральнаго хозяйства обыкновенно во всѣхъ странахъ обнаруживается непомѣрный и быстрый ростъ главнымъ образомъ хлѣботорговыхъ оборотовъ и хлѣбнаго экспорта. Развитіе торговли обыкновенно даже идетъ впереди полнаго разрушенія натуральнаго хозяйства: высасывающая сила торговаго капитала настолько велика, что онъ находитъ себѣ матеріалъ даже при сохраненіи еще, хотя бы отчасти, натуральныхъ основъ земледѣльческаго хозяйства. Онъ мирится и остается совершенно равнодушнымъ къ формѣ организаціи производства, лишь бы она не

[1]) *Зомбартъ*, l. c. I, 175.

представлялась настолько замкнутой и самодовлѣющей что совершенно лишала возможности существованія обмѣна и сбыта.

Такимъ образомъ появленіе въ сферѣ сельскохозяйственныхъ отношеній торговаго капитала, хотя представляется въ высшей степени важнымъ факторомъ для дальнѣйшаго ихъ развитія, однако еще не революціонизируетъ самого сельскохозяйственнаго производства. Но не смотря на это потребительное натуральное хозяйство, разъ начавши работать на продажу, само собой разлагается и пропадаетъ «какъ дерево, у котораго засыхаетъ верхушка» (Бюхеръ). На мѣстѣ его постепенно возникаютъ болѣе сложныя капиталистическія отношенія.

Несвободный трудъ, низкая производительность его, нераздѣльное или совмѣстное пользованіе землей, рядъ фактическихъ и формальныхъ ограниченій въ немъ, приводящихъ къ крайнему стѣсненію хозяйственной иниціативы—все это становится при новыхъ условіяхъ производства и обмѣна, при стремленіи къ полученію прибыли невозможными путами. Наступленіе общей экономической и политической эмансипаціонной эпохи становится потребностью новаго товарнокапиталистическаго строя. Дороговизна и нерациональность употребленія дорогого крѣпостнаго труда и невозможность прогресса земледѣльческой техники являлись противорѣчіемъ возникновенію производительнаго капитала въ земледѣліи. Когда эти препятствія исчезли—дорога производительному капиталу для завоеванія и подчиненія себѣ земледѣльческой промышленности была расчищена.

Въ европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ уже съ 18 столѣтія и въ особенности въ теченіе 19 вѣка начинается особенно усиленное внѣдреніе новыхъ капиталистическихъ стремленій и новыхъ отношеній въ земледѣльческое производство. Образованіе близкаго и широкаго внутренняго рынка вслѣдствіе роста городовъ и промышленной жизни пробудило въ сельскомъ производителѣ до сихъ поръ дремавшіе инстинкты накопленія и стремленія къ полученію прибыли черезъ продажу своихъ продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало побуждать и къ техническому усовершенствованію производства, къ приложенію въ немъ капитала.

Наканунѣ этого пробужденія промышленной жизни, сельскохозяйственная техника, не имѣя побудительнаго стимула для своего развитія, стояла на очень низкой ступени. Для большинства западно-европейскихъ странъ преобладающимъ являлось экстенсивное зерновое хозяйство, главнымъ образомъ въ формѣ наиболѣе рас-

пространеннаго трехполья. Но и при господствѣ (вслѣдствіе тѣхъ или другихъ мѣстныхъ естественныхъ и экономическихъ условій) другихъ системъ, собственно зерновое хозяйство вездѣ должно было имѣть значительное распространеніе. Съ разрушеніемъ натуральнаго строя и съ возникновеніемъ обмѣна оно поставляло главный массовый продуктъ, идущій въ обмѣнъ и на продажу въ городъ, такъ какъ потребленіе мясныхъ и молочныхъ продуктовъ было и вообще сравнительно слабо, да и по условіямъ транспорта хозяйства, основанныя на полученіи ихъ должны были ограничиваться небольшимъ, ближайшимъ къ городу раіономъ. Поэтому экстенсивныя зерновыя системы при развитіи городской и промышленной жизни еще долгое время могутъ сохранять свое преобладаніе, благодаря именно своей экстенсивности, возможности обходиться безъ вложенія въ предпріятіе капитала, служа въ то же время рынку. Но вообще условія этого рынка и городского спроса съ одной стороны и накопленія капитала съ другой уже скоро создаютъ возможность и даже необходимость перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ, къ приложенію капитала въ земледѣльческомъ хозяйствѣ.

Зерновому, главнымъ образомъ трехпольному хозяйству приходилось поэтому вездѣ выносить на себѣ всю тяжесть переходной эпохи, всю тяжесть разоренія старыхъ формъ и насажденія новыхъ. Новыя условія мѣнового хозяйства и денежнаго обращенія, лишеніе деревни побочныхъ промысловъ, возрастающая потребность въ покупныхъ и платежныхъ средствахъ, заставляли особенно усиленно развивать чисто земледѣльческую сторону хозяйства, заставляли стремиться къ выработкѣ возможно большаго количества новаго товара—зерна въ цѣляхъ возможно большей продажи его. Трехполье для большинства западно-европейскихъ странъ (за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно по естественнымъ условіямъ вовсе не примѣнялось) является такимъ образомъ характерной эпохой рѣзкаго кризиса и перелома сначала техническихъ условій производства, а затѣмъ и всего связаннаго съ ними экономическаго положенія и общественнаго строя.

Эти техническія прогрессивныя перемѣны въ производствѣ и его направленіи выразились въ возможности полученія иныхъ и болѣе доходныхъ продуктовъ, чѣмъ тѣ, которые доставлялись прежними экстенсивными зерновыми системами, т. е. главнымъ образомъ мясныхъ, молочныхъ и др. т. п. продуктовъ. Измѣненіе производства въ этомъ направленіи и возникшее отсюда стремленіе къ приложенію

капитала стали возможны лишь при соотвѣтствующемъ измѣненіи въ спросѣ, а слѣдовательно и въ цѣнахъ на извѣстные роды земледѣльческихъ продуктовъ. Дѣйствительно, къ этому времени ростъ промышленной и городской жизни вездѣ влечетъ за собой быстрое повышеніе цѣнъ всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ—хлѣба, мяса, шерсти и пр.; оно начинаетъ отмѣчаться съ начала 18 столѣтія и продолжается до первыхъ годовъ 19 столѣтія, пока западно-европейское хозяйство не встрѣтило конкуррентовъ въ лицѣ Россіи, Соед. Штатовъ и Аргентины [1]).

Такое повышеніе цѣнъ, результатъ внѣшняго сельскому хозяйству фактора, развитія промышленности, дало сильнѣйшій толчекъ развитію производительныхъ силъ и въ самомъ земледѣліи: оно побуждало къ интенсификаціи производства, ко вложенію въ землю капитала, съ цѣлями производительнаго его употребленія и полученія на него прибыли. То, что было выгоднымъ и даже единственно возможнымъ при низкихъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты, то становится убыточнымъ и нераціональнымъ при ихъ повышеніи; и наоборотъ, системы хозяйства, казавшіяся разорительными прежде по своимъ большимъ затратамъ, становятся теперь наиболѣе выгодными [2]).

[1]) Это повышеніе въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. особенно рѣзко и замѣтно сказалось въ Англіи, благодаря съ одной стороны высотѣ ея промышленнаго развитія, съ другой—свободѣ таможенной политики. Такъ, цѣна квартера пшеницы равнялась въ среднемъ за 25 лѣтніе періоды: 1700—24 г.г.—37 шилл., 1725—49 г.г.—35 шилл., 1750—74 г.г.—43 шилл., 1755—99 г.г.—48 шилл., 1880—24г.г.—78 шилл.. 1825—49 г.г.—58 шилл. *G. Broomhall*, Review of the World's Grain Trade, Lon. 904. Въ Берлинѣ тонна пшеницы стоила въ 1700—25 г.г. 85 мар., 1750—800 г.г. уже 125 мар., Handw. d. Staatsw., *Conrad*, art. «Getreidepreise». То же и другіе продукты, см. напр. ibid. *Oerlach*, «Fleischpreise» и др. *Prof. Béla Földes*. Die Getreidepreise im 19 Jahrhundert, Conrad's Jahrb. III, XXIX.

[2]) Извѣстно, какъ вліяетъ на выгодность системъ хозяйства высота цѣнъ на продукты. Рошеръ напр. дѣлаетъ по этому поводу такой приблизительный разсчетъ чистаго дохода хозяйствъ при различныхъ системахъ и разныхъ цѣнахъ:

Цѣна.	Чистый доходъ составляетъ при системахъ:		
	Экстенсивной.	3-хъ польной.	Среднеинтенсивной.
1	+ 200	+0	— 1.000
2	+ 500	+ 600	+ 0
4	+ 1.150	+ 1.900	+ 3.000
8	+ 2.525	+ 5.500	+ 10.500

(*Roscher*, Nationalökonomie d. Ackerbaues und verwandten Urproductionen. XI Aufl., 33).

Появленіе въ сферѣ земледѣльческой промышленности производительнаго капитала оказываетъ рѣшающее вліяніе на разложеніе всего дальнѣйшаго земельнаго строя, чего не могло произвести появленіе торговаго капитала. Выдвинутые вновь народившейся буржуазіей и въ сельскомъ хозяйствѣ такъ же, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленной жизни принципы полученія прибыли должны были найти себѣ бо̀льшій просторъ въ земельныхъ отношеніяхъ и не могли мириться съ существовавшею въ нихъ замкнутостью и сословностью. Когда эти земельныя отношенія освободились отъ прежнихъ сословно-феодальныхъ путъ, къ землѣ и земледѣльческому производству получилъ доступъ каждый, обладающій достаточными средствами для этого. А такъ какъ для возникновенія крупно-капиталистической организаціи земледѣльческаго производства въ то время еще не вездѣ достаточно созрѣли общія экономическія условія, то первые шаги производительнаго капитала въ земледѣліи обыкновенно связаны съ раздробленіемъ земельной собственности, съ замѣной прежнихъ экстенсивныхъ, основанныхъ на принудительномъ трудѣ крупныхъ хозяйствъ болѣе мелкими, свободными, но болѣе интенсивными хозяйствами. Они знаменуютъ, такимъ образомъ, появленіе въ сельскомъ хозяйствѣ мелкой буржуазіи.

При совершенной тождественности и повторяемости этого явленія во всѣхъ странахъ, въ аграрной эволюціи каждой изъ нихъ можно замѣтить и весьма существенныя особенности, въ зависимости отъ результатовъ общаго экономическаго, промышленнаго и общественнаго развитія ихъ. Въ однѣхъ—ходъ предшествовавшаго экономическаго и промышленнаго развитія обусловилъ возможность широкаго накопленія капитала, ищущаго себѣ производительнаго приложенія, и въ то же время создалъ обширный городской и промышленный рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Такія условія являлись наиболѣе выгодной почвой для возникновенія и расцвѣта земледѣльческаго капитализма. Но и въ этомъ случаѣ, въ зависимости отъ того, удержалъ ли прежній привиллегированный землевладѣльческій классъ за собою право землевладѣнія, или лишился его вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, и земля перешла въ руки другихъ сословій—аграрная эволюція въ разныхъ странахъ могла получать различное направленіе, и организація капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства получила различный видъ. Въ другихъ странахъ предшествовавшее промышленное развитіе было

слабо, широкаго накопленія производительнаго капитала не произошло; въ то же время дифференціація сельскаго трудового населенія и разрушеніе его натуральнаго быта не пошло далеко; наконецъ, земельныя отношенія могли долгое время сохранять свой сословный характеръ—въ результатѣ чего аграрная эволюція и судьба капитализма въ земледѣліи получало здѣсь новый, отличный отъ первыхъ странъ видъ, какъ въ отношеніи формъ землепользованія, такъ и въ отношеніи организаціи производства.

Слѣдовательно, при общемъ характерѣ тенденціи и процесса капитализаціи земледѣльческой промышленности для отдѣльныхъ странъ, въ зависимости отъ степени ихъ общаго экономическаго развитія и главнымъ образомъ развитія промышленнаго капитализма, намѣчаются нѣкоторыя особенности въ ихъ аграрной эволюціи.

Первой страной, вступившей со своей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ въ эру современнаго капиталистическаго развитія, была, какъ извѣстно, Англія. Къ началу XVIII столѣтія въ ея аграрномъ строѣ еще не закончились тѣ перемѣны, которыя создали основу будущаго типа англійскихъ земельныхъ отношеній. Значительная часть земли находилась еще въ общинномъ землевладѣніи, была отягощена различными сервитутами, черезполосицей и сложными отношеніями между помѣщикомъ и крестьянскимъ хозяйствомъ. Большая часть помѣщичьей земли на условіяхъ выплаты натуральной или отработочной аренды обрабатывалась безземельнымъ или малоземельнымъ крестьяниномъ, докапиталистическимъ фермеромъ. Этотъ аграрный строй весьма крупными скачками разрушается въ теченіе XVIII вѣка. Разрушительной силой и причиной созданія опредѣленнаго типа землевладѣнія и сельскохозяйственнаго предпринимательства явились не внутреннія условія самого сельскаго хозяйства, а требованія и результаты общаго промышленнаго и частью политическаго развитія. Благодаря сильному развитію промышленнаго капитализма, накопленію капитала въ городахъ, развитію внутренняго рынка создался интересъ и для промышленнаго веденія сельскаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ создалась необходимость образованія особаго класса сельскихъ предпринимателей,сельской буржуазіи. Однако съ другой стороны сами крупные земельные собственники, сильные политически, не разорвали своей связи съ землей и не лишились своего права землевладѣнія; наоборотъ, они въ сильнѣйшей степени концентрировали

въ своихъ рукахъ земельную собственность, удержавъ всецѣло сословный характеръ владѣнія ею. [1])

Это однако совершенно не измѣнило положенія дѣла и не предотвратило образованія въ сельскомъ хозяйствѣ посторонняго землевладѣнію предпринимательства, сельской буржуазіи. Именно, крупные землевладѣльцы, выгнавшіе прежнихъ своихъ докапиталистическихъ фермеровъ и начавшіе насаждать собственное экстенсивое скотоводственное хозяйство, вскорѣ снова возвратились къ прежней системѣ мелкаго фермерства, хотя уже въ иной формѣ. Стремленіе къ наживѣ, разъ оно стало возможнымъ, вслѣдствіе расширенія спроса и повышенія цѣнъ, разъ оно проникло въ сельскохозяйственное производство, начинаетъ требовать прежде всего реформированія устарѣлой техники, введенія новыхъ способовъ производства, новыхъ видовъ землепользованія. Старые крестьянскіе земледѣльцы, докапиталистическіе фермеры смѣняются новымъ предпринимателемъ, капиталистическимъ фермеромъ, который первымъ условіемъ вложенія въ землю капитала ставитъ «неприкосновенность земельной собственности», т. е. уничтоженіе всѣхъ остатковъ совмѣстнаго землепользованія. «Огораживаніе» является поэтому въ Англіи выразителемъ цѣлаго ряда коренныхъ аграрныхъ реформъ, создавшихъ возможность примѣненія новыхъ раціональныхъ капиталистическихъ способовъ земледѣлія. Этотъ переходъ, конечно, сопровождался громаднымъ потрясеніемъ основъ хозяйства бѣдныхъ капиталомъ земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, закончившись полнымъ разореніемъ ихъ въ пользу болѣе крупныхъ и богатыхъ капиталомъ [2]).

Такимъ образомъ въ Англіи крупное докапиталистическое феодальное земледѣльческое хозяйство болѣе или менѣе непосредственно переходитъ въ высшій типъ капиталистической организаціи

[1]) Этой концентраціи земельной собственности отчасти способствуетъ то обстоятельство, что юридически вся земля въ Англіи считается принадлежностью короны. Процессъ этотъ, какъ извѣстно, дѣлаетъ успѣхи и до настоящаго времени. Крупнымъ земельнымъ собственникамъ въ результатѣ оказывается принадлежащей 56% всей площади. *George Brodrick*, English Land and English Landlords. Lon. 81. Впрочемъ другіе статистики даютъ другую цифру. *A. Arvild.* Freeland. Lon. 80. Ср. *Nasse*, Schriften d. V. f. S.-P., XXVII.

[2]) Объ этомъ см. извѣстное описаніе *Маркса*, Капиталъ, 1, 24, а также *Ockenkowsky*, Englands wirtschaftliche Entwicklung. Iena, 1879.

земледѣльческаго хозяйства—въ типъ капиталистической аренды. Причиной именно такого хода аграрной эволюціи является во-первыхъ политическая сила помѣстнаго класса, не упустившаго изъ своихъ рукъ права на землю; во-вторыхъ высокое развитіе промышленнаго капитализма, сосредоточеніе капитала въ рукахъ посторонняго землевладѣнію класса и стремленіе его къ захвату не только обрабатывающей промышленности, но также и области сельскохозяйственнаго производства. Наконецъ отчасти этому способствовали также и благопріятныя техническія и естественныя условія веденія фермерскаго хозяйства, именно постоянство климата, равномѣрность урожаевъ и т. п. Всѣ эти обстоятельства и создали изъ Англіи типичную страну фермерскаго капиталистическаго хозяйства, непосредственно развившагося изъ стараго докапиталистическаго строя.

Отличіе континентальнаго аграрнаго развитія отъ англійскаго заключалось въ томъ, что тогда какъ въ Англіи промышленный капитализмъ получилъ уже значительное развитіе къ тому времени, когда сталъ развиваться капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и для веденія капиталистическаго сельскаго предпріятія образовался уже особый классъ капиталистическихъ предпринимателей-фермеровъ—въ болѣе отсталыхъ въ промышленномъ развитіи странахъ континента накопленіе капитала въ промышленности не достигло еще такого избытка и такой величины, чтобы предпринимательскій капиталъ сталъ искать себѣ приложенія въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь сами землевладѣльцы должны были организовать и вести свое хозяйство въ условіяхъ новаго порядка вещей. Между тѣмъ самая смѣна земельныхъ отношеній происходила здѣсь гораздо болѣе рѣзко и быстро, такъ что иногда общественныя и революціонныя движенія быстро смывали здѣсь то, что въ Англіи смѣнялось вѣками. Во Франціи революція приводитъ къ раздробленію прежней феодальной собственности на мелкую крестьянскую. Извѣстно, что революція сразу выбросила на рынокъ $^1/_{10}$ всѣхъ земельныхъ богатствъ Франціи, какъ истинная представительница буржуазныхъ тенденцій не націонализировавъ эти земли, а распродавъ ихъ мелкимъ земельнымъ собственникамъ. Такимъ образомъ паденіе политической власти землевладѣльческаго класса безъ достаточнаго еще развитія промышленнаго капитализма и при невозможности капиталистическаго веденія сельскаго хозяйства приводитъ Францію къ господству мелкой, частью крестьянской, частью «буржуазной» собственности.

Нѣчто подобное имѣется въ Италіи; къ такимъ же результатамъ, хотя болѣе медленнымъ путемъ, приводитъ развитіе Даніи, Голландіи, южной Германіи [1]).

Наоборотъ, въ сѣверно-нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ, какъ въ Англіи, помѣстный классъ сохранилъ свои политическія права а слѣд. и владѣніе землей, но гдѣ въ противоположность Англіи и какъ вездѣ на континентѣ промышленный капитализмъ не достигъ достаточнаго развитія для завоеванія сельскаго хозяйства. тамъ при сохраненіи крупнаго землевладѣнія сохранилось также и самостоятельное веденіе помѣщиками своего земледѣльческаго предпріятія. Конечно, новыя условія предпринимательскаго хозяйства на началахъ капиталистическихъ отношеній требовали и отъ землевладѣльцевъ-предпринимателей обладанія капиталомъ, которымъ они не всегда обладали и который долженъ былъ приливать къ сельскому хозяйству иными путями, чѣмъ въ Англіи. Повышеніе цѣнъ на земледѣльческіе продукты и здѣсь служило толчкомъ для интенсификаціи и раціонализаціи хозяйства, ко вложенію въ него капиталовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и къ измѣненіямъ въ самомъ направленіи производства, т. е. къ переходу отъ зерновыхъ системъ къ скотоводственнымъ и промышленнымъ [2]). Вмѣстѣ съ раціонализаціей земледѣлія, съ введеніемъ травосѣянія, съ уничтоженіемъ выгоннаго содержанія скота, съ распространіемъ улучшенныхъ способовъ обработки и удобренія искусственными туками, должны были съ одной стороны, уничтожиться и остатки старыхъ сложныхъ земельныхъ порядковъ; съ другой стороны—все это тре-

[1]) До революціи всѣхъ земельныхъ собственниковъ насчитывалось во Франціи лишь 4 милл., послѣ революціи уже 6½ милл. *A. Foville.* Le morcellement. Paris, 1885. p. 86—69. *Block.* Statistique de la France, Paris, 1875, II. Кромѣ дворянскихъ земель въ фондъ земельнаго рынка обыкновенно одними изъ первыхъ поступаютъ также церковныя и монастырскія земли, существованіе которыхъ при новомъ строѣ конечно прежде всего является анахронизмомъ; такъ было и во Франціи, гдѣ революція отняла церковныхъ земель на 1½ милліарда франковъ. *A. Foville,* l. c. 54. То же самое было и въ Италіи, гдѣ было распродано такой земли на 900 милліоновъ лиръ. *Eheberg.* Italienisches Agrarwesen. Schr. d. Ver. f. Soc.-Pol., 23. *Sachs*, L'Italie, ses finances et son developpement. Par. 85. Относительно Германіи см. *Conrad*, Agrarstatische Untersuchungen, VI, Grossgrundbesitz. *Meitzen.* Der Boden und die landw. Verhältnisse d. Preuss. Staats., III.

[2]) Еще въ началѣ XIX ст. въ Германіи паръ занималъ 33⅓% пашни, т. е. господствующей являлась трехпольная система; въ 1887 году его насчитывалось лишь 8,89%, а въ 1893 г. 5,91%. Statistik d. Deutschen Reiches, B. 5, N. F.

бовало и громадныхъ денежныхъ средствъ для веденія хозяйства.

Освободительная эпоха приноситъ европейскому помѣщичьему землевладѣнію и то, и другое, т. е. и освобожденіе отъ прежней связанности земельныхъ отношеній, а также и нѣкоторый приливъ капиталовъ, въ видѣ тѣхъ выкупныхъ платежей, которые всюду должны были платить помѣщикамъ освобожденные крестьяне. Съ XVIII в. и до средины XIX ст. совершается во всѣхъ европейскихъ странахъ это освободительное движеніе, проходящее при всемъ его разнообразіи съ однимъ преобладающимъ мотивомъ и съ однимъ и тѣмъ же послѣдствіемъ. Заинтересованный помѣстный классъ вездѣ встрѣчалъ вначалѣ реформу болѣе или менѣе враждебно и отрицательно, смотря на нее, какъ на лишеніе своихъ сословныхъ привиллегій. Въ дѣйствительности же всюду сопровождавшіе реформу выкупные платежи [1]), уплачиваемые помѣщикамъ, должны были принести имъ громадную выгоду. Вмѣстѣ съ измѣнившимися внѣшними условіями они должны были создать для крупнаго помѣщичьяго хозяйства самую благопріятную почву дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ организаціи своего хозяйства на крупно-предпринимательскихъ, чисто коммерческихъ началахъ: освобожденіе крестьянъ вездѣ приносило и избавленіе помѣщикамъ отъ экономически невыгоднаго крѣпостного труда, отъ путъ натуральныхъ отношеній; создавало новый рабочій рынокъ для исполненія сельскихъ работъ и новый потребительный рынокъ, благодаря увеличенію городского населенія.

Такимъ образомъ, крупному землевладѣльческому классу въ такихъ странахъ, какъ Германія, представлялась возможность къ переходу отъ стараго крѣпостного хозяйства къ новымъ формамъ при сохраненіи земельной собственности и самостоятельнаго земледѣльческаго предпринимательства. И дѣйствительно, тогда какъ въ Англіи обработка земли самими собственниками достигаетъ не болѣе 19% всей площади, въ Германіи, наоборотъ, лишь 19% пло-

[1]) Изъ нѣмецкихъ государствъ въ Баденѣ, напр., «выкупъ десятины» крестьянамъ обошелся до 70 милл. мар.; выкупныхъ платежей помѣщикамъ Пруссіи поступило до 250 милл. мар. Другія государства насчитываютъ также весьма крупныя цифры выкупныхъ платежей. Лишь во Франціи эпоха революціи уничтожила всѣ помѣщичьи права на крестьянскія повинности, какъ остатокъ феодализма. См. *Meitzen.* Der Boden und d. landw. Verhältn. d. Preuss. Staats, 1, 437. *Buchenberger.* Der Verwaltungsrecht d. Landwirtschaft. Tb. 1887. *A. Foville.* Le morcellement, 52.

*

щади сдается въ арендное пользованіе. Поэтому другимъ, противоположнымъ англійскому типомъ развитія крупнаго капиталистическаго хозяйства является самостоятельное землевладѣльческое хозяйство, когда землевладѣлецъ-собственникъ является и предпринимателемъ. Этотъ типъ земледѣльческаго хозяйства, болѣе всего распространенный на континентѣ, по тѣмъ производственнымъ отношеніямъ, которыя лежатъ въ основѣ его—примѣненію капитала и наемнаго труда—долженъ быть такъ же, какъ капиталистическое арендное хозяйство, отнесенъ къ капиталистически организованнымъ предпріятіямъ, несмотря на то, что совмѣщаетъ въ одномъ лицѣ и землевладѣльца, и предпринимателя. Степень капитализаціи такого хозяйства должна опредѣляться только степенью развитія въ немъ производственныхъ капиталистическихъ отношеній, смѣняющихъ остатки прежнихъ полусвободныхъ формъ организаціи хозяйства въ видѣ отработочныхъ, натуральныхъ и т. п. арендъ. И поскольку развиваются въ этомъ хозяйствѣ капиталистическія отношенія, постольку требуется все большій приливъ капитала къ нему, постолько и въ европейскомъ землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ все болѣе ясно отмѣчается фактически тотъ же процессъ, что и въ англійскомъ, именно «отдѣленіе права землевладѣнія отъ обработки земли» [1]). Однако, этотъ процессъ капитализаціи происходитъ здѣсь въ гораздо болѣе сложныхъ формахъ и по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ является инымъ, чѣмъ въ Англіи.

Для организаціи земледѣлія на капиталистическихъ началахъ предпринимателю-землевладѣльцу требовались большія денежныя средства. Отчасти они, какъ сказано, были получены помѣщичьимъ классомъ въ большинствѣ европейскихъ странъ при освобожденіи крестьянъ. Но эти суммы были вообще невелики и были скоро исчерпаны, а для развитія производительности и интенсификаціи земледѣлія при капиталистическомъ производствѣ требовался все большій приливъ капитала къ земледѣлію, все большее вложеніе денежныхъ средствъ въ земледѣльческое производство. Для европейскаго землевладѣльца хозяина все грознѣе сталъ вставать вопросъ о недостаткѣ этого капитала и о необходимости или изыскивать способы привлеченія его въ земледѣліе путемъ кредита или ликвидировать свое хозяйство.

Этотъ послѣдній исходъ былъ, понятно, неблагопріятнымъ для желавшаго вести свое земледѣльческое хозяйство помѣщика. Но, казалось, не существуетъ особенныхъ трудностей для достиженія перваго исхода при постоянномъ стремленіи капитала изыскивать себѣ всевозможные способы производительнаго приложенія. Правда въ такомъ случаѣ отличіе организаціи хозяйства отъ англійскаго фермерскаго хозяйства было бы только формальнымъ: при привлеченіи къ земледѣльческому предпріятію капитала извнѣ землевладѣлецъ фактически работалъ-бы на чужой капиталъ, его предпріятіе зависѣло бы отъ условій кредита этого капитала, самъ онъ получалъ бы только ренту и фактически не былъ бы самостоятельнымъ предпринимателемъ. Такимъ образомъ можно было думать, что начавшійся быстрый ростъ задолженности европейскаго частнаго землевладѣнія дастъ ему возможность поставить свое хозяйство на почву чисто-капиталистическаго предпріятія. Дѣйствительно, такъ и рѣшался вопросъ съ точки зрѣнія старыхъ представленій и теорій о роли капитала и кредита въ сельскохозяйственномъ производствѣ: при взглядѣ на ипотеку, какъ на видъ производительнаго употребленія капитала въ земледѣліи, задолженность землевладѣнія должна служить признакомъ роста производительнаго капитализма въ земледѣльческомъ производствѣ и лишь скрытой, измѣненной формой того же «отдѣленія владѣнія землей отъ ея обработки», какое въ прямой формѣ проявляется въ англійскомъ фермерствѣ [1]).

Но уже Родбертусомъ было доказано, что ипотечная задолженность не связана съ употребленіемъ полученнаго капитала на производительныя цѣли и ипотечный кредитъ не есть производительный кредитъ [2]). Чаще всего онъ связанъ съ наслѣдственными раздѣлами или идетъ на совершенно постороннія и непроизводительныя цѣли. Такимъ образомъ, вопросъ объ экономической сущности ипотеки и о причинахъ постояннаго прилива къ землѣ капитала черезъ эту форму кредита остается открытымъ.

Съ другой стороны, въ европейскомъ землевладѣніи и въ землевладѣльческомъ классѣ съ XVIII вѣка начинаетъ усиленно обнаруживаться и другое явленіе, отчасти также какъ результатъ недостатка капитала у землевладѣльцевъ и какъ способъ ликвидированія

[1]) *Kautsky*. Die Agrarfrage. Stut. 1899, S. 91.

[1]) *Wolowsky*. De l'organisation du credit foncier. Paris, 1848, «земледѣльческій кредитъ—поземельный кредитъ». См. также *А. Смитъ*. О богатствѣ народовъ, кн. II, гл. IV. *Милль*. Основанія, кн. I, гл. IV.

[2]) *Rodbertus*, Zur Erklärung und Abhülfe d. heutigen Creditnoth d. Grundbesitzes. 1881.

хозяйства; отчасти какъ средство полученія необходимаго для производства капитала (при частичныхъ продажахъ земли). Это— постоянно усиливающійся процессъ мобилизаціи земли, т. е. простого обращенія ея на товарномъ рынкѣ и купли-продажи ея, какъ всякаго товара. По своимъ соціальнымъ и экономическимъ послѣдствіямъ и по вліянію не только на все сельское хозяйство, но и на все народное хозяйство, этотъ процессъ мобилизаціи имѣлъ, конечно, громадное значеніе. Поэтому онъ вызвалъ оживленную литературу, на протяженіи болѣе чѣмъ столѣтія такъ или иначе рѣшавшую этотъ вопросъ [1]). Однако, вся она занята скорѣе разсмотрѣніемъ экономическихъ, соціальныхъ, политическихъ и другихъ послѣдствій мобилизаціи земельной собственности, ея стѣсненій и свободы, концентраціи и раздробленія землевладѣнія, преимуществъ мелкаго или крупнаго землевладѣнія, значенія крестьянства и помѣстнаго владѣльческаго класса и т. п. Вопросъ же о томъ, какова экономическая сущность явленія мобилизаціи, постоянной купли-продажи земли, остается почти незатронутымъ или разрѣшеніе его ограничивается большею частью простымъ указаніемъ что при мобилизаціи земля «предоставляется свободному обороту, обращается въ предметъ обмѣна, становится текучимъ товаромъ и подвергается дѣйствію движущей силы мѣнового оборота, денегъ»[2]).

При мобилизаціи какъ и при ипотекѣ, можно было бы предполагать, что разъ продажа земли обусловливается недостаткомъ капитала у прежняго землевладѣльца, продавца ея, и обладаніемъ достаточнымъ для организаціи капиталистическаго производства капиталомъ у покупателя, то этотъ процессъ «движенія земли къ капиталу» долженъ бы останавливаться тогда, когда земля попала въ руки капиталиста, и когда явилась возможность капиталистической организаціи производства. Между тѣмъ тѣ же цифры показы-

[1]) Сводка нѣмецкой литературы вопроса о мобилизаціи см. напр. у Соболева «Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи» М. 1898. Подробный перечень литературы можно пополнить такими историческими трудами, какъ *Niebur.* Zur Dismembrationsfrage, in Archiv d. Polit. Oekonom. N. F. II, 3. *Lette.* Die Vertheilung d. Grundbesitzes im Zusammenhang d. Geschichte d. Volkstände, 1858. *Elsner.* Politik und Landwirtschaft. 1835. *Eberle.* Grundeigenthum und Bauernschaft, 1896. *Oppenheimer.* Grossgrundeigenthum und sociale Frage, 1898. *Hertz*, Die Agrarischen Fragen. 1899.

[2]) *Kosegarten.* Betrachtungen üb. d. Veraüsserlichkeit und Theilbarkeit d. Landbesitzes. 52, цит. по Соболеву.

ваютъ, что мобилизаціонный процессъ не останавливается и не уменьшается, а наоборотъ земля все быстрѣе переходитъ изъ рукъ въ руки, оставаясь въ однѣхъ рукахъ все меньшее, ничтожное число лѣтъ [1]).

Очевидно, мобилизація земли не связана съ капитализаціей земледѣльческаго производства и не представляетъ изъ себя «движенія земли къ капиталу», по крайней мѣрѣ къ капиталу производительному. Если здѣсь и есть какое-либо «движеніе земли къ капиталу», то во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ феноменами производительнаго капитала, а капитала денежно-торговаго: ни въ ипотечной задолженности, ни въ процессѣ мобилизаціи не происходитъ развитія капиталистическихъ отношеній въ производствѣ, а происходитъ подчиненіе земледѣлія лишь денежному капиталу.

Торговый капиталъ, при разрушеніи натуральнаго хозяйства какъ мы видѣли, превращаетъ въ товары прежде всего продукты прежняго личнаго натуральнаго потребленія. Это становится для него возможнымъ, какъ только хозяйство теряетъ свой замкнутый и обособленный сословный характеръ и вступаетъ въ обмѣнъ съ другими хозяйствами. Но этимъ вліяніе денежнаго капитала не ограничивается: обративъ въ товаръ сначала продукты земли, онъ превращаетъ въ товаръ и самую землю. Въ дальнѣйшемъ онъ можетъ превратиться и въ болѣе развитую форму, въ капиталъ производительный; но, какъ сказано, ни черезъ ипотеку, ни черезъ мобилизацію этого большею частью не получается.

Въ чемъ же выражается сущность этого вліянія денежнаго капитала на земледѣльческія отношенія и чѣмъ объясняется эта возможность постояннаго прилива денежнаго капитала къ земледѣльческому хозяйству, если здѣсь нѣтъ производительныхъ цѣлей?

Въ той формѣ организаціи хозяйства, когда землевладѣлецъ является въ одно и то же время и предпринимателемъ, ведущимъ свое хозяйство капиталистически, онъ, слѣдовательно, имѣетъ право на полученіе какъ прибыли на капиталъ, такъ и ренты. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ оба эти вида дохода, онъ можетъ оба ихъ капитализировать на общихъ основаніяхъ денежно-капиталистическаго оборота, т. е. продавши за извѣстную капитальную сумму свое право на ренту и свое право на прибыль. При част-

[1]) Объ этомъ болѣе подробно см. *Ерошевскій.* Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ. Одесса, 1881, стр. 77.

ной собственности на землю и при свободѣ мобилизаціи земли, приравниваемой обыкновенному товару, это представляется вполнѣ возможнымъ. Въ этомъ случаѣ, слѣдов., въ продажѣ земли соединяется капитализація двухъ разныхъ по существу доходовъ: процента на капиталъ и ренты. Возможность перваго обусловливается вообще доходностью приложенія производительнаго капитала въ земледѣліи, какъ во всякой отрасли промышленности; въ этомъ отношеніи земледѣліе не отличается отъ всякой другой изъ отраслей хозяйства. Возможность же капитализировать ренту зависитъ отъ исключительныхъ свойствъ, связанныхъ съ характеромъ землевладѣнія и съ особыми экономическими свойствами самой земли.

Вложенный въ земледѣльческое хозяйство производительный капиталъ, какъ производительный капиталъ во всякомъ другомъ производствѣ, возвращается въ произведенныхъ продуктахъ и въ ихъ стоимости или цѣликомъ, или по частямъ. Поэтому для реализаціи вложеннаго въ земледѣльческое предпріятіе капитала нѣтъ необходимости вынимать его изъ предпріятія или передавать предпріятіе въ руки другого капиталиста; возвращеніе его совершается самимъ собою въ процессѣ производства. Скорость возвращенія этого капитала будетъ весьма различна, въ зависимости отъ вида и продолжительности періода обращенія капитала. Въ сельскомъ хозяйствѣ, благодаря техническимъ и естественнымъ особенностямъ, капиталъ возвращается вообще медленнѣе, чѣмъ въ промышленности. Этими свойствами производительнаго земледѣльческаго капитала обусловливается возможность сельскохозяйственнаго кредита на общихъ основаніяхъ производительнаго кредита; какъ таковой, т. е. пока онъ остается производительнымъ кредитомъ, а не поземельнымъ, онъ не требуетъ спеціальнаго обезпеченія въ видѣ ипотеки.

Иное дѣло съ тѣмъ денежнымъ капиталомъ, который приливаетъ къ земледѣлію не въ качествѣ производительнаго капитала, а ради реализаціи ренты въ продажѣ земли или въ ея ипотечной задолженности. Чѣмъ обезпечивается сохранность и возможность возврата этого вида капитала, поглощаемаго землевладѣніемъ и земледѣліемъ?

Владѣніе землей, помимо тѣхъ преимуществъ, которыя оно доставляетъ благодаря опредѣленному соціальному строю, имѣетъ еще ту главную цѣль, которая у владѣльца овеществляется въ полученіи ренты. Такъ какъ эта послѣдняя имѣетъ свойство постоянно возвышаться, то обычно всѣ стремленія землевладѣльческихъ

классовъ и направлены на то, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ удержать за собою хотя бы одно право владѣнія землею, т. е. право на полученіе ренты, хотя бы путемъ отказа отъ участія собственно въ сельскохозяйственномъ предпріятіи. Возможность капитализировать эту ренту заключается въ особыхъ экономическихъ свойствахъ земли, сводящихся въ концѣ концовъ къ взгляду на цѣнность земли не какъ на капитальную цѣнность, а лишь какъ на доходную или производную цѣнность [1]).

Опредѣленія цѣнности и цѣны земли посредствомъ капитализаціи ренты изъ обычнаго процента при постоянномъ свойствѣ ренты рости, процента же понижаться, и возможность для собственника каждаго участка реализаціи его все по возвышающейся стоимости, дѣлаетъ особенно неразрывной и живучей ту связь, которая обнаруживаетъ земля, какъ извѣстная экономическая категорія съ чисто исторической и сословной категорій—съ поземельной собственностью. Если невозможно представить капиталиста, обладателя какихъ-либо машинъ, извлекающаго изъ нихъ прибыль какимъ-либо инымъ путемъ, а не употребленіемъ ихъ въ производствѣ; если тѣмъ болѣе невозможно, чтобы этотъ капиталъ въ машинахъ увеличивался безъ какого-либо употребленія ихъ въ производствѣ, то поземельный собственникъ можетъ, самъ совершенно не участвуя въ производствѣ и даже вовсе не эксплоатируя свою землю получать отъ нее доходъ или увеличивать ея производную цѣнность. Поэтому, если для подчиненія себѣ производительнаго процесса въ промышленности капиталу необходимо разорвать лишь одну экономическую связь между самостоятельнымъ производителемъ и принадлежащими ему орудіями производства, то въ земледѣльческомъ хозяйствѣ на его пути стоитъ еще нѣкоторая историческая категорія, въ видѣ особаго права земельной собственности. Разорвать эту связь, превратить поземельнаго собственника въ чистаго земледѣльческаго предпринимателя, вполнѣ отдѣлить экономическое явленіе—сельскохозяйственное предпріятіе отъ историческаго—той или другой формы землевладѣнія, представляется для капитала болѣе труднымъ. Съ точки зрѣнія стремленія капитала къ достиженію высшей для него цѣли—капитализаціи

[1]) *Rodbertus*. Zur Erklärung und Abhülfe d. heutigen Creditnoth d. Grundbesitzes. См. также *L. Stein*. Die drei Fragen d. Grundbesitzes. *Buchenberger*. Grundzüge d. Agrarpolitik.

производительнаго земледѣльческаго процесса, поземельная собственность должна являться для него безусловнымъ препятствіемъ, такъ какъ нѣкоторая часть капитала при частной земельной собственности должна направляться не въ капиталистически-организованное производство, а употребляться на капитализацію ренты, т. е. на покупку самого *права* веденія капиталистическаго хозяйства. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, капиталъ, употребляемый на покупку земли, т. е. на капитализацію ренты, не представляется капиталомъ производительнымъ. Затраты капитала на покупку этого «права» на землю въ общемъ народномъ хозяйствѣ должны быть чрезвычайно велики. И въ то же время, будучи совершенно непроизводительными, онѣ являются громадной обузой для развитія капиталистической организаціи производства, такъ какъ отвлекаютъ капиталъ отъ производительнаго приложенія. И слѣдовательно, если въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ подчиненнымъ капиталу является только сельскохозяйственное производство, сама же земля почти изъята изъ денежнаго оборота, то въ континентальномъ хозяйствѣ не только производство организовано капиталистически, но и сама земля, какъ овеществленіе права на ренту, должна, сдѣлавшись товаромъ, подчиниться всѣмъ законамъ товарно-денежнаго обращенія. Возможность получать постоянно возвышающійся рентный доходъ и возможность, благодаря свободѣ мобилизаціи, его во всякое время капитализировать, имѣютъ тѣ послѣдствія, что при этихъ условіяхъ денежный капиталъ можетъ и не стремиться перейти въ высшія производительныя формы, а ограничиваться лишь полученіемъ прибыли въ процессѣ обращенія земли, какъ товара.

Возможность полученія прибыли изъ процесса обращенія земли (въ видѣ продажи или въ видѣ залога) обусловливается не условіями производительныхъ функцій земли и капитала, а лишь свойствами послѣдней давать ренту. Капиталъ въ видѣ ипотеки, даваемый заимодавцемъ, или капиталъ уплачиваемый за землю при продажѣ представляютъ собою капитализированную ренту. Его возвратъ и уплата процентовъ обезпечивается всей или частью этой ренты; именно эта рента закладывается или продается, какъ капитальная цѣнность, хотя таковой она и не представляетъ. Но разъ эта цѣнность является лишь производной, а продается, какъ капитальная,—разъ получаемый чрезъ поземельный кредитъ капиталъ представляетъ лишь капитализированную ренту, т. е. независимый отъ обращенія капитала въ производствѣ доходъ, то, перемѣнивъ свою денежную оболочку на реальную и превратившись въ землю, этотъ капиталъ возродиться въ производствѣ въ сущности не можетъ. Его доходность обезпечена, хотя и въ другой формѣ—не въ прежней формѣ процента, но въ формѣ ренты; но возродиться самъ въ процессѣ производства онъ не можетъ, такъ какъ не участвуетъ въ производствѣ. Рента не воспроизводится и не погашается въ производствѣ; она не входитъ въ стоимость произведенныхъ продуктовъ и потому капиталъ, превратившійся въ землю, можетъ всегда получать въ видѣ этой ренты вѣчный доходъ, но никогда не быть воспроизведеннымъ ею вновь, какъ капиталъ производительный.

Если продана вся рента, т. е. если подъ обезпеченіе ренты взятъ максимальный по существующему уровню процента капиталъ, то новый владѣлецъ этой ренты, фактическій землевладѣлецъ, не получаетъ никакихъ доходовъ, превышающихъ размѣры прежнихъ его полученій съ капитала. Но за-то онъ сталъ собственникомъ-землевладѣльцемъ. А при современныхъ условіяхъ это право собственности даетъ ему и другое, еще болѣе важное для него право—право полученія ренты. Имѣя это, признаваемое за нимъ «право» онъ вслѣдствіе монопольнаго характера землевладѣнія получаетъ и возможность осуществленія этого права. Реализовавши свой капиталъ въ землю, получая съ нея доходъ равный прежнему проценту, ex-капиталистъ не довольствуется своимъ положеніемъ: ему необходимо, какъ настоящему землевладѣльцу получать ренту не только формально, но и матеріально, т. е. получать доходъ, превышающій процентъ на затраченный при покупкѣ земли капиталъ. Если земля остается еще на время въ рукахъ прежняго землевладѣльца, то дѣло въ сущности не мѣняется: землевладѣлецъ, фактически работающій ради доставленія прибыли капиталисту, также не можетъ не стремиться воспользоваться прерогативами своего землевладѣльческаго положенія—получать ренту.

Постоянный ростъ цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ и спроса на землю предоставляетъ имъ обоимъ эту возможность. Какъ землевладѣлецъ, заложившій всю свою ренту и оставившій за собой лишь формальное право владѣнія, такъ и капиталистъ, превратившійся въ землевладѣльца и получающій ренту, равную прежнему доходу съ капитала, съ теченіемъ времени снова начинаютъ получать дѣйствительную ренту. Но, какъ только возникла она, такъ

снова появляется и возможность капитализировать эту ренту, закладывъ и продавъ ее: дѣйствительность показываетъ, что задолженность землевладѣнія всегда составляетъ приблизительно постоянную часть стоимости земли и ростетъ вмѣстѣ съ цѣною этой земли [1]).

Такимъ образомъ явленія мобилизаціи землевладѣнія и его задолженности помимо ихъ юридическихъ формъ, соціальныхъ и политическихъ послѣдствій представляютъ лишь частный случай процесса подчиненія сельскохозяйственныхъ отношеній капиталу, притомъ не производительному капиталу, а денежно-торговому т. е. капитализацію не производительнаго процесса земледѣлія, а лишь сферы обращенія его цѣнностей. Въ противоположность вліянію производительнаго капитала и совершенно тождественно съ подчиненіемъ торговымъ капиталомъ сферы обмѣна, въ этихъ случаяхъ ссудный капиталъ, фактически подчиняя себѣ земледѣльческое хозяйство, не нуждается ни въ капитализаціи производства, ни въ наличности тѣхъ развитыхъ условій, которыхъ требуетъ производительный капиталъ. Поэтому онъ не вліяетъ положительно на это производство, не способствуетъ его капиталистическому прогрессу. Наоборотъ, для землевладѣльца увеличеніе ипотеки часто обозначаетъ разрушеніе его хозяйства, благодаря необходимости работать ради доходовъ этого чужого ссуднаго капитала, въ ущербъ здоровымъ условіямъ производства [2]).

[1]) См. напр. старыя данныя, приводимыя *Rodbertus'омъ*, Zur Erklärung und Abhülfe des heutigen Creditnoth, S. 31, на основаніи оффиціальной статистики: въ Познани въ каждое изъ трехъ десятилѣтій 1837—57 гг. общая цѣнность имѣній опредѣлялась въ 6,9 милл. тал., 10,1 милл. тал. и 13,7 милл. тал., задоженность же возросла за это время съ 5,5 милл. тал. до 8,8 милл. тал. и 11,1 милл. талеровъ, т. е. шла параллельно съ ростомъ цѣнности имѣній и почти поглощала ее. Подобное же соотношеніе получаетъ для болѣе продолжительнаго и для болѣе новаго періода *Steinbrück* для одного изъ округовъ Германіи: съ 1820—41 г. до 1880—95 гг. ипотечная задолженность увеличилась съ 2,7 милл. мар. до 7,8 милл. м., причемъ отношеніе ея къ покупной цѣнѣ имѣній увеличилось съ 24,3% до 31,1%. *Steinbrück*. Die Entwicklung d. Preise d. städt. und ländlichen Immobilarbesitzes. Halle, 1896.

[2]) «Землевладѣлецъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы раздобыть необходимыя средства, хотя бы путемъ постепеннаго подтачиванія самого хозяйства... Сокращаетъ размѣръ покупаемыхъ для хозяйства кормовыхъ и удобрительныхъ средствъ, пріобрѣтаетъ меньшее количество рогатаго и продуктивнаго скота, употребляетъ меньшее количество рабочихъ рукъ и т. п. даже въ ущербъ требованіяхъ раціональнаго хозяйства. Въ то же время хозяинъ начинаетъ продавать большее, чѣмъ слѣдуетъ по плану хозяйства, количество хлѣба, скота и т. п. Такимъ образомъ онъ ослабляетъ свой производительный капиталъ.» *Goltz*,

Независимая отъ капитализаціи производства и отъ развитія производительныхъ силъ задолженность землевладѣнія поэтому обыкновенно предшествуетъ установленію капиталистическихъ отношеній. При крѣпостномъ строѣ она распространена не менѣе, чѣмъ при возникновеніи капиталистическихъ отношеній.

Какъ мобилизація землевладѣнія, т. е. переходъ продажей или другимъ способомъ права на ренту отъ одного владѣльца къ другому, такъ и задолженность его, т. е. залогъ права на ренту есть лишь простое превращеніе въ денежный капиталъ земли, но не самой по себѣ, (такъ какъ она не представляетъ капитальной стоимости), а лишь права полученія дохода отъ владѣнія ею, права, обусловленнаго именно монопольностью этого владѣнія. Для выясненія экономической сущности процесса мобилизаціи важенъ именно только этотъ способъ перехода владѣнія путемъ продажи ренты, такъ какъ тотъ видъ мобилизаціи, который происходитъ вслѣдствіе перехода земельной собственности безвозмездно, цѣликомъ или раздробляясь, какъ наслѣдство отъ одного владѣльца другому, при всей важности его соціальныхъ послѣдствій, не имѣетъ здѣсь значенія. Если при такомъ наслѣдственномъ переходѣ земельной собственности совершается въ то же время денежный выдѣлъ и уплата однимъ изъ совладѣльцевъ другому денежной суммы, то очевидно, что и въ этомъ случаѣ происходитъ лишь простая капитализація и продажа ренты, какъ доходной цѣнности, т. е. обращеніе права на ренту, олицетворяемаго землевладѣніемъ, въ товаръ и подчиненіе его денежному капиталу.

Итакъ, и въ процессѣ мобилизаціи земли, въ ея ипотечной задолженности происходитъ лишь простая продажа ренты; а такъ какъ рента всегда возрастаетъ и, превращенная въ капиталъ, вновь возраждается, то мобилизація земли и ея задолженность являются въ то же время для современнаго землевладѣльческаго класса средствами накопленія капитала. Какъ первоначальное накопленіе капитала создалось главнымъ образомъ путемъ накопленія земельныхъ рентъ, такъ и теперь сходный процессъ совер-

Vorlesungen üb. Agrarwesen und Agrarpolitik. Jena, 99. По анкетѣ прусскаго правительства 1886—89 гг. въ числѣ причинъ принудительныхъ продажъ имѣній отсутствіе достаточнаго капитала составляетъ до 42%, лишь 10—12% падаетъ на долю семейныхъ обстоятельствъ и 56%—на нецѣлесообразныя нормы наслѣдственнаго права.

шается въ современномъ землевладѣніи. Разница между ними заключается лишь въ томъ, что тамъ землевладѣлецъ являлся въ то же время и земледѣльцемъ-предпринимателемъ, тогда какъ теперь землевладѣніе отдѣлено отъ земледѣльческаго предпріятія. Поэтому первоначальное накопленіе не только происходило въ землевладѣльческомъ классѣ, но и накопленные капиталы должны были оставаться нѣкоторое время связанными съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, пока землевладѣлецъ не порывалъ съ нимъ связи. Между тѣмъ въ настоящее время, благодаря свободѣ мобилизаціи земли и возможности капитализаціи ренты, землевладѣльцы могутъ тратить на тѣ или другія цѣли свою ренту раньше, чѣмъ они ее получаютъ. Другой вопросъ, на какія именно цѣли тратится эта капитализированная рента; она можетъ быть вложена въ то же земледѣльческое предпріятіе и, ставши производительнымъ капиталомъ, подчинить себѣ процессъ земледѣльческаго производства.

Но, какъ доказано въ послѣднее время, начиная съ Родбертуса статистическими данными, капиталы, получаемые чрезъ ипотеку землевладѣльческимъ классамъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ идутъ на производительныя цѣли земледѣльческаго хозяйства. Поэтому какъ въ современномъ процессѣ мобилизаціи земли, такъ и въ ея задолженности нѣтъ прилива и проникновенія производительнаго капитала въ земледѣльческое хозяйство, а имѣется лишь подчиненіе его денежному капиталу. Этотъ денежный капиталъ можетъ, и на высшей ступени своего развитія всегда дѣйствительно стремится превратиться въ производительный капиталъ, т. е. завладѣть производительнымъ процессомъ земледѣльческаго хозяйства. Но прежде всего, обративъ въ товаръ землю, какъ овеществленіе ренты, какъ вѣчный источникъ возрастающаго дохода, онъ какъ всякій торговый капиталъ стремится лишь къ полученію прибыли въ процессѣ ея обращенія. Какъ денежный торговый капиталъ въ процессѣ товарнаго обращенія Д.—Т.—Д. временно мѣняетъ свою матеріальную оболочку, становясь товаромъ, а обладатель его не капиталистомъ, а собственникомъ потребительной цѣнности, такъ и здѣсь капиталъ временно превращается въ землю, а капиталистъ—въ землевладѣльца, обладающаго потребительной цѣнностью —землей. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ—заботы капиталиста не заботы производителя, не заботы о полученіи прибавочной стоимости въ процессѣ производства и о подчиненіи его себѣ въ этихъ цѣляхъ, а лишь забота торговца—полученія прибыли на

свой капиталъ. Возможность полученія этой прибыли заключается въ возможности снова реализовать ренту съ нѣкоторымъ избыткомъ, благодаря тому, что эта рента всегда возвышается.

Это обстоятельство является причиной весьма важнаго различія въ аграрной эволюціи континента отъ Англіи. Въ Англіи доступъ производительнаго капитала къ земледѣлію представляется вполнѣ свободнымъ, благодаря чему производительный процессъ основанъ вообще на капиталистическихъ началахъ и переходныхъ полукапиталистическихъ формъ отъ прежняго натуральнаго хозяйства къ современной капиталистической организаціи почти не наблюдается. Отмѣченныя особенности и условія континентальнаго землевладѣнія и земледѣлія, затруднительность доступа къ нему производительнаго капитала ведутъ къ тому, что въ немъ переходныя некапиталистическія и полукапиталистическія формы получаютъ гораздо болѣе значительное распространеніе и оказываются гораздо болѣе живучими. Существованіе натуральныхъ, испольныхъ, отработочныхъ арендъ является естественнымъ слѣдствіемъ большей затруднительности доступа производительнаго капитала къ земледѣльческому хозяйству и недостачи его у самого землевладѣльца. Наоборотъ, чисто капиталистическія организаціи земледѣльческаго производства являются менѣе частыми, такъ какъ даже приливъ капитала черезъ ипотеку можетъ не вести къ капитализаціи производства и можетъ уживаться съ тѣми же некапиталистическими формами натуральныхъ и отработочныхъ арендъ. Поэтому для европейскаго частновладѣльческаго сельскаго хозяйства чаще свойствененъ не непосредственный переходъ отъ натуральнаго докапиталистическаго хозяйства къ капиталистически организованному предпріятію, какъ въ Англіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ немъ чаще и гораздо болѣе широко распространенными являются различныя полукапиталистическія формы организаціи хозяйства и эксплоатаціи труда, въ видѣ испольныхъ и отработочныхъ арендъ, освобождающихъ отъ необходимости вложенія въ земледѣльческое хозяйство капитала и дающихъ въ то же время возможность получать и всегда капитилизировать этотъ рентный доходъ.

V.

Вліяніе развитія капиталистическихъ отношеній на крестьянское земледѣльческое хозяйство.—Системы хозяйственныхъ организацій.

До сихъ поръ мы говорили лишь о частновладѣльческомъ, преимущественно крупномъ и во всякомъ случаѣ предпринимательскомъ сельскомъ хозяйствѣ, ведущемся въ цѣляхъ полученія прибыли. Проникновеніе капитала и капиталистическихъ отношеній въ такое хозяйство, какъ мы видѣли, вначалѣ происходитъ въ видѣ подчиненія капиталу сферы обмѣна производимыхъ этимъ хозяйствомъ продуктовъ. Въ болѣе же развитыхъ формахъ совершается путемъ капитализаціи производительнаго процесса, причемъ самое земледѣльческое производство отдѣляется отъ владѣнія землей. Эта же послѣдняя, превратившись въ процессѣ мобилизаціи въ простой товаръ, подчиняетъ земельную собственность денежному капиталу, капитализирующему источникъ дохода, лежащій внѣ производства, т. е. ренту.

Условія развитія крестьянскаго хозяйства, принимая подъ нимъ, какъ указано выше, такой видъ хозяйства, который въ принципѣ отрицаетъ развитіе капиталистическихъ началъ — стремленіе къ полученію прибыли, какъ главный факторъ хозяйственной дѣятельности, наемный трудъ, капиталистическую ренту—должны быть, конечно, совершенно иными. Однако, и крестьянское хозяйство не осталось совершенно свободнымъ отъ капиталистическихъ вліяній и лишь прошли они нѣсколько инымъ путемъ и вылились въ иныя формы, чѣмъ для частновладѣльческаго хозяйства.

Общій переломъ экономической жизни первой половины XIX вѣка засталъ крестьянское хозяйство въ техническомъ отношеніи такъ же какъ и помѣщичье большею частью при первобытныхъ и низкихъ по производительности условіяхъ трехпольной системы хозяйства. Но правовая эмансипація крестьянства принесла крестьянскому хозяйству освобожденіе отъ историческихъ пережитковъ крѣпостничества и феодализма далеко не такъ полно и скоро, какъ помѣщичьему. Остатки общиннаго землевладѣнія и землепользованія сохранялись въ крестьянскомъ хозяйствѣ гораздо болѣе крѣпко, собственность индивидуализировалась гораздо болѣе медленно, мобилизація земельной собственности часто юридически совсѣмъ не

признавалась или по крайней мѣрѣ стѣснялась, а вмѣстѣ съ тѣмъ затруднялась и замедлялась раціонализація и техническое усовершенствованіе производства. Между тѣмъ, вытѣсненіе фабричной промышленностью побочныхъ деревенскихъ занятій вносило въ деревню все возрастающую нужду въ деньгахъ. Эта нужда на первыхъ шагахъ могла быть удовлетворена только пространственнымъ расширеніемъ хозяйства, количественнымъ увеличеніемъ вырабатываемаго продукта; а при господствѣ трехполья это увеличеніе естественно должно было направиться на возможно большее расширеніе зерновой культуры. Введеніе въ сѣвооборотъ какихъ-либо новыхъ, въ иное время созрѣвающихъ растеній было невозможно еще и благодаря существованію принудительнаго сѣвооборота, такъ какъ при общинномъ землевладѣніи и при трехпольномъ сѣвооборотѣ все пожнивное поле поступало въ общее пользованіе въ видѣ выгона.

Такимъ образомъ, было трудно, почти невозможно перейти къ раціональнымъ, улучшеннымъ системамъ хозяйства; съ другой стороны, сама утрированная зерновая трехпольная система ставила крестьянское хозяйство въ критическое положеніе. Для увеличенія валовой доходности хозяйства необходимо было повышеніе урожайности истощенныхъ полей; для этого необходимо было лучшее удобреніе, увеличеніе численности скота, слѣдов. расширеніе кормовой площади за счетъ зерновой—а это грозило, хотя бы на первыхъ шагахъ сокращеніемъ валового сбора, если бы даже и было возможно по условіямъ общиннаго землевладѣнія. Простое же расширеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ, къ которому проще всего было прибѣгнуть, влекло за собой сокращеніе удобренія и полное истощеніе и безъ того уже выпаханной земли.

Поэтому-то стадія зернового трехпольнаго хозяйства, черезъ которую проходили почти всѣ страны, является особенно критической и особенно характерной не только для частновладѣльческаго хозяйства, но не менѣе того и для нѣкоторыхъ моментовъ въ поступательномъ ходѣ развитія земледѣльческой техники и экономики деревни. Если трудовому сельскому населенію предоставлялась возможность окончательнаго освобожденія отъ историческихъ пережитковъ крѣпостного состоянія, натуральнаго хозяйства, общиннаго землепользованія, и переходъ къ свободному развитію своихъ производительныхъ силъ, то техническія и общественныя условія сельской промышленности быстро развивались и быстро мѣнялись.

Экономическій раціонализмъ и стремленіе къ полученію денежнаго дохода, заставившіе освободить крестьянъ отъ крѣпостного труда побудили въ свою очередь и къ раціональному техническому преобразованію крестьянскаго хозяйства, выразившемуся въ измѣненіи всей системы полеводства и хозяйства [1]). «Какъ только была достигнута полная частная собственность на землю, исчезла и необходимость засѣвать площадь, не предназначенную для прокормленія скота, только зерновыми хлѣбами. Крестьянинъ могъ воздѣлывать и другіе хлѣба, которыхъ требовалъ рынокъ, пріобрѣтшій теперь рѣшающее значеніе для земледѣльческой культуры. При трехпольной системѣ онъ этихъ новыхъ растеній или совсѣмъ не могъ производить, или культивировалъ ихъ лишь въ огородѣ; таковы, напр., растенія, предназначенныя въ пищу, какъ кортофель, стручковыя растенія, или же для техническихъ цѣлей, напр. масличныя—рапсъ, макъ; волокнистыя—ленъ, конопля; красильныя—морена, вайда; пряныя — хмѣль, тминъ и др. торговыя, какъ, напр., макъ» [2]).

Эти новыя растенія, частью вслѣдствіе своихъ специфическихъ свойствъ и способности улучшенія почвы (какъ, напр., бобовыя), частью вслѣдствіе необходимости улучшенной обработки, усиленнаго удобренія и пр. привели въ свою очередь къ улучшенію скотоводства, въ громадной мѣрѣ повысили урожайность истощенныхъ крестьянскихъ полей и такимъ образомъ настолько повысили технической уровень крестьянскаго хозяйства, что то малоземелье, отъ котораго раньше страдала деревня, уничтожилось.

Но реорганизація хозяйства не могла остановиться на такомъ измѣненіи собственно техническихъ условій производства и пошла гораздо далѣе въ глубь крестьянскаго хозяйства, повліявъ на измѣ-

[1]) Этотъ переворотъ въ земледѣліи европейскихъ странъ, происходившій вездѣ съ большимъ однообразіемъ и сходствомъ, почти вездѣ также ставится въ заслуги и связывается съ тѣми или другими именами великихъ агрономовъ и ученыхъ, «преобразователей отечественнаго земледѣлія», напр., Артура Юнга въ Англіи, Шубарта и Тэера въ Германіи. См. *A. Young.* A six months tour through the Nort of England. Lon. 1771. *Thaer.* Grundzätze d. rationellen Landwirtschaft. Berl. 1810—12. и его же Einleitung zur Kenntnis d. englischen Landwirtschaft. 1Auf. 1798. *I. C. Schubart,* Oekonomisch-Kameralistische Schriften, Leipz. 1784—85. Но именно это однообразіе представляетъ прекрасное доказательство, что общая для всѣхъ странъ раціонализація земледѣлія была лишь простымъ слѣдствіемъ назрѣвшихъ экономическихъ требованій эпохи.

[2]) *Kautsky*, Die Agrarfrage, 34.

неніе всей его общественно экономической структуры. Путь къ этому былъ уже открытъ измѣнившимися условіями землевладѣнія и индивидуализаціей его. Новое хозяйство требовало новыхъ основаній свободнаго землевладѣнія взамѣнъ прежнихъ принудительныхъ общинныхъ; новая техника раціональнаго земледѣлія вела къ упадку однихъ, старыхъ отраслей труда и къ возникновенію ряда другихъ, новыхъ. Все это требовало новыхъ людей, связанныхъ лишь экономическимъ интересомъ, вмѣсто прежней принудительной семейно-общинной кооперації; новыхъ денежныхъ отношеній, приложенія къ землѣ капитала, а не одного личнаго труда.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ техники сельской промышленности, вызваннымъ общимъ ростомъ народнаго производства, измѣняется и вся внутренняя структура деревни, ведущая къ дефференцировкѣ народныхъ силъ въ направленіи торжества раціонализма и индивидуализма. «Нужды современнаго сельскаго хозяйства: его потребность въ точномъ установленіи права собственности, его потребность въ наилучшемъ использованіи земли, т. е. въ раціональной постановкѣ хозяйства, его стремленіе преобразовать и рабочія отношенія соотвѣтственно своимъ непосредственнымъ цѣлямъ — все это имѣетъ своимъ слѣдствіемъ тотъ фактъ, что большая часть какъ бы связаннаго съ землей сельскаго населенія, органически сросшагося въ прежнее время съ сельскимъ хозяйствомъ, отрывается отъ земли, мобилизуется, превращается какъ бы въ своего рода летучій песокъ. Извѣстнаго рода процессъ развитія, подкрѣпляемый еще и другими обстоятельствами: уничтоженіемъ промышленныхъ побочныхъ заработковъ, возникновеніемъ среди сельскаго населенія индивидуалистическаго духа, этими обоими слѣдствіями распространенія и усиленія промышленнаго капитализма.» [1]).

Такимъ образомъ развитіе производительныхъ силъ и необходимость техническаго прогресса крестьянскаго хозяйства привели и крестьянское землевладѣніе, какъ и помѣщичье, къ дифференціаціи, полному разслоенію и къ уничтоженію въ немъ прежнихъ сословныхъ началъ. Тамъ, гдѣ подобныя перемѣны въ крестьянскомъ землевладѣніи были возможны и шли свободно, тамъ и техническій прогрессъ крестьянскаго хозяйства шелъ болѣе быстро, не стѣсняясь сословными пережитками. Вмѣстѣ съ тѣмъ все крестьянское хозяйство становилось на совершенно иную почву и при-

[1]) *Зомбартъ*, Современный капитализмъ. II. 145.

нимало совершенно иную организацію: прежнія натуральныя основы веденія хозяйства ради удовлетворенія собственныхъ потребностей смѣняются работой ради удовлетворенія потребностей другихъ хозяйствъ посредствомъ обмѣна въ той или другой формѣ. Крестьянское хозяйство начинаетъ такъ же, какъ и предпринимательское служить рынку, пріобрѣтаетъ торговый характеръ; условія его существованія попадаютъ въ тѣсную зависимость и подчиненіе внѣшнимъ ему факторамъ рынка и рыночнаго обращенія.

Иногда уже одно то обстоятельство, что крестьянское хозяйство начинаетъ производить не потребительныя блага, какъ прежде, но товарныя цѣнности, позволяетъ трактовать такое крестьянское хозяйство, какъ капиталистическое хозяйство [1]). Однако, отъ возникновенія такого товарнаго характера производимыхъ продуктовъ, отъ подчиненія рынку далеко еще до измѣненія самаго производства въ духѣ капиталистическихъ отношеній. Правда, развитіе производства товарныхъ цѣнностей въ крестьянскомъ хозяйствѣ является для него причиной и необходимостью перехода отъ прежняго натуральнаго строя къ инымъ организаціямъ производства. Этотъ переходъ часто составляетъ первый шагъ, изъ котораго при благопріятныхъ условіяхъ можетъ развиться чисто капиталистическая организація производства. Однако, пока въ такомъ хозяйствѣ не развились еще вполнѣ закончено всѣ феномены капиталистической организаціи производства—главнымъ образомъ приложеніе капитала и наемнаго труда—т. е. пока хозяйственное предпріятіе сохраняетъ свой «крестьянскій» характеръ, оно по мѣсту своему въ системѣ хозяйственныхъ организацій должно быть отдѣлено отъ тѣхъ формъ, которыя могутъ быть названы капиталистическими. Этотъ вопросъ представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что такой типъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства является особенно распространеннымъ и въ нѣкоторыхъ условіяхъ численно преобладающимъ.

Хотя сбытъ полученныхъ продуктовъ и товарный характеръ ихъ присущъ какъ капиталистическому, такъ и работающему на рынокъ крестьянскому хозяйству; хотя натуральное потребленіе уже почти изгнано изъ такого крестьянскаго хозяйства, но все же въ этомъ послѣднемъ нѣтъ тѣхъ экономическихъ категорій, которыя присущи капиталистическому хозяйству, если только не смѣ-

[1]) *Марксъ,* Капиталъ; III, 665.

шивать одно понятіе съ другимъ. Въ понятіе крестьянскаго хозяйства, даже при максимальныхъ его размѣрахъ, какъ указано выше, входитъ лишь использованіе собственныхъ рабочихъ силъ для доставленія этимъ силамъ средствъ необходимаго существованія. Категоріи прибыли, категоріи капитала, а вмѣстѣ съ ними и ренты должны быть исключены. Этими капиталистическими понятіями невозможно измѣрять крестьянское хозяйство. Говорить [1]), что крестьянинъ представляетъ изъ себя лишь «мелкаго капиталиста», который «выплачиваетъ самому себѣ заработную плату» или получаетъ, какъ землевладѣлецъ, ренту, представляется не только весьма далекой абстракціей, не только несоотвѣтствіемъ съ тою классификаціей, которая должна быть принята для крестьянскихъ хозяйствъ, но заключаетъ и внутреннее противорѣчіе, такъ какъ если капиталъ, рента, заработная плата не представляются какими то фетишами, а лишь выраженіемъ отношенія соціальныхъ массъ между собою, то, конечно, и крестьянинъ не можетъ совмѣщать въ себѣ представителей двухъ противоположныхъ соціальныхъ массъ — рабочаго и капиталиста.

Въ формахъ земледѣльческаго хозяйства понятіе такого самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства должно быть выдѣлено въ совершенно особый видъ. Доходъ крестьянскаго хозяйства состоитъ не изъ ренты, прибыли на капиталъ и заработной платы. Этотъ доходъ ни по существу своему, ни по размѣрамъ не даетъ ему возможности накопленія, въ видѣ-ли капитализаціи ренты или въ видѣ увеличенія вложенія въ производство капитала. Онъ приноситъ ему лишь матеріальную обезпеченность удовлетворенія обычныхъ жизненныхъ потребностей, даетъ ему, говоря въ общей формѣ, лишь обезпеченіе «пропитанія». Конечно, это обезпеченіе достигается уже совершенно въ иной формѣ сравнительно съ натураль-

[1]) Какъ напр. это дѣлаетъ *Марксъ*, трактующій крестьянское хозяйство, какъ мелкое капиталистическое и признающій въ немъ существованіе дифференціальной ренты. Крестьянинъ «выплачиваетъ самъ себѣ ренту и заработную плату», поскольку онъ является «предпринимателемъ и землевладѣльцемъ». «Даже въ томъ случаѣ, если такая форма общественнаго состоянія встрѣчается тамъ, гдѣ еще совершенно не получила развитія рыночная цѣна, дифференціальная рента все же есть: она проявляется въ такомъ случаѣ въ прибавочномъ продуктѣ. Только попадаетъ она въ карманы тѣхъ крестьянъ, трудъ которыхъ реализируется при болѣе благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ». Капиталъ, III, стр. 665. Противъ подобной конструкціи см. замѣчанія *Булгакова,* «Капитализмъ и земледѣліе» т. I, стр. 141 и слѣд.

нымъ хозяйствомъ. Потребленіе въ значительной своей части происходитъ не въ формѣ натуральнаго потребленія; производство создаетъ не одни лишь предметы собственнаго потребленія, но главнымъ образомъ мѣновыя цѣнности, т. е. такіе предметы, которые по цѣлямъ самого производства предназначаются къ обмѣну и для удовлетворенія потребностей другихъ хозяйственныхъ единицъ. Но во всей этой организаціи хозяйства все же отсутствуютъ элементы капиталистическаго и предпринимательскаго духа, а преслѣдуется лишь достиженіе возможности обезпеченія существованія.

Этотъ признакъ — матеріальное обезпеченіе въ удовлетвореніи личныхъ жизненныхъ потребностей, въ пропитаніи—и можетъ быть принятъ, по аналогіи съ другими, промышленными формами организаціи хозяйства, какъ характерный для систематизаціи формъ крестьянскаго земледѣльческаго самостоятельнаго хозяйства.

Если-бы мы пожелали найти для этой формы земледѣльческой промышленности соотвѣтствующее мѣсто въ общей классификаціи формъ промышленности, то необходимо признать, что подобное самостоятельное мелкое крестьянское хозяйство, не превратившееся еще въ капиталистическую организацію на основахъ, о которыхъ мы говорили выше, не низведенное съ другой стороны на степень хозяйства, лишь формально сохраняющаго свою самостоятельность, о чемъ мы скажемъ ниже,—это крестьянское хозяйство по существу своей организаціи должно найти себѣ мѣсто, совершенно тождественное съ ремесленной организаціей промышленности [1]). Самостоятельный крестьянинъ-земледѣлецъ—пока онъ именно сохраняетъ съ одной стороны свое крестьянство, т. е. работаетъ безъ постояннаго и регулярнаго примѣненія наемнаго труда, а лишь ради использованія собственныхъ рабочихъ силъ семьи; съ другой стороны, пока онъ остается самостоятельнымъ [2]), т. е. не превращается фактически или и формально въ наемнаго рабочаго—

[1]) См. *Bücher,* Die Entstehung etc. 175—249, а также ст. *Gewerbe* in Handw. d. Staatswiss. *Arnold.* Das Aufkommen d. Handwerkstandes im Mittelalter. Bas. 61. *Schmoller.* Die Gesch. Entwicklung d. Unternehmung, Jahrbuch, XV, 1049.

[2]) На это сходство указываетъ напр. *Марксъ:* «Право собственности на землю настолько же необходимо для полнаго развитія этого способа веденія хозяйства, какъ право собственности на рабочіе инструменты для свободнаго развитія ремесла». *Марксъ,* Капиталъ, III, 667.

до тѣхъ поръ такой крестьянинъ представляетъ изъ себя лишь хлѣбопашца-ремесленника [1]) и его земледѣліе—ремесло.

Дѣйствительно, однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ какъ такого земледѣльческаго хозяйства, такъ и хозяйства ремесленнаго, является ихъ самостоятельность. Это не та лишь формальная независимость, которая присуща напр. производителю въ домашней промышленности, но и фактическая независимость, выражающаяся въ томъ, что такому земледѣльцу какъ и ремесленнику предоставлена возможность реализовать свой трудъ гдѣ и какъ онъ хочетъ, не только быть хозяиномъ въ своемъ производствѣ, но и быть автономнымъ руководителемъ процесса производства во всемъ его цѣломъ, не превращаясь въ простой исполнительный органъ третьяго лица, дѣйствительнаго организатора производства, капиталистическаго предпринимателя [2]). Всѣ эти признаки присущи и хлѣбопашцу-ремесленнику, крестьянину, пока онъ не подпадетъ подъ вліяніе капиталиста-предпринимателя и фактически не теряетъ своей свободы въ производствѣ.

Но одной свободы производства еще не достаточно для сохраненія ремесленнику его самостоятельности: ему необходимо также право свободно реализовать свои продукты, не подчиняясь капиталу въ процессѣ обращенія. Поэтому способы и виды организаціи сбыта ремесленныхъ хозяйствъ являются также не менѣе важными для характеристики ремесленной промышленности, чѣмъ организація самого производства. При нѣкоторыхъ различіяхъ, установившихся по этому вопросу у разныхъ, упомянутыхъ выше авторовъ, можно замѣтить одинъ основной признакъ условій сбыта продуктовъ ремесленнаго производства: работаетъ-ли ремесленникъ «по заказу» или «на продажу», сбываетъ ли свои продукты въ разносъ по домамъ, на ярмаркахъ или посредникамъ—его рынкомъ является главнымъ образомъ, даже почти исключительно мѣстный рынокъ. Сбытъ на большихъ рынкахъ, участіе въ оборотахъ международной торговли или совершенно исключены для ремесленной организаціи или во всякомъ случаѣ менѣе характерны для ремесла, чѣмъ его участіе въ мѣстной торговлѣ [3]).

И въ этомъ отношеніи хозяйство хлѣбопашествующаго ремесленника-крестьянина совершенно сходно съ хозяйствомъ ремесленника-

[1]) *Зомбартъ,* Современный капитализмъ, I, 214.

[2]) Объ этомъ см. *Зомбартъ,* I. V, а также *Bücher, Schmoller* и др.

[3]) *Зомбартъ,* l. c. I. 17.

промышленника. Дѣйствительно, чѣмъ въ болѣе чистомъ видѣ представляется разсматриваемый типъ крестьянскаго хозяйства, чѣмъ болѣе оно захвачено индивидуалистическими стремленіями, чѣмъ болѣе становится чистой профессіей, чѣмъ болѣе, наконецъ, интенсивными формами обладаетъ его производство, тѣмъ болѣе оно зависитъ отъ рынка. Но пока такое хозяйство съ одной стороны сохраняетъ свою самостоятельность, пока съ другой стороны оно не превращается въ капиталистическое предпріятіе, эта зависимость не идетъ далѣе зависимости отъ мѣстнаго рынка.

Наиболѣе типичными формами подобныхъ крестьянскихъ хозяйствъ являются тѣ пригородныя мелкія крестьянскія хозяйства, которыя снабжаютъ городъ своими растительными, молочными и т. п. продуктами. Извѣстна и та высокая интенсивность, которая наблюдается въ этихъ хозяйствахъ, и то громадное значеніе, которое они имѣютъ и, наконецъ, та организація производства и сбыта, которая имъ присуща. Нося чисто ремесленный характеръ по организаціи своего производства, т. е. сравнительно мало эксплоатируя наемный трудъ и задаваясь цѣлью не полученія прибыли, а «снисканія пропитанія», эти хозяйства и въ сбытѣ своихъ продуктовъ примѣняютъ всѣ тѣ способы, которые присущи ремеслу. Разносъ продуктовъ по домамъ, сбытъ на продажу на мѣстныхъ базарахъ непосредственно производителю, главнымъ же образомъ сбытъ опредѣленнымъ лицамъ — городскимъ торговцамъ, являются наиболѣе распространенными формами сбыта продуктовъ такихъ хозяйствъ.

Поэтому, чѣмъ болѣе развита городская жизнь, чѣмъ болѣе быстро идетъ ростъ городского населенія, тѣмъ болѣе успѣшно развиваются, тѣмъ болѣе становятся интенсивными подобныя ремесленныя земледѣльческія хозяйства. Понятно, что развитіе капиталистическихъ отношеній вообще, а также и капиталистической организаціи обмѣна и сбыта, очень быстро расшатываютъ подобныя хозяйства, съ одной стороны открывая имъ отдаленные рынки сбыта, перспективу новыхъ стремленій къ полученію прибыли и превращая ихъ такимъ образомъ въ капиталистическія предпріятія; съ другой—низводя менѣе счастливыхъ изъ такихъ ремесленниковъ-хлѣбопашцевъ на степень наемныхъ рабочихъ, если и сохраняющихъ связь съ землей, то или лишь формальную, или не преслѣдующую производительныхъ цѣлей, а основывающуюся на простомъ домоводствѣ и обитаніи своего «карликоваго» участка. Но какъ въ обрабатывающей промышленности, такъ и здѣсь тяготѣніе къ

мѣстному рынку и опора на мѣстныя условія вообще придаютъ такому хозяйству значительную долю устойчивости. Технически организація такого хозяйства выражается большею частью въ такъ называемой вольной или спекулятивной системѣ, которая, однако, можетъ быть и при капиталистической организаціи хозяйства [1]).

Гранью, отдѣляющей такое ремесленное крестьянское хозяйство отъ капиталистическаго, является не высота интенсивности и не мѣновой характеръ произведенныхъ продуктовъ, а именно отсутствіе капиталистическихъ стремленій, т. е. отсутствіе стремленія къ эксплоатаціи наемнаго труда въ цѣляхъ полученія прибавочной стоимости. Какъ промышленный ремесленникъ, такъ и земледѣльческій въ основу своей производительной дѣятельности кладутъ не полученіе прибыли, а лишь полученіе «соотвѣтственнаго своему званію достатка; его ремесленная работа должна доставить ему матеріальный базисъ существованія, доставить ему пропитаніе» [2]).

Изъ такого отношенія къ своему труду вытекаетъ и та форма организаціи ремесленнаго производства, которая присуща также и земледѣльческому ремеслу—форма, покоющаяся главнымъ образомъ и прежде всего на привлеченіи къ труду членовъ семейной организаціи. Лишь впослѣдствіи, при господствѣ болѣе развитыхъ и переходныхъ формъ ремесла въ его хозяйственной организаціи начинаютъ участвовать постороннія лица въ качествѣ помощниковъ или сотрудниковъ. Но становясь на эту почву какъ промышленный ремесленникъ, такъ и ремесленникъ-хлѣбопашецъ уже приближаются къ переходнымъ формамъ организаціи хозяйства, производство которыхъ основано уже на иныхъ принципахъ. Извѣстно, что современная классификація мелкихъ хозяйствъ основана именно на признакѣ размѣровъ хозяйствъ по достаточности ихъ только лишь для пропитанія крестьянской семьи и для использованія съ этой цѣлью всѣхъ рабочихъ силъ семьи. Но конечно и среди мелкихъ хозяйствъ могутъ встрѣчаться все же такія, которыя ведутся съ большимъ или меньшимъ примѣненіемъ наемнаго труда въ цѣляхъ его эксплоатаціи, полученія прибавочной стоимости и прибыли. [3])

[1]) См. *Dünkelberger.* Die landw. Betriebslehre in ihren naturgeschichtl., volkswirtschaftl., und kulturtechn. Grundlagen. 1890. *Goltz*, Handbuch d. gesammten Landwirtschaft, I, 1890. *Yandervelde.* L'exode rural et le retour aux champs. Paris.1903.

[2]) *Зомбартъ*, l. c. 90.

[3]) *Rau.* Lehrbuch d. Politischen Oekonomie, I, 8 Aufl. 1868. *Roscher,* System d. Volkswirtschaft, I, 16 Aufl. 1882. *Rau,* Ueber d. Minimum eines Bauerngutes, in Archiv Politischen Oekonomie. B. IX, 1851.

Очевидно, что лишь въ тѣхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, которыя эксплоатируютъ регулярно и постоянно наемную рабочую силу въ цѣляхъ полученія прибыли, можно видѣть зачатки капиталистическаго хозяйства, тогда какъ болѣе мелкія, работающія лишь ради пропитанія своихъ членовъ, въ экономическомъ отношеніи являются эквивалентомъ ремесленныхъ хозяйствъ въ промышленности.

Въ такія формы выливается организація крестьянскаго самостоятельнаго хозяйства, если условія общественной и экономической жизни способствуютъ его индивидуализаціи, освобожденію отъ сословно-принудительныхъ формъ, техническому прогрессу и вступленію въ обмѣнъ съ другими хозяйствами; однимъ словомъ, если имѣются подобныя же условія, которыя способствовали возникновенію ремесленной организаціи промышленности. Однако, эти крестьянскія хозяйства какъ таковыя, не могутъ быть причисленны даже къ переходнымъ формамъ капиталистическаго хозяйства за отсутствіемъ въ нихъ капиталистическихъ элементовъ.

Правда, возникновеніе капиталистическихъ формъ здѣсь вполнѣ возможно. Въ одномъ случаѣ сельскій производитель сохраняетъ свою самостоятельность, но «крестьянское» хозяйство въ упомянутомъ смыслѣ перестаетъ существовать; какъ только въ немъ возникаютъ капиталистическіе феномены, оно превращается въ разсмотрѣнныя выше формы капиталистическихъ хозяйствъ, хотя бы и меньшихъ размѣровъ. Крестьянинъ превратился въ обычнаго капиталистическаго предпринимателя, эксплоатирующаго чужой наемный трудъ въ цѣляхъ полученія прибавочной стоимости. И такіе переходы въ дѣйствительности весьма обычны. Препятствіемъ для нихъ является лишь то, что являлось и для ремесленника препятствіемъ превращенія его въ капиталистическаго предпринимателя: по самому принципу и цѣлямъ ремесленнаго хозяйства, накопленіе капиталовъ въ немъ можетъ встрѣчаться только въ рѣдкихъ и болѣе счастливыхъ случаяхъ и крестьянинъ, такъ же какъ и ремесленникъ, въ среднемъ, не можетъ возвыситься и разбогатѣть до предпринимателя.

За то довольно распространенной можетъ быть и другая форма разложенія такого самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства и возникновенія на мѣстѣ его его новыхъ капиталистическихъ отношеній, форма обратная предыдущей и сопряженная съ потерей самостоятельности хлѣбопашца-ремесленника. Эта потеря самостоятельности происходитъ сначала особенно легко въ сферѣ обмѣна, а

затѣмъ и въ сферѣ производства. Подпадая въ зависимость отъ капитала прежній самостоятельный хозяинъ становится фактически домашнимъ рабочимъ, работающимъ подъ управленіемъ торговца-капиталиста и ради доставленія ему прибыли. Но вообще если внутреннія условія такого ремесленно-земледѣльческаго хозяйства не благопріятствуютъ превращенію этого хлѣбопашца-ремесленника въ капиталистическаго предпринимателя, то эти же условія предохраняютъ его отъ потери самостоятельности и отъ превращенія въ земледѣльческаго батрака.

Близость потребительнаго рынка, непосредственная съ нимъ связанность доставляютъ возможность чисто ремесленнымъ организаціямъ крестьянскаго хозяйства сохраняться при благопріятныхъ условіяхъ долгое время и успѣшно бороться съ подчиненіемъ капиталу. Поэтому то чѣмъ благопріятнѣе эти условія, чѣмъ болѣе развиты индивидуалистическія начала землевладѣнія и хозяйства, чѣмъ болѣе по размѣрамъ потребительный городской рынокъ и чѣмъ ближе къ нему находятся земледѣльческія мелкія хозяйства, чѣмъ болѣе интенсивенъ общій уровень земледѣлія, однимъ словомъ — чѣмъ высшее общее экономическое развитіе страны, тѣмъ болѣе успѣшно идетъ конкурренція хозяйствъ ремесленнаго типа съ другими формами организаціи земледѣльческой промышленности. Такого рода ремесленное земледѣльческое хозяйство, опираясь на мѣстный рынокъ, технически быстро прогрессируя, развивая культуру особенно тѣхъ растеній, которыя требуютъ приложенія большого количества труда, вводя нѣкоторую техническую переработку получаемыхъ растительныхъ и животныхъ продуктовъ, создавая наконецъ соотвѣтствующія общественныя формы для достиженія такого техническаго прогресса и удешевленія производства (въ видѣ самыхъ разнообразныхъ товариществъ и т. п.), обнаруживаетъ замѣчательную устойчивость своего положенія и благосостоянія. Идеаломъ для него является конечно переходъ въ высшую форму — въ хозяйство на капиталистическихъ началахъ, въ хозяйство, допускающее накопленіе. Такимъ образомъ такое крестьянское хозяйство является хотя и самостоятельной и въ высшей степени устойчивой формой, но все же переходной ступенью въ развитіи мелкихъ хозяйственныхъ организацій отъ натуральнаго потребительнаго хозяйства въ высшую степень капиталистическаго хозяйства [1]).

[1]) Въ такихъ высокопромышленныхъ странахъ какъ напр. Бельгія, Голландія, Англія и Франція этотъ типъ хозяйства долженъ особенно процвѣтать въ

Совершенно инымъ представляется ходъ разложенія первоначальнаго натуральнаго крестьянскаго хозяйства въ томъ случаѣ, когда общественныя формы и экономическія условія не благопріятствуютъ дифференцировкѣ хозяйственныхъ отношеній и индивидуализаціи землевладѣнія, когда техническій прогрессъ земледѣлія благодаря этому задерживается и когда земледѣліе не можетъ стать «ремесломъ» для своего хозяина. Хотя въ другихъ отрасляхъ промышленной жизни капиталистическія отношенія могутъ являться уже господствующими, хотя денежныя отношенія проникли уже и въ сельское хозяйство, однако общія условія могутъ еще долго препятствовать установленію въ самомъ сельскохозяйственномъ производствѣ чистыхъ капиталистическихъ отношеній. Въ такомъ случаѣ подчиненіе мелкаго сельскаго производителя капиталу происходитъ въ другихъ формахъ, чѣмъ описанныя выше.

При возникновеніи и развитіи въ народномъ хозяйствѣ денежныхъ отношеній деревня при всей своей изолированности должна всегда испытывать возрастающую нужду въ деньгахъ какъ для исполненія цѣлаго ряда денежныхъ повинностей, такъ и для собственныхъ потребностей. Фабрично-заводская промышленность, легко и скоро вытѣсняя изъ деревни прежніе домашніе промыслы, удовлетворявшіе многочисленныя хозяйственныя нужды, еще болѣе увеличиваетъ нужду въ деньгахъ. Но если подобныя условія при возможности индивидуализаціи землевладѣнія вели къ техническому прогрессу, то отсутствіе прочно установившагося права собственности на землю, общинное землевладѣніе со всѣми его послѣдствіями въ видѣ принудительнаго сѣвооборота, черезполосицы, дро-

виду описанныхъ выше условій. См. напр. описаніе высокоинтенсивныхъ культуръ ремесленнаго характера у ***Vandervelde,*** L'exode rural et le retour aux champs. Paris. 1903. «Мелкіе земледѣльцы собственники (ростокскіе огородники) долгое время производили ранніе овощи для парижскаго рынка и имѣли самостоятельныя сношенія съ городомъ. Наиболѣе предпріимчивые изъ нихъ появлялись со своими телѣжками въ столицѣ, сдѣлавъ переходъ въ 150 лье». ***Boudrillart,*** Les populations agricoles de la France. цит. по ***Vandervelde.*** См. также ***Buchenberger,*** Agrarwesen und Agrarpolitik, S. 171. Тамъ же и характерныя указанія, какъ ремесленная организація такого хозяйства постепенно подчиняется торговому капиталу и превращается или въ работающее на скупщика-капиталиста, или въ совершенно капиталистическія хозяйства, «фабрики овощей, фруктовъ, молочныхъ продуктовъ, занимая на небольшомъ пространствѣ большое число рабочихъ». См. также интересныя данныя о подобной же организаціи у ***Pudor,*** Die genossenschaftliche Organisation d. Hühnerzucht und d. Eierhandels in Dänemark, Conrad's Jahrbücher, 28, IV.

бленія земли и невозможности земельныхъ улучшеній является въ высшей степени серьезнымъ препятствіемъ для поднятія техники сельскаго хозяйства. А такъ какъ сословныя основы общиннаго землевладѣнія предполагаютъ всегда принудительную связанность крестьянина съ землей и необходимость добыванія средствъ существованія единственно изъ своего земледѣльческаго промысла, то возникаетъ трудная для хозяйства задача: удовлетвореніе возрастающихъ денежныхъ потребностей при существующихъ отсталыхъ и вѣками установленныхъ техническихъ условіяхъ и формахъ производства. А такъ какъ наиболѣе распространенной въ этомъ случаѣ формой является трехпольное зерновое хозяйство, то съ нимъ именно и сопряжена тяжелая борьба крестьянскаго хозяйства за добываніе себѣ денежныхъ средствъ.

При господствѣ зернового производства, земледѣльческое хозяйство уже не можетъ опираться на мѣстный рынокъ такъ какъ его массовый продуктъ—зерно требуетъ большого потребительнаго и слѣдовательно внѣшняго рынка. Но при томъ же зерновомъ хозяйствѣ, благодаря его сравнительной экстенсивности, также отсутствуетъ и возможность увеличить интенсивность эксплоатаціи собственнаго труда. Хозяйство поэтому должно работать массовой продуктъ, въ цѣляхъ массового его сбыта, стремясь возможно болѣе увеличивать его количество. Натуральныя отношенія потребительнаго хозяйства оказываются разрушенными, а для удовлетворенія новыхъ денежныхъ потребностей, для перехода къ новымъ, денежнымъ формамъ хозяйства путь открывается лишь одинъ: увеличеніе количества получаемаго и продаваемаго продукта. При низкомъ уровнѣ техники и трудности ея улучшенія это сводится въ свою очередь къ одному—къ увеличенію размѣровъ эксплоатируемой площади. Но въ этомъ нуждаются и къ этому стремятся всѣ. Между тѣмъ историческіе пережитки, въ видѣ общиннаго землевладѣнія и сословныхъ ограниченій затрудняютъ свободную мобилизацію земли, переходъ ея къ болѣе сильнымъ въ экономическомъ отношеніи слоямъ и отходъ отъ деревни болѣе слабыхъ элементовъ. У деревни обнаруживается непреодолимая «власть земли», погоня за землей, обусловливаемая, однако, не какими либо психологическими причинами и свойствами народнаго духа, а лишь простой экономической необходимостью — добыванія изъ нея денежныхъ средствъ. При технической отсталости земледѣлія и при общемъ стремленіи къ землѣ обнаруживается относительный недостатокъ ея, населеніе

начинаетъ страдать отъ малоземелья. Крайне невыгодныя условія этого состязанія въ погонѣ за землей создаютъ ненормально вздутыя цѣны на землю, создаютъ «голодныя» арендныя цѣны, заставляя самостоятельнаго крестьянина производителя въ расцѣнкѣ своихъ продуктовъ настолько понижать свой заработокъ, что онъ становится много ниже обычной заработной платы, опредѣляемой по уровню обычныхъ потребностей. Выработать возможно большее количество продукта, чтобы возможно больше продать, хотя бы въ ущербъ собственному питанію и существованію становится экономической необходимостью.

Такимъ образомъ массовое предложеніе массового продукта является характернымъ и единственно возможнымъ исходомъ изъ подобнаго положенія крестьянскаго хозяйства. А такъ какъ продавцомъ является вся деревня, такъ какъ всѣ производители стремятся продать во что бы то ни стало, то конкурренція на этой почвѣ доводитъ условія сбыта до крайне ненормальнаго положенія, до крайности понижая цѣны. И чѣмъ ниже онѣ падаютъ, тѣмъ большее количество становится необходимымъ сбывать на рынокъ, тѣмъ большее обремененіе долгами и всякими уплатами ложится на хозяйство.

Здѣсь и начинается подчиненіе и эксплоатація крестьянскаго хозяйства капиталомъ, прежде всего въ формѣ подчиненія его торговому капиталу. Производство земледѣльческихъ продуктовъ все еще остается въ рукахъ у самостоятельнаго производителя, крестьянина, но судьба и расцѣнка этихъ продуктовъ на рынкѣ всецѣло попадаетъ во власть капитала. Капиталъ предоставляетъ крестьянскому хлѣбу самые усовершенствованные пути и способы сбыта—въ видѣ цѣлой арміи скупщиковъ, кредита, желѣзныхъ дорогъ, быстро опустошающихъ крестьянскіе закрома и уносящихъ крестьянскій хлѣбъ въ города и порты. Но онъ же проникаетъ въ деревню и глубже—въ видѣ хотя и менѣе подвижной, но не менѣе значительной и важной арміи мѣстныхъ эксплоататоровъ, кулаковъ, сдатчиковъ земли и т. п.

Вся деревенская жизнь становится въ зависимость отъ этихъ многочисленныхъ представителей денежнаго капитала. По внѣшности въ деревнѣ произошло мало перемѣнъ: земледѣлецъ все еще сохраняетъ свое «крестьянство», обрабатывая собственный участокъ и получая весь продуктъ своего труда полностью. Въ дѣйствительности-же изъ этого продукта для реализаціи его въ денежной формѣ

онъ долженъ отдавать громадную долю своему посреднику въ этой реализаціи. Его доля въ продуктѣ по размѣрамъ своимъ начинаетъ сводиться дѣйствительно къ Existentz-minimum, т. е. приравниваться лишь заработной платѣ. При томъ, въ отношеніи къ развитію производительныхъ силъ деревни, какъ ни глубоко подобное проникновеніе капитала въ деревенскую жизнь, оно не можетъ вести къ главному: не создаетъ, въ особенности вначалѣ, условій капитализаціи земледѣльческаго крестьянскаго производства, не ведетъ къ улучшенію его техники, къ поднятію производительныхъ силъ земли и населенія. Наоборотъ, проникая въ видѣ торговаго капитала лишь въ сферу обмѣна продуктами крестьянскаго хозяйства съ рынкомъ—оно ведетъ лишь къ пауперизаціи населенія, разоряя его, препятствуя образованію производительнаго капитала, нивеллируя всѣ хозяйства до типа того минимума развитія производительныхъ силъ и того минимума потребностей, который обращаетъ крестьянское «самостоятельное» хозяйство въ простое «домоводство» обычнаго батрака.

Такимъ образомъ, фактически такое крестьянское хозяйство по положенію производителя уже потеряло всякую самостоятельность, превратившись въ наемнаго слугу капитала; но формально — оно все еще сохраняетъ свое независимое положеніе. При такой внѣшней самостоятельности явное господство капитала надъ продуктомъ, явныя капиталистическія отношенія начинаются лишь тогда, когда продуктъ поступаетъ на рынокъ. Въ самомъ производствѣ эти капиталистическія отношенія существуютъ лишь въ скрытыхъ формахъ и во внѣшней организаціи производства не проявляются. Въ хозяйствѣ нѣтъ типичной формы капиталистической организаціи производства—его централизаціи. Наоборотъ, какъ мелкое крестьянское хозяйство, оно должно оставаться децентрализованнымъ и декапитализованнымъ. Лишь выходя изъ рукъ хозяина и поступая въ сбытъ, продуктъ, подчиняясь капиталу, сосредоточивается, централизуется въ рукахъ капиталиста-торговца. Слѣдовательно, въ противоположность съ одной стороны ремесленному типу мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ которыхъ независимымъ отъ капитала является какъ производство, такъ и сбытъ, ведущійся самимъ производителемъ самостоятельно; въ противоположность съ другой стороны капиталистическому хозяйству, гдѣ какъ производство, такъ и сбытъ подчинены капиталу, подобное крестьянское хозяйство, фактически уже потерявшее свою независимость и

эксплоатируемое капиталомъ, представляетъ изъ себя децентрализованное и декапитализованное производство при централизованныхъ и капиталистическихъ способахъ обмѣна и сбыта.

Съ какой же исторической формой системъ промышленности имѣетъ сходство и можетъ быть сравнима эта историческая форма организаціи сельскаго хозяйства?

Одна система промышленности, по мѣсту наивысшаго развитія также тѣсно связанная съ деревней, имѣетъ сюда ближайшее отношеніе. Это—«система производства на скупщика» по классификаціи К. Бюхера, въ особенности въ примѣненіи ея къ крестьянскимъ домашнимъ промысламъ [1]).

Мы видѣли, что сбытъ продуктовъ деревенской домашней промышленности коснулся прежде всего лишь продуктовъ, являвшихся избыткомъ сверхъ необходимыхъ для собственнаго потребленія. Мѣновой оборотъ ими происходилъ сначала самостоятельно, въ видѣ подвозовъ на мѣстные рынки сбыта, но скоро уже—частью вслѣдствіе большихъ удобствъ, частью изъ-за необходимости спеціальнаго знанія рыночныхъ условій и все бо́льшаго ихъ усложненія—перешелъ въ руки спеціальнаго посредника, купца. Являясь сначала лишь простымъ посредникомъ въ сбытѣ избытковъ производства, независимаго ни отъ него самого, ни вообще отъ рынка, скупщикъ скоро однако начинаетъ пріобрѣтать вліяніе и на самое производство. Системой кредита, выдачею матеріала, указаніями на требованія рынка и т. п. онъ заставляетъ его подчиняться требованіямъ и условіямъ рынка. Сбытъ, продажа становятся ближайшей цѣлью хозяйства, которое изъ потребительнаго, сбывающаго лишь избытки, превращается въ спеціально торговое, производящее товары.

Историческій ходъ образованія соотвѣтственныхъ формъ въ сельскомъ хозяйствѣ, представляется въ общемъ такимъ же и имѣетъ тѣ же причины; очень близка и экономическая структура такого хозяйства къ промышленной системѣ производства на скупщика.

Правда, въ системѣ производства на скупщика однимъ изъ главныхъ признаковъ является работа изъ матеріала, выдаваемаго предпринимателемъ-скупщикомъ, а часто принадлежность предпринимателю даже и инструментовъ и другихъ орудій производства. Эти условія, конечно, отсутствуютъ въ земледѣльческомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Однако, и въ промышленной системѣ на

[1]) *K. Bücher.* Die Entstehung d. Volkswirtschaft. 4 Auf. S. 194 и сл.

скупщика такая полная зависимость производителя отъ предпринимателя свойственна лишь наиболѣе развитой формѣ ея, въ началѣ же ея развитія рабочій въ процессѣ производства сохраняетъ полную независимость, работая и изъ своего матеріала, и своимъ инструментомъ—и лишь въ процессѣ сбыта подпадаетъ въ полную зависимость отъ скупщика [1]). Это послѣднее обстоятельство именно характерно и для мелкаго самостоятельнаго производителя-крестьянина въ сельскомъ хозяйствѣ.

Дѣйствительно, причиной появленія системы на скупщика въ ходѣ промышленнаго развитія является съ одной стороны пространственная разсѣянность самостоятельныхъ рабочихъ силъ, съ другой—отсутствіе достаточнаго капитала, чтобы объединить эти силы въ самомъ процессѣ производства, какъ это дѣлаетъ фабрика. Объединеніе этихъ разрозненныхъ производительныхъ силъ совершается здѣсь на почвѣ сбыта, т. е. является лишь коммерческимъ, а не производительнымъ объединеніемъ. Совершенно тѣ же причины вызываютъ и ту организацію сельскаго хозяйства, которую мы назвали системой производства на скупщика. Такимъ образомъ, какъ въ промышленной системѣ на скупщика, такъ и въ земледѣльческомъ хозяйствѣ мелкаго крестьянина—въ противоположность крупному производству — капиталъ захватываетъ и организуетъ не производительный процессъ, а сбытъ; поэтому господствующимъ и преобладающимъ здѣсь является не основной капиталъ, какъ въ крупномъ производствѣ, а оборотный капиталъ скупщика, т. е. торговый капиталъ.

Такая зависимость производства мелкаго самостоятельнаго земледѣльческаго производителя-крестьянина отъ торговаго капитала скупщика получаетъ громадное вліяніе на его технику, экономическое положеніе и способность къ дальнѣйшему развитію. Какъ скупщикъ предметовъ домашней крестьянской промышленности, такъ и скупщикъ земледѣльческихъ продуктовъ крестьянскаго производства совершенно не заинтересованы въ уровнѣ техники, въ производительности труда, въ высотѣ его расцѣнки и т. п. Ему важна лишь разница между покупной и продажной цѣной, процентъ

[2]) *Bücher,* Die Entstehung d. Volkswirtschaft, S.200, а также его статью въ Handw. d. Staatswiss. «Gewerbe».

на оборотный капиталъ. Возможно большая масса покупаемаго продукта и быстрота оборота капитала обезпечиваютъ ему этотъ успѣхъ. Поэтому скупщикъ всегда стремится выжать изъ такого «самостоятельнаго» производителя возможно большее количество продукта по возможно низкой цѣнѣ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, не является-ли этотъ продуктъ крайне необходимымъ для собственнаго хозяйства, для нуждъ потребленія и производства, покрываетъ ли его цѣна издержки производства, хотя бы по самой низкой оплатѣ труда. Возможно полное отчужденіе всего излишняго, а часто и необходимаго продукта является, такимъ образомъ, одной стороной дѣятельности скупщика.

Другой стороной дѣятельности скупщика является исканіе внѣшнихъ рынковъ сбыта. Массовое предложеніе, не соотвѣтствующее росту производительныхъ силъ страны, должно вести къ переполненію рынка и къ крайнему паденію цѣнъ. Народное производство попадаетъ такимъ образомъ въ тяжелую экономическую зависимость отъ рынка и отъ торговаго капитала, сказывающуюся на немъ гораздо болѣе губительно, чѣмъ капитализація производительнаго процесса. Формально самостоятельный, производитель превратился въ наемнаго рабочаго, но положеніе его оказывается гораздо хуже наемнаго рабочаго, такъ какъ стремленіе получить возможно больше валового дохода и возможно большее количество отчуждаемыхъ продуктовъ ведетъ къ чрезвычайному пониженію его standard of life, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заработной платы.

Во всякомъ случаѣ въ отношеніи возможности сохраненія экономической самостоятельности производителя такое земледѣльческое хозяйство гораздо менѣе устойчиво и жизнеспособно, чѣмъ хозяйство ремесленнаго типа. Еще менѣе и рѣже, чѣмъ это послѣднее, оно допускаетъ возможность накопленія, но гораздо чаще и легче оно совершенно разлагается, теряя свою самостоятельность.

Итакъ, попытаемся свести въ систему отмѣченныя нами историческія и современныя формы земледѣльческихъ хозяйствъ, т. е. формы организацій земледѣльческаго производительнаго процесса.

Не говоря уже о первобытномъ родовомъ или семейномъ хозяйствѣ, гдѣ не имѣлось особой производительной организаціи и гдѣ соціальныя организаціи являлись въ то же время и хозяйственными организаціями (хозяйство родовое и семейное), мы можемъ оставить въ сторонѣ и тотъ первоначальный видъ самостоятельной организаціи хозяйства, который представляетъ изъ себя древнее ойкосное и помѣстное хозяйство, какъ представитель крупной хозяйственной организаціи въ системѣ «натуральнаго» строя. Въ настоящее время для крупныхъ хозяйственныхъ организацій натуральный ихъ строй является совершенно изжитымъ и невозможнымъ; но очень мало признаковъ и чертъ натуральнаго строя и натуральнаго способа удовлетворенія потребностей сохранило и прежнее «деревенское», общинное крестьянское земледѣльческое хозяйство.

Признакъ размѣровъ хозяйства вообще было-бы неправильно класть въ основу классификаціи формъ хозяйственныхъ организацій [1]). Однако, современное крупное капиталистическое земледѣльческое хозяйство образовалось, главнымъ образомъ, изъ старыхъ крупныхъ натуральныхъ хозяйственныхъ организацій, помѣстій; между тѣмъ мелкое крестьянское хозяйство развилось, главнымъ образомъ, изъ древняго «деревенскаго» хозяйства, и въ настоящее время, какъ мы видѣли, находится на самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ своего развитія. Поэтому въ систематизаціи современныхъ формъ организаціи производительныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ приходится принимать во вниманіе и величину хозяйствъ, пріурочивая къ ней разсмотрѣніе этихъ двухъ типовъ хозяйства, въ виду разницы и въ историческомъ ихъ происхожденіи.

Какъ старое крупное помѣстное хозяйство, такъ и болѣе мелкое крестьянское къ настоящему времени эволюціонировали въ смыслѣ измѣненія своего основного хозяйственнаго принципа—хозяйство ради удовлетворенія потребностей—на болѣе или менѣе полно проведенный принципъ: хозяйство ради полученія прибыли. При происшедшей въ то же время перемѣнѣ въ техническихъ и общественныхъ условіяхъ самого производства—приложеніи въ производствѣ наемнаго труда и капитала, созданіи мѣновыхъ цѣнностей—степень этого измѣненія хозяйственнаго строя можетъ быть также характеризована степенью развитія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ капиталистическихъ отношеній, т. е. степенью и формой зависимости его организаціи отъ капитала, производительнаго или торговаго.

[1]) Объ этомъ см. *Зомбартъ*. Современный капитализмъ, ч. I, гл. 1—2.

Принимая, слѣдовательно, съ одной стороны этотъ послѣдній признакъ, съ другой—отмѣченную историческую разницу въ происхожденіи современныхъ крупныхъ помѣстныхъ хозяйствъ и мелкихъ крестьянскихъ, мы можемъ слѣдующимъ образомъ систематизировать формы организацій земледѣльческихъ хозяйствъ въ ихъ историческомъ развитіи.

1) Старое крупное натуральное хозяйство, въ видѣ сложнаго полуземледѣльческаго помѣстнаго хозяйства, съ широкимъ примѣненіемъ крѣпостного труда, съ сложностью земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній къ зависимымъ отъ него мелкимъ хозяйствамъ барщинно-крѣпостныхъ крестьянъ, но при сохраненіи въ то же время полнаго съ ними хозяйственнаго единства. Эта хозяйственная организація при развитіи денежнаго хозяйства, при эмансипаціи земледѣльческаго населенія и при уничтоженіи общинно-феодальныхъ порядковъ въ землевладѣніи распадается и переходитъ непосредственно въ крупную капиталистическую организацію. Въ зависимости отъ условій предшествовавшаго общаго экономическаго развитія—главнымъ образомъ отъ степени развитія промышленнаго капитализма и накопленія капитала—а также отъ условій эмансипаціи населенія, получается возможность двухъ видовъ этой хозяйственной земледѣльческой организаціи: фермерско-капиталистическое арендное хозяйство и самостоятельное капиталистическое хозяйство землевладѣльца-собственника. По техническимъ и экономическимъ условіямъ производства—приложенію капитала и наемнаго труда—оба эти вида должны быть одинаково причислены къ капиталистической формѣ организаціи производительнаго хозяйства. Но по своему отношенію къ историческимъ судьбамъ крупнаго хозяйства они имѣютъ существенное различіе, отражающееся конечно и на ихъ внутреннихъ экономическихъ отношеніяхъ.

а) Именно, возможность приложенія капитала въ земледѣліи помимо землевладѣльца при арендной системѣ сразу капитализируетъ производительный процессъ въ земледѣліи, подчиняя его производительному капиталу. Съ этимъ капитализація земледѣльческаго производства заканчивается, такъ какъ производительный капиталъ является высшей формой капитала и дальнѣйшее развитіе можетъ идти лишь въ сторону его накопленія, концентраціи и т. п., а не въ сторону какого либо перехода въ высшую форму. Земледѣльческое капиталистическое хозяйство является вполнѣ отдѣленнымъ отъ землевладѣнія. Поэтому представляется возможность

сохраненія этого послѣдняго въ рукахъ какого угодно общественнаго класса, хотя бы съ окончательнымъ наслѣдственнымъ закрѣпленіемъ его въ рукахъ небольшого числа лицъ, потомковъ прежнихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Мобилизація землевладѣнія, а также и задолженность его при нормальныхъ условіяхъ представляется излишней, такъ какъ экономическій процессъ—капитализація земледѣльческаго производства—является законченнымъ и отдѣленнымъ отъ исторической формы землевладѣнія: роль послѣдняго сводится къ полученію ренты, но такъ какъ эта рента получается не сама по себѣ, не благодаря существованію частнаго землевладѣнія, а благодаря условіямъ капиталистическаго производства, то она остается неизбѣжной при всякой формѣ землевладѣнія — лишь бы сохранялось капиталистическое производство—а самъ капиталъ мирится съ ней и остается къ ней равнодушнымъ [1]).

б) Въ томъ случаѣ, если «Der Ritter wird Landwirth», т. е. если первоначальное натуральное хозяйство, переходя къ капиталистическимъ формамъ, сохраняетъ во главѣ своей организаціи самого владѣльца, капитализація производительнаго процесса можетъ встрѣтить въ существующей формѣ землевладѣнія препятствіе. Именно, самъ землевладѣлецъ можетъ не обладать достаточнымъ капиталомъ или достаточными способностями для капиталистическаго предпринимательства. И конечно такія противорѣчія между формой землевладѣнія и формой хозяйства встрѣчаются не рѣдко.

Конечно, разъ капитализація земледѣльческаго производства началась и разъ она имѣетъ экономическія преимущества предъ некапиталистическимъ хозяйствомъ, то удержаніе землевладѣнія въ рукахъ некапиталиста не можетъ предотвратить капитализаціи производства. Но если въ первомъ случаѣ, т. е. при отдѣленіи права владѣнія землею отъ ея обработки, развитіе капиталистическихъ отношеній происходитъ въ формѣ непосредственнаго подчиненія земледѣльческаго хозяйства производительному капиталу, то въ этомъ случаѣ требуется гораздо болѣе сложный и болѣе долгій процессъ. Сначала сама земля начинаетъ отходить отъ некапиталистическаго хозяина-землевладѣльца въ руки землевладѣльца-капиталиста. Прежде, чѣмъ капиталъ проникнетъ въ сельское хо-

[1]) Поскольку, конечно, эта рента остается дифференціальной рентой. Объ этомъ срав. *Маркса*, Капиталъ, III, и *Маслова*, Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1903.

зяйство и станетъ производительнымъ капиталомъ, земельныя отношенія попадаютъ подъ вліяніе сначала только денежнаго капитала. Его роль ограничивается лишь капитализаціей ренты въ процессѣ обращенія земель на товарно-денежномъ рынкѣ, не вліяя на капитализацію самого производительнаго процесса. Первоначальный владѣлецъ участка, уступая право на веденіе хозяйства на своей землѣ, удерживаетъ однако за собой право на полученіе ренты, капитализируя ее путемъ превращенія земли въ простой товаръ, продавая или закладывая ее.

Такимъ образомъ, въ этомъ второмъ видѣ развитія капиталистическихъ отношеній въ земледѣліи, капитализаціи земледѣльческаго производства, подчиненію земледѣлія производительному капиталу предшествуетъ капитализація ренты, т. е. подчиненіе земледѣлія денежному капиталу. На этомъ часто можетъ дѣло и оканчиваться, такъ какъ и въ этомъ случаѣ денежно-торговый капиталъ, какъ и всегда, не заинтересованъ въ капиталистическихъ формахъ организаціи производства. Постоянное возвышеніе ренты даетъ ему возможность или получать постоянно повышающійся доходъ, или снова капитализировать его въ большей суммѣ. Капитализаціи производства, какъ высшей формы капиталистической организаціи хозяйства, въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, является препятствіе, вслѣдствіе сохраненія хозяйственныхъ функцій у класса лицъ, не обладающихъ достаточнымъ къ тому капиталомъ.

в) Именно это задерживающее капитализацію производства вліяніе, которое оказываетъ стремленіе землевладѣльческихъ классовъ сохранить за собою не только право на землю, но и веденіе хозяйства, является причиной широкаго распространенія въ этомъ случаѣ переходныхъ полукапиталистическихъ формъ. Сюда относятся многочисленныя формы отработочныхъ, испольныхъ и т. п. арендъ, являющіяся пережитками и остатками прежнихъ крѣпостныхъ отношеній. Представляясь при современныхъ развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ вообще анахронизмомъ, онѣ могутъ однако сохраняться долгое время, если у землевладѣльца-хозяина не имѣется достаточнаго капитала для соотвѣтствующей организаціи производства. Вообще поэтому онѣ распространены гораздо меньше тамъ, гдѣ имѣются болѣе благопріятныя условія для капитализаціи земледѣльческаго производства, т. е. гдѣ владѣніе землей отдѣляется отъ ея обработки и эта послѣдняя переходитъ къ капиталистическому фермеру. Въ этихъ полукапиталистическихъ хозяйствахъ производство, слѣдовательно, организовано въ большей своей части некапиталистически, хотя всему вообще хозяйству приходится жить въ капиталистическихъ условіяхъ и обстановкѣ. Такой предприниматель напр. получаетъ свой прибавочный продуктъ при некапиталистической организаціи труда, фактически ближе граничащей съ прежними крѣпостными формами. Реализиція же этого прибавочнаго продукта въ денежную форму происходитъ въ условіяхъ общаго капиталистическаго обращенія, и зависимость такого хозяйства отъ денежнаго капитала и отъ денежнаго капиталистическаго оборота очень велика.

Поэтому чѣмъ болѣе быстро вообще развиваются капиталистическія отношенія вокругъ такого хозяйства, тѣмъ скорѣе и оно само по организаціи своего производства переходитъ въ чисто капиталистическія формы землевладѣльческаго или арендаго хозяйства.

2) Болѣе сложными должны быть формы организаціи производства, въ крестьянскомъ, т. е. вообще мелкомъ хозяйствѣ, не примѣняющемъ капитала и наемнаго труда. Разлагающееся древнее крестьянское натуральное хозяйство даетъ различныя формы по степени зависимости организаціи производства отъ капитала, начиная съ формъ, совершенно исключающихъ всякую роль капитала и кончая зачатками чисто капиталистическихъ отношеній. По этому признаку среди современныхъ формъ крестьянскихъ хозяйствъ необходимо выдѣлить:

а) «Земледѣльческія хозяйства ремесленнаго типа», какъ происходящія непосредственно изъ разложенія натуральнаго хозяйства при возникновеніи обмѣна и при разрушеніи прежнихъ земельныхъ отношеній. Эта форма хозяйства среди другихъ современныхъ формъ должна быть признана по ея экономической структурѣ наименѣе развитой, такъ какъ въ ней нѣтъ даже въ зачаточномъ видѣ феноменовъ капиталистическихъ отношеній: заработной платы, капитала и прибыли на капиталъ, ренты. Существуя исключительно лишь въ мелкомъ хозяйствѣ крестьянскаго типа, подобное «ремесленное» хозяйство не даетъ возможности возникновенія этихъ явленій — ренты, капитала, прибыли, заработной платы. Само крестьянское хозяйство, какъ таковое, исключаетъ примѣненіе въ производствѣ наемнаго труда и капитала, исключаетъ стремленіе къ полученію прибыли, замѣняя ихъ собственнымъ трудомъ собственными орудіями производства, ради обезпеченія себѣ

существованія. Конечно, это обезпеченіе существованія происходитъ здѣсь, какъ и въ ремесленной организаціи промышленности, не путемъ натуральнаго потребленія, а путемъ обмѣна своихъ продуктовъ. Самъ этотъ обмѣнъ совершается уже также не въ натуральной формѣ, но въ денежной. Однако, въ условіяхъ подобнаго земледѣльческаго хозяйства ремесленнаго типа онъ можетъ происходить безъ спеціальныхъ посредниковъ-торговцевъ, благодаря близости потребительнаго рынка. Вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость отъ мѣстнаго, всегда сравнительно ограниченнаго рынка обусловливаетъ и характеръ производства этихъ хозяйствъ. Они должны вырабатывать не массовый продуктъ, а продуктъ мѣстнаго потребленія, большею частью требующій интенсивнаго приложенія труда для его выработки или переработки; сообразно съ этимъ вырабатываются и особыя трудо-интенсивныя системы земледѣлія.

Проникновеніе капиталистическихъ отношеній въ такое хозяйство совершается благодаря этому съ трудомъ, такъ какъ оно можетъ обходиться какъ безъ услугъ и посредничества торговаго, такъ и безъ приложенія производительнаго капитала. Однако, сохраненіе этой независимости возможно лишь при особо благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ съ одной стороны торговый капиталъ стремится все болѣе подчинить себѣ сбытъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства, чтобы извлекать изъ него прибыль. Съ другой стороны внутри самого хозяйства пробужденіе капиталистическаго духа создаетъ стремленіе къ новой организаціи на началахъ примѣненія капитала и наемнаго труда, обращая такимъ образомъ это хозяйство въ капиталистическое предпріятіе. Наконецъ, кромѣ подобнаго образованія новыхъ прогрессивныхъ капиталистическихъ формъ, вмѣстѣ съ подчиненіемъ капиталу возможно и полное разложеніе такого хозяйства и утрата имъ самостоятельнаго положенія. Во всякомъ случаѣ въ возникающихъ отсюда формахъ хозяйства зависимость отъ капитала уже гораздо болѣе сильна, чѣмъ въ этомъ «ремесленномъ» хозяйствѣ. По роду и характеру этой зависимости можно далѣе отличать:

б) «Земледѣльческое производство на скупщика», присущее большею частью также мелкому крестьянскому хозяйству и при нѣкоторыхъ условіяхъ получающее здѣсь весьма широкое распространеніе. При этомъ, сохраняя свою формальную независимость, фактически хозяйство представляется всецѣло подчиненнымъ торговому капиталу. Скупщикъ эксплоатируетъ «независимый» трудъ

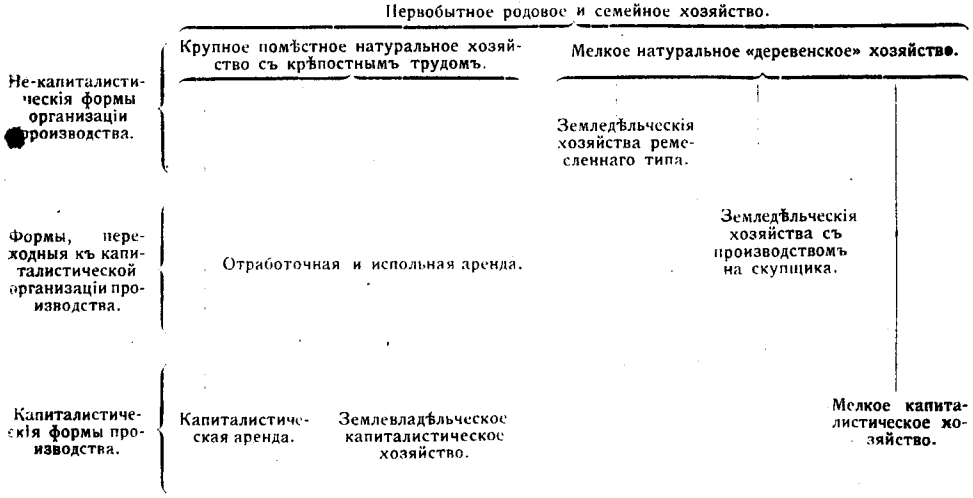
крестьянина, какъ простого наемнаго рабочаго, удѣляющаго, въ видѣ прибавочной стоимости, часть своей рабочей платы для доставленія капиталу прибыли. Сохраняя свои орудія и средства производства, до земли включительно, свою самостоятельность въ производствѣ, такой сельскій производитель долженъ чувствовать тѣмъ большую свою зависимость отъ торговаго капитала, что по условіямъ организаціи производства, онъ долженъ производить массовой продуктъ для обширнаго внѣшняго рынка.

Поэтому и организація сбыта должна измѣнить свой характеръ, требуя спеціальныхъ знаній рынка и пользуясь для этого всѣми усовершенствованными средствами капиталистически организованнаго обмѣна. Въ виду этого такія земледѣльческія хозяйства получаютъ всегда характеръ исключительно зерновыхъ и работающихъ главнымъ образомъ на экспортный рынокъ. Положеніе самостоятельнаго производителя становится тѣмъ хуже и тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе продуктовъ должно отчуждаться изъ хозяйства ради покрытія денежныхъ потребностей. Уровень его потребностей неуклонно стремится къ пониженію и вообще не только не превышаетъ экономическаго благосостоянія наемнаго рабочаго, но часто стоитъ даже ниже его. Это фактическое низведеніе самостоятельнаго производителя на степень рабочаго обнаруживается тѣмъ болѣе ясно, что ему часто приходится искать дополнительнаго заработка въ сосѣднихъ предпринимательскихъ и капиталистически поставленнымъ хозяйствахъ.

в) Другимъ противоположнымъ исходомъ разложенія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства является потеря имъ характера именно «крестьянскаго» хозяйства въ указанномъ выше смыслѣ, т. е. развитіе въ немъ капиталистическихъ началъ и капиталистическаго духа: приложенія капитала, наемнаго труда, образованія прибыли, заработной платы и ренты, работы не ради «сниканія пропитанія», а ради полученія прибыли. Пріобрѣтая эти новые признаки, хозяйство можетъ по внѣшности сохранять и признаки прежняго «крестьянскаго» хозяйства, оставаясь напр. такимъ же мелкимъ по размѣрамъ или сохраняя свой сословный характеръ по формамъ землевладѣнія. Это послѣднее обстоятельство не уничтожаетъ однако необходимости признавать въ немъ чисто капиталистическую организацію хозяйства, если только указанныя капиталистическія отношенія пріобрѣли въ немъ достаточное развитіе. Другими словами, при современныхъ экономическихъ усло-

віяхъ и крестьянское хозяйство можетъ эволюціонировать въ чисто капиталистическое.

Такимъ образомъ, сводя вмѣстѣ отмѣченныя формы организаціи земледѣльческихъ хозяйствъ можемъ получить такую схему развитія современныхъ формъ изъ стараго натуральнаго строя.



Понятно, что схема указываетъ лишь на главные виды переходовъ и взаимной связи между некапиталистическими, промежуточными и капиталистическими формами производства. Съ другой стороны, связь между формами крупнаго и мелкаго хозяйства не ограничивается лишь единствомъ историческаго ихъ происхожденія изъ дифференціаціи и разрушенія первобытнаго индивидуальнаго родового или семейнаго хозяйства. Эта связь и въ современныхъ условіяхъ выражается или напр. въ тождественности экономической организаціи мелкаго и крупнаго капиталистическаго хозяйства и въ возможности переходовъ ихъ изъ одного въ другое путемъ концентраціи или раздробленія; или въ той экономической зависимости существованія, которая фактически всегда обнаруживается напр. между мелкими полусамостоятельными хозяйствами съ производствомъ на скупщика и крупными полукапиталистическими хозяйствами съ отработочной и испольной арендой. Эта взаимная связанность и зависимость этихъ разнотипныхъ хозяйствъ и обусловливаетъ характеръ дальнѣйшихъ, происходящихъ въ нихъ внутреннихъ перемѣнъ.

VI.

Эволюція капиталистическихъ и некапиталистическихъ хозяйствъ подъ вліяніемъ ихъ конкурренціи на рынкѣ.

Систематизація и различеніе описанныхъ формъ организаціи земледѣльческаго производства представляются особенно важными при изученіи общей эволюціи сельскаго хозяйства. Для опредѣленія характера этой эволюціи необходимо предварительное установленіе извѣстныхъ типовъ хозяйственныхъ организацій, такъ какъ и современное положеніе ихъ, и характеръ ихъ развитія могутъ быть различными, иногда даже прямо противоположными для каждаго вида и типа этихъ хозяйствъ.

Всѣ главные экономическіе вопросы, характеризующіе эволюцію земледѣльческаго хозяйства — вопросъ о концентраціи или раздробленіи землевладѣнія, о крупномъ и мелкомъ производствѣ, о развитіи или паденіи капиталистическихъ отношеній и т. п.— разрѣшаются не одинаково для каждаго типа земледѣльческихъ хозяйствъ. Для каждаго изъ отмѣченныхъ типовъ земледѣльческихъ хозяйствъ существуетъ и особая, наиболѣе приспособленная форма организаціи производства, какъ въ отношеніи размѣровъ его, такъ и въ отношеніи техники, внутренняго строя и т. п. Капиталистическія отношенія, если они и имѣются въ каждомъ изъ этихъ хозяйствъ, могутъ развиваться въ различныхъ для разныхъ хозяйствъ направленіяхъ. Поэтому общую эволюцію формъ организаціи сельско-хозяйственнаго производства нельзя выразить одной прямой линіей. Такіе прямые переходы, какъ концентрація земельной собственности вмѣсто ея раздробленія, развитіе крупнаго производства на мѣстѣ мелкаго могутъ осложняться другими явленіями, хотя и приводящими въ итогѣ дѣйствительно къ развитію капиталистическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ, но безъ концентраціи земельной собственности или наоборотъ даже съ распространеніемъ болѣе мелкаго хозяйства вмѣсто крупнаго.

Дѣйствительно, напримѣръ, крупное помѣстное хозяйство съ натуральнымъ строемъ или хотя бы съ переходной организаціей производства — отработочной и испольной арендой — можетъ въ извѣстныхъ условіяхъ при переходѣ къ капитализму раздробляться

на болѣе мелкія хозяйства съ капиталистической организаціей производства или даже на крестьянскія хозяйства съ характеромъ «производства на скупщика». Такіе случаи дѣйствительно и имѣлись въ исторіи многихъ странъ, хотя бы напр. Соед. Штатовъ и Россіи. Крупныя рабовладѣльческія плантаціи въ Америкѣ или скотоводственныя латифундіи съ крѣпостнымъ трудомъ на югѣ Россіи при переходѣ къ денежному хозяйству, вольнонаемному труду и интенсивнымъ системамъ стали дробиться на болѣе мелкія фермы или переходить въ руки болѣе мелкихъ сельскихъ предпринимателей.

Такой переходъ, конечно, не опровергаетъ ни концентраціи землевладѣнія, ни говоритъ за нее: въ немъ видѣнъ лишь одинъ общій признакъ—завоеваніе капиталомъ области сельскохозяйственнаго производства, хотя бы это завоеваніе сопровождалось и уменьшеніемъ размѣровъ хозяйства. Средніе цифры размѣровъ землевладѣнія и ихъ измѣненія во времени сами по себѣ не могутъ дать возможности дѣлать какія либо заключенія о тенденціяхъ хозяйства къ концентраціи или къ раздробленію и въ особенности возводить эти явленія въ доказательство или отрицаніе развитія капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ.

Кромѣ того самое развитіе капиталистическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ и способы подчиненія его капиталу могутъ быть различны еще и потому, происходитъ ли такое подчиненіе капиталу всего хозяйства, во всемъ его цѣломъ, или лишь одного процесса сбыта продуктовъ; другими словами, побѣждается ли старый натуральный строй денежно-торговымъ или производительнымъ капиталомъ. По историческому положенію и по взаимнымъ отношеніямъ изъ намѣченныхъ типовъ хозяйственныхъ организацій особенно характерными для настоящаго времени представляются: земледѣльческое производство ремесленнаго типа, какъ отрицающее всякія капиталистическія отношенія; земледѣльческое производство на скупщика, съ некапиталистической организаціей производства, но подчиненное капиталу въ процессѣ сбыта; наконецъ земледѣльческое хозяйство съ чисто-капиталистической организаціей какъ производства, такъ и сбыта.

Поскольку разсматривать эти три формы организаціи производства по наличности или степени развитія въ нихъ капиталистическихъ началъ и отношеній, онѣ являются противоположными по своему положенію. Однако у нихъ есть одно общее, что нивелли-

руетъ ихъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ и на современномъ рынкѣ: это товарный характеръ производимыхъ ими продуктовъ, подчиненіе ихъ рынку и условіямъ рыночнаго обмѣна. На рынкѣ встрѣчаются продукты какъ капиталистическаго, такъ и некапиталистическаго производства. Не смотря на всю разницу своего экономическаго содержанія оба эти продукта одинаково нивеллируются рынкомъ посредствомъ цѣны. Уравненіе въ одной общей цѣнѣ продуктовъ двухъ разныхъ экономическихъ категорій должно оказывать громадное вліяніе на характеръ дальнѣйшихъ измѣненій, которыя должны произойти въ организаціи производства какъ той, такъ и другой категоріи хозяйствъ.

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, имѣющемъ какъ ремесленную организацію производства, такъ и работающемъ «на скупщика», отсутствуютъ элементы капиталистическаго характера. У крестьянина нѣтъ, какъ и въ промышленной работѣ на скупщика, капитала, въ истинномъ смыслѣ этого понятія, такъ какъ онъ замѣняется здѣсь простыми орудіями производства, которыя должны быть во всякомъ, даже чисто натуральномъ хозяйствѣ. Здѣсь нѣтъ, слѣдовательно, и экономическихъ послѣдствій примѣненія въ производствѣ капитала, т. е. нѣтъ прибавочной стоимости и капиталистическаго стремленія получить ее эксплоатаціей наемной рабочей силы. Въ хозяйствѣ нѣтъ также и ренты, какъ особаго вида дохода крестьянина-землевладѣльца, такъ какъ являясь лишь функціей капиталистическаго производства, она должна отсутствовать тамъ, гдѣ отсутствуетъ капиталъ.

Такимъ образомъ, за отсутствіемъ капиталистическихъ элементовъ, доходъ, получаемый крестьяниномъ отъ своего хозяйства представляетъ лишь простой эквивалентъ заработной платы, при томъ эквивалентъ далеко неполный, могущій благодаря ряду общественныхъ и экономическихъ условій спускаться ниже обычнаго уровня потребностей, опредѣляющаго эту заработную плату. Поэтому для крестьянскаго хозяйства получается возможность—часто столько же и необходимость—продавать свои продукты ниже ихъ стоимости, и во всякомъ случаѣ ниже цѣны производства въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Притомъ, хотя повышеніе обычнаго уровня хозяйственныхъ и личныхъ потребностей, какъ опредѣлителя уровня заработной платы и слѣд. дохода крестьянскаго хозяйства, должно было-бы идти вмѣстѣ съ повышеніемъ уровня благосостоянія и культуры сельскаго крестьянскаго населенія, но та-

кое поднятіе культуры и благосостоянія возможно лишь при раціонализаціи и интенсификаціи хозяйства, т. е. прежде всего при приложеніи въ хозяйствѣ бо́льшаго количества какъ труда, такъ и капитала.

То положеніе крестьянскаго хозяйства, въ которомъ господствуетъ лишь «производство на скупщика», т. е. производство, основанное не на раціональныхъ началахъ приложенія труда и капитала ради полученія прибыли, а на стремленіи возможно большей реализаціи произведеннаго продукта—обыкновенно не ведетъ къ поднятію уровня обычныхъ потребностей. Наоборотъ, торговый капиталъ стремится отнять отъ производителя не только избытки, но даже самые необходимые предметы собственнаго потребленія. Такимъ образомъ, такое крестьянское хозяйство попадаетъ въ заколдованный, губящій его кругъ: разлагаясь и погибая, оно ищетъ спасенія у представителя торговаго капитала—скупщика, сбывая ему всѣ свои излишки и даже то, чего нельзя отчуждать безъ ущерба всему хозяйственному строю и безъ пониженія личныхъ потребностей. А тѣмъ самымъ торговому капиталу дается новый поводъ и новая возможность пониженія въ расцѣнкѣ крестьянскаго труда и его продуктовъ. Въ результатѣ, цѣны на крестьянскіе продукты—и конечно прежде всего на массовой продуктъ крестьянскаго производства, хлѣбъ—являются на рынкѣ всегда не только понижательнымъ моментомъ, но устанавливаются вообще ниже среднихъ цѣнъ, возможныхъ при правильной капиталистической организаціи производства.

И вотъ съ произведеннымъ и отчужденнымъ при такихъ условіяхъ продуктомъ крестьянскаго труда встрѣчается продуктъ капиталистическаго производства, цѣна котораго должна покрыть всѣ издержки производства — и процентъ на капиталъ, и заработную плату, а кромѣ того и ренту. Понятно, что рыночная цѣна, устанавливающаяся подъ вліяніемъ дешеваго предложенія крестьянскаго хлѣба во всякомъ случаѣ не можетъ быть благопріятной для капиталистическаго предпринимательскаго хозяйства. И чѣмъ болѣе по количеству производимаго продукта крестьянское хозяйство преобладаетъ надъ частновладѣльческимъ капиталистическимъ, чѣмъ болѣе принуждено оно прибѣгать къ избыточному отчужденію, тѣмъ тяжелѣе сказывается для предпринимательскаго хозяйства понижательное вліяніе крестьянскаго продукта на рыночныя цѣны. Исключительное служеніе крестьянскаго производства рынку, полное подчиненіе его торговому капиталу сказывается, такимъ образомъ, невозможностью прогресса и улучшенія не только въ самомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, но задерживаетъ развитіе и частнаго предпринимательскаго хозяйства.

Капиталистическому хозяйству въ виду этой конкурренціи остается искать себѣ выхода въ переходѣ къ инымъ формамъ производства, къ полученію такихъ продуктовъ, на цѣны которыхъ крестьянское хозяйство не можетъ оказывать понижательнаго давленія. Эта возможность открывается для капиталистическаго хозяйства въ обладаніи капиталомъ, въ переходѣ къ болѣе капитало-интенсивнымъ формамъ, главнымъ образомъ къ крупнымъ промышленнымъ формамъ хозяйства. Этихъ формъ не можетъ достигнуть мелкое крестьянское хозяйство, какъ за неимѣніемъ достаточныхъ денежныхъ средствъ, такъ и вслѣдствіе особыхъ неблагопріятныхъ для этого условій мелкаго землевладѣлія.

Крупное капиталистическое хозяйство должно прибѣгать уже къ выработкѣ не массового зернового продукта, такъ какъ этотъ дорогой капиталистическій продуктъ будетъ побиваться дешевизной крестьянскаго зерна, но къ индустріализаціи земледѣльческаго хозяйства, т. е. къ дальнѣйшей переработкѣ сырыхъ продуктовъ. Соединеніе земледѣльческаго хозяйства съ сахарными, винокуренными и т. п. заводами, такъ наз. промышленная заводско-техническая система хозяйства является для крупнаго капиталистическаго хозяйства не только цѣлью стремленій, но и экономически необходимымъ выходомъ.

Зерновое хозяйство въ этомъ случаѣ остается большею частью лишь постольку, поскольку оно вызывается агрономическими требованіями организаціи хозяйства и полеводства, или лишь по той причинѣ, что получаемое въ этихъ хозяйствахъ однородное и болѣе высокаго качества зерно, благодаря этимъ своимъ качествамъ, превосходитъ разнородный и сборный продуктъ крестьянскаго производства, не годный для нѣкоторыхъ производительныхъ и торговыхъ цѣлей. Точно также и скотоводственныя формы хозяйства остаются связанными съ такими крупными капиталистическими организаціями большею частью лишь постольку, поскольку это вызывается необходимостью скармливанія нѣкоторыхъ продуктовъ или отбросовъ производства. Экстенсивныя же скотоводственныя формы (напр. шерстное овцеводство), какъ связанныя исключительно съ крупнымъ землевладѣніемъ и съ экстенсивнымъ хозяй-

ствомъ, тотчасъ исчезаютъ, какъ только это крупное землевладѣніе становится въ то же время крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ.

Крестьянское хозяйство при такихъ условіяхъ, если не получаетъ чисто ремесленнаго характера, должно остановиться на добываніи исключительно сырыхъ продуктовъ земледѣльческаго производства, притомъ разсчитанныхъ главнымъ образомъ на массовой сбытъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда общія экономическія и естественныя условія даютъ возможность возникновенія болѣе интенсивныхъ формъ и развитія торгово-промышленныхъ культуръ, онѣ не всегда влекутъ за собой измѣненія въ самомъ экономическомъ положеніи крестьянскаго хозяйства, въ смыслѣ его индустріализаціи, т. е. дальнѣйшей переработки получаемыхъ продуктовъ. Возникновеніе такихъ культуръ, какъ напр. сахарной свекловицы, вполнѣ доступно и крестьянскому хозяйству. Но оно влечетъ за собой перемѣну собственно лишь въ организаціи полеводства, а не хозяйства, такъ какъ въ такомъ случаѣ крестьянское хозяйство большею частью является лишь простымъ поставщикомъ свеклы на свеклосахарные заводы. Другими словами и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ лишь простое подчиненіе мелкаго хозяйства болѣе крупному, въ формѣ подчиненія обыкновенному скупщику со всѣми экономическими послѣдствіями этого подчиненія.

Подобную же роль поставщика своихъ продуктовъ скупщику получаетъ часто крестьянское хозяйство и при преобладаніи скотоводственныхъ формъ, когда напр. оно поставляетъ чисто коммерческому предпріятію, не связанному съ сельскимъ хозяйствомъ, маслодѣльнѣ или сыроварнѣ, свои молочные продукты [1]). Но большею частью скотоводственныя хозяйства являются вполнѣ подчиненными зерновымъ, а скотоводство развито лишь постольку, поскольку оно предста-

[1]) Въ Парижѣ «вблизи вокзаловъ промышленники устроили депо, откуда ихъ приказчики выѣзжаютъ, чтобы забирать молоко у сельскихъ хозяевъ. Положеніе деревенскихъ жителей, занимающихся производствомъ молока, неудовлетворительно. Земледѣлецъ долженъ довольствоваться жалкимъ вознагражденіемъ 10—12 сан. за литръ, тогда какъ розничная цѣна его 60—70 сант... Онъ долженъ подчиняться всѣмъ требованіямъ торговцевъ... Производителю ставятъ въ обязанность держать коровъ опредѣленной породы». *Vimeux*, «La vente du lait dans le departement de l'Oise, цит. по *Vandervelde*. Тоже самое, какъ извѣстно, наблюдается у насъ въ Сибири съ молочными продуктами и въ сѣверо-западномъ краѣ съ яйцами. См. *Кржывицкій*. Аграрный вопросъ. Спб. 1906 г.

вляется необходимымъ для чисто зернового хозяйства. Еще болѣе недоступна для крестьянскаго хозяйства индустріализація при зерновыхъ системахъ хозяйства, такъ какъ промышленная переработка зерновыхъ продуктовъ возможна лишь въ крупныхъ капиталистическихъ хозяйствахъ.

Такимъ образомъ, обыкновенно мелкое крестьянское хозяйство по своимъ производительнымъ функціямъ и тенденціямъ рѣзко отграничивается отъ крупнаго частновладѣльческаго: и при зерновой системѣ хозяйства, и при скотоводственной, и даже при развитіи культуры промышленныхъ растеній на долю крестьянскаго хозяйства остается лишь собственно органическій [1]) процессъ сельскохозяйственнаго производства.

Конечно, и крестьянское хозяйство не лишено возможности индустріализаціи своего производства. То же развитіе общей промышленной жизни и увеличеніе спроса на переработанные земледѣльческіе продукты создаетъ возможность также и индустріализаціи мелкаго крестьянскаго хозяйства, хотя въ другой формѣ. За недостаткомъ капитала и за невозможностью развивать капитало-интенсивныя формы, мелкое хозяйство прибѣгаетъ къ развитію трудоинтенсивныхъ формъ и получаетъ ремесленную организацію хозяйства, опирающуюся уже не на крупный внѣшній рынокъ, а на мѣстный.

Въ то же время въ предпринимательскомъ хозяйствѣ, чѣмъ оно крупнѣе, чѣмъ болѣе стремится пріобрѣсти индустріальный характеръ, тѣмъ болѣе должно измѣняться и самое отношеніе къ земледѣльческому производству. На первый планъ выступаетъ полученіе дохода не отъ чисто земледѣльческаго хозяйства, а отъ индустріальной переработки земледѣльческихъ продуктовъ, т. е. полученіе извѣстнаго процента на затраченный въ этомъ производствѣ промышленный капиталъ. Понятно, что эта индустріализація крупнаго земледѣлія, являясь лишь частью общаго развитія индустріи и высшей степенью развитія капиталистическихъ отношеній, можетъ достигать наиболѣе значительнаго развитія главнымъ образомъ въ странахъ высокоразвитой индустріи и вообще промышленнаго капитализма, ибо она требуетъ также и обширнаго капиталистическаго рынка для сбыта своихъ продуктовъ. Съ помощью капиталистической организаціи обмѣна и сбыта такое индустріа-

[1]) См. *David*. Socialismus und Landwirtschaft. Berl. 1903, S. 67 и слѣд.

лизированное земледѣліе дѣйствительно пріобрѣтаетъ широкій рынокъ, выходя большею частью изъ границъ не только мѣстнаго рынка, но и народнаго, и выступая на міровой рынокъ.

Такимъ образомъ въ современныхъ формахъ организаціи земледѣльческаго производства и выдѣляются намѣченные выше три главные типа хозяйствъ: крупное капиталистическое индустріализирующееся и подчиняющееся производительному капиталу: мелкое крестьянское хозяйство ремесленнаго типа съ высокими трудоинтенсивными формами; мелкое, преимущественно крестьянское хозяйство съ производствомъ массовыхъ, главнымъ образомъ зерновыхъ продуктовъ, стоящее въ зависимости отъ торговаго капитала. Во взаимодѣйствіи хозяйственныхъ интересовъ и конкурренціи этихъ трехъ типовъ производства и выливается судьба современнаго земледѣльческаго хозяйства въ зависимости отъ того, насколько общія экономическія условія способствуютъ преобладанію и развитію той или другой формы.

Если общія экономическія условія страны способствуютъ широкому развитію промышленной и городской жизни, возникновенію близкаго мѣстнаго рынка для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ; если общій уровень благосостоянія и покупная способность, какъ сельскаго, такъ и городскаго населенія высоки; если, наконецъ, по историческимъ и бытовымъ условіямъ въ странѣ преобладаетъ мелкое крестьянское хозяйство,—то оно получаетъ типъ ремесленной организаціи.

Если при тѣхъ же общихъ экономическихъ условіяхъ землевладѣніе держится еще на сословно-феодальныхъ основахъ, концентрировано въ немногихъ рукахъ, съ преобладаніемъ поэтому крупнаго землевладѣнія,—то развивается капиталистическое хозяйство или въ формѣ аренды или въ формѣ самостоятельнаго хозяйства землевладѣльца. Въ этихъ случаяхъ, конечно, значительная часть населенія предполагается обезземеленной и пополняющей собою кадры наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ многочисленнымъ городскимъ населеніемъ это безземельное сельское населеніе также создаетъ широкій рынокъ для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Характеръ организаціи сбыта въ этомъ случаѣ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ мѣстнымъ рынкомъ въ ремесленномъ производствѣ, который можетъ обходиться часто или совсѣмъ безъ посредника-торговца или обладаетъ во всякомъ случаѣ весьма упрощенной организаціей. Здѣсь, наоборотъ, организація

сбыта, даже въ случаѣ географической близости рынка, принимаетъ большею частью чисто капиталистическій характеръ.

Наконецъ, если капиталистическая жизнь страны не сдѣлала крупныхъ успѣховъ, если численность промышленнаго и городского населенія не велика, если въ народномъ хозяйствѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе и въ общемъ населеніи страны—земледѣльческое населеніе, то все это способствуетъ превращенію мелкаго крестьянскаго хозяйства въ типъ производства на скупщика. Для сбыта массового продукта въ этомъ случаѣ является недостаточнымъ не только мѣстный рынокъ, но даже весь потребительный внутренній рынокъ страны, такъ какъ въ ней преобладаетъ то же производительное сельское населеніе. Между тѣмъ обширность рынка лишаетъ мелкое хозяйство такого тѣснаго общенія съ нимъ, какое возможно при существованіи мѣстнаго рынка для ремесленнаго хозяйства. Къ тому же капиталистическія отношенія вообще очень рано захватываютъ организацію сбыта. Поэтому развитіе мелкаго торговаго земледѣлія, т. е. земледѣльческаго производства на скупщика предполагаетъ большею частью и переполненность, хотя бы относительную, внутренняго рынка. Превышеніе фактической потребительной способности внутренняго рынка и необходимость крупнаго внѣшняго экспорта всегда сопутствуютъ распространенію такого хозяйственнаго строя, независимо отъ того, вызывается ли усиленный сбытъ дѣйствительными избытками производства или лишь вынужденными продажами этихъ продуктовъ населеніемъ.

Послѣднее обстоятельство, т. е. необходимость внѣшняго рынка и усиленный сбытъ на немъ массового продукта, особенно осложняетъ и затрудняетъ положеніе сельскаго хозяйства, какъ экспортирующихъ земледѣльческихъ странъ, такъ и служащихъ для нихъ внѣшнимъ рынкомъ странъ промышленности съ интенсивными системами земледѣлія. Широкая капиталистическая организація мірового рынка и обмѣна позволяетъ участвовать въ немъ и привлекаетъ къ нему все новыя, все болѣе отдаленныя страны экстенсивнаго земледѣлія, дешевыхъ цѣнъ на землю и дешевыхъ рабочихъ рукъ, помимо ихъ естественнаго преимущества—свѣжей, невыпаханной почвы. Какъ на внутреннемъ рынкѣ какой либо страны встрѣчаются продукты, произведенные при различныхъ условіяхъ—въ капиталистическомъ и не капиталистическомъ хозяйствѣ—такъ и на міровомъ рынкѣ встрѣчаются продукты совершенно разнотипныхъ хозяйствъ: капиталистически организованнаго хозяйства старыхъ

промышленныхъ странъ съ высокой рентой, съ высокими цѣнами на землю, высокими издержками производства, съ интенсивной культурой и экстенсивнаго хозяйства молодыхъ странъ съ дешевыми цѣнами на трудъ, съ дешевой и богатой землей. Понятно, что побѣда остается не на сторонѣ первыхъ.

Не говоря уже о другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, одна высокая рента совершенно исключаетъ для старыхъ странъ возможность конкурренціи ихъ съ молодыми. А такъ какъ экстенсивная культура новыхъ производящихъ странъ направляется прежде всего на главный предметъ международнаго сельскохозяйственнаго обмѣна—зерновой хлѣбъ—то на немъ прежде всего конкуррирующія страны и испытываютъ свою силу. Въ своемъ зерновомъ хозяйствѣ промышленныя страны терпятъ прежде всего пораженіе отъ экстенсивнаго и дешеваго производства молодыхъ земледѣльческихъ странъ.

Это обстоятельство и заставляетъ сельскохозяйственную промышленность капиталистическихъ странъ особенно усиленно обращаться къ тому средству, съ помощью котораго она боролась съ отечественнымъ некапиталистическимъ хозяйствомъ — къ индустріализаціи и интенсификаціи своего земледѣлія, къ полученію тѣхъ продуктовъ, которые еще не захвачены конкурренціей. Но тѣ же капиталистически организованныя средства торговаго обмѣна, благодаря которымъ заокеанскій хлѣбъ могъ появиться на европейскихъ рынкахъ, постепенно захватываютъ и другіе сельскохозяйственные продукты далекихъ странъ. Высокія техническія усовершенствованія въ средствахъ транспорта даютъ возможность поставлять изъ самыхъ далекихъ угловъ не только хлѣбъ и скотъ, но и свѣжее мясо, масло, яйца, молоко. А тѣ же условія низкой ренты и экстенсивнаго хозяйства даютъ возможность продавать всѣ эти продукты по цѣнамъ, недоступнымъ для интенсивныхъ хозяйствъ съ высокой цѣной земли и съ высокой земельной рентой. Интенсивное земледѣльческое хозяйство промышленныхъ странъ терпитъ угнетеніе и переживаетъ кризисъ и въ этихъ новыхъ областяхъ производства. Ему приходится постепенно все болѣе уходить въ чистую индустріализацію, т. е. въ чисто-промышленную переработку тѣхъ сырыхъ матеріаловъ или полуфабрикатовъ, которые поставляютъ въ промышленную страну ея земледѣльческіе конкурренты, и въ то же время все болѣе сокращать свое чисто земледѣльческое производство.

Такимъ образомъ капитализмъ, пробудившій въ сельскихъ хозяевахъ стремленія къ наживѣ и предоставившій ихъ продуктамъ обширный внутренній рынокъ, скоро же и отрекается отъ своего созданія, выискивая ему конкурренговъ за океаномъ. Относясь безразлично къ мѣсту происхожденія продаваемыхъ на рынкѣ продуктовъ, онъ отдаетъ предпочтеніе болѣе дешевымъ продуктамъ молодыхъ, не промышленныхъ странъ. Пытается-ли отечественное земледѣліе искать защиты въ таможенныхъ пошлинахъ, въ проектахъ націонализаціи хлѣбной торговли, какъ въ Германіи; побѣждаютъ ли принципы свободы торговли, какъ въ Англіи, —европейское сельское хозяйство не въ состояніи выдерживать конкурренціи дешеваго хлѣба. Оно не можетъ продавать свои продукты по такой же дешевой цѣнѣ потому, что не можетъ при современныхъ условіяхъ промышленнаго капитализма и при частной земельной собственности, ни понизить расходы на заработную плату своихъ сельскихъ рабочихъ, ни понизить сколько нибудь существенно земельную ренту.

Такъ какъ значительная доля участія въ повышеніи цѣнъ на земледѣльческіе продукты въ странахъ старой интенсивной культуры принадлежитъ именно высокой рентѣ, то мелкое крестьянское хозяйство, какъ вообще не получающее ренты, можетъ и въ этихъ условіяхъ безъ ущерба для своихъ производственныхъ функцій до нѣкоторой степени бороться съ конкурренціей иностраннаго земледѣлія.

Но однимъ отказомъ отъ ренты дѣло большею частью не ограничивается и борьбу за рынокъ приходится вести уже путемъ пониженія разцѣнокъ своего личнаго труда, путемъ отказа отъ своего предпринимательскаго дохода, путемъ продажи своего хлѣба и другихъ продуктовъ ниже средней для данной страны и недоступной для капиталистическаго хозяйства цѣны производства ихъ.

При неблагопріятныхъ общихъ условіяхъ, такое, «преимущество» крестьянскаго хозяйства предъ промышленно-капиталистическимъ можетъ стать губительнымъ не только для него самого, но и для промышленнаго развитія страны вообще, если оно ведетъ къ пауперизаціи сельскаго населенія и слѣд. къ сокращенію сбыта для самой фабричной промышленности. Но при благопріятныхъ условіяхъ, въ случаѣ возможности интенсификаціи и раціонализаціи своего хозяйства, и крестьянинъ доводитъ его до высокой степени культуры и благосостоянія, въ особенности развивая свое произ-

водство въ направленіи удовлетворенія мѣстнаго спроса такими продуктами, которые не выносятъ далекой перевозки или потому, что обладаютъ невысокой цѣнностью, или потому, что скоро портятся. Развитіе интенсивныхъ скотоводственныхъ, главнымъ образомъ молочныхъ, а также интенсивныхъ земледѣльческихъ, такъ называемыхъ вольныхъ системъ является поэтому особенно свойственнымъ крестьянскому хозяйству ремесленнаго типа въ такихъ напр. странахъ, какъ Данія, или вообще областямъ, близкимъ къ промышленнымъ центрамъ и городамъ, гдѣ эти продукты такого интенсивнаго крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства ремесленнаго типа находятъ обезпеченный сбытъ.

Впрочемъ и при такихъ условіяхъ крестьянское хозяйство хотя и можетъ достигать высокой степени благосостоянія, однако съ развитіемъ международнаго обмѣна и улучшеніемъ средствъ транспорта (его удешевленіемъ, ускореніемъ, введеніемъ холодильниковъ и пр.) и ему приходится испытывать все болѣе возрастающую и все болѣе тягостную для него конкурренцію заокеанскихъ и др. земледѣльческихъ странъ. Бороться съ нимъ приходится уже не дешевизной продуктовъ, а высокимъ ихъ качествомъ и отдѣлкой, такъ какъ продукты молодыхъ, только начинающихъ развиваться земледѣльческихъ странъ отличаются, наоборотъ, низкимъ качествомъ.

Однако, судьба этихъ «молодыхъ» странъ является совершенно тождественной съ судьбой своихъ предшественницъ въ историческомъ ходѣ экономическаго развитія. Порожденія капитализма и капиталистическихъ отношеній—онѣ скоро теряютъ свою первоначальную дѣвственность, проходя весь тотъ циклъ развитія экономическихъ отношеній, который проходили и болѣе старыя страны интенсивной капиталистической культуры.

Первые же шаги выступленія ихъ на міровой рынокъ подчиняютъ ихъ капиталу, вначалѣ также какъ и вездѣ—капиталу торговому. Въ глубинѣ ихъ дѣвственныхъ степей еще сохраняются натуральныя, некапиталистическія отношенія и понятія. Земля считается еще ничьей и Божьей; землевладѣлецъ-предприниматель и рабочій еще соединяются въ одномъ лицѣ колониста; земли еще больше, чѣмъ могутъ эксплоатировать наличныя силы населенія; капиталъ еще совершенно не завладѣлъ производствомъ. Но въ то же время оно быстро начинаетъ терять тотъ свой характеръ и тѣ свои цѣли, съ которыми основывалъ здѣсь свое хозяйство какой нибудь

европейскій эмигрантъ, бѣжавшій сюда изъ своего отечества за кускомъ хлѣба и за пропитаніемъ. Черезъ гавани, порты и города европейскій капиталъ въ видѣ торговаго капитала проникаетъ въ дѣвственныя степи этихъ новыхъ странъ, пробуждая здѣсь вмѣсто прежнихъ заботъ о простомъ обезпеченіи существованія—стремленіе къ наживѣ, стремленіе возможно больше продать, возможно больше выручить. Возможность выступленія новыхъ земледѣльческихъ странъ на міровомъ рынкѣ основывается исключительно на подчиненіи ими своего земледѣлія торговому капиталу. Предоставивъ имъ усовершенствованные способы обмѣна, сношеній и кредита, онъ всецѣло завладѣваетъ сферой обмѣна, хотя вначалѣ и не можетъ еще вліять на измѣненіе организаціи сельскохозяйственнаго производства.

Это начавшееся пробужденіе жажды къ наживѣ и стремленіе къ полученію прибыли заставляетъ увеличивать прежде всего количественную сторону производства. Чѣмъ вообще свободнѣе идетъ политическій и экономическій ростъ страны, тѣмъ скорѣе вліяніе капитала на земледѣльца и земледѣльческія отношенія распространяется изъ сферы обмѣна на само производство, тѣмъ быстрѣе страна переживаетъ переходъ отъ некапиталистическаго земледѣльческаго производства съ подчиненіемъ торговому капиталу процесса обмѣна и сбыта сельскокозяйственныхъ продуктовъ къ чисто капиталистической организаціи какъ производства, такъ и обмѣна. Земледѣльческая и хлѣботорговая исторія Соед. Штатовъ Сѣверной Америки въ прошломъ и Аргентина въ настоящемъ представляютъ къ тому лучшій примѣръ [1]).

Но какъ ни скоръ этотъ переходъ молодыхъ странъ къ капиталистическому хозяйству, для странъ старой культуры онъ означаетъ долгіе годы кризиса ихъ дорогого и обремененнаго долгами

[1]) См. *Sering*. Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas. Leipzig, 1887, *Becker*. Der Argentinische Weizen im Weltmarkte. Iena, 1903. *Орбинскій*. Хлѣбная торговля Соед. Штатовъ. Спб. 1880. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ Соед. Штаты, побѣдившіе не только европейское земледѣліе, но и представляющіе сильную дифференціацію отдѣльныхъ штатовъ на чисто промышленные и земледѣльческіе. Борьба между первыми—раньше также земледѣльческо-зерновыми—главнымъ образомъ восточными штатами и западными земледѣльческими, привела послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кризиса къ высокой степени индустріализаціи въ нихъ сельскаго хозяйства и рѣзко раздѣлила Штаты по ихъ экономическому значенію на сельскохозяйственные и промышленные. *H. Levy*. Zur Geschichte d. Agrarkrisen. in Conrard's Jahrbücher, III, 28, 1904.

капиталистическаго земледѣлія. Поэтому неправильно предполагать, что этотъ кризисъ европейскаго хозяйства представляетъ что либо временное и хотя часто повторяющееся, но преходящее, на подобіе кризисовъ промышленныхъ.

Причина его та, что вслѣдствіе своей тѣсной связанности съ землей и съ условіями землевладѣнія сельскому хозяйству капиталистическихъ странъ приходится нести всѣ послѣдствія частной земельной собственности и капиталистическаго образованія ренты и земельныхъ цѣнъ. Высокія цѣны на землю, требующія высокихъ цѣнъ на продукты земли, ставятъ капиталистическое сельское хозяйство и капиталистическое производство въ такое неразрѣшимое противорѣчіе съ некапиталистическимъ хозяйствомъ, что оно можетъ быть уничтожено лишь съ уничтоженіемъ самой основной причины этого противорѣчія, т. е. частной земельной собственности, а отсюда и ея непосредственнаго слѣдствія— высокихъ земельныхъ цѣнъ.

Въ такомъ случаѣ, конечно, были бы уничтожены и разрѣшены всѣ тѣ тяжелыя противорѣчія, которыя приходится испытывать капиталистическому сельскому хозяйству. Въ настоящее же время европейскому капиталистически-организованному сельскому хозяйству, сельскохозяйственному производительному капиталу, вложенному въ европейское земледѣліе, приходится нести всю тяжесть конкурренціи странъ некапиталистическихъ. Въ условіяхъ современнаго мірового обмѣна и оборота эта конкуренція становится для некапиталистическихъ странъ возможной именно потому, что организацію сбыта ихъ продуктовъ на міровомъ капиталистическомъ рынкѣ беретъ на себя денежный торговый капиталъ.

Другими словами, конкурренція между капиталистическимъ и некапиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ сводится къ конкурренціи производительнаго и денежно-торговаго капитала. Торговый капиталъ часто именно и является въ роли tertius gaudens отъ столкновенія и борьбы на міровомъ рынкѣ капиталистическаго и некапиталистическаго производства.

Отсюда видно, какая громадная, почти рѣшающая роль въ судьбѣ аграрной эволюціи европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ принадлежитъ денежно-торговому капиталу. Поэтому, изученіе проникновенія и развитія капиталистическихъ отношеній въ сельскомъ

хозяйствѣ должно начинаться съ изученія развитія именно торговаго капитала и его вліянія на земледѣльческую промышленность. Подчиненіе торговому капиталу сначала одной области сбыта, а затѣмъ и производства, является первымъ шагомъ проникновенія капитала въ земледѣльческія отношенія. Хотя характеръ дальнѣйшихъ преобразованій и измѣненій, приведшихъ старый строй отъ натуральнаго хозяйства къ новымъ капиталистическимъ формамъ, зависѣлъ уже не отъ торговаго капитала, но именно торговый капиталъ первый начинаетъ оказывать разлагающее вліяніе на старыя формы и организацію производства. Онъ вселялъ въ хозяйство не только новый предпринимательскій духъ и стремленія, но и измѣнялъ его технически, направляя его на производство иныхъ, не потребительныхъ, а товарныхъ цѣнностей, и при томъ товаровъ, годныхъ для обширнаго капиталистическаго рынка.

Поэтому-то, если дальнѣйшія, болѣе усовершенствованныя и развитыя формы капиталистическаго производства и обмѣна могутъ вызывать высокую степень индустріализаціи земледѣльческаго производства, то первоначальные шаги торговаго капитала въ земледѣліи сказываются быстрымъ расширеніемъ производства главнымъ образомъ массоваго продукта, т. е. на первомъ мѣстѣ зерновыхъ продуктовъ.

Развитіе торговаго зернового хозяйства является поэтому характернымъ для развитія торговаго земледѣлія вообще, а это послѣднее представляется всегда характернѣйшей и критической эпохой перехода земледѣльческаго хозяйства отъ натуральныхъ формъ потребительнаго и, слѣдовательно, сложнаго, безъ общественнаго раздѣленія труда и спеціальностей хозяйства, къ капиталистически организованному производству, построенному на спеціализаціи, на стремленіи къ возможно болѣе полной переработкѣ продуктовъ, на доведеніи ихъ до полуфабрикатовъ, т. е. на превращеніи процесса земледѣльческаго производства въ общій процессъ промышленнаго производства.

Но въ то же время, пока старыя формы натуральнаго некапиталистическаго потребительнаго хозяйства будутъ разлагаться, стремясь къ индустріальной капиталистической организаціи земледѣльческаго производства, значительное распространеніе должны получить переходныя формы хозяйства, уже втянутыя въ круговоротъ денежнаго обращенія, зависимыя отъ денежно-торговаго капитала, но не имѣющія возможности, вслѣдствіе общихъ экономическихъ и об-

щественныхъ условій превратиться въ индустріальныя и капиталистически организованныя. Въ народномъ хозяйствѣ наблюдается такимъ образомъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ, начиная отъ сохранившихъ почти въ чистомъ видѣ свой натуральный характеръ, до чисто капиталистическихъ организацій.

Для выясненія такъ называемой «тенденціи развитія современнаго сельскаго хозяйства», для выясненія степени капитализаціи земледѣльческой промышленности представляется поэтому совершенно излишнимъ и безплоднымъ разрѣшеніе напр. такого, такъ неоднократно и безрезультатно дебатируемаго вопроса—представляетъ ли преимущество крупное земледѣльческое хозяйство сравнительно съ мелкимъ и развивается ли численно это крупное хозяйство за счетъ уменьшенія и разоренія мелкихъ производителей. Разрѣшеніе вопроса должно лежать не въ опредѣленіи уменьшенія или увеличенія числа мелкихъ или крупныхъ хозяйствъ, а въ томъ, какъ правильно опредѣляетъ Каутскій: «овладѣваетъ ли капиталъ сельскимъ хозяйствомъ и какимъ именно образомъ, совершаетъ ли онъ въ немъ переворотъ, приводитъ ли онъ къ тому, что прежнія формы производства и собственности оказываются отжившими и вызываетъ ли онъ необходимость новыхъ» [1]).

Но при разсмотрѣніи этихъ способовъ, съ помощью которыхъ капиталу удается овладѣвать сельскимъ хозяйствомъ, часто вопросъ рѣшается слишкомъ категорически именно въ томъ смыслѣ, что происходитъ капитализація производительнаго процесса. А такъ какъ, съ другой стороны, въ значительномъ числѣ хозяйственныхъ организацій такой капитализаціи производительнаго процесса дѣйствительно не наблюдается, то часто и весь вопросъ о развитіи капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ рѣшается отрицательно.

Въ дѣйствительности, первой стадіей разрушенія докапиталистическаго сельскохозяйственнаго строя капиталомъ является подчиненіе его лишь торговому капиталу. Борьба мелкаго и крупнаго хозяйства можетъ быть характерна для опредѣленія степени капитализаціи земледѣлія лишь въ томъ случаѣ, если оба сравниваемыя, крупное и мелкое хозяйства одинаково организованы, т. е. представляютъ оба или капиталистическія, или некапиталистическія организаціи. Но и въ этомъ случаѣ побѣда напр. крупнаго хозяйства надъ мелкимъ опредѣляетъ лишь характеръ процесса капитализаціи, но не разрѣшаетъ вопроса о самой капитализаціи.

[1]) *Kautsky*. Die Agrarfrage. 6.

Въ сельскохозяйственной дѣйствительности, при чрезвычайномъ разнообразіи существующихъ переходныхъ формъ, эта борьба крупнаго хозяйства съ мелкимъ тѣмъ болѣе не можетъ быть характерной для вопроса о капитализаціи, что иногда и распространеніе мелкихъ хозяйствъ за счетъ разложенія крупныхъ можетъ знаменовать собою прогрессивный, въ смыслѣ усиленія зависимости отъ капитала, фактъ. Это именно и бываетъ на первыхъ ступеняхъ капитализаціи земледѣльческаго хозяйства, когда старое натуральное крупное хозяйство, основанное на сословныхъ началахъ землевладѣнія и крѣпостного труда, или также сословное крестьянское натуральное хозяйство, или, наконецъ, хозяйство ремесленнаго типа съ крупной семейной организаціей—но всѣ независимыя отъ капитала какъ въ области производства, такъ и въ области сбыта—разлагаются на болѣе мелкія землевладѣльческія хозяйства, находящіяся въ совершенной зависимости отъ денежно-торговаго капитала, извлекающаго изъ производства свою торговую прибыль и оставляющаго самостоятельному производителю лишь эквивалентъ заработной платы.

Борьба крупнаго и мелкаго хозяйства можетъ являться лишь показателемъ борьбы мелкаго и крупнаго производительнаго капитала. Она представляется поэтому характерной лишь для высшихъ стадій развитія капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. капитализаціи производительнаго процесса земледѣлія. Для первоначальныхъ же стадій этого процесса — именно и преобладающихъ въ современномъ, особенно мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ, характерной является все возрастающая зависимость его отъ рынка, отъ торговаго капитала, развитіе въ немъ производства, хотя еще и некапиталистически организованнаго, но все же преслѣдующаго уже цѣли *торговаго земледѣлія* вмѣсто организаціи, служившей прежде удовлетворенію натуральныхъ потребностей.

Только послѣ этого подчиненія земледѣльческаго хозяйства денежно-торговому капиталу и начинается болѣе широкое развитіе въ немъ капиталистическихъ отношеній, приводящее въ концѣ къ капитализаціи всего земледѣльческаго производства.

АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ РОССІИ.

ГЛАВА I.

Первоначальная дифференціація земледѣльческаго населенія въ древней Руси.

Характеръ древняго крестьянства.—Обезземеленіе земледѣльческаго населенія. – Древній крестьянинъ, какъ докапиталистическій фермеръ.—Развитіе барщины, какъ формы помѣщичьяго предпринимательства.—«Первоначальное накопленіе» рентъ.

Если, какъ мы сказали выше, общую теорію экономической и особенно аграрной эволюціи нельзя считать созданной или разработанной съ сколько нибудь законченной полнотой, то тѣмъ болѣе это необходимо сказать про теорію аграрнаго развитія Россіи. Ея экономическая исторія, даже чисто описательная, разработана настолько же бѣднѣе западно-европейской, насколько менѣе разработана и общая ея исторія. Представляется поэтому особенно труднымъ и выясненіе тѣхъ экономическихъ факторовъ, которые легли въ основу ея развитія, т. е. выясненіе той общей тенденціи этого развитія, которая сближаетъ или, быть можетъ, наоборотъ отдѣляетъ наше народное хозяйство отъ общаго аграрно-экономическаго развитія другихъ странъ. Можетъ быть только вслѣдствіе этой неразработанности такъ и распространено въ извѣстныхъ научно-литературныхъ теченіяхъ убѣжденіе въ совершенно особыхъ «законахъ» экономической эволюціи Россіи, о ея особой «міровой» роли на этой почвѣ...

Общіе этапы той аграрной эволюціи, которые прошли западно-европейскія страны на пути выработки современнаго капиталистическаго аграрнаго строя, были: первоначальное накопленіе капитала путемъ накопленія докапиталистическихъ—сначала натураль-

ныхъ, затѣмъ денежныхъ—рентъ; увеличеніе зародившагося такимъ путемъ капитала въ торговомъ оборотѣ въ видѣ денежно-торговаго капитала, первой формы капитала; экспропріація сельскаго населенія; образованіе производительнаго капитала, сначала въ видѣ промышленнаго, затѣмъ въ видѣ аграрнаго капитализма. Такимъ образомъ заложеніе начатковъ или, вѣрнѣе, матеріальной основы капитализма—капитала (ибо помимо этой матеріальной основы требуется еще и созданіе извѣстныхъ капиталистическихъ отношеній) возникло въ Зап. Европѣ въ нѣдрахъ земледѣльческой промышленности и притомъ возникло за-долго до развитія «капитализма», какъ эпохи съ законченнымъ экономическимъ строемъ. Лишь впослѣдствіи, благодаря болѣе быстрому темпу общаго развитія въ городахъ, именно въ этихъ послѣднихъ и въ нихъ раньше, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, начинаютъ развиваться капиталистическія отношенія, т. е. «капитализмъ» какъ система, во всемъ его широкомъ соціальномъ значеніи.

Какимъ же образомъ возникли и развивались соотвѣтствующія явленія въ аграрно-экономической эволюціи Россіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ получить только въ самой общей формѣ и притомъ построенный скорѣе на косвенныхъ, чѣмъ на прямыхъ указаніяхъ.

Нашъ древній хозяйственный строй почти еще совсѣмъ не затронутъ систематическимъ изученіемъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ освѣщался и изучался лишь постольку, поскольку это необходимо было при изученіи древняго правопорядка [1]). И хотя въ отношеніи этого послѣдняго было сдѣлано, быть можетъ, дѣйствительно довольно много, однако по самому характеру своему эта задача исключала или значительно суживала возможность самостоятельнаго освѣщенія самого хозяйственнаго строя. Поэтому при изученіи экономическихъ явленій позднѣйшаго періода ихъ историческій генезисъ прослѣдить было трудно, такъ какъ при этомъ или приходилось останавливаться сравнительно на неотдаленныхъ факторахъ и причинахъ ихъ развитія, или исходить въ историческомъ ихъ изученіи «отъ пустоты» [1]), т. е. такъ или иначе оставлять вопросъ о ихъ зарожденіи неразрѣшеннымъ.

[1]) Ниже мы даемъ болѣе или менѣе подробный обзоръ этой литературы, относящейся какъ къ древнему, такъ и къ болѣе позднему крѣпостному періоду. И хотя главной задачей ея является изученіе древняго правопорядка и стараго юридическаго быта, однако и для освѣщенія экономическаго сельскохозяйственнаго быта она даетъ много характерныхъ чертъ.

Въ изученіи напр. позднѣйшихъ явленій капитализма эта «пустота», въ которой самопроизвольно зародился и изъ которой выросъ этотъ капитализмъ стала пониматься, какъ «народное производство», какъ полная противоположность капитализму. Но само собой разумѣется, что подобный капиталистическій партогенезисъ представляется совершенно непонятнымъ. Пусть ходъ и пожалуй даже «законы» русской экономической эволюціи представляются совершенно отличными отъ эволюціи любой западно-европейской капиталистической страны, но разъ на извѣстной стадіи этой эволюціи мы встрѣчаемся съ совершенно тождественными явленіями, то естественно мы должны прослѣдить, не тождественнымъ-ли оказывается и самый историческій процессъ, выработавшій эти экономическія явленія.

Именно съ этой точки зрѣнія наблюдая характеръ аграрно-экономической эволюціи Россіи, мы не можемъ замѣтить ни какихъ либо исключительныхъ законовъ ея, ни господства какихъ либо особыхъ формъ «народнаго производства», а лишь черты, которыя часто сближаютъ ее, а часто дѣлаютъ вполнѣ тождественной съ аграрно-экономической эволюціей другихъ странъ.

Если принимать за главный признакъ, который долженъ характеризовать сущность «народнаго производства», экономическую свободу и земельное равенство, по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобы гарантировать каждому возможность самостоятельнаго хозяйствованія, то необходимо признать, что этого признака нельзя найти даже на наиболѣе раннихъ ступеняхъ русской экономической исторіи.

Правда, то древнее экстенсивное полуземледѣльческое, полуохотничье натуральное хозяйство, которое характеризуетъ начальныя формы хозяйства древней Руси, должно было способствовать этой свободѣ и самостоятельности производителя. Каждый, смотря по времени года, по мѣрѣ надобности, по условіямъ мѣстности занимался и земледѣліемъ, и торговлей, охотой или промыслами, торговалъ своими и скупленными произведеніями или велъ «замкнутое» натуральное хозяйство [2]). Широкаго раздѣленія труда, ко-

[1]) *Струве.* Основные моменты развитія крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. Міръ Божій, 1901 г., кн. X—XII.

[2]) *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси. М. 1879., стр. 9—10.

нечно, не могло существовать; не могло существовать и крупной концентраціи производства, вмѣсто чего преобладало типичное мелкое «крестьянское» натуральное хозяйство. Деревня, какъ совокупность такихъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, представлялась самоудовлетворяющейся. Даже ея ремесленные классы, ея ремесленники, плотники, ковали, колесники, которыхъ мы встрѣчаемъ напр. въ Писцовыхъ книгахъ, всегда сами являлись и земледѣльцами [1]). При томъ, какъ эти ремесленники, такъ и чисто-земледѣльческіе классы, были такими земледѣльцами, которые, какъ видно по размѣрамъ ихъ запашекъ, стремились только къ удовлетворенію своихъ личныхъ потребностей [2]).

Этотъ натуральный самоудовлетворяющійся строй, эта возможность смѣны занятій и придавали безсословный характеръ древнему обществу, не позволяя говорить собственно о земледѣльческомъ или промышленномъ населеніи, о крестьянствѣ или о другихъ его группахъ.

Но при всемъ томъ, даже при этихъ, благопріятствующихъ экономическому равенству условіяхъ, ни этого равенства, ни экономической свободы никогда не существовало не только вообще, но даже и среди тѣхъ слоевъ населенія, которые могли все же считаться представителями земледѣльческаго населенія, т. е. среди самостоятельныхъ земледѣльческихъ производителей. Не говоря уже о «лучшихъ людяхъ», о боярахъ, служилыхъ людяхъ и т. п. привиллегированныхъ классахъ, которые встрѣчаются на первыхъ страницахъ исторіи, даже среди жителей самихъ сельскихъ общинъ, т. е. собственно среди трудового земледѣльческаго, будущаго крестьянскаго населенія несвобода и экономическое неравенство были весьма глубоки.

Они выражались прежде всего въ существованіи того класса людей, которые не имѣли собственной земли и хозяйства и жили у болѣе зажиточныхъ хозяевъ въ качествѣ наймитовъ. Что особенно важно, подобное экономическое неравенство и дифференціація приводила не только къ выдѣленію изъ всего населенія владѣльческаго привиллегированнаго класса и ихъ земель изъ «черныхъ» тяглыхъ земель общинъ, но шла и далѣе, въ глубь самихъ «черныхъ» владѣльцевъ, т. е. свободнаго трудового земледѣльческаго населенія. Такимъ образомъ, когда впослѣдствіи это послѣднее стало выдѣляться, какъ особая сословная группа, подъ именемъ «крестьянства», то оно само представляло уже не однородную, а дифференцированную группу.

Помимо этого неравенства свободнаго трудового земледѣльческаго населенія въ деревнѣ имѣлась съ давнихъ поръ и болѣе крупная и глубокая дифференціація. Уже съ XI в. среди сельскаго населенія встрѣчается такъ называемая «челядь, жившая по селамъ», т. е. сельскіе рабы. Повидимому эти рабы представляли первое примѣненіе несвободнаго рабскаго труда не къ личнымъ услугамъ, а съ производительными цѣлями, къ сельскимъ работамъ [1]). Хотя число ихъ, нужно думать, было весьма велико, такъ какъ съ помощью ихъ труда обрабатывались, повидимому, очень многія частновладѣльческія княжескія и боярскія земли, однако все же этотъ классъ несвободныхъ сельскихъ рабочихъ не былъ преобладающимъ.

Переходной степенью отъ рабскихъ къ свободнымъ формамъ труда являлись такъ наз. «холопы страдники» или «пахотные холопы», дѣловые люди и другіе разряды лицъ [2]), инициатива созданія которыхъ изъ свободнаго сельскаго населенія принадлежала повидимому церкви, а затѣмъ крупнымъ помѣщикамъ, которые стали раздавать свои свободные земельные участки необезпеченному землей населенію на условіяхъ зависимости, близкой къ несвободѣ и крѣпостничеству.

Но вообще для выясненія степени дифференціаціи и процесса обезземеленія земледѣльческаго населенія особенно важнымъ представляется положеніе не этого, не пользовавшагося большимъ распространеніемъ рабскаго труда, а положеніе свободнаго и само-

[1]) *Соколовскій.* Экономическій бытъ земледѣческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб. 1878. стр. 17 и слѣд.

[2]) Напр. во всей Деревской пятинѣ, расположенной въ плодороднѣйшемъ раіонѣ и занимавшей 31 тыс. квадр. верстъ, въ концѣ XV в. не было ни одного владѣльца, который бы запахивалъ болѣе 20 дес. въ каждомъ изъ двухъ полей, обычная же запашка не превышаетъ 5—7 дес. *Соколовскій.* Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877. стр. 21—32. *Рожковъ.* Сельское Хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1899 г., стр. 129–201.

[1]) *Ключевскій.* Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. Рус. Мысль, 1886. IX.

[2]) *Рожковъ.* Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в. М. 1899, стр. 129 и слѣд. *Бѣляевъ*, l. c., стр. 38. *Дьяконовъ.* Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVIII в.) Спб. 1898, стр. 75 и слѣд.

стоятельнаго сельскаго производителя, т. е. крестьянства. Существованіе и распространеніе рабскаго труда, если оно не вызывается внѣшнимъ завоеваніемъ страны, обращеніемъ въ рабство и массовымъ обезземеленіемъ туземнаго сельскаго населенія—а этого именно и не было въ Россіи—встрѣчается обыкновенно сравнительно рѣдко и поэтому не можетъ служить характеристикой общаго положенія сельскаго населенія и процесса его экспропріаціи. Возникновеніе несвободныхъ формъ труда и безземельнаго населенія среди прежняго свободнаго и владѣвшаго землей населенія происходитъ въ такихъ случаяхъ подъ вліяніемъ болѣе глубокихъ внутреннихъ экономическихъ причинъ и совершается гораздо болѣе медленно, но и болѣе прочно, чѣмъ прямое установленіе рабства завоеваніемъ и др. причинами.

Поэтому дѣйствительно и древняя Русь на первыхъ страницахъ своей исторіи свидѣтельствуетъ о сравнительно не очень широкомъ существованіи полнаго экономическаго и юридическаго рабства; но за то среди свободнаго сельскаго населенія также съ первыхъ же страницъ древней исторіи намѣчаются гораздо болѣе глубокія и важныя различія въ экономическомъ положеніи населенія, приводящія впослѣдствіи къ юридической личной зависимости и несвободѣ.

Эти различія обнаруживались прежде всего въ матеріальной базѣ существованія—въ обезпеченіи крестьянскаго земледѣльческаго населенія землею.

Съ того времени, какъ среди населенія страны стала выдѣляться нѣкоторая группа подъ именемъ «крестьянства» и до новѣйшаго времени, экономическій смыслъ, вкладываемый въ это понятіе, чрезвычайно измѣнился; измѣнился настолько, что первоначальное значеніе понятія «крестьянства» было совершенно забыто. Современная экономика вкладываетъ въ слово крестьянинъ не только представленіе о томъ соціальномъ положеніи, о томъ образѣ жизни и видѣ занятій, которые въ общемъ сохранились и для современнаго крестьянина тѣми же, какъ и для крестьянина древности, но соединяетъ съ этимъ понятіемъ крестьянства и необходимый его признакъ—право собственности на обрабатываемую имъ землю. Крестьянинъ, не владѣющій землей и не обрабатывающій ея, превращается или въ экономическую фикцію, въ сословную единицу, а только обрабатывающій, но не владѣющій—въ предпринимателя-арендатора. Всѣ экономическія построенія о крестьянскомъ хозяйствѣ исходятъ именно изъ этого понятія о крестьянской собственности на землю. Можетъ быть въ этомъ отношеніи экономическая теорія лишь подчиняется тому, что такъ глубоко коренится въ народной психологіи. Но исторически такое понятіе безусловно не вѣрно, или по крайней мѣрѣ исторія не даетъ ни одного подтвержденія такому положенію.

Поскольку позволяютъ судить историческіе памятники, или все сельское крестьянское населеніе Руси, или значительная часть его никогда не была собственниками обрабатываемой имъ земли [1]). Именно, безусловно лишенной земли является та часть крестьянъ, которая сидѣла на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, первоначально подъ именемъ такъ наз. «ролейныхъ закуповъ», затѣмъ изорниковъ и проч.—прообразовъ будущихъ крестьянъ [2]). И лишь относительно другой части крестьянскаго населенія, сидѣвшихъ на земляхъ черныхъ, общинныхъ не имѣется столь же категорическихъ указаній, принадлежали-ли первоначально эти земли, до ихъ «окняженія» самимъ крестьянамъ, на правахъ настоящей и полной собственности, или нѣтъ.

Но во всякомъ случаѣ, съ одной стороны окняженіе черныхъ земель произошло довольно скоро; съ другой стороны извѣстно, что и крестьяне, сидѣвшіе на черныхъ общинныхъ земляхъ, могли въ свою очередь передавать эту землю на извѣстныхъ правахъ другимъ лицамъ, хотя бы своимъ однообщинникамъ [3]), слѣд. по экономическимъ отношеніямъ къ этимъ пришлымъ и сидѣвшимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ не отличались отъ другихъ частныхъ владѣльцевъ бѣлыхъ земель.

Эти отношенія между владѣльцами земель и ихъ съемщиками по ихъ экономической сущности, помимо нѣкоторыхъ различій въ юридическихъ формахъ, должны характеризоваться, какъ аренд-

[1]) *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси, стр. 14—15, а также его же «Законы и акты, устанавливающіе въ древней Руси крѣпостное состояніе». *Архивъ истор. и практ. свѣдѣній,* кн. II.

[2]) «Мы можемъ считать доказаннымъ, что крестьяне въ древней Руси были лишь владѣльцами земли». *Соколовскій.* Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія, стр. 77. Исключеніе представляли развѣ лишь новгородскіе своеземцы «мелкіе собственники, занимавшіе нѣчто среднее между крестьянами и землевладѣльцами» и исчезнувшіе въ теченіе XVI стол. См. *Соколовскій,* l. c. стр. 4 и *Ключевскій.* Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи. Рус. М. 1885, кн. 10 стр. 7 и слѣд.

[3]) *Соколовскій.* Очеркъ исторіи сельской общины, стр. 35.

ныя отношенія: крестьянинъ являлся всегда лишь съемщикомъ-арендаторомъ владѣльческой, иногда и общинной земли, на извѣстныхъ арендныхъ условіяхъ. Эти условія, конечно, зависѣли прежде всего отъ экономическаго и хозяйственнаго положенія какъ той, такъ и другой стороны. Тѣ ролейные закупы, о которыхъ говоритъ Русская Правда, представлялись съемщиками настолько несостоятельными, что не имѣли для работы ни скота, ни орудій, ни сѣмянъ для посѣва, ни даже хлѣба для прокормленія, получая все это въ ссуду отъ землевладѣльца. Однако, все же хозяйство ихъ не представлялось связаннымъ и подчиненнымъ хозяйствомъ раба или крѣпостного, а было совершенно самостоятельнымъ и отдѣльнымъ: закупъ съ семьей жилъ независимымъ мелкимъ хозяиномъ, обязаннымъ владѣльцу лишь выплатой извѣстнаго эквивалента за полученную имъ землю и ссуду; выплатой, производимой, конечно, натурой или личнымъ трудомъ, т. е. выплатой натуральной или отработочной ренты.

Во всякомъ случаѣ этотъ арендаторъ-закупъ всегда оставался «хозяиномъ», не превращаясь ни въ батрака, ни въ крѣпостного [1]). И замѣчаемое иногда смѣшеніе Правдой закупа съ наймитомъ скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что классъ послѣднихъ къ тому времени еще не вполнѣ выдѣлился изъ хозяйственнаго населенія, чѣмъ о томъ, что закупъ былъ лишенъ этой хозяйственной самостоятельности.

Въ болѣе поздній періодъ положеніе крестьянина, какъ самостоятельнаго хозяина на чужой землѣ, еще болѣе опредѣляется и отграничивается отъ положенія наймита, т. е. отъ безхозяйнаго рабочаго. Если относительно положенія закупа могутъ существовать литературныя разногласія [2]), то псковскій изорникъ представляетъ даже гораздо болѣе законченный по экономической самостоятельности типъ крестьянина-арендатора, чѣмъ ролейный закупъ: онъ могъ получать отъ землевладѣльца лишь одну землю, всѣ же орудія, рабочій скотъ, сѣмена имѣлъ свои, т. е. являлся вполнѣ «предпринимателемъ», обладающимъ орудіями и средствами производства [3]). Но за землю изорникъ, такъ же какъ и закупъ, долженъ былъ платить часть своихъ произведеній или натуральный и денежный оброкъ [1]).

Понятно, что причиной, которая заставляла этого, сравнительно состоятельнаго производителя удѣлять часть своего продукта владѣльцу земли, была, какъ и для закупа, хотя не въ столь же сильной степени—недостаточность экономической силы, капитала, чтобы самостоятельно и независимо отъ частнаго владѣльца разработать изъ подъ лѣса и расчистить свободную и дѣвственную землю. Такая земля была еще въ изобиліи, считалась еще ничьей и недостатокъ ея не могъ. слѣдовательно являться причиной ограниченія самостоятельной предпринимательной дѣятельности. Но вмѣсто этого изъ за недостатка средствъ и орудій производства приходилось брать у владѣльца за плату землю, уже расчищенную и требующую для своей обработки лишь обычныхъ расходовъ денежныхъ средствъ, труда и времени. Что это было такъ, видно изъ того, что и противоположные факты, т. е. занятіе владѣльческой земли совершенно необработанной, но главнымъ образомъ лишь въ случаяхъ исключительныхъ благопріятныхъ условій именно даннаго участка земли, также встрѣчались. Въ этихъ случаяхъ уже и крестьянинъ получалъ гораздо большія права на нее, включительно до права отчужденія, и слѣд. почти приравнивался полному собственнику [2]), или по крайней мѣрѣ пользовался льготами по отбыванію повинностей землевладѣльцу, освобождаясь на первые годы отъ арендной платы и другихъ работъ [3]).

Такимъ образомъ можно видѣть, что представленіе о древнемъ «народномъ производствѣ», которое соединяется съ представленіемъ о господствѣ въ первоначальные періоды русской экономической исторіи такихъ формъ организаціи хозяйства, когда земледѣльче-

---

[1]) *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси, стр. 15.

[2]) Объ этомъ см. *Сергѣевичъ.* Русскія юридическія древности, т. I, Спб. 1890 г., стр. 177—190.

[3]) Ср. *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси, стр. 24—26. *Сергѣевичъ.* Древности, 248.

[1]) *Псковская Суд. грам.*, *А. Ю.* 8—11, 27; платился обыкновенно пятый, шестой, иногда и десятый снопъ. Ср. *А. Ю*, № 176, 177, 184 и *Д. А. И.*, II, № 73. См. также *Соколовскій.* Очеркъ исторіи сельской общины стр. 25.

[2]) *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси, стр. 38.

[3]) Такъ напр. въ случаяхъ порядныхъ на «пустошь», давались льготные годы съ освобожденіемъ отъ всякихъ повинностей: «живучи намъ поставить на тое пустошь хоромъ двѣмъ себромъ по избы съ сѣнми и по омшаннику и по клѣти, пашни распахать и поля расчистить и городы скласти. А жити намъ за нимъ, Иваномъ на льготѣ четыре годы, а въ тѣ льготные годы пашни съ той деревни со ржи и со всякаго ярового хлѣба и съ мелкаго обилья ему части не давати и никакого дѣла на него не дѣлати». *Дьяконовъ.* Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, прил. 18.

скій производитель обладаетъ орудіями производства, обладаетъ земельной собственностью—безразлично, на правахъ-ли личнаго или общиннаго владѣнія, ведетъ, слѣдовательно, самостоятельное потребительно-трудовое хозяйство, олицетворяя всѣмъ этимъ типъ настоящаго «трудового крестьянина»—это представленіе исторически не вѣрно. Всѣ ли крестьяне въ древней Руси были лишены земельной собственности, снимая ее у частныхъ владѣльцевъ, или лишь болѣе или менѣе значительная часть, это обстоятельство, сколько оно ни важно, не можетъ измѣнить понятія о первоначальномъ положеніи крестьянина, какъ простого съемщика-арендатора, а не какъ собственника земли.

Когда произошло это обезземеленіе коренного земледѣльческаго населенія—едва ли можно опредѣлить. Можно предполагать, что оно должно было идти вмѣстѣ съ разрушеніемъ первобытнаго родового быта, а такъ какъ этотъ родовой строй былъ утраченъ славянствомъ, повидимому, уже до занятія русской территоріи, то поэтому уже съ первыхъ страницъ русской исторіи мы и встрѣчаемъ отмѣченное обезземеленіе населенія. «Экспропріація» его совершилась слѣдовательно въ доисторическія времена. Она могла прогрессировать и въ болѣе поздніе періоды, и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ острѣе становились экономическія причины, ея вызвавшія. А такими были, конечно, не недостатокъ земли, а лишь чрезвычайно слабое развитіе производительныхъ силъ страны, низкій уровень экономическаго благосостоянія населенія, необладаніе значительной частью его орудіями труда и невозможность поэтому использованія для производительныхъ цѣлей лежащихъ рядомъ, можетъ быть чрезвычайно богатыхъ и свободныхъ, но трудно поддающихся обработкѣ земельныхъ угодій.

Обладателю однѣхъ своихъ рабочихъ рукъ, представителю «трудового начала» часто нечего было дѣлать, если онъ не обладалъ орудіями труда, скотомъ, возможностью самому прокормиться и т. д. и если онъ не могъ избѣжать займа ради этого. Земля, правда, ничего не стоила, но за то громадную стоимость представляли орудія производства, стоимость тѣмъ большую, чѣмъ дороже приходилось платить за пользованіе ими при ссудахъ отъ хозяина земли. «Вольному» человѣку нужно было не менѣе 3—5 лѣтъ, чтобы скопить необходимыя средства для обзаведенія самостоятельнымъ самымъ простымъ хозяйствомъ. Поэтому то многіе и предпочитали идти въ крестьяне, получая землю и ссуду, платя за послѣднюю

хотя бы тѣ высокіе проценты, которые были въ обычаѣ въ древности [1]).

Такимъ образомъ, полное отсутствіе средствъ производства у однихъ обращало эти средства производства у имѣющихъ ихъ—въ средства эксплоатаціи чужого труда, полученія дохода съ присвоенной земли, въ средства полученія ренты. Представитель «трудового начала», крестьянинъ, являлся или простымъ наймитомъ, въ лучшемъ же случаѣ и наиболѣе часто лишь арендаторомъ частновладѣльческихъ бѣлыхъ и даже общинныхъ черныхъ земель, а не крестьяниномъ-собственникомъ въ современномъ смыслѣ.

Другими словами, по своему мѣсту среди аналогичныхъ экономическихъ явленій древне-русскій крестьянинъ соотвѣтствуетъ понятію докапиталистическаго фермера, а не самостоятельнаго «народнаго» производителя [2]).

Положеніе такого докапиталистическаго фермера характеризуется, какъ извѣстно, во-первыхъ отсутствіемъ у него обладанія землею на правахъ собственности, во-вторыхъ веденіемъ самостоятельнаго, т. е. своего, отдѣльнаго отъ землевладѣльца, хозяйства [3]). Первое отличаетъ его отъ «крестьянскаго», въ современномъ смыслѣ, хозяйства, которое должно вестись на собственной землѣ; второе —отъ батрака и наймита, лишеннаго совершенно собственнаго хозяйства, собственныхъ орудій труда и работающаго лишь въ чужомъ хозяйствѣ, на чужой землѣ, съ помощью чужихъ орудій производства.

[1]) *Хлѣбниковъ*. Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи. Спб. 1872, стр. 231—33. *Соколовскій*. Экономическій бытъ, стр. 29. *Дьяконовъ*. Очерки исторіи сельскаго населенія, стр. 75—134.

[2]) Какъ ни странно, такой именно въ сущности взглядъ, хотя безъ точной его формулировки, на древнерусскаго крестьянина, какъ на докапиталистическаго фермера, очень ясно проведенъ именно у *Бѣляева*, Крестьяне на Руси. Ср. также *Соколовскій*. Экономическій бытъ; уже въ «XII—XVI в. полнаго соотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ не существовало, такъ какъ въ большинствѣ мѣстностей крестьянинъ не былъ собственникомъ воздѣлываемой земли, которая была роздана помѣщикамъ и монастырямъ. Приходилось значительную часть труда употреблять на вознагражденіе владѣльцевъ земли. При весьма низкомъ уровнѣ потребностей землевладѣльцевъ количество этого излишняго противъ собственныхъ нуждъ добавочнаго труда было ограничено... Весь остальной свой трудъ, за исключеніемъ этой доли, земледѣлецъ употреблялъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, причемъ одна часть производимаго продукта служила, какъ средство существованія, другая—какъ средство производства». l. c., стр. 7.

[3]) *Марксъ*, Капиталъ, III, гл. 47.

Отношеніе такого докапиталистическаго фермера къ землевладѣльцу въ простѣйшемъ случаѣ исчерпывалось, конечно, лишь платой за пользованіе землею, т. е. платой ренты. Но, какъ указано, древнерусскій крестьянинъ-арендаторъ часто получалъ отъ землевладѣльца не одну землю, но иногда и помощь, «подмогу», если землевладѣльцу было необходимо и выгодно привлечь чѣмъ нибудь на свою землю крестьянина; а иногда, въ случаѣ его несостоятельности, также и процентную и возвратную «ссуду», въ видѣ орудій производства, скота, сѣмянъ, продовольствія, денегъ и пр. Существованіе этой ссуды, «подмоги» не лишало, однако, древняго крестьянина характера именно арендатора и не превращало его въ наймита или крѣпостного, поскольку онъ велъ свое самостоятельное хозяйство. Ссуда дѣйствительно осложняла отношенія землевладѣльца и земледѣльца, могла вести и дѣйствительно вела къ возможности крайней экономической зависимости, къ экономической несвободѣ, а это при тогдашнихъ юридическихъ понятіяхъ и отношеніяхъ должно было вести въ свою очередь къ личной зависимости, къ юридической несвободѣ, къ «кабалѣ». Но эта кабала возникала не изъ земельныхъ отношеній, а изъ другой категоріи вещныхъ отношеній [1]); для земельныхъ же отношеній въ большинствѣ случаевъ въ нормальныхъ условіяхъ характерны не эта денежная кабала или несвободное наймитство въ батраки, а свободный съемъ земли на условіяхъ аренды.

Эта аренда, конечно, имѣла мало общаго съ съ капиталистической арендой. Она была почти исключительно арендой продовольственной. Тѣ орудія производства, которыми обладалъ богатый землевладѣлецъ и которыя онъ давалъ въ ссуду крестьянамъ, въ его рукахъ и тогда уже получали характеръ «капитала», т. е. средства полученія дохода путемъ эксплоатаціи чужого труда. Но они, конечно, не представляли «капитала» въ рукахъ самого земледѣльца—крестьянина: для него они были только орудіями труда, которыя необходимы для собственнаго продовольствія. Изъ всего валового дохода этого крестьянина-арендатора вычитались не проценты на капиталъ, а количество, потребное на его продовольствіе и обезпеченіе его существованія; остальная же часть въ видѣ некапиталистической ренты поступала въ руки частнаго землевладѣльца.

[1]) Объ этомъ см. *Ключевскій.* Боярская дума древней Руси. Мос. 1883 г. стр. 310 и слѣд.; *его-же* Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, Рус. М. 1885, X, а также *Дьяконовъ.* Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Жур. Мин. Нар. Просв. 1893, VI, *Владимірскій-Будановъ.* Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1900 и др.

По своей формѣ эта некапиталистическая рента могла проявляться и дѣйствительно проявлялась во всѣхъ обычныхъ и извѣстныхъ теоретически [1]) формахъ ренты: трудовой (отработочной), натуральной (испольной) и денежной. При нерасчлененности вообще экономическихъ отношеній всѣ эти виды ренты часто соединялись вмѣстѣ и варьировали весьма разнообразно и по характеру, и по размѣрамъ лежащихъ на крестьянахъ повинностей. Трудно сказать, какая изъ упомянутыхъ формъ ренты преобладала въ Московскомъ государствѣ. Можно думать, что трудовая аренда, предполагающая веденіе самостоятельнаго хозяйства самимъ помѣщикомъ и отбываніе ему крестьянами «барщины», была вначалѣ сравнительно мало распространена. Даже въ наиболѣе передовыхъ хозяйствахъ монастырей и крупныхъ владѣльцевъ она начинаетъ встрѣчаться болѣе часто лишь съ конца XVI стол. [2]). Также сравнительно слабо была распространена, хотя безусловно встрѣчалась и денежная аренда, но и то не въ чистой формѣ, а всегда лишь въ комбинаціи съ другими формами натуральной уплаты и личнымъ трудомъ на землевладѣльца [3]), или въ качествѣ дополнительныхъ

[1]) *Маркс.* Капиталъ, III, VI, гл. 47.

[2]) *Лаппо-Данилевскій.* «Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія Россіи» въ сборникѣ «Крестьянскій строй» СПБ. 1905, стр. 35—45, а также *Рожковъ,* Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 160—162 и 190—1. *Ключевскій.* Боярская дума, стр. 82. *Соколовскій.* Очеркъ исторіи сельской общины, стр. 33, и *его же,* Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія, стр. 34—89.

[3]) Денежный оброкъ почти никогда не встрѣчающійся самостоятельно, всегда сопровождается или натуральнымъ оброкомъ, «пятиной»: «впредь намъ, говорится въ одной порядной жилецкой записи, со ржи и со всякаго ярового хлѣба и съ мелкаго обилья часть пятой снопъ давати». *Дьяконовъ,* Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, прил. 18; или еще чаще сопровождается кромѣ того и барщинными работами, «дѣломъ», «работой», «издѣльемъ», какъ напр. въ другой порядной: «впредь намъ... помѣщицкое всякое дѣло дѣлати и пашню на него пахати, и денежный оброкъ... платити и со всякаго хлѣба изо ржи и изъ яри пятина давати». *Дьяконовъ,* Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. В. I. Крестьянскія порядныя. В. II. Граматы и записи. Юрьевъ, 1895—97.

денежныхъ сборовъ, пошлинъ и другихъ всевозможныхъ въ пользу землевладѣльца повинностей и доходовъ [1]).

Съ конца XVI и съ XVII в. въ формахъ ренты наблюдается повидимому рѣшительная тенденція къ развитію трудовой отработочной ренты, т. е. развитіе барщинной системы; или денежной ренты, въ видѣ развитія денежно-оброчной системы. Какъ та, такъ и другая обусловливались тѣми экономическими условіями, которыя стали особенно сильно развиваться къ этому времени въ народномъ хозяйствѣ. Это—стремленіе землевладѣльцевъ къ самостоятельному земледѣльческому предпринимательству и къ увеличенію своихъ, особенно денежныхъ доходовъ, вмѣстѣ съ начавшимся въ то время расширеніемъ денежнаго хозяйства. Съ XVI в. наблюдается безусловное увеличеніе барской запашки и землевладѣльческаго хозяйства, идущее или съ помощью расширенія холопьяго и вольнонаемнаго труда, или съ помощью перехода къ крестьянскому барщинному труду [2]). И понятно, что, благодаря общимъ условіямъ того времени—небольшому распространенію прямого рабства и слабо развитому вольнонаемному труду—главное вниманіе помѣщиковъ стала привлекать именно крестьянская барщина.

По своему значенію и мѣсту среди другихъ, возможныхъ въ то время видовъ и формъ землевладѣльческаго дохода барщина, т. е. отработочная рента, представлялась для помѣщика наиболѣе выгодной и раціональной. Лишь эта форма эксплоатаціи давала для зем-

[1]) *Акты Ист.-Юрид.*, изд. Калачевымъ, III, 32—54, главнымъ образомъ многочисленныя уставныя и жалованныя граматы, перечисляющія не только привилегіи, но и обязанности крестьянъ, сидѣвшихъ на монастырскихъ, частныхъ и др. земляхъ, въ *А. А. Э.* I, № 48, 105, 111, 132, 144, *Д. А. И.* I, № 224, 220, 207, 208, 193 «Имъ (монастырскимъ крестьянамъ) не надобѣ ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни къ сотскимъ, ни къ десятскимъ съ тяглыми людьми ни тянуть ни во что.. ни иныя имъ нѣкоторыя пошлины не надобѣ».

[2]) О значеніи, размѣрахъ и увеличеніи барской запашки см. *Забѣлинъ*. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ въ XVII в., Вѣстн. Евр. 1871, 1—2. *Устряловъ*. Именитые люди Строгоновы, СПБ. 1842 г.; имъ принадлежали помѣстья на протяженіи 146 верстъ по р.р. Камѣ и Бѣлой, стр. 37 и сл. *Лаппо-Данилевскій*, 1. с. стр. 43—49. О величинѣ дворцовыхъ запашекъ хорошо свидѣтельствуетъ то, что напр. въ 6 дворцовыхъ имѣній въ 1663 г. было послано земледѣльческихъ орудій: 3.000 сошниковъ, 1.100 плуговъ, 1.200 косулей, 5.000 косъ, 5.000 топоровъ. *А. А. Э.* IV, № 138, а также *А. И.* II, № 18.

левладѣльца возможность увеличенія своихъ доходовъ въ желательномъ для него размѣрѣ. Конечно, могъ быть повышенъ и оброкъ, т. е. натуральная рента, но она давала не только сравнительно небольшой прибавочный продуктъ, но и связывала помѣщичье хозяйство, по характеру получаемыхъ продуктовъ, съ крестьянскимъ, ставила преграды для его предпринимательской дѣятельности, для расширенія и интенсификаціи его хозяйства. Денежный оброкъ хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи и имѣлъ крупное преимущество передъ натуральнымъ, такъ какъ имѣлъ форму всеобщаго эквивалента—денегъ, но при господствѣ натуральнаго строя также не могъ достигать крупныхъ размѣровъ. При немъ реализація на рынкѣ тѣхъ же продуктовъ крестьянскаго хозяйства лишь переносилась на самого крестьянина. Для такой реализаціи этихъ продуктовъ въ общемъ строѣ имѣлось мало подходящихъ условій, для крестьянъ же она была еще болѣе затруднительной, чѣмъ для помѣщиковъ.

Поэтому-то возникшее на почвѣ развитія производительныхъ силъ народнаго хозяйства стремленіе къ нѣкотораго рода предпринимательству стало требовать и такой организаціи производства, которая давала бы возможность землевладѣльцу-сельскому хозяину не только увеличить свои доходы, получаемые въ видѣ рентъ за землю, но и присоединить къ этой рентѣ нѣкоторую долю прибавочнаго продукта, т. е. расширить область прибавочнаго труда за счетъ области труда необходимаго.

Такой цѣли болѣе всего соотвѣтствовала форма барщинной организаціи труда, въ зачаточной степени проявлявшейся уже раньше въ видѣ отработочной аренды, т. е. тогда еще въ видѣ свободно-договорнаго отношенія. Въ дальнѣйшемъ же развитіи эта отработочная аренда должна была перейти отъ своей свободно-договорной формы къ принудительнымъ отношеніямъ барщиннаго крѣпостного хозяйства. Этотъ переходъ къ новой организаціи труда и завершился въ Руси въ концѣ XVI вѣка; къ этому времени тотъ процессъ, который давно совершался въ хозяйствѣ подъ давленіемъ экономической необходимости роста производительныхъ силъ, вылился и въ юридическія формы. Крѣпостное «хозяйство» требовало и крѣпостного «права», хозяйственная зависимость требовала «внѣхозяйственнаго принужденія».

Итакъ, съ одной стороны матеріальная необезпеченность нѣкоторой части земледѣльческаго населенія, именно той, которая но-

сила названіе «крестьянства»; съ другой—развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи обусловливали необходимость превращенія когда-то независимаго землевладѣльца-собственника въ свободнаго арендатора частновладѣльческихъ земель, а затѣмъ въ барщиннаго крѣпостного.

Со стороны землевладѣльца предпринимателя этотъ переходъ вызывался прежде всего указанной необходимостью расширенія производства прибавочнаго продукта. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ прибавочный продуктъ пересталъ идти исключительно на цѣли личнаго потребленія въ хозяйствѣ, а могъ быть реализуемъ и такъ или иначе накопляемъ—а это случилось, какъ увидимъ далѣе, весьма рано—съ тѣхъ поръ по самому направленію производства крестьянское оброчное хозяйство перестало удовлетворять помѣщичье рентное хозяйство. Послѣднее или должно было удовлетвориться сравнительно слабо увеличиваемой денежной рентой, или принуждалось перейти къ самостоятельной формѣ производства, къ барщинѣ, которая предоставляла большій просторъ росту и накопленію. [1]) Въ этой формѣ не только прибавочный продуктъ создавался въ наиболѣе очевидной формѣ, но и доля его, поступавшая помѣщику въ видѣ ренты, могла наиболѣе легко и наиболѣе значительно увеличиваться, вплоть до поглощенія собою даже части необходимаго продукта.

Съ этимъ увеличеніемъ рентныхъ доходовъ шла вмѣстѣ не только возможность, но даже и необходимость накопленія этихъ докапиталистическихъ, первобытныхъ рентъ: обезземеленіе и дифференціація сельскаго населенія вели къ возникновенію рентъ, полученіе ихъ вызывало стремленіе къ увеличенію ихъ путемъ повышенія эксплоатаціи труда, а это стремленіе, осуществлявшееся особенно послѣдовательно въ барщинѣ, создало и возможность накопленія ихъ, такъ какъ барщинно-крѣпостное хозяйство съ теченіемъ времени все больше и полнѣе стало задаваться цѣлями «расширеннаго» производства, т. е. производства, имѣющаго цѣлью именно накопленіе.

Такъ называемое «первоначальное накопленіе» возникло слѣдовательно и въ Руси путемъ, совершенно аналогичнымъ, какъ и въ

[1]) О теоріяхъ возникновенія барщины срав. *Волконскій.* Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Труды Рязанской Учен. Архивной ком. 1897, т. XII. *Ключевскій.* Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи Р. М. 1886. *Струве.* Основные моменты, М. Б. 1901.

Зап. Европѣ, т. е. путемъ накопленія рентъ. Теперь посмотримъ, какимъ же путемъ шло превращеніе этихъ накопленныхъ рентъ въ капиталъ и какое значеніе имѣло накопленіе этихъ рентъ на структуру общественныхъ классовъ въ древней Руси.

ГЛАВА II.

Торговый капиталъ и земледѣльческое хозяйство въ древней Руси.

Превращеніе накопленныхъ рентъ въ торговый капиталъ.—Организація и значеніе торговаго класса.—Возникновеніе сельскохозяйственнаго рынка и торговли земледѣльческими продуктами.—Государство, какъ представитель землевладѣльческихъ и торговыхъ интересовъ.

Извѣстно, что первоначальной формой капитала, въ который превращаются накопленныя земельныя ренты, является торговый денежный капиталъ, становящійся таковымъ путемъ реализаціи рентъ и обращенія ихъ въ денежно-товарномъ оборотѣ. Такимъ образомъ, если эпохи до первоначальнаго накопленія предполагаютъ въ обществѣ одного лишь производителя, то эпоха первоначальнаго накопленія капитала предполагаетъ уже существованіе кромѣ того и торговца—купца.

Конечно, при неразвитости общественныхъ отношеній и положеній было бы напраснымъ искать и разграниченности этихъ общественныхъ классовъ, искать формы и способы установленія между ними извѣстнаго рода связей. Возможность первоначальнаго накопленія при натуральномъ строѣ хозяйства страны именно и заключалась въ такой неразграниченности функцій землевладѣльца—хозяина отъ функцій торговца: получаемыя имъ, въ качествѣ землевладѣльца, ренты превращались въ рукахъ его-же, какъ купца, въ торговый капиталъ и создавали ту возможность накопленія, которой онъ былъ лишенъ, какъ землевладѣлецъ.

Дѣйствительно, именно такія отношенія мы находимъ и въ древней Руси. Съ одной стороны извѣстна та громадная роль, которую сыграли для Россіи, ея быта и экономики торговля и торговый капиталъ. Послѣ теоріи Шторха, подтвержденной позднѣйшими научными изслѣдованіями, не представляетъ сомнѣнія, что и въ политическомъ отношеніи судьба государства и отдѣльныхъ его областей въ значительной степени строилась на этомъ базисѣ. Историческое возвышеніе, политическое значеніе и паденіе такихъ городовъ какъ Кіевъ, Новгородъ и Москва, зависѣло въ громадной степени, почти исключительно отъ торговли [1]).

Торговля и торговый капиталъ являлись часто вершителемъ хода жизни и въ Московскомъ государствѣ. Хорошо извѣстно, какъ сильно была развита вообще торговля и торговая предпріимчивость въ Московскомъ государствѣ и какую роль игралъ въ ней крупный торговый капиталъ. Иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, поражала коммерческая предпріимчивость и любовь къ торговлѣ русскихъ, которые «всѣ здѣсь, отъ высшаго и до низшаго только и думаютъ, только и стараются, какъ бы здѣсь, либо тамъ нажиться» [2]), такъ что всѣ, даже самые важные чиновники, во главѣ съ «первымъ купцомъ—царемъ» и его представителями при иностранныхъ дворахъ занимались торговлею, не замѣчая, что, по мнѣнію иностранцевъ, тѣмъ унижаютъ свое достоинство [3]). Самый видъ центра русской торговли—Москвы поражалъ иностранцевъ обиліемъ въ ней лавокъ и рядовъ съ разнаго рода товарами, чѣмъ Москва, по ихъ свидѣтельству, превосходила не только такіе торговые города того времени, какъ Амстердамъ, но и цѣлое иное государство [4]).

Уже такое широкое распространеніе торговли могло бы предполагать нѣкоторое выдѣленіе и того класса лицъ, который велъ ее и занимался ею, т. е. класса первыхъ капиталистовъ—торговцевъ. Но уже изъ приведенныхъ отзывовъ иностранцевъ видно, что разграниченіе класса торговцевъ отъ другихъ слоевъ общества не могло проводиться строго. Извѣстно, что даже настоящіе

[1]) *H. Storch.* Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs, 1799, III. См. также *Ключевскій.* Боярская дума, стр. 4, 35 и слѣд.

[2]) *Де-Родесъ.* Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г. Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій т. V, 234.

[3]) *Костомаровъ.* Монографіи, т. XX. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст., изд. 2. Спб. 1889, стр. 153.

[4]) *Кильбургеръ.* Краткое извѣстіе о русской торговлѣ. Спб. 1820, стр. 10.

купцы-профессіоналисты — крупные капиталомъ [1]), окруженные почетомъ [2]) «гости», встрѣчающіеся съ первыхъ страницъ русской исторіи, какъ особый и организованный классъ, не только не были представителями исключительно капитала, лишенными земельной собственности, но наоборотъ, какъ и всѣ другіе члены городской и сельской общины, какъ и крестьяне «тянули къ волости», т. е. являлись вмѣстѣ съ другими членами общины, землевладѣльцами [3]). Такимъ образомъ, функціи даже профессіональнаго торговца были далеко не строго отдѣлены отъ землевладѣльца, или, вѣрнѣе, этотъ послѣдній былъ почти всегда и торговцемъ.

Тѣмъ болѣе, конечно, это необходимо сказать про тѣхъ представителей торговли и торговаго капитала, которые занимали совершенно иное общественное положеніе—бояръ, царскихъ намѣстниковъ, митрополитовъ, самого царя. Всѣ они съ давнихъ временъ вели самую разнообразную и наиболѣе крупную торговлю [4]), но они являлись въ то же время наиболѣе типичными предста-

[1]) См. *Костомаровъ,* l. cit. стр. 155 и слѣд. *Никитскій.* Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, Чтенія Общ. Истор. и Др. Рос. 1893. I, 46. Въ болѣе позднее время, при Алексѣѣ Михайловичѣ обороты гостей по свидѣтельству Котошихина достигали 20—100 тысячъ рублей въ годъ, что, принимая во вниманіе цѣнность денегъ въ то время, должно быть приравнено современнымъ милліонамъ. *Котошихинъ.* О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Спб. 1840. Не менѣе крупны были, конечно, и торговые обороты «перваго купца—царя», а также пользовавшихся особыми привиллегіями безпошлинной торговли монастырей, являвшихся также крупными оптовыми торговцами. Объ этомъ напр. многочисленныя граматы монастырямъ *А. А. Э.* I, № 100, 101, 148, 167, 170, 223 и мн. др.

[2]) По *Русской Правдѣ* за убійство купца вознагражденіе приравниваетъ ихъ къ княжескимъ чиновникамъ: за тѣхъ и другихъ берется 40 гривенъ. Они вершаютъ государственныя и общественныя дѣла наравнѣ съ боярами. *Сергѣевичъ.* Русскія юридическія древности, I, 277.

[3]) *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси. М. 1879, стр. 33. *Соколовскій.* Очеркъ исторіи сельской общины, стр. 8, 23.

[4]) Кромѣ упомянутыхъ выше, см. также *Никитскій.* Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1893 г., кн. 1—2. *Winckler.* Die Deutsche Hansa in Russland. Brl. 1886. Въ этомъ отношеніи интересенъ договоръ съ княземъ Ярославомъ новгородцевъ, которые принудили его вести торговлю съ нѣмцами лишь черезъ новгородцевъ, а не самостоятельно. Однако, послѣ того, какъ князь согласился отказаться отъ несвойственной ему роли купца, его мѣсто занялъ епископъ, начавшій торговать продуктами монастырскихъ земель. См. также *Костомаровъ,* l. cit., стр. 153—4.

вителями класса крупныхъ землевладѣльцевъ [1]). Понятно, что по самому характеру приложенія народнаго труда и по исключительному господству земледѣльческаго производства, ихъ торговля должна была имѣть въ основѣ земельныя отношенія. Достаточно взглянуть на главные предметы торговли русскихъ купцовъ-землевладѣльцевъ и русскаго заграничнаго отпуска, чтобы увидѣть, что вся возможность полученія ихъ торговыхъ прибылей покоилась на торговой эксплоатаціи земледѣльческаго населенія [2]).

Для выясненія возникавшихъ отсюда экономическихъ отношеній представляется особенно важнымъ отмѣченный выше фактъ сравнительно малой распространенности барской запашки, т. е. самостоятельнаго землевладѣльческаго предпринимательства до XVII вѣка.

Доходы привиллегированныхъ классовъ того время были главнымъ образомъ только землевладѣльческимъ доходомъ, т. е. рентой, поступавшей въ руки землевладѣльцевъ отъ крестьянскаго производителя-арендатора, въ видѣ натуральныхъ и самыхъ разнообразныхъ, смотря по направленію производства (мѣховъ, воска, кожъ, хлѣба, разныхъ издѣлій и др.) продуктовъ, пускавшихся затѣмъ въ продажу внутри страны или заграницу. Эксплоатація сельскаго населенія рѣдко выливалась въ форму непосредственной предпринимательской эксплоатаціи. Князья-купцы, князья-землевладѣльцы сначала не бывали предпринимателями; они были прежде всего землевладѣльцы-рентьеры, а затѣмъ капиталисты—торговцы. Ихъ первая дѣятельность являлась лишь простымъ базисомъ ихъ существованія, вторая же открывала имъ перспективы увеличенія ихъ благосостоянія, возможность накопленія денежныхъ средствъ, возвышенія изъ общей среды. Поэтому то она скоро и начинаетъ особенно привлекать ихъ вниманіе.

При особо благопріятныхъ условіяхъ возможна была и настоящая предпринимательская сельскохозяйственная дѣятельность, въ родѣ извѣстнаго хозяйства Морозова, стоявшаго весьма высоко по интенсивности и благоустройству и обладавшаго не только

[1]) См. *Флетчеръ.* О государствѣ русскомъ, изд. 1906 г. III. *Herberstein,* Rerum Moskovitarum commentarii, рус. пер. 1866 г. стр. 90. *Аристовъ.* Промышленность древней Руси. Спб. 1866 и др.

[2]) «Русскій бояринъ X вѣка не то купецъ, не то воинъ». *Ключевскій* Боярская дума, 8; впослѣдствіи онъ сталъ купцомъ—землевладѣльцемъ.

передовыми для того времени системами полевого хозяйства, но и чисто промышленными отраслями, въ видѣ винокуренныхъ и поташныхъ заводовъ [1]). Въ такихъ случаяхъ землевладѣлецъ—купецъ превращался уже въ землевладѣльца предпринимателя; но эти случаи, отчасти благодаря политическимъ причинамъ, были сравнительно рѣдки среди обязаннаго службой служилаго класса; по той же причинѣ за то они гораздо чаще встрѣчались въ монастырскихъ хозяйствахъ [2]).

Такимъ образомъ, какъ въ положеніи землевладѣльческаго и торговаго класса такъ и въ ихъ отношеніяхъ въ дѣлѣ первоначальнаго накопленія капитала, въ древней Руси наблюдается то же, что было въ подобномъ же процессѣ въ Западной Европѣ. Какъ тамъ торговлею занимались высшіе городскіе чины, земельная аристократія, монастыри [3]) и даже короли [4]), являвшіеся представителями крупнаго капитала, такъ и на Руси среди лицъ, занимавшихся

[1]) Въ этомъ случаѣ и продукты торговли боярина были иные, чѣмъ при арендномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Морозовъ торгуетъ водкой, поташемъ, который сбывался даже заграницу и считался очень высокаго качества. Здѣсь уже у самого боярина стоятъ на первомъ мѣстѣ интересы предпринимателя, а не торговца или землевладѣльца. Напр. столкновеніе этихъ интересовъ, произошло изъ за желанія сбывать своимъ рабочимъ водку своихъ заводовъ, благодаря чему, однако, получили ущербъ «будному» поташному дѣлу: въ своемъ рѣшеніи по этому вопросу бояринъ очень озабоченъ чтобы не было ущерба «будной работѣ». *Забѣлинъ*. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ въ XVII в. В. Евр. 1871, кн. 1—2.

[2]) «Монастырь сдѣлался въ Московской Руси самымъ чистымъ типомъ землевладѣльца и капиталиста... Въ монастырскихъ вотчинахъ хозяйская рука и глазъ не отрывались отъ своего дѣла посторонними обязанностями и работами. Эти выгоды въ экономическомъ положеніи монастыря выступаютъ особенно ясно, если ихъ сопоставить съ положеніемъ служилаго класса, подвергшагося всѣмъ тяжестямъ безденежья и недостатка служилыхъ рукъ». *Рождественскій*. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1897, стр. 87. Монастырь сдѣлался торговцемъ, складочнымъ мѣстомъ для всякой торговой поклажи, мѣстомъ финансовыхъ операцій. Онъ же былъ крупнымъ хлѣбнымъ поставщикомъ для народнаго продовольствія и войскъ, производителемъ такихъ предметовъ первой необходимости, какъ соль и т. п. См. многочисленныя свидѣтельства объ этомъ въ *А. А Э.* I, № 200, 371, II, № 65. *А. И.* I, № 193, II, № 59, 64 IV, № 71, 228 *Д. А. И.* I, № 184, 202, IV, № 1 и мн. др.

[3]) *Зомбартъ*. Современный капитализмъ, т. 1, VII.

[4]) *Кулишеръ*. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли. Спб. 1906, IV. 285.

торговлей, встрѣчается не мало и бояръ, и знатныхъ людей, и высшаго духовенства [1]).

Для увеличенія своего состоянія всѣ эти землевладѣльческіе классы высшая земельная аристократія, стремились въ города, чтобы въ ихъ торговыхъ оборотахъ реализировать ренты своихъ помѣстій. Накопленіе земельныхъ рентъ, такимъ образомъ, является и въ Россіи, такъ же какъ на западѣ, преимущественнымъ источникомъ первоначальнаго накопленія. Конечно, были и другіе, какъ и вездѣ, источники образованія крупныхъ денежныхъ состояній; войны, грабежъ, всякія политическія опалы и пожалованія были весьма часто источникомъ разоренія однихъ и обогащенія другихъ [2]). Можно, съ другой стороны, предполагать, что свѣдѣнія о богатствахъ отдѣльныхъ лицъ, какъ это часто бываетъ, вообще нѣсколько преувеличены для древней Руси; крупныя состоянія встрѣчались въ то время рѣдко, образовались позже и изъ другого источника [3]). Но безусловно основнымъ источникомъ «первоначальнаго накопленія» было полученіе рентъ съ своихъ помѣстій и увеличеніе ихъ въ торговомъ оборотѣ.

Юридическимъ основаніемъ права полученія и присвоенія этихъ рентъ была экспропріація сельскаго населенія и переходъ землевладѣнія въ руки привиллегированныхъ лицъ. Эта экспропріація совершилась, какъ мы видѣли, еще до начала русской исторіи, уже къ первымъ вѣкамъ ея превративъ самостоятельнаго землевладѣльца-производителя частью въ раба, частью въ наймита, частью въ съемщика частновладѣльческой пашни. Всѣ эти условія, приведшія къ лишенію земельной собственности одной части населенія, создавали для другой, т. е. для землевладѣльческаго класса возможность полученія и накопленія рентъ.

Итакъ, капиталъ, зародившійся въ землевладѣніи въ видѣ на-

[1]) О составѣ торговаго класса см. *Чечулинъ*, Города Московскаго государства, Спб. 1889. Главное мѣсто здѣсь занимали, конечно, черные тяглые люди, но и духовенству, и ратнымъ людямъ принадлежало иногда видное мѣсто; въ Псковѣ напр. имъ принадлежало до 20% всѣхъ торговыхъ заведеній; l. c. стр. 131 и 326—349. См. также *А. А. Э.* IV, № 133.

[2]) См. напр. указаніе на это у *Флетчера*, «о податяхъ и доходахъ царя и средствахъ ихъ увеличенія». О государствѣ русскомъ, гл. 12.

[3]) Замѣчательныя купеческія богатства въ Россіи стали составляться лишь со второй половины XVIII стол., да и то не столько вслѣдствіе торговли, сколько вслѣдствіе откуповъ и казенныхъ подрядовъ. *Карновичъ*. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Спб. 1874.

копленныхъ рентъ, нашелъ себѣ въ тогдашнихъ условіяхъ русской жизни, въ географическомъ положеніи Россіи, въ ея отношеніяхъ къ иностраннымъ народностямъ, блестящій расцвѣтъ въ формѣ торговаго капитала.

По преобладанію въ то время въ нѣдрахъ страны натуральнаго самоудовлетворяющагося хозяйства, по крайне невысокому уровню хозяйственныхъ и личныхъ потребностей, этотъ торговый капиталъ сначала по необходимости долженъ былъ работать главнымъ образомъ на внѣшній рынокъ. Первоначально торговый обмѣнъ былъ въ значительной степени лишь внѣшнимъ обмѣномъ. Внутренній торговый оборотъ хотя и былъ болѣе развитъ количественно, однако, имѣлъ гораздо меньшую роль для накопленія капитала, такъ какъ въ значительной мѣрѣ, за исключеніемъ снабженія крупныхъ потребительныхъ центровъ—а такихъ въ сущности почти не было—шелъ безъ помощи торговцевъ, непосредственно между производителемъ и потребителемъ.

Съ другой стороны, внѣшній обмѣнъ и торговля въ силу характера развитія производительныхъ силъ и низкаго уровня собственно земледѣльческаго хозяйства долгое время также не носили характера земледѣльческаго обмѣна. Такъ какъ вначалѣ всѣ виды приложенія народнаго труда сводились чаще всего на бортничество, охоту или экстенсивное скотоводство, то и обмѣнъ долгое время въ преобладающей мѣрѣ направлялся именно на эти, а не на чисто земледѣльческіе продукты. Къ тому же Русь и сама была окружена еще земледѣльческими странами, не только не требующими привоза иностраннаго хлѣба, но благодаря значительно болѣе интенсивной культурѣ даже имѣющими избытки собственнаго хлѣба.

Но уже съ XVI—XVII в. вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣльческой культуры начинается и образованіе сначала внѣшняго, а затѣмъ и внутренняго сельскохозяйственнаго рынка.

Къ этому времени границы Московскаго государства еще не обнимали тѣхъ плодороднѣйшихъ областей, которымъ впослѣдствіи суждено было сдѣлаться главными житницами Европы и Россіи; другихъ же, не менѣе плодородныхъ, еще не коснулась земледѣльческая культура [1]). Главные центры государственной и промышленной

[1]) Еще въ 1690 г. войсковой кругъ Донского казачества посылаетъ въ казацкіе городки по Хопру и Медвѣдицѣ грамату, запрещающую пахать землю и сѣять хлѣбъ, а «если станутъ пахать. того бить до смерти и грабить». *Милюковъ.* Очерки, т. I. стр. 74.

жизни группировались въ нечерноземной полосѣ, неплодородной сравнительно съ южными тучными, но нетронутыми черноземами; по близости къ этимъ центрамъ должна была и группироваться сельскохозяйственная культура для удовлетворенія потребительныхъ нуждъ населенія.

Плодороднѣйшими земледѣльческими частями Московскаго государства считались область Ярославская, земли Нижегородская, Рязанская и все побережье Оки [1]): ея берега по свидѣтельству Герберштейна давали отъ 20 до 30 зеренъ — фактъ мало вѣроятный [2]) но свидѣтельствующій о плодородіи этой области [3]). На сѣверъ плодородный раіонъ шелъ по берегамъ рѣки Сѣверной Двины, которая своимъ весеннимъ разливомъ такъ увлажняла землю, что дѣлала возможной и успѣшной здѣсь земледѣльческую культуру, пока суровость климата не окончательно убивала ея [4]). Въ XVII вѣкѣ, по мѣрѣ колонизаціи южныхъ пространствъ между Окою Волгою и Дономъ, сюда стала переноситься и земледѣльческая культура, распространяясь все далѣе на югъ.

Сравнительно невысокой урожайностью, а особенно неравномѣрностью ея распредѣленія, вслѣдствіе чего нѣкоторыя области не могли пропитаться собственными земледѣльческими продуктами, вызывалась необходимость и внутренняго обмѣна ими. При томъ, если въ оборотъ съ заграницей вошли прежде всего продукты скотоводства, бортничества, охоты, то во внутреннемъ торговомъ оборотѣ въ широкой мѣрѣ преобладали именно земледѣльческіе продукты.

[1]) *Раф. Барберини,* Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, 31.

[2]) Въ XVI—XVII в.в., вслѣдствіе плохой обработки и экстенсивности культуры, урожаи были несомнѣнно ниже современныхъ. Урожай самъ 4 былъ рѣдкость, урожай самъ 5 извѣстенъ только въ вотчинахъ Морозова. (*Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, I, изд. V, стр. 76), гдѣ и культура была сравнительно высоко интенсивная, съ зачатками травосѣянія. *Рожковъ* для наиболѣе плодородныхъ уѣздовъ, Ярославскаго и Владимірскаго, даетъ цифры урожаевъ для ржи въ самъ 3—самъ 8, для пшеницы до самъ 10, овса самъ 3—5; въ неплодородныхъ уѣздахъ урожаи были значительно ниже, самъ 1½—2½ (*Рожковъ.* Сельское хозяйство Московской Руси, 57). На югѣ въ Елецкомъ у. казенная запашка давала 19 лѣтъ урожаи самъ 2,2 для ржи и 1,5 для овса. *Миклашевскій.* Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, М. 1894, стр. 231.

[3]) *Herberstein,* Rerum Moscovitarum commentarii, рус. пер., стр. 100.

[4]) *Павелъ Іовій,* Библ. иностр. писат., 30.

Въ границахъ государства, между его плодородными и неплодородными частями всегда шелъ обмѣнъ этими земледѣльческими продуктами, поскольку это требовалось общимъ строемъ натуральнаго хозяйства [1]) и незначительнымъ развитіемъ въ то время внѣземледѣльческаго населенія, и поскольку это было возможно въ зависимости отъ состоянія естественныхъ, почти единственныхъ въ ту эпоху, путей сообщенія. Указанныя наиболѣе плодородныя области юга и центра были для купцовъ мѣстами закупа, откуда они отправляли партіи хлѣба на внутренніе рынки, въ Москву и въ сѣверные города.

Однако, излишки земельнаго богатства были вообще очень незначительны, и общій хозяйственный строй не способствовалъ развитію этой отрасли торговли. Что касается главнаго продукта земледѣльческаго хозяйства—хлѣба, то у населенія не имѣлось крупныхъ избытковъ его, могущихъ поступать на продажу, такъ что въ торговый оборотъ прежде всего вошелъ не хлѣбъ, а другіе продукты земледѣлія—ленъ, пенька, кожи, сало и др.—производство которыхъ было болѣе прибыльно по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ нечерноземной полосы и давало въ натуральномъ хозяйствѣ избытки, могущіе быть пущенными въ продажу. Но не столько натуральнымъ строемъ хозяйства, сколько внѣшними общими условіями именно рѣдкостью населенія, слабымъ развитіемъ городовъ, плохими путями сообщенія — вызывалось слабое сравнительно развитіе профессіональной торговли земледѣльческими продуктами.

Лишь тамъ, гдѣ городская жизнь была развита болѣе значительно, гдѣ пути сообщенія были болѣе удобны, тамъ и земледѣліе весьма

[1]) Одною изъ главныхъ потребностей государства, была постоянная нужда въ продовольствіи войска и служилыхъ людей, удовлетворявшаяся всегда съ нѣкоторымъ трудомъ, въ особенности для такихъ отдаленныхъ и неземледѣльческихъ мѣстностей, какъ Сибирь или западная окраина. Военный спросъ представлялся уже и тогда первымъ видомъ внутренняго сельскохозяйственнаго рынка. Организація этого снабженія представляла большія трудности для Московскаго правительства: ему приходилось частью самому брать его въ руки, частью сдавать подряды такимъ крупнымъ поставщикамъ, какъ монастыри, частью прямо купцамъ. *А. И.* II, № 91, 94, 313, 337, IV, № 4, 110—111, *Д. А. И.* IV, № 1 *А. А. Э.* IV, № 133. 230. Какъ всегда, въ этомъ торговомъ оборотѣ принималъ участіе и царь, отправлявшій напр. съ помощью своего «запасчика» свой хлѣбъ въ Астрахань на продажу, освобождая, конечно, себя, какъ торговца, отъ сбора пошлинъ. *А. А. Э.* I, № 314.

скоро пріобрѣтаетъ торговый характеръ [1]), вмѣстѣ съ чѣмъ и посредничество въ обмѣнѣ земледѣльческими продуктами попадаетъ въ руки купца. Таково именно было положеніе въ центрѣ Московской Руси съ главнымъ потребительнымъ рынкомъ — Москвою, куда по цѣлой сѣти дорогъ стекались земледѣльческіе и хлѣбные грузы съ юга для удовлетворенія военнаго спроса, для собственнаго потребленія городскимъ населеніемъ или для транзита въ сѣверные города [2]).

Центральные уѣзды Московскаго государства являлись вообще тѣмъ фокусомъ, гдѣ сосредоточивалась интенсификація культуры и экономическій прогрессъ, распространявшійся отсюда на сѣверъ и югъ. Здѣсь наиболѣе рано развился денежный земледѣльческій оброкъ, вмѣсто барщины; здѣсь прежде всего произошелъ переходъ къ болѣе высокимъ по интенсивности формамъ хозяйства; здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе рано денежныя условія проникли въ земледѣльческое хозяйство. Близость крупнаго промышленнаго и торговаго центра Москвы являлась здѣсь, конечно, рѣшающей. Въ Москву шли громадные по тогдашнему времени караваны хлѣба до 700—800 возовъ въ день [3]), отъ мѣстныхъ производителей или изъ другихъ уѣздовъ; производители эти были, повидимому, почти въ полной зависимости отъ рынка и торговаго капитала. Лишь

[1]) На это указываютъ сравнительно очень крупные размѣры запашекъ именно въ черноземной степи и частью въ центрѣ. *Рожковъ.* Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 276.

[2]) *Рожковъ.* Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 280. Впрочемъ даже близость потребительныхъ рынковъ повидимому не всегда представлялась для тогдашняго тяжелаго торговаго оборота достаточной гарантіей для торговли и слѣд. для обезпеченія городского населенія и войска продовольствіемъ. Правительству часто приходится прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ соотвѣтствующаго распредѣленія хлѣба, указывая напр., «чтобы всякихъ чиновъ люди изо всѣхъ Понизовыхъ и Украинскихъ городовъ всякой хлѣбъ везли къ Москвѣ и на Москвѣ продавали мѣрною цѣною не изъ большихъ прибытковъ» *А. А. Э.* IV № 126. А иногда даже за отсутствіемъ свободнаго предложенія прибѣгать къ конфискаціи: такъ какъ, говорится въ одномъ указѣ, «митрополитъ и власти хлѣбъ на продажу объявили не многой, а дворяне и иныхъ чиновъ люди на продажу хлѣба не сказали... И мы Великій Государь указали и бояре наши приговорили: для нынѣшнія хлѣбныя дороговли и для прокормленія служилыхъ и всякихъ скудныхъ людей... взять стрѣлецкій хлѣбъ и изъ того сборнаго хлѣба дать... наше государево годовое хлѣбное жалованье». *А. А. Э.* IV, № 133.

[3]) *Середонинъ.* Извѣстія англичанъ о Россіи, Чтен. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1884, IV, 3.

въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, въ подгородныхъ хозяйствахъ у мелкаго производителя сохранялась непосредственная, какъ въ ремесленномъ хозяйствѣ, связь съ потребителемъ. Вообще же характеръ обмѣна былъ чисто посредническо-купеческій и по обстановкѣ имѣлъ много общаго съ формами, почти современными.

Земледѣльческіе продукты стекались въ крупные города съ очень большихъ раіоновъ, особенно зимою, съ установленіемъ зимняго пути, но на городскихъ рынкахъ большею частью не миновали купеческихъ рукъ. Такъ, главный продуктъ оборота, хлѣбъ, купцы скупали у землевладѣльцевъ и у крестьянъ какъ оптомъ, партіонно, такъ и отдѣльными возами. Ссыпая хлѣбъ въ свои амбары, они, чтобы выгоднѣе заключить сдѣлку и предупредить конкуррентовъ, выѣзжали по дорогамъ въ Москву, гдѣ и ловили крестьянскіе обозы съ хлѣбомъ [1]).

Болѣе значительная часть оптовой скупки хлѣба производилась хлѣботорговцами далеко, непосредственно на мѣстахъ производства—въ южныхъ замосковскихъ уѣздахъ и отсюда переправлялась собственными средствами въ мѣста потребленія. Понятно, что при трудности тогдашнихъ сообщеній, медленности торговаго оборота, совершавшагося не болѣе раза въ годъ, въ этой торговлѣ долженъ былъ преобладать именно крупный капиталъ. При этомъ, организація и солидарность торговаго класса для давленія какъ на потребителя, такъ и на производителя были, повидимому, весьма развиты. Такъ, московскіе хлѣбные торговцы были объединены въ товарищества и часто, пользуясь своимъ положеніемъ, производили искусственное повышеніе цѣнъ, скупая весь прибывающій по рѣкѣ и сухимъ путемъ хлѣбъ. Многіе имѣли своихъ особыхъ агентовъ въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ также за дешевую цѣну скупали хлѣбъ, а затѣмъ устанавливали въ Москвѣ непомѣрно высокія цѣны [1]). Таково было вліяніе этихъ своего рода синдикатовъ и согпег'овъ того времени.

Впрочемъ и общія условія тогдашняго рынка — медленность внутренняго спроса и предложенія обусловливали громадную неустойчивость хлѣбныхъ цѣнъ, которыя колебались настолько сильно, что въ неурожайные годы цѣна хлѣба возвышалась въ десять

[1]) *П. С. З.*, 286.
[1]) *Костомаровъ*, l. c. стр. 233.

разъ болѣе обычной, такъ какъ при всякомъ неурожаѣ прежде всего прекращалось непосредственное снабженіе городовъ крестьянскимъ хлѣбомъ. Все это ложилось тяжелымъ гнетомъ на городского потребителя, несмотря на то, что правительство именно въ ихъ интересахъ поддерживало непосредственный обмѣнъ съ производителями, запрещая съ одной сторону перекупщикамъ скупку съ возовъ у крестьянъ, съ другой предписывая производителямъ не продавать продуктъ этотъ скупщикамъ на мѣстахъ производства [1]).

Такимъ образомъ правительство вначалѣ повидимому не покровительствовало посреднической дѣятельности купца. Но самъ торговый капиталъ вообще довольно успѣшно боролся за свое право торговой эксплоатаціи производителей и все болѣе овладѣвалъ непосредственнымъ обмѣномъ. Это становилось тѣмъ болѣе легкимъ, что чѣмъ крупнѣе были представители торговаго капитала — напр. монастыри—тѣмъ большими торговыми и иными льготами они пользовались. Съ другой стороны—чѣмъ болѣе географически распространялся раіонъ торговыхъ внутреннихъ сношеній, тѣмъ болѣе здѣсь необходима была крупная организація торговли, тѣмъ болѣе и въ этомъ отношеніи крупный капиталъ получалъ преимуществъ передъ мелкимъ, мѣстнымъ капиталистомъ. Только монастыри, имѣющіе своихъ спеціальныхъ коммивояжеровъ, своего «купчину» [2]), а цари своихъ «запасчиковъ» [3]) могли отправлять партіи своихъ товаровъ, даже такихъ сравнительно дешевыхъ и громоздкихъ, какъ соль и хлѣбъ—на такія далекія разстоянія, какъ

[1]) Такъ въ 1660 г. было созвано совѣщаніе московскихъ гостей для обсужденія условій «хлѣбнаго торга»; на этомъ совѣщаніи было рѣшено ограничить скупку хлѣба у пріѣзжающихъ крестьянъ такъ, что до шести часовъ утра покупать хлѣбъ разрѣшалось только бѣднымъ людямъ на собственныя потребности, послѣ же шести позволялось скупать и торговцамъ для перепродажи. *П. С. З.*, 286. Кромѣ того правительство было озабочено тѣмъ, что благодаря такимъ перепродажамъ «чинится недоборъ казнѣ», почему напр. и было приказано жителямъ Калужскаго, Воротынскаго, Мосальскаго, Перемышльскаго и Медынскаго уѣздовъ, чтобы они непремѣнно свозили хлѣбъ въ города, а не продавали его на мѣстахъ скупщикамъ. Однако, указъ, повидимому, остался безъ практическаго осуществленія, такъ какъ закупки хлѣба торговцами для Москвы не прекращались и правительству снова пришлось запрещать скупщикамъ закупки большихъ партій хлѣба и перекупку у крестьянъ. *П. С. З.*, 284 и 287.
[2]) *А. А. Э.*, I, № 148, 223.
[3]) *А. А. Э.*, I, № 314.

Астрахань, Архангельскъ, Сибирь, Ливонія, Вильна. А къ тому же, къ услугамъ этого крупнаго капитала была и спеціальная покровительственная политика, освобождавшая напр. монастыри отъ пошлинъ, хотя-бы съ неисполнявшейся никогда оговоркой, чтобы торговля товарами не происходила «на вскупъ», а на личныя потребности монастырей. Эта торговая политика, построенная на обложеніи мелкаго обмѣна и торга, а не крупнаго производителя и крупнаго торговца [1]), ставила послѣдняго еще болѣе въ преимущественное положеніе предъ мелкимъ.

Поэтому съ географическимъ расширеніемъ границъ государства и его хозяйственнымъ ростомъ, съ расширеніемъ раіона обмѣна, требовалась все болѣе крупная организація торговли, а это давало новыя преимущества торговому капиталу. По мѣрѣ развитія колонизаціи и разработки южныхъ плодородныхъ окраинъ постепенно шло и расширеніе раіона закупокъ хлѣба и для снабженія сѣверныхъ потребительныхъ мѣстностей. Въ половинѣ XVII вѣка крупные торговцы, скупщики хлѣба, доѣзжаютъ уже до Рязанскаго, Тамбовскаго и Воронежскаго края, гдѣ вмѣстѣ съ ростомъ земледѣлія начинаетъ развиваться также и мѣстный торгъ [2]).

Но отдаленность отъ хозяйственнаго и административнаго центра—Москвы, сильно задерживала ростъ земледѣльческаго производства и торговли: край былъ еще не достаточно населенъ, пути затруднительны, транспортные издержки и торговые расходы велики, тѣмъ болѣе, что общій бичъ русской жизни процвѣталъ и давалъ себя чувствовать и тогда: чиновники притѣсняли торговцевъ взятками [3]). Изъ мѣстностей по рѣкѣ Окѣ, изъ Орловской губерніи, гдѣ также быстро развилась хлѣбная торговля, хлѣбъ скупался многочисленными, пріѣзжавшими сюда скупщиками изъ сѣверныхъ городовъ, сплавлявшихъ его на судахъ въ Москву, Нижній-Новгородъ (а въ послѣдствіи и въ Петербургъ) [4]). Значеніе Нижняго-Новгорода въ хлѣбной торговлѣ стало развиваться

[1]) *А. А. Э.*, I, № 252, *Д. А. И.* I, № 184, 202, 204 и др.

[2]) *Костомаровъ*, I. с. стр. 234.

[3]) На это напр. жаловались пріѣхавшіе сюда, по случаю неурожая на Дону, покупать хлѣбъ донскіе казаки, и не купившіе его за «тяжкими взятками». Впрочемъ въ данномъ случаѣ было и нежеланіе допустить покупку безъ посредниковъ у производителей. *П. С. З.*, 1508.

[4]) *Кириллов*. Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства, 1831.

лишь съ XVII в., послѣ того, какъ нижегородскіе купцы стали производить здѣсь закупки хлѣба, привозимаго сюда изъ мѣстностей, лежащихъ на югъ, для дальнѣйшаго сбыта въ Москву и сѣверныя провинціи. Вмѣстѣ съ этимъ стало быстро падать значеніе Ярославля, какъ мѣста прежнихъ закупокъ хлѣба для тѣхъ же раіоновъ [4]).

Такова была обстановка крупной внутренней торговли сельско-хозяйственными продуктами, удовлетворявшей потребностямъ прежде всего наиболѣе крупныхъ потребителей: городовъ, войска. Во всякомъ случаѣ приведенныя данныя показываютъ, что особой «изолированности» и замкнутости внутреннихъ рынковъ [1]) и тѣмъ болѣе полнаго натуральнаго хозяйства и тогда внутри Россіи не существовало. Торговый обмѣнъ былъ вполнѣ—конечно сообразно условіямъ эпохи—организованъ, находился большею частью въ опредѣленныхъ рукахъ и хотя вся обстановка и условія его были малоподвижны и затруднительны, однако торговый механизмъ дѣйствовалъ все же довольно правильно.

Но еще болѣе обширнымъ представится торговый оборотъ, если вспомнить всю ту массу мелкихъ, незамѣтныхъ торговыхъ или просто мѣновыхъ сдѣлокъ, которыя шли въ нѣдрахъ самой страны, въ ея деревняхъ и селеніяхъ.

Мелкій обмѣнъ земледѣльческими продуктами былъ разсѣянъ по всей странѣ, торгъ происходилъ всюду, гдѣ были крестьяне и куда они свозили свои произведенія. Но такъ какъ хозяйство вообще не приняло еще чисто товарнаго характера, не работало исключительно на рынокъ, а на него поступали только излишніе отъ собственнаго потребленія продукты, то на такихъ «торгахъ» господствовали исключительно тѣ предметы, которые выдѣлывались и для потребленія. Другими словами, не рынокъ опредѣлялъ характеръ и направленіе производства, а самый сбытъ являлся лишь побочной функціей для такого хозяйства. Понятно поэтому, что на рынокъ поступало только то, что составляло предметы необходимости обычнаго тогдашняго хозяйства; предметовъ, спеціально получаемыхъ для продажи, конечно, было мало. Даже такіе, напримѣръ, предметы, какъ пшеница, мало распространенная въ на-

[4]) *Костомаровъ*, I. с. 214.

[1]) Объ этомъ см. *Милюковъ*. Очерки, т. I, 106

родномъ потребленіи [1]) и не воздѣлывавшаяся вдали отъ городовъ, [2]) почти не продавалась на внутреннихъ рынкахъ, гдѣ достать ее не было возможности, какъ предметъ исключительной роскоши. [3]) Но уже самый фактъ широкаго обмѣна всевозможными продуктами домашняго обихода и потребленія, обмѣна происходившаго далеко не всегда in natura, но часто и на деньги, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ сущности о «натуральномъ» народномъ хозяйствѣ можно говорить лишь въ высокой степени абстракціи. Въ дѣйствительности денежное хозяйство, хотя и не являвшееся цѣлью само по себѣ, было уже и тогда широко распространено даже въ деревнѣ.

На рынкахъ въ продажу хлѣбъ поступалъ почти исключительно зерномъ, такъ какъ мука приготовлялась большею частью домашнимъ способомъ, на ручныхъ мельницахъ; но въ большихъ городахъ были мельницы, перемалывавшія муку, скупаемую у землевладѣльцевъ; наконецъ хлѣбъ, въ особенности въ городахъ, продавался даже въ готовомъ видѣ, въ видѣ печенаго хлѣба. [4]) Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же продавались и обмѣнивались и многочисленные предметы нѣкоторой простѣйшей ремесленной переработки земледѣльческихъ продуктовъ.

Уже одинъ списокъ ихъ, приводимый разными таможенными грамотами свидѣтельствуетъ о широкомъ развитіи денежнаго и мѣнового хозяйства. Такъ, на сельскихъ и городскихъ рынкахъ продавались: соль, мясо, коровы, бараны, гуси, утки, поросята, тетерки, яйца, рыба, икра, лукъ, чеснокъ, яблоки, макъ, пшеница, ячмень, солодъ, гречиха, горохъ, толокно, хмѣль, медъ, ленъ, конопля, мѣха,

[1]) *Костомаровъ*. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол. и старинные земскіе соборы, Монографіи, т. XIX, стр. 67. Пшеница употреблялась или въ особо торжественныхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ для заморскихъ пословъ; въ высшемъ классѣ, или напр., въ церквахъ и монастыряхъ, для приготовленія просфоръ, почему въ жалованныхъ «ружныхъ» грамотахъ рожь всегда жертвуется на продовольствіе, а пшеница на просфоры. *А. И.* I, № 193, IV, № 212, *А. А. Э.* I № 127, 155; II, № 63; III, № 283; *А. Ю.* № 200 и др.

[2]) *Рожковъ*. Сельское хоз. Москов. Руси, стр. 118. Основными посѣвными злаками были озимая рожь и овесъ; это одинаково справедливо для всѣхъ центральныхъ уѣздовъ, многихъ степныхъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ.

[3]) *Костомаровъ*. Очеркъ исторіи торговли, стр. 232.

[4]) *Рожковъ*. Сельское хоз. Московской Руси, стр. 270 и слѣд.

уголь, лубны, лучина, доски, тесъ, коробья, сани, колеса, корыта, лопаты, жернова, лыки, мочала, рогожа. [1])

Какъ ни простъ этотъ списокъ товаровъ деревенскихъ ярмарокъ и базаровъ, но именно своей простотой онъ свидѣтельствуетъ о широкомъ развитіи въ нѣдрахъ страны денежнаго хозяйства. Правда, оборотъ здѣсь совершался часто въ формѣ непосредственнаго обмѣна, но часто происходилъ и въ денежной формѣ. При томъ вовсе нельзя полагать, что въ обмѣнъ поступали исключительно предметы личнаго потребленія, остающіеся излишними у производителей. Наоборотъ, самое разнообразіе естественныхъ условій отдѣльныхъ раіоновъ часто обусловливало для народнаго хозяйства необходимость задаваться цѣлью товарнаго производства, т. е. производства со спеціальною цѣлью дальнѣйшаго сбыта [2]).

Такимъ образомъ, хотя и можно сказать, что въ глубинѣ страны народное хозяйство характеризовалось, какъ «натуральное», это должно быть понимаемо лишь въ абстракціи и притомъ съ теченіемъ времени все съ большимъ ограниченіемъ. Служеніе рынку для земледѣльческаго производства и населенія становилось все болѣе необходимою данью времени, данью, все болѣе увеличивавшеюся вмѣстѣ съ развитіемъ производительныхъ силъ, съ ростомъ государственныхъ нуждъ, съ ростомъ вообще потребностей. Эти нужды и потребности не всегда могли удовлетворяться простымъ натуральнымъ исполненіемъ повинностей передъ государствомъ, но требовали отъ производительнаго и податного населенія все болѣе денежныхъ средствъ. [3]). Самое большее, чего могъ достигнуть самостоятельный земледѣльческій производитель, это «ремесленнаго» отношенія къ рынку, т. е. возможности при сбытѣ

[1]) См. Таможенная Бѣлозерская грамата *А. А. Э.* I № 230, Весьегонская *А. А. Э.* I № 263, Суздальская *А. А. Э.* II № 65, Орѣшковская *Д. А. И.* I, № 116 и мн. др.

[2]) Крестьяне Соловецкаго монастыря «пріѣзжаютъ изъ Холмогоры и къ городу Архангельскому съ солью своей вари и съ морскими промыслы, съ саломъ звѣринымъ и съ кожами и съ рыбою и тѣ свои морскіе промыслы и соль продаютъ и на хлѣбъ мѣняютъ... и на тѣ свои деньги покупаютъ всякіе хлѣбные запасы, про свои домашніе расходы и платье и обувь» *А. И.* IV, № 198.

[3]) Напр. издавна волостелямъ, тіуну и др. крестьяне должны были платить содержаніе натурой, но волостель могъ требовать отъ нихъ и денегъ, если былъ «не любъ волостелю кормъ». *А. А. Э.* I, № 144, 150, 183, 201 и др. уставныя грамоты.

своихъ сельскихъ произведеній непосредственныхъ сношеній съ потребителемъ, минуя работу на скупщика.

Таковы были основы того медленнаго пульса натуральнаго строя страны, въ глубинѣ еще сравнительно мало тронутаго денежными отношеніями и въ лучшемъ случаѣ находившагося на стадіи ремесленнаго производства и ремесленной торговли. Толчекъ къ разложенію этихъ отношеній шелъ извнѣ и лежалъ именно въ необходимости нахожденія для торговаго капитала болѣе благопріятной обстановки для своихъ оборотовъ и для своего накопленія. Внутренній рынокъ всегда—а при преобладаніи натуральнаго строя въ особенности—является тѣснымъ для торговаго капитала.

Уровень развитія производительности земледѣлія Московской Руси уже въ XVI в. показываетъ, что это развитіе производительныхъ силъ до нѣкоторой степени созрѣло для служенія торговому обороту и торговому капиталу. Отмѣченные крупные размѣры запашки въ центральныхъ уѣздахъ Московскаго государства, свидѣтельствующіе о начавшейся уже работѣ для рынка, сопровождались также и интенсификаціей культуры. Уже въ XVI в. въ центральныхъ уѣздахъ Московскаго государства, въ Зал. Полѣсьѣ, позднѣе на Сѣверѣ, въ Прикамьѣ и въ степныхъ областяхъ начинаютъ постепенно образовываться болѣе или менѣе частые и обширные оазисы интенсивной, по тогдашнему времени, зерновой, частью трехпольной, частью переложной культуры. [1]) Охота и бортничество начинаютъ постепенно вытѣсняться земледѣліемъ. Съ этихъ поръ въ народномъ хозяйствѣ медленно и постепенно, но неуклонно, начинаетъ происходить та эволюція, которая въ два—три вѣка создаетъ изъ Россіи земледѣльческую страну съ 120 милліонами десятинъ пашни, съ 90 милліонами душъ сельскаго населенія и съ 600 милліонами пудовъ хлѣбныхъ избытковъ, идущихъ на вывозъ; страну, экономическимъ базисомъ хозяйственной и политической жизни которой попрежнему является торговля, хотя и получившая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительныя измѣненія. Но понятно, что зачатки этого земледѣльческаго государства должны были развиваться весьма медленно и въ теченіе XVI и XVII вѣковъ на общемъ фонѣ экономической жизни едва лишь начинаютъ вырисовываться тѣ экономическія силы, которыя впослѣдствіи получили такой полный разцвѣтъ.

[1]) *Рожковъ*, I. с. стр. 59 и слѣд.

Если внѣшній вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ въ разсматриваемый періодъ, вообще не великъ а вывозъ хлѣба былъ и абсолютно, и относительно малъ, то все же въ борьбѣ съ тѣми препятствіями, которыя обусловливали это, крупный торговый капиталъ обладалъ существенными преимуществами. Такъ, сильнымъ препятствіемъ къ развитію внѣшняго рынка являлась медленность вообще торговаго оборота, особенно благодаря отсутствію хорошихъ сообщеній; но и это обстоятельство должно было дать преимущество именно крупному торговому капиталу, крупной торговой организаціи какого-бы характера—частнаго или государственнаго она ни была.

Торговыми путями для внѣшняго сбыта служили сначала Новгородъ—Нарва, позднѣе Вологда—Архангельскъ. Съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ архангельскаго порта стало возрастать и торговое значеніе Вологды, какъ перегрузочнаго мѣста для товаровъ, приходящихъ сюда въ теченіе зимы и затѣмъ съ открытіемъ рѣкъ сплавляемыхъ въ Архангельскъ. Путь этотъ былъ наиболѣе дешевый, такъ какъ доставка обходилась зимой отъ Москвы до Вологды 4 к. съ пуда, сплавомъ отъ Вологды до Архангельска 15 коп. съ пуда хлѣба [1]). Однако, этотъ путь представлялъ и крайнія неудобства медленности, а иногда и опасности: грузы должны были ожидать въ Вологдѣ вскрытія Сухоны и отправляться полой водой, такъ какъ рѣка быстро мелѣла, и суда подвергались опасности затопленія. Нагрузка въ архангельскомъ портѣ была также затруднительна вслѣдствіе его мелководія; иностранные корабли не могли подходить близко, брали только половину груза, а такъ какъ портъ часто затирало льдомъ, то въ сентябрѣ должны были уже уходить [2]). Такимъ образомъ товары, идущіе чрезъ Архангельскъ, прибывали въ заграничные порты только въ октябрѣ—ноябрѣ, т. е. черезъ 10—11 мѣсяцевъ, считая отъ времени закупки, такъ что капиталъ могъ обращаться даже менѣе, чѣмъ разъ въ годъ. Лишь при сбытѣ чрезъ балтійскіе порты via Новгородъ—Нарва уже черезъ 3 мѣсяца со времени закупки грузы могли приходить на

[1]) *Кильбургеръ*, l. c. 140. Это даетъ на наши деньги 3 р. 23 коп. съ пуда или 1/6—1/4 коп. съ пудоверсты, т. е. вдвое дороже настоящаго гужевого провоза и въ 8—20 разъ дороже желѣзнодорожной перевозки. *Милюковъ*, Очерки, I, 106. Также см. *А. Ю.*, № 198.

[2]) *Де-Родесъ*, Размышленія о русской торговлѣ, с. 249.

мѣста назначенія, хотя дороговизна провоза была здѣсь не меньшая.

Во внѣшнемъ вывозѣ земледѣльческихъ продуктовъ уже въ XVI вѣкѣ обнаруживается, повидимому, борьба двухъ теченій. Съ одной стороны подъ напоромъ развитія денежнаго хозяйства становится все болѣе необходимъ именно внѣшній сбытъ, благодаря невозможности вмѣстить все предложеніе на внутреннемъ рынкѣ. Правительство, и какъ крупный капиталистъ, и какъ фискъ, стремится использовать этотъ новый факторъ прежде всего въ свою пользу. Съ другой стороны, благодаря тѣмъ потрясеніямъ всего хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и интересовъ фиска, которыя происходили вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ (а въ то время они еще болѣе, чѣмъ теперь были равнозначущи съ голодомъ) правительство иногда запрещало всякую торговлю, всякій вывозъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Правительство объясняло всегда такія постановленія свои «заботами о народномъ продовольствіи.» Но повидимому другими, гораздо болѣе эгоистическими государственными и фискальными цѣлями объяснялись эти запрещенія: запрещая внѣшнюю торговлю купцамъ даже совсѣмъ пріостанавливая торговлю, правительство часто въ то же время монополизировало ее въ своихъ рукахъ, такъ какъ она приносила громадные доходы какъ личной царской казнѣ, такъ и вообще фиску [1]).

---

[1]) «Русскіе гости, избираемые изъ значительнѣйшихъ купцовъ,—говоритъ Родесъ,—это факторы его Царскаго Величества». Исключительной торговлѣ Царскаго Величества принадлежали: шелкъ, ревень, мѣдь, парусина, пушнина, соль, рыба, икра, хлѣбъ. *Де-Родесъ*. Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г. Магаз. землевѣд. и путеш. т. V М. 1858. Ср. также *А. И.* V, № 68. Монополію хлѣбной торговли упомянутый иностранный авторъ описываетъ такъ. «Что касается хлѣбной торговли доставила Его Царскому Величеству во время неурожайныхъ годовъ большіе доходы, особенно въ послѣдніе 4 года, въ продолженіе которыхъ онъ ежегодно приказывалъ заготовлять до 200 тысячъ четвертей, которые закупались по всей землѣ и свозились со всѣхъ сторонъ въ Вологду. Въ Казанской, Нижегородской и близъ лежащихъ областяхъ покупаютъ четверть 12 и 25 коп., въ Московской по 1 рублю, въ Ярославской, Ростовской и Вологодской 36—50 коп. Такимъ образомъ, со всѣми издержками четверть ржи приходится въ Архангельскѣ не дороже 1 рубля. Но такъ какъ въ продолженіе четырехъ упомянутыхъ годовъ брали за четверть всякій разъ по 2½ и по 2¼ талера, то доходы Его Царскаго Величества съ хлѣба доставили ему въ короткое время слишкомъ 1 милліонъ талеровъ. Уплата за хлѣбъ... должна производиться спеціесъ-талерами, по 14 на русскій фунтъ, причемъ каждый разъ съ вѣса получается отъ 2—2½% барыша; по самымъ вѣрнымъ изслѣдованіямъ оказывается, что ежегодно получается слишкомъ 600 тысячъ талеровъ, которые и сдаются на монетный дворъ». При перечеканкѣ талеровъ на копѣйки получалась также выгода до 30%, такъ что въ общемъ хлѣбныя операціи доставляли казнѣ громадные по тому времени доходы. *Де-Родесъ*, I. с. 239.

[1]) *А. И.* IV, № 13. *Костомаровъ*, l. c. стр. 35.

Интересно то, что эти, на первый взглядъ такія альтруистическія заботы правительства (ибо запрещая вывозъ оно теряло вывозныя пошлины, уплачиваемыя ему) находились въ полномъ согласіи съ столь же «патріотическими» жалобами русскихъ торговыхъ людей на то, что англичане и нѣмцы «оголодили» русскую землю, вывозя съѣстные припасы заграницу [1]). Не отказываясь сами «оголодить» русскую землю, но не умѣя еще завоевывать иностранныхъ рынковъ, первые представители русскаго торговаго капитала стремились въ протекціонизмѣ искать себѣ защиты противъ болѣе умѣлаго, организованнаго, уже ищущаго внѣшнихъ рынковъ иностраннаго капитала. Они могли только ограничиться эксплоатаціей болѣе близкаго и знакомаго для нихъ внутренняго рынка; для того же, чтобы выступать на иностранномъ рынкѣ требовали отъ правительства устраненія своихъ конкуррентовъ особыми мѣропріятіями [2]).

Намъ представляется весьма важнымъ подчеркнуть эту роль и участіе представителей государства въ торговлѣ и торговомъ обмѣнѣ на ряду съ настоящими купцами и торговцами, какъ болѣе или менѣе обособленнымъ классомъ. Московскіе князья болѣе, чѣмъ какіе либо другіе правители могли сказать «l'état c'est moi». Если

---

[1]) *А. И.* IV, № 13. *Костомаровъ*, l. c. стр. 35.

[2]) И въ этомъ отношеніи какъ судьба русскихъ правительственныхъ классовъ, такъ и эти первыя попытки протекціонизма со стороны русскаго торговаго капитала ничѣмъ не отличаются отъ стремленій и мѣръ западноевропейскихъ правителей и западноевропейской буржуазіи. Короли, папа, герцоги запрещаютъ вывозъ хлѣба изъ своихъ владѣній, сами монополизируя вывозъ въ своихъ интересахъ. Бурмистры и городская буржуазія Любека, Бремена, Ростока и др. запрещаютъ вывозъ хлѣба «во избѣжаніе голодовокъ населенія», сами же открыто скупаютъ и вывозятъ хлѣбъ, отчего населеніе дѣйствительно голодаетъ, а буржуазія и короли, участвующіе въ крестовыхъ походахъ противъ «враговъ христовыхъ» и вывозящіе этимъ врагамъ хлѣбъ, получаютъ, благодаря монополіи, выгоды въ 100% и болѣе. См. *Кулишеръ*, Эволюція прибыли съ капитала, гл. IV, стр. 285—303.

не въ политическомъ, то по крайней мѣрѣ въ имущественномъ и финансовомъ отношеніи это было совершенно вѣрно. Частноправовыя нормы и отношенія въ то время были мало или даже совершенно не были отдѣлены отъ публичноправовыхъ. То, что пріобрѣталъ, имѣлъ и накоплялъ князь—пріобрѣтала и имѣла та государственная власть и сила, то государство, которое онъ олицетворялъ. Основа политической власти и могущества князя лежала въ его финансово-землевладѣльческомъ могуществѣ, и политическая и финансовая судьба самого государства зависѣла отъ этого могущества своего представителя. Не даромъ московскіе князья всегда стремились стать возможно болѣе крупными землевладѣльцами, а затѣмъ «первыми купцами». Финансовая исторія ихъ «дома» есть обыкновенная исторія древняго «торговаго дома» и бухгалтерія его начинается обыкновенной въ накопленіи капитала бухгалтеріей: экспропріація сельскаго населенія, накопленіе земельныхъ рентъ и обращеніе ихъ въ приносящій торговую прибыль капиталъ.

Трудно, конечно, сказать, насколько эта экспропріація сельскаго населенія, приносимыя имъ земельныя ренты, получаемая съ нихъ торговая прибыль участвовали въ созданіи тѣхъ богатствъ и тѣхъ финансовыхъ средствъ, которыя были накоплены московскими князьями; но во всякомъ случаѣ это финансовое личное могущество московскихъ князей, полученное какъ результатъ обезземеленія и эксплоатаціи земледѣльческаго населенія именно и явилось оплотомъ политическаго и государственнаго могущества. И вся тяжесть—тяжесть, какъ свидѣтельствуетъ о томъ бѣдственное экономическое положеніе сельскаго населенія, чрезмѣрная—лежала уже и тогда на плечахъ земледѣльческаго населенія, трудомъ котораго создавалось землевладѣльческо-купеческое государство. При этомъ особенно важнымъ является то, что какъ первоначальный ростъ земельнаго богатства князей и государства основывался на экспропріаціи свободнаго земледѣльческаго населенія, на «окняженіи» черныхъ крестьянскихъ земель, такъ и пріобрѣтеніе ими финансоваго могущества первоначально имѣло основой выжиманіе торговой прибыли путемъ эксплоатаціи того же сельскаго населенія или самимъ государствомъ, или торговымъ капиталомъ, подъ покровительствомъ того же государства.

Безразличны тѣ цѣли, которыя преслѣдовались въ этомъ случаѣ государствомъ, тѣ цѣли, на достиженіе которыхъ пошли эти богатства. Одно представляется безусловно вѣрнымъ: еще за столѣтіе

до созданія современнаго болѣе или менѣе законченнаго государства, до насажденія петровской государственной культуры обнаруживался уже ненормальный ростъ государственности, которая была купечески-землевладѣльческой въ своей основѣ. Этотъ ростъ буржуазно-землевладѣльческаго государства шелъ за счетъ эксплоатаціи и разоренія низшихъ земледѣльческихъ слоевъ населенія, сначала путемъ экспропріаціи тѣхъ земельныхъ богатствъ, которыя создавались этимъ населеніемъ среди лѣсовъ и топей и которыя должны были-бы принадлежать ему по тому принципу трудового начала, который древняя жизнь выражала въ словахъ «куда топоръ и соха ходили»; а затѣмъ путемъ широкаго принудительнаго торговаго отчужденія тѣхъ продуктовъ, которые создавало еще не тронутое въ нѣдрахъ страны натуральное хозяйство не для продажи, а главнымъ образомъ для собственнаго потребленія, но которые оно принуждалось продавать изъ за финансовой тягости передъ государствомъ и господствующими классами.

Такимъ образомъ тотъ, не соотвѣтствующій внутреннему строю страны ростъ государственности, которымъ характеризуется обыкновенно петровская эпоха [1]), а можетъ быть и то несоотвѣтствіе милліардныхъ бюджетовъ съ голодовками и бѣдностью населенія, которое присуще новѣйшей эпохѣ—въ зачаткѣ и въ болѣе или менѣе замаскированной формѣ имѣются вполнѣ уже и въ допетровской Руси. Періодъ созрѣванія государственности былъ періодомъ созрѣванія и капитала, и буржуазіи. Какъ всегда и вездѣ они начинали свой ростъ съ экспропріаціи сельскаго населенія, съ накопленія рентъ и обращенія ихъ въ торговый капиталъ.

Дальнѣйшее экономическое и политическое развитіе страны даетъ особенно богатую почву для культуры и разцвѣта этихъ явленій.

---

[1]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII стол. и реформа Петра Великаго. Спб. 1905.

ГЛАВА III.

Возникновеніе производительнаго капитала и торгово-промышленная политика въ XVIII в.

Развитіе городской жизни въ петровскую эпоху и вліяніе ея на сельское хозяйство.—Возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ.—Борьба землевладѣльческихъ и торговыхъ интересовъ.—Правительственная торговопромышленная политика и регулированіе внѣшней и внутренней торговли.

Только что описанный процессъ развитія денежнаго хозяйства и торговаго капитала и тѣсная, другъ друга обусловливающая связь между ростомъ этого капитала и ростомъ буржуазно-купеческихъ тенденцій самого государственнаго строя находитъ себѣ сильнѣйшій толчекъ со времени реформаторской эпохи Петра Великаго.

По внѣшности этотъ процессъ съ этихъ поръ начинаетъ проходить въ иныхъ формахъ. Петръ и его преемники перестаютъ быть купцами; сами они уже не торгуютъ хлѣбомъ, мѣхами или саломъ; много дольше сохраняется, но также постепенно преобразуется и исчезаетъ землевладѣльческій характеръ правителей. Частноправовыя нормы замѣняются публичными; торговцемъ, землевладѣльцемъ, предпринимателемъ становится «государство», или непосредственно ведущее соотвѣтствующія земледѣльческія и промышленныя предпріятія и торговлю, или получающее съ нихъ торговую прибыль черезъ посредниковъ—откупщиковъ и другихъ частныхъ предпринимателей. Однако, въ основѣ возможности полученія этихъ землевладѣльческихъ рентъ и этой прибыли, въ основѣ накопленія ихъ въ видѣ частнаго капитала и государственныхъ богатствъ—лежала, какъ и ранѣе, торговая и предпринимательская эксплоатація сельскаго населенія, его экспропріація и постепенное развитіе

денежнаго хозяйства, на мѣстѣ разрушенія прежняго натуральнаго строя.

Поэтому, хотя въ петровскую эпоху особенно рѣзко сказался тотъ фактъ, что «политическій ростъ государства опередилъ его экономическое развитіе» [1]), достигнувъ это разореніемъ страны, однако это «разореніе» подготовлялось всей предыдущей эпохой: уже давно въ основѣ развитія государства лежало стремленіе къ насажденію денежнаго хозяйства и сама государственная власть являлась наиболѣе полнымъ выразителемъ этихъ тенденцій, лучшимъ представителемъ купеческихъ и предпринимательскихъ началъ въ народномъ хозяйствѣ. То, что было въ зародышѣ въ допетровскую эпоху, находитъ себѣ законченное выраженіе со времени Петра.

Въ допетровской Руси царь—первый землевладѣлецъ являлся и «первымъ купцомъ». Развитіе капитала не шло дальше исключительно торговыхъ его формъ; благодаря этому, для накопленія и увеличенія капитала не требовалось и конечнаго разрушенія того натуральнаго строя хозяйственной жизни, который тогда являлся преобладающимъ; не требовалось тѣхъ законченныхъ и совершенныхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ непремѣнно нуждается производительный капиталъ.

Мы видѣли, что торговый капиталъ даже въ древней Руси мирился и съ преобладаніемъ натуральнаго хозяйства, и съ низкимъ уровнемъ техники, извлекая, не смотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, громадную торговую прибыль. Таково же въ преобладающей степени остается положеніе капитала и послѣ петровской эпохи. Существенная разница между старымъ и новымъ вѣкомъ заключается въ томъ, что теперь торговымъ капиталомъ сдѣлана уже попытка превращенія въ болѣе совершенныя производительныя формы. Нужды нѣтъ въ томъ, что насажденіе предпринимательскаго хозяйства совершается часто въ формѣ государственныхъ промышленныхъ предпріятій: выразитель идеаловъ экономически господствующихъ классовъ—государство въ началѣ беретъ на себя первый шагъ и къ осуществленію предпринимательской дѣятельности, какъ раньше оно стояло во главѣ торговли. Та «необходимость развитія національной промышленности», которой руководствовался Петръ, исходя изъ меркантилистическихъ взглядовъ,

[1]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство, стр. 546.

была въ сущности ничѣмъ инымъ для государства, какъ «хозяйственнымъ способомъ» полученія «нужныхъ государству» предметовъ. Но, конечно, какъ купеческое правительство древней Руси стояло лишь во главѣ крупныхъ купеческихъ капиталовъ, такъ и въ петровскихъ казенныхъ фабрикахъ государство являлось лишь наиболѣе виднымъ представителемъ новаго предпринимательскаго класса. Какъ этотъ новый классъ частныхъ промышленниковъ предпринимателей являлся преемникомъ крупнаго торговаго капитала допетровской Руси [1]), такъ и хозяйственная дѣятельность государства въ своемъ постепенномъ развитіи вмѣсто торговаго получила предпринимательскій характеръ.

Но каковъ бы ни былъ характеръ происхожденія перваго русскаго промышленнаго предпринимательства, для сельскаго хозяйства оно принесло чрезвычайно глубокія послѣдствія. Во первыхъ ростъ городовъ и фабрично заводской промышленности [2]) для своего пополненія, требовалъ громаднаго отлива сельскаго населенія [3]). При этомъ «бѣгство изъ деревень» коснулось, какъ всегда, не только низшихъ классовъ населенія, но и высшихъ, ищущихъ въ городахъ наживы или служебной карьеры. Во внутреннихъ отношеніяхъ деревни начинаетъ уже создаваться, такимъ образомъ, дифференціація хозяйственныхъ отношеній вмѣсто прежняго хозяйственнаго единства помѣщика и крестьянина.

Во вторыхъ, это развитіе городовъ и обрабатывающей промышленности создало внѣ сельскаго хозяйства внѣшній ему рынокъ, такъ необходимый для внѣдренія въ хозяйство денежныхъ отношеній. Въ то же время, благодаря различной степени развитія промысловъ и промышленнаго населенія въ двухъ половинахъ имперіи—сѣверной нечерноземной и южной черноземной—въ сельскомъ хозяйствѣ происходитъ и географическая дифференціація: первая начинаетъ служить потребительнымъ рынкомъ для земледѣльческихъ продуктовъ второй. Въ допетровской Руси даже нечерноземныя области могли пропитываться хлѣбомъ собственнаго производства; теперь населеніе ихъ, обращаясь къ промысловымъ занятіямъ, ради полученія чисто денежныхъ доходовъ, бросаетъ свое натуральное земледѣльческое хозяйство, обезземеливается, идетъ въ города на внѣземледѣльческіе промыслы или превращается въ батраковъ. Въ концѣ XVIII вѣка въ нечерноземныхъ губерніяхъ уже до $^1/_5$—$^1/_3$ взрослаго мужского населенія уходитъ на неземледѣльческіе заработки, порывая связь съ сельскимъ хозяйствомъ [1]).

Въ тоже время порываетъ связь съ землей и помѣщичій классъ. Принуждаемый къ службѣ, къ жизни въ городахъ онъ или обращается также къ промышленному предпринимательству, поскольку это допускаетъ служба,—не даромъ въ спискахъ петровскихъ фабрикантовъ часто встрѣчаются и дворяне—или по крайней мѣрѣ стремится эксплоатацію труда своихъ крестьянъ вести въ новыхъ формахъ денежнаго хозяйства. Поэтому, тамъ, гдѣ болѣе развита была промышленная жизнь, тамъ болѣе значительное развитіе получаетъ и оброчно-денежная система, тогда какъ въ земледѣльческихъ округахъ помѣщикамъ приходится оставаться при прежнемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, ведя его на началахъ барщины [2]).

Такимъ образомъ, для сельскаго хозяйства начала XVIII вѣка кромѣ начавшейся уже много раньше общей дифференціаціи сельскаго населенія имѣли преобладающее значеніе три стороны хозяйственнаго развитія страны: развитіе городовъ съ неземледѣльческимъ населеніемъ и промыслами, развитіе денежнаго хозяйства

---

[1]) Это доказывается тѣмъ, что большинство петровскихъ фабрикантовъ является крупными торговыми людьми. Петровская «крупная промышленность развилась... въ средѣ, которая была создана всей предшествовавшей исторіей Московскаго государства—именно въ средѣ крупныхъ торговцевъ». *Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Спб, 1898, стр. 11.

[2]) До Петра у насъ почти не существовало крупныхъ промышленныхъ предпріятій, а къ его смерти насчитывалось уже 233 казенныхъ и частныхъ фабрикъ и заводовъ. *Туганъ-Барановскій*, l. c., 6. Къ концу же XVIII ст. было уже 3.161 фабрика.

[3]) До Петра городское населеніе въ Россіи насчитывало около 292 тыс., а послѣ Петра уже 802 тыс. *Милюковъ*, Очерки, 82.

[1]) По Бѣлевской Писцовой книгѣ въ т. н. «Бѣлевской Виблioѳикѣ» изданной *Елагинымъ* въ 1859 г., въ Бѣлевскомъ у. при Алексѣѣ Михайловичѣ было всего 290 человѣкъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, т. е. бездомовыхъ работниковъ. Къ концу XVII ст. число ихъ увеличилось до 4.242 души, что составляло $^1/_5$ часть всего населенія. Такъ далеко зашли обезземеленіе и дифференціація даже въ этомъ земледѣльческомъ уѣздѣ. *Побѣдоносцевъ*, Историческія изслѣдованія и статьи. Спб., 1876, стр. 79. Ср. также *Туганъ-Барановскій*, l. c. стр. 44 и *Ключевскій*. Подушная подать и отмѣна холопства. Р. М. 1886, X, стр. 3—5.

[2]) *Семевскій*. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, Спб. 1903, стр. 25—46.

во всѣхъ отрасляхъ промышленной жизни и, наконецъ, какъ непосредственный результатъ первыхъ двухъ, перенесеніе центра сельскохозяйственной культуры въ черноземныя области. Съ этихъ поръ эти земледѣльческія области начинаютъ вести селькое хозяйство въ цѣляхъ торговаго сбыта на вполнѣ уже упрочившемся внутреннемъ рынкѣ, именно въ городахъ и селеніяхъ сѣверныхъ, нечерноземныхъ областей, въ которыхъ, въ свою очередь, болѣе быстро развивается промышленное населеніе.

Вотъ какъ современники описываютъ эти перемѣны въ сельскохозяйственной культурѣ, происшедшія въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка. «Прежде нежели Петръ Великій,—пишетъ князь Щербатовъ въ своей «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи»,—наложеніемъ подати принудилъ крестьянъ стараться другими ремеслами пріобрѣтать себѣ на пропитаніе и на заплату податей, крестьяне всѣ прилежали землепашеству, были сыты, но бѣдны, и хлѣбъ былъ до того дешевъ, что не взирая на великое плодородіе, никогда не могъ заплатить трудовъ земледѣльца; но какъ стали крестьяне податьми нѣсколько отягчены, тогда помѣщики узнали многія спокойствія жизни, кои до того имъ не вѣданы были, для пріобрѣтенія оныхъ стали на крестьянъ новыя подати накладывать; тогда крестьяне... оставя земледѣліе, стали ходить на другія работы и дѣйствительно они стали богаты деньгами, но земледѣліе упало и государство отъ того претерпѣваетъ»[1]).

То-же паденіе сельскохозяйственной культуры отмѣчаетъ и другой писатель средины XVIII в., Елагинъ: «Въ прежнія времена,—пишетъ онъ,—когда поголовныхъ оброковъ еще не знали, при селахъ и волостяхъ государственныхъ казенныя, при монастыряхъ монастырскія, при помѣщитскихъ жилищахъ помѣщитскія земли хотя и не великія по худому домостроительству и незнанію домостроителей прибытки приносили, но великимъ количествомъ хлѣба изобиловали. Были запасныя житницы, преисполненныя на время нужное и лѣто неплодородное какъ на сѣмена, такъ и на пищу хлѣбомъ... Нынѣ же всѣ споспѣшествовавшіе къ тому земледѣльцы, какъ то государственные, монастырскіе и большею частью помѣщитскіе, принуждены ставъ платить оброкъ, который они, какъ выше объявлено, безъ великаго труда разными способами доставать могутъ, не имѣютъ и нужды къ претрудному прилежать земледѣлію. Не стало у помѣщиковъ земли, не стало и запасныхъ житницъ, а съ ними вмѣстѣ скрылась и дешевизна въ хлѣбѣ» [1]).

[1]) *М. Щербатовъ.* Статистика въ разсужденіи Россіи, сочиненія, т. I. изд. 1896 г., стр. 191.

Это обращеніе отъ «прилежанія земледѣлію» къ промышленному труду происходило прежде всего въ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ сосредоточились центры развитія промышленности. Тотъ же Щербатовъ, жестоко осуждающій новыя основы хозяйства, какъ о потерянномъ раѣ вспоминаетъ тѣ плодородныя области, которыя были не такъ давно житницами Московскаго царства и которыя даже до сихъ поръ сохранили свое плодородіе. Такъ, мѣстности на сѣверъ отъ Москвы настолько плодородны, что въ Галицкомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уу. «рожь ввосьмеро, а ячмень вдесятеро и вдвѣнадцатеро приходитъ» и если бы «по причинѣ многонародія» населенію не приходилосьсь обращаться къ другимъ занятіямъ, промысламъ, то эти области могли бы дать населенію пропитаніе «не только довольное но и излишнее» [2]). И однако, не смотря на это, населеніе здѣсь бѣжитъ въ города и въ промышленность; земледѣліе падаетъ, а на незаселенномъ югѣ, въ губерніяхъ Сѣверской, Бѣлгородской, Воронежской, гдѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ на уборку—тамъ оно быстро, хотя бы и экстенсивно, распространяется.

Вполнѣ правильно видя причину паденія земледѣльческой культуры въ нечерноземной области въ развитіи денежнаго хозяйства, промышленности и городовъ съ ихъ новымъ складомъ жизни, Щербатовъ естественно на нихъ обращаетъ всѣ свои порицанія: города и городскія потребности убиваютъ тотъ укладъ жизни и тотъ промыселъ, на которомъ зиждется все благополучіе государства [3]).

[1]) «Проектъ д. с. с. и члена дворцовой канцеляріи *Ивана Елагина*, объ опредѣленіи въ неотъемлемое владѣніе дворцовымъ крестьянамъ земли и о раздачѣ казенныхъ деревень, за извѣстную плату, на временное и опредѣленное владѣніе вольнымъ содержателямъ». Журналъ землевладѣльцевъ, 1859 г., XX—XXI.

[2]) *Щербатовъ*, l. c., стр. 479.

[3]) «Государственныя строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ, представляя великое обильство для промысловъ, отвлекли отъ земледѣлія многія тысячи человѣкъ. Если мы возьмемъ въ примѣръ одну Москву и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, живущихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, какъ число ихъ пріумножилось. Двадцать лѣтъ тому не прошло, весь каретный рядъ помѣщался за Петровскими Воротами по Земляной огородѣ по Большой улицѣ, а нынѣ не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города и за ворота въ обѣ стороны по Земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть

Въ дѣйствительности дѣло обстояло нѣсколько иначе. Земледѣліе падало не вездѣ, а только тамъ, гдѣ новыя отрасли промышленной жизни побѣждали сельское хозяйство. Въ общемъ же для всей страны сельское хозяйство нашло себѣ въ городахъ потребительный рынокъ и въ городскомъ спросѣ основу своего дальнѣйшаго развитія. Отмѣченное уже въ XVI вѣкѣ въ центральныхъ примосковскихъ уѣздахъ и получившее теперь болѣе широкое развитіе трехпольное хозяйство, введенное на смѣну переложнаго, могло развиваться только въ томъ случаѣ, если разсчитывало на постоянный, обезпеченный спросъ. Начавшій примѣняться въ то время наемный трудъ также могъ успѣшно прилагаться только при развивающемся производствѣ хлѣба на продажу. Въ борьбѣ за рынокъ попрежнему находились области сѣверныя, уже не исключительно земледѣльческія и уже съ утверждающимся тамъ трехпольемъ, и области южныя черноземныя, гдѣ въ началѣ XVIII в. попрежнему господствовала еще переложная система, тре-

такихъ сараевъ для продажи каретъ, не считая, сколько нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весьма рѣдки; нынѣ же почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны... Всѣ таковые промыслы требуютъ людей или навсегда пребывающихъ или приходящихъ на лѣтнее время... а всѣ сіи люди, удвоившіеся или утроившіеся на лѣтнее время, оставляютъ свои домы и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ произрастанію пропитанія, быть потребителями съѣстныхъ припасовъ. Приложимъ еще сколько такихъ мастеровыхъ употреблены во всѣхъ намѣстничествахъ, огромные всенародные и приватныхъ людей зданія, въ малое число лѣтъ яко бы волшебствомъ какимъ произведенныя, повсюду пышность и великолѣпіе взирающему на внѣшность человѣку представляютъ, но, конечно, въ самомъ дѣлѣ отвращеніемъ отъ земледѣлія, а потому убавкою произведенія нужнѣйшихъ къ жизни вещей Россію ослабляютъ, такъ какъ земли, обработанныя ими праздны остаются, а если которыя и обработаны и тѣ обработаны наемниками, съ гораздо меньшимъ тщаніемъ». *Щербатовъ*, I. с. 632. Такое же описаніе даетъ другой извѣстный дореформенный историкъ, *Болтинъ*. «Изъ сословія земледѣльцевъ знатное количество перешло въ сословіе промышленниковъ, фабричныхъ, ремесленниковъ... Прибыло много городовъ, заведены многія зданія, къ строенію которыхъ потребовалось великое число мастеровыхъ... Многіе годы въ самыхъ плодороднѣйшихъ провинціяхъ былъ хлѣбу недородъ, въ продолженіи коихъ весь запасной хлѣбъ истощенъ и цѣна отъ того вдвое возвысилась»... Примѣчанія на исторіи древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочин. генералъ-маіоромъ *Ив. Болтинымъ*. Спб. 1778. т. II стр. 453. Такое же отрицательное отношеніе у извѣстнаго *Шваткова*. «О двухъ главныхъ способахъ, назначенныхъ къ лучшему деревнями управленію». Тр. В. Э. О., LXII, стр. 144.

бовавшая меньше труда и затратъ капитала, но дававшая все же, благодаря богатству почвы, богатые урожаи.

Однако, съ перенесеніемъ земледѣльческой культуры на югъ, а центровъ государственной, политической и промышленной жизни на сѣверъ стало гораздо болѣе затруднительнымъ разрѣшеніе того вопроса о путяхъ, способахъ снабженія и вообще объ организаціи торговли и обмѣна, который сравнительно просто рѣшался въ древней Руси, благодаря близости производительныхъ раіоновъ къ потребительнымъ пунктамъ. Уже и тогда для тѣхъ гужевыхъ подвозовъ, которыми питались крупные потребительные пункты, для того натуральнаго снабженія жившихъ въ городахъ вельможъ и помѣщиковъ, которое такъ рельефно представлено напримѣръ въ хозяйствѣ Морозова [1]), требовалась громадная масса народнаго труда. Съ развитіемъ же и ростомъ профессіональнаго торговаго обмѣна продуктами, съ ростомъ денежнаго хозяйства и все болѣе возраставшей нуждой въ деньгахъ, въ торговый оборотъ стало по необходимости вовлекаться все большее количество земледѣльческихъ продуктовъ.

Условія рыночнаго обращенія, регулярный и правильный обмѣнъ были обставлены попрежнему все еще большими трудностями. Повидимому главнымъ образомъ этимъ обстоятельствомъ затруднительности снабженія и обмѣна слѣдуетъ объяснить тотъ ростъ хлѣбныхъ цѣнъ, который обнаруживается въ теченіе не только XVII, но и въ XVIII вѣкѣ. Въ началѣ XVII в. хлѣбъ стоилъ въ 5 разъ дороже, чѣмъ во второй половинѣ XVI вѣка. Правда, къ концу XVII в. сказалось и расширеніе земледѣльческой культуры, приведшее благодаря увеличенію запашекъ въ культурныхъ областяхъ и колонизаціи юга и юго-востока, къ нѣкоторому превышенію производства надъ потребленіемъ. Но все же, несмотря на то, что цѣны въ теченіе XVII вѣка въ общемъ обнаруживаютъ склонность къ пониженію, онѣ до конца XVII в. остаются все еще въ $3^1/_2$ раза выше, чѣмъ въ XVI вѣкѣ. Еще болѣе рѣзкій ростъ хлѣбныхъ цѣнъ обнаруживается въ XVIII вѣкѣ: такъ, въ Московской губ. съ гжатскихъ пристаней хлѣбъ, по словамъ князя Щербатова, продавался: въ 1760 г. четверть ржи 86 к., въ 1763 г.—95 к.,

[1]) См. напр. длиннѣйшій чрезвычайно характерный списокъ того, что и какъ получалъ Московскій домъ Морозова изъ своихъ помѣстій. *Забѣлинъ*, Большой бояринъ, В. Е. 1871, кн. II.

въ 1773 году уже 2 руб. 19 к., а къ 1790 году цѣна его дошла уже до 7 руб. [1]).

Въ такихъ повышенныхъ цѣнахъ вовсе однако нельзя видѣть свидѣтельство того, что хлѣбное производство отстало и не могло удовлетворить расширявшагося спроса. Причина лежала именно въ затруднительности обмѣна, такъ какъ при дороговизнѣ въ однѣхъ мѣстностяхъ и въ одни годы хлѣбъ иногда совершенно не имѣлъ цѣны и сгнивалъ на поляхъ даже необмолоченнымъ. «Изолированность рынковъ» въ послѣ-Петровской Руси была повидимому не меньшая, чѣмъ въ допетровской именно потому, что средства и пути сообщенія остались тѣми же, какъ и раньше, сбытъ же сталъ и болѣе отдаленнымъ, и болѣе обширнымъ, въ виду экономической дифференціаціи географіи страны.

Та масса дарового труда, которая имѣлась у помѣщиковъ, и та необходимость въ эксплоатаціи своихъ земельныхъ богатствъ, которая стала особенно ощутительна при развитіи городской жизни и денежнаго хозяйства, побуждали ихъ къ расширенію своего земледѣльческаго производства. Недостатокъ сбыта, однако, уничтожалъ возможность настоящаго предпринимательскаго хозяйства. И какъ раньше правительству приходилось въ своихъ выгодахъ и въ интересахъ привиллегированныхъ классовъ брать на себя организацію сбыта, такъ и теперь оно приходитъ на помощь землевладѣльческому классу въ его стремленіи къ сельскохозяйственной предпринимательской дѣятельности. Конечно, мѣры покровительства нѣсколько мѣняются, сообразно духу и потребностямъ времени.

Прежде всего, сильное развитіе государства и государственныхъ потребностей, въ особенности военныхъ, создавало для сельскихъ хозяевъ близкій и обезпеченный сбытъ ихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Размѣщеніе войскъ въ южныхъ городахъ и въ земледѣльческихъ губерніяхъ давало возможность сельскимъ производителямъ входить въ непосредственныя сношенія съ этимъ крупнымъ потребителемъ. И правительство покровительствовало именно такимъ непосредственнымъ сношеніямъ помѣщиковъ. Ради доставленія этимъ крупнымъ производителямъ лучшаго сбыта издаются узаконенія, облегчающія такія поставки помѣщиковъ въ обходъ посредничества торговцевъ.

[1]) *Щербатовъ*, l. c., 645.

Такъ «Провіантскія регулы» 1758 года [1]) предписываютъ, что «всѣ... стараніе имѣть должны чтобы къ пополненію магазиновъ, сколько и гдѣ возможно, подрядовъ, черезъ которые весьма отъ купцовъ цѣны возвышаемы бываютъ, и по большей части до нынѣ таковыя пополненія отъ нихъ зависѣли, миновать, а пользоваться отъ шляхетства и поселянъ, дабы подданные, которые о распространеніи земледѣлія сами трудятся,... тѣми деньгами интересоваться могли; подряды же развѣ въ такія мѣста и въ такомъ случаѣ чинить, когда отъ шляхетства и поселянъ получить будетъ невозможно». Даже болѣе того: правительство для снабженія русскихъ войскъ, находившихся въ иностранныхъ государствахъ, во время военныхъ дѣйствій выписывало хлѣбъ изъ Россіи, чтобы сдѣлать «подлинно нѣкоторое хлѣбопашеству одобреніе», запрещая въ другихъ указахъ покупать его для продовольствія арміи заграницей, «какъ бы оный дешевъ ни былъ, а вывозить оный отсюда, какъ бы дорого ни становился». [2]).

Такимъ образомъ, хотя въ «Провіантскихъ регулахъ» правительство стоитъ, повидимому, на простой коммерческой точкѣ зрѣнія, не желая покупать продовольствія у перекупщиковъ по дорогимъ цѣнамъ, однако основнымъ мотивомъ является стремленіе оказать покровительство «отечественному земледѣлію», что и сказалось особенно ясно въ послѣдующихъ приведенныхъ указахъ. Понятно, что это покровительство земледѣлію ограничивалось, въ сущности, лишь покровительствомъ прибылямъ крупныхъ помѣщиковъ, такъ какъ ни о стремленіи поднять общія производительныя силы земледѣлія, ни даже о возможности участія въ этихъ непосредственныхъ сношеніяхъ мелкаго производителя—крестьянина здѣсь фактически не могло быть и рѣчи. Поэтому во всѣхъ этихъ мѣрахъ можно видѣть лишь желаніе поддержать крупный помѣстный классъ въ его стремленіи къ производительной дѣятельности и къ предпринимательству въ цѣляхъ полученія прибыли путемъ эксплоатаціи дарового крѣпостного труда. Это были лишь попытки утвердить сельскохозяйственное крупное предпринимательство на сословныхъ началахъ, хотя бы въ ущербъ интересамъ не только безгласнаго мелкаго производителя, крестьянина, но и въ ущербъ уже вліятельному торговому капиталу.

[1]) *П. С. З.*, т. XV, 10788.
[2]) *П. С. З.*, 10164.

Особенно ясно эта тенденція покровительства дворянскому сельскохозяйственному предпринимательству, ведущемуся за счетъ эксплоатаціи дарового крѣпостного труда, въ ущербъ безсословному торговому капиталу, видна на развитіи винокуренія, въ которомъ, за недостаткомъ сбыта хлѣба въ зернѣ, крупное сельское хозяйство нашло выгодный способъ переработки. Такіе приверженцы развитія чистаго земледѣлія, какъ Щербатовъ, осуждали и эту первую «индустріализацію» русскаго сельскаго хозяйства, въ виду того, что оно оттягиваол отъ земледѣлія трудъ и капиталъ [1]), но само правительство относилось къ развитію винокуренія не такъ отрицательно. Оно желало доставить въ немъ способъ улучшенія условій сбыта хлѣба для крупныхъ помѣщиковъ и насадить дворянскую земледѣльческую индустрію. Что покровительство винокуренію было именно таково, т. е. было вызвано сословными стремленіями, видно изъ той монополіи винокуренія, которая постепенно устанавливается въ послѣ-петровской экономической политикѣ, ограничивая и парализуя стремленіе торговаго капитала завладѣть этой отраслью производства.

Такъ, уже указъ 1754 года [2]) вводитъ ограниченіе древней свободы винокуренія, разрѣшая торговое винокуреніе только временно «доколѣ помѣщики и вотчинники винокуренные свои заводы размножатъ», послѣ чего всѣ купеческіе винокуренные заводы должны быть опечатаны, такъ какъ винокуреніе «слѣдуетъ для пользы одного дворянства, а не купечества, а купцы должны вступать въ торги и распространять коммерцію». Другой указъ того же года [3]) на основаніи предыдущаго повелѣнія уже предписываетъ уничтожить всѣ купеческіе винокуренные заводы, расположенные у гжатскихъ пристаней. Наконецъ, окончательное подтвержденіе монополіи винокуренія въ цѣляхъ доставленія способа сбыта хлѣба помѣщикамъ состоялось въ Уставѣ о винокуреніи въ 1765 году, который провозгласилъ, что «вино курить дозволяется всѣмъ дворянамъ и ихъ фамиліямъ, а прочимъ никому. То вино курить имъ для поставки на продажу... Для себя на собственные свои домашніе расходы курить вино... позволяется только тѣмъ, кто въ деревняхъ самъ живетъ. Прочимъ же, какъ духовнымъ, военнымъ, гражданскимъ и всякаго чина и званія людямъ и положеннымъ въ подушный окладъ, однимъ словомъ, всѣмъ, кромѣ дворянъ и ихъ фамилій, вина никому... не курить [1]). Здѣсь уже ясно сказался внутренній смыслъ правительственной сельскохозяйственной политики, покровительствующей «токмо дворянамъ» въ ущербъ «прочимъ, всякаго званія людямъ».

[1]) «Не токмо души, но и великіе капиталы употреблены на сіи заводы», писалъ *Щербатовъ*, «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи». Сочиненія, т. I, 629 и слѣд.

[2]) *П. С. З.*, 10261.

[3]) *П. С. З.*, 10285.

Таковы были мѣропріятія правительства съ цѣлью поддержать дворянское сельскохозяйственное предпринимательство. Посмотримъ, какова была политика того же правительства по отношенію къ торговлѣ и къ торговому классу, который былъ долженъ «распространять коммерцію».

Господствующія въ то время воззрѣнія о необходимости государственнаго вмѣшательства и регламентаціи. особенно рѣзко сказались на положеніи торговли земледѣльческими продуктами, какъ внутренней, такъ и отпускной. Кромѣ теоретическихъ соображеній о необходимости такой опеки надъ хозяйственной дѣятельностью народа, для правительства и въ финансовомъ отношеніи вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія стоялъ и въ XVIII вѣкѣ не менѣе остро, чѣмъ въ XVII в.

Правительство съ одной стороны не прочь было способствовать развитію торговли и особенно вывозной, такъ какъ это давало доходы казнѣ; съ другой—ему казалось опаснымъ предоставить все дѣло свободѣ торговаго оборота, такъ какъ это могло привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ и затрудненіямъ въ народномъ продовольствіи, въ особенности въ случаѣ недородовъ, которые были въ то время довольно часты. «Голодныя болѣзни», «голодный хлѣбъ» изъ рубленной мякины и соломы были извѣстны тому времени не хуже, чѣмъ настоящему [2]). А голодъ крестьянскаго населенія обозначалъ для помѣщиковъ разореніе ихъ крестьянъ и уменьшеніе количества ихъ крѣпостного труда, для правительства же—

[1]) *П. С. З.* 12448, гл. 1, п. 1—8.

[2]) «Я ужаснулся, говоритъ Щербатовъ, когда мнѣ показали «голодный хлѣбъ» изъ мякины, сѣна, лебеды и листьевъ, но и этотъ для голодающихъ былъ не вездѣ доступенъ, такъ какъ и лебеда не уродилась и продавалась по 4 рубля четверть». Это когда обычная цѣна четверти хлѣба была не выше двухъ рублей! *Щербатовъ*. Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1778 г. Сочиненія I, 683. См. также *Лешковъ*. Продовольствіе древней Руси. Москвитянинъ 1854, II—V.

пониженіе платежныхъ силъ населенія. Естественно поэтому, что для фиска вопросъ о народномъ продовольствіи былъ чрезвычайно важенъ. Отсюда и вытекаетъ цѣлый рядъ ограниченій и регламентацій какъ внутренней, такъ и вывозной торговли.

Узаконеніями Петра I раіоны портовъ по хлѣбному вывозу были строго разграничены, такъ что подъ страхомъ наказанія не позволялось дѣлать закупки и отправлять въ порты для вывоза хлѣбъ изъ раіона, не принадлежащаго данному порту. Такъ, къ вывозу изъ Архангельска были допущены лишь хлѣбные грузы, идущіе изъ сѣверо-восточныхъ областей, сплавомъ по Двинѣ, грузы же, идущіе по старому торговому сухопутному тракту черезъ Вологду, приказано было обратить къ С.-Петербургу; этимъ способомъ предполагалось обезпечить, главнымъ образомъ, снабженіе хлѣбомъ С.-Петербурга, такъ же какъ путемъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и запрещеніемъ вывоза изъ одной области и губерніи въ другую предполагалось обезпечить мѣстное продовольствіе губерній и городовъ.

Но, понятно, эти мѣры не могли достичь своей цѣли—разрѣшить вопросъ о равномѣрности и достаточности хлѣбнаго снабженія и предохранить отъ повышенія цѣнъ. Правительству приходится не останавливаться на этомъ и идти дальше, совершенно запрещая хлѣбный вывозъ. Поэтому въ теченіе всего XVIII столѣтія вывозъ хлѣба то запрещался, то разрѣшался подъ тѣми или другими условіями и ограниченіями; въ тѣхъ же цѣляхъ правительство иногда прибѣгаетъ къ старому средству, употреблявшемуся вѣкъ назадъ и беретъ на себя монополію хлѣбной торговли. Такъ, въ 1711 году повелѣно было производить для казенной торговли закупки хлѣба въ Нижнемъ-Новгородѣ, по низовьямъ Волги, по Камѣ и другимъ мѣстамъ, «гдѣ дешевле будетъ»; но уже въ 1719 г. казенная торговля хлѣбомъ была уничтожена, и взамѣнъ этого экспортеры хлѣба были обложены добавочной пошлиной. Къ запрещенію вывоза хлѣба приходилось прибѣгать также довольно часто. Еще въ 1701 году, разрѣшая «невозбранный» отпускъ хлѣба за море, устанавливается правиломъ, что отпускъ можетъ происходить только въ томъ случаѣ, если цѣна хлѣба въ Москвѣ не выше 1 рубля за четверть, въ противномъ же случаѣ «отпуску не быть»; вывозъ въ этомъ же указѣ облагается пошлиной въ 1/4 ефимка съ четверти хлѣба [1]). Но уже въ 1718 году для затрудненія вывоза

[1]) *П. С. З.*, 1872.

хлѣба въ виду неурожая, пошлина увеличивается для Архангельска до 1 еф. съ четверти пшеницы и 1/2 ефимка съ четверти ржи и ячменя [1]), а вскорѣ, по случаю неурожая 1723 года, разрѣшается ввозъ въ С.-Петербургъ иностраннаго хлѣба безпошлинно, чтобы тѣмъ «привозъ хлѣба (въ С.-Петербургъ, изъ страдающихъ неурожаемъ) московскихъ городовъ убавился».

Но вообще разрѣшая ввозъ лишь въ цѣляхъ народнаго продовольствія, правительство запрещало въ то же время покупать ввозный хлѣбъ поставщикамъ провіанта для войскъ, обязывая ихъ дѣлать закупки непремѣнно въ русскихъ губерніяхъ, чтобы конкурренціей иностраннаго хлѣба не убивать отечественнаго хозяйства [2]). Но и ввозомъ иностраннаго хлѣба достаточность народнаго продовольствія не была всегда обезпечена, привознаго хлѣба было въ общемъ очень мало, и при малѣйшемъ неурожаѣ возникала «конечная нужда въ хлѣбѣ» [3]). Въ 1726—1727 годахъ, благодаря хорошимъ урожаямъ, разрѣшается свободный и безпошлинный отпускъ хлѣба изъ Риги, но наступившій вскорѣ рядъ неурожайныхъ годовъ снова влечетъ за собой рядъ ограниченій и полныхъ запрещеній вывоза. Въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія пришлось даже почти совершенно запретить и внутренній торгъ хлѣбомъ; такъ, въ 1735 году приказано было: «въ с.-петербургскіе и сухопутные адмиралтейскіе магазины провіанта для нынѣшняго хлѣбнаго недорода не подряжать и купецкимъ людямъ на продажу, кромѣ помѣщиковъ для домового своего расхода, не возить, а оставлять оный для пропитанія во внутреннихъ городахъ» [4]).

Такимъ образомъ ради избѣжанія губительныхъ для страны послѣдствій голода правительство готово было совершенно уничтожить весь торговый обмѣнъ въ странѣ и вернуть все народное хозяйство къ чисто натуральному строю. Но конечно, такая политика не приводила ни къ чему. Запрещеніемъ торговли и вывоза нельзя было обезпечить народнаго продовольствія; голодовки и затрудненія въ продовольствіи продолжались. Уже въ слѣдующемъ году въ этихъ цѣляхъ приходится совершенно запретить не только вывозъ за границу, но и винокуреніе въ главной житницѣ Россіи—Бѣлгородской губер-

[1]) *П. С. З.*, 3095.
[2]) *П. С. З.*, 4183 и 4235.
[3]) *П. С. З.*, 4558.
[4]) *П. С. З.*, 6674.

ніи [1]). Въ послѣдующіе годы разрѣшеніе вывоза смѣняется чуть ни ежегоднымъ запрещеніемъ. Такъ, въ 1740 году вывозъ запрещается; въ 1741 году снова разрѣшается съ наложеніемъ пошлины, пропорціональной цѣнѣ хлѣба на внутреннихъ рынкахъ; въ 1742 г. снова разрѣшается безусловно, кромѣ Лифляндіи; въ 1744 году разрѣшается, но съ пошлиной, и чтобы вывозъ производился «наблюдая токмо осторожность, чтобы не было недостатка въ прододольствіи». Въ 1745 г. вывозъ черезъ балтійскіе порты снова запрещается и разрѣшается только въ 1752 году, но не надолго, такъ какъ въ 1756 году снова запрещается, а въ слѣдующемъ году правительство отдаетъ монополію хлѣбной торговли графу Воронцову и Глѣбову, давая имъ право на исключительный отпускъ хлѣба всего до 600 тыс. четвертей въ 8 лѣтъ, съ наложеніемъ установленной пошлины и съ тѣмъ условіемъ, чтобы выпуску изъ С.-Петербургскаго и Балтійскихъ портовъ подлежалъ только хлѣбъ малороссійскихъ губерній, хлѣбъ же изъ губерній великороссійскихъ шелъ на заготовку войскъ [2]).

Какъ видно, торговая политика въ теченіе всего XVIII вѣка не отличалась постоянствомъ: полная свобода вывоза и обмѣна и запрещеніе почти всякой торговли; казенная монополія и откупная система; запретительныя и пропорціональныя пошлины—все это пускалось въ ходъ подъ видомъ мнимыхъ выгодъ такой политики для всего народнаго благосостоянія, въ дѣйствительности же главнымъ образомъ только ради финансовыхъ выгодъ. Понятно, что этимъ до крайности суживались сфера дѣятельности и вліяніе торговаго капитала, который и безъ того былъ поставленъ въ неблагопріятныя условія, вслѣдствіе плохихъ условій транспорта, слабости потребительнаго спроса и невысокаго уровня земледѣльческаго производства. Въ то же время и внутренняя торговля ради тѣхъ же финансовыхъ соображеній находится въ полной системѣ закрѣпощенія, благодаря существованію громаднаго количества внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, хотя и приносящихъ казнѣ сравнительно небольшой доходъ—до 900 тыс. рублей—но сильно стѣсняющихъ торговлю. Торговля и торговый капиталъ долгое время находятся у правительства, такъ сказать, подъ «гласнымъ надзоромъ»: ему не довѣряютъ,

[1]) *П. С. З.*, 7029.

[2]) *Семеновъ.* Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 годъ, ч. I—III. Спб. 1859 I, стр. 146 и слѣд.

его нѣсколько боятся и во всякомъ случаѣ контролируютъ и регламентируютъ каждый его шагъ.

При такихъ условіяхъ торговому капиталу приходилось «распространять коммерцію», къ чему его такъ призывали правительственные указы. Очевидно, правительство заботилось о немъ значительное менѣе, чѣмъ о поддержаніи благосостоянія дворянскихъ помѣстій путемъ культивированія дворянскаго сельскохозяйственнаго предпринимательства. Торговому классу приходилось долго дожидаться признанія свободы торговаго оборота и самому завоевывать ее.

Что касается собственно торговли продуктами сельскохозяйственной промышленности, то здѣсь, даже и послѣ признанія, какъ общаго правила, свободы торговаго обмѣна, торговый капиталъ, на пути подчиненія своему вліянію этой области, встрѣчаетъ еще много препятствій именно въ той сословной связанности и неподвижности, отъ которыхъ скорѣе освободилась городская промышленность, но которыя были еще долгое время характерны для сельскохозяйственнаго строя.

Интереснымъ въ этомъ отношеніи представляется то, что предоставляя крупнымъ помѣщикамъ право и привиллегію сбыта—при томъ безпошлиннаго и слѣд. въ ущербъ казнѣ—своихъ земледѣльческихъ произведеній, правительство въ то же время значительно стѣсняло самостоятельный торгъ крестьянъ. Возникавшее отсюда противорѣчіе интересовъ какъ крупнаго и мелкаго землевладѣльца, такъ и крупнаго землевладѣльца и капитала, хорошо обрисовывается тѣми домогательствами относительно правъ торговли земледѣльческими продуктами, которыхъ добивались въ Екатерининскихъ коммиссіяхъ какъ купеческіе, такъ и крестьянскіе депутаты. Первые настаивали на запрещеніи крестьянамъ продавать произведенія своего хозяйства крестьянамъ же и на принужденіи продавать лишь купцамъ, на томъ основаніи, что всякій товаръ «по способности покупки и при маломъ количествѣ перекупщиковъ становится въ продажѣ дешевле». Наоборотъ крестьянскіе депутаты стояли на противоположной точкѣ зрѣнія и домогались дозволенія производить торгъ по крайней мѣрѣ предметами крестьянскаго обихода [1]). Правительство, повидимому, не было склонно расширять права крестьянъ въ

[1]) *Лаппо-Данилевскій.* Русскія промышленныя и торговыя кампаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Спб. 1899, стр. 86—87.

этомъ отношеніи, главнымъ образомъ по цѣлямъ фискальнымъ, такъ какъ безпошлинная торговля крестьянъ причиняла убытки казнѣ [1]). То, чѣмъ оно жертвовало ради покровительства помѣщичьему классу, оно не рѣшалось сдѣлать для крестьянскаго хозяйства.

Съ 1 августа 1754 года отмѣняется главное препятствіе развитію внутренней торговли—внутреннія таможенныя пошлины, замѣняемыя прибавкой 13% на внѣшніе таможенные сборы [2]). Наконецъ 28 марта 1762 года Петромъ III издается замѣчательный указъ, могущій служить эрой опредѣленно уже формулированнаго измѣненія во взглядахъ правительства на торговую политику вообще и въ частности по отношенію къ хлѣбному экспорту. «Имперія наша, читаемъ въ этомъ указѣ о свободѣ торговли, по благости Божіей токмо плодородіемъ изобилуетъ, что избытками своими могла бы пропитать великую часть прочаго свѣта; ни что токмо не доказываетъ эту истину, какъ сіе, что несмотря на то, что превеликое число хлѣба перекуривается на вино, во многихъ еще провинціяхъ и при великихъ рѣкахъ лежащихъ, хлѣбъ остается при такой низкой цѣнѣ, что крестьянинъ при всемъ урожаѣ онаго едва столько намолотить успѣетъ, сколько на заплату его податей потребно, и что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ лучше хлѣбъ рождается, наибольше пустыхъ мѣстъ видимо... А по сему повелѣваемъ хлѣбный торгъ сдѣлать отнынѣ отъ всѣхъ портовъ, не исключая и на Каспійскомъ и Черномъ морѣ лежащіе, невозбраннымъ съ половиной пошлины» [3]).

Екатерина II еще рѣшительнѣе провозглашаетъ право безусловной свободы торговли. Послѣ предоставленія въ жалованной граматѣ дворянству «оптомъ торговать, что въ деревняхъ родится», въ особомъ манифестѣ подтверждается право свободной торговли: «подтверждаю вольную повсемѣстную торговлю хлѣбомъ внутри предѣловъ Имперіи нашей, говорится въ именномъ указѣ, и всѣ облегченія, въ пользу того установленныя, оставить право свободы каждому помѣщику, купечествующему, промышляющему и земледѣльцу въ селеніи, въ городѣ или губерніи возить, провозить,

[1]) Также смотритъ на это между прочимъ и *Посошковъ*. Сочиненія, М. 1842, стр. 115—116.

[2]) *П. С. З.* 10164.

[3]) *П. С. З.* 11489.

продавать, по добровольной цѣнѣ всякому, кто покупать желаетъ оптомъ или подробно хлѣбъ разнаго рода и званія и земныя произрастенія безъ всякаго изъятія» [1]).

Однако, признанная законодателемъ свобода торговли и внутри государства, и вывозная не совсѣмъ легко привилась на практикѣ. Правда, внутреннія таможенныя пошлины слишкомъ тяжелымъ бременемъ ложились на весь торговый оборотъ, чтобы отмѣна ихъ не была встрѣчена всеобщимъ ликованіемъ; но признанная закономъ свобода торговаго оборота еще такъ мало вкоренилась въ сознаніе даже самого правительства, что запрещеніе вывоза хлѣба изъ одной провинціи въ другую во времена недородовъ составляло для администраціи, вопреки ясному и точному закону, одну изъ мѣръ для предотвращенія недостаточности снабженія хлѣбомъ той или другой мѣстности [2]). Да и само высшее правительство, превозгласивъ свободу торговли, на практикѣ остается очень часто непослѣдовательнымъ и изъ за тѣхъ же старыхъ страховъ, что при свободѣ торговцы «оголодятъ» русскую землю, прибѣгаетъ и послѣ манифеста о свободѣ къ старымъ средствамъ запрещенія и ограниченія внѣшняго вывоза.

Неудовлетворительность этихъ средствъ заставляетъ искать новыхъ мѣропріятій, новыхъ средствъ правительственной опеки. Когда съ этой цѣлью правительство обращается за совѣтомъ къ самимъ заинтересованнымъ въ хлѣботорговыхъ оборотахъ лицамъ и въ 1763 году составляетъ коммиссію для обсужденія вопросовъ хлѣбнаго экспорта изъ представителей балтійскаго дворянства и купечества, то всѣ они единогласно высказываются за вредъ всякихъ ограниченій въ свободѣ вывоза и за предоставленіе въ этомъ вопросѣ полнаго простора частной иниціативы. Однако, нерѣшительность вполнѣ послѣдовать этому совѣту и боязнь слишкомъ значительнаго вывоза въ ущербъ внутреннему потребленію, заставляютъ прибѣгнуть къ новой мѣрѣ—къ наложенію запрещенія на нѣкоторую часть вывоза. Такъ, въ отвѣтъ на мнѣніе балтійской коммиссіи о хлѣбной торговлѣ и не рѣшившись исполнить вполнѣ

[1]) *П. С. З.* 16576.

[2]) Такъ, въ тотъ же годъ, когда издается манифестъ Екатерины о безусловной свободѣ торговли, орловскій губернаторъ, въ виду постигшаго его край неурожая, запрещаетъ, вопреки закону, вывозъ хлѣба изъ губерніи, и сенату приходится отмѣнять его распоряженіе, указавъ на несоотвѣтствіе его съ закономъ. *П. С. З.* 16581.

ся пожеланія, правительство отмѣняетъ существовавшее прежде запрещеніе вывоза хлѣба въ случаѣ повышенія цѣнъ, но взамѣнъ этого обязываетъ держать въ Ригѣ въ складахъ для мѣстнаго продовольствія хлѣба 60—70 тыс. четвертей. Затѣмъ начинаетъ вводиться норма размѣровъ остающагося въ магазинахъ хлѣба—въ % къ количеству отпуска заграницу изъ даннаго порта. Въ 1764 году дозволено было къ отпуску изъ Нарвы по 5 тыс. четв. хлѣба въ годъ, изъ Архангельска до 200 тыс. четв., причемъ повелѣно было оставлять въ магазинахъ для обезпеченія продовольствія войска и народнаго—въ Нарвѣ 5 четвертей на каждыя 100 четв. отпущеннаго заграницу, въ Архангельсѣ 20 четвертей на каждыя 100 [1]).

Однако, и подобное запрещеніе на часть хлѣба вскорѣ же начинаетъ отмѣняться; въ 1771 году запрещеніе вывоза 1/5 части ржи снимается для архангельскаго порта, причемъ вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно «предостерегать жителей, чтобы оставляли на продовольствіе»; вслѣдъ затѣмъ снимается запрещеніе вывоза и съ другихъ портовъ, а также предоставляется свобода торговымъ людямъ производить свои закупки не въ указанномъ для каждаго порта раіонѣ, а гдѣ они сами находятъ выгоднымъ.

Такимъ образомъ, только къ началу XIX ст. свобода хлѣбной торговли и внѣшняго отпуска хлѣба получаетъ полное признаніе. Ограниченія и запрещенія вывоза въ первое десятилѣтіе XIX ст. обусловливались уже политическими и военными событіями, континентальной системой, съ оставленіемъ которой была оставлена и система запрещенія вывоза хлѣба. Даже болѣе того: правительство становится уже на сторону поощренія вывоза и запрещенія ввоза иностраннаго хлѣба въ Россію, мотивируя въ указѣ 1810 года такое запрещеніе тѣмъ, что, благодаря свободному ввозу, въ Россіи создается излишекъ хлѣба и «внутренній избытокъ хлѣба остается безъ употребленія и во вредъ земледѣлію» [2]). Послѣдній разъ вопросъ о запрещеніи выпуска хлѣба былъ разсмотрѣнъ по поводу ожидавшагося сильнаго неурожая въ 1818 г., и на этотъ разъ была признана окончательно неосновательность опасеній за затрудненія въ народномъ продовольствіи отъ вывоза хлѣба даже въ годы сравнительно неурожайные. По указанію министра финансовъ са-

[1]) *П. С. З.* 12247 и 12276.
[2]) *П. С. З.* 24137.

мое большое количество хлѣбнаго отпуска Россіи до того времени не превышало 5 милл. четв. (въ 1817 году), обычный же вывозъ почти никогда не превышаетъ 2 милл. четв.; странно поэтому ожидать, что такія незначительныя цифры могутъ повліять какимъ либо неблагопріятнымъ образомъ на народное продовольствіе и внутреннія цѣны, когда однѣ Тамбовская и Пензенская губерніи производятъ въ средній годъ 20 милл. четвертей [1]) [2]).

Итакъ, свобода торговаго оборота и полное открытіе внѣшняго рынка для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, на бумагѣ провозглашенныя еще въ серединѣ XVIII вѣка, лишь къ наступленію XIX столѣтія могутъ считаться дѣйствительнымъ фактомъ. Только съ этихъ поръ торговый классъ и торговый капиталъ являются обезпеченными тѣми условіями, которыя даютъ возможность его развитія; только съ этихъ поръ торговый капиталъ можетъ дѣйствительно свободно направляться на торговую эксплоатацію народнаго труда, организуя сбытъ его продуктовъ, пока условія натуральнаго хозяйства еще не позволяли ему организовать и подчинить своей власти самое производство этихъ продуктовъ.

И дѣйствительно, если мы обратимся къ изученію условій развитія сельскохозяйственнаго рынка въ эту эпоху, то увидимъ, что все то развитіе торговаго земледѣлія и товарнаго производства земледѣльческихъ продуктовъ, начало которыхъ обыкновенно относятъ ко времени освобожденія крестьянъ и развитія желѣзныхъ дорогъ, уже и въ то время заложило себѣ прочную основу. Конечно, безъ указанныхъ двухъ обстоятельствъ это развитіе идетъ болѣе медленнымъ темпомъ. Однако, чрезвычайно важнымъ представляется установить, что уже съ этого времени земледѣльческое хозяйство крѣпостной Руси все болѣе получаетъ тотъ товарный или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже товарно-капиталистическій характеръ, который въ законченномъ видѣ является однимъ изъ частей фундамента въ зданіи, воздвигнутомъ въ освободительную эпоху.

Такъ, если мы обратимся къ наиболѣе простой формѣ внѣшняго выраженія развитія товарно-торговыхъ началъ въ земледѣльческомъ

[1]) *А. Семеновъ*, I, с., ч. II, стр. 125.

[2]) Впрочемъ даже много позже правительству приходится еще разъ подтверждать право свободы торговли, въ особенности во внутреннихъ сношеніяхъ, защищая ее отъ воспрещеній хлѣботорговаго обмѣна и вывоза хлѣба мѣстными властями въ годы неурожаевъ. Такъ было напр. въ 1840 г. *Матеріалы* по обезпеченію народнаго продовольствія, изд. М. В. Д., ч. II, Спб. 1860, стр. 25.

народномъ хозяйствѣ—къ цифрамъ внѣшняго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, то оказывается, что въ теченіе XVIII вѣка онъ занималъ почти такое же скромное мѣсто, какъ и въ предыдущій вѣкъ, но уже къ концу XVIII в. и съ наступленіемъ XIX столѣтія вывозъ продуктовъ земледѣлія и особенно жизненныхъ припасовъ, главнымъ образомъ хлѣба, получаетъ сильное увеличеніе и ростъ.

Вывозъ жизненныхъ припасовъ въ теченіе XVIII столѣтія занималъ такую роль въ торговлѣ Россіи: въ 1731 году жизненныхъ припасовъ вывезено изъ всѣхъ портовъ и по сухопутной границѣ на сумму 34,7 тыс. рублей серебромъ, что въ процентахъ къ общему вывозу даетъ лишь 0,6%; въ 1758—1760 годахъ вывозилось въ среднемъ въ годъ на 225,9 тыс. руб., что составляетъ 2,8% общаго вывоза; въ 1768 году вывозъ жизненныхъ припасовъ снова уменьшился до 193,9 тыс. руб., т. е. далъ лишь 2,1% общаго вывоза, въ послѣдующіе годы вывозъ возрастаетъ: за 1778—1780 гг. до 1,474 тыс. руб., т. е. далъ 7,8% общаго вывоза, въ 1790—1792 гг.—1,175,3 тыс. руб. сер., т. е. далъ 4,5% общаго вывоза по внѣшней торговлѣ [1]). Такимъ образомъ, хотя въ теченіе разсмотрѣннаго 70-лѣтія вывозъ жизненныхъ припасовъ абсолютно возросъ почти въ сорокъ разъ, онъ все же являлся крайне незначительнымъ и отставалъ отъ быстраго роста общихъ торговыхъ оборотовъ; его участіе въ общихъ оборотахъ торговли въ теченіе того же періода возросло всего въ 7 разъ. Хлѣбъ въ числѣ жизненныхъ припасовъ, вывозимыхъ заграницу, игралъ также не первую и не исключительную роль: въ 1758—1760 гг. вывозилось хлѣба до 70 тыс. четв. на сумму 114 тыс. руб. сер. изъ 225,9 тыс. руб. сереб. цѣнности вывоза всѣхъ жизненныхъ припасовъ; другими словами, вывозъ хлѣба по цѣнности доставлялъ въ разсматриваемый періодъ лишь 1% общаго вывоза русскихъ товаровъ заграницу.

Окончательное завоеваніе свободы торговаго оборота продуктами земледѣльческаго хозяйства и осуществившаяся, наконецъ, свобода неограниченнаго хлѣбнаго вывоза быстро поднимаютъ общія цифры экспорта Россіи и особенно экспорта хлѣба. Съ первыхъ же годовъ XIX столѣтія начинается замѣтное увеличеніе его и абсолютно, и относительно другихъ товаровъ. Если въ моментъ признанія свободы торговли, въ началѣ второй половины XVIII ст., вывозъ достигалъ всего 70 тыс. четв. и даже въ 1790—1792 годахъ вывезено было лишь 233 тыс. четв., то въ 1802—1804 годахъ вывозилось въ годъ уже болѣе 2 милл. четвертей пшеницы, ржи и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ возрастать и относительная цѣнность вывоза въ общихъ оборотахъ внѣшней торговли Россіи: въ первую четверть XIX стол. хлѣбный экспортъ составляетъ уже 19—20% общаго вывоза всѣхъ товаровъ изъ Россіи.

Необходимо, правда, здѣсь указать, что внѣшнія обстоятельства, именно характеръ экономическаго развитія западноевропейскихъ странъ, складывались въ началѣ XIX ст. особенно благопріятно для развитія русскаго торговаго земледѣлія и русскаго хлѣбнаго экспорта. Къ концу XVIII и началу XIX ст. потребность въ привозномъ хлѣбѣ въ европейскихъ государствахъ стала увеличиваться, не только благодаря ряду неурожайныхъ годовъ и политическимъ событіямъ, отвлекшимъ на войны много рукъ отъ земледѣлія, но главнымъ образомъ, также и благодаря начавшемуся росту мануфактурной и заводской промышленности, росту городовъ и расширенію внутренняго рынка. Въ Великобританіи въ половинѣ XVIII столѣтія превышеніе вывоза надъ ввозомъ достигало въ среднемъ 150 тыс. четв. въ годъ, черезъ 50 же лѣтъ ввозъ уже превышалъ вывозъ на 750 четвер. Въ это время англійскіе порты были уже открыты для ввоза иностранной пшеницы и Англія становится крупнымъ потребительнымъ рынкомъ для ввоза иностраннаго хлѣба [1]).

Но, конечно, все это создавало лишь возможность возникновенія товарно-торговаго характера земледѣльческаго производства, не обусловливая и не вызывая его непосредственно. Причина расширенія работы на рынокъ лежала въ томъ развитіи сельскохозяйственнаго предпринимательства, которое съ особенной силой обнаруживается съ первыхъ десятилѣтій XIX ст. среди русскаго помѣстнаго

[1]) *А. Семеновъ*, l. c., ч. III, стр. 8 и слѣд.

[1]) Парламентскимъ актомъ 1791 года на пшеницу была наложена ввозная пошлина, въ размѣрѣ 24 шилл. 3 пен. съ квартера (около 6 руб. сер. съ четверти), если средняя цѣна пшеницы стоитъ ниже 50 шилл. (12½ руб. четв.), и 2 шилл. 6 пенсовъ съ квартера при возвышеніи ея до 54 шилл. кварт. (13 руб. четв.); однако, благодаря быстрому развитію потребительнаго спроса, цѣна почти постоянно держалась выше 54 милл., такъ что ввозная пшеница платила почти постоянно только минимальную пошлину. *Георгіевскій.* Международная хлѣбная торговля. Спб. 1885, гл. III.

класса, въ возможности для этого класса производительнаго, въ цѣляхъ полученія прибыли, употребленія помѣщичьяго «капитала»— крѣпостныхъ, т. е. въ возникновеніи того же предпринимательскаго духа, который, какъ мы видѣли, къ этому же времени явился преобразующимъ элементомъ и въ западноевропейскомъ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности.

ГЛАВА IV.

Начало предпринимательства въ сельскомъ хозяйствѣ въ XIX вѣкѣ.

Опыты интенсификаціи культуры и вложенія капитала въ земледѣльческое производство.—Побѣда экстенсивныхъ зерновыхъ системъ.—Попытки новой организаціи хозяйства.—Подражаніе западноевропейскимъ образцамъ (фермерство, индустріализація) и выработка самостоятельныхъ формъ (оброкъ, барщина и соединенныя ихъ формы).—Крушеніе земледѣльческаго предпринимательства и его причины.

Тѣ же самыя политическія событія начала XIX ст., которыя произвели крупныя перемѣны въ западноевропейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, не остались безъ вліянія и на положеніе русскаго земледѣлія. Подорвавши благосостояніе помѣщичьяго класса, жившаго до сихъ поръ въ городахъ, они заставили русскихъ помѣщиковъ снова обратить свои взоры на заброшенное до сихъ поръ деревенское хозяйство [1]). Оторванное прежде отъ земли службой и городской жизнью, помѣстное дворянство теперь начинаетъ возвращаться въ свои деревни и вести болѣе или менѣе самостоятельное хозяйство.

Извѣстно то громадное оживленіе интереса къ сельскому хозяйству и къ нахожденію прогрессивныхъ формъ и системъ его, которое стало обнаруживаться въ русскихъ помѣщичьихъ кругахъ и въ литературѣ первыхъ десятилѣтій XIX стол. Эта эпоха молодого увлеченія «основой всѣхъ богатствъ»—земледѣльческой

[1]) Объ этомъ см. напр. *A. Haxthausen.* Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Han. 1847, II. 118 и слѣд.; русскій переводъ стр. 30—35.

промышленностью, навѣяннаго частью получившей въ то время широкое распространеніе физіократической доктриной, также быстро прошла, какъ и возникла, оставивъ въ результатѣ лишь довольно богатое литературное наслѣдіе, такъ что до сихъ поръ эти годы занимаютъ пожалуй одну изъ наилучше изслѣдованныхъ страницъ въ исторіи русскаго сельскаго хозяйства [1]).

Однако, по своей экономической сущности эта попытка имѣла чрезвычайно глубокое значеніе. Это былъ первый опытъ русскаго сельскохозяйственнаго предпринимательства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, первый опытъ приложенія производительнаго капитала въ земледѣліи. Разъ дворянство стало осѣдать на землю, то естественно оно стало стремиться замѣнить хотя и болѣе спокойную, но менѣе доходную крѣпостную трудовую ренту самостоятельнымъ хозяйствомъ. Отношеніе къ землѣ и къ крѣпостному крестьянству простого рентьера должно было замѣниться болѣе сложнымъ отношеніемъ предпринимателя.

Пойдя по этому пути и встрѣтивъ на немъ старыя хозяйственныя формы и отношенія, приспособленныя не къ самостоятельному сельскохозяйственному предпринимательству на болѣе или менѣе раціональныхъ началахъ, а къ простой трудовой эксплоатаціи «дарового» крѣпостного труда, сельскохозяйственное дворянство принуждено было стремиться къ измѣненію этихъ отношеній именно въ этомъ направленіи новой постановки хозяйства на предпринимательскихъ началахъ.

Эти измѣненія должны были коснуться какъ технической стороны хозяйства—поднятія его производительности и раціонализаціи его; такъ и организаціонной—замѣны оброка барщиной: такъ, наконецъ, и чисто общественно-экономическихъ отношеній крестьянина и помѣщика, какъ представителей двухъ противоположныхъ экономическихъ интересовъ. Всѣ они сводились къ стремленію увеличенія доходности помѣщичьяго хозяйства и къ поднятію его производительности; въ этомъ вопросѣ и вращались всѣ хозяйственныя попытки новыхъ предпринимателей — попытки, впрочемъ, бывшія чаще всего безрезультатными до тѣхъ поръ,

[1]) Къ этой эпохѣ относится дѣятельность такихъ извѣстныхъ въ исторіи русской агрономіи ученыхъ - практиковъ, какъ И. И. Самаринъ, Д. Н. Шелеховъ, С. И. Гагаринъ, А. Т. Болотовъ, Н. Н. Муравьевъ и мн. др.

пока не произошла коренная и окончательная ломка всѣхъ хозяйственныхъ отношеній.

Тѣ образцы, по которымъ пытались строить свое новое хозяйство русскіе помѣщики, были заимствованы частью изъ западноевропейской жизни, частью изъ тѣхъ отраслей русской промышленной жизни, которыя въ своемъ развитіи ушли дальше сельскаго хозяйства. Западноевропейское сельское хозяйство давало прежде всего образцы технической постановки сельскаго хозяйства; оно же давало и организаціонные «раціональные» планы. Вмѣстѣ съ примѣромъ развивающейся русской обрабатывающей промышленности оно наводило и на мысль новаго отношенія къ сельскому хозяйству: это послѣднее должно быть не бытовой привиллегіей дворянства, не традиціонной формой его быта и существованія, а раціонально поставленнымъ производствомъ, сельскохозяйственной «фабрикой» [1]). И все то, въ постановкѣ хозяйства, что шло на встрѣчу такому новому взгляду на сельское хозяйство, должно быть въ немъ примѣнено, хотя бы оно и противорѣчило прежнему взгляду на то же сельское хозяйство, какъ на сословную привиллегированную форму дворянскаго быта и существованія.

Такимъ образомъ, русскимъ помѣщикамъ—новаторамъ начала XIX в. пришлось имѣть дѣло прежде всего съ техническимъ преобразованіемъ своего хозяйства. Въ этомъ отношеніи тогдашняя западноевропейская научная агрономія давала имъ опредѣленный отвѣтъ въ смыслѣ единственной раціональности плодосмѣнной системы, «плодоперемѣнія». Все прогрессивное и раціональное въ сельскомъ хозяйствѣ совпадало съ введеніемъ именно этой системы. Центръ всѣхъ прогрессивныхъ начинаній въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, вокругъ котораго группировались всѣ наиболѣе передовые элементы русскаго помѣщичьяго класса, Московское Общество сельскаго хозяйства съ его «Земледѣльческимъ Журналомъ», во вторую четверть XIX ст. былъ занятъ исключительно проповѣдью «плодоперемѣнія», на основаніи какъ общихъ разсуж-

[1]) См. примѣчанія *Муравьева* къ переводу Тэеровскихъ «Основаній раціональнаго хозяйства», ч. III, стр. 30; а также «Земледѣльческій Журналъ», 1836 г. т. I и «Русскій Земледѣлецъ», 1838 г. т. I, объ имѣніяхъ въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ, ведущихъ свое хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ, на подобіе «хлѣбныхъ фабрикъ», и получавшихъ большіе барыши, напр. до 136% доходу, какъ им. Колокольцова въ Саратовской губ.

деній, такъ и многочисленныхъ опытовъ, удачно производимыхъ въ этомъ направленіи его членами.

Впрочемъ, въ бѣдномъ сѣверѣ и экстенсивномъ юго-востокѣ распространеніе плодоперемѣннаго хозяйства и плодоперемѣнныхъ сѣвооборотовъ большею частью или не выходило изъ рамокъ незначительныхъ по размѣрамъ опытовъ, или представлялось убыточной и дорогой затѣей богатыхъ «просвѣщенныхъ» помѣщиковъ. Но за-то на югозападѣ и частью въ центрѣ, въ раіонахъ начинающаго развиваться свеклосахарнаго производства, эта плодосмѣнная система быстро встала дѣйствительно на хозяйственную почву и тотъ же центральный органъ русскихъ сельскихъ хозяевъ вмѣстѣ съ проповѣдью преимуществъ плодоперемѣннаго хозяйства особенное вниманіе обращаетъ также и на развитіе свеклосахарнаго производства [1]).

Мы не имѣемъ здѣсь возможности подробно останавливаться на этомъ періодѣ увлеченія технической раціональностью плодоперемѣнной системы и на его проявленіяхъ [2]). Для насъ важнымъ представляется лишь указать на то обстоятельство, что стремленіе къ развитію производительности земледѣлія, къ экономической его раціональности и къ доходности вылилось въ то же время и даже прежде всего въ стремленіе къ новой технической постановкѣ дѣла. Эта новая раціональная техника, впрочемъ, вскорѣ же и разбилась отъ неблагопріятствовавшихъ ей общихъ экономическихъ условій. То, что являлось очереднымъ вопросомъ и выгоднымъ для западно-европейскаго сельскаго хозяйства, оказалось совершенно непримѣнимымъ ни по экономическимъ, ни отчасти по естественнымъ условіямъ для русской жизни.

Техническое подражаніе западно-европейскимъ образцамъ плодосмѣнной системы—по крайней мѣрѣ поскольку это было простымъ подражаніемъ—быстро прошло: уже въ 30 годахъ XIX ст. замѣчается разочарованіе и паденіе интереса къ плодосмѣнному хозяйству и реабилитація болѣе подходящаго къ русскимъ условіямъ зернового хозяйства [3]). Не только хозяева-практики, ставившіе

[1]) См. напр. многочисленныя статьи по этимъ вопросамъ въ *«Земледѣльческомъ Журналѣ»*, особенно за 1820—1835 годы.

[2]) Объ этомъ см. *Бажаевъ,* Крестьянское травопольное хозяйство. М. 1900, стр. 77 и слѣд. *Вернеръ,* Сельскохозяйственная экономія. М. 1901, ст. 190 и сл. *Совѣтовъ,* О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. Спб. 1879.

[3]) См. *Бажаевъ,* Крестьянское травопольное хозяйство. М. 1900, стр. 90—112.

вопросъ на чисто-дѣловую почву увеличенія доходности хозяйства, но и ученые агрономы приходятъ къ тому заключенію, что наиболѣе выгоднымъ для русскихъ условій хозяйствомъ должно быть зерновое [1]).

Зерновое хозяйство гораздо болѣе соотвѣтствовало низкому уровню техники, традиціоннымъ сельскохозяйственнымъ обычаямъ, наконецъ возможности непосредственнаго увеличенія валового дохода путемъ простого расширенія помѣщичьихъ запашекъ, чѣмъ болѣе сложная и требующая болѣе разработанныхъ организаціонныхъ плановъ плодосмѣнная система полеводства. Какъ только послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ интенсивной плодосмѣнной системы помѣщичій классъ становится на чисто коммерческую точку зрѣнія въ своемъ сельскохозяйственномъ предпринимательствѣ, онъ тотчасъ же и оставляетъ свои увлеченія «аглицкимъ» хозяйствомъ, не только не доставлявшія ему дохода, но часто приносившія разореніе, и обращается къ «русскому», зерновому хозяйству. Вмѣстѣ съ этимъ разочарованіемъ въ плодосмѣнной системѣ, запашки и площадь посѣва зерновыхъ хлѣбовъ въ 30-хъ годахъ повидимому сильно увеличились, и такимъ образомъ распространеніе и долговѣчность увлеченій этой системой были вообще незначительны.

Побѣда зерновой системы имѣла скорѣе значеніе моральной побѣды; она опредѣлила дальнѣйшее направленіе русскаго сельскохозяйственнаго производства въ смыслѣ расширенія культуры именно зерновыхъ хлѣбовъ. Это расширеніе шло, конечно, главнымъ образомъ за счетъ распашки новыхъ земель и луговъ, но частью и за счетъ паденія плодосмѣнной системы.

Объ этомъ именно свидѣтельствуютъ частью показанія современниковъ [2]), частью тѣ данныя дореформенной статистики, которымъ, конечно, довѣрять можно лишь относительно, но которыя въ грубыхъ чертахъ все же могутъ свидѣтельствовать о тѣхъ или другихъ перемѣнахъ, происходившихъ въ то время въ народномъ хозяйствѣ.

[1]) См. напр. примѣчанія *Муравьева* къ извѣстному переводу Тэера «Основанія раціональнаго хозяйства» ч. I, стр. 218.

[2]) См. напр. указанія *Шелехова,* О настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи и о причинахъ прошлогоднихъ неурожаевъ. Спб. 1842, стр. 3 и слѣд., а также примѣчанія *Муравьева* къ переводу Тэера, ч. I, предисловіе, стр. 13.

Таковы именно данныя о размѣрахъ площадей пахатной и луговой земли двухъ лучшихъ дореформенныхъ статистиковъ, относящіяся къ двумъ различнымъ періодамъ: данныя Арсеньева, составленныя на основаніи цифръ генеральнаго межеванія, т. е. относящіяся къ концу XVIII вѣка и данныя Тенгоборскаго, составленныя на основаніи административныхъ свѣдѣній къ срединѣ XIX вѣка. Какъ ни относительно достовѣрны эти свѣдѣнія, однако, если брать ихъ, какъ общія указанія на происшедшія за этотъ періодъ измѣненія въ направленіи сельскохозяйственной культуры, мы увидимъ, что цѣлая опредѣленная группа губерній показываетъ болѣе или менѣе существенный относительный ростъ пахатной земли, сравнительно съ естественными лугами; это именно губерніи восточныя и юго-восточныя.

Такъ, процентное отношеніе луговой земли къ пахатной показываетъ уменьшеніе, т. е. вытѣсненіе луговъ пашней, въ слѣдующихъ губерніяхъ [1]).

Губерніи.	% луговой земли по Арсеньеву.	% луговой земли по Тенгоборскому.
Харьковская	67,1	64,2
Пензенская	28,9	28,1
Воронежская	110,1	80,0
Тамбовская	74,9	66,0
Курская	25,7	24,1
Рязанская	17,0	16,6
Казанская	25,0	23,8
Пермская	77,5	77,0
Оренбургская	277,6	108,2

Хотя въ общемъ для Россіи итогѣ площадь луговъ, по разсчету Тенгоборскаго, увеличилась за указанный періодъ на 4,1 милліона десятинъ [2]), однако вышеприведенныя цифры все же ясно показываютъ именно то направленіе въ распространеніи зерновой культуры на востокъ и юго-востокъ, которое отмѣчалось уже и раньше

[1]) Ср. *К. Арсеньевъ.* Статистическіе очерки Россіи, Спб. 1848 и *Тенгоборскій.* О производительныхъ силахъ Россіи. М. 1854.

[2]) Именно увеличилась съ 55,6 милл. до 60 милл. десятинъ. Сравн. съ этими цифрами также *Андросовъ.* Хозяйственная статистика Россіи. М. 1827 г. и *Горловъ.* Обозрѣніе экономической статистики Россіи, Спб. 1849 г. и *К. Арсеньева.* Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи и выгодъ, оттого происходящихъ для народныхъ промысловъ, нынѣ существующихъ. Спб. 1818 г.

и которое составляетъ основную черту въ перемѣнахъ экономической географіи Россіи въ дальнѣйшемъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ центральной, юго-восточной и восточной частяхъ, постепенно становящихся главными земледѣльческими раіонами Россіи, уже съ начала XIX ст. русское сельское хозяйство опредѣленно пошло въ сторону преимущественнаго развитія зернового хозяйства. Повидимому въ этихъ по крайней мѣрѣ раіонахъ указанные выше опыты и увлеченія плодосмѣннымъ хозяйствомъ и раньше ни по экономическимъ, ни по естественнымъ условіямъ не имѣли того распространенія, которое они одно время имѣли на сѣверѣ. Теперь же эти раіоны становятся представителями все болѣе исключительной культуры зерновыхъ хлѣбовъ, становящейся типичной и для всего вообще русскаго сельскаго хозяйства.

Для главныхъ земледѣльческихъ раіоновъ вопросъ о новыхъ технически-агрономическихъ системахъ былъ рѣшенъ, слѣдовательно, въ смыслѣ ликвидаціи увлеченія западно-европейскими образцами интенсивной культуры и возвращенія къ зерновому хозяйству, за исключеніемъ развѣ юго-западныхъ и вообще западныхъ губерній съ болѣе интенсивной, преимущественно свеклосахарной культурой, да южныхъ губерній, еще не тронутыхъ плугомъ и долгое время сохранявшихъ экстенсивное скотоводственное хозяйство.

Гораздо болѣе трудно, чѣмъ вопросъ о технической реорганизаціи хозяйства при существовавшихъ условіяхъ, разрѣшался вопросъ о реорганизаціи общей его экономической структуры. Къ разрѣшенію этого вопроса и были направлены—въ общемъ совершенно неудачно—всѣ стремленія помѣщичьяго класса.

Прежде всего, разъ принявшись за самостоятельное хозяйничанье, естественно было стремиться количественно расширить свое собственное помѣщичье т. е. барщинное хозяйство, вытѣсняя крестьянское производство или сокращая его до такихъ размѣровъ, въ какихъ оно являлось экономической необходимостью. Поэтому то, въ дѣйствительности, съ начала XIX ст. и замѣчается расширеніе помѣщичьихъ барщинныхъ запашекъ за счетъ сокращенія менѣе выгоднаго при новыхъ условіяхъ оброчнаго крестьянскаго хозяйства [1]). Параллельно съ этимъ количественнымъ расширеніемъ

[1]) Объ этомъ см. между прочимъ *Тенгоборскій,* О производительныхъ силахъ Россіи, ч. II, а также *Самаринъ,* Записка о крѣпостномъ состояніи, сочиненія, т. II, и др.

барскихъ запашекъ должно было идти и качественное усиленіе эксплоатаціи крестьянскаго труда, т. е. въ наиболѣе грубой формѣ— простое увеличеніе числа барщинныхъ дней и вообще увеличеніе барщинной тяготы.

Однако, только этимъ, конечно, невозможно было ограничиться. Въ общемъ для всего помѣщичьяго хозяйства вопросъ шелъ о болѣе важномъ, чѣмъ о простомъ увеличеніи валового дохода; вопросъ шелъ о развитіи вообще производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, о повышеніи производительности крѣпостного сельскохозяйственнаго труда, а этого, конечно, нельзя было достичь простымъ усиленіемъ его эксплоатаціи. Наоборотъ, даже и тогда для всякаго опытнаго хозяина было ясно, что помѣщичье хозяйство, его производительность и доходность зависятъ всецѣло отъ производительности и доходности крестьянскаго хозяйства, а чрезмѣрная эксплоатація этого послѣдняго можетъ только привести къ разоренію и первое [1]). Для экономически раціональной постановки хозяйства требовалось созданіе особой, новой хозяйственной организаціи. Созданіе такой наиболѣе подходящей для русскихъ условій и экономически раціональной организаціи эксплоатаціи крѣпостного земледѣльческаго труда и составляло долгое время для русскихъ помѣщиковъ задачу, гораздо болѣе трудную, чѣмъ выработка технической стороны хозяйства, которая, какъ мы видѣли, потребовала также большого труда и долгаго времени.

Для постановки своего сельскаго хозяйства, какъ промышленнаго доходнаго предпріятія, русскій помѣщикъ имѣлъ предъ собою два образца: одинъ въ организаціи земледѣльческаго хозяйства на западноевропейскій манеръ «аглицкаго фармерства»; другой—въ той организаціи, которая давала гораздо большій просторъ самостоятельному хозяйничанью помѣщика, которая основывалась на производительномъ употребленіи капитала и уравнивала земледѣльческое хозяйство съ «фабрикой», какъ наиболѣе типичнымъ образомъ капиталистическаго предпріятія.

Естественно, что вмѣстѣ съ подражаніемъ западноевропейской агрономической техникѣ, шло копированіе западноевропейскихъ образцовъ и въ отношеніи организаціи хозяйства. «Англійскій фармеръ столь же начинаетъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французскій эмигрантъ, итальянскія въ домахъ окна и скаковыя лошади въ запряжку», говорилъ не безъ сарказма еще въ началѣ XIX ст. одинъ анонимный авторъ, бичуя это нераціональное увлеченіе англійскими организаціонными образцами, вопреки очевидной ихъ убыточности [1]). Это увлеченіе англійскимъ фермерствомъ было, конечно, также эфемерно, какъ и увлеченіе англійскимъ «плодоперемѣненіемъ». Упомянутому анонимному автору и многимъ хозяевамъ, не слѣпымъ поклонникамъ англійскихъ системъ было ясно [2]), что англійское фермерское хозяйство, основанное на приложеніи въ земледѣліи основнаго и оборотнаго денежнаго капитала фермера, не примѣнимо въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи, именно вслѣдствіе отсутствія и самого такого фермера, и такого капитала. Этого капитала не было не только у фермера, его не было и у всего помѣщичьяго класса, обладавшаго лишь однимъ видомъ «капитала»—крѣпостными крестьянами. Тамъ, гдѣ вся хозяйственная дѣятельность основывалась единственно на принудительной эксплоатаціи крѣпостного труда, не могло быть рѣчи о производительномъ употребленіи капитала для полученія на него предпринимательской прибыли.

Экономическія условія русскаго и англійскаго сельскаго хозяйства были настолько несравнимы, что никакое примиреніе между ними, конечно, не было возможно. «Русское хозяйство—говоритъ одинъ изъ современныхъ писателей—несравненно труднѣе и многосложнѣе иностраннаго, въ которомъ все приводится въ движеніе денежнымъ капиталомъ; земля такимъ образомъ оплодотворяется и возвращаетъ своими произведеніями капиталъ съ процентами; въ русскомъ же—денежный капиталъ рѣдко участвуетъ, а главный, необходимый или лучше сказать ***неизбѣжный*** капиталъ есть крѣпостные крестьяне». [3]) «Сущая новость для русскаго сельскаго хозяйства—капиталы, говоритъ другой современный авторъ-хозяинъ: о нихъ и слуха нѣтъ. Да гдѣ же ихъ и отыскать, когда у

[1]) ***Вилькинсъ.*** Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности. М. 1843, стр. 25 и слѣд.

[1]) «Плугъ и соха, писанное степнымъ дворяниномъ. Отцы наши не глупѣй насъ были.» М. 1806. стр. 5.

[2]) См. напр. упомянутаго ***Вилькинса***, Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности, М. 1843, а также Начальныя основанія русскаго сельскаго хозяйства, соотвѣтствующія настоящему положенію недвижимыхъ имѣній. М. 1843. (анон.) и статьи въ журналѣ проф. ***Павлова***, «Русскій земледѣлецъ». Мос. 1838, кн. I.

[3]) «Начальныя основанія русскаго сельскаго хозяйства, соотвѣтствующія настоящему положенію недвижимыхъ имѣній». М. 1837, III.

насъ на улучшеніе хозяйства... никогда на это употребленіе въ наличности денегъ не сберегается»? [1]).

Но даже если эти деньги имѣлись, обстоятельства дѣла не мѣнялись и не улучшались: собственно въ сельское хозяйство эти деньги могли быть вложены въ формѣ лишь одного вида крѣпостного помѣщичьяго «капитала» — крѣпостныхъ крестьянъ, дѣйствительно и причислявшихся крѣпостной бухгалтеріей—съ своей точки зрѣнія весьма послѣдовательно — къ «капиталу орудій» [2]). Этотъ «капиталъ орудій» представлялъ ту особенность, что онъ совершенно не подлежалъ техническому усовершенствованію, прогрессу, не носилъ въ себѣ зачатковъ и возможности поднятія своей производительности и уравнивалъ технику всѣхъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ хозяйствъ, низводя ея къ одному, весьма низкому уровню, не давая съ одной стороны возможности его повышенія, съ другой—ставя для сельскаго хозяйства обязательной и «неизбѣжной» именно эту форму приложенія капитала, эту эксплоатацію крѣпостного труда.

Такимъ образомъ для русскаго сельскаго хозяйства не было и не могло быть прогрессивной и производительной формы приложенія капитала, кромѣ вложенія его только въ этотъ непроизводительный и инертный «капиталъ орудій». А если иногда и открывалась иная возможность, то это неизбѣжно вело къ уклоненію сельскаго хозяйства отъ чистаго земледѣльческаго производства въ сторону его индустріализаціи, т. е. къ переходу къ винокуренному, свеклосахарному и др. производствамъ. Эти отрасли давали, дѣйствительно, возможность болѣе широкаго и производительнаго примѣненія капитала, повышенія производительности труда, увеличенія доходности сельскаго хозяйства—почему и являлись всегда цѣлью практическихъ стремленій прогрессивныхъ богатыхъ помѣщиковъ и предметомъ проповѣди теоретиковъ и сельскохозяйственныхъ писателей.

«Индустріализація земледѣлія», соединеніе промышленности съ земледѣліемъ ради болѣе полнаго использованія труда крѣпостныхъ крестьянъ, другими словами, учрежденіе деревенскихъ крѣпостныхъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ должны въ зимнее, свободное отъ

[1]) «Русскій земледѣлецъ», журналъ, издаваемый проф. *Павловымъ*, к. I, стр. 199.

[2]) «Мысли объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства и улучшеніи быта поселянъ хлѣбопашцевъ». Спб. 1837., стр. 2.

полевыхъ работъ время, работать крѣпостные крестьяне, составляетъ и въ XIX ст. постоянное стремленіе аграріевъ, которое, какъ мы видѣли, и раньше находило себѣ выраженіе въ Екатерининскомъ законодательствѣ о развитіи дворянскаго винокуренія. Русское сельское хозяйство только тогда поднимется на надлежащую высоту, говоритъ одинъ изъ авторовъ, сотрудникъ передового сельскохозяйственнаго журнала, когда «во всякомъ селѣ по крайней мѣрѣ на 6 у насъ зимнихъ мѣсяцевъ заведется фабрика и тѣ же фабриканты будутъ лѣтомъ обращаться въ хлѣбопашцевъ. Земледѣліе и рукодѣлія, одно безъ другого въ совершенствѣ быть не могущія, тогда взаимно поддерживались-бы и возрастали бы, съ ровною въ мѣстахъ отдаленныхъ и близкихъ отъ столицъ удобностію... Бѣдность изчезла бы; всякія ремесла, художества, торговля и все прочее соразмѣрно водворились-бы» [1]). «Что отечество наше бѣдно и что оно должно заниматься только земледѣліемъ — это мнѣніе нелѣпо», говоритъ другой современный авторъ [2]).

Этотъ рай, который обѣщали защитники развитія деревенской промышленности русскому сельскому хозяйству—точнѣе, помѣщичьимъ доходамъ—былъ, однако, для большинства русскихъ помѣщиковъ недоступенъ такъ же, какъ и «аглицкое фармерство» уже по одной той простой причинѣ, что у нихъ не имѣлось достаточнаго капитала для устройства всѣхъ этихъ сельскохозяйственныхъ фабрикъ и заводовъ. Да къ тому же и производительность принудительнаго крѣпостного труда на этихъ фабрикахъ значительно отставала отъ свободнаго наемнаго труда на непомѣщичьихъ фабрикахъ. Наконецъ, сила общественнаго сопротивленія нашей нарождавшейся промышленной буржуазіи была въ то время уже настолько значительна, что введеніе промышленныхъ системъ въ русское сель-

[1]) «Мысли о возможности улучшенія сельскаго хозяйства въ Россіи, основанныя на природѣ человѣческой и на древнихъ Россійскихъ обычаяхъ». Земледѣл. журналъ, 1829, XXV.

[2]) *Щеглова*. О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности. Спб. 1829, стр. 8. См. также «Отвѣтъ русскаго гражданина на вопросъ: полезно ли заводить въ Россіи и распространять мануфактуры или лучше предоставить пространному сему государству обогащать себя земледѣліемъ, то-есть первыми произведеніями земли, хлѣбомъ, пенькою, льномъ и прочее. М. 1815. а также противоположное по взглядамъ «Сравненіе поселянина о пользѣ фабрикъ и заводовъ съ пользою земледѣлія въ Россіи. Спб. 1816. Срав. также *Швиткова*, О двухъ главныхъ способахъ и пр. Тр. В. Э. О г. LXII, стр. 145.

ское хозяйство, его индустріализація для большинства русскихъ помѣщичьихъ хозяйствъ остались лишь предметомъ мечтаній.

Поэтому, какъ интенсификація и агрономическая раціонализація системъ полеводства, на манеръ западноевропейскихъ образцовъ, введеніемъ плодосмѣнной системы; какъ общіе организаціонные планы хозяйства по образцу англійскаго фермерства, такъ и соединеніе земледѣлія съ индустріей для русскаго сельскаго хозяйства оказались непримѣнимыми. Приходилось изыскивать иныя средства и иныя формы, наиболѣе подходящія для правильной постановки и развитія русскаго сельскаго хозяйства.

И вотъ, помимо тѣхъ, «истинно-русскихъ» мнѣній, которыя, смѣшивая слѣдствіе съ причиной, видѣли источникъ всѣхъ бѣдствій сельскаго хозяйства въ расшатываніи основъ «оригинальнаго явленія русскаго быта, не имѣющаго ничего общаго съ подобными же явленіями Зап. Европы»—крѣпостного права [1]) — для всѣхъ русскихъ сельскихъ хозяевъ стоялъ неразрѣшимый вопросъ: какимъ образомъ, сохраняя status quo крѣпостного хозяйства, крѣпостной трудъ, организовать его такъ, повысить его производительность настолько, чтобы веденіе сельскаго хозяйства было бы дѣйствительно выгоднымъ и экономически раціональнымъ? Къ этому и сводились всѣ многочисленные споры и проекты организаціи крѣпостного труда путемъ барщины, оброка, мѣсячины и разныхъ другихъ «совершенно новыхъ» способовъ, въ выискиваніи которыхъ русскіе крѣпостные помѣщики проявили, нужно признаться, большую изобрѣтательность. Всѣ они, за немногими случаями примѣненія вольнонаемнаго труда, исходили, какъ изъ даннаго—изъ крѣпостного труда и пытались лишь такъ или иначе его организовать, чтобы повысить производительность его. Въ этомъ отношеніи всѣ они были почти одинаково невыгодны, и уже въ исходномъ своемъ пунктѣ обрекали себя на безрезультатность.

Два наиболѣе крупныхъ противоположныхъ вида организаціи крѣпостного труда представляли, конечно, оброкъ и барщина. Разсмотрѣніе выгодности той и другой системы является, пожалуй, наиболѣе частой темой крѣпостной сельскохозяйственной литературы.

Низкая производительность барщиннаго труда и невозможность его повышенія вызывала сильное осужденіе этой системы со

[1]) См. напр. *Бланкъ*, «Русскій помѣщичій крестьянинъ» Тр. В. Э. О., 1856 г.

стороны многихъ хозяевъ. «Барщина, говоритъ извѣстный въ крѣпостной литературѣ и публицистикѣ пензенскій помѣщикъ, отнимающая возможность у бѣднаго выйти изъ бѣдности, у зажиточнаго разбогатѣть; у человѣка, одареннаго какимъ-нибудь особеннымъ талантомъ, развивать талантъ этотъ; у промышленника заниматься своимъ промысломъ, дѣйствуетъ на всѣхъ крестьянъ подобно медленному яду, убивающему тѣло и душу» [1]). Оброчная система, какъ опредѣлявшая заранѣе долю прибавочнаго труда, присвояемаго въ той или другой формѣ помѣщикомъ, и затѣмъ предоставлявшая полную свободу предпринимательской хозяйственной дѣятельности самого крестьянина, должна была давать наиболѣе производительный трудъ. «Трудъ оброчнаго крестьянина, предоставленный собственному его произволу, не можетъ быть употребляемъ вопреки умственныхъ способностей и тѣлесныхъ силъ работника... При произвольномъ трудѣ всякому воздается по дѣламъ его, и трудолюбіе... поведетъ самымъ ближайшимъ путемъ къ совершенству», говоритъ другой современный опытный и до нѣкоторой степени передовой хозяинъ практикъ [2]). Оброкъ, по его мнѣнію, «устраняетъ безпечность, лѣнь, даетъ возможность развитія индивидуальныхъ силъ».

Но что и эта оброчная система не удовлетворяла многихъ, видно изъ того что тотъ же авторъ, защитникъ оброчной системы, считалъ нужнымъ завести въ своемъ хозяйствѣ «совершенно новый образъ» организаціи труда и взиманія повинностей. Этотъ способъ былъ едва-ли такъ новъ, какъ казался самому изобрѣтателю его, и представлялъ въ сущности принудительную натуральную аренду помѣщичьей земли: всѣ дворовые и крестьяне въ качествѣ «оброчныхъ работниковъ» переводились съ барщины на оброкъ и принуждались этотъ оброкъ отрабатывать на помѣщичьей землѣ по опредѣленнымъ расцѣнкамъ, съ уплатой этого оброка хлѣбомъ натурою. Авторъ этимъ способомъ пытался добиться устраненія главнаго, по его же словамъ, недостатка оброка—неисполненія оброчныхъ повинностей крестьянами и возрастанія недоимокъ.

Но въ сущности это возрастаніе недоимокъ при оброкѣ и свидѣтельствовало о той чрезвычайно низкой производительности труда

[1]) «Журналъ Землевладѣльцевъ», 1858, I, «Письмо пензенскаго помѣщика».

[2]) *Поздюнинъ*. Объ оброчныхъ работникахъ или совершенно новомъ образѣ взиманія помѣщичьихъ повинностей. М. 1845, стр. 5.

въ крѣпостномъ хозяйствѣ, которая сохранялась и при оброчной, такъ же какъ и при барщинной организаціи труда. Несмотря на кажущуюся при оброкѣ возможность для крестьянскаго хозяйства поднятія своихъ производительныхъ силъ, очевидно, вся общественно-экономическая атмосфера, въ которой приходилось жить крѣпостному крестьянину, не могла создать условій, благопріятныхъ такому повышенію производительности.

Вотъ какъ напр. не безъ иронiи описываетъ одинъ изъ противниковъ оброчной системы то положеніе, въ которое попадало помѣщичье имѣніе при оброчной организаціи труда, вслѣдствіе полной несостоятельности его въ смыслѣ производительности. «Управляющій почтительнѣйше доноситъ, что въ имѣніи все состоитъ благополучно, только по неурожаю хлѣба или по дешевизнѣ того же хлѣба крестьяне не могутъ выполнить всего оброка; но онъ усердно будетъ стараться, чтобы недоимки было какъ можно меньше... Проходитъ годъ, недоимки остается болѣе, чѣмъ мы думали, надѣясь на усердіе управляющаго; а между тѣмъ, еще усерднѣе веселясь, надобно прибѣгнуть къ доброжелательнымъ людямъ—призанять денегъ. Весьма разсчетливъ тотъ, кто займетъ сумму поменьше его деревенской недоимки; но обыкновенно порядочные люди о недоимкахъ не думаютъ, озабоченные искусствомъ хорошо жить. Въ теченіе другого года управляющій преночтительнѣйше доноситъ, что въ имѣніи все обстоитъ благополучно, только у нѣкоторыхъ крестьянъ скотъ поколѣлъ отъ заразы; у другихъ, болѣе ознакомясь съ имѣніемъ, замѣтилъ онъ наклонность къ пьянству, мотовству, лѣности, безпечности; иные, имѣя хорошее состояніе, уклоняются отъ платежа оброка и подговариваютъ къ тому бѣднѣйшихъ, дабы помѣщикъ, видя ихъ всеобщую несостоятельность, уменьшилъ оброкъ, простилъ недоимку. Впрочемъ, обстоятельства нынѣ такъ тяжки, сельскія произведенія такъ дешевы, добавляетъ управляющій, что я удивляюсь, какъ крестьяне ваши изворачиваются и уплачиваютъ оброкъ» [1]).

Ничего удивительнаго, впрочемъ, въ такихъ послѣдствіяхъ оброчной системы не было, такъ какъ оброкъ опредѣлялся въ сущности совершеннымъ и безграничнымъ произволомъ помѣщика. Онъ не опредѣлялся какой либо нормой, для всѣхъ одинаковой, а

[1]) ***Жуковъ.*** Руководство отчетливо успѣшно и выгодно заниматься русскимъ сельскимъ хозяйствомъ. М. 1848, стр. 139.

большею частью соотвѣтствовалъ самому благосостоянію крестьянскаго оброчнаго двора: съ помощью оброка помѣщикъ стремился всегда присвоить наибольшую, возможную при данныхъ условіяхъ прибавочную стоимость, отнять отъ крестьянскаго хозяйства весь тотъ избытокъ продукта, который превышалъ Existenz—minimum его крестьянъ. При оброкѣ произволъ помѣщика подлежалъ даже еще меньшему общественному или правительственному контролю, чѣмъ при барщинѣ, и тяжесть оброковъ была для крестьянъ не меньше тяжести исполненія барщины [1]). Барщина была по крайней мѣрѣ опредѣленна и хотя для помѣщичьяго хозяйства была также крайне непроизводительна, но давала возможность крестьянину повысить производительность труда на другой половинѣ полей—въ собственномъ своемъ хозяйствѣ. Впрочемъ, для помѣщичьяго хозяйства, помимо низкой производительности барщиннаго труда, веденіе барщиннаго хозяйства затруднялось, вслѣдствіе недостатка у помѣщиковъ капитала, необходимаго для такой барщинной организаціи и для веденія самостоятельнаго хозяйства. Всѣ орудія производства, скотъ, часто и помѣщенія—весь этотъ капиталъ принадлежалъ большею частью крестьянамъ, и недостатокъ его часто указывался, какъ главная причина невозможности веденія барщиннаго хозяйства [2]).

Все это и заставляло помѣщиковъ выискивать такіе способы организаціи крѣпостного труда, основывающіеся большею частью

[1]) Изъ многочисленныхъ примѣровъ тяжести оброковъ можно привести напр. промысловое имѣніе Шереметьевыхъ (Нижегородской губ.), гдѣ нѣкоторые крестьяне платили оброку до 1.500 руб. въ годъ. Въ другихъ имѣніяхъ той же губерніи въ видѣ оброка взималось напр. всего по 80 руб. Въ нѣкоторыхъ селахъ 36 душъ составляли 28 тяголъ, т. е. менѣе 2 душъ на тягло. Дѣйствія Нижегородской Ученой Архив. Ком., т. III. Ниж. Н., 1898, ст. ***Снѣжневскаго,*** «Крѣпостные крестьяне Нижегородской губ. наканунѣ реформы 19 февраля». См. также ***Семевскій,*** Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II, т. I, СПБ., 1903, стр. 51—58.

[2]) ***Шишковъ,*** «Оброкъ и барщина» въ Зап. Лебедянскаго Общ. сел. хоз., 1857 г., ч. I, стр. 246. Другой авторъ, порицая неумѣренныя запашки помѣщиковъ, ведущія къ перепроизводству и пониженію цѣнъ, говоритъ: «Тамъ только выгодно имѣть крестьянъ на издѣльи, гдѣ запашка доведена до урожая въ 9 разъ противъ посѣва или болѣе... Но едва ли сыщутся имѣнія, гдѣ бы для запашки въ такомъ видѣ можно было взять всѣхъ крестьянъ на барщину... Ибо на таковое количество барщинниковъ нужно имѣть много скота, а на это обыкновенно не достаетъ сѣна, да вѣроятно и соломы». Земледѣл. Журналъ, 1843 г. кн. III.

на сочетаніи оброка и барщины, которые хоть отчасти могли устранить или смягчить недостатки того и другого. Наиболѣе распространеннымъ видомъ организаціи труда является именно простое сочетаніе оброка и барщины. Сюда же относится и упомянутый выше «способъ оброчныхъ работниковъ», какъ принудительной натуральной аренды [1]); и «общественныя или соединенныя хозяйства», пропагандируемыя нѣкоторыми авторами и представляющія родъ «товарищества» помѣщика съ крестьянами на основахъ испольной обработки земли и дѣлежа урожая [2]). Тоже самое поднятіе производительности труда преслѣдуетъ образованіе «сводныхъ семей» и «осмачныхъ хозяйствъ», какъ наиболѣе крупныхъ и болѣе производительныхъ хозяйственныхъ единицъ [3]) и многіе другіе виды организаціи крѣпостного хозяйства.

Удовлетворяли-ли эти различные способы или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ поставленной имъ цѣли—достиженія большей производительности крѣпостного труда?

Безусловно нѣтъ: производительность крѣпостного труда, по общему отзыву всѣхъ современныхъ писателей и хозяевъ была чрезвычайно низка и почти совершенно не прогрессировала. Поэтому при общемъ развитіи жизни, развитіи денежнаго хозяйства, при такой непрогрессирующей производительности народнаго труда ростъ потребностей какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства могъ удовлетворяться лишь съ помощью простого экстенсивнаго распространенія земледѣльческой культуры: усиленія эксплоатаціи крѣпостного труда, расширенія запашекъ и т. п. Такое расширеніе культуры вело къ абсолютному количественному увеличенію валового продукта народнаго хозяйства и къ относительному увеличенію въ немъ доли прибавочнаго продукта, получаемаго помѣщикомъ.

Но это количественное увеличеніе земледѣльческаго производства при необходимости реализаціи земледѣльческихъ продуктовъ на рынкѣ должно было привести земледѣльческое хозяйство къ усложненію его отношеній къ рынку и къ столкновенію интересовъ

[1]) *Поздюнинъ*. Объ оброчныхъ работникахъ и пр., стр. 7.

[2]) *Стремоуховъ*. «Описаніе хозяйственнаго распорядка, основаннаго на общественномъ или соединенномъ хозяйствѣ» Земледѣльч. Журн. 1829, XXV.

[3]) *Вилькинсъ*. Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности. М. 1848, стр. 178.

его съ этимъ рынкомъ, къ товарному перепроизводству. То однообразіе зерновой культуры, къ которой по необходимости пришло большинство помѣщичьихъ хозяйствъ, по крайней мѣрѣ въ центральныхъ и восточныхъ раіонахъ, особенно усилило это неблагопріятное отношеніе производства къ рынку, привело къ помѣщичьему «перепроизводству» и въ формѣ настоящаго, хотя и своеобразнаго кризиса, завело крѣпостное сельское хозяйство въ тотъ тупикъ, изъ котораго вывести его могла только полная ликвидація всего стараго крѣпостного хозяйственнаго строя [1]).

[1]) По вопросу объ условіяхъ, невыгодахъ или преимуществахъ крѣпостного труда, о его низкой производительности сравнительно со свободнымъ, о трудностяхъ примѣненія этого послѣдняго въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, передъ освобожденіемъ возникла обширная литература; цѣлые журналы создавались почти исключительно съ цѣлью разработки этого вопроса о крѣпостномъ и свободномъ трудѣ; возбужденіе общественнаго и литературнаго интереса было вообще громадно. См. напр. многочисленныя статьи въ журналахъ «Библіотекѣ для чтенія», «Журналѣ землевладѣльцевъ», «Атенеѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Сельскомъ Благоустройствѣ» за 1858—1860 гг. См. также Архивъ Истор. и практич. свѣдѣній, кн. I, 1859 г.

ГЛАВА V.

Итоги крѣпостного земледѣльческаго хозяйства.

Размѣры помѣщичьяго производства наканунѣ освобожденія крестьянъ.—Недостаточность рынка и помѣщичье перепроизводство.—Паденіе и неустойчивость цѣнъ.—Условія преобладанія на рынкѣ помѣщичьяго производства.—Крѣпостной трудъ, какъ орудіе сношеній съ рынкомъ.

Посмотримъ теперь ближе на тѣ фактическія отношенія, которыя создались для русскаго земледѣльческаго хозяйства при отмѣченныхъ—съ одной стороны расширеніи и ростѣ внутренняго рынка, съ другой стороны—стремленіи къ количественному увеличенію производства при низкой и не повышающейся производительности труда.

Конечно, данныя дореформенной статистики оказываются очень мало точными даже для установленія однихъ только размѣровъ земледѣльческаго производства и внутренняго потребленія; поэтому принимать эти данныя необходимо съ большими оговорками относительно приблизительной ихъ точности. По частнымъ подсчетамъ нашихъ лучшихъ дореформенныхъ статистиковъ общіе размѣры производства хлѣба, потребленія его и размѣровъ внѣшняго рынка опредѣляются слѣдующими цифрами.

Тенгоборскій, опредѣляя сельское населеніе въ 48 милл. душъ и полагая на продовольствіе его по 3 четв. на душу (включая сюда количество, необходимое для скота), весь расходъ зерна опредѣляетъ на потребленіе сельскаго населенія 144 милл. четв., на посѣвъ 60 милл. четв., винокуреніе 5 милл. четв., на городское и фабричное населеніе и войско 28½ милл. четв.; принимая средній урожай въ 250 милл. четв., остатокъ по вывозу опредѣлится въ 12½ милл.

четв., изъ которыхъ вывозится, однако, въ дѣйствительности не болѣе 2—2½ милл. четв. [1]).

Протопоповъ по даннымъ, относящимся къ концу 30-хъ годовъ, опредѣляя размѣры потребительнаго спроса (считая по 3 четв. хлѣба на душу), принимаетъ расходъ на продовольствіе населенія въ 55 милл. душъ, а также на кормъ скота, въ 165 милл. четв., расходъ на винокуреніе въ 10 милл. четв., на посѣвъ 60 милл. четв. Такъ какъ средній вывозъ колеблется около 2½ милл. четв. въ годъ, то отсюда весь внутренній и внѣшній спросъ можно опредѣлить въ 237½ милл. четв., тогда какъ урожай за послѣдніе годы даетъ въ среднемъ около 250 милл. четв. Слѣдовательно, въ производствѣ оказывается избытокъ противъ спроса въ 12½ милл. четв. Однако, изъ указанныхъ количествъ далеко не весь хлѣбъ служитъ предметомъ торговаго оборота. Опредѣляя его размѣры, или, какъ выражается авторъ, «мѣру торговаго хлѣба», онъ принимаетъ, что изъ 60 милл. четв. посѣвныхъ сѣмянъ покупныхъ употребляется 5 милл. четв.; изъ 165 милл. четв. на потребленіе городовъ, войска и т. п. внѣземледѣльческаго населенія, удовлетворяющагося преимущественно покупнымъ хлѣбомъ, приходится до 42 милл. четв. Если считать, что весь хлѣбъ, идущій на винокуреніе, есть покупной хлѣбъ, то все же обороты хлѣбной торговли, и внутренней, и внѣшней не превосходятъ 59½ милл. четв., изъ которыхъ на долю внѣшняго вывоза приходится не болѣе 2½ милл. четв. Сверхъ этихъ количествъ до 12½ милл. четв. остаются въ хозяйствѣ безъ какого бы то ни было производительнаго употребленія [2]).

Семеновъ по даннымъ 50-хъ годовъ опредѣляетъ населеніе городовъ и мѣстечекъ въ 5 милл. душъ и, кромѣ того, крестьянъ, занимающихся промыслами и на фабрикахъ, 2 милл. душъ; считая по 2½ четв. на душу, на ихъ продовольствіе потребуется 17½ милл. четв.; спросъ войска, дворовыхъ, а также сѣверныхъ неплодородныхъ мѣстностей, не довольствующихся своимъ хлѣбомъ, опредѣляется въ 14 милл. четв.; расходы на винокуреніе 8 милл. четв. Слѣдовательно, весь внутренній спросъ на зерно, т. е. размѣры торговаго обмѣна хлѣбомъ внутри страны, приближаются къ

[1]) *Тенгоборскій.* О производительныхъ силахъ Россіи, М. 1857, I, стр. 85.

[2]) *Протопоповъ*, «О хлѣбной торговлѣ въ Россіи». Журн. Министерства госуд. имущ., 1842 г., V, стр. 85.

40 милл. четв., тогда какъ внѣшній спросъ, т. е. вывозъ хлѣба заграницу, колеблется всего около 4—5 милл. четв., т. е. въ 8 разъ меньше оборотовъ внутренней хлѣбной торговли [1]).

Наконецъ, по даннымъ Министерства государственныхъ имуществъ въ «Объясненіяхъ къ сельскохозяйственному статистическому атласу» средній урожай исчисляется также въ 250 милл. четвертей, размѣры же потребительнаго спроса въ 50-хъ годахъ опредѣляются: на продовольствіе населенія, считая по 3 четв. на душу, сельскаго 131,3 милл. четв., городского 13,6 милл. четв., войска 4 милл. четв.; на винокуреніе 10 милл. четв. и на обсѣмененіе 60 милл. четв., всего, слѣдовательно, до 218,9 милл. четв., такъ что годовой остатокъ отъ производства, могущій идти на вывозъ, достигаетъ 31,1 милл. четв., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности годовой вывозъ всѣхъ хлѣбовъ въ серединѣ 50-хъ годовъ рѣдко превышаетъ 5—5½ милл. четв. [2]).

Такимъ образомъ, какими бы неточными ни считать приведенныя приблизительныя оцѣнки, въ общихъ выводахъ онѣ сходятся на одномъ безусловномъ заключеніи: что производство хлѣба обогнало рынокъ. Притомъ, хотя внутренній рынокъ и принималъ несравненно большую долю участія въ оборотахъ хлѣбной торговли, однако избытки производства начинаютъ искать себѣ сбыта во-внѣ, развивая постепенно внѣшній рынокъ; но и тотъ, и другой отставали отъ роста производства. По исчисленіямъ Протопопова изъ 59½ милл. четв. оборотовъ хлѣбной торговли на внѣшній вывозъ приходилось лишь 2½ милл. четв., оставалось же хлѣбныхъ избытковъ безъ всякаго производительнаго потребленія и безъ сбыта—12½ милл. четв.; другими словами, въ хлѣботорговый оборотъ было вовлечено около 1/4 всего производимаго хлѣба и только 1/20 его вывозилась за-границу. По даннымъ Семенова и Министерства государственныхъ имуществъ хлѣботорговый оборотъ обнимаетъ также около 1/4 производства; вывозится заграницу уже около 1/8 всего хлѣба, вступающаго въ торговый оборотъ, избытковъ же хлѣба остается до 25 милл. четв.

---

[1]) *Семеновъ.* Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г. Спб., 1859, ч. III, стр. 300.

[2]) Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи, департамента сельскаго хозяйства Мин. Госуд. Имущ. Изд. I, Спб., 1851 г.

Какъ ни грубы эти подсчеты, вслѣдствіе своей приблизительности, какъ ни разнорѣчивы, вслѣдствіе неодинаковыхъ пріемовъ исчисленія, — громадные остатки непроизводительно оставляемаго гнить хлѣба несомнѣнны. Отсюда большинство современныхъ писателей и выводило заключеніе о «перепроизводствѣ» хлѣба. Мы увидимъ, въ какомъ смыслѣ необходимо понимать это заключеніе. Но какъ бы то ни было, потери отъ недостатка сбыта дѣйствительно были велики.

Если взять даже низшую въ то время цѣну на хлѣбъ въ производительныхъ раіонахъ, около 3 рублей четверть, то потери помѣщичьяго сельскаго хозяйства отъ недостатка сбыта выразятся крупными цифрами 40—80 милл. рублей въ годъ. Конечно, эти остатки отъ годового производства являлись необходимыми запасами на покрытіе нуждъ потребленія въ неурожайные годы, которые въ то время часто поражали значительные раіоны: по исчисленіямъ упомянутыхъ статистиковъ на 9 урожайныхъ приходилось въ началѣ XIX в. одинъ полный неурожайный годъ и, кромѣ того, два раза въ 10 лѣтъ постигалъ отдѣльныя мѣстности частичный недородъ. Но при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и условіяхъ сбыта даже такіе большіе, скоплявшіеся отъ прежнихъ лѣтъ запасы хлѣба рѣдко могли принести дѣйствительную пользу для народнаго продовольствія, вслѣдствіе того, что избытки хлѣба изъ одного урожайнаго раіона съ крайнимъ трудомъ могли быть перемѣщаемы въ постигнутыя голодомъ губерніи. Явленіе, что въ одной губерніи громадныя массы помѣщичьихъ запасовъ гнили отъ недостатка сбыта, въ другой—населеніе гибло отъ голода—было весьма обычнымъ.

Такимъ образомъ, обращеніе помѣщичьяго класса къ земледѣльческому предпринимательству и расширеніе зерновой культуры привело скоро и къ помѣщичьему перепроизводству, къ земледѣльческому зерновому кризису. Вліяніе его начало сказываться уже съ первой же четверти XIX столѣтія: послѣ высокихъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты и хлѣбъ въ предшествовавшія десятилѣтія, къ этому времени произошло паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. Русское сельское хозяйство начало переживать первый кризисъ, основывавшійся на перепроизводствѣ и относительномъ сокращеніи сбыта и имѣвшій, слѣдовательно, товарно-капиталистическій характеръ.

Сравнительно немного лѣтъ прошло со времени жалобъ князя Щербатова на дороговизну хлѣба и на повышеніе цѣнъ, какъ въ

литературѣ и въ средѣ сельскихъ хозяевъ стали раздаваться жалобы на противоположное явленіе—на паденіе цѣнъ на хлѣбъ, дѣлавшее убыточнымъ веденіе хозяйства, въ особенности въ мѣстностяхъ съ избыточнымъ производствомъ. Переломъ произошелъ довольно рѣзко въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка.

Еще въ 1804 году Вольное Экономическое Общество задаетъ задачу на премію: «открыть и ясными примѣрами утвердить причину возрастающей время отъ времени въ городахъ и селеніяхъ дороговизны на съѣстные припасы, исключая чужеземныя произведенія, и изыскать ближайшее средство, отчего могутъ цѣны на тѣ же припасы постепенно уменьшаться». И въ премированномъ отвѣтѣ на эту задачу, представленномъ Швитковымъ, звучатъ тѣ же мотивы и тѣ же сѣтованія, какіе слышны у Щербатова: «крестьянинъ, уволенный отъ сохи и по паспорту на сторонѣ промышляющій себѣ содержаніе и помѣщику своему или въ казну подать, дѣлаетъ сугубую обществу тягость: 1) тѣмъ, что не дѣлаетъ самой природной своей повинности хлѣбопашествомъ, 2) тѣмъ, что на сторонѣ ѣстъ хлѣбъ, въ которомъ нужда нехлѣбопашцу». Обладая упрощенными воззрѣніями на экономическія причины развитія внѣземледѣльческаго населенія и происходящей отъ этого дороговизны хлѣба, авторъ для предотвращенія ея не находитъ ничего лучшаго, какъ рекомендовать «торговыхъ людей въ городахъ убавить» [1]).

Но уже въ 1826 году, т. е. всего черезъ 22 года послѣ такого рѣшенія вопроса въ первомъ русскомъ экономическомъ обществѣ, другое русское ученое учрежденіе, Академія наукъ, предлагаетъ противоположную по содержанію задачу: «Извѣстно, что ходячая цѣна земледѣльческихъ произведеній Россіи, постоянно возвышавшаяся съ половины XVII столѣтія, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ понизилась. Опредѣлить въ точности время, съ котораго началось сіе измѣненіе въ цѣнахъ каждаго изъ важнѣйшихъ произведеній, объяснивъ притомъ, какія причины сего явленія; въ какой мѣрѣ понижалась цѣна означенныхъ произведеній, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ; вѣроятно ли, что пониженіе сіе будетъ продолжительно и наконецъ, какое вознагражденіе ущерба, причиненнаго онымъ народному доходу, можетъ Россія обрѣсти въ произведеніяхъ земли и въ промышленности своей»?

1) Труды В. Э. О., ч. LVII. отвѣтъ М. Швиткова, подъ девизомъ «Общественная польза частной предпочитается».

Авторъ удостоеннаго награды отвѣта на заданную тему, А. Фоминъ [1]) находитъ, что пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты, начавшееся съ 1820 года, является слѣдствіемъ, помимо политическихъ условій, главнымъ образомъ, сокращенія внѣшняго спроса, который палъ настолько сильно, что еще въ 1817 году хлѣба было вывезено изъ Россіи на 145.200 тыс. руб., а въ 1824 г. всего на 12.000 тыс. руб. Но, конечно, развитіе одного внѣшняго рынка, сравнительно незначительнаго, не могло бы поглощать всѣ громадные хлѣбные избытки. Поэтому авторъ останавливается болѣе подробно также и на возможности развитія внутренняго рынка, но въ этомъ отношеніи приходитъ къ отрицательнымъ выводамъ. «Переходъ большого числа лицъ, говоритъ авторъ, изъ состоянія земледѣльцевъ въ состояніе ремесленниковъ и торговцевъ могъ бы усилить народонаселеніе городовъ и черезъ умноженіе средняго состоянія доставлять сбытъ земледѣльческимъ произведеніямъ; но города въ Россіи находятся или въ неподвижномъ состояніи или въ упадающемъ; число купцовъ и купеческіе капиталы уменьшаются, число мѣщанъ также».

Всѣ мѣры къ развитію промышленности, по мнѣнію автора, не будутъ имѣть значенія, такъ какъ двѣ трети земледѣльческаго населенія, «находясь подъ властью помѣщиковъ, не имѣютъ свободы въ снисканіи себѣ занятій и промышленности... При крѣпостномъ состояніи крестьянъ помѣщикъ назначаетъ тѣ занятія, въ которыхъ взиманіе съ работника дохода вѣрнѣе, несмотря на потерю, для работающаго происходящую... Время, проводимое крестьянами на барскихъ работахъ, конечно, они употребили бы полезнѣе на собственной работѣ, но производимыя на барщинѣ цѣнности уже есть доходъ помѣщика, матеріально взимаемый; съ крестьянъ на оброкѣ доходъ получается не столь вѣрно и часть его всегда теряется въ недоимкахъ». Авторъ даже рѣшается усумниться, основательны ли дѣйствительно жалобы на паденіе цѣнъ на земледѣльческія произведенія, когда для многочисленнаго класса жителей они дороги, и не представляетъ ли суть земледѣльческаго кризиса не что иное, какъ послѣдствіе неправильныхъ крѣпостныхъ хозяйственныхъ отношеній; и, склоняясь къ послѣднему мнѣнію,

1) «О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія въ Россіи», сочиненіе *А. Фомина,* въ отвѣтъ на опубликованную Императ. Академію наукъ 29 декабря 1826 года задачу по политической экономіи. Спб., 1829.

полагаетъ, что «нельзя ожидать возвышенія цѣнъ на земледѣльческія произведенія ни отъ усиленія внѣшняго сбыта, которому будутъ препятствовать таможенныя постановленія нуждающихся націй, ниже отъ распространенія внутренняго потребленія: слѣдовательно, цѣны будутъ низкими, доколѣ настоящее положеніе вещей и дѣйствующія причины, внѣшнія и внутреннія, будутъ продолжаться» [1]).

Въ тридцатыхъ годахъ споры о значеніи хлѣбныхъ цѣнъ для русскаго сельскаго хозяйства и жалобы на невыгодность существующихъ цѣнъ начинаютъ особенно сильно занимать русскую экономическую литературу. О нихъ пишутъ и помѣщики, и экономисты, и литераторы, и агрономы. Конечно, представителями противоположныхъ классовыхъ интересовъ, потребителями и землевладѣльцами, эти вопросы рѣшаются самымъ противоположнымъ образомъ.

Въ то время, когда Фоминъ въ своемъ цитированномъ отвѣтѣ сомнѣвался, нужно ли желать, съ точки зрѣнія интересовъ потребителей хлѣба, возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, защитникъ интересовъ землевладѣльцевъ, поставщиковъ хлѣба на рынокъ, графъ Румянцевъ говорилъ, что «Россія будетъ богата, когда четверть хлѣба возвысится въ цѣнѣ до 25 рублей». А ученый комментаторъ настольной книги ученыхъ русскихъ агрономовъ, сочиненія Тэера, Н. Муравьевъ видѣлъ причину современнаго кризиса и причину паденія цѣнъ прямо въ усиленныхъ помѣщичьихъ запашкахъ, т. е. въ перепроизводствѣ [2]).

Однако, если внимательнѣе посмотрѣть на ходъ хлѣбныхъ цѣнъ за цѣлый рядъ лѣтъ начала XIX столѣтія, то окажется, что онъ обнаруживаетъ не столько общую тенденцію къ пониженію, сколько лишь крайнюю неравномѣрность и неустойчивость. При томъ, эта неустойчивость сказывается особенно рѣзко именно въ раіонахъ производительныхъ, имѣющихъ избытки хлѣба; въ раіонахъ же съ недостаткомъ хлѣба для собственнаго продовольствія цѣны гораздо болѣе устойчивы. Кромѣ того, изъ производительныхъ раіоновъ неустойчивость цѣнъ наиболѣе велика именно въ тѣхъ старыхъ «житницахъ»,—въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ,

1) L. c., стр. 21.

2) *Тэеръ,* Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства, предисловіе Муравьева, стр. 13. См. также *Сабуровъ,* «Записки пензенскаго помѣщика о теоріи и практикѣ сел. хоз.». Отеч. Зап. 1842—1843 гг., т. 21—26.

которыя обладали болѣе интенсивной культурой и были болѣе отдалены отъ портовыхъ и внѣшнихъ рынковъ.

Какъ сильно увеличивалась амплитуда колебаній цѣнъ по мѣрѣ отдаленія отъ потребительныхъ раіоновъ и приближенія къ производящему пентру, показываютъ слѣдующія цифры.

Во второй половинѣ 30-годовъ высшія и низшія цѣны хлѣба за четверть и ихъ отношенія были [1]):

	Низшая.		Высшая.		Отношеніе между нимп.
	Р.	К.	Р.	К.	
С.-Петербургъ. . .	14	22	32	79	10 : 22
Новгородъ	12	31	32	—	10 : 23
Ярославль.	9	26	26	28	10 : 26
Владиміръ.	7	96	30	10	10 : 38
Москва.	8	36	35	—	10 : 42
Симбирскъ	4	50	21	50	10 : 48
Пенза	3	88	21	98	10 : 57
Рязань.	5	20	33	-	10 : 65
Тамбовъ	4	—	26	98	10 : 67
Саратовъ	3	20	21	45	10 : 67
Курскъ	3	75	30	92	10 : 82
Тула.	5	—	50	—	10 : 100
Ставрополь	5	05	61	—	10 : 111

Эти цифры показываютъ, что колебанія хлѣбныхъ цѣнъ доходили временами до громадныхъ размѣровъ: случится въ той или другой мѣстности неурожай—цѣны поднимаются до неимовѣрной высоты; придетъ урожайный годъ—хлѣбъ ничего не стоитъ и его некуда дѣвать. Конечно, слишкомъ крупныя колебанія, какъ напр., въ Тульской губ. въ 1833 году, явленія болѣе или менѣе случайныя; но дѣло въ томъ, что вообще урожаи были тогда крайне непостоянны, и между періодами дороговизны и дешевизны хлѣба часто не бывало никакого промежутка. Такъ, напр., въ Витебской губ. полные неурожаи съ 1814 года держались 12 лѣтъ сряду; съ 1828 года наступилъ рядъ очень урожайныхъ годовъ, а съ 1847 года три года были полные неурожаи. Въ Пензенской губ. съ 1831 года полные неурожаи были въ теченіе 4 лѣтъ. Въ періодъ 1830—1845 г. 8 лѣтъ были съ плохимъ урожаемъ для всей Россіи и только въ четыре года (1833—1834 и 1839—1840)

1) *Протопоповъ.* «О хлѣбной торговлѣ въ Россіи». Журн. Мин. гос. им. 1842 г., ч. V, стр. 85 и сл.

правительству пришлось затратить на народное продовольствіе болѣе 75,5 милл. руб., которые, однако, не спасали населеніе отъ голодной смерти. А рядомъ съ этимъ въ Могилевской губ. въ 1846 году «хлѣба никто не спрашиваетъ и цѣнъ на него нѣтъ»; въ 1843 году, когда въ Смоленской губ. былъ полный неурожай, въ сосѣдней Бѣлоруссіи «неслыханно дешевыя цѣны и хлѣбъ никѣмъ не спрашивался»; въ Малороссіи въ 1843 году цѣны на четверть ржаной муки упали до 90 коп. ассигн.: въ Пензенской губерніи въ 1832 году цѣны стояли такъ низко, что, по увѣреніямъ хозяевъ, были рѣшительно въ убытокъ; въ 1833 г. рѣзко поднялась до неимовѣрно высокаго уровня [1]).

Понятно, что подобная неустойчивость цѣнъ являлась крайнимъ препятствіемъ для прогресса и для доходности земледѣльческаго хозяйства вообще, и въ особенности помѣщичьяго, зависящаго отъ рынка: «хозяинъ, продавши два года сряду хлѣбъ по 15—20 руб., видитъ затрудненіе, когда наступаетъ годъ съ 5—6 рублями» [2]).

Это непостоянство цѣнъ при часто повторявшихся крайнихъ недостачахъ хлѣба для внутренняго потребленія, казалось сельскимъ хозяевамъ столь нелѣпымъ и непонятнымъ, что они часто не могли объяснять его иначе, какъ искусственнымъ пониженіемъ ихъ врагами—хлѣботорговцами. «У насъ нѣтъ постоянной цѣны на хлѣбъ, жалуется одинъ авторъ: онъ или чрезвычайно дешевъ, или непомѣрно дорогъ. Не излишество хлѣба, но... неразсчетливость нашихъ производителей сельской промышленности, причиною дешевизны хлѣба и затруднительнаго бѣднаго положенья крестьянъ. Хлѣбные торговцы, сіи немногія лица, обогащаются на счетъ земледѣльцевъ, сихъ орудій государственнаго благосостоянія!» [3]). Отсюда и всевозможные проекты или монополизаціи хлѣбной торговли, какъ проектъ Мальцова, [1]) или различныхъ «хлѣбныхъ компаній» во избѣжаніе посредничества хлѣбныхъ торговцевъ и для поднятія хлѣбныхъ цѣнъ, какъ проектъ Жукова [2]).

Но все это были лишь жалобы и проекты. Какимъ же путемъ въ дѣйствительности помѣщичье крѣпостное хозяйство—главнымъ образомъ хозяйство производительнаго центра и востока—могло выдерживать такую неравномѣрность цѣнъ и какимъ орудіемъ могло бороться съ этимъ крайне невыгоднымъ для него явленіемъ—неустойчивостью рынка?

Если въ общей массѣ дореформеннаго земледѣльческаго производства наибольшая доля выпадала, какъ и теперь, на крестьянское хозяйство, то въ производствѣ собственно товарныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, т. е. въ работѣ на рынокъ не только преобладало, но являлось почти исключительнымъ помѣщичье хозяйство. Въ теченіе XIX столѣтія въ земледѣльческихъ раіонахъ сильно развивались помѣщичьи запашки и переходъ къ предпринимательскому барщинному хозяйству съ цѣлью полученія прибавочнаго продукта и реализаціи его на рынкѣ. Конечно, и крестьянское хозяйство въ нѣкоторой части своего производства являлось поставщикомъ на рынокъ—во первыхъ, благодаря необходимости въ денежныхъ средствахъ; во вторыхъ—благодаря тому, что и среди него обнаруживалась уже нѣкоторая дифференціація, обусловившая возможность возникновенія крестьянскихъ предпринимательскихъ хозяйствъ.

Невозможно, конечно, учесть точно, какая доля въ приведенныхъ выше исчисленіяхъ дореформенныхъ статистиковъ приходилась на производство помѣщичьяго хозяйства и какая на собственно крестьянское. Но при той крайней эксплоатаціи крѣпостного труда, которая отнимала у крѣпостного крестьянина почти весь прибавочный продуктъ, за исключеніемъ лишь крайне необходимаго для поддержанія существованія этого крестьянина и его хозяйства, представляется почти безусловнымъ, что на рынкѣ, какъ внѣшнемъ, такъ особенно на внутреннемъ, долженъ былъ преобладать помѣщичій хлѣбъ. Такъ напр., по исчисленіямъ Мин. внутр. дѣлъ въ 40-хъ годахъ въ плодородной Харьковской губерніи у крестьянъ

1) *Ешунова*, «О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи». М. 1855 г. и *его же*. «О среднихъ цѣнахъ на главныя жизненныя потребности въ Россіи за послѣднее пятилѣтіе». Отеч. Зап., 1852 г., X—XII.

2) *Веселовскій*, О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1845, XV, стр. 76.

3) *Н. Бунина*, «Мысли о русскомъ хозяйствѣ, и о нѣкоторыхъ причинахъ дешевизны сельскихъ произведеній, бѣднаго состоянія хлѣбопашцевъ и медленнаго усовершенствованія нашего земледѣлія съ учетомъ земледѣльческихъ работъ при воздѣлываніи разныхъ хлѣбовъ на черноземной почвѣ». М. 1832.

1) *Рейхель*. Обезпеченіе народнаго продовольствія. Способъ, предложенный въ 40-хъ годахъ Мальцовымъ. Спб. 1881.

2) *Жукова*, Руководство отчетливо, успѣшно и выгодно заниматься русскимъ сельскимъ хозяйствомъ. М. 1848, стр. 81.

въ средній по урожаю годъ за покрытіемъ собственныхъ продовольственныхъ нуждъ оставалось около 15 тыс. четв. ржи; между тѣмъ у помѣщиковъ оставалось свыше 1.100 тыс. четв. [1]). Подобное же явленіе отмѣчалось и въ Пензенской [2]), въ Саратовской [3]) и др. губерніяхъ. Въ общемъ же итогѣ, по исчисленіямъ нѣкоторыхъ дореформенныхъ писателей, отъ крестьянъ поступало на внутренній и внѣшній рынокъ не болѣе 10% общаго количества, 90% поступало отъ помѣщичьяго производства, которое и являлось такимъ образомъ главнымъ представителемъ товарнаго производства и работы на рынокъ [4]).

Конечно, главной причиной такого преобладанія помѣщика на сельскохозяйственномъ рынкѣ являлся тотъ натуральный строй, который въ крестьянскомъ хозяйствѣ сохранился въ гораздо болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ помѣщичьемъ. Но и въ условіяхъ самого помѣщичьяго производства, т. е. въ крѣпостномъ трудѣ, лежала эта возможность, и въ то же время необходимость, служенія рынку: возможность—потому что лишь право пользоваться крѣпостнымъ трудомъ и дешевая его оцѣнка побѣждала для помѣщиковъ громадныя разстоянія отъ потребительныхъ рынковъ, непроѣздные пути и колебанія цѣнъ; необходимость—потому что лишь на рынкѣ помѣщичье хозяйство могло реализовать въ деньгахъ получаемый отъ крѣпостного труда натуральный прибавочный продуктъ.

Поэтому то тамъ, гдѣ потребительный рынокъ былъ ближе—какъ въ нечерноземныхъ промышленныхъ раіонахъ—гдѣ крестьянинъ самъ могъ знать этотъ рынокъ и самостоятельно реализировать на немъ свой натуральный продуктъ, уплачивая свою крѣпостную подать помѣщику уже въ деньгахъ—тамъ помѣщичье хозяйство болѣе быстро переходило къ денежной оброчной оцѣнкѣ крѣпостныхъ повинностей, самостоятельное барщинное земледѣльческое хо-

[1]) Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ, 1840 г., № 7.

[2]) *Горизонтовъ*, Хозяйственно-статистическое описаніе Пензенскаго у. Спб., 1859, стр. 76.

[3]) Сельскохозяйственная статистика Саратовской губ., составленная по свѣдѣніямъ, собираемымъ коммиссіей для уравненія денежныхъ сборовъсъ государственныхъ крестьянъ. Спб., 1859 г., а также *Никольскій*, Хозяйственное описаніе Балашовскаго у., Саратовской губ. Спб., 1855.

[4]) *Сабуровъ*. «Вліяніе земледѣлія на государственное богатство съ русской точки зрѣнія.» Журн. землевлад. 1858, кн. IX.

зяйство ликвидировалось быстрѣе, замѣняясь оброчнымъ крестьянскимъ и вызывая необходимость разрушенія вѣковыхъ крѣпостныхъ устоевъ хозяйства.

Иное положеніе создавалось въ земледѣльческихъ раіонахъ, гдѣ единственной формой эксплоатаціи крѣпостного труда представлялось земледѣліе, и гдѣ въ то же время рынокъ былъ далекъ, а производство превосходило мѣстный спросъ.

Идя на встрѣчу теченіямъ времени, отвѣчая на запросы развивающагося денежнаго хозяйства и городской жизни, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, помѣщичье хозяйство стремилось завоевать рынокъ не организованностью предложенія, а массой, количествомъ предлагаемаго продукта. Конечно, и тогда были проекты иныхъ средствъ борьбы сельскихъ хозяевъ съ убыточностью и непостоянствомъ хлѣбныхъ цѣнъ, вродѣ упомянутаго проекта Мальцова о регулированіи цѣнъ путемъ монополизаціи хлѣбной торговли. Но люди, стоявшіе болѣе на почвѣ практики, прибѣгали къ болѣе простому и близкому средству—къ чрезмѣрной эксплоатаціи дарового крѣпостного труда для производства наибольшаго количества продукта, а затѣмъ къ продажѣ его по какой бы то ни было цѣнѣ. Такимъ образомъ, въ указанномъ перепроизводствѣ хлѣба, въ превышеніи предложенія надъ спросомъ было повинно почти исключительно помѣщичье производство; оно же было виною и пониженія цѣнъ, и ихъ неустойчивости.

Тотъ же крѣпостной трудъ, который доставлялъ помѣщику массу прибавочнаго продукта, этотъ же трудъ, и только онъ одинъ могъ побѣдить и другое препятствіе хозяйства—отдаленность рынковъ и затруднительность сбыта хлѣба въ крупные потребительные центры. Благодаря подводной крѣпостной повинности для работавшаго на рынокъ помѣщичьяго хозяйства не существовало, въ сущности, ни отдаленности рынковъ, ни плохихъ, непроѣздныхъ дорогъ. Помѣщики «не знали цѣны» произведеннаго «даровымъ» трудомъ хлѣба, «не знали», какъ дорого обходится имъ этотъ даровой же трудъ по доставкѣ ихъ произведеній на рынокъ и рѣшались идти на всевозможныя спросу, торговцамъ, чтобы хоть что-нибудь выручить за привезенный на рынокъ хлѣбъ.

Въ сущности, это не было, конечно, незнаніе [1]), а просто экономическая необходимость реализовать прибавочный продуктъ на

[1]) Наоборотъ, крѣпостная бухгалтерія очень хорошо учитывала всѣ хозяйственные расходы и доходы; во всякомъ болѣе или менѣе благоустроенномъ

рынкѣ и возможность реализовать дешево, въ виду большого валового количества этого продукта. И хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось испытывать всю тяжесть и неудобство подобнаго положенія вещей, но при нѣсколько болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ эти невыгоды забывались тѣмъ скорѣе, что вся тяжесть ихъ ложилась гнетомъ не на помѣщичье хозяйство, а или на самостоятельное крестьянское хозяйство, или на хозяйство болѣе мелкихъ помѣщиковъ, или, наконецъ, на торговый капиталъ, т. е. на всѣхъ тѣхъ, кто не могъ пользоваться крѣпостнымъ трудомъ для доставки своихъ произведеній на рынокъ и кто поэтому хорошо «зналъ цѣну» своихъ товаровъ [2]).

Эта противоположность интересовъ, зародившаяся внутри самого крѣпостного хозяйства при переходѣ одной части хозяйствъ къ вольнонаемному труду, а также противоположныя отношенія ихъ къ рынку особенно рѣзко проявляются при географическомъ разсмотрѣніи крѣпостного производства въ раіонахъ, стоявшихъ въ различныхъ отношеніяхъ къ рынку и сбыту. Тамъ, гдѣ имѣлась близость и возможность сбыта на внѣшній рынокъ, съ постоянно возраставшимъ спросомъ, съ регулированнымъ отношеніемъ къ хлѣбу, какъ къ товару, «имѣвшему опредѣленную цѣну», съ болѣе удобными путями сообщенія, какъ въ южныхъ и сѣверо-западныхъ прибрежныхъ окраинахъ, тамъ крѣпостной трудъ

помѣщичьемъ хозяйствѣ конторѣ съ ея главною отраслью—веденіемъ бухгалтерскихъ книгъ, отводилась видная роль. См. напр. самые подробные разсчеты, образцы веденія хозяйственныхъ бухгалтерскихъ книгъ, составленія отчетовъ въ «Руководствѣ» *Жукова*, стр. 213, въ «Начальныхъ основаніяхъ рус. сел.-хоз.» стр. 12 и слѣд., особенно въ «Мысляхъ объ усовершенствованіи сел. хоз.» стр. 109—135, а также во всевозможныхъ «Наказахъ» управляющимъ, напр. въ наказѣ *Вольфа*, Тр. В. Э. О., VII, и мн. др. См. также «Собраніе инструкцій по сельскому устройству и администраціи» въ «Историческомъ сборникѣ кн. *Оболенскаго*. Спб. 1859.

[2]) На такіе конкретные случаи невыгодной конкурренціи на рынкѣ указываетъ напр. изъ своей практики Заблоцкій-Десятковскій. Въ сентябрѣ 1841 г. въ Москвѣ, вслѣдствіе неурожая, овесъ продавался 13 руб. четв., въ Тулѣ 6 руб., доставка наймомъ стоила 6 руб.; слѣд. было выгодно везти въ Москву хлѣбъ. Но помѣщики, пользуясь даровой доставкой, навезли овса столько, что цѣны понизились до 8—9 руб. и продавая сами безъ убытка, лишили возможности продажи тѣхъ, кто пользовался наемными подводами. *Заблоцкій-Десятковскій*. Графъ Кисилевъ и его время. Т. IV, приложеніе, записка «О крѣпостномъ состояніи въ Россіи». Спб. 1882.

и крѣпостное натуральное хозяйство не могли конкуррировать со свободнымъ трудомъ и денежнымъ хозяйствомъ [1]).

Извѣстно, что на югѣ и востокѣ число крѣпостныхъ было ничтожно, по сравненію съ крѣпостнымъ центромъ [2]). Сюда, на разработку дѣвственныхъ степей, на оборудованіе здѣсь свободнаго земледѣльческаго хозяйства и направлялась волна новаго предпринимательства, свободнаго отъ сословныхъ путъ и привиллегій стараго русскаго центра. Даже несмотря на то, что заселеніе южной окраины происходило не слишкомъ быстро; не смотря на то, что первоначальной формой свободнаго хозяйствованія здѣсь являлось экстенсивное скотоводство, все же южно-русское земледѣліе уже и тогда пріобрѣтало все большую роль въ общей массѣ народнаго земледѣльческаго производства. Вытѣсняемое съ внутренняго сельскохозяйственнаго рынка монопольнымъ господствомъ тамъ продуктовъ крѣпостного земледѣльческаго производства, южное земледѣліе направлялось, главнымъ образомъ, на внѣшній рынокъ, на который центральное земледѣліе не могло сбывать свои продукты, вслѣдствіе отдаленности портовъ [3]). По мѣрѣ заселенія и колонизаціи южныхъ окраинъ южное земледѣліе вытѣсняло съ внѣшняго рынка земледѣліе болѣе

[1]) Напр. южныя хозяйства, работавшія пшеницу для внѣшняго рынка, всегда примѣняли преимущественно вольнонаемный трудъ. *Желтухинъ*, Попытка къ соглашенію. Журн. Земледѣл. 1859, XXIV.

[2]) Напр. въ Новороссіи число крѣпостныхъ передъ освобожденіемъ по даннымъ X ревизіи 1858 г. не превышало 30—35% и было напр. въ Екатеринославской губ. 31.5%, Харьковской 29.8%, а въ Таврической всего 5.97%, въ Бессарабской 1.17%; изъ Заволжскихъ губерній въ Оренбургской 11.81%, Самарской 15.32% общаго числа населенія, тогда какъ въ центрѣ это отношеніе доходило почти до 70%, напр. въ Тульской губ. 68.94%, Могилевской 64.69%, въ Калужской 61.8%, Костромской 57.41% и т. п. *Тройницкій*. Крѣпостное населеніе Россіи по X народной переписи. Спб. 1861.

[3]) Такъ, по исчисленіямъ Небольсина, четверть пшеницы съ уплатой пошлины и доставкой на лондонскій рынокъ обходилась, въ рубляхъ и коп.:

Изъ портовъ.	На мѣстѣ въ зернѣ.	Фрахтъ.	Пошлина.	Всего.
Балтійскихъ.	8,48	1,50	0,17	10,15
Черноморскихъ	5,33	2,88	0,10	8,31
С.-Американскихъ	7,91	1,95	—	9,86

Такимъ образомъ, выпуская свой хлѣбъ на внѣшній рынокъ черезъ единственно доступные для него балтійскіе порты, центръ не могъ конкуррировать съ болѣе дешевымъ южнымъ или заокеанскимъ хлѣбомъ, тогда какъ южно-русскій хлѣбъ поставлялся сюда дешевле американскаго. *Небольсинъ*. Статистическое

сѣверныхъ раіоновъ, заставляя ихъ обращаться къ служенію внутреннему рынку и соотвѣтственно этому замѣнять пшеничные посѣвы внутреннимъ хлѣбомъ—рожью: такова именно была судьба нѣкоторыхъ малороссійскихъ губерній [2]).

Земледѣльческое хозяйство крѣпостного центра все болѣе спеціализировалось на служеніи внутреннему рынку, въ снабженіи котораго центръ пользовался естественной монополіей—своей близостью, и экономической—своимъ крѣпостнымъ трудомъ. Главными потребительными рынками для него, кромѣ всей вообще нечерноземной промышленной полосы, являлись С.-Петербургъ, Москва и другіе сѣверные города.

Въ эти потребительные центры громадная масса грузовъ шла сухимъ путемъ, зимой, когда наѣзженные годами тракты превращались въ живую рѣку хлѣбныхъ обозовъ и грузовъ. Главный потокъ этой рѣки направлялся изъ центральныхъ губерній въ Москвѣ непосредственно, или шелъ нѣсколько западнѣе ея, давая далѣе, кромѣ мелкихъ развѣтвленій, одну вѣтвь непосредственно къ С.-Петербургу, другую къ верхне-волжскимъ пристанямъ и третью къ сѣверо-западнымъ портамъ [3]). По даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Москву свозилось въ срединѣ сороковыхъ годовъ ежегодно не менѣе 9 милл. пуд. разнаго хлѣба, для которыхъ требовалось до 450 тыс. подводъ, а по исчисленіямъ Заблоцкаго гужевыя перевозки занимали до 800 тыс. человѣкъ въ лѣтнее время и до 3 милліоновъ въ зимнее [4]).

Такимъ образомъ, если принимать число крѣпостныхъ ко времени освобожденія въ 37 великорусскихъ губерніяхъ и 9 запад-

обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. Спб. 1826. Соотвѣтственно этому въ теченіе первой половины XIX в. южные порты постепенно берутъ окончательный верхъ надъ балтійскими портами, развивая въ то же время усиленный экспортъ пшеницы за счетъ сокращенія вывоза ржи. Такъ, въ два сосѣднихъ 10-лѣтія вывозъ хлѣбовъ изъ сѣверныхъ портовъ былъ въ милліонахъ четвертей: съ 1824 г. по 1835 г. пшеницы 2,3 милл. четв., ржи 5,1 милл. четв.; съ 1835 г. по 1845 г. пшеницы въ 336 тыс. четв., ржи—1,9 милл. четв. Въ то же время изъ южныхъ портовъ было вывезено пшеницы 10,1 милл. четв., ржи 198 тыс. четв.; за второй періодъ—пшеницы 20,6 милл. четв., ржи 747 тыс. четв. См. *Г. Н—в.* «Статистическія изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ». Библіот. для чтенія, 1848 г., стр. 62.

[2]) *А. Заблоцкій.* Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи. Отечеств. Записки, 1847 г., т. LII, стр. 43.

[3]) *Объясненія* къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи, изд. департ. сельскаго хоз. Минист. Государств. Имущ. Изд. I, Спб. 1851.

[4]) *А. Заблоцкій*, l. c., стр. 35.

ныхъ въ 10 съ лишнимъ милліоновъ душъ, то, слѣдовательно,—если вѣрить цифрѣ Заблоцкаго—зимой 30%, а лѣтомъ 8% всего крѣпостного труда употреблялось на транспортъ продуктовъ помѣщичьяго хлѣба. Столь громаднымъ трудомъ поддерживалось снабженіе внутреннихъ рынковъ и удовлетворялась нужда въ деньгахъ крѣпостного помѣщичьяго хозяйства, уже вовлеченнаго въ денежный оборотъ, но безъ мало-мальски удовлетворительныхъ средствъ къ такому торговому обмѣну. Конечно, стоимость этихъ крестьянскихъ подводъ для поставки на рынокъ считалась хозяевами ни во что—вѣдь зима все равно не была для помѣщиковъ «періодомъ производства» прибавочной стоимости ихъ крѣпостными—но на крестьянское хозяйство она ложилась крайне тяжелымъ бременемъ.

Вотъ какъ оцѣниваютъ, напр., эту обязанность поставки подводъ для перевозки хлѣба современники, которымъ вопросъ о способахъ сбыта ихъ произведеній на рынокъ представлялся крайне важнымъ и труднымъ среди организаціи разныхъ другихъ функцій хозяйства [1]).

По «Руководству къ управленію имѣніемъ с. Архангельскаго, Ранненбургскаго уѣзда, Рязанской губ.», составленному однимъ изъ видныхъ хозяевъ Рязанской губерніи, г. Семеновымъ, доставка на рынокъ помѣщичьяго хлѣба составляла потягольную обязанность крестьянъ. Каждое тягло обязано было доставить 52 пуда хлѣба въ Москву, 52 пуда въ Перевлѣсъ и 52 пуда въ Ухолово; первая поѣздка занимала 14 дней, вторая пять и третья три дня. Такъ какъ все имѣніе давало въ средній годъ до 24 тысячъ пудовъ хлѣба, всего же было въ немъ 114 тяголъ, которыя могли доставить на рынокъ около 18 тыс. пуд. хлѣба, то, слѣдовательно, большая часть хлѣба была обезпечена доставкою на рынокъ. При этомъ на ближайшіе рынки шли менѣе цѣнные хлѣба, перерабатываемые на мѣстныхъ мельницахъ или заводахъ (напр., вся гречиха, за остаткомъ отъ домашняго потребленія, шла въ Ранненбургъ на крупорушки, которыхъ было тамъ до 70), самые же цѣнные хлѣба—пшеница, ячмень—шли въ Москву.

Приблизительно въ подобныхъ условіяхъ находилось, конечно, и другія помѣщичьи крѣпостныя имѣнія; точно такія же нормы

[1]) *Волконскій,* Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Труды Рязанской Ученой Архивной коммисіи, 1897 г., т. XII, в. 2.

существовали, напр., и въ другомъ, описанномъ въ томъ же трудѣ, имѣніи Рязанской губерніи [1]). На близкія разстоянія, на мѣстные рынки крестьянскія подводы выѣзжали еще осенью, какъ только позволялъ путь и время. Съ установкой же зимняго пути, около 6 декабря, подвозы начинали тянуться въ Москву, а оттуда часто, если у владѣльца было гдѣ нибудь другое имѣніе или самъ онъ жилъ въ С.-Петербургѣ, то куда нибудь въ Новгородскую губернію, а затѣмъ въ С.-Петербургъ съ «даровой» провизіей и припасами господамъ. Странствовать приходилось, такимъ образомъ, цѣлую зиму—и, конечно, изъ за этого должно было страдать крестьянское хозяйство, останавливавшееся на всю зиму.

Какъ цѣнилась тяжесть этой повинности крестьянами и помѣщиками видно изъ того же, напр., «Руководства», по которому крестьянинъ, если онъ возьметъ сверхъ 156 пуд. вывезти по разстоянію 350 верстъ 26 пуд. на тягло, освобождался помѣщикомъ отъ уплаты повинностей (не выше 4 р. на тягло), а также отъ обмундировки рекрутъ; если же крестьянинъ не могъ поставить подводъ на перевозку хлѣба, онъ долженъ былъ внести 18 рублей съ тяглового работника. Такимъ образомъ, сами помѣщики оцѣнивали стоимость крестьянскихъ подводъ для поставки около ½—¾ к. съ пудоверсты. Конечно, сами крестьяне оцѣнивали эту обязанность, вѣроятно, много дороже, судя по тому разоренію и убыточности, которыя несла эта система крестьянскому хозяйству.

Немудрено поэтому, что крестьяне крайне тяготились подводной повинностью, охотно откупались отъ нея и предпочитали тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ ея не существовало; поэтому же и стоимость доставки наймомъ обходилась гораздо дороже. По мнѣнію Заблоцкаго, эта натуральная подводная повинность обходилась крестьянину столько же, сколько всѣ его лѣтнія работы на помѣщика, а по своей непроизводительности она оказывалась еще болѣе тяжелымъ бременемъ [2]). Дѣйствительно, если взять среднюю упомянутую цифру 18 рублей съ тяглового работника, какъ эквивалентъ за освобожденіе отъ натуральной повинности провоза крестьянами помѣщичьяго хлѣба, и съ другой стороны принять исчисленія Заблоцкаго числа занятыхъ крѣпостнымъ извозомъ въ 3 милліона

[1]) См. также *Заблоцкій,* l. c., 36, относительно другихъ мѣстностей центральныхъ губерній.

[2]) *А. Заблоцкій,* l. c. 47.

человѣкъ, то общая стоимость этой натуральной повинности, падающей на крѣпостныхъ крестьянъ, дойдетъ въ общей цифрѣ до 54 милл. рублей въ годъ.

Такою дорогою цѣною удовлетворялась нужда крѣпостного хозяйства въ рынкѣ и помѣстнаго дворянства—въ денежныхъ средствахъ; такою цѣною покупалась возможность господства на рынкѣ помѣщичьяго производства, возможность реализаціи въ деньгахъ продукта ихъ крѣпостного производства. Но и помѣщичьему хозяйству эти тяжелыя жертвы не принесли пользы. Оно постоянно жаловалось на кризисъ, паденіе цѣнъ, перепроизводство, невозможность прогресса и улучшенія хозяйства. Попытки перехода къ интенсивному хозяйству, на подобіе начавшимъ развиваться капиталистическимъ формамъ западно-европейскаго хозяйства, которое манило къ себѣ русскихъ помѣщиковъ перспективами громадныхъ доходовъ—эта попытка быстро разбилась о некапиталистическія общія условія; дворянское «раціональное» сельскохозяйственное предпринимательство потерпѣло крушеніе. Приходилось возвращаться къ старымъ формамъ болѣе экстенсивнаго зернового трехполья, оставляя все земледѣльческое производство въ рукахъ крѣпостного крестьянина.

Въ этомъ случаѣ вся роль помѣщичьяго хозяйства сводилась главнымъ образомъ къ реализаціи на рынкѣ въ денежную форму того прибавочнаго натуральнаго продукта, который доставлялъ ему крестьянскій крѣпостной трудъ. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское хозяйства имѣли то сходство, что оба находились въ полной зависимости отъ рынка и отъ торговаго капитала, одинаково подчинялись ему и одинаково служили для него источникомъ полученія торговой прибыли. Конечно, положеніе помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства въ отношеніи этой торговой прибыли было неодинаково. Помѣщикъ, какъ рантье, дѣлился частью своей натуральной ренты съ торговцемъ за то, что тотъ реализовалъ ее; оброчный же крестьянинъ являлся работникомъ на этого капиталиста-торговца, отдавая ему, какъ скупщику, весь свой продуктъ за оброкъ помѣщику, да за скудныя средства къ поддержанію своего существованія.

Въ этомъ и заключалось основное противорѣчіе въ крѣпостномъ сельскохозяйственномъ производствѣ. Помѣщикъ обладалъ избыточнымъ количествомъ натуральныхъ продуктовъ, присваиваемыхъ имъ, благодаря крѣпостному праву—и, нуждаясь въ деньгахъ,

но не будучи въ состояніи реализовать продуктъ по высокимъ цѣнамъ, толковалъ о перепроизводствѣ. Крестьянинъ же, чѣмъ болѣе получалъ натуральныхъ продуктовъ, тѣмъ менѣе могъ удовлетворить собственную нужду не только въ деньгахъ, но и въ простомъ продовольствіи, такъ какъ громадная часть его труда шла на удовлетвореніе денежныхъ нуждъ или прихотей помѣщичьяго класса.

Поэтому то указанное выше заключеніе дореформенныхъ экономистовъ о «перепроизводствѣ» хлѣба можно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что оно, нося характеръ товарнаго перепроизводства, коснулось лишь помѣщичьяго хозяйства. Крестьянское же хозяйство не только не имѣло избытковъ сверхъ удовлетворенія собственныхъ потребительныхъ нуждъ, но, даже продавая иногда свои продукты на рынокъ, само голодало—явленіе, свойственное вообще той формѣ хозяйства, которая связана съ «работой на скупщика» и съ подчиненіемъ производства торговому капиталу. Тѣ «вынужденныя осеннія продажи», которыя такъ хорошо рисуютъ это подчиненіе торговому капиталу современнаго крестьянскаго хозяйства, были хорошо извѣстны и крѣпостному крестьянину: и онъ «по необходимости продавалъ хлѣбъ до зерна и выметалъ свои амбары до чиста» [1]); и онъ зналъ хорошо пословицы: «не тужи рожь, что въ Москву повезъ...», такъ какъ «при наступленіи весны и даже еще раньше тотъ же самый крестьянинъ и на томъ же самомъ рынкѣ купитъ обратно весь свой хлѣбъ, да еще съ прибавкой... заплатитъ за него вдвое дороже той цѣны, за которую самъ продалъ» [2]).

Нѣчто подобное же испытывало конечно и помѣщичье хозяйство. Многимъ изъ изобрѣтательныхъ помѣщиковъ, не умѣвшимъ разгадать противорѣчій рынка, но тяготившимся его властью надъ ними и считавшимъ невыгодной «даровую» подводную повинность, ничего не оставалось больше дѣлать, какъ, переведя всѣхъ крестьянъ на оброкъ, завести для нихъ мелочную и почти принудительную продажу помѣщичьяго хлѣба на мѣстѣ по высокимъ цѣнамъ [3]). Только подобнымъ путемъ и можно было, повидимому, освободиться отъ неизбѣжнаго, по мнѣнію крѣпостныхъ экономистовъ, для помѣщичьяго хозяйства «перепроизводства хлѣба» и пониженія его цѣнъ [1]).

Въ дѣйствительности, во всемъ народномъ хозяйствѣ перепроизводства не было. Было только то противорѣчіе, тотъ тупой уголъ, въ который зашло помѣщичье крѣпостное хозяйство съ тѣхъ поръ, какъ стали разлагаться его натуральныя основы, какъ стало оно изъ за нужды въ денежныхъ средствахъ работать на рынокъ. Завися отъ внутренняго, сравнительно медленно развивающагося рынка, стѣсненное въ своихъ стремленіяхъ къ расширенію сбыта отсутствіемъ дешевыхъ и хорошихъ путей сообщенія, помѣщичье хозяйство, въ особенности въ хлѣбородныхъ губерніяхъ крѣпостного центра, принуждено было разрѣшать неразрѣшимую дилемму: сбрасывая съ себя путы натуральнаго хозяйства, превращаться въ торговца хлѣбомъ, еще не научившись смотрѣть на хлѣбъ, какъ на товаръ, и если не «не зная цѣну» его, какъ выражались современники, то, во всякомъ случаѣ, перелагая тяжесть убытковъ отъ низкихъ цѣнъ и тяжесть этихъ уступокъ рынку на крестьянское хозяйство.

Въ этомъ отношеніи совершенно правильно мнѣніе, что хлѣбныя цѣны регулировались въ то время не спросомъ, а предложеніемъ: помѣщику въ своихъ уступкахъ рынку можно было, а часто приходилось и по необходимости, идти такъ далеко, что продавать товаръ ниже издержекъ производства, такъ какъ при натуральной оплатѣ труда легко можно было переложить этотъ убытокъ на крѣпостного крестьянина. Отсюда—увеличись предложеніе послѣ непомѣрно высокихъ цѣнъ и недостачи снабженія—и цѣны падаютъ съ быстротой, неуловимой при тогдашнемъ торговомъ оборотѣ для желающаго воспользоваться выгодными условіями. Техническія условія хлѣбной торговли—медленность торговаго оборота, недостатокъ сношеній и путей, зависимость отъ торговцевъ, еще болѣе усиливали колебанія и неустойчивость хлѣбныхъ цѣнъ, доводя ихъ часто до такого уровня, что производство становилось безвыгоднымъ.

---

[1]) *Бунгинъ.* Мысли о русскомъ хозяйствѣ и проч., стр. 10.

[2]) *Вилькинсъ.* Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности, стр. 18.

[3]) *Тепловъ.* Опытъ улучшенія быта крестьянъ. М. 1870, стр. 5.

[1]) Впрочемъ встрѣчались и тогда указанія на неправильность распространеннаго мнѣнія о «перепроизводствѣ» и правильные взгляды на сельскохозяйственный кризисъ, какъ на товарный, происшедшій на почвѣ крѣпостныхъ отношеній. См. неоднократно цитированную статью *А. Заблоцкаго,* «Причины колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, стр. 47, а также *Н. П.* «О торгѣ хлѣбомъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи». Отечеств. Зап. 1840, VIII.

Однако, и въ этомъ случаѣ помѣщику нельзя было прекратить свое хозяйство, обративъ капиталъ на другую отрасль промышленности, такъ какъ даровой «обязательный» трудъ былъ обязателенъ для обѣихъ сторонъ. Ликвидація хозяйства могла послѣдовать только съ уничтоженіемъ этой «обязательности»—и во многихъ случаяхъ она дѣйствительно и послѣдовала даже раньше общей ликвидаціи всего крѣпостного хозяйства, выразившись въ сокращеніи предъ освобожденіемъ помѣщичьихъ запашекъ.

На арену сельскохозяйственной дѣятельности выступали новыя силы, которыя требовали новыхъ формъ предпринимательскаго хозяйства и новыхъ лицъ, среди которыхъ нашлось не слишкомъ много потомковъ прежнихъ крѣпостныхъ владѣтелей.

ГЛАВА VI.

Условія и послѣдствія ликвидаціи крѣпостного права.

Условія освобожденія крестьянъ. — Уменьшеніе надѣловъ. — Увеличеніе денежныхъ повинностей и развитіе денежнаго хозяйства. — Расширеніе крестьянскихъ запашекъ. — Увеличеніе сбыта крестьянскаго хлѣба на рынкѣ и его условія. — Переустройства въ экономической географіи.

Если мы взглянемъ на экономическую и публицистическую литературу по сельскохозяйственнымъ вопросамъ за послѣдніе три года до реформы, т. е. когда вопросъ о ликвидаціи крѣпостного права и крѣпостного хозяйства былъ уже принципіально рѣшенъ и оффиціально возвѣщенъ, то мы можемъ замѣтить въ ней новый періодъ оживленія, при томъ оживленія даже гораздо большаго, чѣмъ четверть вѣка назадъ. Тогда былъ выдвинутъ вопросъ о необходимости улучшенія техники, поднятія производительности хозяйства, о переходѣ къ новымъ, болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія, какъ средству поднятія доходности хозяйства. Теперь вопросъ шелъ о гораздо болѣе общемъ и еще болѣе серьезномъ дѣлѣ — о жизни и смерти всего крѣпостного хозяйства. Понятно, что онъ вызвалъ еще болѣе обширную литературу, не только въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій относительно условій ликвидаціи крѣпостного хозяйства, но и въ видѣ спеціальныхъ періодическихъ органовъ прессы, посвящавшихся вопросу объ освобожденіи, или— какъ тогда говорилось во избѣжаніе цензурныхъ недоразумѣній— «объ улучшеніи быта» крестьянъ.

Однако, сообразно характеру вопроса, и постановка его теперь была совершенно иная, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ. Особенно ясна она была въ такомъ, напр., органѣ русскихъ аграріевъ, какъ

«Журналъ Землевладѣльцевъ». Нѣсколько десятилѣтій назадъ помѣщичій классъ пытался вывести свое крѣпостное хозяйство на путь интенсификаціи, т. е. предполагалъ повысить его доходность и дать толчекъ дальнѣйшему развитію лишь измѣненіемъ его технической организаціи, не касаясь общей экономической основы его, т. е. не касаясь главнымъ образомъ крѣпостного труда. Непримѣнимость интенсивныхъ формъ западно-европейскаго земледѣлія къ русскимъ условіямъ — прежде всего къ той же крѣпостной организаціи хозяйства—разбила эти стремленія.

Тогда землевладѣльцы, крѣпостные предприниматели, стали отыскивать способы, какъ при наличной интенсивности хозяйства сдѣлать крѣпостной трудъ болѣе производительнымъ. Отсюда вытекалъ описанный выше цѣлый рядъ проектовъ объ измѣненіяхъ и о болѣе выгодной комбинаціи барщинной или оброчной системъ. Невозможность повышенія производительности крѣпостного труда какъ при той, такъ и при другой системѣ или при ихъ комбинаціяхъ и видоизмѣненіяхъ стала, однако, скоро очевидной; ликвидація крѣпостного хозяйства стала вмѣстѣ съ тѣмъ не только естественной, но и необходимой. Для помѣщика — единственнаго устроителя судьбы освобождаемыхъ крестьянъ и своей собственной, — оставалось лишь изыскать способы, при которыхъ эта ликвидація старыхъ отношеній была бы наиболѣе для него выгодной.

Правда, поскольку можно заключить изъ многочисленныхъ въ тогдашней литературѣ вычисленій, описаній и примѣровъ о преимуществахъ, выгодахъ и недостаткахъ оброчнаго, барщиннаго и вольнонаемнаго труда [1]), а также изъ факта все еще широкаго распространенія барщиннаго, т. е. самостоятельнаго помѣщичьяго хозяйства въ плодородной черноземной полосѣ — крѣпостное помѣщичье хозяйство, по крайней мѣрѣ именно въ этой черноземной полосѣ, было все еще выгодно, какъ сравнительно съ оброчнымъ, такъ и съ вольнонаемнымъ хозяйствомъ. Но это обстоятельство совершенно не измѣняло дѣла. Рѣшающей здѣсь явилась невозможность дальнѣйшаго развитія производительности этого хозяйства, чего требовала отъ него быстро развивавшаяся жизнь. Нѣкоторая же выгодность крѣпостного хозяйства даже и предъ освобожденіемъ заставила отыскивать лишь болѣе выгодные для помѣщичьяго класса способы ликвидаціи его.

[1]) См. напр. въ томъ же «Журналѣ Землевладѣльцевъ» *М. М.* «Приложеніе наемнаго труда къ хозяйствамъ сѣверной полосы Россіи». Журн. Земл. 1859, XXI.

Этому вопросу—какъ ликвидировать крѣпостное хозяйство, чтобы помѣщикъ отъ этой ликвидаціи не только ничего не потерялъ, а можетъ быть и выигралъ — и посвящается работа такихъ журналовъ, какъ «Журналъ Землевладѣльцевъ». Да и въ другихъ, болѣе либеральныхъ органахъ печати, въ лучшемъ случаѣ, пожалуй, вопросъ ставится только о томъ, какъ произвести эту ликвидацію «по справедливости», но все-таки такъ, чтобы мужикъ не слишкомъ разбогатѣлъ за счетъ разоренія помѣщика [1]).

Эти психологическія, такъ сказать, основы реформы выяснились въ помѣщичьемъ сознаніи весьма скоро, какъ только поставленъ былъ на очередь вопросъ объ освобожденіи и какъ только неосновательный страхъ предъ нимъ прошелъ даже у наименѣе дальновидныхъ. Эти основы были таковы: при быстромъ развитіи въ странѣ денежнаго хозяйства и при постоянномъ возрастаніи денежной нужды въ крестьянскомъ хозяйствѣ, создать такія условія надѣленія крестьянъ землею, при которыхъ обработка помѣщичьихъ земель и веденіе помѣщичьяго хозяйства были бы обезпечены прежнимъ крестьянскимъ трудомъ, лишь съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ его организаціи, главнымъ образомъ, въ смыслѣ поднятія его интенсивности и производительности.

Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій эта послѣдняя цѣль достигалась въ разныхъ мѣстностяхъ различными способами. Тамъ, гдѣ помѣщичье хозяйство при крѣпостномъ правѣ было все же прибыльно, гдѣ земля была богата, плодородна и могла приносить дѣйствительный доходъ—тамъ необходимо было возможно меньшее надѣленіе крестьянскаго хозяйства собственною землею, чтобы помѣщичье хозяйство не потерпѣло ущерба ни въ размѣрахъ, ни въ обезпеченіи рабочими руками. Тамъ, наоборотъ, гдѣ земля была бездоходна, гдѣ помѣщичье хозяйство принуждено было приступить къ ликвидаціи еще до общей эмансипаціи, тамъ можно было отвести крестьянамъ хоть всю землю, но оцѣнивъ ея возможно дороже,

[1]) См., напр., въ либеральномъ «Сельскомъ Благоустройствѣ»: «Мы не можемъ надѣлить крестьянъ землею въ такой мѣрѣ, чтобы бытъ ихъ совершенно обезпечивался. Крестьянинъ... долженъ помнить, что личный трудъ есть главное его средство къ жизни, а потому въ первое время, пока потребности крестьянъ не развиты, слишкомъ щедрый надѣлъ землею скорѣе былъ бы для нихъ вреденъ въ нравственномъ отношеніи, избавляя отъ необходимости дорожить своимъ трудомъ». «Сел. Благоустр.». 1858, кн. X.

чтобы въ тяжести выкупныхъ платежей крестьянствомъ были выплачены всѣ прежніе помѣщичьи доходы и оброки.

Если брать за показатель фактической выгодности крѣпостного хозяйства предъ освобожденіемъ фактическое же соотношеніе барщины и оброка, т. е. самостоятельнаго помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, то, какъ извѣстно, можно замѣтить довольно рѣзкую разницу въ численности барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ черноземной и нечерноземной полосѣ. Такъ, наканунѣ реформы процентъ оброчныхъ крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ былъ [1]), напр., въ Владимірской губ. 80%, Ярославской 79%, Вологодской 77%, Костромской 77%, Московской 75%, Тверской 63%; наоборотъ, въ Нижегородской губ. лишь 56%, въ Тульской (въ 3 уѣздахъ) 45%, въ Тамбовской (4 уѣзд.) 32%, въ Казанской (6 уѣзд.) 15%, въ Орловской (4 уѣзд.) 11%, а въ 3 уѣздахъ Пензенской губ. даже всего 2,5%.

Близкія къ этому источнику цифры даютъ и другія исчисленія, свидѣтельствующія о постепенной передъ освобожденіемъ крестьянъ ликвидаціи помѣщичьяго земледѣльческаго хозяйства на сѣверѣ и значительнаго еще распространенія его въ черноземныхъ раіонахъ. Такъ, по даннымъ Игнатовичъ, на основаніи трудовъ редакціонныхъ коммиссій, относительная численность барщинныхъ крестьянъ передъ освобожденіемъ опредѣляется въ Тамбовской губ. 78%, Псковской 77%, Тульской, Пензенской, Курской 75%, Смоленской 73%, Орловской 72%, тогда какъ въ Ярославской 12,6%, Костромской 12,5%, Вологодской 16%, и т. п. [2]).

Очевидно, что самостоятельное помѣщичье предпринимательство представлялось ко времени освобожденія крестьянъ для многихъ губерній еще выгоднымъ, почему и было весьма распространено. Понятно поэтому, что при томъ вліяніи на ходъ реформы, которое получили помѣщичьи интересы, со стороны помѣщиковъ черноземныхъ барщинныхъ губерній должно было появиться особенно сильное стремленіе къ удержанію за собой возможно большаго количества земли и къ надѣленію крестьянъ возможно болѣе «урѣзаннымъ» надѣломъ.

---

[1]) *Скребицкій.* «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II». Боннъ на Рейнѣ, 1863, т. III, стр. 829.

[2]) *Игнатовичъ*, Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 1902, стр. 41, а также *Семевскій*. «Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II», т. I. Спб. 1903, стр. 30 и сл.

Извѣстно, что при началѣ реформы для надѣленія крестьянъ землею былъ превозглашенъ принципъ, по которому надѣлы должны быть достаточны по мѣстнымъ условіямъ, «для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ» [1]). Однако, губернскіе комитеты при разсмотрѣніи вопроса о размѣрахъ надѣла большею частью выказали стремленіе именно къ уменьшенію надѣловъ противъ фактически существовавшихъ, причемъ это стремленіе особенно замѣтно сказалось именно въ черноземныхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ комитеты допускали меньшіе размѣры надѣловъ [2]). Наконецъ, редакціонныя коммиссіи, разсмотрѣвъ мнѣнія комитетовъ о системахъ надѣленія и размѣрахъ надѣловъ, остановились окончательно на той изъ нихъ, которая «принимаетъ за исходную точку существующій фактъ или порядокъ вещей, установившійся подъ вліяніемъ вѣкового опыта» [3]).

На этомъ основаніи, редакціонныя коммиссіи, отказавшись отъ опредѣленія размѣровъ надѣла какой либо искусственной нормой, пришли къ заключенію, что «за крестьянскимъ сословіемъ должно быть, по возможности, сохранено право пользованія за опредѣленныя повинности тѣмъ же самымъ надѣломъ, которымъ существованіе его обезпечивалось до сихъ поръ, т. е. въ размѣрѣ, въ которомъ онъ находился въ 1859 году» [4]). Несмотря на опредѣленно выраженное мнѣніе о необходимости «достаточности» надѣловъ, возраженія противниковъ этого принципа повліяли настолько сильно, что уже коммиссіи пошли на компромиссъ, выработавъ опредѣленныя нормы «высшихъ» и «низшихъ» надѣловъ постепенно понижая ихъ размѣры [5]); при повѣркѣ предположенныхъ надѣловъ на мѣстахъ и вызванными въ коммиссіи депутатами, произошло новое пониженіе выработанной коммиссіями нормы надѣловъ, хотя раньше сами же члены коммиссій и признавали, что надѣлы «ни

---

[1]) См. рескрипты Назимову и графу Игнатьеву, *Скребицкій*, l. c., т. I.

[2]) *Скребицкій*, l. c., т. II, ч. I стр. 12.

[3]) *Скребицкій*, Крестьянское дѣло, т. II, ч. I стр. 33.

[4]) Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Спб. 1859. Ч. II. Журналы общаго присутствія № 22—24.

[5]) Первое изданіе матеріаловъ, ч. II, докладъ хозяйств. отд. № 1, часть III, докладъ № 15 и ч. VI, дополн. къ доклад. хозяйств. отд. № 15.

въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ» [1]). Главный комитетъ и Государственый Совѣтъ также понизили нормы надѣла.

Наконецъ, въ дѣйствующемъ положеніи надѣлы получили дальнѣйшее пониженіе: въ губерніяхъ черноземной полосы уменьшеніе надѣловъ произошло сравнительно съ предположенными коммисіями въ 50 изъ 142 уѣздовъ, т. е. въ 33% всѣхъ случаевъ, причемъ въ 8 уѣздахъ это уменьшеніе достигало отъ 1 до 3½ дес.; въ губерніяхъ нечерноземной полосы уменьшеніе коснулось 107 уѣздовъ изъ 232, т. е. 46% [2]).

Такимъ образомъ, крестьянскіе надѣлы при освобожденіи въ большинствѣ случаевъ подверглись значительному уменьшенію. Если мы возьмемъ приводимыя Скребицкимъ цифры «обыкновенныхъ надѣловъ», бывшихъ до реформы, и сопоставимъ съ цифрами дѣйствительныхъ среднихъ надѣловъ при надѣленіи крестьянъ землею, то для черноземныхъ губерній съ преобладаніемъ барщины получимъ слѣдующіе результаты [3]):

Губерніи.	Дореформенные надѣлы на 1 ревиз. душу.	Послѣреформенные надѣлы на 1 душу.
	Десятины.	
Курская	2,3	2,2
Орловская	2,6	2,6
Рязанская	2,6	2,5
Тульская	2,6	2,3
Тамбовская	3,1	2,7
Воронежская	2,6	2,7
Пензенская	2,8	2,2
Харьковская	2,5	2,6
Екатеринославская	2,8	2,0
Кіевская	6,6	2,1
Подольская	5,5	2,2
Саратовская	3,8	2,4
Симбирская	2,9	2,4
Казанская	3,0	2,3
Вятская	3,2	3,0
Пермская	5,5	4,0

[1]) *Скребицкій*, Крестьянское дѣло, т. II, ч. I стр. 36—37.

[2]) *Янсонъ*. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Спб. 1877, стр. 134. См. также *Иванюковъ*, Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб. 1903, стр. 247.

[3]) Таблица составлена на основаніи цифръ, даваемыхъ *Скребицкимъ*, «Крестьянское дѣло» т. II, ч. II вѣд. VI и т. III. См. также «Докладъ Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности Россіи». Спб. 1873. Приложеніе, т. I и «Статистика поземельной собственности 1877—78 г.г.».

Поскольку позволяютъ судить эти, далеко не точныя, а лишь приблизительныя цифры, въ большинствѣ черноземныхъ губерній крестьянскіе надѣлы были при надѣленіи землей значительно уменьшены. Эта разница между дореформенными и послѣреформенными надѣлами должна еще болѣе увеличиться, если принять во вниманіе, что въ показаніи размѣровъ «обыкновенныхъ надѣловъ» губернскими комитетами большею частью совсѣмъ не включались ни усадебныя земли, ни лѣсныя угодья, которыя вошли въ надѣлъ при освобожденіи.

Большею частью совершенно иную картину получаемъ для нечерноземныхъ промышленныхъ губерній, гдѣ до освобожденія преобладала оброчная система:

	До реформы.	Послѣ реформы.
Ярославская	5.2	3.8
Костромская	6.8	4.9
Владимірская	3.1	3.9
Московская	2.6	2.9
Калужская	2.5	3.3
Петербургская	3.3	4.8
Новгородская	2.7	5.7
Смоленская	3.6	4.0

За небольшимъ исключеніемъ (двухъ первыхъ губерній) въ большинствѣ нечерноземныхъ губерній крестьянское землевладѣніе съ реформой не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Это и было болѣе всего выгоднымъ для помѣщичьяго класса. При бездоходности земли и хозяйства на ней, нашелся иной, чѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ, но не менѣе выгодный способъ ликвидаціи крѣпостного права: продажа земли по повышенной оцѣнкѣ крестьянамъ, выкупные платежи не по стоимости земли, а по цѣнности оброчныхъ повинностей. Если выкупная операція, вслѣдствіе повышенныхъ противъ стоимости земли выкупныхъ платежей носила вообще характеръ выкупа «душъ», а не земли, то для нечерноземной полосы это сказалось особенно рельефно.

Если взять ту сумму платежей, которую заплатили крестьяне за землю по выкупу, и продажныя цѣны на землю не только передъ освобожденіемъ, но даже и послѣ него, то окажется, что выкупная сумма была гораздо выше продажныхъ цѣнъ; именно, соотвѣтствующее сравненіе даютъ намъ слѣдующія цифры, въ милліонахъ рублей [1]):

[1]) *Лосицкій*. Выкупная операція. Спб. 1906, стр. 16, прилож. табл. I.

	Цѣнность надѣла по продажнымъ цѣнамъ. 1851—58 г.г.	1863—72 г.г.	Цѣнность надѣла по выкупу.	Премія помѣщиковъ за выкупъ.
Черноземныя губ. . . .	219	284	342	123
Нечерноземныя губ. . .	155	180	342	187
Западныя губ.	170	184	183	13

Если разлагать всю, полученную помѣщиками премію за отчужденную ими землю, то окажется, что они продавали ее дороже бывшихъ въ то время среднихъ цѣнъ: въ черноземной полосѣ на 12,5 руб. десятину, въ нечерноземной—на 15,2 руб. дес. Это и была премія за выкупъ «крѣпостныхъ душъ», переложенный формально на землю. Если перелагать эту стоимость именно на то, что она въ дѣйствительности и выражала, т. е. на крѣпостныя души, то окажется, что выручивъ въ выкупной операціи полную стоимость земли, помѣщики получили кромѣ того, благодаря повышеннымъ выкупнымъ оцѣнкамъ, въ черноземной полосѣ до 36,1 рублей съ крѣпостной души и въ нечерноземной полосѣ—до 62,3 рублей съ души.

Однако, капитализировавъ съ громадной выгодой для себя свою крѣпостную ренту, уступивъ крестьянину наименѣе доходную часть сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ, обезпечивъ себя, почти принудительнымъ образомъ, путемъ недостаточныхъ надѣловъ, рабочими руками въ болѣе плодородныхъ и доходныхъ мѣстностяхъ, получилъ ли помѣщикъ то преобладаніе въ народномъ земледѣльческомъ производствѣ и то выгодное для него господство на рынкѣ, которое ожидалось?

Казалось, что при происшедшихъ урѣзкахъ крестьянскаго землепользованія и расширенія помѣщичьяго, должно было бы произойти, съ одной стороны, расширеніе помѣщичьяго производства хлѣба, съ другой—сокращеніе крестьянскаго. Если и до реформы помѣщикъ преобладалъ на хлѣбномъ рынкѣ, поступленія же крестьянскаго хлѣба были крайне незначительны, ограничиваясь лишь избытками отъ собственнаго потребленія, то съ уменьшеніемъ надѣловъ роль крестьянскаго хлѣба на рынкѣ должна бы еще уменьшиться. Такое уменьшеніе производства казалось столь естественнымъ слѣдствіемъ освобожденія (даже и безъ уменьшенія надѣловъ, лишь вслѣдствіе перехода большей части производства въ натуральное крестьянское хозяйство), что опасеніе за сокращеніе производства звучитъ часто въ статьяхъ дореформенныхъ публицистовъ и экономистовъ.

И, конечно, это должно было бы произойти, если бы въ то же время съ одной стороны не завершился окончательно процессъ перехода крестьянскаго натуральнаго хозяйства къ денежному; съ другой—если бы въ самомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ не встрѣтилось къ тому весьма крупныхъ препятствій. Поэтому то и опасенія дореформенныхъ экономистовъ за сокращеніе размѣровъ торговаго хлѣбнаго производства не сбылись, такъ какъ мѣсто вытесняемаго съ рынка помѣщика сталъ замѣнять крестьянинъ.

Уже изъ докладовъ извѣстной Валуевской коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства видно [1]), что непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ стало происходить и сильное сокращеніе помѣщичьихъ запашекъ; въ многочисленныхъ отвѣтахъ о причинахъ этого явленія члены коммиссіи заявляютъ о невыгодности веденія хозяйства при измѣнившихся условіяхъ, съ помощью наемнаго труда. Понятно, что эти причины должны были сильнѣе сказаться въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ и до освобожденія помѣщики находили болѣе выгоднымъ эксплоатировать трудъ своихъ крестьянъ не въ земледѣліи, а въ промышленности, т. е. въ нечерноземныхъ оброчныхъ губерніяхъ. И дѣйствительно, въ этихъ губерніяхъ сокращеніе помѣщичьихъ запашекъ обнаружилось болѣе очевидно, тогда какъ въ черноземной полосѣ во многихъ мѣстахъ, особенно въ степныхъ губерніяхъ, помѣщичьи запашки увеличивались и послѣ реформы. Что же касается размѣровъ крестьянскихъ запашекъ, то они обнаруживаютъ вслѣдъ за реформой быстрое и сильное расширеніе не только въ черноземной, но и въ нечерноземной полосѣ.

Но расширеніе вообще крестьянской культуры и сокращеніе помѣщичьихъ запашекъ окажется еще болѣе существеннымъ, если принять во вниманіе, что часто расширеніе запашки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ шло за счетъ отдачи помѣщичьей земли въ аренду крестьянамъ. Указанныя выше условія надѣленія крестьянъ землею и условія выкупа ея особенно усилили этотъ арендный спросъ на помѣщичьи земли со стороны крестьянъ. Конечно, это въ то же время соотвѣтствовало и интересамъ помѣщиковъ, такъ какъ освобождало ихъ отъ необходимости вести собственное хозяйство съ помощью наемнаго труда, дорого обходив-

[1]) «Докладъ Высочайше учрежденной коммиссіи» и т. д. стр. 12, приложеніе II и VI.

шагося и при недостаткѣ денежныхъ средствъ ставившаго ихъ въ затрудненіе.

Этотъ то недостатокъ денежныхъ средствъ и являлся той главной внутренней причиной для помѣщичьяго хозяйства при освобожденіи, которая принудила его спѣшить съ своей ликвидаціей [1]). Лишь небольшая часть дворянства могла воспользоваться производительно тѣми громадными капитальными выкупными суммами, которыя получило оно въ вознагражденіе за лишеніе крѣпостного труда. Большая часть этихъ суммъ была собственно прожита уже предварительно, такъ какъ къ 60-годамъ до 62% всѣхъ крѣпостныхъ душъ, т. е. 6.606 тыс. крестьянъ, были заложены и имѣли долгу до 398 милл. рублей, т. е. свыше 53% всей ихъ стоимости по тогдашнимъ цѣнамъ [2]); весь же долгъ, лежавшій на русскомъ землевладѣніи ко времени освобожденія и пошедшій, конечно, въ большей части не на производительныя цѣли, достигалъ 425 милл. рублей [3]).

Благодаря этому, изъ тѣхъ крупныхъ суммъ, которыя должны были поступить въ видѣ выкупныхъ платежей помѣщикамъ, въ ихъ руки пошло около половины. Такъ, за первое десятилѣтіе, къ 1871 году, изъ общаго долга крестьянъ за пріобрѣтенную землю въ 543 милл. руб. до 248 милл. руб. было переведено долгу самихъ помѣщиковъ. Но и изъ оставшейся суммы не много пошло на реорганизацію хозяйства большая же часть ея пошла или на совершенно непроизводительныя цѣли, или отвлеклась въ другія области предпринимательства. Такимъ образомъ, не смотря на преобладаніе въ проведеніи реформы классовыхъ и сословныхъ помѣщичьихъ интересовъ—расширенія помѣщичьяго производства не произошло, и съ освобожденіемъ крестьянъ ликвидація помѣщичьяго хозяйства, какъ самостоятельнаго предпріятія, пошла еще болѣе укореннымъ темпомъ.

Въ какія условія было поставлено при этомъ само крестьянское хозяйство? Помимо отмѣченнаго выше уменьшенія размѣровъ надѣла, реформа принесла крестьянскому хозяйству, также, какъ

[1]) *Ходскій*, Земля и земледѣлецъ, т. II Спб., 1891, стр. 44.

[2]) «О задолженности землевладѣнія въ связи съ статистическими данными о притокѣ капиталовъ къ помѣстному землевладѣнію со времени освобожденія крестьянъ». Врем. центр. стат. ком. № 2. Спб. 1888.

[3]) Труды Коммиссіи, Высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ. Т. I. Спб. 1860.

и помѣщичьему, сильнѣйшее увеличеніе нужды въ денежныхъ средствахъ, вслѣдствіе быстраго развитія въ странѣ денежнаго хозяйства.

Прежде всего, сильно увеличились всевозможные платежи и повинности, какъ въ отношеніи къ государству, такъ и въ отношеніи къ прежнимъ владѣльцамъ. При этомъ, большая часть повинностей перешла въ денежную форму. Освободившись отъ натуральныхъ повинностей помѣщику, но и то далеко не отъ всѣхъ, крестьянинъ принужденъ былъ нести передъ государствомъ рядъ гораздо болѣе тяжелыхъ денежныхъ; вмѣсто прежней подушной подати и государственнаго земскаго сбора на сельскомъ населеніи сталъ лежать длинный рядъ разнообразныхъ сборовъ: выкупные платежи за землю бывшихъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ, оброчная подать за землю бывшихъ государственныхъ крестьянъ, государственный земскій сборъ, мѣстные земскіе сборы, подушная подать, мірскіе сборы, сборы рекрутскіе, на обезпеченіе народнаго продовольствія и др. Всѣ эти платежи возрасли сравнительно съ дореформенными и абсолютно, и особенно сильно въ денежной своей части. Одни денежные сборы различныхъ перечисленныхъ платежей достигали до 4 р. 50 коп.—5 рублей на душу или 1 р. на десятину и ложились на крестьянское земледѣльческое хозяйство такимъ тяжелымъ бременемъ, что, по выводу оффиціальной коммиссіи, «общая сумма всѣхъ сборовъ и платежей, падающихъ на крестьянъ, въ немногихъ мѣстностяхъ можетъ покрываться доходами съ земельнаго надѣла, безъ постороннихъ заработковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже въ черноземной полосѣ, сумма всѣхъ платежей превышаетъ доходность земли въ 5 разъ» [1]).

Къ тому же выводу о несоотвѣтствіи платежей доходности крестьянскихъ надѣловъ приходитъ и другая правительственная, Податная коммиссія, по разсчету которой для нечерноземныхъ губерній платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ при полномъ надѣлѣ составляютъ отъ 200 до 276% доходности земли, а въ черноземной полосѣ—до 124% при среднемъ и до 200% при низшемъ надѣлѣ. «Отсюда, говоритъ по этому поводу проф. Янсонъ, для черноземнаго крестьянина то же стремленіе, что и для нечерноземнаго, къ постороннимъ заработкамъ—не изъ желанія увели-

[1]) Докладъ Высочайше учрежденной коммиссіи, стр. 35.

чить свое благосостояніе, а изъ нужды, чтобы прокормить, одѣть семью и уплатить подати» [1]).

Частью это увеличеніе денежныхъ повинностей крестьянъ, частью общія измѣненія въ строѣ жизни дали окончательный толчекъ къ разрушенію натуральныхъ отношеній въ земледѣліи и къ паденію натуральнаго хозяйства какъ помѣщика, такъ и крестьянина. Если прежде съ помощью натуральныхъ сборовъ съ крестьянъ, съ помощью многочисленнной «перерабатывающей» дворни даже и помѣщичье хозяйство могло стоять въ значительной степени изолированно отъ рынка, хотя бы цѣной громадныхъ и совершенно, повидимому, не-раціональныхъ и не-экономичныхъ затратъ труда крѣпостныхъ [2]), то съ паденіемъ крѣпостного хозяйства не только помѣщичье, но и крестьянское хозяйство должны было быстро пойти по пути развитія денежныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало данныхъ для сужденія о томъ, насколько видное мѣсто въ крестьянскомъ хозяйствѣ и въ бюджетѣ занимали чисто денежные расходы до освобожденія и послѣ освобожденія. Крѣпостная статистика сохранила, однако, нѣсколько весьма подробныхъ бюджетныхъ описаній расходовъ крестьянской семьи на продовольствіе, веденіе хозяйства и пр. Конечно, всѣ эти описанія и исчисленія о томъ, «что нужно помѣщичьему крестьянину для безбѣднаго существованія», какъ преслѣдовавшія спеціальную цѣль опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ повинностей и необходимаго для исполненія ихъ размѣра надѣленія землей, хотя и имѣли, можетъ быть, значительную точность, однако носили лишь мѣстный характеръ. Но все же и изъ нихъ видна крайне незначительная доля денежной части въ крестьянскихъ приходо-расходахъ.

---

[1]) *Янсонъ.* Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Стр. 33 и 81.

[2]) Напр. даже такіе опытные и образованные хозяева, какъ Волконскій, считали «безумствомъ» употребленіе покупныхъ стеариновыхъ свѣчей, но не находили ничего несообразнаго въ томъ, что для кружева на платья требовался двухлѣтній трудъ искусной крѣпостной мастерицы, вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти ихъ съ гораздо меньшими издержками на рынкѣ. Покупалось только то, что абсолютно не могла произвести данная мѣстность и чего совершенно нельзя было сдѣлать въ хозяйствѣ. «Все покупное казалось дорогимъ, все свое, домашнее—не цѣнилось». *Волконскій.* Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Труды Рязан. Уч. арх. ком. 1897, XII в. 2. Съ освобожденіемъ крестьянъ все это рѣзко и кореннымъ образомъ измѣнилось.

Одинъ изъ опытнѣйшихъ хозяевъ нечерноземной полосы, Вилькинсъ, составившій наиболѣе подробныя и весьма точныя бюджетныя описанія крестьянскаго хозяйства своихъ деревень, опредѣляетъ въ одномъ бюджетѣ, относящемся къ тридцатымъ годамъ, денежные расходы крестьянской средней по зажиточности семьи изъ 5 душъ въ 72 р. 50 к., т. е. въ 12 р. 50 к. на душу въ годъ [1]). Въ другомъ бюджетѣ сороковыхъ годовъ денежный расходъ семьи въ 3 души опредѣляется въ 47 руб., т. е. въ 15 руб. 70 коп. на душу [2]).

Другіе авторы [3]) даютъ въ общемъ близкія къ этому цифры, такъ что для средней крестьянской семьи въ 5 душъ денежная часть годового расходнаго бюджета можетъ быть принята около 70 р. ассигнаціями или 17 р. серебромъ. Такимъ образомъ, размѣры денежной части крестьянскаго расходнаго бюджета при крѣпостномъ правѣ и при натуральномъ характерѣ повинностей были въ общемъ незначительны. При томъ, въ приведенныхъ бюджетахъ, относящихся къ нечерноземной полосѣ, сравнительно еще большая доля должна падать на денежные расходы, тогда какъ въ земледѣльческихъ барщинныхъ губерніяхъ денежные расходы были еще менѣе значительны.

У насъ не имѣется точныхъ данныхъ для выясненія, въ какой мѣрѣ въ ближайшее время послѣ реформы возросла эта денежная часть бюджета крестьянскихъ хозяйствъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного хозяйства и съ переходомъ къ денежному удовлетворенію всѣхъ повинностей и потребностей крестьянскаго хозяйства, безъ сомнѣнія, она должна была возрасти чрезвычайно рѣзко. Такъ, если даже взять только однѣ перечисленныя выше повинности, которыя теперь крестьянское хозяйство должно было нести исключительно въ денежной формѣ, вмѣсто прежняго преобладанія натуральной, и которыя составляли большую часть денежныхъ крестьянскихъ расходовъ, то съ реформой онѣ должны были возрасти не менѣе, какъ вдвое.

---

[1]) *Вилькинсъ*, Что нужно помѣщичьему издѣльному крестьянину для безбѣднаго содержанія себя въ нечерноземныхъ губерніяхъ. М. 1832.

[2]) *Вилькинсъ,* Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности. М. 1843.

[3]) См. очень подробную бюджетную опись у *Грузинова*, «Бытъ крестьянина Тамбовской губ.» Журн. Землевл. 1858, II, а также *Сабуровъ,* «Записки Пензенскаго помѣщика» въ Отечест. Зап. 1842—43; *Соловьевъ,* Сельскохозяйственная статистика Смоленской губ. М. 1855, стр. 230. *Афросимовъ*, «Опытъ оцѣнки работъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ», Земледѣльч. Журн. за 1834, 20 и др.

Итакъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ личной зависимости помѣщику, крестьянскому хозяйству была поставлена задача, далеко не легко разрѣшимая. «Освобожденное» отъ значительной и лучшей части находившейся въ его пользованіи земли въ плодородныхъ раіонахъ; заплативъ за нее по чрезмѣрно повышенной оцѣнкѣ; освободившись отъ натуральныхъ повинностей— крестьянское земледѣльческое хозяйство должно было съ этихъ уменьшенныхъ надѣловъ добывать значительно большія, чѣмъ прежде, суммы, для исполненія этихъ повинностей, при томъ, уже не черезъ помѣщика, а самостоятельно и непосредственно реализируя на рынкѣ свои земледѣльческіе продукты въ денежную форму. Вмѣстѣ съ этимъ должна была начаться новая эра какъ для крестьянскаго, такъ и для помѣщичьяго хозяйства въ ихъ отношеніяхъ къ рынку и къ сбыту своихъ продуктовъ на рынкѣ.

Брошенное въ круговоротъ денежнаго обращенія, при искусственно созданномъ малоземельѣ и невозможности правильной постановки и развитія производительныхъ силъ своего хозяйства, крестьянство такъ же, какъ раньше помѣщикъ, по необходимости должно было стремиться къ экстенсивному, количественному расширенію своего производства, къ выработкѣ наибольшей массы продукта. А такъ какъ всѣ основы этого хозяйства были въ громадномъ большинствѣ случаевъ связаны съ землей, то отсюда и возникла столь характерная для всего пореформеннаго времени погоня за землей, ради выработки лишняго пуда хлѣба—этого единственнаго товара, который въ громадномъ большинствѣ мѣстностей и могло только производить на рынокъ крестьянское хозяйство. Своей земли было недостаточно — и помѣщичьи поля стали по старому, какъ и при крѣпостномъ хозяйствѣ—частью за денежную уплату, а большею частью даже за прежнюю натуральную оплату отработками или исполу [1])—обрабатываться крестьянами, крестьянскимъ инвентаремъ и скотомъ.

Такой результатъ, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, былъ, конечно, крайне невыгоденъ, такъ какъ онъ не принесъ повышенія производительности земледѣльческаго труда; но за то съ точки

[1]) См. примѣры остатковъ этихъ полукрѣпостническихъ формъ оплаты труда и арендованія земли въ «Сельскохозяйственныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ», Вып. V, Спб. 1892, особенно напр. стр. 118 и 325, а также *Ильинъ,* Развитіе капитализма въ Россіи. Спб. 1899, стр. 128 и слѣд.

зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ онъ былъ выгоденъ потому, что привелъ къ чрезвычайной интенсивности и напряженности крестянскаго труда, принуждаемаго теперь «не дубьемъ, а рублемъ» къ чрезмѣрному труду и къ чрезмѣрно высокой арендной платѣ помѣщику, за право приложенія этого труда на помѣщичьей землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это освобождало и помѣщика отъ необходимости веденія самостоятельнаго хозяйства, что, какъ мы видѣли, затрудняло и самихъ помѣщиковъ за неимѣніемъ въ переходное время достаточнаго капитала, для организаціи хозяйства на новыхъ условіяхъ.

Поэтому помѣщичье земледѣльческое производство должно было отступить предъ крестьянскимъ. Но, конечно, общіе размѣры хлѣбнаго производства и тѣмъ болѣе размѣры товарнаго производства съ переходомъ его къ крестьянскому хозяйству не уменьшились. Высказывавшіяся до реформы опасенія, что освобожденіе крестьянъ съ землей должно сократить общіе размѣры хлѣбнаго производства, не сбылись; наоборотъ, крестьянская реформа значительно содѣйствовала увеличенію производства. Хотя опредѣленія цифры хлѣбнаго производства какъ статистиковъ конца 40-хъ годовъ, такъ и средины 60-хъ, вѣроятно, очень далеки отъ истины и могутъ быть принимаемы, только какъ приблизительно вѣрныя, но и они даютъ возможность заключить о безусловномъ увеличеніи производства хлѣба въ теченіе незначительнаго промежутка времени на границѣ реформы [1]).

Но вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій производства должны были произойти и измѣненія въ условіяхъ хлѣбнаго рынка, чтобы приспособить его къ новому производителю и поставщику, измѣненія, выразившіяся въ громадной перетасовкѣ въ экономической географіи Россіи. Эти измѣненія въ экономической географіи пошли тѣмъ болѣе быстро, что вмѣстѣ съ реформой, съ развитіемъ денежнаго хозяйства и съ работой на рынокъ, стало необходимымъ и улучшеніе путей сообщенія, т. е. расширеніе находившейся тогда въ зачаткѣ желѣзнодорожной сѣти.

Главной особенностью помѣщичьяго крѣпостного хозяйства по отношенію къ способу поставки его продуктовъ на рынокъ являлось, какъ мы уже видѣли, пользованіе крѣпостнымъ трудомъ въ

[1]) *Вильсонъ.* Объясненія къ хозяйственно-стат. атласу Евр. Россіи, изд. 4. Спб. 1869, стр. 113.

теченіе свободнаго отъ работъ зимняго времени. Это обстоятельство позволяло помѣщикамъ совершенно не стѣсняться разстояніемъ ихъ имѣній отъ мѣстъ сбыта. Въ поискахъ болѣе выгоднаго помѣщенія своего товара, болѣе высокихъ цѣнъ, болѣе свободнаго сбыта, они могли поставлять свой хлѣбъ на очень отдаленные крупные рынки, непосредственно потребителю, мукомолу или, въ крайнемъ случаѣ, крупному оптовому торговцу. Поэтому, въ свою очередь, крупные центральные рынки, стягивая къ себѣ хлѣбъ съ очень большихъ раіоновъ, были всегда болѣе или менѣе равномѣрно обезпечены въ снабженіи хлѣбомъ. Это обстоятельство, конечно, и являлось причиной указаннаго выше большаго постоянства цѣнъ на потребительныхъ рынкахъ и вообще въ раіонахъ, не производящихъ избытковъ, а нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ. Механизмъ хлѣботорговаго обмѣна, хотя и крайне несовершенный, но соотвѣтствующій общимъ условіямъ жизни, все же оказывалъ уравнивающее вліяніе на цѣны и, слѣдовательно, былъ въ высшей степени полезенъ и городскому потребителю, и производителю-помѣщику.

Самый ходъ и обстановка снабженія обусловливали и географическое распредѣленіе теченія хлѣбной торговли, раіоновъ тяготѣнія, а также и характеръ всего строя торговли. Во главѣ хлѣботорговыхъ операцій стоялъ крупный капиталъ, крупныя фирмы; центрами, куда стекались хлѣбные грузы, являлись немногочисленные, сравнительно, пункты, державшіе въ своихъ рукахъ значительную долю хлѣботорговаго оборота всего хлѣбнаго рынка и управлявшіе ходомъ заготовокъ на другихъ, меньшихъ рынкахъ. Роль послѣднихъ даже во всей ихъ совокупности не могла быть значительной именно по тѣмъ условіямъ производства, которыя ставили во главѣ этого товарнаго производства помѣщика, т. е. крупнаго партіоннаго производителя. Мѣстные рынки, вслѣдствіе плохихъ сообщеній, отсутствія спроса на мѣстахъ—кромѣ развѣ военнаго и винокуреннаго, развитія которыхъ, какъ мы видѣли, добивались всегда помѣщики—вслѣдствіе отсутствія на мѣстахъ торговаго капитала, не могли вмѣстить крупнаго предложенія помѣщичьяго хлѣба. Цѣны на нихъ всегда были настолько низки, что для помѣщиковъ считались убыточными. Между тѣмъ подводная повинность позволяла помѣщикамъ сноситься непосредственно съ крупными потребительными центрами, продавая тамъ хлѣбъ по болѣе дорогой цѣнѣ, не считаясь, конечно, съ нечувствительными для нихъ издержками по доставкѣ хлѣба.

Все это и создало въ дореформенной хлѣбной торговлѣ преобладаніе крупныхъ потребительныхъ и торговыхъ центровъ надъ мѣстными закупочными центрами, крупнаго торговаго капитала надъ мелкимъ, крупной партіонной торговли надъ мелкой и разсѣянной на мѣстахъ. Послѣдняя, конечно, была также весьма распространена, но находилась исключительно въ рукахъ тѣхъ же крупныхъ торговыхъ домовъ и касалась главнымъ образомъ продаваемаго на мѣстахъ крестьянскаго хлѣба, тогда какъ помѣщичій шелъ въ города, большею частью минуя мѣстныхъ торговцевъ.

Во главѣ потребительныхъ рынковъ стояла Москва, и вліяніе московскихъ и коломенскихъ капиталистовъ-хлѣботорговцевъ далеко распространялось—до Орловской, Курской, Рязанской губерніи и волжскихъ пристаней, гдѣ происходили ссыпка и заготовка хлѣба съ помощью ихъ агентовъ и приказчиковъ. Но и раіоны непосредственныхъ гужевыхъ подвозовъ помѣщичьихъ хлѣбовъ къ Москвѣ распространялись на сотни верстъ къ югу, юго-востоку и юго-западу, до губерній Воронежской и Смоленской. Отсюда стекался къ Москвѣ помѣщичій хлѣбъ, ради полученія здѣсь болѣе высокихъ цѣнъ. Конечно, и на этихъ рынкахъ помѣщикъ при продажѣ хлѣба попадалъ вполнѣ во власть торговаго капитала, но близость потребительнаго рынка и та конкурренція этихъ капиталовъ, которой не было на мелкихъ мѣстныхъ рынкахъ, позволяла часто достигать дѣйствительно болѣе выгодныхъ цѣнъ. Съ другой стороны, именно возможность «даровой» крѣпостной доставки на рынокъ являлась иногда, какъ мы видѣли, причиной чрезвычайно низкихъ цѣнъ, убыточныхъ и разорительныхъ для тѣхъ помѣщиковъ, которые не пользовались этой повинностью или которые вообще вели хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ.

Помимо Москвы крупными потребительными пунктами, сосредоточившими вокругъ себя также крупные капиталы и крупные торговые обороты, являлись почти всѣ болѣе или менѣе значительные города хлѣбороднаго центра, производившіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ хлѣбную торговлю. Но и кромѣ этихъ городовъ, имѣвшихъ главнымъ образомъ роль руководящихъ центровъ капитала, въ зависимости отъ условій торговаго оборота и тогдашнихъ путей сообщенія, возникали самостоятельные торговые пункты, сосредоточившіе вокругъ себя также очень крупные обороты. Такими рынками являлись обыкновенно пристани на берегахъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ или пункты различныхъ перегрузокъ и

перевалокъ хлѣба, расположенные по главнымъ сухопутнымъ торговымъ трактамъ. На нихъ дѣлались обыкновенно заготовки партій хлѣба въ теченіе зимы, для дальнѣйшаго сплава его съ открытіемъ рѣкъ въ потребительные центры; иногда зерно подвергалось переработкѣ въ муку на мельницахъ, принадлежавшихъ большею частью также крупнымъ мѣстнымъ торговцамъ и капиталистамъ, или крупнымъ московскимъ хлѣботорговымъ фирмамъ.

Такія условія торговли съ преобладаніемъ въ ней крупныхъ оборотовъ и крупныхъ капиталовъ, являются вполнѣ характерными не только для черноземнаго помѣщичьяго центра и юга, но и для другихъ земледѣльческихъ раіоновъ, напр. для сѣверо-востока. несмотря на сравнительно меньшее здѣсь распространеніе помѣщичьихъ запашекъ. И здѣсь на рынкѣ, въ сбытѣ продуктовъ, вполнѣ преобладалъ—даже пожалуй еще болѣе, чѣмъ въ центрѣ, крупный торговый капиталъ. Здѣсь важную роль имѣли съ одной стороны отдаленность этого раіона отъ потребительныхъ пунктовъ и невозможность даже для помѣщичьихъ хлѣбовъ непосредственной доставки на рынокъ; съ другой — удобные естественные водные пути, соединявшіе эти раіоны съ сѣверными потребительными пунктами—со всей нечерноземной полосой и съ такимъ крупнымъ потребителемъ, какъ С.-Петербургъ.

Эти обстоятельства обусловили также и на востокѣ, въ Поволжьѣ крупно-капиталистическую организацію хлѣбной торговли. Какъ и въ центральномъ раіонѣ, помѣщичьи подвозы зерна шли на мѣстные рынки и пристани, собираясь также съ очень обширныхъ раіоновъ. При томъ, для пристаней ихъ отдаленность отъ конечныхъ пунктовъ доставки играла еще большую роль. Такъ какъ при медленности тогдашняго рѣчного транспорта хлѣбные караваны съ волжскихъ, окскихъ, камскихъ, цнинскихъ и другихъ пристаней часто не могли въ одну навигацію дойти до сѣверныхъ потребительныхъ рынковъ, то раіоны подвозовъ помѣщичьяго хлѣба, не считавшихся съ стоимостью провоза, для нѣкоторыхъ пристаней, болѣе удобно, въ смыслѣ скорости доставки, расположенныхъ, хотя бы и болѣе отдаленныхъ отъ мѣста производства, были очень обширны и часто выходили изъ своихъ экономическихъ границъ, тогда какъ раіоны другихъ были искусственно суживаемы. Это, конечно, также способствовало концентраціи капитала и сосредоточенію торговли сравнительно въ немногихъ рукахъ.

Наконецъ, совершенно особо въ этой общей экономической географіи стояли два раіона экспортныхъ рынковъ, балтійскихъ и южныхъ портовъ, находившіеся, впрочемъ, въ различныхъ условіяхъ снабженія. Предложеніе тяготѣющаго къ балтійскимъ портамъ раіона, менѣе плодороднаго и значительно отдаленнаго отъ производящихъ центральныхъ губерній, обыкновенно отставало отъ предъявлявшагося здѣсь заграничнаго спроса. Кромѣ близъ лежащихъ губерній, балтійскіе порты снабжались губерніями: Витебской, Смоленской, Могилевской черезъ Зап. Двину; но хлѣбные избытки этихъ раіоновъ были очень невелики. Изъ центрально-черноземныхъ же губерній сюда могли идти лишь болѣе цѣнные сельскіе продукты. Хлѣбъ же, не только торговый, но и помѣщичій, послѣдній къ тому же совершенно не приспособленный для экспортной торговли, не выдерживалъ издержекъ провоза. Поэтому балтійскіе порты и не могли играть особенно крупной роли въ экспортѣ хлѣба, ограничиваясь главнымъ образомъ экспортомъ другихъ, болѣе цѣнныхъ земледѣльческихъ произведеній сѣверныхъ раіоновъ.

Въ иныхъ условіяхъ находились южные порты съ тяготѣющими къ нимъ раіонами. Хотя благодаря экстенсивности культуры и преобладанію скотоводства, производство хлѣба здѣсь было абсолютно невелико, однако богатая почва, рѣдкое населеніе давали здѣсь избытки хлѣба, а близость къ портамъ и постоянный хорошій спросъ въ нихъ вызвали быстрый ростъ зерновой культуры со спеціально торговой цѣлью сбыта, т. е. развили здѣсь чисто товарное земледѣльческое производство, вмѣсто производства съ потребительнымъ характеромъ, преобладавшимъ въ черноземномъ крѣпостномъ центрѣ. Это, въ свою очередь, повліяло рѣшающимъ образомъ какъ на все вообще южно-русское земледѣльческое хозяйство, наиболѣе рано сбросившее съ себя крѣпостные путы, такъ и на дальнѣйшую судьбу въ хлѣбномъ экспортѣ самихъ южно-русскихъ портовъ, постепенно начавшихъ занимать все болѣе видное мѣсто въ общемъ хлѣбномъ экспортѣ.

Такимъ образомъ, главной чертой, характеризующей условія и организацію торговаго обмѣна и отношеній къ рынку народнаго производства до освобожденія, является преобладаніе крупнаго торговаго капитала, крупныхъ торговыхъ сношеній, благодаря именно тѣмъ экономическимъ условіямъ, которыя почти совершенно исключали съ рынка крестьянское производство и дѣлали помѣщика един-

ственнымъ представителемъ товарнаго производства въ земледѣліи. Одной изъ причинъ этого являлась именно та возможность преодолѣвать всѣ неудобства отсутствія улучшенныхъ путей сообщенія и не стѣсняться разстояніемъ отъ рынка, которой обладало помѣщичье хозяйство въ видѣ крѣпостной подводной повинности. Этого преимущества было лишено какъ крестьянское хозяйство, такъ и хозяйство, работавшее вольнонаемнымъ трудомъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, отношеніе производителя къ рынку и условія снабженія хлѣбомъ потребительныхъ рынковъ должны были кореннымъ образомъ измѣниться. Опасенія дореформенныхъ экономистовъ относительно уменьшенія хлѣбнаго производства въ странѣ послѣ освобожденія крестьянъ совершенно не оправдались: хотя помѣщичьи запашки дѣйствительно уменьшились, и не только въ нечерноземной полосѣ, но и въ черноземной, однако, это уменьшеніе съ избыткомъ покрывалось быстрымъ ростомъ крестьянскихъ запашекъ и крестьянскихъ арендъ.

Но если помѣщикъ, имѣя въ своемъ распоряженіи крѣпостной трудъ, могъ не стѣсняться разстояніемъ и сбывать свои продукты на отдаленные рынки, непосредственно въ руки крупныхъ торговцевъ, чтобы выручить нѣсколько лишнихъ копѣекъ за пудъ, то крестьянинъ оказался въ иномъ положеніи. Принужденный вырабатывать и продавать товара—хлѣба какъ можно больше, для покрытія сильно возросшихъ денежныхъ расходовъ, онъ не могъ, однако, везти его за сотни верстъ, такъ какъ зимнее время было дорого ему самому для покрытія заработкомъ оставшихся хозяйственныхъ недочетовъ, да и деньги нужны были именно осенью, когда предстояло платить разныя повинности. Поэтому-то вмѣстѣ съ освобожденіемъ и начинается какъ быстрое количественное возрастаніе производства хлѣба, такъ и быстрое развитіе хлѣбнаго рынка и вообще увеличеніе его размѣровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и измѣненіе въ самихъ внутреннихъ отношеніяхъ рынка: какъ результатъ перехода земледѣльческаго производства въ руки крестьянъ, вмѣстѣ съ демократизаціей и децентрализаціей земледѣльческаго производства начинается демократизація рынка и децентрализація торговли.

Если у насъ не имѣется точныхъ цифръ о размѣрахъ производства хлѣба въ 60-ые годы, то тѣмъ болѣе невозможно вычислить количество поступавшаго на рынокъ и вообще въ обращеніе зерна: поэтому трудно опредѣлить и то, насколько сильное вліяніе имѣло на увеличеніе хлѣботорговаго оборота освобожденіе крестьянъ.

Косвеннымъ подтвержденіемъ громадности этого значенія могутъ служить лишь, съ одной стороны, размѣры увеличенія хлѣбнаго экспорта, съ другой—отдѣльные факты изъ области хлѣбной торговли. Такъ, экспортъ 4 главныхъ хлѣбовъ въ два сосѣднія реформѣ пятилѣтія возросъ съ 66,8 милл. пуд. въ 1855—60 гг. до 120 милл. въ 1865—70 гг. Конечно, можетъ быть, значительная доля въ этихъ количествахъ принадлежала попрежнему помѣщичьему хлѣбу. Но если принять во вниманіе указанныя выше сокращенія помѣщичьихъ запашекъ и увеличеніе крестьянскихъ, необходимость для крестьянина продавать осенью большія количества хлѣба, хотя бы зимою снова пришлось ихъ покупать, то будетъ очевидно, что это увеличеніе шло въ значительной мѣрѣ именно за счетъ поступленія на рынокъ крестьянскаго хлѣба, который сталъ вытѣснять помѣщичій. Правда, на ростъ хлѣбнаго экспорта въ указанный періодъ должно было повліять уже начавшееся въ то время развитіе желѣзнодорожной сѣти, вліяніе которой на увеличеніе размѣровъ поступающаго на рынокъ хлѣба вообще трудно выдѣлить отъ вліянія освобожденія крестьянъ. Именно желѣзнымъ дорогамъ обыкновенно и приписывается рѣшающая роль въ развитіи нашего хлѣбнаго экспорта и внутренняго хлѣбнаго рынка, въ развитіи вообще нашего товарно-денежнаго хозяйства. Но многочисленные факты доказываютъ, что оживленіе торговли, развитіе торговаго сбыта и работы на рынокъ наступили очень рѣзко именно подъ вліяніемъ увеличенія мѣстнаго предложенія крестьянскаго хлѣба еще до проведенія желѣзныхъ дорогъ и независимо отъ нихъ, лишь вслѣдствіе общихъ, указанныхъ выше, измѣненій въ хозяйственномъ строѣ.

Такъ, по словамъ Безобразова, изслѣдовавшаго въ 60-хъ годахъ хлѣбную торговлю въ камскомъ раіонѣ, «въ бассейнѣ рѣки Бѣлой, мѣстные торговцы говорили, что самые значительные запасы хлѣба, обращавшіеся въ торговлѣ 10 лѣтъ назадъ, ничтожны, въ сравненіи съ запасами, нынѣ закупленными крестьянами» [1]).

Другой изслѣдователь южно-русскаго хозяйства и торговли, Янсонъ, такъ описываетъ подобныя же перемѣны, наступившія вмѣстѣ съ реформой для юго-запада. «Крестьянская запашка сильно уве-

[1]) Извѣст. Импер. русск. геогр. о-ва, т. III, вып. 8, стр. 218.

личилась; вмѣстѣ съ этимъ появилось рѣзкое различіе между крестьянскимъ и помѣщичьимъ хлѣбомъ; перваго стало больше. Рожь, просо, греча стали крестьянскими хлѣбами, пшеница, ленъ, рапсъ—помѣщичьими; производство ржи увеличилось, усилилось ея предложеніе, цѣны пали. При помѣщичьемъ производствѣ базарная торговля была развита слабо, слабо было и кулачество; были срочныя продажи. Теперь количество запасовъ сократилось (въ Малороссіи у многихъ помѣщиковъ на половину), развилась базарная мелкая торговля, партіонныхъ продажъ и срочныхъ поставокъ не стало» [1]).

Особенно рѣзко сокращеніе помѣщичьихъ поставокъ и развитіе крестьянскихъ подвозовъ сказалось въ центральномъ производительномъ раіонѣ, въ особенности на небольшихъ пристаняхъ, которыхъ крупные производители-помѣщики раньше избѣгали, отправляя хлѣбъ на болѣе отдаленные рынки. Такъ, напр., въ Мценскѣ (извѣстной по своимъ оборотамъ ржаной мукой пристани на р. Зушѣ, притокѣ Оки), тотчасъ послѣ освобожденія, въ 1862 г., размѣръ сплава увеличивается болѣе, чѣмъ въ 8 разъ: медленно поднимавшійся и дошедшій до 428 тыс. пуд., онъ въ 1862 году возрастаетъ до 3½ милл., и затѣмъ колеблется около 2 милл. пудовъ [2]). Такое рѣзкое увеличеніе объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что доставка помѣщичьяго хлѣба въ отдаленные города, на болѣе крупные рынки, прекратилась вмѣстѣ съ упраздненіемъ крѣпостного труда и хлѣбъ поэтому сталъ грузиться въ Мценскѣ. Точно такъ же многія пристани, обладавшія какимъ-нибудь преимуществомъ въ ихъ расположеніи и поэтому стягивавшія грузы съ далекихъ раіоновъ, стали терять свое значеніе и уступать часть грузовъ другимъ, менѣе удобнымъ, но расположеннымъ ближе къ мѣстамъ производства [3]).

---

[1]) *Янсонъ.* Вліяніе реформы 1861 года на сельское хозяйство и хлѣбную торговлю въ юго-западныхъ губерніяхъ. Тр. В. Эк. общ., 1868 г. IV.

[2]) Труды экспедиціи, снаряженной Имп.Вол. экономическимъ и Рус. географическимъ обществами для изслѣдованія хлѣбной производительности и торговли Россіи. Т. III, вып. I. *Чаславскій.* Хлѣбная торговля въ центральномъ раіонѣ. Спб., 1873 г. Ч. I, стр. 144.

[3]) *Вильсонъ.* Объясн. къ хоз.-статист. атласу, стр. 135. Такъ разрѣшилась напр., конкурренція между двумя крупными волжскими пристанями, Промзинской и Лысковской. До освобожденія Лысковская пристань далеко превосходила своими операціями Промзинскую и находилась въ цвѣтущемъ состояніи; со временъ же освобожденія обороты ея начали сильно падать, и значительная доля хлѣбной торговли перешла въ Промзино. Причина заключалась въ томъ, что Лысковская пристань, находясь ближе Промзинской къ Нижнему и Рыбинску и отправляя свои запасы съ первымъ же весеннимъ рейсомъ, доставляла ихъ въ ту же навигацію къ Петербургу; понятно, что цѣны Лысковской пристани стояли всегда значительно выше всѣхъ другихъ волжскихъ пристаней. Поэтому съ наступленіемъ зимняго пути къ Лысковской пристани стекались громадныя массы хлѣба, который доставлялся сюда иногда верстъ за 200 и болѣе изъ губерній Нижегородской, Симбирской, Пензенской и даже Тамбовской на счетъ труда бывшаго барщиннаго крестьянина. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, и, слѣдовательно, даровой доставки хлѣба, обстоятельства совершенно измѣнились: ни самъ помѣщикъ, ни тѣмъ болѣе новый самостоятельный производитель-крестьянинъ не могли уже изъ за нѣсколькихъ копѣекъ разницы въ цѣнѣ вести хлѣбъ на далекіе рынки—и раіонъ Лысковской пристани вошелъ въ свои нормальныя экономическія границы—нѣсколько сосѣднихъ уѣздовъ, уступивъ остальную часть своего большого раіона другимъ пристанямъ и увеличивъ этимъ ихъ обороты.

[1]) *Чаславскій.* Хлѣбная торговля въ центральномъ раіонѣ. Ч. II. Спб. 1875 (Труды экспед. о хлѣб. торг. Т. III, в. II) стр. 283.

Такая же участь постигла и цѣлый рядъ другихъ городовъ, прежде крупныхъ свалочныхъ хлѣбныхъ пунктовъ, потерявшихъ съ освобожденіемъ крестьянъ и уничтоженіемъ даровой подвоза значительную долю хлѣбныхъ грузовъ въ пользу другихъ городовъ; таковы, напр., Бѣлгородъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Дмитровскъ и др., на счетъ которыхъ стали развиваться Суджа, Сумы и др. [1]).

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ обнаружилось не только увеличеніе общаго количества хлѣбнаго производства, но въ особенности крестьянскаго, т. е. мелкаго, некапиталистическаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось и другое, тѣсно связанное съ этимъ и представляющееся прямымъ его слѣдствіемъ, явленіе—измельчаніе торговли. Другими словами, съ децентрализаціей производства шла и децентрализація обмѣна, децентрализація капитала, шло разсѣяніе торговыхъ путей и рынковъ, примѣнительно къ новымъ условіямъ сбыта.

Понятно, что центральная, бывшая крѣпостная Россія была особенно заинтересована въ такой перемѣнѣ условій сбыта, такъ какъ, непроѣздная и отдаленная отъ рынковъ, она должна была первая страдать отъ невозможности для мелкаго производителя продавать свои продукты. Правда, крупные помѣщики и теперь могли еще поставлять хлѣбъ на болѣе или менѣе отдаленные рынки на наемныхъ подводахъ, хотя бы это обходилось довольно дорого: ихъ хлѣбъ шелъ часто непосредственно въ руки крупныхъ московскихъ и др. торговыхъ фирмъ; но крестьянскій хлѣбъ долженъ былъ находить себѣ сбытъ возможно ближе и возможно скорѣе послѣ жат-

вы. Для его услугъ и явился мелкій посредникъ, въ лицѣ-ли самостоятельнаго мелкаго деревенскаго скупщика или въ лицѣ коммиссіонера болѣе крупныхъ торговцевъ, появившагося въ торговыхъ селахъ и деревняхъ.

На базары этихъ мелкихъ торговыхъ пунктовъ теперь свозился крестьянами ближайшихъ окрестностей хлѣбъ, ссыпаясь въ амбары для перепродажи въ болѣе крупные пункты торговцами. Они были единственными скупщиками крестьянскаго мѣстнаго хлѣба и другихъ продуктовъ крестьянскаго производства и за отсутствіемъ конкурренціи держали въ своихъ рукахъ весь сельскохозяйственный и хлѣбный рынокъ, устанавливая цѣны, давая впередъ задатки и т. п. Еще болѣе дробная и мелкая скупка шла въ раіонахъ, расположенныхъ по близости къ потребительнымъ центрамъ или сплавнымъ рѣкамъ, гдѣ хлѣбъ скупался цѣлой арміей скупщиковъ-прасоловъ, разъѣзжавшихъ по деревнямъ, покупавшихъ у крестьянъ всевозможные продукты и затѣмъ на подводахъ отправлявшихъ до ближайшей пристани. Хотя въ этихъ раіонахъ, благодаря конкурренціи скупщиковъ, цѣны въ меньшей степени зависѣли отъ мѣстнаго торговца, чѣмъ въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ, но все же, вслѣдствіе трудности дальнѣйшаго сбыта и неурегулированности спроса и предложенія, колебанія цѣнъ были очень значительны и уровень ихъ невыгоденъ для производителя.

Таковы были измѣненія, внесенныя крестьянской реформой въ положеніе сельскохозяйственнаго рынка, измѣненія, выразившіяся въ начавшемся тотчасъ послѣ освобожденія преобладаніи на рынкѣ продуктовъ крестьянскаго производства и въ мелкихъ продажахъ ихъ, т. е. въ демократизаціи и децентрализаціи обмѣна. Мѣсто прежняго крупнаго крѣпостнаго производства и крупной капиталистической организаціи обмѣна, заняла та система народнаго хозяйства, которая въ исторической схемѣ ближе всего подходитъ къ системѣ «производства на скупщика». Характеризуясь большимъ разсѣяніемъ производства, раздробленіемъ его среди мелкихъ производителей, но производствомъ все же уже не потребительныхъ, а товарныхъ цѣнностей, эта система, будучи совершенно далека отъ капиталистической организаціи производства въ то же время однако, разорвала связь и съ прежнимъ натуральнымъ строемъ. Она уже имѣетъ вполнѣ капиталистически организованный сбытъ, совершенно почти не допуская непосредственнаго общенія производителя съ рынкомъ.

Зависимость мелкаго производителя отъ рынка, его служеніе этому рынку становились тѣмъ полнѣе, чѣмъ совершеннѣе были орудія и средства этого подчиненія, т. е. орудія обмѣна. Организація обращенія вообще и устройство путей сообщенія въ особенности явились однимъ изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій въ этомъ отношеніи. Поэтому вмѣстѣ съ указанной коренной перемѣной въ характерѣ производства и, какъ результатъ ея, въ отношеніяхъ производителя къ рынку естественной необходимостью долженъ былъ явиться новый факторъ, дѣйствіе котораго еще болѣе закрѣпило зависимость всего народнаго хозяйства отъ рынка, еще болѣе способствовало возможности работы на этотъ рынокъ и оказалось еще существеннѣе въ смыслѣ дальнѣйшей децентрализаціи торговли, дальнѣйшаго преобладанія мелкаго капитала, болѣе быстраго оборота торговыхъ операцій, уравниванія цѣнъ и т. п. Это была постройка желѣзныхъ дорогъ, охватившихъ вслѣдъ за освобожденіемъ правильной сѣтью всю Россію. Онѣ явились, такимъ образомъ, завершительнымъ процессомъ преобладанія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ товарно-торговаго производства зерна, съ цѣлью продажи его на рынокъ.

ГЛАВА VII.

Сельскохозяйственный рынокъ и желѣзныя дороги.

Планъ и цѣли первоначальнаго желѣзнодорожнаго строительства.—Земледѣльческій характеръ желѣзнодорожнаго движенія.—Значеніе желѣзныхъ дорогъ для развитія сельскохозяйственнаго рынка.—Новыя перемѣщенія въ экономической географіи.—Демократизація и децентрализація рынка.

Извѣстно, что постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи началась еще задолго до освобожденія крестьянъ, сооруженіемъ (не считая мелкихъ линій) варшавско-вѣнской въ 1845—48 гг., и с.-петербургско-варшавской желѣзной дороги въ 1853—62 гг. Но, имѣя большое стратегическое значеніе, эти дороги не могли имѣть почти никакой экономической роли, въ особенности въ обмѣнѣ сельскохяйственными произведеніями, такъ какъ были слишкомъ удалены отъ хлѣбородныхъ черноземныхъ раіоновъ. Первой, важной въ этомъ отношеніи, линіей была николаевская желѣзная дорога, сразу оказавшая громадную перемѣну въ условіяхъ снабженія петербургскаго рынка [1]). Но для центральнаго земледѣльческаго раіона и она имѣла лишь небольшое значеніе. Такимъ образомъ, въ первое двадцатилѣтіе желѣзнодорожное строительство почти совершенно не пріобрѣло хозяйственнаго значенія, въ особенности для земледѣлія центральныхъ раіоновъ и носило характеръ осторожныхъ опытовъ, встрѣчая часто даже отрицательную оцѣнку со стороны современниковъ [2]).

[1]) *Небольсинъ*. Движеніе по Николаевской жел. дор. Тр. В. Э. Об., 1860, IV.

[2]) Необходимо отмѣтить, что не только у насъ, но и въ Зап. Европѣ, напр. во мнѣніяхъ такихъ дѣятелей, какъ Тэеръ, желѣзныя дороги встрѣчали совершенно отрицательную оцѣнку. Неудивительно поэтому, что и у насъ первоначально смотрѣли на желѣзныя дороги какъ на затѣю, не только не нужную, но прямо вредную. Указывали, что желѣзныя дороги отвлекутъ громадныя массы капитала на свои непроизводительныя затраты отъ земледѣлія, и безъ того не богатаго капиталами; что самыя климатическія условія Россіи не позволяютъ надѣяться на возможность развитія желѣзнодорожнаго пути, паровой тяги, годныхъ развѣ только для пассажирскаго движенія, но ни какъ не для товарнаго, и потому не могущихъ имѣть какого либо значенія въ экономической жизни; наконецъ, что развитіе желѣзныхъ дорогъ, требующихъ громадныхъ количествъ топлива, повлекло бы истребленіе лѣсовъ, а развитіе пароваго транспорта убило бы извозный промыселъ и оставило бы тысячи крестьянъ безъ зимнихъ заработковъ. См. *Куломзинъ*, Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Спб. 1902, т. I стр. 15 и слѣд.

Громадное хозяйственное значеніе и крайняя необходимость улучшенныхъ путей сообщенія и созданія желѣзнодорожнаго транспорта ясно выдвинулись лишь съ паденіемъ крѣпостнаго хозяйства: желѣзныя дороги должны были явиться орудіемъ скорѣйшаго перехода къ денежному хозяйству. Для того, чтобы использоать все громадное экономическое значеніе желѣзныхъ дорогъ, необходимъ былъ общій послѣдовательный планъ созданія законченной желѣзнодорожной сѣти, сообразно хозяйственнымъ нуждамъ и значенію отдѣльныхъ географическихъ раіоновъ. А для этого, въ свою очередь, требовалось глубокое знаніе хозяйственной жизни страны, соотношеній и нуждъ раіоновъ, черезъ которые проходила новая желѣзнодорожная линія. Но такихъ свѣдѣній крѣпостная статистика и экономія не давали.

Оффиціальная статистика въ то время почти отсутствовала, да и имѣвшаяся, по словамъ самихъ правительственныхъ органовъ, не заслуживала почти никакого довѣрія; частныхъ изслѣдованій было также очень мало. Приблизительную доходность, наивыгоднѣйшее направленіе проектируемыхъ линій опредѣлить было очень трудно, такъ же, какъ предвидѣть, насколько та или другая линія можетъ поднять и оживить промышленную жизнь края въ будущемъ. Прежде, чѣмъ приступать къ постройкѣ дорогъ и къ выработкѣ сѣти, необходимо было детальное изученіе мѣстныхъ торговыхъ нуждъ, мѣстнаго производства, мѣстныхъ богатствъ [1]).

[1]) Съ этой цѣлью, напр., тогдашній министръ путей сообщенія обратился къ губернаторамъ съ просьбой описанія существующихъ торговыхъ путей разнаго рода и необходимыхъ для развитія торговли новыхъ путей; съ этой же цѣлью къ министру государственныхъ имуществъ стали поступать изъ губернскихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ различныя свѣдѣнія, касающіяся сельскаго хозяйства и условій сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Но всѣ эти свѣдѣнія, конечно,

Поэтому то—помимо, конечно, постороннихъ причинъ—правильность созданія желѣзнодорожной сѣти, согласно нуждамъ народнаго хозяйства часто затруднялась и нарушалась. Одно, что съ разрушеніемъ крѣпостнаго хозяйства стояло ясно, это необходимость при возникшемъ денежномъ хозяйствѣ открыть земледѣлію возможно болѣе широкій рынокъ для его продуктовъ. Сельскохозяйственные продукты, и изъ нихъ прежде всего—зерновой хлѣбъ, естественно явились первымъ матеріаломъ для желѣзныхъ дорогъ.

Желѣзныя дороги необходимо было строить по главнымъ артеріямъ прежней промышленной и торговой дѣятельности. Въ этихъ видахъ на первую очередь было поставлено соединеніе Москвы съ Петербургомъ и балтійскихъ портовъ съ хлѣбородными мѣстностями центра. Другой, стоящей на первой очереди линіей, была признана южная, которая должна была соединить Москву съ центромъ, центръ и югъ съ южными портами и открыть, такимъ образомъ, «удобное въ краѣ сообщеніе для сбыта продуктовъ на югъ—заграницу, на западъ и сѣверозападъ—во внутреннія губерніи» [1]).

Эти два направленія и должны были лечь въ основу того остова желѣзнодорожныхъ линій, который съ теченіемъ времени долженъ былъ получить дальнѣйшее развитіе. Уже въ Высочайшемъ указѣ объ учрежденіи Главн. Общ. желѣзныхъ дорогъ были намѣчены главнѣйшія основанія предполагаемой желѣзнодорожной сѣти. Она должна была состоять изъ магистралей «отъ С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, отъ Москвы черезъ Курскъ и низовья Днѣпра до Ѳеодосіи, и отъ Курска и Орла черезъ Динабургъ до Либавы; такимъ образомъ, непрерывнымъ черезъ 26 губерній желѣзнымъ путемъ соединятся взаимно: три столицы, главныя судоходныя рѣки наши, сосредоточіе хлѣбныхъ нашихъ избытковъ и два порта на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почти весь годъ доступные; облегчится симъ образомъ вывозъ заграничный, обезпечится привозъ и продовольствіе внутреннее» [2]).

Такимъ образомъ, въ правительственной желѣзнодорожной политикѣ на первомъ мѣстѣ стояло цѣлью вовлеченіе въ торговый оборотъ и связываніе съ рынкомъ именно земледѣльческихъ раіоновъ.

были мало удовлетворительны для освѣщенія такого важнаго вопроса. *Куломзинъ*, Наша желѣзнодорожная политика, т. I, стр. 37.

[1]) *Куломзинъ*, Наша желѣзнодорожная политика, т. I, стр. 38.

[2]) *Куломзинъ*, Наша желѣзнодорожная политика, т. I, стр. 73.

Помимо финансово-технической стороны, основой которой явилось широкое допущеніе частнаго предпринимательства и иниціативы въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, приведенный Высочайшій указъ содержитъ и вполнѣ законченную экономическую программу желѣзнодорожнаго строительства въ указанномъ смыслѣ. Было признано, что наивысшую важность представляютъ именно тѣ дороги, которыя соединяютъ хлѣбородные раіоны съ внутренними рынками, т. е. обезпечиваютъ ихъ снабженіе. Таково было значеніе первой крупной линіи С.-Петербургъ—Москва. Лишь затѣмъ, обезпечивъ внутренній рынокъ, желѣзныя дороги должны были соединить производительные раіоны также и съ портами, открывъ ихъ продуктамъ сбытъ заграницу. Эти главные принципы какъ финансовой, такъ и экономической желѣзнодорожной политики, несмотря на нѣкоторыя частныя отступленія, въ общемъ сохранились и при дальнѣйшемъ развитіи желѣзнодорожной сѣти [1]).

Менѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ послѣ начала правильнаго и планомѣрнаго желѣзнодорожнаго строительства, къ концу 1868 года, была уже открыта сѣть линій, соединяющихъ Москву съ производительными раіонами: дорога Москва—Курскъ привлекала къ Москвѣ грузы центра, Москва—Козловъ—Воронежъ собирала хлѣбъ съ юго-востока, Москва—Нижній—со всего волжскаго и камскаго раіона, Москва—Петербургъ отчасти служила путемъ привлеченія грузовъ съ сѣверо-запада, отчасти снабжала южнымъ хлѣбомъ С.-Петербургъ. Только вслѣдъ за сооруженіемъ этихъ линій началась постройка путей, соединяющихъ хлѣботорговые раіоны съ портами и служащихъ для доставленія хлѣба на вывозъ. Сюда принадлежитъ прежде всего магистраль Рига—Царицынъ, начатая строиться отдѣльными участками впрочемъ много ранѣе, но законченная только въ 1871 году: пройдя съ низовьевъ Волги и юго-восточныхъ степей черезъ черноземный центръ, она явилась широкимъ русломъ для вывоза избытковъ хлѣба заграницу. Послѣ по-

[1]) Болѣе подробно о ходѣ нашего желѣзнодорожнаго строительства, а также о желѣзнодорожной политикѣ—впрочемъ исключительно съ финансово-технической стороны—кромѣ цитированнаго труда Куломзина см. *Головачевъ*, Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, Спб., 1881, а также «Краткій историческій очеркъ начала и распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи». Спб., 1898. *Мигулинъ*, «Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы». Хар., 1903. *Сомовъ*, «Начало желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи». В. Е. 1899, III—V.

стройки этихъ линій стали сооружаться и другія, не измѣняя общаго плана сѣти. Къ концу 1875 г. центръ обогатился новыми линіями Москва—Ярославль, а также Сызрань—Вязьма и Козловъ—Саратовъ, увеличившими раіонъ тяготѣнія къ Москвѣ далеко на востокъ и юго-востокъ. Кромѣ этихъ двухъ линій, работавшихъ отчасти также и на экспортъ, главными экспортными линіями явились Курскъ—Харьковъ—Одесса, Харьковъ—Ростовъ, Воронежъ—Ростовъ, Харьковъ—Севастополь, служившія выходами хлѣба центра въ южные порты, и линія Либава—Ромны, ставшая вмѣстѣ съ Риго-царицынской линіей стягивать грузы не только центральныхъ, но и южныхъ губерній къ балтійскимъ портамъ.

Къ 1875 году явился уже вполнѣ законченнымъ тотъ остовъ желѣзнодорожной сѣти, который былъ намѣченъ въ указѣ объ учрежденіи Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ въ 1862 году, и въ осуществленіи котораго выразился главный принципъ экономической желѣзнодорожной политики: 1) соединить Москву, какъ главный потребительный рынокъ, снабжающій также и всю нечерноземную полосу, съ производительными раіонами поволжья, юго-востока, юга и центра; 2) дать каждому порту Балтійскаго и Чернаго моря свою дорогу, съ помощью которой онъ могъ бы привлекать къ себѣ грузы тяготѣющихъ къ нему раіоновъ. При послѣдующемъ выполненіи плана вторая его часть—служеніе задачамъ экспорта—получила особенно важное значеніе и выдвинулась на первое мѣсто. Послѣ этого выдвинулись также и другія задачи и цѣли желѣзнодорожнаго строительства. Именно, послѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, обслуживавшихъ сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, стали развиваться дороги, служащія нуждамъ другихъ отраслей промышленности; но дороги, сооруженныя въ первоначальный періодъ строительства, были почти всѣ дорогами земледѣльческими, такими, которыя питали лишь внутренній рынокъ, и сами «питались исключительно продуктами черноземныхъ раіоновъ».

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что наше желѣзнодорожное строительство вовсе не носило такого случайнаго, вызваннаго внѣшними причинами, характера, вовсе не было элементомъ, чуждымъ общему строю тогдашней жизни, и въ первоначальный свой періодъ вовсе не было направлено исключительно на цѣли экспорта, какъ это принято считать. Наоборотъ, первыя желѣзныя дороги открывали земледѣльческимъ раіонамъ только внутренній широкій рынокъ. Тѣ исключительныя стремленія къ экспорту продуктовъ сельскаго

хозяйства, главнымъ образомъ зерноваго хлѣба, которыя стали проявляться въ позднѣйшемъ желѣзнодорожномъ строительствѣ и въ тарифной политикѣ, были вызваны причинами, лежавшими въ условіяхъ общефинансовой политики и принуждавшими именно къ такому покровительству экспорта. Само же по себѣ развитіе желѣзныхъ дорогъ, начавшееся вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного хозяйства и съ водвореніемъ денежнаго, являлось лишь естественнымъ слѣдствіемъ стремленія народнаго производства, переросшаго мѣстный рынокъ, къ болѣе широкому и свободному рынку.

Понятно, что сами желѣзныя дороги явились настолько могущественнымъ новымъ экономическимъ факторомъ, что ихъ вліяніе должно было надолго затемнить дѣйствіе другихъ факторовъ, тѣмъ болѣе, что, начавъ свое развитіе на почвѣ расширенія сбыта прежде всего продуктовъ сельскаго хозяйства, желѣзныя дороги должны были послужить могущественнымъ толчкомъ для развитія и другихъ отраслей промышленности, а для нѣкоторыхъ и началомъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ явились началомъ коренныхъ перемѣнъ въ общей торговопромышленной политикѣ, вопросы которой съ тѣхъ поръ становятся въ неразрывную связь съ вопросами желѣзнодорожной политики и которая наиболѣе ясное выраженіе находитъ въ покровительствѣ съ помощью тарифной системы экспорту сельскохозяйственныхъ произведеній, ради удержанія благопріятнаго торговаго баланса.

Съ освобожденіемъ крестьянъ и съ измѣненіемъ условій сбыта хлѣба и сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ одинаково невыгодныхъ условіяхъ очутился какъ помѣщикъ, лишившійся даровой труда для доставки своихъ произведеній на рынокъ и натолкнувшійся, вслѣдствіе этого, какъ на непреодолимое въ тѣхъ условіяхъ препятствіе для правильнаго развитія хозяйства—на стѣну низкихъ и непостоянныхъ мѣстныхъ цѣнъ; такъ и крестьянинъ, принужденный общимъ теченіемъ экономической жизни къ расширенію своего хлѣбнаго производства, но не имѣвшій достаточно широкаго готоваго рынка и безъ возможности пріобрѣсти новые рынки за отсутствіемъ улучшенныхъ и дешевыхъ путей сообщенія.

Между тѣмъ, въ самыхъ условіяхъ освобожденія крестьянъ, уменьшеніемъ ихъ земельныхъ надѣловъ и увеличеніемъ денежной финансовой тяготы, были уже заложены элементы необходимости крайняго, экстенсивнаго расширенія крестьянскаго производства, необходимости для крестьянскаго хлѣба поисковъ за рынкомъ. Же

лѣзныя дороги явились необходимымъ посредникомъ, открывшимъ этотъ рынокъ для крестьянскаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ постепенно стали измѣнять сначала условія сбыта, а затѣмъ, внѣдряясь далѣе въ глубь хозяйственныхъ отношеній, измѣнили и общій строй крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, обративъ его изъ продовольственнаго въ торговый, изъ замкнутаго и самоудовлетворяющагося не только въ сбывающій на рынокъ избытки отъ собственнаго потребленія, но въ преобладающей массѣ или даже исключительно работающаго на рынокъ. При томъ, вслѣдствіе общихъ экономическихъ условій, этотъ рынокъ часто извлекалъ изъ хозяйства не только «избытки», но также и то, что могло бы и должно бы остаться въ хозяйствѣ ради производительныхъ цѣлей. Желѣзныя дороги вмѣсто того, чтобы служить клапаномъ, выводящимъ избытокъ, стали постепенно служить способомъ для болѣе легкаго и полнаго выжиманія изъ хозяйства послѣдняго пуда хлѣба, «послѣдней копѣйки». Но все это принадлежало уже къ позднѣйшему періоду желѣзнодорожнаго строительства.

Вторая половина 60-хъ годовъ, время усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, была временемъ рѣзкихъ перемѣнъ и перемѣщеній въ географіи промышленности, сельскаго хозяйства и торговли. Паденіе однихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ и поднятіе другихъ, расширеніе однихъ раіоновъ сбыта на счетъ другихъ, направленіе новыхъ торговыхъ путей—все это вело къ тому, что и само производство тѣхъ мѣстностей, близъ которыхъ проходили желѣзныя дороги, становилось въ совершенно новыя условія. Рѣзкость и сила всѣхъ этихъ перемѣнъ въ народномъ хозяйствѣ сказывались еще тѣмъ болѣе сильно, что только что совершившееся освобожденіе крестьянъ дало промышленной жизни, сельскому хозяйству и торговлѣ такія новыя формы и столь новое направленіе, что для того, чтобы примѣниться къ нимъ, нужны были многіе годы. Между тѣмъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ часто снова мѣняло, въ иномъ уже направленіи, только начавшіяся слагаться новыя формы промышленной и торговой жизни.

Поэтому, вмѣстѣ съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, особенно въ первоначальный періодъ желѣзнодорожнаго строительства, вмѣстѣ съ необычайнымъ оживленіемъ промышленности вообще, съ необычайнымъ развитіемъ какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли, наступаетъ коренная ломка промышленныхъ и торговыхъ отношеній различныхъ раіоновъ Россіи, часто направлявшая ихъ

производство совсѣмъ въ иную сторону. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ желѣзныя дороги окончательно перемѣнили промышленную географію страны и торговое значеніе отдѣльныхъ пунктовъ.

Посмотримъ же, на счетъ чего же шло усиленное біеніе этого новаго пульса промышленной жизни—желѣзныхъ дорогъ, въ тотъ періодъ, когда вліяніе его стало сказываться уже достоточно ощутительно.

Уже самая постройка желѣзныхъ дорогъ прежде всего черезъ черноземные производительные раіоны показывала, что должно было служить матеріаломъ, которымъ обусловливались возникновеніе и жизнь желѣзныхъ дорогъ. Недостатокъ хлѣбнаго сбыта и снабженія, какъ мы видѣли, долженъ былъ самымъ тягостнымъ образомъ сказываться и на крѣпостномъ сельскомъ хозяйствѣ; для свободнаго же мелкаго крестьянскаго производства онъ былъ совершенно невыносимъ. Поэтому желѣзныя дороги должны были тотчасъ же завладѣть транспортомъ хлѣбныхъ грузовъ, и на первое время чѣмъ болѣе вглубь страны прорѣзывались желѣзнодорожныя линіи, чѣмъ интенсивнѣе развивалось желѣзнодорожное движеніе, тѣмъ большая доля въ немъ принадлежала хлѣбнымъ перевозкамъ.

Масса хлынувшаго на желѣзныя дороги хлѣба стала быстро возрастать и абсолютно, и относительно, обгоняя въ своемъ ростѣ перевозки всѣхъ другихъ грузовъ. Такъ, въ первые годы развитія сѣти, перевозки по желѣзнымъ дорогамъ составляли, въ милліонахъ пудовъ:

	Всего товаровъ малой скорости.	Всего хлѣбныхъ грузовъ.	% хлѣбныхъ грузовъ въ общемъ движеніи.
	Милл. пуд.		
1870	492	135	27,5
1873	1.153	444	38,5
1874 [1]	1.356	557	41.1
1876 [2]	1.374	577	42,0

Завоевывая все болѣе и болѣе преобладающее мѣсто въ общей массѣ перевозокъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, хлѣбъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ являлся почти исключительнымъ источникомъ перевозки и, слѣдовательно, доходности. На тамбово-козловской жел. дорогѣ хлѣбные грузы составляли до 73,1% всей массы гру-

[1] *Чупровъ.* Желѣзнодорожное хозяйство. Москва. 1878, т. II, стр. 242.

[2] *Сборникъ* стат. свѣд. по Министерству путей сообщенія, вып. III, Спб. 1879, стр. 15.

зовъ, на рыбинско-бологовской 57,6, на орлово-грязской 83,6, на ряжско-моршанской 88,9%.

Общее оживленіе, которое должны были вдохнуть въ хлѣботорговый обмѣнъ желѣзныя дороги, сказалось не только быстрымъ ростомъсобственно желѣзнодорожныхъ перевозокъ хлѣба, но вмѣстѣ съ улучшеніемъ сбыта его, должно было, конечно, увеличить общее количество поступавшаго на рынокъ хлѣба, т. е. повлечь и увеличеніе сплавовъ хлѣба по рѣкамъ къ желѣзнодорожнымъ линіямъ, а также гужевыхъ подвозовъ къ станціямъ. Этому росту обмѣна, какъ мы видѣли, вполнѣ соотвѣтствовали и нужды возраставшаго и принимавшаго денежныя формы хозяйства.

Размѣры хлѣботорговаго оборота почти невозможно опредѣлить статистически точно. Насколько возможно, воспользуемся приблизительными данными министерства земледѣлія, относящимися къ 1865—67 гг., т. е. когда, кромѣ николаевской и варшавской, были отстроены лишь линіи Рига-Динабургъ, Москва-Нижній, Москва-Козловъ, Одесса-Балта; при этомъ лишь послѣднія двѣ линіи могли имѣть самостоятельное хозяйственное значеніе, такъ какъ линія Москва-Нижній могла обслуживать главнымъ образомъ только московскій рынокъ и только грузами, идущими съ Волги. Общій итогъ обращавшагося во внутренней торговлѣ хлѣба опредѣлялся: [1]).

По воднымъ путямъ	113.299.217	пудовъ	= 48%
По желѣзнымъ дорогамъ	36.283.060	»	= 15%
По гужевымъ путямъ	87.000.000	»	= 37%
Всего, примѣрно, до . . .	236.600.000	»	=100%

Цифры показываютъ, что даже двѣ-три упомянутыя линіи сразу завладѣли значительной частью торговаго движенія, отнявъ его отъ гужевого. За неимѣніемъ подобныхъ данныхъ о размѣрахъ хлѣбнаго оборота внутренней торговли въ предшествовавшіе желѣзнодорожному строительству годы, невозможно опредѣлить насколько увеличился общій итогъ внутренняго торговаго оборота. Поэтому, не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этихъ цифръ о количественныхъ итогахъ вліянія желѣзныхъ дорогъ, остановимся лишь на общемъ характерѣ тѣхъ внутреннихъ измѣненій, которыя внесли онѣ вообще въ положеніе обмѣна и сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ и въ перестройку экономической географіи Россіи.

[1]) *Вильсонъ*, Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу, стр. 171.

Въ раіонахъ, еще не затронутыхъ желѣзными дорогами, но уже начавшихъ испытывать развитіе денежнаго хозяйства, со времени освобожденія долженъ былъ быстро возрасти сбытъ хлѣба по воднымъ путямъ и гужемъ, увеличивъ такимъ образомъ общіе обороты торговли; въ раіонахъ же, гдѣ дороги были уже построены, онѣ сразу отняли отъ водныхъ путей и гужевыхъ подвозовъ громадную долю ихъ грузовъ. Поэтому сплавъ хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ съ нѣкоторыхъ пристаней, часто лишь со времени освобожденія начавшихъ развивать свои обороты, обыкновенно быстро падалъ, какъ только рядомъ проходилъ желѣзнодорожный путь.

Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ вліяніе, произведенное на сложившіеся уже пути и условія хлѣбной торговли открытіемъ линій южнѣе Москвы, соединившихъ главные земледѣльческіе центры съ одной стороны съ Москвой, съ другой — съ балтійскими портами. Линія Рига-Орелъ, а затѣмъ Орелъ-Царицынъ, раздѣлившая всю Россію на двѣ части и перерѣзавшая старые пути сбыта къ Москвѣ, тѣмъ самымъ оторвала весь югъ отъ снабженія московскаго рынка его продуктами, предоставивъ этотъ послѣдній юго-востоку, съ новымъ путемъ движенія—дорогой Москва—Козловъ—Саратовъ. Однако, проведеніе новой линіи Ряжскъ-Моршанскъ, а затѣмъ Вязьма—Самара поставило и юго-восточный раіонъ все въ большую зависимость отъ тяготѣнія къ сѣверо-западнымъ портамъ, отодвинувъ раіонъ снабженія Москвы все болѣе къ сѣверу и заставивъ югъ все больше работать на внѣшній рынокъ. Чѣмъ далѣе вглубь страны проходилъ на юго-востокъ и на сѣверо-западъ желѣзнодорожный путь, чѣмъ большее число рынковъ соединялъ онъ, тѣмъ сильнѣе сказывалось на нихъ дѣйствіе новаго средства сообщенія — паденіемъ однихъ и поднятіемъ другихъ.

Перерѣзавъ поперекъ старые пути воднаго и гужевого движенія, эти дороги быстро лишили прежніе крупные рынки сбыта и прежнія сплавныя пристани ихъ недавняго значенія въ торговлѣ вообще и въ особенности въ снабженіи Москвы. Такъ, близъ Орла и его уѣздныхъ городовъ, Ельца и Ливенъ, проходили, съ одной стороны, главные гужевые пути и водные сплавы, снабжавшіе Москву хлѣбомъ юга, съ другой — отсюда начиналось движеніе на сѣверо-западъ. Желѣзныя дороги рѣзко измѣнили соотношеніе этихъ раіо-

новъ и путей. Проведенная раньше другихъ московско-курская дорога съ одной стороны, уничтожила гужевые подвозы отъ Орла непосредственно къ Москвѣ и подорвала сплавъ къ Москвѣ хлѣба съ верхнеокскихъ пристаней, съ другой—лишила Калужскую и Смоленскую губернію и всю Бѣлоруссію орловскаго хлѣба, куда онъ отправлялся до жел. дорогъ. Окскія пристани, орловская, мценская и бѣлевская, въ послѣдніе годы до открытія желѣзныхъ дорогъ сплавляли къ Москвѣ до 4—4,5 милл. пуд. хлѣба, съ открытіемъ же дорогъ количество сплава упало до 1—1,5 милл., причемъ орловская пристань стала сплавлять, напр., въ 10 разъ меньше прежняго. Но и желѣзнодорожныя отправки Орла къ Москвѣ были скоро отвлечены въ другую сторону: дорога Рига—Орелъ, а затѣмъ и Орелъ—Царицынъ окончательно отклонили грузы южнѣе этой линіи къ балтійскимъ портамъ, такъ что и курская дорога стала служить уже не для подвоза хлѣба къ Москвѣ, а лишь къ Орлу, гдѣ онъ далѣе перегружался на экспортную риго-орловскую дорогу. Даже болѣе того: началось движеніе къ Орлу хлѣба не только съ южнаго участка, но и съ сѣвернаго, отъ Москвы. Такимъ образомъ Орелъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ Москвы и сталъ работать исключительно на вывозъ къ сѣверо-западу, къ портамъ.

Въ такомъ же направленіи повліяли на снабженіе московскаго рынка и другія дороги, напр., моршанская, козловская и рязанская. Однимъ изъ крупнѣйшихъ юго-восточныхъ центровъ, снабжавшихъ Москву хлѣбомъ, былъ Моршанскъ, сплавлявшій къ Москвѣ по окскимъ и цнинскимъ пристанямъ до 10—10,5 милл. пуд. хлѣба. Съ проведеніемъ дороги отъ Моршанска сплавъ съ этихъ пристаней быстро падаетъ до 6 милл. пудовъ, отдавая остальное количество грузовъ желѣзной дорогѣ, которая, впрочемъ, направляетъ ихъ сначала также еще на московскій рынокъ. Съ открытіемъ же новыхъ линій, тамбово-козловской и грязе-борисоглѣбской, связавшихъ раіонъ Моршанска съ портами, сплавъ съ пристаней къ Москвѣ еще болѣе палъ, сократившись на окскихъ пристаняхъ до 350 тыс. пуд., на цнинскихъ же до 3,5 милл. пуд. и отдавъ, наоборотъ, значительную часть грузовъ на западъ. Проведеніе рязанской дороги также сказалось сокращеніемъ отправокъ къ Москвѣ съ рязанской пристани, доставлявшей до проведенія дорогъ 150—200 тыс. пуд. хлѣба: одно соединеніе Москвы съ Рязанью сократило сплавъ по рѣкѣ до 75—80 тыс. пуд., а продол-

женіе дороги до Козлова свело доставку водой къ Москвѣ рязанскаго хлѣба всего до 3,4—4 тыс. пудовъ [1]).

Такимъ образомъ, съ первыхъ же лѣтъ проведенія желѣзныхъ дорогъ быстро измѣнились условія снабженія московскаго рынка и условія сбыта хлѣба изъ центральныхъ губерній. Вмѣстѣ съ паденіемъ сплава по рѣкамъ сильно упали и гужевые подвозы къ потребительнымъ рынкамъ, въ особенности къ такимъ, какъ Москва, питавшаяся, главнымъ образомъ, гужевыми подвозами. По опредѣленію московской городской управы, въ Москву свозилось, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, гужемъ до 15 милл. пудовъ хлѣба ежегодно, и это число можно считать до нѣкоторой степени вѣрнымъ, по сравнительно удовлетворительному способу регистраціи; въ теченіе первыхъ-же пяти—шести лѣтъ по открытіи московскихъ желѣзныхъ дорогъ гужевые подвозы къ Москвѣ падаютъ до 500—800 тыс. пудовъ.

Но проведеніе желѣзнодорожнаго пути до какого-либо пункта не всегда еще обозначало паденіе его торговой дѣятельности. Если желѣзная дорога оканчивалась въ этомъ пунктѣ, то это обстоятельство, наоборотъ, являлось вначалѣ причиной значительнаго оживленія его оборотовъ, вслѣдствіе того, что грузы, шедшіе прежде къ потребительнымъ рынкамъ по болѣе прямому пути, теперь стали тянуться къ конечному пункту новой желѣзной дороги. Но стоило только движенію по ней открыться далѣе, въ глубь плодородныхъ мѣстностей, какъ и временно оживившаяся дѣятельность новаго торговаго центра быстро падала, разсѣивая свои обороты, капиталы и дѣятельность по отдѣльнымъ мѣстностямъ и мелкимъ станціямъ желѣзной дороги. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется частое и быстрое развитіе многихъ городовъ вслѣдъ за проведеніемъ къ нимъ желѣзныхъ дорогъ, но также быстрое и замѣтное сокращеніе ихъ дѣятельности при дальнѣйшемъ проведеніи дороги; такова судьба Моршанска, Козлова, Коломны и многихъ другихъ городовъ.

Особенно рѣзко паденіе торговаго значенія произошло въ такихъ преддверіяхъ крупныхъ потребительныхъ рынковъ, какимъ была, напр., для московскаго рынка Коломна. Лежавшая на соеди-

[1]) *Чаславскій.* Торговля въ Ригѣ. Спб. 1875. Труды Экспедиціи, снаряженной И. В. Э. и Русс. Геогр. Общ. для изслѣдованія хлѣбной произв. и тор. Т. III, вып. II, ч. II.

неніи двухъ самыхъ большихъ гужевыхъ трактовъ—рязанскаго и курскаго, стягивавшихъ къ Москвѣ весь хлѣбъ юга и юго-востока, а также воднаго пути, собиравшаго волжскіе и окскіе грузы, Коломна являлась огромнымъ торговымъ узломъ, державшимъ въ своихъ рукахъ значительную долю хлѣбной торговли производительныхъ мѣстностей и снабженія московскаго рынка ихъ земледѣльческими продуктами. Крупные торговые дома Коломны имѣли своихъ агентовъ далеко на югѣ, по волжскимъ, окскимъ и цнинскимъ пристанямъ и въ Москвѣ. Они обыкновенно занимались не только скупкой всевозможныхъ сельскихъ произведеній и хлѣба, но и переработкой этого послѣдняго въ муку для московскаго рынка. Въ годы до проведенія желѣзныхъ дорогъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, обороты Коломны опредѣлялись въ 15—20 милл. пудовъ, изъ которыхъ 11—14 милл. пудовъ шло гужемъ.

Проведеніе желѣзной дороги сначала не только не убило торговли Коломны, но, наоборотъ, дало сильный толчекъ ея развитію; именно проведеніе вѣтки отъ Москвы до Коломны значительно усилило роль Коломны въ снабженіи Москвы, такъ какъ отвлекло къ себѣ часть грузовъ, шедшихъ прежде непосредственно къ Москвѣ. Хотя судоходство къ Москвѣ отъ Коломны сильно пало, гужевые подвозы уменьшились, но зато всѣ эти грузы стали поступать въ Коломнѣ на желѣзную дорогу; раіонъ гужевыхъ подвозовъ къ Коломнѣ также значительно расширился. Благодаря сплошному рельсовому пути къ С.-Петербургу, Коломнѣ удалось завязать даже непосредственныя сношенія съ нимъ. Все это способствовало, въ періодъ существованія участка только до Коломны, сильному оживленію ея торговой дѣятельности; со времени съ 1861 года по 1866 годъ, т. е. въ теченіе 6 лѣтъ, хлѣбный отпускъ Коломны въ Москву увеличился въ 12 разъ и достигъ почти до $4^1/_2$ милл. пудовъ. Но съ проведеніемъ дороги сначала до Рязани, а затѣмъ до Козлова, начинается быстрое паденіе какъ хлѣбныхъ оборотовъ ея вообще, такъ и роли ея въ снабженіи московскаго рынка; въ теченіе четырехъ лѣтъ, слѣдующихъ за проведеніемъ дороги далѣе Коломны, т. е. съ 1866 по 1870 годъ, обороты ея снова падаютъ въ 3—4 раза по сравненію съ первой половиной 60-хъ годовъ; пристань Коломны также быстро теряетъ свое значеніе, какъ сборный пунктъ для московскаго хлѣба, въ теченіе 8 лѣтъ уменьшая количество собираемыхъ ею грузовъ въ 12 разъ; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и гужевые подвозы, идущіе съ тѣхъ поръ

не къ Коломнѣ, а къ ближайшимъ желѣзнодорожнымъ станціямъ; въ результатѣ, Коломна, доставлявшая въ Москву еще въ срединѣ 60-хъ годовъ до половины всего хлѣба, уже къ концу 60-хъ годовъ стала поставлять всего 5—6%, низведя себя, такимъ образомъ, на степень обыкновенной желѣзнодорожной станціи, имѣющей раіонъ тяготѣнія 30—40 верстъ и отпускающей 1—2 милл. пудовъ вмѣсто 15 — 20 милл. пудовъ за немного лѣтъ предъ этимъ [1]).

Въ судьбѣ Коломны нашла лишь болѣе рѣзкое выраженіе исторія многихъ другихъ торговыхъ центровъ, въ особенности средней черноземной полосы, въ первоначальный періодъ желѣзнодорожнаго строительства. Измѣненія въ промышленномъ и торговомъ значеніи раіоновъ и различныхъ торговыхъ пунктовъ происходили быстро и рѣзко и, конечно, не ограничились однимъ лишь географическимъ перемѣщеніемъ старыхъ и возникновеніемъ новыхъ, но повлекли за собой коренныя измѣненія и во внутреннемъ строѣ торговаго капитала.

Въ старой торговлѣ господствовалъ капиталъ преимущественно крупный; концентрируясь въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, онъ большею частью непосредственно къ себѣ собиралъ хлѣбъ отъ производителя —оптоваго-ли—помѣщика, мелкаго-ли—крестьянина. Извѣстная градація торговаго капитала, конечно, была, и даже очень опредѣленная. Обыкновенно вслѣдъ за такими главами торговаго капитала, каковы московскіе и коломенскіе купцы, ворочавшіе дѣлами на всемъ потребительномъ рынкѣ, стояли купцы козловскіе, елецкіе, моршанскіе, нижегородскіе, обладавшіе уже меньшимъ капиталомъ, работавшіе въ меньшемъ раіонѣ и большею частью являвшіеся посредниками болѣе крупныхъ по закупкѣ мѣстныхъ сельскихъ произведеній. Вся ихъ роль, значеніе и условія успѣха дѣятельности состояли въ постоянномъ общеніи съ мѣстными производителями, въ знаніи мѣстнаго рынка. Скупка хлѣба велась ими непосредственно на мѣстныхъ базарахъ и привозахъ у крестьянъ, иногда же у болѣе мелкихъ сельскихъ купцовъ, прасоловъ и т. п. Въ раіонахъ, носившихъ болѣе оживленный торговый характеръ, вслѣдствіе близости потребительныхъ рынковъ, скупка хлѣба по деревнямъ часто производилась собствен-

[1]) *Чаславскій.* Хлѣбная торговля въ центральномъ раіонѣ Ч. I, стр. 101 и слѣд. Труды экспед. И. В. Э. и Рус. Геогр. Общ.

ными приказчиками и агентами, которыхъ имѣли иногда на мѣстахъ производства не только козловскіе, елецкіе и др. купцы, но и изъ болѣе далекихъ потребительныхъ рынковъ, напр. московскіе и коломенскіе; но вообще болѣе была распространена покупка черезъ мелкихъ, ближе знающихъ мѣстныя условія агентовъ, самостоятельныхъ купцовъ.

Зерно—товаръ проходило такимъ образомъ черезъ рядъ рукъ, вполнѣ самостоятельныхъ, но тѣсно связанныхъ между собою, съ данной мѣстностью и съ даннымъ кругомъ производителей. Если для успѣха дѣятельности торговцевъ имъ необходимо было близкое знаніе мѣстныхъ условій — обстоятельство особенно важное при тогдашнемъ положеніи малоосвѣдомленной торговли—то и производитель близко зналъ торговца или торговый домъ, которому онъ продавалъ, такъ какъ число мѣстъ скупки было сравнительно невелико. Это, конечно, создавало для торговца нѣкоторую монополію на рынкѣ и не обезпечивало, съ другой стороны, и продавца отъ различныхъ злоупотребленій со стороны покупщика, но все же производитель былъ сравнительно близокъ къ рынку.

Кромѣ того, эти торговцы и торговые дома не являлись исключительно представителями только торговаго капитала: они были частью и предпринимателями, т. е. представителями производительнаго капитала, такъ какъ обладали почти всегда собственными мельницами, перерабатывавшими скупаемое ими зерно. Это заставляло ихъ заботиться о чистотѣ, высокомъ качествѣ и однородности продукта, вліяя такимъ образомъ въ этомъ же направленіи и на производство.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, мѣняя условія закупки и отдаляя мѣста сбыта, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко измѣняло составъ торговаго класса, оказавъ рѣшающее дѣйствіе на самыя условія производства и положеніе производителя. Прежде всего стали исчезать прежнія болѣе или менѣе крупныя мѣста ссыпки и закупокъ зерна. Хлѣбъ потянулся теперь уже не по старымъ трактамъ—къ излюбленнымъ и извѣстнымъ крестьянину базарамъ, а къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ, собираясь по мелочамъ скупщикомъ, отправлялся непосредственно на экспортъ друмя—тремя вагонами. Прежде оптовый торговецъ, экспортный или работавшій на внутреннемъ рынкѣ, заботился о составленіи крупныхъ партій, требовалъ чистоты и однородности зерна; все это обусловливало и особую организацію торговли, основанную на предварительной ссыпкѣ и составленіи партій на мѣстѣ. При своей солидности,

такая организація въ общемъ мало соотвѣтствовала условіямъ большею частью мелкаго крестьянскаго производства, особенно усилившагося послѣ реформы. Поэтому неудивительно, что когда вмѣстѣ съ открытіемъ желѣзной дороги появилась масса мелкихъ коммиссіонеровъ и скупщиковъ, разъѣзжавшихъ по деревнямъ, не брезговавшихъ никакимъ качествомъ зерна, скупавшихъ хлѣбъ по мелочамъ и затѣмъ тотчасъ же отправлявшихъ по желѣзной дорогѣ по 1—2 вагону обыкновенно уже запроданнаго хлѣба, быстро оживившихъ такимъ образомъ торговый оборотъ—старый строй торговли не выдержалъ конкурренціи новыхъ способовъ закупки и сбыта.

Вотъ какъ, напр., описываются въ извѣстномъ трудѣ Чаславскаго первые шаги этой «демократизаціи» торговли въ орловскомъ раіонѣ; нѣкогда тяготѣвшемъ въ Москвѣ и оторванномъ отъ нея съ проведеніемъ желѣзной дороги. «Первые же пассажирскіе поѣзда орловско-витебской дороги доставили въ Орловскую губернію нѣсколько десятковъ евреевъ, которые тотчасъ стали дѣлать развѣдки относительно закупки хлѣба... Вслѣдъ за ними ежедневно все болѣе и болѣе прибывало евреевъ... Изъ Орла партіи ихъ двинулись въ Курскъ и оттуда разсѣялись по разнымъ уѣздамъ, другіе отправились въ Малоархангельскъ и Ливны; евреи цѣлыми сотнями появились въ Орловской, Курской и даже Тульской губерніяхъ. Пріѣхавъ съ наличными деньгами, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, сразу сумѣли расположить къ себѣ многихъ изъ мѣстныхъ купцовъ уступчивостью въ своихъ требованіяхъ; они не пренебрегали никакимъ, предлагаемымъ имъ хлѣбомъ и очень скоро сходились въ цѣнѣ съ продавцами. Разумѣется, первыя свои сношенія они завязали съ купцами, но, скоро развѣдавъ, гдѣ находятся болѣе или менѣе значительные запасы хлѣба въ помѣщичьихъ экономіяхъ и у крестьянъ, они стали закупать хлѣбъ прямо у нихъ. Впрочемъ, не только разнаго рода хлѣбъ, но и всѣ сельскохозяйственные продукты: пеньку, коноплю, конопляное масло, льняное сѣмя, сало, сырыя кожи, овчины, пухъ, перья, щетина и проч.—все это начало закупаться евреями и притомъ на наличныя деньги. Такимъ образомъ торговля въ краѣ вдругъ оживилась, и отовсюду потянулись обозы съ хлѣбомъ и сырьемъ, но не по обычнымъ зимнимъ торговымъ трактамъ, а прямо уже къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, начиная отъ Курска до Орла и даже до Мценска и отъ Орла до Брянска. Цѣны на хлѣбъ и на всѣ сырыя произведенія стали быстро расти, такъ что въ нѣсколько недѣль сравнялись съ

существующими въ Москвѣ. Требованіе со стороны Москвы пріостановилось и все потянулось къ западу» [1]).

Крупному капиталу внутреннихъ рынковъ пришлось приспособляться къ измѣнившимся условіямъ торговли. Большая часть московскихъ, коломенскихъ и др. купцовъ стала производить свои покупки на мѣстахъ производства не съ помощью собственныхъ приказчиковъ или мѣстныхъ болѣе мелкихъ кущовъ, заготовлявшихъ предварительно партіи хлѣба, а прибѣгать къ помощи прасоловъ—коммиссіонеровъ и скупщиковъ. Имъ давались деньги на закупку хлѣба у помѣщиковъ и крестьянъ непосредственно и по мелочамъ и затѣмъ поручалась погрузка хлѣба на станціяхъ, для непосредственной доставки далѣе прямо на мѣста потребленія. Съ другой стороны и мѣстные крупные торговцы, лишенные своей роли посредниковъ между производителемъ и крупными торговцами центральныхъ рынковъ, должны были, сохраняя связь съ прежними своими раіонами, переносить свои операціи въ потребительные центры—въ Москву, С.-Петербургъ и др. сѣверные города.

Такимъ образомъ, въ общей эволюціи торговыхъ отношеній наиболѣе пострадавшими и за флагомъ оказались торговцы средняго капитала. Непосредственная первоначальная скупка попадала все болѣе и болѣе въ руки мелкихъ коммиссіонеровъ и скупщиковъ, ведущихъ дѣло или съ незначительнымъ капиталомъ, или прямо въ кредитъ и выигрывающихъ на разницѣ, лишь вслѣдствіе быстроты своихъ оборотовъ. Изъ торговыхъ же домовъ успѣли вынести ихъ конкурренцію лишь болѣе богатые капиталами крупные торговцы, которые стали обходиться безъ посредства болѣе мелкихъ мѣстныхъ кущовъ, державшихъ прежде въ своихъ рукахъ всѣ хлѣботорговые обороты своихъ раіоновъ. Теперь торговля зерномъ на мѣстахъ производства все болѣе и болѣе стала переходить къ мелкимъ посредникамъ-торговцамъ, и крупный капиталъ удержался, главнымъ образомъ, только въ торговлѣ мукою и мукомольномъ дѣлѣ, отчасти превратившись такимъ образомъ изъ торговаго капитала въ капиталъ производительный.

Описанныя перемѣны въ торговлѣ относятся преимущественно къ обширному раіону центральныхъ губерній. Хотя сущность явленій была вездѣ, конечно, одинакова, но переходъ отъ непроѣздной и непроходной Россіи къ усовершенствованнымъ путямъ сообщенія, приближеніе съ помощью ихъ къ потребительнымъ и экспортнымъ

[1]) *Чаславскій.* Хлѣбная торговля въ центр. раіонѣ, стр. 236.

рынкамъ прежде далекихъ отъ нихъ производительныхъ раіоновъ, произвели здѣсь болѣе рѣзкія и быстрыя перемѣны, чѣмъ, напр., въ южномъ раіонѣ, всегда работавшемъ на рынокъ, или въ волжскомъ, обладавшемъ все же удовлетворительнымъ воднымъ путемъ и слѣдовательно возможностью широкаго сбыта. Ожививъ хлѣбную торговлю центральныхъ губерній, расширивъ ихъ хлѣбное производство вообще и производство хлѣба на продажу въ особенности, желѣзныя дороги, связавшія центръ съ балтійскими портами, направили хлѣбные избытки именно сюда, оторвавъ ихъ отъ внутренняго рынка и давъ толчекъ развитію экспорта балтійскихъ портовъ.

Мы видѣли, что уже съ 20-хъ годовъ XIX ст. начался быстрый ростъ экспорта южныхъ портовъ, развивавшихся вмѣстѣ съ колонизаціей и землепашествомъ юга и получившихъ постепенно преобладаніе надъ экспортомъ балтійскихъ портовъ, поставленныхъ въ менѣе выгодныя условія относительно снабженія хлѣбомъ. Съ соединеніемъ желѣзной дорогой балтійскихъ портовъ съ центромъ, условія ихъ снабженія рѣзко мѣняются въ ихъ пользу. Быстрый ростъ ихъ экспорта начинаетъ побѣждать экспортъ южныхъ портовъ, пока цѣлая сѣть желѣзнодорожныхъ линій не поставитъ эти послѣдніе снова въ болѣе благопріятныя условія.

Такъ, вывозъ хлѣбовъ изъ балтійскихъ портовъ составлялъ въ 1852 г. всего 11,3% общаго вывоза изъ Россіи, а въ 1854 г. даже лишь 8,7% и въ 1855 г. 4,2%; въ то же время изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей вывозилось до 66,5%—68,9% всего вывоза. Въ послѣдующіе годы, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, ростъ экспорта балтійскихъ портовъ на счетъ черноморскихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Экспортъ хлѣба въ процентахъ къ общему отпуску составлялъ [1]):

Годы:	Изъ Балтійскихъ портовъ.	Изъ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ.
1869	18,65	64,04
1870	22,43	59,77
1871	29,16	53,96
1872	19,51	61,33
1873	37,90	32,85
1874	33,14	34,31
1875	33,74	43,80
1876	40,00	37,00

1) *Бліохъ.* Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи. Спб. 1878 г., т. II, стр. 57

Такимъ образомъ, балтійскіе порты снова стали постепенно замѣнять въ общемъ хлѣбномъ экспортѣ мѣсто черноморскихъ и скоро стали даже превосходить ихъ экспортъ; незначительные прежде порты быстро становились одними изъ первыхъ экспортныхъ пунктовъ. Даже такіе порты, какъ Рига, занимавшая еще въ серединѣ 60-хъ годовъ весьма невидное мѣсто по вывозу—150—450 тыс. пудовъ, въ 1870 году сразу увеличила вывозъ до 1.221 пуд.: въ 1868 году была открыта дорога Орелъ-Витебскъ, 1870 году Орелъ-Царицынъ, и къ Ригѣ пошелъ хлѣбъ изъ Орловской губ. и низовьевъ Волги.

Всѣ эти данныя, характеризующія увеличеніе экспортной работы балтійскихъ портовъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ указаніемъ на тѣ перемѣны, которыя произошли въ народномъ хозяйствѣ связанныхъ съ этими портами центральныхъ губерній. До сихъ поръ вообще сравнительно мало работая на рынокъ или уже во всякомъ случаѣ на внутренній рынокъ, оно теперь стало въ тѣсную связь съ экспортнымъ рынкомъ, начало работать исключительно на него. Но вліяніе возможности сбыта хлѣба изъ центральныхъ губерній не ограничилось лишь общимъ увеличеніемъ экспорта: желѣзныя дороги извлекли изъ центра и стали направлять къ Ригѣ новый, до тѣхъ поръ не находившій сбыта хлѣбъ—овесъ. Такъ, станція Рига получала еще въ 1868 году съ Рыго-Динабургской жел. дор. овса всего 204 тыс. пуд. изъ 843 тыс. пуд. Въ 1869 году общее число хлѣбныхъ грузовъ увеличилось уже до 1.334 тыс. пуд., а въ 1870 г. до 6.801 тыс. пуд., изъ которыхъ овсу принадлежало уже 4.848 тыс. пуд., т. е. 83,5% [1]). Изъ Орловской губерніи, почти не вывозившей прежде изъ своихъ предѣловъ овса, въ 1871 году было доставлено до 10 милл. пудовъ его [2]).

Въ центральныхъ губерніяхъ такое оживленіе внѣшняго спроса и расширеніе сбыта хлѣбныхъ продуктовъ пошло прежде всего, конечно, на счетъ тѣхъ товаровъ, которые раньше не имѣли никакого спроса, и запасы которыхъ постоянно оставались неиспользованными; поэтому въ первый же годъ по открытіи дорогъ въ продажу пошло старое зерно урожаевъ прежнихъ лѣтъ, освободивъ такимъ образомъ и торговцевъ, и хозяевъ отъ излишнихъ и ненужныхъ запасовъ; лишь спустя нѣсколько лѣтъ, идя навстрѣчу спросу, производство

[1]) *Чупровъ.* Желѣзнодорожное хозяйство, т. I, стр. 37.
[2]) *Чупровъ.* Желѣзнодорожное хозяйство, т. I, стр. 38.

зерна стало само приспособляться къ рынку и направилось именно на тѣ сорта, которые шли на рынкѣ лучше.

При томъ общемъ перевѣсѣ значенія въ хлѣбномъ экспортѣ, который начали получать Балтійскіе порты, увеличилось и относительное значеніе въ общемъ экспортѣ, а вслѣдъ затѣмъ и въ общемъ народномъ зерновомъ производствѣ, овса и ржи, прежде пользовавшихся лишь очень ограниченнымъ сбытомъ. Такъ, экспортъ овса, занимавшій въ половинѣ 50-хъ годовъ въ общемъ отпускѣ хлѣбовъ лишь 5—10%, въ началѣ 70-хъ давалъ уже до 20% и болѣе; рожь, доставлявшая 15—20%, стала давать до 35%; наоборотъ, пшеница, занимавшая прежде до 69%, къ 70-мъ годамъ дала уже относительное сокращеніе экспорта до 30—35% общаго отпуска [1]).

Вмѣстѣ со всѣми этими перемѣнами въ производствѣ и въ условіяхъ сбыта начинается быстрый ростъ цѣнъ на всѣ сельскохозяйственные продукты, въ особенности на ненаходившіе раньше сбыта. Четверть пшеницы, стоившая еще во время освобожденія 5—6 р., съ проведеніемъ дороги вздорожала до 8 рублей въ средній годъ; рожь, стоившая 2 р. 50 к.—3 р., поднялась до 4—5 р.; но особенно сильно вздорожалъ овесъ: потреблявшійся прежде, за отсутствіемъ внѣшняго сбыта на мѣстахъ и стоившій на мѣстѣ до 70 коп. четверть, онъ вздорожалъ въ теченіе десяти лѣтъ до 1 р. 70 к.—2 рублей [2]). Возвышеніе цѣнъ наблюдается повсемѣстно въ періодъ за постройкой желѣзныхъ дорогъ, такъ что, по сравненію съ цѣнами, стоявшими предъ освобожденіемъ, цѣны конца 70-хъ годовъ показываютъ такое увеличеніе:

	Цѣна четверти ржи. I періодъ. Рубли.	Цѣна четверти ржи. II періодъ. Рубли.	% увеличенія.
С.-Петербургъ	5,00	6,50	30
Рыбинскъ	3,15	4,75	50
Мценскъ	2,15	3,55	65
Орелъ	2,05	3,40	66
Моршанскъ	1,90	3,30	73
Елецъ	1,75	3,00	71
Козловъ	1,70	3,15	85
Саратовъ	1,70	3,40	100

[1]) *Бліохъ.* Вліяніе желѣзныхъ дорогъ, т. II, стр. 57.
[2]) *Чаславскій.* Хлѣбная торговля въ центральномъ раіонѣ, стр. 43, 251 и др.

Такимъ образомъ, мѣстныя цѣны въ раіонахъ производства показываютъ гораздо болѣе значительное увеличеніе, чѣмъ цѣны портовыя и въ раіонахъ потребленія: въ Саратовѣ онѣ возвысились на 100%, въ Козловѣ на 85%, въ Моршанскѣ на 73%, тогда какъ въ С.-Петербургѣ всего на 30%, въ Рыбинскѣ на 50%. Улучшеніе условій перевозки, расширеніе раіоновъ сбыта хлѣба, усиленіе требованій за границу повліяли на цѣны отдаленныхъ рынковъ въ большей степени, чѣмъ въ потребительныхъ центрахъ и въ самыхъ портахъ. Это повышеніе обнаруживалось здѣсь тѣмъ значительнѣе, что въ прежнее время, вслѣдствіе отдаленности производительныхъ раіоновъ и затруднительности доставки, мѣстныя цѣны были крайне низки. Притомъ, проведеніе желѣзной дороги до какого-либо пункта вліяло не только на цѣны на хлѣбъ въ немъ, но и распространялось на значительный окружный раіонъ; такъ, съ открытіемъ дороги до Козлова цѣны поднялись не только здѣсь, но и въ Борисоглѣбскѣ отъ 2 до 2½ руб. за четверть пшеницы и отъ 1 до 1 р. 42 к. на четв. ржи, такъ что подвозы къ этимъ рынкамъ сдѣлались возможными съ обширнаго раіона въ 200 и болѣе верстъ [1]).

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ на нихъ хлынула масса хлѣба, въ особенности изъ центральныхъ раіоновъ, преимущественно крестьянскихъ ржи и овса, до тѣхъ поръ не имѣвшихъ отсюда сбыта, теперь же явившихся главными предметами хлѣбнаго экспорта. Если наши черноземныя желѣзныя дороги дѣйствительно, какъ мы видѣли, «питались хлѣбомъ», то нужно сказать, что нашъ хлѣбный экспортъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, сталъ питаться, главнымъ образомъ, именно крестьянскимъ хлѣбомъ. Всѣ условія новаго строя и водворившагося денежнаго хозяйства способствовали, съ одной стороны, усиленнымъ продажамъ на рынокъ крестьянскаго хлѣба, съ другой—сокращенію производства помѣщичьяго. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ ростомъ желѣзныхъ дорогъ, оживленіемъ хлѣботорговаго оборота и внѣшняго экспорта, все бо́льшая относительная роль въ немъ начинаетъ принадлежать сѣрымъ «мужицкимъ» хлѣбамъ, ржи и овсу. «Демократизація» распространилась, такимъ образомъ, не только на формы и организацію обмѣна, но и на самый товаръ: помѣщичья пшеница, преобладавшая на внѣшнемъ рынкѣ до 50-хъ годовъ, со

1) *Вильсонъ*. Объясненія къ хозяйственно статистическому атласу, стр. 215.

времени освобожденія и проведенія дорогъ начинаетъ вытѣсняться крестьянской рожью.

На этомъ, однако, вліяніе желѣзныхъ дорогъ не остановилось. Въ первые годы онѣ были дѣйствительно тѣмъ простымъ и необходимымъ клапаномъ, черезъ который должно было прорваться и вылиться наружу все то, что не могло найти себѣ выхода послѣ окончательнаго разрушенія натуральнаго земледѣльческаго хозяйства. Но по мѣрѣ того, какъ это разрушающееся натуральное хозяйство вмѣстѣ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ все въ большемъ числѣ раіоновъ стало замѣняться товарно-торговымъ, работающимъ исключительно на продажу, внутреннія отношенія хозяйства и характеръ вліянія на него желѣзныхъ дорогъ становились все болѣе сложными. Съ усложненіемъ и расширеніемъ сѣти выдвинулся тотчасъ же и вопросъ о желѣзнодорожной политикѣ: она стала орудіемъ, могущимъ оказать сильнѣйшее вліяніе на характеръ развитія земледѣльческаго хозяйства въ отдѣльныхъ раіонахъ. Но даже и помимо того, самый фактъ широкаго распространенія желѣзныхъ дорогъ на далекія и до сихъ поръ не тронутыя окраины долженъ былъ усложнить отношенія отдѣльныхъ земледѣльческихъ раіоновъ и создать между ними того же рода, но въ значительно большемъ размѣрѣ, конкурренцію на рынкѣ, которую недавно пережили старыя и близкія къ потребительнымъ рынкамъ центральныя губерніи.

Посмотримъ же, какія именно перемѣны внесло это дальнѣйшее развитіе желѣзнодорожной сѣти и какъ отразилось расширеніе сферы торговаго обмѣна на измѣненіи того значенія, которое пріобрѣли для земледѣльческаго хозяйства желѣзныя дороги.

ГЛАВА VIII.

Тарифная политика и земледѣльческая конкурренція окраинъ съ центромъ.

Расширеніе желѣзнодорожной сѣти на востокъ и интенсификація ея.—Дифференціальные тарифы.—Конкурренція на внутреннемъ рынкѣ центра и востока.—Развитіе товарно-торговаго земледѣлія.—Значеніе сельскохозяйственнаго рынка для народнаго хозяйства.

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи до 1861 года не заслуживаетъ особеннаго вниманія съ экономической точки зрѣнія: ко времени освобожденія крестьянъ желѣзнодорожная сѣть простиралась менѣе, чѣмъ на полутора тысячъ верстъ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣли лишь 593 версты николаевской желѣзной дороги. Усиленное желѣзнодорожное строительство началось съ средины 60-хъ годовъ, когда развитіе сѣти пошло правильнымъ и быстрымъ темпомъ; именно [1]):

Годы.	Въ теченіе пятилѣтія открылось верстъ ж. д.	Къ началу пятилѣтія длина ж. д. была.
1861—1865	2,055	1,488
1866—1870	6,659	3,543
1871—1875	7,424	10,202
1876—1880	4,529	17,626
1881—1885	3,071	21,155
1886—1890	3,864	24,229
1891—1895	6,643	27,093
1896—1900	6,532	33,736
1901—1905	7,978	41,714

[1]) Статистическіе сборники Мин. Путей Сообщенія за соотв. годы. См. также *Бліохъ,* Вліяніе желѣзныхъ дорогъ, т. II.

Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ по освобожденіи желѣзнодорожная строительная дѣятельность обнаруживала такое усиленное оживленіе, что общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ увеличилось въ 12 разъ противъ начала 60-хъ годовъ; но, послѣ постройки въ первую половину 70-хъ годовъ до 7½ тыс. верстъ пути, желѣзнодорожное строительство начало быстро замедляться, такъ что, напр., въ 1880 вновь открылось едва 25 верстъ желѣзнодорожнаго пути. Послѣ недолгаго оживленія въ половинѣ 80-хъ годовъ, наступило снова затишье въ развитіи желѣзнодорожной сѣти, вплоть до 90-хъ годовъ, когда ея расширеніе снова пошло усиленнымъ темпомъ, благодаря чему въ послѣднее десятилѣтіе желѣзнодорожная сѣть Европейской Россіи увеличилась почти на 15 тысячъ верстъ, не считая азіатскихъ дорогъ, вмѣстѣ съ которыми общая длина желѣзнодорожной сѣти доходитъ въ настоящее время (къ 1 октября 1907 г.) до 65099 верстъ [1]).

Но при такомъ громадномъ приращеніи, въ особенности за послѣдніе годы, экономическія основанія и цѣли желѣзнодорожнаго строительства уже значительно измѣнились со времени первоначальнаго развитія желѣзнодорожной сѣти.

Мы видѣли, что главнымъ принципомъ плана желѣзнодорожной сѣти было, во-первыхъ, обезпеченіе внутренняго потребительнаго рынка, во вторыхъ—предоставленіе произведеніямъ земледѣльческаго центра выхода къ балтійскимъ и южнымъ портамъ. Соотвѣтственно этому главный узелъ желѣзнодорожной сѣти сосредоточился въ центрѣ, куда стекались хлѣбные грузы съ юга и юго-востока и откуда шли далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ. Еще въ сѣти 1868 года проводится то же главное правило, несмотря на нѣкоторыя отступленія въ развѣтвленіи южной сѣти. Юго-западныя и сѣверо-западныя направленія дорогъ были разобщены между собою и обслуживали поэтому раіоны, не могущіе конкуррировать въ отношеніи сбыта своихъ хлѣбныхъ продуктовъ; среднее Поволжье также только начинало пріобщаться къ заграничному сбыту.

Въ проектъ сѣти 1870 года уже вносится соединеніе центральныхъ и сѣверо-западныхъ дорогъ съ южными, а также проведеніе нѣсколькихъ линій, соединяющихъ юго-западъ съ южными порта-

[1]) Ежемѣсячникъ Министерства Путей Сообщенія, 1907 г. X.

ми. Въ то же время балтійскіе порты оказываются связанными съ центромъ и юго-востокомъ уже не одной, а тремя линіями. Наконецъ, нѣкоторыми юго-восточными линіями (отчасти, впрочемъ, оставшимися лишь въ проектахъ) предполагается открыть доступъ юго-восточнымъ земледѣльческимъ грузамъ къ сбыту въ азовскіе порты.

Благодаря этому, хотя для балтійскихъ портовъ и открываются новые раіоны тяготѣнія на юго-западѣ и юго-востокѣ, но, съ другой стороны, и черноморскіе, и азовскіе порты начинаютъ успѣшно конкуррировать съ балтійскими: большая часть Волынской, Кіевской, Полтавской и даже Курской входятъ въ раіонъ тяготѣнія къ черноморскимъ портамъ, въ донскомъ же бассейнѣ и нижней Волгѣ начинается конкурренція между югомъ и сѣверомъ. Нетронутыя поля юго-востока начинаютъ все въ большей мѣрѣ работать на рынокъ, оттѣсняя въ экспортѣ своими красными, болѣе цѣнными хлѣбами, овесъ и рожь центра. И чѣмъ далѣе на востокъ распространялась сѣть желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе должна была обостряться эта конкурренція востока и центра, тѣмъ болѣе должно было усложняться желѣзнодорожное хозяйство, тѣмъ большее вліяніе на положеніе земледѣльческаго хозяйства въ этихъ раіонахъ стало пріобрѣтать то или иное направленіе желѣзнодорожной экономической политики.

Увеличеніе шедшихъ съ востока и направлявшихся большею частью къ балтійскимъ портамъ хлѣбныхъ грузовъ требовало, съ одной стороны, усиленія провозоспособности ведущихъ къ балтійскимъ портамъ желѣзныхъ дорогъ и, при недостаточной интенсивности ихъ работы, создавало хроническія залежи хлѣбныхъ грузовъ; съ другой—причиняло своимъ болѣе дешевымъ и лучшимъ по качеству хлѣбомъ конкурренцію центральному раіону. Необходимо было поэтому и улучшить условія перевозокъ, и открыть хлѣбу восточной окраины новые пути экспортнаго сбыта, направивъ его именно на тѣ рынки, гдѣ конкурренція не могла причинить большого вреда земледѣльческому хозяйству хлѣбороднаго центра.

Поэтому со второй половины 90-годовъ началась усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, долженствовавшихъ разгрузить прежнія магистрали и перераспредѣлить хлѣбные грузы между балтійскими портами. Линіи Рузаевка-Сызрань, Москва-Павелецъ, Данково - Смоленскъ, Псковъ - Бологое, Москва-Виндава увеличивали

транзитную способность центральныхъ дорогъ для восточныхъ и волжскихъ желѣзнодорожныхъ грузовъ, перераспредѣляли ихъ между портами, отвлекая отъ старыхъ портовъ, Риги и С.-Петербурга, въ пользу новыхъ—Либавы и Виндавы. Наконецъ, съ цѣлью отвлечь востокъ отъ тяготѣнія къ балтійскимъ портамъ и разгрузить идущія сюда дороги на счетъ увеличенія тяготѣнія къ черноморскимъ портамъ, построены были линіи Пенза-Балашовъ-Харьковская и Царицыно-Тихорѣцкая, раздвинувшія далеко на востокъ и сѣверо-востокъ границы тяготѣнія азовскихъ портовъ и Новороссійска и давшія новый выходъ восточному, волжскому и заволжскому хлѣбу.

Кромѣ необходимости такой интенсификаціи желѣзнодорожной сѣти, ради открытія рынковъ восточному хлѣбу, еще большее экономическое значеніе имѣло то измѣненіе въ желѣзнодорожной политикѣ, которое выразилось во введеніи дифференціальности тарифовъ. Эта дифференціальность явилась не только средствомъ развитія въ восточныхъ раіонахъ зернового хозяйства и удаленія отсюда избытковъ зерна, но и вообще могучимъ орудіемъ поощренія экспорта, орудіемъ, придавшимъ съ тѣхъ поръ особенно опредѣленный характеръ желѣзнодорожной, экономической и торговой политикѣ.

Въ первоначальный періодъ развитія русской желѣзнодорожной сѣти, когда отдѣльнымъ желѣзнымъ дорогамъ была предоставлена почти полная свобода въ установленіи платъ за провозъ по нимъ товаровъ, единственное воздѣйствіе правительства на регулированіе частныхъ тарифныхъ ставокъ заключалось въ томъ, что въ уставахъ желѣзныхъ дорогъ обыкновенно обозначались максимальныя тарифныя нормы. Такъ, во всѣхъ почти уставахъ первыхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ (Рязанско-Козловской, Ряжско-Моршанской, Московско-Ярославской) говорилось, что «провозныя платы не должны быть выше предѣльныхъ нормъ, значащихся въ уставѣ Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» [1]).

Въ этихъ уставахъ приводился крайне неполный списокъ товаровъ, раздѣленный на 3 разряда со слѣдующими тарифными ставками: для перваго разряда $^1/_{12}$ коп. съ пуда и версты, для второго $^1/_{18}$ коп. съ пуда и версты и для третьяго $^1/_{24}$ коп. съ пуда и версты. Хлѣбные продукты перевозились частью

[1]) *Bumme.* Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Кіевъ, 1881 г., стр. 193.

по второму, частью по третьему разряду; именно, зерновые хлѣба и ржаная мука по 1/24 коп. съ пудо-версты, пшеничная мука и масличныя сѣмена по 1/18 коп. съ пудо-версты. Съ этихъ ставокъ дѣлалась скидка для дальнихъ разстояній, именно на разстояніи болѣе 200 верстъ—10%, на разстояніи болѣе 500 верстъ 15% и на разстояніи свыше 1,000 верстъ 20%. Въ уставѣ одной дороги, Московско-Казанской, введены тѣ же тарифы, но даже безъ обязательства скидки на разстояніе.

Такимъ образомъ, хотя принципъ дифференціальности тарифовъ легъ въ основу установленія провозныхъ платъ съ самаго начала нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, но такъ какъ каждая отдѣльная желѣзная дорога взимала плату за провозъ особо, не считая пути, пройденнаго грузомъ по другимъ желѣзнымъ дорогамъ, то дѣлать скидки на очень далекія разстоянія, въ 1,000 или 500 верстъ, не приходилось, и даже скидка въ 10% была сравнительно рѣдка. Поэтому дифференціальность была очень незначительна, ограничиваясь лишь той скидкой, которую желѣзной дорогѣ естественно было дѣлать въ виду того, что стоимость провоза возрастаетъ въ меньшей степени, чѣмъ возрастаетъ разстояніе, на которое провозится товаръ. Дифференціальность тарифовъ не являлась орудіемъ экономической политики, такъ какъ благодаря самой конфигураціи первоначальной желѣзнодорожной сѣти, конкурренціи, возникшей впослѣдствіи между востокомъ и центромъ, еще не было: центру былъ предоставленъ свободный выходъ къ балтійскимъ портамъ, а востокъ и юго-востокъ первоначально были соединены только съ Москвою и только на московскій рынокъ могли сбывать свои хлѣбные избытки.

Болѣе важнымъ представлялся въ то время вопросъ о регулированіи тарифовъ вообще, такъ какъ, ограниченныя въ установленіи тарифныхъ ставокъ лишь максимальными нормами, желѣзныя дороги являлись полными хозяевами тарифнаго дѣла, и вмѣшательство правительства въ дѣло тарифовъ считалось юридически, на основаніи уставовъ желѣзныхъ дорогъ, невозможнымъ [1]).

[1]) Взглядъ этотъ былъ не только усвоенъ самими желѣзными дорогами, но и раздѣлялся Государственнымъ Совѣтомъ, который полагалъ, что государство можетъ устанавливать провозныя платы не иначе, какъ путемъ соглашенія съ желѣзными дорогами. *Чупровъ и Мусницкій.* Упорядоченіе желѣзнодор. тарифовъ по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ. Спб., 1890 г., стр. 12.

Только съ 80-хъ годовъ взгляды правительства на тарифное дѣло начали измѣняться. Пока коммиссія Баранова разрабатывала проекты общихъ желѣзнодорожныхъ узаконеній, Министерство Путей Сообщенія, съ своей стороны, стало стремиться подчинить тарифное дѣло своему вѣдѣнію, требуя представленія желѣзными дорогами своихъ тарифовъ на разсмотрѣніе Министерства; вмѣстѣ съ тѣмъ и Государственный Совѣтъ началъ склоняться къ тому мнѣнію, что «правительству принадлежитъ руководительство тарифами желѣзныхъ дорогъ» съ цѣлью удовлетворенія государственнымъ цѣлямъ [1]). Въ 1885 году вмѣстѣ съ утвержденіемъ «Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», учрежденъ былъ при Министерствѣ Путей Сообщенія совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, которому порученъ надзоръ за исполненіемъ дорогами общаго устава [2]). Однако, благодаря неопредѣленности своихъ функцій, и совѣтъ не урегулировалъ тарифное дѣло...

Между тѣмъ желѣзнодорожная сѣть уже настолько усложнилась, что среди жлѣзныхъ дорогъ стала возникать конкурренція за грузы, въ особенности направлявшіеся изъ центра и востока къ потребительнымъ и портовымъ рынкамъ. Въ 1887 году почти всѣ желѣзныя дороги значительно понизили свои тарифы, преимущественно на хлѣбные грузы въ вывозномъ сообщеніи. Однако, это пониженіе стало возбуждать опасенія правительства, такъ какъ ему приходилось гарантировать доходъ желѣзныхъ дорогъ; пониженіе тарифовъ изъ за конкурренціи грозило для нѣкоторыхъ дорогъ прямыми убытками, а для правительства, слѣдовательно, необходимостью приплатъ изъ государственнаго казначейства.

Результатомъ этого обстоятельства и явился новый законъ, въ видѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта «по проекту временнаго положенія о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ» 8 марта 1889 года [3]). Основнымъ принципомъ новаго закона является тотъ, окончательно признанный взглядъ, что установленіе тарифовъ должно принадлежать государству, въ видахъ огражденія общихъ интересовъ населенія, торговли и промышленности. Желѣзнымъ дорогамъ оста-

[1]) «Собраніе узакон. и распор. Правительства» 1887 г., № 67.
[2]) «Собраніе узакон. и распор. Правительства» 1885 г. № 78.
[3]) «Собраніе узакон. и распор. Правительства» 1889 г № 83.

вляется только инициатива возбужденія вопросовъ объ измѣненіи тарифовъ; но эти же вопросы могутъ, впрочемъ, возбуждаться также и правительствомъ, и даже частными обществами (п.п. 1—8). Наиболѣе же важнымъ нововведеніемъ представляется рѣшеніе о періодическихъ съѣздахъ представителей желѣзныхъ дорогъ, промышленности и сельскаго хозяйства съ цѣлью пересмотра тарифовъ.

Этимъ все тарифное дѣло становилось на новую почву, тарифы дѣлались орудіемъ экономической политики, средствомъ борьбы за рынки различныхъ конкуррирующихъ между собою мѣстностей, выраженіемъ интересовъ противоположныхъ экономическихъ группъ и классовъ населенія. Понятно, что вниманіе новыхъ тарифныхъ учрежденій привлекли прежде всего хлѣбные тарифы, такъ какъ главнымъ матеріаломъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ являлись хлѣбные продукты; вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзнодорожные тарифы начали играть и крупнѣйшую роль въ положеніи и судьбѣ нашего сельскаго хозяйства, такъ же, какъ и во всемъ ходѣ хлѣбной торговли и въ направленіи нашего хлѣбнаго экспорта.

Со времени организаціи при Министерствѣ Финансовъ, на основаніи закона 8 марта 1889 года, новыхъ тарифныхъ учрежденій, было произведено пять общихъ пересмотровъ тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ: въ 1889 году, 1893 г., $189^{6}/_{7}$ г., $190^{0}/_{1}$ г. и послѣдній въ 1905 году. За этотъ періодъ и выработались тѣ основы тарификаціи хлѣбныхъ грузовъ, которыя остаются сохраненными и теперь. Онѣ заключаются, помимо нѣкоторыхъ частностей, въ тарифномъ единствѣ и дифференціальности, придающихъ тарифамъ громадное экономическое значеніе въ смыслѣ вліянія ихъ на хозяйственныя отношенія отдѣльныхъ раіоновъ и на происходящее подъ этимъ вліяніемъ возникновеніе и размѣщеніе отраслей промышленности,

До 1889 года, пока тарифное дѣло находилось въ исключительномъ вѣдѣніи каждой отдѣльной желѣзной дороги, тарифы отличались чрезвычайной сложностью, разнообразіемъ и непостоянствомъ, почему и не могли являться проводниками какой либо единой тарифной политики. Начало проведенія единообразія и общности тарифовъ положено было еще въ 1888 году на съѣздѣ представителей желѣзныхъ дорогъ, но коснулось—что заслуживаетъ вниманія—только грузовъ въ вывозномъ сообщеніи. За такое же единообразіе хлѣбныхъ тарифовъ вообще высказалась и учрежденная въ

1888 году при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссія по вопросу о паденіи цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, признавшая необходимымъ «введеніе одной общей максимальной нормы или формулы для перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ [1])».

Однако, при первомъ пересмотрѣ въ совѣщаніи 1889 года принципъ проведенія одной общей формулы для тарифовъ былъ осуществленъ только отчасти. Взамѣнъ прежде существовавшихъ разнообразныхъ тарифовъ, которые искусственно создавали преимущество однимъ раіонамъ въ ущербъ другихъ, была выработана одна общая тарифная формула; она должна была уравнять прежде существовавшія неравенства разныхъ раіоновъ. Но этой формулѣ придано было значеніе лишь максимальныхъ предѣльныхъ ставокъ за перевозку, причемъ пониженіе или повышеніе существовавшихъ ставокъ до уровня формулы должно было производиться постепенно; сама же тарифная формула примѣнялась въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда не было спеціальныхъ табличныхъ тарифовъ [2]). Поэтому эти послѣдніе и послѣ пересмотра сохранили свою силу. Число ихъ достигало до 900. Несмотря на это, однако, благодаря выработкѣ общей формулы, а также благодаря принятой системѣ установленія спеціальныхъ тарифовъ, былъ сдѣланъ шагъ къ уравнительности ставокъ для различныхъ земледѣльческихъ раіоновъ и равномѣрнаго ихъ пониженія съ увеличеніемъ разстоянія, т. е. уничтоженія такъ наз. «горбовъ»—бывшихъ результатомъ прежней неуравнительности тарифовъ [3]). Такимъ образомъ, основаніемъ для общаго исчисленія платъ съ различныхъ разстояній явилась уже дифференціальность, которой прежде почти не было въ спеціальныхъ тарифахъ отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ. Слѣдовательно, новый пересмотръ, дѣлая предпочтеніе далекимъ

[1]) Выс. учр. ком. по вопросу о паденіи цѣнъ на с.-х. прод. *Чупровъ и Мусницкій*. Объ упорядоченіи жел.-дор. тарифовъ. Стр. 22 и слѣд.

[2]) Журналъ особаго совѣщанія тарифн. комит. по вопросу о выработкѣ общихъ основаній для урегулированія провозныхъ платъ на хлѣбные грузы. Спб. 1889 г., стр. 63 и прилож. 2.

[3]) Такъ, въ $188^{7}/_{8}$ г. тарифная плата изъ приволжскихъ пунктовъ до С.-Петербурга была назначена $25^{1}/_{2}$ к. п., причемъ далѣе, по мѣрѣ приближенія къ Спб., вмѣсто того, чтобы понижаться, она повышалась и отъ ст. Кузнецкъ, Филонова она была уже 30 к. Такихъ примѣровъ въ дореформенныхъ тарифахъ было много. См. *Чупровъ и Мусницкій*, стр. 24 и слѣд.

перевозкамъ, сталъ поощрять вывозъ, въ ущербъ снабженію внутреннихъ рынковъ.

При слѣдующемъ общемъ пересмотрѣ тарифовъ въ 1893 году была окончательно рѣшена необходимость полнаго единства и однообразія тарифовъ для всѣхъ раіоновъ, взамѣнъ прежнихъ спеціальныхъ табличныхъ тарифовъ. Однако, при установленіи такого единообразія естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ во-первыхъ о конкурренціи производительныхъ раіоновъ и во-вторыхъ о соотношеніи вывозного и внутренняго сообщенія. Если прежніе желѣзнодорожные тарифы создавали для нѣкоторыхъ мѣстностей ни на чемъ не основанныя преимущества, то все же въ общемъ они должны были принимать во вниманіе существовавшія мѣстныя экономическія и торговыя особенности. Уравненіе же всѣхъ мѣстностей одной тарифной формулой, тѣмъ болѣе при оставленіи ея дифференціальности, должно было вызвать борьбу прежде всего двухъ производительныхъ раіоновъ, центра и окраинъ, борьбу за интересы двухъ рынковъ—внутренняго и вывозного. Тарифными схемами пришлось примирять не только интересы земледѣлія центра и окраинъ, но и интересы внутренняго потребителя и экспортной торговли. Задача, такимъ образомъ, значительно усложнялась: единые, въ принципѣ, тарифы пришлось разбить на двѣ отдѣльныхъ формулы — для внутренняго и вывозного сообщенія.

Уже въ совѣщаніи 1889 года было высказано пожеланіе, чтобы, въ цѣляхъ возможности сбыта излишковъ хлѣба изъ всѣхъ раіоновъ, заграницу, «каждому производительному раіону было ровно доступно возможно большее число пунктовъ границы или берега, къ которому они тяготѣютъ» [1]). Совѣщаніе 1893 года также признало необходимымъ создать нѣкоторое поощреніе вывозу хлѣбныхъ избытковъ заграницу, но въ то-же время и примирить обостренную противоположность интересовъ различныхъ раіоновъ, а также внутренняго и внѣшняго рынка. По мнѣнію совѣщанія [2]), отправляемый по вывознымъ тарифамъ заграницу хлѣбъ подпадаетъ подъ вліяніе общихъ условій международнаго снабженія и спроса;

[1]) Журналъ особаго совѣщанія 1889 года, стр. 19.

[2]) Особое совѣщаніе по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ въ 1893 году. Спб 1893, стр. 8, а также Журналъ тарифнаго комитета по общему пересмотру тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ. Спб. 1893 г.

почему тарифы желѣзныхъ дорогъ могутъ лишь въ крайне незамѣтной степени повліять на расцѣнку его. Производителю, говоря вообще, достанется тѣмъ большая прибыль, чѣмъ менѣе онъ потеряетъ въ платѣ за транспортъ; поэтому главной задачей установленія тарифовъ для вывозного сообщенія является пониженіе ихъ. Наоборотъ, внутренній рынокъ далеко не обладаетъ такой вмѣстимостью, чтобы на немъ не могло случиться переполненія, если кромѣ хлѣба ближайшихъ къ нему центральныхъ производительныхъ раіоновъ, на него хлынетъ, благодаря дешевымъ тарифамъ, и хлѣбъ окраинъ. Исходомъ изъ такого положенія явилось установленіе сравнительно болѣе дешевыхъ платъ на короткія разстоянія во внутреннемъ сообщеніи и болѣе дорогихъ въ вывозномъ, на дальнія же разстоянія—одинаковыя ставки какъ для вывозного, такъ и для внутренняго сообщенія. Этотъ принципъ двойственности формулы—вывозныхъ и внутреннихъ тарифовъ—сохраненъ былъ и при слѣдующихъ пересмотрахъ $189^6/_7$ г. и $190^0/_1$ г., съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что, подъ вліяніемъ жалобъ на невыгодность для центральнаго производительнаго раіона высокихъ ставокъ, при пересмотрѣ $189^6/_7$ г. раіонъ пониженнаго для внутренняго сообщенія тарифа былъ расширенъ съ 320 верстъ (по тарифу 1893 г.) до 540 верстъ по тарифу 1897 года, что осталось и въ тарифѣ 1901 г., и въ дѣйствующемъ тарифѣ 1907 г

Еще болѣе важное значеніе, чѣмъ такая двойственность тарифовъ для внутренняго и вывозного сообщенія, имѣла для народнаго хозяйства самая дифференціальность тарифовъ. По существу, дифференціальность провозныхъ платъ обусловливается самымъ характеромъ желѣзнодорожнаго транспорта, издержки котораго съ увеличеніемъ разстоянія увеличиваются въ значительно меньшей степени, чѣмъ само разстояніе [1]); но все же, благодаря этой дифференціальности, вліяніе желѣзнодорожнаго транспорта въ смыслѣ оживленія и открытія рынковъ для однихъ раіоновъ и конкурренціи ихъ съ другими раіонами, сказывается особенно рѣзко. Поэтому то и дифференціальная система тарифовъ всегда вызывала жалобы и нападки со стороны представителей тѣхъ раіоновъ, которые благодаря ей попадали въ невыгодное положеніе.

[1]) Объ этомъ см. *Скворцовъ*. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. Варш. 1890, отд. III. *Шостакъ*. Хлѣбные тарифы. Спб. 1887.

Такъ, въ 1896 году всероссійскимъ съѣздомъ сельскихъ хозяевъ было возбуждено спеціальное ходатайство о введеніи однообразнаго попудо-верстнаго тарифа и о пониженіи существовавшаго до 1/100 коп. съ пудо-версты. Встрѣтившій сильный отпоръ отъ представителей желѣзныхъ дорогъ и не одобренный Министерствомъ Финансовъ [1]) проектъ этотъ, хотя и не нашелъ себѣ осуществленія, но ускорилъ новый пересмотръ хлѣбныхъ тарифовъ, при которомъ принципъ дифференціальности провозныхъ платъ снова подвергся критикѣ. Особеннымъ нападкамъ дифференціальная система тарифовъ подверглась при общихъ пересмотрахъ 1893 г. и 1896/7 гг. [2]). Противники дифференціальныхъ тарифовъ указывали, главнымъ образомъ, на то вредное вліяніе, которое оказываютъ эти тарифы на сельское хозяйство и хлѣбную торговлю измельчаніемъ ея, отвлеченіемъ отъ нея крупныхъ капиталовъ, преобладаніемъ экспорта въ ущербъ внутреннему потребленію и потому пониженіемъ расцѣнки русскаго хлѣба на заграничныхъ рынкахъ и, наоборотъ, повышеніемъ цѣнъ на внутреннихъ.

Не смотря на это, дифференціальность тарифовъ была сохранена; съ теченіемъ времени произошло лишь незначительное смягченіе ея, благодаря пониженію ставокъ для небольшихъ разстояній (съ 1/25 коп. съ пуда по тарифу 1893 года до 1/34 коп. съ пуда по тарифу 1897 и 1901 года во внутреннемъ сообщеніи и съ 1/24 до 1/25 коп. пудъ въ вывозномъ сообщеніи) и нѣтоторому повышенію на дальнія разстоянія. Но все же, если сравнить характеръ ставокъ дѣйствовавшихъ въ послѣднее время тарифовъ со ставками семидесятыхъ годовъ, когда тарифное дѣло еще не было объединено, то обнаружится громадная дифференціальная разница въ пользу дальнихъ разстояній. Въ 70-хъ годахъ дороги взимали за провозъ грузовъ большею частью по 1/18—1/25 коп. съ пудо-версты, но такъ какъ каждая разсчитывала плату особо, то скидокъ на дальнія разстоянія почти не было; теперь тарифъ на близкія разстоянія остался почти такимъ же, какъ и въ 70-хъ годахъ, на дальнія же уменьшился въ нѣсколько разъ.

Все это и создавало особыя преимущества для отдаленныхъ, т. е. главнымъ образомъ для восточныхъ и юго-восточныхъ раіо-

[1]) Журналъ тарифнаго комитета по вопросу о пониженіи до 1/100 к. съ пуда и версты тарифовъ на хлѣбные грузы. Спб. 1896 г.

[2]) Журналъ тарифнаго ком. по пересмотру хлѣбн. тарифовъ въ 1893 г. и въ 1896/7 гг.

новъ. Это стремленіе къ эксплоатаціи богатствъ развивающихся восточныхъ раіоновъ въ финансовыхъ, торговыхъ и желѣзнодорожныхъ цѣляхъ и является характерной чертой желѣзнодорожнаго строительства и желѣзнорожной политики во второй періодъ ея.

Желѣзнодорожный «Drang nach Osten» 90-хъ годовъ принуждаетъ къ усиленной интенсификаціи и усложненію центральной желѣзнодорожной сѣти: новыя линіи и магистрали создаются часто почти параллельно старымъ, въ разстояніи сотни верстъ одна отъ другой, не боясь конкурренціи и пониженія доходности, въ надеждѣ на громадный транзитъ съ восточныхъ окраинъ. Какъ въ семидесятыхъ годахъ желѣзнодорожная горячка спѣшила соединить хлѣбородныя поля центра и юга, чтобы вывезти на рынокъ ихъ залежавшіяся богатства, такъ новые, пошедшіе на востокъ желѣзнодорожные культуртрегеры несли сюда съ собой пробужденіе къ жизни дѣвственныхъ полей и промышленныхъ богатствъ, продукты которыхъ потекли широкой рѣкой на западъ. Рука объ руку съ этимъ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти строится и тарифная политика, ведущая къ той же цѣли—развитію товарно-торговаго земледѣльческаго производства въ восточныхъ губерніяхъ и расширенію для него рынковъ сбыта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должны были измѣниться производственныя отношенія земледѣльческаго центра и земледѣльческихъ восточныхъ окраинъ, ихъ роль въ общемъ народномъ хозяйствѣ. Всѣ эти перемѣны нашли себѣ также прямое отраженіе и на измѣненіяхъ въ характерѣ желѣзнодорожнаго транспорта.

Желѣзныя дороги, внѣдрившись прежде всего въ хлѣбородный центръ, гдѣ ихъ ждали годами неиспользованные милліоны пудовъ хлѣба, быстро исчерпали старые запасы и, открывъ новые рынки до тѣхъ поръ не имѣвшимъ сбыта продуктамъ, возбудили производство ихъ спеціально для рынка. Но чѣмъ далѣе на югъ, юго-востокъ и востокъ проходилъ желѣзнодорожный путь, чѣмъ большія пространства не воздѣлывавшихся земель онъ призывалъ къ жизни и къ производству на рынокъ, тѣмъ болѣе опасная конкурренція росла въ лицѣ ихъ для хлѣбороднаго центра. Ко времени развитія желѣзнодорожныхъ путей центральныя губерніи, тяготѣвшія къ внутреннему рынку, уже спеціализировали свое производство, главнымъ образомъ, на воздѣлываніи тѣхъ хлѣбовъ, къ которымъ была болѣе приспособлена почва и для сбыта которыхъ была необходима близость рынка, такъ какъ дешевизна не позволяла ихъ транспор-

тировать издалека; рожь и овесъ стали специфическими предметами производства центра, тогда какъ пшеница стала съ бо́льшимъ успѣхомъ культивироваться въ мѣстностяхъ юга и юго-востока.

Понятно поэтому, что, когда желѣзныя дороги связали югъ и юго-востокъ съ внѣшими рынками, сталъ быстро возрастать отсюда и вывозъ этихъ пшеничныхъ продуктовъ. Въ желѣзнодорожномъ движеніи начинаетъ отмѣчаться все болѣе быстрое развитіе перевозокъ пшеницы и пшеничной муки, вытѣсняющихъ рожь и овесъ съ ихъ перваго мѣста въ желѣзнодорожныхъ перевозкахъ въ первый періодъ развитія желѣзныхъ дорогъ. Такъ, во внутреннемъ сообщеніи перевозки пшеничной муки увеличились за время съ 70-хъ годовъ до 90-хъ болѣе, чѣмъ въ 4 раза, пшеницы—болѣе, чѣмъ въ два раза, тогда какъ перевозки ржи увеличились лишь на 10%. Еще болѣе характерными оказываются измѣненія во внѣшнемъ экспортѣ различныхъ хлѣбовъ. Когда въ первые годы по освобожденіи и проведеніи желѣзныхъ дорогъ на внѣшній рынокъ сталъ работать земледѣльческій центръ, то на экспортъ пошли главнымъ образомъ его сѣрые хлѣба. За первыя два десятилѣтія послѣ освобожденія экспортъ пшеницы увеличился немногимъ болѣе, чѣмъ въ два раза (съ 50,1 милл. пуд. до 110,5 милл. пуд.), экспортъ ячменя увеличился въ 4 раза (съ 5 м. п. до 20,6 м. п.), тогда какъ экспортъ ржи увеличился въ $6^1/_2$ разъ (съ 13,7 милл. пуд. до 83,2 милл. пуд.), экспортъ же овса болѣе 7 разъ (съ 5,9 милл. пуд. до 42,7 милл. пуд.). Но уже въ 1890—95 годахъ, съ распространеніемъ желѣзнодорожной сѣти на востокъ и съ ростомъ здѣсь торговаго земледѣлія экспортъ пшеницы достигаетъ 179 милл. пуд., ячменя до 92 милл. пуд., тогда какъ сокращающійся экспортъ ржи падаетъ до 56,9 милл. пуд., а экспортъ овса останавливается на цифрѣ 56,5 милл. пуд. Насколько крупную роль въ этомъ увеличеніи поступленій пшеничныхъ товаровъ на внѣшній и внутренній рынокъ имѣло производство восточныхъ губерній, видно, напр., хотябы изъ того, что количество грузовъ, отправленныхъ съ 6 восточныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ теченіе 6 лѣтъ средины 90-хъ годовъ возросло съ 335 милл. пуд., до 819 милл. пуд., т. е. на 144%; между тѣмъ, увеличеніе общаго по всѣмъ дорогамъ движенія грузовъ за тѣ же годы увеличилось лишь съ 4.179 до 6.145 милл. пудовъ, т. е. на 47% [1]). Громадная доля грузового движенія на

[1]) *Куломзинъ,* Наша желѣзнодорожная политика, т. IV, ст. 78.

этихъ дорогахъ принадлежитъ именно хлѣбнымъ грузамъ. Такъ, съ одной лишь Самаро-златоустовской жел. дор., въ первой половинѣ 90-хъ годовъ было отправлено на западъ лишь 15,5 милл. пуд., главныхъ хлѣбныхъ грузовъ, въ 1895—99 гг. отправлено было въ среднемъ уже до 41 милл. пудовъ.

Такое увеличеніе восточныхъ хлѣбныхъ грузовъ дѣлаетъ очевиднымъ, куда перемѣщается центръ зернового хозяйства съ торгово-промышленными цѣлями. Желѣзныя дороги, возникшія и выстроенныя на счетъ крестьянскихъ ржи и овса центральнаго раіона, стали все болѣе пробуждать къ жизни чисто промышленное производство на пшеничныхъ поляхъ юга и юго-востока; оторванный было отъ внутренняго потребительнаго рынка центръ сталъ снова все болѣе служить интересамъ внутренняго потребленія—къ тому же съ каждымъ годомъ увеличивающаго — тогда какъ съ востока и юга стала идти новая хлѣбная рѣка; центральныя дороги стали все болѣе обращаться въ транзиты для восточныхъ грузовъ.

Но кромѣ этихъ внутреннихъ перемѣнъ, происшедшихъ подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ въ земледѣльческомъ производствѣ отдѣльныхъ раіоновъ и въ характерѣ ихъ культуры, въ общемъ народномъ хозяйствѣ за эти годы произошли крупныя перемѣны, Вмѣстѣ съ развитіемъ обрабатывающей промышленности, а съ другой стороны, вмѣстѣ съ ростомъ самого желѣзнодорожнаго строительства, въ этомъ послѣднемъ начинаютъ играть видную роль уже не только дороги, исключительно «хлѣбныя». Все бо́льшее развитіе получаютъ дороги, обслуживающія промышленные интересы. Таковы линіи Польши, иваново-вознесенскаго раіона, донецкаго каменноугольнаго бассейна, фастовскаго сахарозаводскаго, уральскаго раіона, отчасти Закавказья и др. Съ развитіемъ промышленныхъ дорогъ начинаетъ измѣняться и относительная роль хлѣбныхъ грузовъ въ общемъ желѣзнодорожномъ движеніи.

По даннымъ Министерства Путей Сообщенія [1]), относительное значеніе хлѣбныхъ грузовъ въ общихъ желѣзнодорожныхъ перевозкахъ падало въ такой степени: грузы 6 главныхъ хлѣбовъ составили въ общей перевозкѣ товаровъ:

Годы.	%	Годы.	%
въ 1876—85	26,0	въ 1891—95	20,7
» 1886—90	23,9	» 1895—900	17,2

[1]) Статистическіе сборники Мин. Путей Сообщенія за соотв. годы.

Относительное значеніе хлѣбныхъ грузовъ въ общихъ перевозкахъ падаетъ въ теченіе 20—25 лѣтъ на 1/3. Въ настоящее время, слѣдовательно, требуетъ нѣкотораго ограниченія не только наблюденіе 60-хъ годовъ, что «наши желѣзныя дороги питаются исключительно хлѣбными грузами» (Чупровъ), но и позднѣйшее утвержденіе Н—она, что «все желѣзнодорожное движеніе обусловлено земледѣльческою производительностью» и что въ опредѣленіи темпа какъ вообще промышленной дѣятельности, такъ и желѣзнодорожнаго движенія, главная роль принадлежитъ урожаю [1]).

Что же вытѣсняло хлѣбные грузы и занимало ихъ мѣсто въ товарныхъ перевозкахъ? Если сопоставить данныя объ общихъ количествахъ перевозокъ товаровъ въ 1876 — 78 гг., въ 1895—97 гг. и въ 1898—1902 гг., то окажется, что, несмотря на наибольшее абсолютное приращеніе хлѣбныхъ грузовъ въ теченіе указаннаго періода, они уже не занимаютъ той подавляющей роли, сравнительно съ другими грузами, которую имѣли вначалѣ. Абсолютныя количества грузовъ и относительный приростъ ихъ за указанные періоды были [1]):

	Количество въ милл. пудовъ.			Приростъ съ 1876 по 1897 г.		Приростъ съ 1876 по 1902 г.	
	1876—78.	1895—97.	1898—1902.	Милл. п.	%	Милл. п.	%
Нефть и керосинъ . .	6,4	200,7	236,9	193,3	3.035	230,5	3.602
Каменный уголь . . .	90,3	446,6	649,1	356,3	395	548,8	608
Чугунъ, желѣзо, сталь, рельсы	23,8	99,5	122,1	75,7	318	98,8	414
Лѣсные строительные матеріалы	67,8	201,7	263,5	133,9	197	195,7	289
Сахаръ	21,6	51,1	63,9	29,5	136	42,3	196
Хлопокъ	7,2	16,9	21,8	9,7	135	14,6	203
Шерсть	4,2	8,9	8,5	4,2	170	4,3	102
6 главныхъ хлѣбовъ .	311,9	572,0	620,5	260,1	83	308,6	99
Всего товара малой скорости.	978,6	2.808,3	3.649,0	1.830,3	189	2.671,0	273

Приведенныя цифры указываютъ на относительное паденіе значенія грузовъ въ общихъ желѣзнодорожныхъ перевозкахъ, за счетъ увеличенія перевозокъ минеральнаго топлива и продуктовъ фабрично-заводской промышленности. Во второй періодъ абсолютный приростъ движенія хлѣбныхъ грузовъ значительно уступаетъ приросту движенія каменнаго угля, относительный же—ниже всѣхъ взятыхъ грузовъ. Даже если вмѣсто трехлѣтія 1895—97 гг., гдѣ 1897 г. былъ неурожайный, взять трехлѣтіе 1894—96 гг., отличавшееся очень высокими урожаями, то и тогда приростъ хлѣбныхъ грузовъ составитъ всего 102%, а абсолютно 314 милл. пуд., т. е. все-таки на 42,3 милл. пуд. меньше прироста каменнаго угля. Особенно рельефно паденіе значенія хлѣбныхъ грузовъ видно въ послѣднее урожайное пятилѣтіе, когда относительное увеличеніе хлѣбныхъ грузовъ (съ 83 до 99%) оказывается также значительно ниже средняго по всѣмъ товарамъ малой скорости (съ 189 до 273%).

При первомъ взглядѣ на эти цифры можно, повидимому, заключить, что значеніе сельскохозяйственнаго производства страны, сравнительно съ другими отраслями промышленности сильнѣйшимъ образомъ падаетъ и что сельское хозяйство доставляетъ торгово-товарному обращенію все меньшее количество продуктовъ; что,

[1]) Такъ, если сравнить относительныя количества мѣсячныхъ перевозокъ малой скорости, даваемыя г. Н—оном̀ъ для 1869—73 гг. и 1877—79 гг., съ позднѣйшимъ временемъ, то получаемъ такое сопоставленіе. Принимая цифру перевозокъ января 100, размѣры перевозокъ въ остальные мѣсяцы выразятся въ слѣдующихъ относительныхъ цифрахъ (цифры перваго столбца взяты у г. Н—она «Очерки нашего пореформ. хоз.», таб. III; второго и третьяго вычислены по «Статист. сборн. Мин. Путей Сообщ.» за соотв. годы.):

	1869—79.	1895—96.	1897—1901.
Январь	100,00	100,00	100,0
Февраль	93,34	96,4	93,7
Мартъ	107,91	96,6	104,2
Апрѣль	77,59	80,2	88,5
Май	117,85	99,0	101,8
Іюнь	117,97	107,5	99,2
Іюль	100,75	96,5	98,4
Августъ	96,23	103,1	98,7
Сентябрь	115,69	114,9	101,3
Октябрь	131,87	121,7	108,1
Ноябрь	111,31	110,4	104,9
Декабрь	116,70	106,5	100,7

И въ настоящее время, конечно, увеличеніе осеннихъ перевозокъ еще вообнѣ сохраняетъ свою силу, что объясняется именно реализаціей урожая; но мартовскій и майскій максимумы почти исчезаютъ, апрѣльскій минимумъ значительно смягченъ и вся волна вообще менѣе рѣзко выражена.

[1]) Вычислено по «Сводной статистикѣ». См. «Ежегодникъ Мин. Финансовъ», а также *Билимовичъ*, Товарное движеніе на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Кіевъ, 1902, стр. 13.

слѣдовательно, торговый капиталъ, создавшійся на почвѣ широкаго отчужденія земледѣльческихъ продуктовъ — начинаетъ пользоваться для своего обращенія уже матеріаломъ другихъ отраслей промышленности, частью переходя въ высшую свою форму—производительный капиталъ. Однако, если разсмотрѣть ближе приведенныя цифры, то окажется, что дѣлать такое заключеніе было бы ошибочнымъ.

Относительное уменьшеніе значенія сельскохозяйственныхъ грузовъ въ общемъ товарно-торговомъ обращеніи идетъ вовсе не на счетъ увеличенія перевозокъ произведеній фабричнозаводской промышленности, т. е. продуктовъ производительнаго капитализма. Наоборотъ, изъ приведенныхъ цифръ видно, что если изъ категоріи фабричнозаводскихъ перевозокъ исключить грузы, составляющіе минеральное топливо, уголь и нефть, то процентъ общаго увеличенія собственно фабричнозаводскихъ грузовъ (даже включая сюда чугунъ и рельсы) сразу понижается до 272%, т. е. все-же менѣе общаго прироста движенія на 1%. Еще болѣе значительное пониженіе получается при исключеніи чугуна и рельсовъ, т. е. грузовъ, которые служатъ, главнымъ образомъ, для оборудованія новыхъ строющихся желѣзнодорожныхъ путей: процентъ увеличенія продуктовъ мануфактурно-фабричнозаводской промышленности въ такомъ случаѣ оказывается значительно отстающимъ отъ увеличенія размѣровъ общаго движенія.

Итакъ, относительное уменьшеніе хлѣбныхъ перевозокъ, обусловливается, главнымъ образомъ, сильнымъ развитіемъ перевозокъ каменнаго угля, нефти, рельсовъ, чугуна—все продуктовъ, въ значительной мѣрѣ необходимыхъ для развитія и существованія самой желѣзнодорожной сѣти, т. е. для существованія главнѣйшаго орудія товарно-торговаго обращенія. Другими словами, въ настоящее время, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, мы присутствуемъ при гораздо болѣе быстромъ развитіи торговаго капитализма, чѣмъ производительнаго.

Раньше, при началѣ своего развитія этому торговому капитализму съ его капиталистическими усовершенствованными средствами сообщенія необходимо было порвать путы натуральнаго строя именно въ той отрасли хозяйства, которая могла предоставить ему для торговаго оборота наибольшую массу продукта—а такимъ именно было зерновое сельское хозяйство. Въ дальнѣйшемъ успѣхъ его существованія былъ обезпеченъ уже возникновеніемъ иныхъ отраслей промышленности.

Въ настоящее время наши желѣзныя дороги дѣйствительно переходятъ отъ «питанія мужицкимъ хлѣбомъ» къ улучшенному питанію международной пищей промышленности—каменнымъ углемъ и нефтью; но все же онѣ усвояютъ себѣ плоды цивилизаціи довольно медленно и все еще потребляютъ относительно болѣе крупныя количества ржи и пшеницы, чѣмъ чугуна, стали, хлопка, шерсти, даже взятыхъ вмѣстѣ. Поскольку товарно-торговая циркуляція можетъ служить характеристикой самихъ условій производства (а при товарномъ производствѣ она именно является такой характеристикой) приведенныя выше цифры показываютъ, чѣмъ продолжаетъ жить нашъ торговый капитализмъ, съ его усовершенствованными путями сообщенія, и съ какой относительно незначительной быстротой идетъ параллельно ему развитіе болѣе совершенной формы промышленнаго капитализма. Ростъ торговаго капитала идетъ пока значительно быстрѣе роста капитала производительнаго; процессъ производства капитализируется медленнѣе, чѣмъ процессъ обращенія. И если, быть можетъ, для нѣкоторыхъ отраслей промышленности это и не имѣетъ мѣста, то для сельскаго хозяйства такой усиленный ростъ значенія торговаго капиталистическаго обращенія имѣетъ громадное значеніе.

Орудія и средства этого обращенія быстро увеличиваются и улучшаются; тѣ русла, которыя уносятъ изъ хозяйства продукты на рынокъ, становятся все шире и глубже; съ другой стороны, финансовый прессъ давитъ все сильнѣе и побуждаетъ все полнѣе отчуждать всѣ произведенія хозяйства на рынкѣ. Замѣчательно то, что ростъ перевозокъ, т. е. размѣры товарно-торговаго обращенія земледѣльческихъ продуктовъ, въ лицѣ ихъ главнаго представителя—хлѣба, превосходитъ ростъ урожаевъ. Другими словами, въ противоположность дореформенной и до-желѣзнодорожной эпохи, съ ея медленнымъ и неподвижнымъ товарнымъ обращеніемъ и неразвивающимся рынкомъ—въ настоящее время, благодаря чрезвычайно быстрому пульсу товарнаго обращенія—ростъ рынка обгоняетъ самое производство.

Это обстоятельство имѣетъ рѣшающее значеніе для всего строя сельскохозяйственныхъ отношеній. Если при прежнихъ условіяхъ, при сбытѣ на рынокъ только дѣйствительныхъ избытковъ отъ производительнаго и личнаго потребленія въ хозяйствѣ, производитель стоялъ сравнительно независимо отъ рынка и не страдалъ отъ происходящихъ на немъ перемѣнъ, то теперь и по направле-

нію производства, и по количеству производимыхъ и сбываемыхъ продуктовъ, и въ успѣшности своей хозяйственной дѣятельности, и въ личномъ существованіи, онъ всецѣло зависитъ отъ рынка. Земледѣльческое производство, вынужденное все болѣе обращаться на удовлетвореніе нуждъ рынка, все болѣе задается цѣлями торговаго сбыта и сообразно съ этимъ направляется на тѣ виды товара-хлѣба, которые могутъ пользоваться болѣе широкимъ спросомъ. Это обстоятельство обусловливаетъ перемѣщеніе культуры изъ старыхъ земледѣльческихъ областей въ южныя и восточныя нетронутыя степи, особенно соотвѣтствующія по своимъ естественнымъ и экономическимъ условіямъ производству главнаго торговаго хлѣба—пшеницы. Но, уже разъ начавшись, производство зерна съ торгово-промышленными цѣлями ставитъ хозяйство въ необходимость все усиленнѣе развивать свою дѣятельность въ смыслѣ увеличенія количества поставляемаго на рынокъ товара.

Какъ для помѣщика стараго крѣпостного времени, съ его «обязательнымъ» трудомъ, было обязательно производство хлѣба ради обезпеченія потребленія, такъ новому свободному производителю—безразлично, мелкому-ли крестьянину или крупному помѣщику—представляется «обязательнымъ» производство хлѣба на рынокъ. Въ противномъ случаѣ, при ослабленіи его дѣятельности, его мѣсто на рынкѣ будетъ занято болѣе счастливыми и умѣлыми соперниками, а хозяйству его будетъ угрожать разореніе. Свободная конкурренція на рынкѣ создаетъ, такимъ образомъ, естественный подборъ не только внѣшній, пораіонный, вытѣсняя изъ производства мѣстности съ менѣе выгодными условіями, но и подборъ внутренній, въ средѣ самихъ производителей, выбрасывая изъ числа ихъ неумѣлыхъ, неспособныхъ, экономически малосильныхъ, разрушая сословныя перегородки и давая мѣсто сильнымъ умѣньемъ и капиталомъ, перестраивая такимъ образомъ самыя основы земледѣльческаго быта.

Это громадное рѣшающее значеніе рынка для всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, особенно интенсивная и быстрая перестройка которыхъ отмѣчается со времени окончательнаго водворенія денежнаго хозяйства, заставляетъ ближе обратиться къ изученію явленій этого рынка и ихъ зависимости отъ общехозяйственныхъ и производственныхъ условій.

Къ сожалѣнію точнаго фактическаго и статистическаго матеріала въ этомъ отношеніи имѣется крайне мало и вопросъ не только

не можетъ быть рѣшенъ исчерпывающимъ образомъ для всего сельскохозяйственнаго рынка, но съ трудомъ намѣчается даже для нѣкоторой части его. Въ этомъ отношеніи наиболѣе благопріятно обставлено статистическимъ матеріаломъ изученіе хлѣбнаго рынка и его отношеній къ сельскохозяйственному производству. Имъ и приходится ограничиться, тѣмъ болѣе, что условія сбыта главнаго продукта сельскохозяйственнаго производства, зернового хлѣба, и условія реализаціи на рынкѣ урожая являются и теоретически наиболѣе характерными, и практически рѣшающими вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ хозяйственномъ строѣ, которыя должна производить эта зависимость хозяйства отъ рынка, и о тѣхъ вліяніяхъ и формахъ, въ которыя она выливается.

ГЛАВА IX.

Опытъ статистическаго изученія внутренняго сельскохозяйственнаго рынка.

Матеріалы торговой статистики. — Урожай и запасы. — Поступленія хлѣбовъ на рынокъ. — Географическое распредѣленіе движенія хлѣбныхъ грузовъ. — Хлѣбныя цѣны.

1. Матеріалы торговой статистики.—Статика и динамика рынка.

Среди небогатой матеріалами русской хозяйственной статистики особенно неблагопріятное положеніе занимаетъ торговая статистика. Можно сказать, что пока, какъ спеціальная отрасль статистики, она не имѣетъ ни организаціи, ни данныхъ [1]). Исключеніе представляетъ развѣ только статистика внѣшней торговли, данныя которой какъ по точности свѣдѣній, такъ и по продолжительности охватываемаго ими періода стоятъ довольно высоко. Внутренняя же торговая дѣятельность страны крайне слабо освѣщается статистическими данными. Причина этого отчасти весьма понятна; торговая дѣятельность представляется не только весьма общимъ, но и крайне разсѣяннымъ и въ пространствѣ, и во времени явленіемъ; совершается настолько въ преходящихъ и непостоянныхъ формахъ, что поддается статистическому наблюденію и учету лишь съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ, напр., обладающее конкретными, постоянными и опредѣленными формами производство.

А между тѣмъ статистическое наблюденіе торговаго обмѣна и съ научной стороны представлялось бы, можетъ быть, особенно важнымъ въ виду того, что на характерѣ обмѣна и на ходѣ торговой

[1]) Вопросъ о спеціальной организаціи торговой статистики, поставленъ, какъ извѣстно, на очередь и въ настоящее время служитъ предметомъ обсужденія.

дѣятельности раньше, чѣмъ гдѣ-либо, отражаются перемѣны въ хозяйственномъ строѣ, сообразно тому, что образованію и накопленію промышленнаго капитала обыкновенно предшествуетъ образованіе и накопленіе торговаго капитала. Развитіе денежныхъ отношеній въ народномъ хозяйствѣ до нѣкоторой стадіи и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ еще не успѣть произвести измѣненія въ самихъ формахъ и условіяхъ производства, но должно тотчасъ же отразиться на торговыхъ отношеніяхъ хозяйства. Такъ, паденіе натуральнаго строя крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства отразилось вначалѣ не столько на измѣненіи организаціи крестьянскаго производства, даже не на увеличеніи количества производства, сколько прежде всего на возникновеніи или усиленіи торговой дѣятельности крестьянскаго хозяйства, начавшаго производить съ тѣхъ поръ не предметы потребленія, а товары.

Въ частности, изученіе торговой дѣятельности сельскаго населенія, добывающаго средства существованія главнымъ образомъ продажей производимыхъ имъ земледѣльческихъ произведеній, представляется особенно важнымъ, но и особенно труднымъ по тѣмъ же указаннымъ условіямъ: по громадной общности торговой дѣятельности сельскаго населенія, безъ которой въ настоящее время не обходится ни одно хозяйство; ея разсѣянности въ пространствѣ, въ противоположность производству, обыкновенно болѣе концентрированному въ опредѣленныхъ пунктахъ; наконецъ, въ ея преходящемъ характерѣ, не оставляющемъ никакихъ конкретныхъ слѣдовъ. Поэтому непосредственный статистическій учетъ, напр., хлѣботорговаго обмѣна—главнаго вида обмѣна въ хозяйствѣ сельскаго населенія—т. е. статистическій учетъ размѣровъ хлѣбныхъ продажъ сельскимъ производительнымъ населеніемъ, съ одной стороны, и размѣровъ хлѣбнаго снабженія несельскаго потребляющаго населенія, съ другой, представляется гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ даже учетъ общаго хлѣбнаго производства, также весьма не совершенный.

Статистическое изученіе факторовъ рыночнаго обращенія вообще и хлѣботорговаго въ частности, также какъ статистическое изученіе другихъ явленій (напр., статистики населенія), можетъ быть подраздѣлено на двѣ части: статику и динамику рынка. Такъ какъ главнымъ первоисточникомъ удовлетворенія продовольственныхъ потребностей страны хлѣбомъ является собственное ея народное производство, независимо отъ того, совершается ли это

удовлетвореніе путемъ торговаго обмѣна или натуральнымъ потребленіемъ внутри самого хозяйства, то изученіе обмѣна хлѣбными товарами необходимо связать съ изученіемъ хлѣбнаго производства, т. е. съ урожаемъ, дающимъ основу всей дальнѣйшей торговой дѣятельности.

Но размѣры ежегоднаго хлѣбнаго производства, выражающіеся въ конкретныхъ формахъ въ урожаѣ, не исчерпываются до конца ежегоднымъ же потребленіемъ хлѣба въ самомъ хозяйствѣ и сбытомъ его на сторону. Вмѣстѣ съ ежегодными новыми поступленіями въ народное хозяйство новыхъ количествъ произведеннаго хлѣба, въ немъ всегда остаются еще нѣкоторыя количества хлѣбныхъ запасовъ, остатковъ отъ прежнихъ годовъ. Часть этихъ запасовъ, понятно, служитъ или цѣлямъ того же собственнаго потребленія, или цѣлямъ дальнѣйшаго производства. При господствѣ денежно-товарнаго хозяйства значительная часть продуктовъ уже съ самаго момента производства предназначается на продажу и, такимъ образомъ, даже находясь еще въ рукахъ у производителей, представляетъ въ сущности такіе же «торговые» запасы, какъ и тѣ, которые уже находятся въ рукахъ посредниковъ-торговцевъ. Поэтому въ каждый данный моментъ въ народномъ хозяйствѣ имѣется нѣкоторая масса хлѣбныхъ продуктовъ, предназначенныхъ не на собственное потребленіе внутри производящаго хозяйства, но на продажу, и находящихся на той или другой ступени движенія отъ производителя къ торговцу и потребителю. Эта масса, вмѣстѣ съ массой ежегоднаго урожая, и является фондомъ для всего дальнѣйшаго движенія хлѣбнаго товарообмѣна. Урожай хлѣбовъ въ странѣ и остающіеся въ ней ежегодно запасы и являются такимъ образомъ матеріаломъ для изученія статики хлѣбнаго рынка.

Статистическое изученіе самого движенія (динамики) товарообмѣна заключается въ изученіи условій и причинъ или географическаго движенія товарныхъ грузовъ, т. е. движенія ихъ изъ мѣстъ и раіоновъ производства въ раіоны потребленія, или въ изученіи условій внутренняго движенія продуктовъ отъ производителя къ потребителю, начиная съ реализаціи урожая въ руки ближайшаго посредника и затѣмъ идя черезъ рядъ другихъ посредниковъ до потребителя. Признаки перваго рода движенія въ значительной мѣрѣ характеризуютъ также и внутреннее перераспредѣленіе продукта; другими словами, такъ такъ раіоны производства зерна довольно рѣзко отдѣляются отъ потребляющихъ раіоновъ, то на размѣрахъ, направленіи, скорости, характерѣ и т. п. географическаго передвиженія грузовъ можно основывать нѣкоторыя заключенія, касающіяся также и внутренняго перераспредѣленія продуктовъ между производителемъ, посредникомъ и торговцемъ.

Наиболѣе точными данными въ этомъ отношеніи представляются цифры желѣзнодорожныхъ и водныхъ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ, позволяющія для цѣлаго ряда годовъ заключать о характерѣ, скорости, размѣрахъ и т. п. реализаціи урожая. Однако, эти данныя всѣ же освѣщаютъ болѣе непосредственно, ближе и подробнѣе лишь географическое движеніе грузовъ, охватывая почти исключительно уже торговое, т. е. проданное, зерно. Они не касаются того зерна, которое прежде поступленія на желѣзную дорогу, на баржу или совершенно минуя ихъ, продается мелкимъ производителемъ скупщику на мѣстѣ, преимущественно на мѣстныхъ рынкахъ. Размѣры такого зерна весьма значительны, а между тѣмъ имѣется слишкомъ мало данныхъ для установленія этихъ размѣровъ. Ближайшимъ и непосредственнымъ указателемъ ихъ должны бы явиться гужевые подвозы хлѣбовъ къ рынкамъ, такъ какъ эти гужевые подвозы въ громадной своей массѣ идутъ именно непосредственно отъ производителя; но данныхъ для болѣе или менѣе точнаго установленія этихъ подвозовъ также почти не имѣется, кромѣ не вполнѣ точныхъ данныхъ для нѣсколькихъ главныхъ пунктовъ.

Кромѣ того, масса фактически поступающаго на рынокъ хлѣба совершенно не можетъ быть учтена даже и на основаніи размѣровъ гужевыхъ подвозовъ, такъ какъ часто продажи и покупки совершаются лишь въ предѣлахъ одной и той же деревни или селенія, сплошь и рядомъ даже въ не видѣ формальной купли-продажи, но въ видѣ кредитно-ссудной операціи, въ видѣ запродажи своего труда или натуральной оплаты его. Поэтому данныя, которыя намъ могла бы представить торговая статистика, даже при весьма высокой степени ея точности и полноты, ни въ какомъ случаѣ не могли бы освѣтить напр. вопроса объ абсолютной величинѣ размѣровъ хлѣбнаго сбыта, такъ какъ касались бы именно лишь формальныхъ продажъ и покупокъ, оставляя въ сторонѣ весьма развитой въ нѣдрахъ деревенскаго хозяйства видъ указанныхъ неформальныхъ продажъ и покупокъ.

Конечно, такъ какъ и чисто формальная, биржевая торговая дѣятельность близко связана съ общими условіями хлѣбнаго снабженія, то и учетъ ея, т. е. размѣровъ биржевыхъ сдѣлокъ на главныхъ рынкахъ, можетъ дать нѣкоторыя указанія на характеръ и условія вообще хлѣбнаго снабженія и хлѣбнаго обмѣна. Но, главнымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи, какъ мы уже указывали, является то, что данныя торговой статистики не отличаются ни полнотой, ни точностью, и позволяютъ дѣлать на основаніи ихъ лишь самыя общія заключенія и сопоставленія о вліяніи главныхъ факторовъ хлѣбнаго снабженія на ходъ и условія его.

Остановимся на обзорѣ статистическаго матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи для выясненія характера хлѣбнаго обмѣна и значенія отдѣльныхъ факторовъ его какъ въ статикѣ, такъ и въ динамикѣ обмѣна. Для перваго необходимо разсмотрѣть, какое значеніе имѣютъ для снабженія два главныхъ фактора—урожай и запасы; для выясненія динамики—необходимо выяснить, во-первыхъ, фактическій ходъ и направленіе обмѣна, поскольку они могутъ подлежать статистическому наблюденію въ желѣзнодорожныхъ, водныхъ и гужевыхъ передвиженіяхъ грузовъ по территоріи; во-вторыхъ, выяснить причину этого движенія и его направленія; а такъ какъ главной побудительной причиной торговаго движенія является уровень цѣнъ и разница ихъ на мѣстахъ производства и сбыта, то въ этомъ отношеніи изученіе движенія цѣнъ представитъ особенную важность.

Среди этихъ факторовъ хлѣботорговаго обмѣна и хлѣбнаго снабженія, понятно, самая видная роль принадлежитъ урожаю; его высотою опредѣлятся и размѣры хлѣбнаго поступленія на рынокъ, и скоростъ, и интенсивность этихъ поступленій, и направленіе ихъ, и размѣры остатковъ, сохраняющихся въ рукахъ производителей отъ реализаціи урожая. Поэтому изученіе статистики урожаевъ является прежде всего необходимой для выясненія вліянія размѣровъ урожая на ходъ хлѣбнаго обмѣна.

Наша урожайная статистика имѣетъ свою весьма обширную критическую литературу; въ ней достаточно уже выяснено, насколько точными должны считаться собираемыя оффиціальными органами свѣдѣнія и подводимые на основаніи ихъ абсолютные итоги урожаевъ. Вмѣсто господствовавшаго прежде огульнаго осужденія волостной статистики, на основаніи которой Центральный

статистическій комитетъ строитъ свои данныя, такіе компетентные изслѣдователи, какъ Янсонъ, Фортунатовъ, Грассъ и друг. далеко не раздѣляютъ взгляда о полной непригодности волостной статистики. Для насъ, однако, болѣе важенъ не столько вопросъ объ абсолютной точности урожайныхъ данныхъ, сколько вопросъ объ относительной ихъ точности, т. е. о сравнимости ихъ на протяженіи ряда лѣтъ между собою и съ другими статистическими данными объ условіяхъ и характерѣ хлѣбнаго рынка.

Начало существующаго способа собиранія урожайныхъ статистическихъ данныхъ должно быть отнесено ко времени, значительно позднѣйшему крестьянской реформы, болѣе же подробныя и точныя данныя касаются лишь совсѣмъ послѣдняго времени. Вообще свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ и объ обезпеченности народнаго продовольствія собирались еще и петровскими камеръ-коллегіями въ XVIII в., и коммиссіями народнаго продовольствія съ начала XIX в., но по своей полной неудовлетворительности эти данныя, конечно, не могли называться «статистическими». Вильсонъ, впервые обработавшій данныя коммиссій народнаго продовольствія за 1857—63 гг., призналъ ихъ настолько неточными, что рекомендовалъ «пользоваться ими съ крайней осторожностью». Такая же неудача постигла и попытку Центральнаго статистическаго комитета разработать данныя тѣхъ же коммиссій за 1860—64 гг., почему Центральный комитетъ даже не рѣшился ихъ обнародовать.

Главными причинами этихъ неудачъ являлось, во-первыхъ, отсутствіе сколько-нибудь точныхъ данныхъ о размѣрахъ даже вообще пахотной земли, не говоря уже о размѣрахъ посѣвовъ отдѣльныхъ хлѣбовъ. Приходилось для опредѣленія величины культурной площади прибѣгать къ весьма неточнымъ свѣдѣніямъ генеральнаго межеванія (относящимся большею частью къ концу XVIII ст.), дополняя и исправляя ихъ на основаніи оффиціальныхъ или частныхъ описаній разныхъ губерній, на основаніи губернаторскихъ отчетовъ и т. п.; опредѣленіе же посѣвовъ отдѣльныхъ хлѣбовъ было совершенно невозможно. Во-вторыхъ, самый методъ собиранія урожайныхъ данныхъ былъ основанъ на томъ невѣрномъ предположеніи, что возможно опросить всѣхъ производителей о количествѣ посѣяннаго и собраннаго ими зерна. Это, понятно, совершенно невозможно было бы даже и при лучшей статистической организаціи, чѣмъ существовавшая въ то время

въ Россіи, гдѣ большинство сельскихъ производителей безграмотны, у собирающихъ же свѣдѣнія полицейскихъ чиновъ не было возможности записывать все самимъ.

Въ виду неудовлетворительности подобной организаціи, Центральный статистическій комитетъ еще въ 1866 году пришелъ къ заключенію о необходимости основать собираніе свѣдѣній на другихъ началахъ; именно, на каждый уѣздъ должно быть разсылаемо достаточное количество урожайныхъ бланковъ для опредѣленія среднихъ цифръ урожая съ десятины, общіе же итоги урожая опредѣляются путемъ перемноженія найденной средней цифры на число десятинъ. Но такой пріемъ не былъ осуществимъ уже потому, что не было основныхъ данныхъ поземельной статистики. Поэтому, хотя съѣздъ секретарей губернскихъ комитетовъ въ 1870 году пришелъ къ тому же рѣшенію относительно методовъ собиранія свѣдѣній (именно, рѣшено было собирать конкретныя данныя объ урожаяхъ въ 20—30 разной величины хозяйствахъ на уѣздъ, а затѣмъ общіе итоги вычислять перемноженіемъ этой величины на площадь), однако, этотъ методъ не могъ быть примѣненъ на дѣлѣ до опредѣленія распредѣленія земельной площади подъ различными родами посѣвовъ. Поэтому данныя объ урожаѣ за трехлѣтіе 1870—72 гг., разработанныя Центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1875 году [1]), основаны вполнѣ на прежнемъ методѣ, хотя и съ нѣкоторыми улучшеніями и съ дальнѣйшими подраздѣленіями.

Между тѣмъ, неурожай 1880 года и связанныя съ нимъ крайнія затрудненія въ народномъ продовольствіи, заставили спѣшить съ реорганизаціей урожайной статистики. Съ этой цѣлью была учреждена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Биппена, которая и выработала не только новый способъ собиранія урожайныхъ данныхъ, но и коснулась многихъ другихъ видовъ хозяйственной статистики. Относительно собиранія урожайныхъ данныхъ коммиссія остановилась на указанномъ выше способѣ опроса лишь нѣкоторыхъ типичныхъ хозяйствъ, а не на практиковавшемся до сихъ поръ принципѣ опроса всѣхъ производителей; понятно, что при этомъ необходимо было знать посѣвныя площади подъ тѣми и другими хлѣбами. Собираніе свѣдѣній объ урожаяхъ, такъ же, какъ и производившееся уже изслѣдованіе по

[1]) Статист. Временникъ Рос. Имперіи Сер. II, ч. II. Спб. 1883.

основной земельной статистикѣ было поручено Центральному статистическому комитету. Такимъ образомъ, лишь съ 1880 года статистическій комитетъ сталъ самостоятельно собирать урожайныя данныя. При этомъ онъ примѣнилъ указанный коммиссіей Бишена способъ, разославъ въ 1880 году 6 опросныхъ листковъ на волость—4 для частновладѣльческихъ хозяйствъ и 3 для крестьянскихъ надѣльныхъ; въ 1881 же году это число уже увеличено до 12; кромѣ того, въ уѣздныя земскія управы было разослано также нѣкоторое число листковъ, которые должны были служить частью контрольными для другихъ показаній. Этимъ способомъ комитетомъ было получено до 60.000 отвѣтныхъ листковъ.

Однако, использованіе этихъ отвѣтовъ было затруднительно, вслѣдствіе указаннаго отсутствія въ русской земельной статистикѣ данныхъ о распредѣленіи земель. Послѣ окончанія въ 1881 году разработки переписи распредѣленія земельной собственности 1877 года, комитетъ тотчасъ же предпринялъ изслѣдованіе о распредѣленіи земель по угодьямъ и въ 1884 году опубликовалъ его результаты. Этимъ было положено основаніе для примѣненія указаннаго выше способа и съ 1883 года онъ сталъ единственнымъ въ опредѣленіи комитетомъ размѣровъ урожая, подвергаясь впослѣдствіи лишь частичнымъ измѣненіямъ. Именно, измѣнился прежде всего раіонъ собиранія свѣдѣній, охватывавшихъ въ 1883 году лишь 50 губерній Европейской Россіи, а теперь 72 губерніи и области Имперіи, хотя для Сибири способъ собиранія болѣе упрощенный. Затѣмъ измѣнилась и самая форма бланковъ, въ зависимости отъ расширенія собиранія свѣдѣній не только по зерновымъ хлѣбамъ, но и по масличнымъ и техническимъ растеніямъ.

Въ 1887 году комитетъ снова повторилъ перепись поземельной собственности и распредѣленія земель по угодьямъ; однако, благодаря неправильной организаціи собиранія свѣдѣній (именно предварительное поступленіе опросныхъ листковъ въ губернскіе комитеты для сличенія свѣдѣній съ имѣвшимися въ земскихъ управахъ и казенныхъ палатахъ данными) разработка ихъ крайне затянулась, оказалась неудовлетворительною и лишь въ 1890—1891 гг. комитетъ при разработкѣ урожая воспользовался данными переписи 1887 года. Такимъ образомъ, до 1890 г. при вычисленіи сбора хлѣбовъ приходилось довольствоваться старыми площадями переписи 1881 года.

Въ виду неудовлетворительности подобнаго исчисленія комитетъ рѣшилъ перейти къ ежегодному опредѣленію посѣвныхъ площадей, собирая свѣдѣнія о нихъ черезъ волостныя правленія для крестьянскихъ надѣльныхъ земель и черезъ полицію для частновладѣльческихъ земель. Этотъ способъ опредѣленія посѣвныхъ площадей сохранился и до настоящаго времени; вопросные листки о площадяхъ посѣвовъ разсылаются въ началѣ весны и получаются къ началу лѣта. Что же касается листковъ о размѣрахъ урожая, то они разсылаются, какъ сказано, для крестьянскихъ земель по 6 на волость, для частновладѣльческихъ же въ зависимости отъ числа частныхъ владѣній въ станѣ. До 1893 года листки объ урожаѣ озимыхъ и яровыхъ поступали въ комитетъ одновременно, причемъ предварительно листки проходили черезъ губернскіе комитеты; съ 1894 года была отмѣнена эта предварительная провѣрка въ губернскихъ комитетахъ, а, съ другой стороны, свѣдѣнія объ урожаѣ озимыхъ стали поступать въ комитетъ къ 15 сентября, а объ урожаѣ яровыхъ къ 15 октября.

Такимъ образомъ, данныя Центральнаго статистическаго комимита даже на протяженіи послѣднихъ 10—15 лѣтъ не отличаются полнымъ однообразіемъ ни по способу собиранія, ни по способу обработки свѣдѣній, ни по раіону, который они охватываютъ. Особенно важнымъ внутреннимъ недостаткомъ является отсутствіе правильныхъ данныхъ о посѣвныхъ площадяхъ, ставящее и всѣ дальнѣйшія исчисленія на зыбкую почву. Но кромѣ того, если въ цѣляхъ изученія вліянія урожая на ходъ хлѣбнаго снабженія населенія Европейской Россіи и хлѣбнаго экспорта не представляется особенно крупнымъ недостаткомъ отсутствіе свѣдѣній объ урожаѣ въ отдаленныхъ областяхъ Сибири, то далеко нельзя того же сказать объ играющихъ крупную въ этомъ отношеніи роль болѣе близкихъ областяхъ Сибири, Сѣв. Кавказа и др., долгое время не подвергавшихся урожайному учету. А между тѣмъ, если даже для сравненія съ другими данными торговой статистики брать итоги урожая лишь четырехъ главныхъ хлѣбовъ, то ихъ придется ограничить до 1888 года лишь 50 губерніями Европ. Россіи, съ 1888 года присоединить къ нимъ 10 губерній польскихъ, съ 1892 года Сѣв. Кавказъ и лишь съ 1893 года и Зап. Сибирь. Поэтому, напр., сдѣлать точное и правильное сопоставленіе размѣровъ желѣзнодорожнаго движенія хлѣбныхъ грузовъ съ размѣромъ урожая за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени представляется труднымъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, статистика основного фактора сельско-хозяйственнаго рынка и хлѣбнаго обмѣна—урожая. Перейдемъ къ другому фактору, обусловливающему положеніе хлѣбнаго рынка—остаткамъ отъ урожаевъ прежнихъ лѣтъ или вообще запасамъ хлѣбныхъ продуктовъ.

Въ общей массѣ зерновой наличности, находящейся въ тотъ или другой моментъ въ распоряженіи народнаго хозяйства, необходимо различить два рода хлѣбныхъ запасовъ. Во-первыхъ, запасы, находящіеся въ какихъ-либо общественныхъ и частныхъ складахъ или учрежденіяхъ (будь это постоянныя, подобно элеваторамъ, или подвижныя, подобно желѣзнодорожнымъ вагонамъ); главная часть этихъ запасовъ состоитъ изъ торговыхъ грузовъ, т. е. уже перешедшихъ отъ производителя къ посреднику и, слѣдовательно, уже вступившихъ на рынокъ. Во-вторыхъ, запасы, находящіеся еще въ рукахъ у производителей, еще не реализованные. По отношенію къ возможности статистическаго учета эти двѣ группы хлѣбныхъ запасовъ представляются совершенно различными. Учетъ торговыхъ запасовъ вообще гораздо легче и точнѣе, такъ какъ желѣзнодорожные грузы или запасы въ элеваторахъ могутъ быть учитываемы съ большею точностью; да и другіе торговые запасы зерна, находящіеся въ рукахъ и на складахъ у торговцевъ сравнительно легче поддаются учету, такъ какъ размѣры ихъ, хотя бы приблизительно, извѣстны (по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ торговыхъ пунктахъ) торговымъ учрежденіямъ, напримѣръ, биржевымъ комитетамъ и т. п. Наоборотъ, подсчетъ остатковъ и запасовъ у производителей еще непроданнаго и непотребленнаго зерна представляется въ высшей степени труднымъ, почти неосуществимымъ, такъ какъ лишь крайне незначительная часть этихъ запасовъ находится въ какихъ либо элеваторахъ, общественныхъ магазинахъ и т. п.; опросъ же всѣхъ производителей о размѣрахъ имѣющагося у нихъ зерна невозможенъ, да и по существу своему былъ бы неправильнымъ пріемомъ. Впрочемъ, попытки такого подсчета количества зерна, остающагося у производителей къ новой кампаніи, имѣются.

Именно, департаментъ окладныхъ сборовъ собираетъ ежегодныя свѣдѣнія объ остаткахъ хлѣбовъ у производителей и у торговцевъ къ 1 іюля. Въ подсчетъ должны входить не только всѣ зерновые запасы, находящіеся въ элеваторахъ и другихъ складочныхъ помѣщеніяхъ, или транзитные, но также и остатки зерна у

самихъ производителей. Такимъ образомъ, эти данныя должны бы представить полную картину имѣющейся къ 1 іюля въ губерніи или въ уѣздѣ наличности хлѣбовъ. Органами собиранія этихъ свѣдѣній являются податные инспектора, самый же способъ основанъ на предположеніи возможности опроса не только всѣхъ складочныхъ учрежденій, не только всѣхъ торговцевъ (у которыхъ податный инспекторъ имѣетъ право требовать извѣстныхъ показаній), но также и всѣхъ частныхъ производителей, что представляется, понятно, совершенно невозможнымъ.

Слѣдовательно, въ отношеніи организаціи собиранія этихъ статистическихъ свѣдѣній, здѣсь повторяется то же, что мы отмѣтили для статистики урожаевъ, которая раньше, до 1880 года, была основана также на предположеніи объ осуществимости опроса всѣхъ отдѣльныхъ хозяевъ о размѣрахъ у нихъ урожая. Между тѣмъ, единственно правильнымъ методомъ здѣсь былъ бы опросъ извѣстнаго числа производителей, частновладѣльцевъ и крестьянъ, о части реализованнаго уже или оставшагося еще въ хозяйствѣ къ тому или другому сроку урожая. При всѣхъ индивидуальныхъ различіяхъ хозяйствъ, реализація урожая для каждой болѣе или менѣе однородной группы ихъ происходитъ вообще въ сходныхъ условіяхъ; поэтому съ помощью такого опроса можно было бы установить скорость реализаціи урожая и размѣръ той части его, которая остается у производителей до начала новаго сельскохозяйственнаго года. Однако, подобнаго опроса нашимъ центральнымъ статистическимъ учрежденіемъ не производится [1]) и отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть полученъ лишь съ помощью косвенныхъ указаній и съ помощью данныхъ частной торговой статистики.

[1]) Подобно тому, какъ неурожайный 1880 годъ явился побудительной причиной болѣе правильной постановки нашей урожайной статистики, такъ и неурожай истекшаго 1907 г. поставилъ на очередь вопросъ о торговой статистикѣ вообще и въ частности вопросъ о статистикѣ запасовъ. Значеніе необходимости учета этихъ запасовъ выдвинулось особенно потому, что недоборъ 1907 года оказался вообще не великъ, повышеніе же цѣнъ въ этомъ году было не меньше, чѣмъ въ неурожайный 1891 г. Въ значительной мѣрѣ это было обусловлено именно крайнимъ истощеніемъ запасовъ въ предыдущій 1906—7 гг., когда на рынокъ поступало зерно, сохранявшееся отъ урожаевъ 20 лѣтъ назадъ. См. *Лященко*, «Хлѣбная торговля и хлѣбное снабженіе въ 1906 г.». В. Ф. 1907 г., 16. Вопросъ объ организаціи торговой статистики возбужденъ какъ въ Центр. Стат. Комитетѣ въ связи съ реорганизаціей общей статистики, такъ и торговыми учрежденіями. Всѣ они (комитеты Рижскій, Московскій и др.) высказываются за необходимость особой и независимой организаціи торговой статистики, обслуживающей всѣ проявленія и функціи рынка. См. Доклады и матеріалы по вопросамъ, включеннымъ въ программу второго Всероссійскаго Съѣзда Представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства. Спб. 1907.

Опытомъ такой частной торговой статистики являются данныя о запасахъ, собираемыя и публикуемыя «Вѣстникомъ Финансовъ». Размѣры торговыхъ запасовъ зерна къ первому числу каждаго мѣсяца опредѣляются «Вѣстникомъ Финансовъ» на основаніи показаній и свѣдѣній, сообщаемыхъ завѣдующими элеваторами и желѣзнодорожными складочными помѣщеніями, биржевыми комитетами, а также частными корреспондентами всего для 27 главныхъ рынковъ и 5 главныхъ желѣзнодорожныхъ линій, наилучше оборудованныхъ элеваторами [1]).

Принимая во вниманіе, что главная масса находящихся въ этихъ складахъ запасовъ принадлежитъ торговому зерну, данныя эти должны характеризовать именно размѣры лишь торговыхъ запасовъ зерна. Для нѣкоторыхъ пунктовъ, напр., для портовъ и крупныхъ рынковъ, цифры этихъ запасовъ, благодаря подсчету спеціальными и близко заинтересованными органами, могутъ считаться и абсолютно довольно точными. Вообще же значеніе ихъ, заключается лишь въ выясненіи относительнаго движенія размѣровъ запасовъ по мѣсяцамъ; только такую относительную точность и возможно придавать этимъ свѣдѣніямъ.

Этимъ ограничиваются всѣ, имѣющіеся до сихъ поръ матеріалы торговой статистики относительно основныхъ факторовъ хлѣботорговаго обмѣна: урожая и запасовъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію динамики хлѣбнаго снабженія—торговаго движенія хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнодорожнымъ, воднымъ и гужевымъ путямъ.

Среди статистики торговаго движенія безспорно первое мѣсто и по размѣрамъ учитываемыхъ величинъ, и по точности данныхъ занимаетъ статистика хлѣбнаго товарнаго движенія по желѣзнымъ

[1]) Рынки: С.-Петербургъ, Ревель, Рига, Либава, Варшава, Воронежъ, Кіевъ, Елецъ, Ливны, Москва, Рыбинскъ, Н.-Новгородъ, Казань, Чистополь, Верхнеднѣпровскъ, Саратовъ, Царицынъ, Оренбургъ, Таганрогъ, Геническъ, Новороссійскъ, Ростовъ на Дону, Маріуполь, Бердянскъ, Ѳеодосія, Одесса, Николаевъ. Желѣзнодорожные элеваторы: Харьково-Николаевской, Рязанско-Уральской, Юго-восточныхъ, Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской жел. дорогъ. Крупные городскіе элеваторы причисляются къ городамъ.

дорогамъ. Не охватывая всю массу торговаго, т. е. поступающаго на рынокъ хлѣба, перевозки по желѣзнымъ дорогамъ являются, однако, важнымъ показателемъ нѣкоторыхъ условій хлѣбнаго обмѣна и положенія хлѣбнаго рынка именно потому, что сравнительно съ другими видами торговой статистики этотъ видъ ея все же наиболѣе точный, легко поддающійся учету и полный.

Начало русской желѣзнодорожной статистики должно быть отнесено къ первымъ же годамъ желѣзнодорожнаго строительства, такъ какъ хозяйственные разсчеты и планы всякой желѣзной дороги требовали массы указаній, добываемыхъ статистическимъ путемъ. Впрочемъ до 60-хъ годовъ, пока разработка и собираніе статистическихъ данныхъ было дѣломъ отдѣльныхъ дорогъ, какихъ либо правильныхъ и обобщающихъ заключеній изъ этихъ данныхъ сдѣлать было трудно. Лишь съ конца 60-хъ годовъ разработку желѣзнодорожной статистики беретъ на себя Министерство Путей Сообщенія, издающее въ 1867, 1869 и 1871 годахъ «Сборники свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ Россіи». Однако, первоначально совершенно не обращалось вниманія собственно на статистику движенія и особенно товарную, хотя она и должна бы лечь въ основу всѣхъ хозяйственныхъ соображеній дорогъ.

Только къ концу 70-хъ годовъ Министерствомъ вырабатывается новая программа статистики товарнаго движенія, по которой и начинаютъ издаваться съ 1877 года «Статистическіе сборники Министерства Путей Сообщенія». Охватывая собою также и статистику движенія по шоссейнымъ дорогамъ и по водныхъ путямъ, эти сборники болѣе подробныя и точныя данныя содержатъ о товарномъ движеніи главнымъ образомъ по желѣзнымъ дорогамъ. Сюда входятъ свѣдѣнія о количествѣ и пробѣгѣ движенія товаровъ, о прибытіи и отправленіи ихъ по станціямъ, съ распредѣленіемъ сообщенія на мѣстное, прямое и транзитное и пр. Однако, недостаткомъ этихъ данныхъ является то, что свѣдѣнія эти даются не по всѣмъ товарамъ, а лишь по 12 главнѣйшимъ, изъ которыхъ 6 хлѣбныхъ продуктовъ (пшеница, рожь, ячмень, овесъ, мука пшеничная и мука ржаная).

Кромѣ того, разсмотрѣніе движенія этихъ грузовъ пріурочено не къ хозяйственнымъ или административнымъ единицамъ—губерніямъ, уѣздамъ и т. п., а къ отдѣльнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, причемъ лишь указывается въ какой губерніи находится та или другая станція; это, понятно, значительно затрудняетъ по-

губернскую разработку и сводку этихъ данныхъ. Только въ шести выпускахъ «Дополненій къ статистическому сборнику Министерства Путей Сообщенія» за 1880—93 годы, въ обработкѣ подобныхъ же данныхъ г. Штейномъ за 1875 годъ [1]), и г. Борковскимъ за 1875—80 годы [2]) сдѣлана подобная попытка изученія движенія нѣкоторыхъ хлѣбныхъ грузовъ по губерніямъ.

Другимъ источникомъ статистики торговаго движенія является изданіе Министерства Финансовъ «Сводная статистика перевозокъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ». Вообще гораздо болѣе полная, но ведущаяся по той же программѣ, какъ и статистическіе сборники Министерства Путей Сообщенія, «Сводная статистика» въ отношеніи хлѣбныхъ грузовъ даетъ мало новаго и заключаетъ тѣ же недостатки: отсутствіе указаній на длину пробѣга къ тѣмъ или другимъ пунктамъ и въ общемъ движеніи; на распредѣленіи движенія по губерніямъ и т. п.

Эти недостатки «Сводной статистики» для нѣкоторыхъ лѣтъ восполняются, впрочемъ, съ одной стороны, въ дальнѣйшей разработкѣ данныхъ статистики желѣзнодорожнаго движенія въ часто издающихся «Матеріалахъ по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ», въ которыхъ имѣется обыкновенно сводка и по поясамъ пробѣговъ различныхъ хлѣбныхъ грузовъ, и направленіе ихъ по нѣкоторымъ вывознымъ и внутреннимъ пуктамъ; а также въ «Ежегодникахъ Министерства Финансовъ», гдѣ до послѣдняго года данныя о движеніи хлѣбныхъ грузовъ разрабатывались примѣнительно къ отдѣльнымъ губерніямъ, съ указаніемъ ввоза и вывоза хлѣбныхъ продуктовъ изъ той или другой губерніи. Наконецъ, въ дополненіи къ этимъ даннымъ, освѣщающимъ лишь итоги всего годового (календарнаго) періода товарнаго движенія, Министерство же Путей Сообщенія публикуетъ ежемѣсячныя изданія, (теперь «Ежемѣсячники»), заключающія нѣкоторыя, хотя и весьма не полныя, свѣдѣнія о движеніи товаровъ (и между ними 21 категорію хлѣбныхъ грузовъ) по мѣсяцамъ къ вывознымъ пунктамъ.

Таковы всѣ оффиціальные первоисточники торгово-товарной статистики желѣзнодорожнаго движенія хлѣбныхъ грузовъ. Вообще

[1]) *Штейнъ.* Движеніе хлѣбныхъ грузовъ въ Европ. Россіи по губерніямъ въ 1875 г. Статистическій Временникъ. Сер. II, вып. 16, 2.

[2]) *Борковскій.* Очеркъ свѣдѣній о вывозѣ, ввозѣ и цѣнахъ относительно хлѣбовъ ржаного, пшеничнаго, овса, и ячменя по губерніямъ и военнымъ округамъ Европ. Россіи. Вып. I—III. Спб. 1888.

эта статистика имѣетъ въ своемъ основаніи весьма легко поддающуюся точному учету величину погрузокъ и отправокъ по желѣзнодорожнымъ документамъ. Однако, помимо нѣкоторыхъ недостатковъ въ организаціонной сторонѣ ея, она имѣетъ и недостатки по существу. Она во первыхъ учитываетъ не все грузовое движеніе, а лишь 80—90% его; во вторыхъ, не даетъ вполнѣ точной картины соотношенія движенія грузовъ изъ губерніи въ губернію, благодаря тому, что подвозы хлѣбовъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ выходятъ очень часто изъ границъ губерній, направляясь къ станціямъ, расположеннымъ въ другихъ губерніяхъ, уменьшая этимъ цифры вывоза одной губерніи и увеличивая вывозъ другой. Впрочемъ, въ общей массѣ движенія эти неправильности, конечно, нѣсколько сглаживаются. Значительнымъ неудобствомъ для сравненій и выводовъ является также пріурочиваніе всѣхъ цифръ общаго движенія къ календарному году, отъ чего свободны лишь данныя «Ежемѣсячныхъ изданій»; но эти данныя охватываютъ только движеніе грузовъ къ приграничнымъ пунктамъ, не касаясь внутренняго сообщенія, почему характеризуютъ скорость поступленія хлѣба лишь на внѣшній, а не на внутренній рынокъ.

Переходя къ движенію грузовъ по внутреннимъ воднымъ путямъ, необходимо отмѣтить, что эти данныя отличаются уже гораздо меньшею точностью. Печатаемыя въ тѣхъ же «Статистическихъ сборникахъ Министерства Путей Сообщенія» относительно годового движенія грузовъ по внутреннимъ воднымъ путямъ и въ «Ежемѣсячныхъ изданіяхъ» того же Министерства—относительно мѣсячныхъ подвозовъ хлѣбныхъ грузовъ по воднымъ путямъ къ приграничнымъ пунктамъ, эти данныя имѣютъ своимъ статистическимъ первоисточникомъ уже гораздо менѣе полный матеріалъ. Количество прошедшихъ по извѣстному водному пути грузовъ высчитывается начальниками судоходныхъ дистанцій на основаніи размѣровъ взимаемаго попуднаго сбора съ рѣчныхъ грузовъ. Но такъ какъ попудный сборъ не вездѣ существуетъ, а потому и самый способъ опредѣленія количества подлежащаго этому попудному сбору груза (на основаніи показаній судовладѣльцевъ) не гарантируетъ точности, то масса грузовъ совершенно ускользаетъ отъ учета. Поэтому, цифры движенія хлѣбныхъ грузовъ по воднымъ путямъ должны быть принимаемы лишь за приблизительныя и могутъ быть разсматриваемы только какъ сравнительныя за рядъ годовъ; абсолютные же размѣры торговаго движенія по воднымъ путямъ должны быть признаны значительно выше показаній статистики.

Кромѣ того нужно замѣтить, что въ общей массѣ движенія хлѣбныхъ грузовъ часто или на водные пути переходятъ грузы съ желѣзныхъ дорогъ, или, наоборотъ, грузы съ водныхъ путей переходятъ на желѣзныя дороги. Хотя выдѣленіе этихъ несамостоятельныхъ грузовъ изъ общаго движенія представляется въ высшей степени важнымъ, во избѣжаніе двойного учета, однако, оно трудно исполнимо и требуетъ сложныхъ подсчетовъ.

Наконецъ, что касается гужевыхъ подвозовъ хлѣбовъ, то для подсчета общихъ ихъ итоговъ не имѣется почти никакихъ данныхъ. Въ матеріалахъ Министерства Путей Сообщенія даются цифры гужевыхъ подвозовъ къ приграничнымъ пунктамъ, но и они исчисляются не на основаніи абсолютныхъ данныхъ, а выводятся какъ разность между величиной вывоза и размѣрами желѣзнодорожныхъ и водныхъ поступленій. По подсчетамъ Министерства, эти подвозы къ приграничнымъ пунктамъ опредѣляются по отношенію къ общему сбору хлѣбовъ въ 17% для ячменя и пшеницы, въ 3% для ржи и 0,3% для овса. Однако, эти данныя даже для опредѣленія гужевыхъ подвозовъ въ приграничные пункты не могутъ быть приняты константными, тѣмъ болѣе, напр., что высокое отношеніе подвозовъ пшеницы и ячменя зависитъ, главнымъ образомъ, отъ преобладанія гужевыхъ подвозовъ къ южнымъ портамъ изъ близъ лежащихъ раіоновъ, и слѣд., при неурожаѣ въ этихъ раіонахъ должно рѣзко измѣниться и процентное отношеніе подвозовъ къ сбору.

Еще менѣе эти данныя могутъ служить для опредѣленія общихъ размѣровъ гужевыхъ подвозовъ къ разнымъ рынкамъ, городамъ, мѣстечкамъ и т. п. во внутреннихъ губерніяхъ Россіи; а между тѣмъ далеко не всѣ эти гужевые грузы поступаютъ въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи на желѣзныя дороги; они, слѣд., не подлежатъ учету и въ желѣзнодорожной статистикѣ. Главная масса ихъ, поступая на мѣстный рынокъ на немъ же и потребляется, покупаясь или мѣстнымъ внѣземледѣльческимъ населеніемъ, или даже—весною—обратно самимъ продавцемъ-земледѣльцемъ.

Для сужденія о томъ, какъ велики размѣры этого поступающаго на внутренніе рынки и не идущаго дальше ихъ хлѣба, собственно статистика торговаго движенія не даетъ почти никакихъ общихъ данныхъ и опредѣлить эти цифры, хотя бы и при-

близительно можно лишь на основаніи косвенныхъ соображеній и указаній. Безусловно, что отдѣльные хлѣба, по размѣрамъ ихъ самостоятельныхъ подвозовъ, не переходящихъ на водные и желѣзнодорожные пути, и по отношенію ихъ къ сбору занимаютъ различное мѣсто, въ виду различнаго хозяйственнаго значенія такихъ, напр., хлѣбовъ, какъ пшеница, воздѣлываемая большею частью съ торговыми цѣлями и рожь, идущая въ главной массѣ на внутреннее, натуральное потребленіе крестьянскихъ хозяйствъ; но абсолютные итоги этого первоисточника хлѣбнаго снабженія—внутренняго движенія грузовъ—совершенно сокрыты отъ статистическаго учета. Лишь для немногихъ крупныхъ пунктовъ, а слѣдовательно, находящихся, по условіямъ хозяйства окружающихъ ихъ раіоновъ (Петербургъ, Москва, Одесса и др.) въ исключительныхъ условіяхъ, имѣются болѣе или менѣе успѣшныя попытки подсчетовъ количества поступающаго въ нихъ гужемъ хлѣба, (главнымъ образомъ статистикой городскихъ управленій). Въ земскихъ изслѣдованіяхъ лишь въ очень немногихъ встрѣчаются попытки изученія движенія грузовъ по шоссейнымъ и грунтовымъ дорогамъ (Полтавская, Херсонская губ. и нѣк. др.), также пріуроченныя къ отдѣльнымъ пунктамъ и имѣющія слѣдовательно лишь мѣстное значеніе.

Болѣе общее значеніе, хотя лишь относительное за рядъ лѣтъ, но никакъ не абсолютное, имѣютъ цифры подвозовъ въ ежемѣсячныхъ «Статистическихъ данныхъ по хлѣбной торговлѣ», помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ Финансовъ». Въ число подвозовъ хлѣбовъ къ 24 главнымъ внутреннимъ и портовымъ рынкамъ [1]) включаются какъ желѣзнодорожныя и водныя, такъ и гужевыя поступленія, и такимъ образомъ условія хлѣбнаго снабженія подлежащихъ учету рынковъ должны бы считаться здѣсь наиболѣе полно выясненными, если бы способъ полученія данныхъ заслуживалъ большаго довѣрія. Размѣры желѣзнодорожныхъ поступленій къ извѣстнымъ пунктамъ опредѣляются ежемѣсячно корреспондентами на основаніи желѣзнодорожной статистики станцій полученія, размѣры поступленій по воднымъ путямъ опредѣляются также на основаніи сообщеній мѣстныхъ судоходныхъ дистанцій: размѣры же

[1]) Портовые рынки: С.-Петербургъ, Ревель, Либава, Таганрогъ, Новороссійскъ, Ростовъ на Дону, Маріуполь, Бердянскъ, Ѳеодосія, Николаевъ, Одесса. Внутренніе рынки: Воронежъ, Курскъ, Ливны, Моршанскъ, Москва, Варшава, Чистополь, Царицынъ, Верхнеднѣпровскъ, Мелитополь, Пенза, Щигры, Оренбургъ.

гужевыхъ поступленій на мѣстные базары или въ складочныя помѣщенія опредѣляются корреспондентами (преимущественно биржевыми комитетами, городскими управленіями или частными торговцами) по собственнымъ подсчетамъ подвозовъ или изъ опроса главныхъ мѣстныхъ скупщиковъ. Послѣднее обстоятельсто дѣлаетъ цифры подвозовъ особенно шаткими въ ихъ абсолютномъ значеніи: какъ ни компетентенъ биржевой комитетъ въ ходѣ торговыхъ дѣлъ, онъ можетъ дать цифры хлѣбныхъ подвозовъ лишь приблизительно; еще менѣе доступны эти данныя отдѣльнымъ хлѣботорговцамъ.

Впрочемъ, было бы не вполнѣ правильно совершенно отрицать всякую пригодность этихъ цифръ для какихъ либо приблизительныхъ статистическихъ разсчетовъ: не давая абсолютныхъ размѣровъ хлѣбныхъ поступленій, онѣ, однако, могутъ дать до нѣкоторой степени вѣрную картину напр., для помѣсячныхъ измѣненій движенія хлѣбныхъ поступленій къ данному пункту въ теченіе каждаго года и погодныхъ—въ теченіе ряда лѣтъ. Точно также, не имѣя никакихъ данныхъ на основаніи подвозовъ къ 24 регистрируемымъ пунктамъ заключать о размѣрахъ подвозовъ вообще во всѣхъ губерніяхъ, мы, однако, изъ годового хода снабженія этихъ главныхъ 24 рынковъ можемъ дѣлать нѣкоторыя заключенія объ общихъ условіяхъ хлѣбнаго снабженія, т. е. о его скорости, мѣсячныхъ колебаніяхъ, зависимости отъ разныхъ факторовъ и т. п.

Въ заключеніи остановимся на обзорѣ статистическаго матеріала того фактора динамики рынка, который является внутреннимъ экономическимъ и коммерческимъ стимуломъ и причиной торговаго движенія, т. е. на хлѣбныхъ цѣнахъ.

Несмотря на видимую простоту статистическаго учета хлѣбныхъ цѣнъ путемъ ихъ регистраціи въ тѣхъ или другихъ торговыхъ учрежденіяхъ, вопросъ этотъ оказывается, однако, довольно трудно разрѣшимымъ. Цѣна, какъ элементъ статистическаго учета, представляется настолько подвижнымъ, непостояннымъ и зависящимъ отъ цѣлаго ряда привходящихъ условій явленіемъ, что сохранить въ теченіе времени статистическаго наблюденія, т. е. въ теченіе ряда лѣтъ, однородность наблюдаемаго явленія оказывается весьма труднымъ. На цѣнѣ одного и того же вида и сорта хлѣба часто очень рѣзко отзывается то или другое измѣненіе качества зерна, настолько незначительное, что оно почти не поддается учету. Такъ какъ грубымъ способомъ выраженія качества

зерна является натура его, то при сопоставленіи хлѣбныхъ цѣнъ за рядъ лѣтъ необходимо сопоставленіе не только однихъ и тѣхъ же сортовъ, но и одной и той же натуры; а получить такой рядъ цѣнъ, относящихся къ строго опредѣленнымъ сорту и натурѣ за продолжительный періодъ, понятно, весьма трудно. Тѣмъ болѣе невозможно учесть въ измѣненіяхъ цѣны за рядъ лѣтъ вліяніе измѣненія другихъ, болѣе мелкихъ признаковъ качества зерна.

Кромѣ того, самый способъ регистраціи цѣнъ долженъ оказывать крупное вліяніе на вѣрность и однородность учета. По самому характеру своему хлѣбныя цѣны должны быть раздѣлены на двѣ категоріи: во-первыхъ, цѣны базарныя, т. е. такія, по которымъ покупается хлѣбъ у производителей, большею частью на базарахъ съ возовъ; и во-вторыхъ цѣны биржевыя, по которымъ совершаются сдѣлки среди биржевого купечества, т. е. по которымъ покупается хлѣбъ изъ вторыхъ рукъ. Составъ, значеніе и образованіе тѣхъ и другихъ цѣнъ очень разнятся другъ отъ друга.

Базарныя цѣны должны соотвѣтствовать цѣнамъ на мѣстахъ производства; теоретически онѣ образуются изъ мѣстныхъ цѣнъ плюсъ издержки провоза до того или другого торговаго пункта, фактически же часто равняются цѣнамъ на мѣстахъ производства даже безъ всякой прибавки. Это обусловливается тѣмъ, что базарныя цѣны являются большею частью цѣнами крестьянскаго хлѣба и именно по характеру этого производителя и отношеній его къ рынку часто не включаютъ расходовъ по транспорту на рынокъ. Вообще базарныя цѣны являются цѣнами мелкихъ партій, такъ называемаго «россевого» хлѣба, хотя по нимъ часто совершаются и болѣе крупныя партіи экономическихъ хлѣбовъ (понятно, съ нѣкоторой надбавкой противъ россевого хлѣба за однородность и лучшее качество), если продажа крупныхъ экономическихъ партій совершается на мѣстѣ непосредственно крупными производителями. Вообще же крупныя партіонныя сдѣлки преобладаютъ въ биржевой дѣятельности; партіонныя биржевыя цѣны представляютъ поэтому цѣны товара, переходящаго иногда въ четвертыя — пятыя руки, напр., отъ крупнаго мѣстнаго хлѣботорговца-скупщика къ мукомолу или экспортеру.

Понятно, что составъ биржевыхъ цѣнъ значительно разнится отъ базарныхъ и мѣстныхъ, такъ какъ заключаетъ массу новыхъ элементовъ, въ видѣ условій экспорта, заграничнаго или потребительнаго спроса, дѣятельности портовъ и желѣзныхъ дорогъ, наконецъ, ряда другихъ коммерческихъ соображеній. Все это, если и отзывается на мѣстныхъ цѣнахъ, то въ значительно меньшей степени и болѣе медленно, чѣмъ на биржевыхъ цѣнахъ, въ особенности въ крупныхъ торговыхъ пунктахъ. Поэтому даже при самой полной однородности сорта и качества зерна, цѣны котораго регистрируются, получается значительная разница, дается-ли биржевая цѣна или базарная. Для правильности сопоставленій необходимо, слѣдовательно, не только чтобы подлежащіе учету сорта хлѣбовъ были вполнѣ однородны, но чтобы и самыя учрежденія и лица, регистрирующія цѣны, были одни и тѣже.

Другое, что необходимо здѣсь отмѣтить,—это способъ обработки и свода цѣнъ. При постоянныхъ колебаніяхъ цѣнъ для правильности выводовъ и обобщеній необходимо примѣнять такой способъ обработки, который позволилъ бы отвлечься отъ частныхъ и случайныхъ колебаній и отмѣтить лишь общую тенденцію цѣнъ въ теченіе того или другого періода. Большею частью для этого и примѣняется выводъ среднихъ цѣнъ за болѣе или менѣе продолжительный періодъ для той или другой мѣстности (уѣзда, губерніи, Имперіи), или вычисленіе такъ наз. индексовъ цѣнъ. Но понятно, что при такомъ пріемѣ, исчисленія и обработки теряется уже всякая возможность сохраненія однородности учитываемыхъ элементовъ и однородности регистрирующихъ учрежденій и лицъ: въ средней цѣнѣ будутъ соединяться и биржевыя, и базарныя цѣны, зерно различнаго качества, различной натуры и пр. Особенно это неудобство должно сказываться при сводѣ биржевыхъ цѣнъ, такъ какъ на биржахъ всегда вращается громадная масса самыхъ разнообразныхъ сортовъ и качествъ хлѣба; въ меньшей мѣрѣ это должно относиться къ мѣстнымъ цѣнамъ какой-либо сравнительно некрупной территоріальной единицы, гдѣ производство хлѣбовъ ограничивается большею частью болѣе или менѣе однородными сортами. Поэтому при сводѣ биржевыхъ цѣнъ, повидимому, будетъ болѣе правильнымъ не выводить среднихъ цѣнъ, а брать лишь конкретныя биржевыя котировки въ извѣстные, достаточно короткіе сроки, напр., заключительныя недѣльныя отмѣтки, десятидневныя отмѣтки и т. п. Близость этихъ сроковъ и конкретность этихъ цѣнъ позволитъ болѣе правильно отмѣтить ту или другую тенденцію цѣнъ, чѣмъ выводъ среднихъ. Для мѣстныхъ цѣнъ, не подлежащихъ правильному учету черезъ какіе-либо короткіе промежутки времени и не колеблющихся такъ сильно,

какъ биржевыя, возможно выведеніе среднихъ за извѣстный періодъ.

Наибольшее количество имѣющихся въ русской статистикѣ матеріаловъ по хлѣбнымъ цѣнамъ, относится именно къ мѣстнымъ цѣнамъ. Хотя биржевыя цѣны и регистрируются правильно и постоянно на многихъ крупныхъ рынкахъ въ биржевыхъ прейсъ-курантахъ, однако, своды биржевыхъ цѣнъ имѣются лишь за послѣдніе годы. Именно, на основаніи торговыхъ бюллетеней разныхъ товарныхъ биржъ Министерствомъ Торговли издаются «Товарные бюллетени», заключающіе между прочимъ и хлѣбныя цѣны по котировкамъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ биржъ; помѣсячная и общая погодная сводка этихъ цѣнъ публикуется въ особыхъ ежегодныхъ изданіяхъ «Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ». Въ годовой сводкѣ цѣнъ для главнѣйшихъ хлѣбовъ всѣ рынки соединены въ три группы: сѣверные портовые, южные портовые и внутренніе; цѣны даются въ среднемъ по этимъ группамъ. Въ мѣсячныхъ данныхъ цѣны выводятся отдѣльно по главнымъ рынкамъ и потому представляются вообще болѣе конкретными, чѣмъ среднія годовыя для упомянутыхъ группъ рынковъ.

Другимъ сводомъ биржевыхъ хлѣбныхъ цѣнъ являлись ежемѣсячные «Статистическіе обзоры хлѣбной торговли» въ «Вѣстникѣ Финансовъ», гдѣ, между прочимъ, печатались и цѣны на главныхъ рынкахъ въ видѣ биржевыхъ недѣльныхъ котировокъ. Имѣя своимъ первоисточникомъ тѣ же биржевыя отмѣтки цѣнъ, какъ «Сводъ товарныхъ цѣнъ», данныя «Вѣстника», понятно, не отличаются по существу отъ данныхъ «Свода», тѣмъ болѣе, что во многихъ случахъ за отсутствіемъ биржевыхъ котировокъ свѣдѣнія почерпались «Сводомъ» изъ тѣхъ же данныхъ «Вѣстника».

Этими двумя источниками почти и ограничиваются общіе матеріалы по биржевымъ хлѣбнымъ цѣнамъ. Кромѣ нихъ лишь для немногихъ пунктовъ имѣются своды цѣнъ, разработанныя, главнымъ образомъ, городскими управленіями; въ этомъ отношеніи особенно цѣнными являются данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ, разработанныя московской городской управой за періодъ болѣе ранній, именно за 1870—87 годы [1]).

Другимъ, также старымъ сводомъ хлѣбныхъ цѣнъ является составленный И. И. Кауфманомъ сводъ хлѣбныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ рынкахъ за 1851—87 годы въ «Свѣдѣніяхъ о международной хлѣбной торговлѣ», разработанныхъ для коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельскохозяйственныя произведенія [1]). Для свода, какъ говорится въ предисловіи, были употреблены всѣ, какіе возможно было собрать матеріалы; но понятно, уже самое это соединеніе «всѣхъ возможныхъ», т. е. разнородныхъ матеріаловъ, помимо ихъ собственной неполноты и неудовлетворительности, говоритъ не въ пользу качества свода, который дѣйствительно и по словамъ автора, «едва ли можетъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ».

Гораздо болѣе подробные матеріалы имѣются относительно мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Самую раннюю попытку регистраціи мѣстныхъ цѣнъ представляютъ вѣдомости о такъ наз. «справочныхъ цѣнахъ», издававшіяся земскими управами въ земскихъ губерніяхъ, или коммиссіями о народномъ продовольствіи въ неземскихъ губерніяхъ, на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ волостными правленіями. Малоудовлетворительный по своему первоисточнику и обработкѣ матеріалъ этотъ почти не подвергался общей сводкѣ и разработкѣ [2]).

Нѣкоторую сводку цѣнъ пшеничной и ржаной муки, а также овса находимъ въ другомъ изданіи Центр. Стат. комитета для той же коммиссіи по поводу паденія цѣнъ, именно въ выпускѣ «Цѣны на провіантъ и фуражъ по свѣдѣніямъ интендантскаго вѣдомства» [3]). Разработанныя по спеціальнымъ матеріаламъ (по свѣдѣніямъ интендантскаго вѣдомства за 1865—86 и 1875—87 годы) цѣны этого свода не представляютъ въ сущности ни мѣстныхъ, ни биржевыхъ цѣнъ, а скорѣе среднее между ними—цѣны крупнаго партіоннаго (и притомъ большею частью дорогого) покупщика, какимъ является казна. Конечно, и это спеціальное значеніе, и способъ полученія и обработки данныхъ, и, наконецъ, неопредѣленность, даже полное отсутствіе показаній относительно сорта и качества муки и зерна лишаютъ этотъ сводъ общаго значенія.

Наконецъ, для той же коммиссіи по поводу паденія цѣнъ Центральнымъ Статистическимъ комитетомъ разработанъ третій сводъ цѣнъ: «Цѣны на пшеницу, рожь, овесъ и ячмень въ Европейской

[1]) Хлѣбопекарный промыселъ и такса на хлѣбъ въ Москвѣ. Москва, 1889.

[1]) Временникъ. Центр. Стат. Комитетъ, № 5, Спб. 1889.

[2]) *Фортунатовъ.* Сельскохозяйственная статистика, стр. 236. Мос. 1893.

[3]) Временникъ. Центр. Стат. Комитета, № 4, 1889.

Россіи въ 1881—87 годахъ по мѣстнымъ свѣдѣніямъ» [1]). Въ основаніи свода положено въ качествѣ первоисточниковъ: 1) губернскія вѣдомости о цѣнахъ на мѣстныхъ рынкахъ; 2) частныя газетныя свѣдѣнія; 3) вѣдомости губернаторовъ, доставляемыя ежемѣсячно въ Центральный статистическій комитетъ о цѣнахъ на хлѣбъ; 4) сообщенія о мѣстныхъ цѣнахъ корреспондентами департамента земледѣлія. Такимъ образомъ, матеріалы свода по своему характеру крайне разнообразны: сюда вошли и показанія администраціи, очевидно, не отличающіяся ни достовѣрностью, ни полнотой; и совершенно частныя газетныя свѣдѣнія, также весьма шаткія; и болѣе или менѣе правильно организованныя сообщенія корреспондентовъ департамента земледѣлія. Впрочемъ, несмотря на свои недостатки, этотъ сводъ мѣстныхъ цѣнъ во всякомъ случаѣ является довольно цѣннымъ, такъ какъ представляетъ изъ себя достаточно полный прейсъ-курантъ поуѣздныхъ хлѣбныхъ цѣнъ за критическое для нашего сельскаго хозяйства и хлѣбной торговли время 1881—87 годовъ.

Упомянутыя выше сообщенія корреспондентовъ Министерства Земледѣлія о мѣстныхъ цѣнахъ самостоятельностью стали собираться имъ съ 1881 г. и публиковались въ погубернской сводкѣ въ общемъ обзорѣ года; вмѣстѣ съ цѣной указывалось также качество и натура хлѣба. Свѣдѣнія эти по существу носили общій всѣмъ корреспондентскимъ сообщеніямъ недостатокъ: неравномѣрность распредѣленія корреспондентовъ, плохое освѣщеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ, наконецъ, неоднородность состава корреспондентовъ, почему указываемыя цѣны относятся то къ крестьянскому, то къ помѣщичьему хлѣбу. Впрочемъ, благодаря преобладанію въ числѣ корреспондентовъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, можно предположить, что цѣны Министерства Земледѣлія относятся, главнымъ образомъ, именно къ помѣщичьему хлѣбу.

Вообще эти, довольно удовлетворительныя свѣдѣнія сначала носили еще одинъ главный недостатокъ, давая лишь осеннія цѣны, т. е. наиболѣе низкія за годъ. Лишь съ 1888 года корреспонденты стали доставлять свѣдѣнія о цѣнахъ дважды въ годъ: весною (до мая) и осенью (до декабря). Эти цѣны и разрабатываются въ годовыхъ (до 1892 года въ полугодовыхъ) обзорахъ, чѣмъ и устраняется главный указанный недостатокъ прежней организаціи, такъ

[1]) Временникъ. Центр. Стат. Комитета, № 3, 1888.

какъ при малой измѣняемости мѣстныхъ цѣнъ регистрація ихъ два раза, весною и осенью, представляется до нѣкоторой степени достаточной. Такимъ образомъ, данныя Министерства Земледѣлія представляютъ изъ себя въ настоящее время наиболѣе полный, однородный, продолжительный и удовлетворительный сводъ мѣстныхъ цѣнъ, охватывающій для осеннихъ цѣнъ время съ 1881 года и для весеннихъ—съ 1882 года. Въ послѣдней сводной работѣ Министерства [1]) эти цѣны сгруппированы въ общей сводкѣ и подвергнуты нѣкоторой дальнѣйшей обработкѣ.

Этимъ исчерпываются всѣ почти матеріалы для статистики хлѣбныхъ цѣнъ. Въ земскихъ изслѣдованіяхъ по основной и текущей статистикѣ хотя большею частью имѣются также и свѣдѣнія о хлѣбныхъ цѣнахъ, но они носятъ часто болѣе или менѣе случайный характеръ, не охватывая непрерывно продолжительнаго ряда лѣтъ, не имѣя общей сводки, а часто даже и самостоятельнаго первоисточника, въ видѣ сообщенія собственныхъ корреспондентовъ земства, не заключая часто также и необходимыхъ указаній на сорта хлѣбовъ, качество ихъ, условія продажи и пр. Основанныя на томъ же самомъ корреспондентскомъ способѣ собиранія свѣдѣній о цѣнахъ, какъ и въ Министерствѣ Земледѣлія (но обладая, можетъ быть, большею полнотою и равномѣрностью распредѣленія корреспондентовъ) земскія данныя имѣютъ ту особенность, что относятся, главнымъ образомъ, къ цѣнамъ, по которымъ совершаются сдѣлки мелкимъ производителемъ - крестьяниномъ. Однако, отсутствіе общей сводки за болѣе или менѣе продолжительный рядъ лѣтъ затрудняетъ пользованіе земскими данными для общихъ выводовъ и оставляетъ за ними лишь характеръ мѣстныхъ иллюстрацій къ общимъ положеніямъ.

Такимъ образомъ, какъ мы и отмѣтили вначалѣ, русская торговая статистика отличается и бѣдностью матеріаловъ, и, главное, далекимъ отъ удовлетворительности качествомъ ихъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые выводы, хотя бы самаго общаго характера, можно извлечь и изъ существующихъ данныхъ, въ особенности въ отношеніи изученія торговаго движенія, которое, благодаря желѣзнодорожной статистикѣ, представлено лучше, чѣмъ другіе факторы рынка.

[1]) Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка В. I—II. Спб. 1903.

II. Урожай и запасы. - Зависимость запасовъ отъ размѣровъ урожая.—Истощеніе запасовъ въ странѣ.—Циклъ ежегодныхъ колебаній запасовъ.—Характеръ колебанія запасовъ для различныхъ хлѣбовъ.

Остановимся прежде всего на разсмотрѣніи значенія и соотношенія двухъ основныхъ факторовъ хлѣбнаго снабженія: урожая и запасовъ. Такъ какъ размѣры общихъ хлѣбныхъ запасовъ, т. е. запасовъ у производителей и у торговцевъ, регистрируются существующей статистикой лишь разъ въ годъ къ 15 іюля, т. е. къ концу стараго и къ началу новаго хозяйственнаго года, то эти хлѣбные запасы и представляютъ тѣ остатки отъ стараго урожая, которыми располагаетъ страна предъ наступленіемъ новаго сельскохозяйственнаго года. Это—остатки изъ общаго сбора зерна, за вычетомъ расхода на обсѣмененіе, за исключеніемъ вывоза заграницу и потребленнаго въ теченіе года внутри самой страны. Такъ какъ изъ послѣднихъ трехъ величинъ болѣе или менѣе точно учитываются лишь расходъ на обсѣмененіе и вывозъ заграницу, то мы здѣсь и сопоставимъ размѣры запасовъ къ 15 іюля съ размѣрами чистаго сбора хлѣбовъ за предшествующій годъ.

Произведя соотвѣтствующія исчисленія и сопоставленія по имѣющимся матеріаламъ, получаемъ слѣдующую таблицу чистаго сбора главныхъ хлѣбовъ и хлѣбныхъ запасовъ въ 63 губерніяхъ Европ. Россіи, въ милліонахъ пудовъ [1]):

Сельскохозяйственные годы.	Пшеница.		Рожь.		Овесъ.		Ячмень.	
	Чистый сборъ.	Запасы.	Чистый сборъ.	Запасы.	Чистый сборъ.	Запасы.	Чистый сборъ.	Запасы.
$189^{6}/_{7}$ . . .	493,8	180,3	961,0	287,9	494,8	57,4	263,3	27,8
$189^{7}/_{8}$ . . .	360,6	95,0	741,7	216,1	367,2	34,8	248,8	25,3
$189^{8}/_{9}$ . . .	562,9	125,7	879,9	181,5	398,9	36,0	337,6	32,9
$189^{9}/_{900}$ . .	529,9	131,9	1.132,8	240,5	639,9	52,8	229,9	27,1
$190^{0}/_{1}$ . . .	525,9	129,2	1.162,0	264,9	549,2	48,4	248,1	26,7
$190^{1}/_{2}$ . . .	531,3	97,2	907,5	167,6	354,1	26,5	251,0	19,3
$190^{2}/_{3}$ . . .	792,8	119,4	1.147,6	186,2	615,7	40,8	379,0	28,2
$190^{3}/_{4}$ . . .	771,7	137,0	1.121,4	179,8	473,4	33,4	398,7	38,1
$190^{4}/_{5}$ . . .	882,6	154,9	1.276,3	225,7	771,0	67,1	380,1	31,5
$190^{5}/_{6}$ . . .	785,0	137,5	862,2	154,3	576,8	49,9	378,4	25,6

[1]) Размѣры урожая хлѣбовъ по даннымъ Центральнаго Стат. Комитета, размѣры запасовъ—на основаніи неопубликованныхъ данныхъ Департамента Окладныхъ Сборовъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ цифръ, мы можемъ, вслѣдствіе ихъ лишь отдаленной точности, только въ общихъ чертахъ отмѣтить соотношеніе и зависимость размѣровъ остающихся въ странѣ къ концу сельскохозяйственнаго года хлѣбныхъ запасовъ отъ размѣровъ урожая.

Останавливаетъ вниманіе, прежде всего, неодинаковое положеніе различныхъ хлѣбовъ: въ то время, какъ запасы пшеницы составляютъ по отношенію къ сбору большею частью не менѣе $^{1}/_{4}$, запасы ржи составляютъ уже около $^{1}/_{5}$ сбора, а овса и ячменя $^{1}/_{10}$ и менѣе. Слѣдовательно, напряженіе производства въ отношеніи удовлетворенія нуждъ хлѣбнаго снабженія гораздо болѣе значительно для овса и ячменя, чѣмъ для ржи и пшеницы: въ теченіе годового періода внутреннимъ продовольственнымъ и производительнымъ (на посѣвъ) потребленіемъ и вывозомъ заграницу поглощается почти все производство овса и ячменя, тогда какъ остатки отъ производства ржи и относительно, и въ особенности абсолютно гораздо больше; еще выше въ этомъ отношеніи стоятъ размѣры остатковъ пшеницы.

Это обстоятельство становится весьма понятнымъ, если примемъ во вниманіе не только торговое значеніе тѣхъ или иныхъ хлѣбовъ, но и хозяйственное положеніе ихъ производителей. Остатки ячменя, какъ хлѣба, воздѣлываемаго, главнымъ образомъ, на продажу, и именно на внѣшнемъ рынкѣ, къ концу годового періода производства спускаются до минимума. Овесъ потребляется въ крупныхъ количествахъ внутри самихъ земледѣльческихъ хозяйствъ и долженъ былъ бы требовать значительнаго обезпеченія запасами; въ дѣйствительности ихъ оказывается, однако, мало, такъ какъ производясь, главнымъ образомъ, въ крестьянскомъ хозяйствѣ, овесъ быстро уходитъ изъ него, вслѣдствіе излишнихъ продажъ, уменьшая, такимъ образомъ, внутреннее потребленіе и оставляя крестьянское хозяйство обезпеченнымъ менѣе, чѣмъ это было бы необходимо. Почти то же самое можно сказать и относительно ржи; но здѣсь, понятно, продовольственная потребность гораздо болѣе настоятельна, сжимаемость потребленія гораздо меньше, необходимость запасовъ поэтому сильнѣе; даже изъ самыхъ необезпеченныхъ денежными средствами крестьянскихъ хозяйствъ на продажу идетъ сначала овесъ и лишь затѣмъ рожь; въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній и запасы ржи къ концу года оказываются и относительно, и абсолютно болѣе значительными, чѣмъ овса и ячменя. Дру-

гой причиной можно объяснить сравнительно высокій уровень запасовъ пшеницы: пшеница, хотя и является, главнымъ образомъ, торговымъ хлѣбомъ, однако, производится въ болѣе самостоятельныхъ и устойчивыхъ въ экономическомъ отношеніи хозяйствахъ, находится въ болѣе крѣпкихъ рукахъ, почему, несмотря на относительно высокій процентъ поступленій ея на рынокъ, запасовъ ея къ концу годового производства, остается сравнительно много.

Остановимся подробнѣе на разсмотрѣніи соотношенія размѣровъ запасовъ съ размѣрами чистаго сбора хлѣбовъ за вычетомъ заграничнаго вывоза, т. е. съ размѣрами того остатка, который остается на потребленіе внутри самой страны.

Сопоставивъ средніе за два сосѣднихъ пятилѣтія: чистый сборъ хлѣбовъ въ 63 губерніяхъ, вывозъ заграницу, остатокъ на внутреннее потребленіе (за вычетомъ вывоза и со включеніемъ запасовъ) и размѣры запасовъ къ 15 іюля, получимъ слѣдующія цифры, въ милліонахъ пудовъ [1]):

	Чистый сборъ.	Вывозъ.	Остатокъ.	Запасы.
Пшеница.				
$189^6/_7$—$190^0/_1$ . .	494,6	156,7	337,9	132,2
$190^1/_2$—$190^5/_6$ . .	752,7	241.5	511,2	129,2
Рожь.				
$189^6/_7$—$190^0/_1$ . .	975,5	74,1	901,4	238,2
$190^1/_2$—$190^5/_6$ . .	1.063,0	74,0	989,0	182,7
Овесъ.				
$189^6/_7$—$190^0/_1$ . .	490,0	51,5	438,5	45,9
$190^1/_2$—$190^5/_6$ . .	558,2	76,7	481,5	43,5
Ячмень.				
$189^6/_7$—$190^0/_1$ . .	265,5	79,1	186,4	27,9
$190^1/_2$—$190^5/_6$ . .	357,4	130,4	227,0	28,5

Здѣсь мы видимъ то же, отмѣченное уже явленіе: наименьшіе по размѣрамъ запасы къ концу годового періода производства остаются для ячменя и овса, наибольшіе абсолютно—для ржи и относительно—для пшеницы. Но данная таблица позволяетъ сдѣлать и нѣкоторыя дальнѣйшія заключенія.

Если сравнивать цифры второго пятилѣтія съ первымъ, то окажется, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ чистаго сбора всѣхъ хлѣбовъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ въ то же время и экспорта, возросло и

[1]) Составлена на основаніи «Урожаевъ» Центр. Стат. Комитета, «Статистики внѣшней торговли» и свѣдѣній Департамента Окладныхъ Сборовъ за соотвѣтствующіе годы.

внутреннее потребленіе. Обусловливается это, отчасти, тѣмъ обстоятельствомъ, что второе пятилѣтіе состоитъ изъ исключительно высокихъ по урожайности годовъ, тогда какъ среди перваго находится такой неурожайный годъ, какъ $189^7/_8$ г.: народное потребленіе, благодаря хорошимъ урожаямъ, понятно, значительно возросло во второе пятилѣтіе. Однако, несмотря на это, размѣры запасовъ и остатковъ отъ производства оказываются не только не возросшими, но, наоборотъ, значительно сократившимися для всѣхъ хлѣбовъ. Очевидно, напряженіе внѣшняго вывоза даже при высокихъ урожаяхъ настолько значительно, что къ концу годового періода производства остается все менѣе крупное количество запасовъ зерна; рядъ хорошихъ урожаевъ, значительно повышая потребленіе и вывозъ, повидимому, не только не способствуетъ увеличенію запасовъ, но даже отзывается часто сокращеніемъ ихъ, благодаря усиленному вывозу.

Дѣйствительно, посмотримъ ближе на годовыя колебанія запасовъ въ зависимости отъ размѣровъ урожаевъ. Въ этомъ отношеніи вліяніе урожаевъ на размѣры запасовъ сказывается на обоихъ сосѣднихъ годахъ. Просматривая цифры предпослѣдней таблицы, мы видимъ, что плохой урожай влечетъ обыкновенно, съ одной стороны, накопленіе и увеличеніе остатковъ отъ предыдущаго сельскохозяйственнаго года и съ другой—уменьшеніе и истощеніе запасовъ, остающихся къ концу даннаго неурожайнаго года. Въ то же время, высокому урожаю обыкновенно предшествуетъ сокращеніе остатковъ отъ предыдущаго хозяйственнаго года; на размѣрахъ же остатковъ къ концу урожайнаго года высокій сборъ хлѣбовъ вліяетъ менѣе значительно, очевидно, сглаживаясь другими обстоятельствами.

Фактъ низкаго урожая какого-либо года становится извѣстнымъ (въ особенности торговцамъ) уже много ранѣе, чѣмъ производится самый сборъ, ранѣе также и 15 іюля—срока, къ которому собираются свѣдѣнія о запасахъ. Повышеніе цѣнъ, происходящее въ такихъ случаяхъ, уже начинаетъ сказываться сокращеніемъ народнаго потребленія; возможность дальнѣйшаго укрѣпленія внутренняго спроса сдерживающимъ образомъ вліяетъ и на экспортное предложеніе; въ результатѣ еще до сбора неудачнаго урожая сокращается потребленіе, сокращается внѣшній вывозъ—увеличиваются запасы. Однако, если только размѣры недорода значительны, то даже и увеличенныя такимъ путемъ средства хлѣбнаго снабже-

нія оказываются не вполнѣ достаточными для покрытія нуждъ экспорта и внутренняго потребленія въ теченіе этого неурожайнаго года, почему къ концу его, часто несмотря на уменьшеніе потребленія и экспорта, запасы оказываются сильно уменьшившимися. Такое именно соотношеніе запасовъ и урожая обнаруживается для всѣхъ хлѣбовъ напр. въ неурожайномъ 1897 г.

Если взять обратный случай высокаго урожая, то увидимъ, что вліяніе его, ожидаемымъ пониженіемъ цѣнъ, увеличеніемъ потребленія и вывоза отражается также на предыдущемъ годѣ уменьшеніемъ запасовъ. Однако, на послѣдующихъ годахъ вліяніе высокаго урожая сказывается не только менѣе замѣтно, но и не сразу, въ особенности если высокій урожай слѣдуетъ за рядомъ неблагопріятныхъ годовъ: очевидно, рядъ неурожайныхъ годовъ настолько сильно уменьшаетъ народное потребленіе, а частью и вывозъ, что первый урожайный годъ не всегда успѣваетъ возстановить нарушенное равновѣсіе; лишь въ результатѣ второго урожайнаго года остаются запасы, по размѣрамъ превосходящіе обычные. Колебанія запасовъ пшеницы и ржи въ урожайные 1898—1901 годы, послѣдующіе за неурожаемъ 1897 года, а также въ $190^2/_4$ гг. обнаруживаютъ именно такой ходъ.

Мы упомянули, что въ цифру размѣровъ хлѣбныхъ запасовъ къ 15 іюля по даннымъ податныхъ инспекторовъ, входятъ—въ значительной долѣ также и запасы торговые, т. е. находящіеся уже въ распоряженіи рынка. Выдѣлить хотя бы приблизительно изъ общей цифры запасовъ запасы торговаго зерна не представляется никакой возможности. Для сужденія о размѣрахъ торговыхъ запасовъ въ нашемъ распоряженіи находится другой единственный источникъ—учетъ ихъ въ 27 главныхъ рыночныхъ пунктахъ и въ элеваторахъ 5 главныхъ желѣзнодорожныхъ линій статистикой «Вѣстника Финансовъ». Вслѣдствіе разнородности способовъ обслѣдованія и собиранія данныхъ департаментомъ окладныхъ сборовъ и «Вѣстникомъ Финансовъ» и вслѣдствіе частичности (лишь для 27 городовъ) обслѣдованія «Вѣстника Финансовъ», невозможно также сдѣлать и непосредственныхъ заключеній и сравненій этихъ данныхъ, въ цѣляхъ выдѣленія изъ общей цифры ихъ тѣхъ запасовъ, которые остаются къ концу года въ рукахъ у производителей, посредствомъ вычитанія изъ первой цифры второй. Поэтому здѣсь также придется ограничиться лишь

сравненіемъ относительныхъ колебаній цифръ запасовъ по мѣсяцамъ, и въ зависимости отъ урожаевъ по годамъ.

Цифры хлѣбныхъ торговыхъ запасовъ регистрируются «Вѣстникомъ» ежемѣсячно къ первому числу, но такъ какъ данныя департамента окладныхъ сборовъ относятся къ 15 іюля, то для удобства дальнѣйшихъ сравненій, мы возьмемъ среднія цифры запасовъ къ 1 іюля и къ 1 августа, предположивъ, что онѣ дадутъ приблизительные размѣры запасовъ къ 15 іюля. На основаніи такихъ подсчетовъ получимъ слѣдующую таблицу торговыхъ запасовъ въ сопоставленіи съ урожаемъ предыдущаго года, въ милліонахъ пудовъ: [1])

	$1^{899}/_{900}$	$190^0/_1$	$190^1/_2$	$190^2/_3$	$190^3/_4$	$190^4/_5$	$190^5/_6$
Урожай:							
пшеница . . .	529,9	525,9	531,3	792,8	771,7	882,6	785,0
рожь	1.132,8	1.162,0	907,5	1.147,6	1.121,4	1.276,3	862,2
овесъ	639,9	549,2	354,1	615,7	473,4	771,0	576,8
ячмень . . .	229,9	248,1	251,0	379,0	398,7	380,1	378,4
Запасы къ 1 іюля							
пшеница . . .	19,2	15,2	10,6	11,4	16,4	22,1	14,9
рожь	9,1	8,8	4,2	5,1	5,7	5,8	7,8
овесъ	6,7	5,5	1,1	7,1	5,1	10,7	6,3
ячмень . . .	0,4	1,3	2,2	1,4	5,8	3,6	2

Несмотря на то, что размѣры торговыхъ запасовъ зависятъ кромѣ урожая (играющаго въ этомъ отношеніи даже второстепенную роль), отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ (размѣры потребленія, экспорта, скорость поступленій на рынокъ въ связи съ условіями желѣзнодорожнаго транспорта), однако, и здѣсь мы наблюдаемъ довольно правильно повторяющуюся зависимость отъ размѣровъ урожая, какая обнаруживается и въ колебаніи размѣровъ запасовъ въ предшествовавшихъ исчисленіяхъ.

Это сходство колебаній въ показаніяхъ торговыхъ запасовъ и вышеприведенныхъ общихъ запасовъ позволяетъ заключить объ относительной правильности тѣхъ и другихъ цифръ и даетъ возможность сдѣлать нѣкоторыя ихъ сопоставленія. Дѣйствительно, сопоставимъ цифры общихъ размѣровъ запасовъ, даваемыя департаментомъ окладныхъ сборовъ къ 15 іюля и цифры торговыхъ запасовъ по «Вѣстнику Финансовъ», взявъ въ послѣднемъ случаѣ среднее между цифрами запасовъ къ 1 іюля и къ 1 августа:

[1]) См. «Вѣстникъ Финансовъ» за соотв. годы.

	1900.	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.
Пшеница:							
общіе запасы . .	131,9	129,2	97,2	119,4	137,0	154,9	137,5
торгов. запасы . .	17,1	16,3	14,0	13,4	15,4	18,9	15,2
Рожь:							
общіе запасы. . .	240,4	264,9	167,6	186,1	179,8	225,7	154,3
торгов. запасы . .	8,4	8,9	4,1	4,7	4,8	6,1	7,9
Овесъ:							
общіе запасы. . .	52,8	48,4	26,5	40,8	33,1	67,1	49,9
торгов. запасы . .	5,1	4,9	2,0	5,4	4,0	10,5	5,1
Ячмень:							
общіе запасы. . .	27,1	26,7	19,3	28,2	38,1	31,5	25,8
торгов. запасы . .	1,1	2,3	3,8	2,7	6,0	3,7	2,5

Въ движеніи колебаній размѣровъ общихъ запасовъ и торговыхъ запасовъ въ главныхъ пунктахъ наблюдается, въ общемъ, если не совпаденіе, то значительное сходство, хотя, какъ уже сказано, торговые запасы представляются элементомъ настолько подвижнымъ и быстро мѣняющимися, что сравненіе ихъ въ годовые промежутки времени мало характерны.

Большій интересъ представляютъ колебанія торговыхъ запасовъ по мѣсяцамъ, такъ какъ эти колебанія характеризуютъ скорость поступленія хлѣбовъ на рынокъ, т. е. скорость реализаціи урожая въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ факторовъ.

Движеніе торговыхъ запасовъ по мѣсяцамъ обусловливается двумя главными факторами: съ одной стороны, скоростью реализаціи урожая и размѣрами поступленій его на рынокъ, съ другой— размѣрами внутренняго потребительнаго и внѣшняго экспортнаго спроса. Вліяніе этихъ двухъ противоположныхъ факторовъ скрещивается въ извѣстные періоды года такимъ образомъ, что запасы, достигнувъ максимума, начинаютъ убывать, пока не спустятся до минимума, чтобы вмѣстѣ съ реализаціей новаго урожая начать новое увеличеніе. Такимъ образомъ, время созрѣванія жатвы въ томъ или другомъ году и скорость созрѣванія того или другого хлѣба обусловливаютъ, прежде всего, скорость поступленія урожая на рынокъ.

За невозможностью дать здѣсь полную таблицу за всѣ мѣсяцы разсматриваемаго пятилѣтія, возьмемъ цифры запасовъ лишь за тѣ мѣсяцы года, когда запасы, достигнувъ минимума, начинаютъ возрастать; это падаетъ большею частью на іюль—августъ; къ первымъ числамъ въ эти мѣсяцы запасы хлѣбовъ въ 27 главныхъ регистрируемыхъ пунктахъ и въ элеваторахъ 5 главныхъ желѣзнодорожныхъ линій были, въ милліонахъ пудовъ, причемъ годовые минимумы напечатаны жирнымъ шрифтомъ: [1]).

	1900.	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.
Пшеница:							
1 іюля	19,2	**15,2**	10,6	14,4	16,4	22,1	**14,9**
1 августа. . . .	**15,1**	17,4	**10,1**	**12,5**	**14,5**	**15,7**	15,3
1 сентября . . .	23,9	23,9	17,4	26,6	25,8	22,7	27,4
Рожь:							
1 іюля	9,1	**8,8**	4,3	5,1	5,7	**5,8**	8,1
1 августа. . . .	**7,7**	9,0	**2,4**	**4,2**	**3,9**	6,4	**8,0**
1 сентября . . .	8,5	11,5	4,1	6,7	4,9	6,8	8,2
Овесъ:							
1 іюля	6,7	5,5	2,1	7,0	5,1	10,7	6,3
1 августа. . . .	**3,6**	**4,3**	**1,1**	**3,8**	**2,0**	**10,2**	**3,8**
1 сентября . . .	4,5	**7,9**	2,9	6,4	4,4	11,5	6,8
Ячмень:							
1 іюля	**0,4**	**1,3**	**0,8**	**1,4**	**5,8**	**3,6**	**2,1**
1 августа. . . .	1,9	3,3	2,2	4,1	6,2	3,8	2,8
1 сентября . . .	3,9	6,1	4,5	7,7	12,0	3,8	6,0

Изъ таблицы ясно обнаруживается неодинаковая скорость поступленія на рынокъ различныхъ хлѣбовъ, зависящая, отчасти конечно, и отъ условій произрастанія ихъ, и отъ отдаленности главныхъ раіоновъ культуры отъ портовыхъ рынковъ, но кромѣ того и отъ внутреннихъ производственныхъ условій. Въ то время, какъ для ржи, овса и пшеницы минимумъ запасовъ почти во всѣ годы падаетъ на 1 августа, послѣ чего начинается постепенное увеличеніе запасовъ, благодаря усилившимся поступленіямъ, для ячменя минимумъ приходится на 1 іюля, и уже съ этого мѣсяца наблюдается дальнѣйшее увеличеніе запасовъ. Понятно, что въ теченіе года оно не идетъ равномѣрно, иногда смѣняясь пониженіемъ, вслѣдствіе напр., усиленія потребленія, заграничнаго спроса, колебанія желѣзнодорожныхъ поступленій и т. п.; однако, общій ходъ движенія запасовъ обнаруживаетъ въ общемъ указанную правильность.

Разсматривая цифры мѣсячныхъ колебаній хлѣбныхъ запасовъ въ осеннюю половину сельскохозяйственнаго года, мы видимъ, что они обнаруживаютъ послѣ іюля—августа правильное возрастаніе, идущее, однако, не одинаково для разныхъ хлѣбовъ. Во всѣхъ имѣющихся 7 годахъ 1900—1906 гг. максимумъ запасовъ пшеницы приходится на 1 ноября. Значитъ, накопленіе торговыхъ за-

[1]) По даннымъ «Вѣстника Финансовъ», соотв. годовъ. См. также прил. I.

пасовъ пшеницы, начавшись съ сентября и быстро достигнувъ къ ноябрю наибольшихъ размѣровъ, далѣе уже начинаетъ идти на убыль. Это видно изъ слѣдующей таблицы запасовъ пшеницы, въ милл. пудовъ, причемъ годовой максимумъ напечатанъ жирнымъ шрифтомъ:

Годы.	1 сент.	1 окт.	1 ноября.	1 дек.
1900	23,9	34,1	**38,0**	36,5
1901	23,9	33,5	**37,1**	34,7
1902	17,4	29,4	**41,8**	38,4
1903	26,6	49,7	**56,9**	52,5
1904	25,8	38,8	**46,7**	42,4
1905	22,7	31,9	**42,0**	35,5
1906	27,4	36,2	**45,6**	42,7

Дальнѣйшее движеніе запасовъ пшеницы, начиная съ декабря и кончая августомъ, представляетъ правильное паденіе; лишь въ апрѣлѣ отмѣчается нѣкоторое, очень слабое повышеніе запасовъ.

Другой видъ имѣетъ волна годового движенія запасовъ ржи, овса и ячменя. Хотя минимумъ запасовъ для первыхъ двухъ хлѣбовъ падаетъ на тѣ же мѣсяцы, какъ и для пшеницы, но дальнѣйшее накопленіе ихъ идетъ гораздо болѣе медленно и не такъ правильно. Поэтому послѣ августовскихъ (для ржи и овса) минимумовъ возрастаніе запасовъ идетъ, большею частью, до января, иногда даже до февраля, когда запасы, достигнувъ максимума, начинаютъ уже уменьшаться. Но и въ дальнѣйшемъ движеніи они не представляютъ, какъ для пшеницы, однообразнаго пониженія, но къ 1 іюня обнаруживаютъ новую повышательную волну, настолько значительную, что она превышаетъ даже январьскіе запасы.

Что касается ячменя, то его запасы, начиная увеличеніе ранѣе, чѣмъ другіе хлѣба, показываютъ максимумъ, такъ же какъ рожь, къ январю, но дальнѣйшее движеніе запасовъ обнаруживаетъ простое пониженіе, безъ лѣтняго максимума, приближаясь въ этомъ отношеніи къ движенію запасовъ пшеницы.

Таковы ежемѣсячныя колебанія запасовъ на учитываемыхъ рынкахъ. При всемъ частичномъ характерѣ этихъ цифръ, не обнимающихъ, конечно, всѣ торговые запасы хлѣба, находящіеся въ странѣ, однако, можно приведенные выше выводы, повидимому, обобщить, какъ общее явленіе для всѣхъ запасовъ, тѣмъ болѣе, что указанный характеръ движенія ихъ имѣетъ вполнѣ раціональное объясненіе.

Къ моменту поступленія новаго урожая на рынокъ торговые запасы представляются въ значительной степени истощенными; пополненіе ихъ начинается лишь вслѣдъ за сборомъ новаго урожая. При этомъ ячмень, какъ хлѣбъ, воздѣлываемый, главнымъ образомъ, на югѣ, вблизи южныхъ портовъ (а портовые запасы, какъ увидимъ далѣе, составляютъ значительную часть запасовъ), созрѣваетъ и начинаетъ поступать на рынокъ раньше другихъ хлѣбовъ. На второмъ мѣстѣ по скорости поступленій стоитъ пшеница, которая является хлѣбомъ торговымъ по преимуществу; она начинаетъ поступать на рынокъ настолько быстро, что уже къ ноябрю запасы ея достигаютъ максимума; въ этомъ максимумѣ играетъ роль, главнымъ образомъ, пшеница юга, юго-запада и вообще мѣстъ, близкихъ къ портамъ; но и въ дальнѣйшіе мѣсяцы пшеница, какъ продуктъ сравнительно болѣе дорогой и выносящій желѣзнодорожный транспортъ, продолжаетъ поступать къ рынкамъ уже изъ болѣе отдаленныхъ раіоновъ, хотя, конечно, запасы продолжаютъ равномѣрно убывать, благодаря экспорту и внутреннему потребленію. Возрастаніе запасовъ ржи и овса идетъ медленнѣе, вслѣдствіе самаго свойства продукта, производство котораго разсчитано, прежде всего, на собственное потребленіе въ хозяйствѣ; отдаленность отъ портовъ и отъ крупныхъ торговыхъ потребительныхъ центровъ весьма важныхъ производительныхъ раіоновъ также способствуетъ такому запозданію; наконецъ, частью также вслѣдствіе географическихъ условій производительныхъ раіоновъ—преобладанію водныхъ путей—частью вслѣдствіе сравнительно невысокой стоимости продукта, заставляющей пользоваться этимъ водянымъ путемъ, вмѣстѣ съ открытіемъ навигаціи, т. е. къ маю и іюню начинаетъ обнаруживаться накопленіе запасовъ, вслѣдствіе усиленныхъ поступленій водою, чего не отмѣчалось для ячменя и пшеницы.

До сихъ поръ мы разсматривали движеніе запасовъ хлѣбовъ въ общемъ для всѣхъ учитываемыхъ торговыхъ пунктовъ. Между тѣмъ, нашъ источникъ, учитывая размѣры запасовъ, дѣлитъ эти пункты на три категоріи: портовые рынки, внутренніе рынки, элеваторы и зернохранилища по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Характеръ движенія запасовъ по этимъ тремъ категоріямъ пунктовъ представляетъ нѣкоторыя различія.

Если мы сравнимъ время осеннихъ минимумовъ для портовъ и для внутреннихъ рынковъ, то окажется, что для портовъ минимумы

обыкновенно приходятся нѣсколько ранѣе внутреннихъ рынковъ. Поэтому въ то время, когда въ портовыхъ рынкахъ начинается уже накопленіе запасовъ, благодаря усиливающимся поступленіямъ, на внутреннихъ рынкахъ продолжается еще уменьшеніе запасовъ. Другими словами, главныя массы новаго урожая прежде всего и скорѣе всего направляются именно къ портамъ.

Такъ, сравнивая запасы сосѣднихъ трехъ мѣсяцевъ въ портахъ и на внутреннихъ рынкахъ, имѣемъ слѣдующія цифры, въ милліонахъ пудовъ, причемъ жирнымъ шрифтомъ обозначены минимальные въ текущемъ сельскохозяйственномъ году запасы. [1]).

	1900.	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.
Портовые рынки:							
1 іюля:							
пшеница . . .	**8,3**	**4,8**	**4,1**	5,4	8,2	9,8	**6,7**
рожь.	**4,6**	**3,7**	2,2	3,2	3,7	1,6	**1,8**
овесъ	2,1	**2,8**	1,0	4,2	2,2	**3,3**	1,7
1 августа:							
пшеница . . .	8,1	7,1	4,3	**4,9**	**7,7**	**7,8**	6,8
рожь.	5,9	4,1	**1,6**	2,9	**2,6**	**1,5**	**1,8**
овесъ	**1,5**	2,1	0,5	2,1	**1,3**	**3,3**	**1,2**
1 сентября:							
пшеница . . .	16,6	12,7	10,8	17,3	18,6	13,8	16,9
рожь.	7,1	5,5	2,8	4,6	3,5	2,1	2,8
овесъ	2,3	3,5	1,7	3,0	2,4	3,6	2,9
Внутренніе рынки:							
1 іюля:							
пшеница . . .	10,1	9,3	5,3	7,7	7,4	11,9	**7,9**
рожь.	4,2	3,4	1,2	1,6	1,7	3,2	5,2
овесъ	3,5	2,1	0,8	1,8	1,7	5,3	3,9
1 августа:							
пшеница . . .	**6,9**	**9,3**	**4,7**	**6,4**	6,3	**7,5**	8,0
рожь.	1,5	2,7	**0,7**	**1,2**	1,3	3,5	1,1
овесъ	1,8	**1,4**	**0,5**	**1,0**	**0,9**	4,5	1,9
1 сентября:							
пшеница . . .	6,5	9,6	5,7	7,9	**6,2**	8,1	9,6
рожь.	**1,0**	**2,6**	1,1	1,5	**1,2**	**2,8**	**2,7**
овесъ	**1,8**	2,5	0,9	1,3	1,2	**3,9**	**2,0**

Увеличеніе запасовъ въ портахъ начинается съ августа или даже съ іюля, тогда какъ на внутреннихъ рынкахъ запасы начинаютъ увеличиваться преимущественно съ сентября или съ августа. Дальнѣйшее движеніе запасовъ также разнится для портовыхъ и для внутреннихъ рынковъ.

[1]) Составлено на основаніи стат. свѣдѣній «Вѣстника Финансовъ» соотв. годовъ.

Въ портахъ наибольшіе размѣры запасовъ отмѣчаются для всѣхъ хлѣбовъ въ январѣ—февралѣ, причемъ для пшеницы максимальныя цифры начинаютъ получаться часто нѣсколько ранѣе, въ ноябрѣ—въ декабрѣ; съ января цифры запасовъ ея представляютъ прямое и рѣзкое пониженіе, безъ всякаго повышенія въ весенніе мѣсяцы. Такой же ходъ наблюдается и для другихъ хлѣбовъ съ тою лишь разницею, что, напр., для ржи увеличеніе запасовъ идетъ медленнѣе и начало его запаздываетъ сравнительно съ пшеницей на мѣсяцъ.

На внутреннихъ рынкахъ увеличеніе запасовъ пшеницы прекращается значительно ранѣе и за всѣ разсматриваемые годы достигаетъ максимума уже къ 1 ноября, понижаясь въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, и затѣмъ къ 1 мая—1 іюня обнаруживая существенное повышеніе; но лѣтній максимумъ все же не достигаетъ высоты осенняго. Иной видъ имѣетъ движеніе на внутреннихъ рынкахъ запасовъ другихъ хлѣбовъ ржи, овса, ячменя: послѣ осенняго минимума повышеніе идетъ весьма медленно, или обнаруживая лишь слабый максимумъ къ январю, или даже совсѣмъ не обнаруживая его. Во всякомъ случаѣ, самое крупное увеличеніе запасовъ ржи, овса и ячменя на внутреннихъ рынкахъ приходится на 1 мая—1 іюня, причемъ увеличеніе противъ предшествующихъ мѣсяцевъ иногда бываетъ въ два-три раза; за то столь же быстро происходитъ и дальнѣйшее уменьшеніе запасовъ въ ближайшіе мѣсяцы предъ сборомъ новаго урожая.

Такъ какъ размѣры запасовъ зависятъ отъ равновѣсія двухъ противоположныхъ факторовъ—поступленій и потребленія—то до разсмотрѣнія ихъ невозможно болѣе близкое обсужденіе и указаннаго явленія; но уже изъ приведенныхъ цифръ ясно различіе характера снабженія внутреннихъ и портовыхъ рынковъ, т. е. рынковъ, обслуживающихъ внутреннее потребленіе и экспортъ.

На внѣшніе рынки направляется прежде всего и раньше, чѣмъ на внутренніе рынки, пшеница, которая въ осенніе мѣсяцы накопляется въ портахъ, несмотря на крупный вывозъ; но и дальнѣйшій ходъ поступленій, очевидно, хотя и уменьшаясь, находится настолько въ равновѣсіи съ экспортомъ, что сокращеніе запасовъ идетъ быстро, но равномѣрно. Наоборотъ, на внутренніе рынки зерно поступаетъ лишь послѣ удовлетворенія внѣшняго спроса; ходъ

снабженія въ теченіе года идетъ далеко не такъ равномѣрно, какъ для внѣшнихъ рынковъ, колеблясь и часто прерываясь, очевидно, подъ вліяніемъ условій транспорта, состоянія гужевыхъ путей, особенно же подъ вліяніемъ открытія и закрытія навигаціи; это и находитъ отраженіе въ увеличеніи запасовъ въ апрѣлѣ—маѣ.

III. Поступленіе хлѣбовъ на рынокъ. — Абсолютный ростъ поступленій въ зависимости отъ желѣзныхъ дорогъ. — Относительный, въ сравненіи съ урожаемъ, ростъ поступленій. — Ускореніе и перераспредѣленіе поступленій. — Развитіе цѣлей торговаго сбыта въ разныхъ раіонахъ. — Значенія скорости реализаціи урожая.

Каковы размѣры общихъ поступленій хлѣбныхъ зерновыхъ и переработанныхъ продуктовъ на рынокъ? Какъ идутъ эти поступленія во времени и какъ распредѣляются между отдѣльными хлѣбами? На эти вопросы, какъ мы сказали, невозможно найти точнаго и прямого отвѣта въ данныхъ торговой и желѣзнодорожной статистики. Указанія, да и то не объ абсолютной величинѣ этихъ поступленій, не объ абсолютныхъ размѣрахъ «торговаго» хлѣба, при томъ указанія лишь косвенные и приблизительные, мы должны искать лишь въ данныхъ общеэкономической статистики о производствѣ, потребленіи, сбытѣ хлѣба и т. п. Торговая и желѣзнодорожная по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ статистика можетъ дать лишь общаго характера и приблизительныя указанія на главные моменты въ ходѣ хлѣбнаго снабженія и поступленія хлѣбныхъ продуктовъ на рынокъ. Поэтому всѣ относящіяся къ этому вопросу цифры могутъ быть употребляемы не какъ абсолютно точныя и исчерпывающія вопросъ, а лишь, какъ служащія для выясненія условій хода хлѣбнаго снабженія и происходящихъ въ нихъ измѣненіяхъ за рядъ лѣтъ или въ теченіе одного года за разные мѣсяцы.

Возьмемъ, прежде всего, цифры желѣзнодорожной статистики, какъ наиболѣе точной и полно охватывающей торговое движеніе хлѣбныхъ продуктовъ. Съ 1876 года (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ годовъ) въ «Статистическихъ сборникахъ Министерства Путей Сообщенія» имѣется рядъ сравнительныхъ данныхъ о движеніи 8 главныхъ хлѣбныхъ грузовъ (пшеница, рожь, мука пшеничная и ржаная, овесъ, ячмень, кукуруза, крупа), а съ

1887 г. имѣются подобныя же данныя «Сводной статистики» о движеніи всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ. Сравнивая эти, не вполнѣ однородныя, впрочемъ, данныя, получаемъ слѣдующія цифры желѣзнодорожныхъ перевозокъ главныхъ хлѣбовъ въ среднемъ за два разсматриваемые періода [1]):

Названіе грузовъ.	1876—1878.	1895—1898.	Приростъ за 20 л.	
	милліоны пудовъ.		милл. п.	%
Пшеница	83,0	178,6	95,6	115,0
Рожь	76,5	84,4	7,9	10,0
Ячмень	16,2	46,8	30,6	189,0
Овесъ	58,3	97,7	39,4	68,0
Кукуруза	6,1	24,7	18,6	315,0
Мука пшеничная	19,4	79,5	60,1	310,0
„ ржаная	25,8	46,1	20,3	79,0
8 хлѣбн. грузовъ	311,9	582,1	270,2	86,6

Движеніе всѣхъ безъ исключенія хлѣбныхъ грузовъ, конечно, сильно возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ длины сѣти и вмѣстѣ съ увеличеніемъ производства хлѣба въ странѣ; однако, отдѣльные виды хлѣбныхъ продуктовъ занимаютъ въ этомъ ростѣ движенія разное положеніе.

За разсматриваемыя 20 лѣтъ наибольшій относительный приростъ движенія отмѣчается для кукурузы и пшеничной муки, по абсолютнымъ же размѣрамъ движенія, на первомъ мѣстѣ стоитъ пшеница, которая въ теченіе разсматриваемаго періода получила громадное преобладаніе надъ другими хлѣбами тогда какъ въ 70-хъ годахъ ея движеніе лишь немного превышало рожь. Другимъ хлѣбомъ, занявшимъ также видное, второе послѣ пшеницы, мѣсто, является овесъ, въ семидесятыхъ годахъ стоявшій лишь третьимъ по порядку; также значительное относительное возрастаніе обнаруживаютъ перевозки ячменя, хотя по абсолютнымъ размѣрамъ онѣ не достигаютъ крупныхъ цифръ.

Изъ этого видно, что если считать размѣры желѣзнодорожныхъ перевозокъ мѣриломъ вообще хлѣбнаго рынка, то нужно сказать, что все болѣе видное мѣсто на немъ начинаютъ завоевывать пшеница и затѣмъ овесъ, между тѣмъ какъ рожь и абсолютно, и относительно остается почти въ прежнихъ границахъ. Понятно, что въ этомъ обстоятельствѣ играетъ роль не только различное значеніе географическихъ производительныхъ раіоновъ, постепенно

[1]) *Билимовичъ*. Товарное движеніе. стр. 27.

захватываемыхъ желѣзнодорожной сѣтью и посылающихъ на рынокъ все большія и большія количества производимыхъ въ нихъ хлѣбовъ, но и различное потребительное значеніе такихъ хлѣбовъ, какъ пшеница и рожь. Это различное потребительное значеніе ржи и пшеницы и не позволяетъ, особенно для ржи, выводить заключеніе о размѣрахъ хлѣбнаго рынка изъ размѣровъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ, такъ какъ по условіямъ потребленія ржаного хлѣба преимущественно крестьянскимъ населеніемъ громадная масса этого продукта можетъ поступать на рынокъ, минуя, однако, желѣзнодорожный транспортъ.

Вліяніе различнаго характера производства тѣхъ или другихъ обслуживаемыхъ желѣзнодорожною сѣтью раіоновъ особенно рѣзко должно было сказаться на протяженіи позднѣйшаго періода, когда желѣзнодорожная сѣть получила быстрое распространіе на восточные, съ преобладающимъ производствомъ пшеницы, раіоны. Сравнивая данныя «Сводной статистики» за послѣдніе годы получимъ слѣдующую таблицу желѣзнодорожныхъ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ (за исключеніемъ передачъ) въ тысячахъ пудовъ [1]):

Названіе грузовъ.	1890—94.	1895—99.	1900—1904.	Приростъ за 15 л.	
	тысячи пудовъ.			тыс. п.	%
Пшеница	142.732	177.424	233.102	90.370	63,3
Рожь	65.652	84.299	105.326	39.674	60,5
Ячмень	50.457	46.016	62.096	11.639	23,1
Овесъ	87.772	96.956	130.729	42.957	48,9
Мука пшеничная . .	55.275	83.350	127.973	72.698	131,5
„ ржаная	32.621	45.277	63.855	31.234	95,7
Всего . . .	434.509	533.322	723.081	288.572	65,3

Какъ видно изъ таблицы, участіе отдѣльныхъ хлѣбныхъ продуктовъ въ общемъ движеніи за послѣдніе годы снова получило нѣкоторыя измѣненія: если въ концѣ семидесятыхъ годовъ на первомъ мѣстѣ стояла пшеница, а на второмъ рожь; въ девяностыхъ на первомъ мѣстѣ пшеница, на второмъ овесъ и лишь на третьемъ рожь, съ которой почти равны также и перевозки пше-

[1]) По всѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ Европейской и Азіятской Россіи за 1890 — 1901 гг. по даннымъ «Сводной статистики», за 1902 — 1904 гг. по даннымъ «Статист. Сборника Минист. Путей Сообщенія». См. приложеніе II.

ничной муки, то въ девятисотыхъ годахъ пшеница осталась попрежнему на первомъ мѣстѣ, но за второе конкуррируютъ пшеничная мука и овесъ; рожь занимаетъ уже четвертое мѣсто, ржаная же мука съ ячменемъ стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ. Если соединить оба вида грузовъ, зерно и муку какъ для пшеничныхъ, такъ и для ржаныхъ товаровъ, то на нихъ придется наиболѣе значительный относительный приростъ движенія, именно въ 82,3% для пшеничныхъ грузовъ и въ 72,2% для ржаныхъ.

Было уже указано, что размѣры желѣзнодорожнаго хлѣбнаго движенія даютъ лишь отдаленное представленіе объ общихъ размѣрахъ торговыхъ хлѣбныхъ оборотовъ, такъ какъ, кромѣ желѣзнодорожныхъ поступленій, хлѣбъ получается на рынокъ также водою и гужевыми подвозами. Движеніе по воднымъ путямъ является вторымъ и по своимъ размѣрамъ, и по точности; поэтому здѣсь необходимо остановиться также и на водныхъ перевозкахъ.

Для сравненія прежнихъ лѣтъ съ болѣе поздними возьмемъ цифры перевозокъ семидесятыхъ и девяностыхъ годовъ; въ эти годы движеніе главныхъ хлѣбныхъ грузовъ, по сколько оно регистрировалось статистикой, было, въ милліонахъ пудовъ (Билимовичъ):

Названіе грузовъ.	1876—1878.	1895—1898.	Приростъ за 20 л.	
	милліоны пудовъ.		милл. п.	%
Пшеница	44,4	82,8	38,4	86,5
Рожь	23,3	48,9	25,6	109,9
Ячмень	1,1	20,6	19,5	1.772,7
Овесъ	17,8	31,3	13,5	75,9
Мука пшеничная	4,9	18,5	13,6	277,5
„ ржаная	24,5	27,7	3,2	13,1

Въ общемъ, и въ водныхъ перевозкахъ сохраняется тотъ же характеръ преобладанія въ движеніи пшеницы, хотя здѣсь ржи принадлежитъ (вслѣдствіе географическаго положенія главныхъ водныхъ путей въ раіонахъ воздѣлыванія ржи) не только наиболѣе видная послѣ пшеницы роль, но и болѣе быстрое возрастаніе; этимъ же географическимъ положеніемъ водныхъ путей объясняется и громадный относительный ростъ перевозокъ ячменя, получившійся вслѣдствіе усиленнаго обращенія подъ культуру ячменя южныхъ новороссійскихъ степей. Для позднѣйшаго періода возьмемъ цифры Министерства Путей Сообщенія, за послѣднія

15 лѣтъ движеніе главныхъ хлѣбныхъ грузовъ по воднымъ путямъ исчислялось въ тысячахъ пудовъ слѣдующими цифрами [1]).

Въ среднемъ за	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Мука: Пшеничная.	Мука: Ржаная.	Всего.
1890—1894 . .	52.677	25.020	13.970	22.732	9.842	18.848	137.687
1895—1899 . .	78.279	45.961	20.020	28.584	19.355	24.531	216.760
1900—1904 . .	88.397	54.251	23.435	35.975	32.494	29.615	263.167
Приростъ за III пятилѣтіе по сравн. съ I тыс. пуд. . .	34.720	29.231	9.465	13.243	22.652	10.767	125.490
%	65,9	116,8	67,8	58,7	230,2	57,1	91,1

Въ движеніи хлѣбныхъ грузовъ по воднымъ путямъ за послѣдніе годы сохраняется то же преобладаніе пшеницы и затѣмъ ржи. Размѣры прироста движенія всѣхъ хлѣбовъ въ теченіе разсматриваемаго періода вообще нѣсколько меньше, чѣмъ въ теченіе предшествовавшаго періода; не говоря уже объ относительномъ паденіи перевозокъ ячменя, обнаруживавшаго въ предшествующій періодъ такое непомѣрное возрастаніе, даже перевозки пшеничной муки растутъ за послѣднее время уже нѣсколько медленнѣе, чѣмъ въ первый періодъ, хотя по относительнымъ размѣрамъ стоятъ все-таки на первомъ мѣстѣ.

Что касается послѣдняго вида торговаго движенія хлѣбныхъ грузовъ—гужевыхъ подвозовъ, то относительно ихъ размѣровъ въ разсматриваемой нами статистикѣ Министерства Путей Сообщенія не имѣется никакихъ общихъ данныхъ. Лишь размѣры гужевыхъ подвозовъ къ пунктамъ вывоза опредѣляются въ 3% всего сбора для ржи, 17% сбора для пшеницы и ячменя и 0,3% сбора для овса. Даже если считать правильными эти цифры, онѣ все же не могутъ дать никакихъ указаній относительно размѣровъ всѣхъ вообще гужевыхъ подвозовъ въ странѣ. А между тѣмъ роль гужевыхъ подвозовъ въ хлѣбномъ снабженіи, понятно, неизмѣримо велика. Стоитъ только вспомнить, сколько городовъ, мѣстечекъ, промышленныхъ и населенныхъ центровъ совершенно не обслуживается ни водными, ни желѣзнодорожными путями, сколько продажъ и покупокъ хлѣба совершается среди самаго производительнаго крестьянскаго населенія въ одной и той же деревнѣ. Правда, громадная масса не только гужевыхъ подвозовъ, но даже и значительная часть водныхъ перевозокъ при дальнѣйшемъ движеніи поступаетъ на желѣзныя дороги и, такимъ образомъ, все же учитывается въ движеніи. Но все же очень значительныя массы гужевыхъ поступленій на рынокъ, не учитываются статистикой; это именно гужевые подвозы тѣхъ хлѣбовъ, которые въ большихъ количествахъ потребляются въ крестьянскихъ хозяйствахъ — ржи и частью овса. Извѣстно, что осенью массы этого зерна, часто въ избыточныхъ количествахъ, поступаютъ на внутренніе мелкіе рынки, покупаясь весною тѣми же крестьянами и производя, такимъ образомъ, на внутреннемъ рынкѣ всѣ обычныя вліянія предложенія и спроса, хотя бы это зерно даже не выходило изъ предѣловъ одной и той же деревни и, слѣдовательно, не учитывалось никакой статистикой перевозокъ. Это обстоятельство, а также указанная неполнота учета водныхъ и гужевыхъ перевозокъ позволяетъ заключать, что общая сумма исчисленныхъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, желѣзнодорожныхъ, водныхъ и гужевыхъ перевозокъ, не только не превосходитъ, но значительно уступаетъ дѣйствительнымъ поступленіямъ различныхъ хлѣбовъ на рынокъ.

Разсчетъ усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ торговомъ движеніи, какъ мы видѣли, играютъ громадную роль перевозки перемолочныхъ продуктовъ; между тѣмъ, перечисленіе ихъ на зерно и присчитываніе къ зерну ввело бы въ новую ошибку, вслѣдствіе двойного подсчета того зерна, изъ котораго вырабатывается мука въ работающихъ на привозномъ зернѣ мукомольныхъ раіонахъ; съ другой стороны, игнорированіе перевозокъ мучныхъ продуктовъ дастъ крупный недоборъ, вслѣдствіе отсутствія въ подсчетѣ той муки, которая перерабатывается изъ мѣстнаго зерна, скупаемаго мукомолами прямо изъ окружныхъ раіоновъ и поступающаго на мельницы гужемъ.

При всемъ томъ, цифры статистики Министерства Путей Сообщенія представляютъ значительный интересъ, въ особенности если брать ихъ не въ абсолютномъ значеніи, а въ сравненіи съ другими факторами снабженія.

Такъ, сопоставивъ цифры перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ и внутреннимъ воднымъ путямъ (за исключеніемъ передачъ) по 63 губерніямъ Европ. Россіи съ цифрами чистаго сбора хлѣбовъ въ этихъ же

[1]) «Статист. Сборники Минист. Путей Сообщенія, движеніе по внутреннимъ воднымъ путямъ» за соотв. годы. См. прилож. III.

губерніяхъ, получимъ таблицу, [1]) показывающую эту зависимость размѣровъ и характера хлѣботорговаго движенія отъ урожая. При разсмотрѣнія отдѣльныхъ годовъ ея видно, что при каждомъ пониженіи сбора понижаются въ слѣдующемъ году и размѣры движенія. Правильность такого рода колебаній, однако, не одинакова для различныхъ хлѣбовъ. Для пшеницы лишь въ слабой степени можно отмѣтить подобную зависимость движенія ея отъ урожая; наоборотъ, для ржи и овса она обнаруживается вполнѣ ясно: пониженіе сбора хлѣба уменьшаетъ и движеніе, и только рядъ нѣсколькихъ урожайныхъ годовъ позволяетъ иногда даже въ неурожайный, слѣдующій за ними годъ не уменьшать движенія. Очевидно, для сбыта пшеницы существуютъ болѣе важныя внѣшнія причины, чѣмъ размѣры производства даннаго года; размѣры передвиженія ея, какъ хлѣба, воздѣлываемаго главнымъ образомъ на продажу, зависятъ болѣе всего отъ размѣровъ спроса, съ увеличеніемъ котораго общее движеніе можетъ увеличиться даже въ годы недорода, сокративъ внутреннее потребленіе въ производительныхъ раіонахъ. Иное положеніе занимаетъ рожь: пониженіе урожая ея всегда сказывается и на сокращеніи торговаго движенія, такъ какъ въ хозяйствѣ остается на продажу сверхъ собственнаго потребленія тѣмъ меньшее количество зерна, чѣмъ ниже урожай; наоборотъ малѣйшее повышеніе сбора влечетъ усиленный сбытъ зерна на рынкахъ—и движеніе хлѣба изъ производительныхъ раіоновъ въ потребительные быстро увеличивается.

Чтобы точнѣе представить положеніе отдѣльныхъ хлѣбовъ въ торговомъ обмѣнѣ и измѣненія, происшедшія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, возьмемъ отношеніе движенія по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ къ среднему сбору хлѣбовъ въ три періода, т. е. за время 1890—1904 г.г. Получимъ слѣдующую таблицу:

	1890—94.	1895—99.	1900—904.
Пшеница, перевозка милл. пуд. .	184,6	225,1	287,5
» % отношеніе къ сбору	45,7	45,6	41,0
Рожь, перевозка милл. пуд. . .	85,6	113,6	147,8
» % отношеніе къ сбору	10,2	12,1	13,2
Ячмень, перевозка милл. пуд. .	63,8	62,3	83,2
» % отношеніе къ сбору	25,7	22,9	25,0
Овесъ, перевозка милл. пуд. . .	108,2	119,1	157,4
» % отношеніе къ сбору	26,7	24,9	28,5

[1]) См. приложеніе IV.

Если принять во вниманіе, что три разсматриваемые періода заключаютъ въ себѣ годы, весьма различные по размѣрамъ урожая, то изъ незначительныхъ колебаній отношенія перевозокъ къ сбору можно заключить, что отдѣльные хлѣба заняли въ торговомъ обмѣнѣ уже опредѣленное, почти фиксированное мѣсто: тогда какъ пшеницы поступаетъ въ торговое движеніе (желѣзнодорожное и водное) около половины всего урожая, ячменя и овса около четверти, ржи же не болѣе 1/8.

Чтобы отмѣтить тѣ измѣненія, которыя произошли въ этомъ отношеніи въ положеніи отдѣльныхъ хлѣбовъ за болѣе продолжительный промежутокъ времени, сравнимъ данныя послѣдняго пятилѣтія съ цифрами перевозокъ и отношенія ихъ къ урожаю въ пятилѣтіе 1883—1887 годовъ:

	1883—1887.	1900—1904.	Приростъ перевозокъ въ %.
Пшеница, перевозки милл. пуд. .	151,4	281 5	89,9
» % отношеніе къ сбору	51,0	41,0	—
Рожь, перевозки милл. пуд. . .	93,1	147.8	58,8
» % отношеніе къ сбору	12.1	13,2	—
Ячмень, перевозки милл. пуд. .	33,8	83,2	146,1
« % отношеніе къ сбору	28.4	25,0	—
Овесъ, перевозки милл. пуд. . .	93,2	157,4	68,9
% отношеніе къ сбору . .	25,7	28,5	—

Абсолютное приращеніе перевозокъ, т. е. зерна, поступающаго на рынокъ, сильно увеличилось, причемъ на первомъ мѣстѣ въ этомъ увеличеніи стоятъ такіе торговые хлѣба, какъ ячмень и пшеница, на послѣднемъ—рожь, воздѣлываемая главнымъ образомъ для собственного потребленія. Однако, если разсматривать отношеніе перевозокъ къ сбору, то замѣтимъ, что пшеница за всѣ пятилѣтія даетъ правильное паденіе своихъ перевозокъ къ сбору, указывая этимъ на происходящее увеличеніе мѣстнаго потребленія. Рожь (за исключеніемъ первой половины 80-хъ годовъ, отличавшейся крупными урожаями, перепроизводствомъ и усиленнымъ экспортомъ) даетъ, наоборотъ, нѣкоторое возрастаніе своихъ перевозокъ и ихъ отношенія къ сбору. Очевидно, вліяніе рынка и необходимость товарнаго производства ржи все сильнѣе проявляется въ народномъ хозяйствѣ, уменьшая мѣстное народное потребленіе этого продукта ради его продажи на рынкѣ.

Въ приведенныхъ исчисленіяхъ до сихъ поръ не принимались въ разсчетъ гужевые подвозы, вслѣдствіе невозможности сколько нибудь точнаго и полнаго учета ихъ существующей статистикой.

Если, однако, принять въ разсчетъ теоретическія исчисленія гужевыхъ подвозовъ къ приграничнымъ пунктамъ Министерствомъ Путей Сообщенія и прибавить ихъ къ приведеннымъ выше цифрамъ желѣзнодорожныхъ и водныхъ перевозокъ (за исключеніемъ передачъ), то для послѣдняго пятилѣтія 1900—1904 г.г. получимъ слѣдующія приблизительныя суммарныя цифры перевозокъ и ихъ отношенія къ общему производству.

Хлѣба.	Перевозки въ милл. пудовъ. Жел. дорогами и водою.	Гужемъ.	Итого.	Чистый сборъ въ 63 губерн. въ милл. пуд.	Отношеніе суммы перевозокъ къ сбору въ %
Пшеница . .	287,5	119,1	406,6	700,7	57,5
Рожь. . . .	147,8	33,7	181,5	1122,9	16,1
Ячмень. . .	83,2	56,3	139,5	331,4	42,1
Овесъ. . . .	157,4	1,7	159,1	552,7	28,1

Эти цифры желѣзнодорожныхъ, водныхъ и гужевыхъ подвозовъ, какъ сказано, даютъ лишь приблизительное указаніе на размѣры «торговаго» хлѣба, на размѣры хлѣбнаго рынка, т. е. на степень превращенія производимыхъ въ хозяйствѣ хлѣбныхъ продуктовъ въ товаръ, такъ какъ совершенно не касаются тѣхъ громадныхъ гужевыхъ подвозовъ, которые постоянно идутъ по всей территоріи и часто совсѣмъ минуютъ желѣзныя дороги и водные пути. Поэтому, если относительныя цифры предыдущей таблицы принимать за показатель степени развитія товарнаго производства хлѣба, то онѣ должны быть вообще сильно повышены для всѣхъ хлѣбовъ. Особенно значительно должно превосходить дѣйствительное превращеніе зерна въ товаръ, сравнительно съ вычисленнымъ выше, для пшеницы и ржи. Для первой не приняты во вниманіе перевозки мучныхъ продуктовъ, особенно сильно развивающіяся въ послѣдніе годы и лишь немного уступающія перевозкамъ самаго зерна; если предположить, что только половина перевезенной муки приходится на выдѣлку изъ мѣстнаго зерна, то отношеніе поступленій пшеницы на рынокъ къ сбору должно повыситься почти до $^3/_4$ урожая. Для ржи, кромѣ подобнаго же обстоятельства, еще большее значеніе имѣетъ также и громадное, но не учитываемое желѣзнодорожной статистикой развитіе гужевыхъ подвозовъ къ мелкимъ потребительнымъ рынкамъ, громадное число поступленій и продажъ, совершаемыхъ въ предѣлахъ мелкихъ территоріальныхъ и хозяйственныхъ единицъ, совершенно незамѣтныхъ для статистическаго учета, но оказывающихъ вліяніе на положеніе хлѣбнаго рынка.

Поэтому, трудно точно выразить степень превращенія отдѣльныхъ хлѣбовъ въ товаръ, хотя все же очевидна вся разница положенія въ обмѣнѣ отдѣльныхъ хлѣбовъ. Такіе спеціально торговые хлѣба, воздѣлываемые съ торгово-промышленными цѣлями, какъ пшеница и ячмень, поступаютъ на рынокъ въ количествѣ до $^3/_4$ всего сбора, а возможно что и болѣе. Овесъ воздѣлывается, главнымъ образомъ, для внутренняго потребленія, но въ крестьянскихъ хозяйствахъ онъ часто является главнымъ, почти единственнымъ предметомъ сбыта для покрытія денежныхъ нуждъ хозяйства, почему отношеніе его поступленій къ урожаю также значительно. Наконецъ, рожь, являясь прежде всего предметомъ удовлетворенія собственныхъ продовольственныхъ нуждъ, главнымъ образомъ, крестьянскихъ хозяйствъ, идетъ на продажу послѣ всѣхъ другихъ хлѣбовъ, или когда этихъ хлѣбовъ не имѣется, или когда ихъ недостаточно для покрытія денежныхъ потребностей хозяйства. И въ этомъ отношеніи отмѣченное выше непрерывное возрастаніе перевозокъ ржи и овса по отношенію ихъ къ сбору пріобрѣтаетъ особую важность, указывая на внѣдреніе денежныхъ отношеній даже тамъ, гдѣ еще продолжаетъ держаться натуральное удовлетвореніе потребностей, даже на счетъ сокращенія этихъ потребностей и ради удовлетворенія денежныхъ нуждъ хозяйства.

До сихъ поръ мы разсматривали колебанія годовыхъ итоговъ поступленія хлѣбныхъ грузовъ за рядъ послѣднихъ лѣтъ; остается разсмотрѣть годовой періодъ хода хлѣбнаго снабженія. Воспользоваться статистикой желѣзнодорожнаго движенія въ этомъ случаѣ уже невозможно, такъ какъ въ ней не дается мѣсячныхъ поступленій на желѣзныя дороги. Для полученія этихъ данныхъ единственнымъ источникомъ являются приблизительныя цифры подвозовъ хлѣбовъ къ 24 главнымъ внутреннимъ и портовымъ рынкамъ, даваемыя «Вѣстникомъ Финансовъ». Эти цифры обнимаютъ какъ подвозы по желѣзной дорогѣ, такъ и водою, и гужемъ, но лишь къ нѣкоторымъ внутреннимъ торговымъ пунктамъ; вообще же, вслѣдствіе невысокой точности этихъ цифръ, ими можно пользоваться лишь для самыхъ общихъ заключеній объ относительныхъ измѣненіяхъ хода хлѣбнаго снабженія въ теченіе года.

Разсматривая указанія этого источника о годовомъ ходѣ подвозовъ за имѣющіеся годы, т. е. за 1897—1904 г.г. [1]) въ общемъ

[1]) См. приложеніе, табл. V и діагр. II.

итогѣ ко всѣмъ 24 регистрируемымъ внутреннимъ и портовымъ рынкамъ, находимъ, что наименьшіе размѣры поступленій зерна на рынки приходятся обыкновенно на іюнь—іюль; на эти мѣсяцы падаетъ минимумъ поступленій во всѣ разсматриваемые годы и для всѣхъ хлѣбовъ. Большею частью съ іюля, иногда съ августа, сообразно ходу жатвы и реализаціи урожая, начинаетъ уже увеличиваться и поступленіе зерна на рынокъ. Это увеличеніе наступаетъ весьма рѣзко и идетъ такъ быстро, что поступленія обыкновенно уже въ сентябрѣ, а иногда и въ августѣ достигаютъ своего годового максимума. Такъ, взявъ пшеницу, получаемъ такой ходъ ея поступленій за лѣтніе мѣсяцы, причемъ годовой минимумъ за всѣ годы падаетъ на іюль, а годовой максимумъ (напечатанный жирнымъ шрифтомъ)—на августъ или сентябрь; милл. пудовъ [1]):

	Іюль. годовой минимумъ.	Августъ.	Сентябрь.
1897	6,7	21,5	**21,9**
1898	2,6	12,4	**23,5**
1899	2,2	9,4	**14,4**
1900	5,6	**15,7**	12,4
1901	4,9	**17,7**	17,2
1902	4,4	16,0	**19,4**
1903	6,8	17,9	**26,8**
1904	7,8	20,4	**31,5**

Что касается другихъ хлѣбовъ, ржи и овса, то ихъ поступленіе на рынокъ большею частью нѣсколько запаздываетъ сравнительно съ пшеницей, такъ какъ само созрѣваніе и снятіе урожая происходитъ позже; но въ общемъ ходъ поступленій сохраняется тѣмъ же.

Однако, если разсматривать скорость и характеръ поступленій зерна въ отдѣльности для группы внутреннихъ рынковъ и портовъ, то обнаружится въ этомъ отношеніи существенная разница. Если взять, напр., пшеницу, то годовой максимумъ поступленій ея въ портовые рынки приходится исключительно на августъ—сентябрь, въ октябрѣ уже отмѣчается уменьшеніе поступленій, заканчивающееся глубокимъ минимумомъ въ теченіе января—февраля; послѣ этого снова начинается возрастаніе поступленій, доходящее въ маѣ до максимума, но не столь значительнаго, какъ

[1]) Вычислено по статистическимъ даннымъ хлѣбной торговли въ «Вѣстникѣ Финансовъ» за соотв. годы.

осенній; въ іюлѣ поступленія снова доходятъ до глубокаго минимума, чтобы рѣзко подняться и достигнуть максимума въ августѣ—сентябрѣ. Такимъ образомъ, въ графическомъ изображеніи годовой ходъ поступленій пшеницы къ портовымъ рынкамъ выразится двойной волной съ двумя minimum'ами (февраль, іюль) и двумя maximum'ами (май, сентябрь).

Иной ходъ поступленій пшеницы на внутренніе рынки: довольно значительныя январьскія и февральскія поступленія медленно сокращаются въ апрѣлѣ—маѣ, доходя къ іюлю до минимума, послѣ чего вновь начинаютъ сравнительно медленно возрастать, лишь въ октябрѣ достигая максимума, но держась и въ остальные два мѣсяца года высокихъ цифръ; графически ходъ поступленій къ внутреннимъ рынкамъ изобразится, слѣдовательно, вогнутой линіей, низшая точка которой приходится на апрѣль—май.

Если взять среднія поступленія по четвертямъ года, то для портовыхъ и внутреннихъ рынковъ ходъ поступленій въ среднемъ за 3 мѣсяца по отдѣльнымъ четвертямъ года за періодъ 1897—1904 годовъ выразится слѣдующими цифрами, въ милліонахъ пудовъ:

	Пшеница.	
	Портовые рынки.	Внутренніе рынки.
Январь—мартъ . . .	15,3	3,0
Апрѣль—іюнь	23,0	1,3
Іюль—сентябрь . . .	39,0	3,2
Октябрь—декабрь . .	35,1	3,9

Точно таковъ же ходъ поступленій и для другихъ хлѣбовъ; производя, напр., соотвѣтствующія исчисленія для ржи, получаемъ слѣдующія цифры поступленій ея на регистрируемые внутренніе и портовые рынки въ среднемъ за отдѣльныя четверти года, въ милліонахъ пудовъ:

	Рожь:	
	Портовые рынки.	Внутренніе рынки.
Январь—мартъ . . .	6,8	4,2
Апрѣль—іюнь	12,5	2,0
Іюль—сентябрь . . .	14,4	3,8
Октябрь—декабрь . .	12,1	3,1

Отсюда видна вся разница условій снабженія и поступленій зерна на внутренніе рынки и въ портовые города, т. е., главнымъ

образомъ, на экспортные рынки (поскольку сами портовые города не являются внутреннимъ потребителемъ). Тотчасъ послѣ снятія жатвы, т. е. реализаціи урожая, главныя массы направляются по желѣзнымъ дорогамъ къ портамъ для вывоза; уже въ августѣ—сентябрѣ поступленія къ портамъ достигаютъ максимальныхъ цифръ и держатся на высокомъ уровнѣ до октября. Въ это время экспортъ хлѣбовъ также достигаетъ максимальныхъ цифръ, но все же онъ не успѣваетъ исчерпывать всѣ поступленія; мы указывали, что, дѣйствительно, обыкновенно къ ноябрю торговые запасы въ портахъ увеличиваются и достигаютъ максимума; внѣшній рынокъ, очевидно, насыщенъ усиленнымъ и даже избыточнымъ предложеніемъ, такъ что экспортъ не можетъ даже использовать всю массу поступленій. Частью подъ давленіемъ этой причины, частью благодаря условіямъ транспорта (закрытіе навигаціи, обычныя въ это время залежи), вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ рѣзкое сокращеніе поступленій зерна къ портамъ, держащееся до весны на минимальныхъ числахъ; однако, за это время запасы въ портахъ хотя и уменьшаются, но не рѣзко, а постепенно; экспортъ же даже увеличивается, будучи, очевидно, настолько обезпеченъ имѣющейся зерновой наличностью, что даже рѣзкое уменьшеніе поступленій не отражается на немъ. Обратное явленіе отмѣчается для весеннихъ мѣсяцевъ: рѣзкое повышеніе поступленій въ апрѣлѣ — маѣ, идущихъ очевидно изъ болѣе отдаленныхъ раіоновъ водою, не только не отражается увеличеніемъ запасовъ въ портахъ, но наоборотъ сопутствуетъ уменьшенію ихъ; дѣйствительно, экспортъ за апрѣль—май достигаетъ часто максимальныхъ въ году цифръ, на внѣшній рынокъ выбрасываются послѣднія массы имѣющагося въ странѣ зерна, а вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ отмѣчаться и быстрое истощеніе запасовъ и уменьшеніе экспорта. Понятно, указанный ходъ является только общей схемой, такъ какъ разныя частныя обстоятельства и условія внутренняго предложенія и внѣшняго спроса могутъ въ каждый данный годъ значительно видоизмѣнять правильность указанной схемы. Общія схемы годового хода запасовъ, поступленій и экспорта и представлены ниже въ діаграммахъ I и II.

Гораздо болѣе трудно выясненіе характера поступленій зерна къ внутреннимъ рынкамъ въ сопоставленіи этихъ поступленій съ размѣрами накопляющейся и расходуемой зерновой наличности. Здѣсь, во-первыхъ, совершенно отсутствуетъ одинъ элементъ, довольно точно учитываемый для портовъ—потребительный расходъ

зерна, которому для портовыхъ рынковъ соотвѣтствуетъ экспортъ. Затѣмъ, какъ мы уже говорили, имѣющіяся цифры поступленій содержатъ, главнымъ образомъ, поступленія по желѣзнымъ дорогамъ, гужевыя же и водныя поступленія учитываются въ значительно меньшей степени. Между тѣмъ и географическое положеніе портовыхъ и внутреннихъ рынковъ, и самыя условія торговыхъ оборотовъ вліяютъ въ смыслѣ преобладанія гужевыхъ подвозовъ къ внутреннимъ рынкамъ и желѣзнодорожныхъ—къ портовымъ. Поэтому наши цифры въ значительно болѣе полной мѣрѣ покрываютъ дѣйствительныя поступленія къ портовымъ рынкамъ, чѣмъ къ внутреннимъ; снабженіе же этихъ послѣднихъ гужевыми подвозами учитывается далеко не полно.

Если сопоставить ходъ поступленій зерна на внутренніе рынки съ размѣрами зерновой наличности, то окажется, что осенній ростъ поступленій сопровождается и крупнымъ увеличеніемъ зерновой наличности на внутреннихъ рынкахъ; весеннему же maximum'у запасовъ на внутреннихъ рынкахъ не предшествуетъ указанія на увеличеніе подвозовъ. Если разсматривать ближе причины этого явленія, то окажется, что причина крупнаго увеличенія запасовъ къ маю—іюню лежитъ въ громадныхъ поступленіяхъ водою къ Рыбинску. Этотъ пунктъ не учитываеся нашей статистикой по отношенію къ подвозамъ, но учитывается при исчисленіи запасовъ. Между тѣмъ Рыбинскъ собираетъ, какъ извѣстно, хлѣбъ съ пристаней всего волжско-камско-окскаго раіона, для дальнѣйшихъ отправокъ на сѣверъ, сѣверо-западъ, въ Ригу, въ Либаву, въ Финляндію, въ С.-Петербургъ, т. е. не только на внутренній потребительный рынокъ, но также и на внѣшній рынокъ. Поэтому правильность указанной выше схемы—сильнаго паденія зерновой наличности весною внутри страны не нарушается: именно за счетъ ея идетъ увеличеніе поступленій, подвозовъ и запасовъ въ портовыхъ рынкахъ, вмѣстѣ съ чѣмъ, понятно, и увеличиваются размѣры внѣшняго экспорта. Какъ осенью реализованный урожай поступаетъ быстрѣе всего въ портовые рынки для удовлетворенія экспорта, такъ и весною, съ открытіемъ навигаціи и увеличеніемъ поступленій, они направляются, прежде всего, на внѣшній рынокъ, не увеличивая запасовъ внутренняго снабженія.

Имѣющіяся у насъ данныя о ходѣ и о размѣрахъ поступленій на внутренній и на внѣшній рынокъ, вслѣдствіе краткости періода,

не позволяютъ заключить изъ нихъ, насколько съ теченіемъ времени увеличилась скорость поступленій зерна на внѣшній рынокъ. Но для этого можно воспользоваться и другими цифрами, именно измѣненіемъ распредѣленія по мѣсяцамъ нашего хлѣбнаго экспорта. Дѣйствительно, если мы прослѣдимъ скорость ухода зерна заграницу, то получимъ слѣдующія данныя. За предшествовавшія 3 десятилѣтія отпускъ хлѣба заграницу происходилъ по четвертямъ года въ слѣдующихъ процентныхъ отношеніяхъ ко всему вывозу [1]):

Сельскохозяйственные годы.	Сентябрь-ноябрь.	Декабрь-февраль.	Мартъ-апрѣль.	Іюль-Августъ.
$187^3/_4$—$187^7/_8$. .	26,3	12,7	31,2	29,3
$187^8/_9$—$188^2/_3$. .	26,4	15,1	26,6	28,9
$188^3/_4$—$188^7/_8$.	31,4	16,2	26,2	26,2
$188^8/_9$—$189^2/_3$.	31,5	15,4	26,5	26,6
$189^3/_4$—$189^7/_8$.	30,9	17,4	27,2	25,2
$1899/_{900}$—$190^1/_2$	32,0	15,5	26,3	26,3
$190^2/_3$—$190^3/_4$.	35,5	17,3	23,0	24,2

Относительное увеличеніе экспорта приходится исключительно на первые мѣсяцы сельскохозяйственнаго года, сентябрь—ноябрь, тогда какъ въ позднѣйшіе мѣсяцы размѣры экспорта все болѣе падаютъ. Причина этого явленія, какъ уже приходилось неоднократно указывать, лежитъ частью въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ торговыхъ условій, которыя произошли въ организаціи всей нашей хлѣбной торговли, но главнымъ образомъ въ тѣхъ общихъ хозяйственныхъ перемѣнахъ и въ перераспредѣленіи географическихъ производительныхъ раіоновъ, которыя особенно быстро пошли въ послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ.

[1]) Составлена на основаніи «Сборника свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи», подъ ред. *Покровскаго*. Спб., 1902 г., «Матеріаловъ по пересмотру тарифовъ въ 1904 г.», Спб., 1904 г. и «Статистики внѣшней торговли».

IV. Географическое распредѣленіе движенія хлѣбныхъ грузовъ.—Характеръ внутренняго и вывознаго сообщенія.—Ростъ внутренняго рынка и конкурренція на немъ отдѣльныхъ раіоновъ.—Окраины и центръ на внутреннемъ рынкѣ.

При изученіи географическаго распредѣленія движенія хлѣбныхъ грузовъ, т. е. при изученіи роли и значенія отдѣльныхъ производительныхъ раіоновъ въ снабженіи потребительныхъ и экспортныхъ рынковъ, по недостатку статистическихъ матеріаловъ и затруднительности ихъ обработки приходится ограничиваться, главнымъ образомъ, цифрами о перевозкахъ хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ. Только относительно этихъ перевозокъ можно извлечь изъ существующихъ матеріаловъ данныя о распредѣленіи отправокъ и полученій по отдѣльнымъ губерніямъ и мѣстностямъ; для водныхъ перевозокъ это представляетъ уже больше затрудненій, для гужевыхъ же совершенно невозможно. Впрочемъ, нужно замѣтить, что, съ одной стороны, желѣзнодорожныя перевозки охватываютъ, какъ мы видѣли, громадную часть всего хлѣбнаго торговаго движенія; съ другой стороны, для перевозокъ на далекія разстоянія гужевой подвозъ вообще не играетъ роли; поэтому желѣзнодорожныя перевозки изъ одного раіона въ другіе хотя и не покрываютъ окончательно всѣхъ отправокъ и полученій, но все же даютъ достаточно вѣрную картину торговаго обмѣна отдѣльныхъ раіоновъ. Только для тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ отсутствуютъ желѣзнодорожные пути и преобладаютъ водные, правильность соотношеній установить труднѣе. Наконецъ, условія внутренняго снабженія отдѣльныхъ раіоновъ самихъ въ себѣ одними желѣзнодорожными перевозками изучить уже невозможно, такъ какъ здѣсь громадную, иногда преобладающую роль играютъ именно гужевые подвозы.

Для выясненія экспортной способности отдѣльныхъ губерній, поскольку она находитъ выраженіе въ желѣзнодорожныхъ отправкахъ, разсмотримъ цифры желѣзнодорожной статистики за послѣдніе 1898—1902 гг. [1]). Въ среднемъ за эти годы на первомъ мѣстѣ въ отношеніи отправокъ всѣхъ вообще хлѣбовъ стоятъ губерніи средневолжскія, новороссійскія и центрально-земледѣльческія; при этомъ, однако, нужно замѣтить, что желѣзнодорожныя

[1]) См. приложеніе VI. таблицу, составленную на основаніи «Сводной статистики» д-та желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

перевозки для первыхъ двухъ группъ губерній далеко не полно покрываютъ всѣ дѣйствительныя отправки, съ одной стороны, вслѣдствіе развитія гужевыхъ перевозокъ въ новороссійскихъ губерніяхъ, съ другой—вслѣдствіе крупныхъ отправокъ водою средневолжскихъ губерній. По размѣрамъ желѣзнодорожныхъ отправокъ особенно выдѣляются: изъ губерній новороссійскихъ—Херсонская губернія, отправлявшая въ разсматриваемые годы въ среднемъ въ годъ 47,8 милліоновъ пудовъ шести главныхъ хлѣбныхъ грузовъ, Екатеринославская, Кубанская и Донская обл., изъ малороссійскихъ—Полтавская губ., изъ центрально-земледѣльческихъ—Тамбовская, изъ средневолжскихъ—Саратовская и Самарская губ., и изъ заволжскихъ—Оренбургская.

Нѣсколько иное соотношеніе губерній получается при разсмотрѣніи отправокъ отдѣльныхъ хлѣбовъ. На первомъ мѣстѣ по отправкамъ пшеницы стоятъ губерніи Херсонская (25,8 милл. пуд.), Самарская (17,5 милл. пуд.), область войска Донского (14,9 милл. пуд.) и Кубанская (13,9 милл. пуд.), а также Саратовская (11,6 милл. пуд.) и Оренбургская (13,1 милл. пудовъ). Остальныя новороссійскія, юго-западныя и малороссійскія губ. отправляютъ 6—8 милл. пудовъ пшеницы. На первомъ мѣстѣ по отправкамъ ржи стоятъ Тамбовская губ. съ 15,8 милл. пудовъ и Саратовская—12,9 милл. пудовъ; довольно много отправляетъ также Херсонская губ.—около 7,8 милл. пуд.; остальныя же производительныя губерніи съ болѣе или менѣе крупными отправками: новороссійскія (за исключеніемъ Таврической съ ничтожными отправками), юго-западныя, центрально-земледѣльческія вывозятъ не болѣе 3,5 — 5,5 милл. пудовъ. Что касается овса, то главный раіонъ его отправокъ занимаютъ губерніи центрально-земледѣльческія, но вообще отправки овса болѣе, чѣмъ другого хлѣба, представляются разсѣянными по всѣмъ губерніямъ, такъ что большинство губерній даже не производительныхъ раіоновъ отправляетъ часто до полумилліона пудовъ овса; кромѣ того, нужно также принять во вниманіе, что объ отправкахъ одного изъ крупнѣйшихъ производительныхъ овсяныхъ раіоновъ — камскаго — желѣзнодорожныя перевозки совершенно ничего не говорятъ. Наконецъ, отправки ячменя идутъ, главнымъ образомъ, изъ нѣкоторыхъ новороссійскихъ, юго-западныхъ и малороссійскихъ, даже изъ Лифляндской г.; въ остальныхъ губерніяхъ отправки не превышаютъ нѣсколькихъ сотенъ, а большею частью нѣсколькихъ десятковъ тысячъ пудовъ.

Въ распредѣленіи раіоновъ по размѣрамъ хлѣбныхъ полученій выступаетъ, съ одной стороны, потребительный ихъ характеръ, съ другой — посредническая роль нѣкоторыхъ раіоновъ для дальнѣйшихъ отправокъ на внутренній-ли рынокъ, или за-границу; поэтому полученія нѣкоторыхъ производительныхъ раіоновъ могутъ быть весьма крупными, такъ же какъ потребительныхъ—ничтожными. Поэтому особенно велики полученія южныхъ губерній (Херсонская, обл. войска Донского, Кубанская обл.), а также трехъ прибалтійскихъ губерній, благодаря преобладанію въ нихъ полученій въ цѣляхъ дальнѣйшаго экспорта. Какъ потребительный и въ то же время экспортный пунктъ, по размѣрамъ полученій выдѣляется С.-Петербургская губ. съ полученіями въ 47,5 милл. пуд. главныхъ хлѣбныхъ грузовъ; какъ чисто потребительный центръ — Московская губ. съ полученіями въ 38,7 милл. пуд. Крупныя полученія для дальнѣйшихъ переотправокъ наблюдаются въ губерніяхъ средневолжскихъ, какъ производительныхъ, такъ и потребительныхъ. Весьма значительны также полученія центрально-земледѣльческихъ губерній, частью въ цѣляхъ потребленія, частью въ цѣляхъ переработки зерна въ муку и дальнѣйшей отправки: въ особенности въ губерніяхъ Орловской и Тамбовской ясно сказывается этотъ характеръ превышенія поступленій зерна надъ отправками и въ то же время превышеніе отправокъ муки надъ поступленіями. Наконецъ, чисто потребительный характеръ поступленій, превышающихъ собственныя отправки, обнаруживается вообще во всемъ раіонѣ нечерноземныхъ (промышленныхъ, сѣверныхъ, приозерныхъ, сѣверо-западныхъ и западныхъ) губерній.

Однако, какъ мы сказали, съ помощью желѣзнодорожныхъ перевозокъ нельзя вообще выяснить потребительный и производительный характеръ отдѣльныхъ раіоновъ, такъ какъ соотношеніе раіоновъ значительно видоизмѣняется, если къ желѣзнодорожнымъ перевозкамъ присоединить водныя. Въ этомъ случаѣ, прежде всего, Ярославская губернія, съ превышеніемъ желѣзнодорожныхъ отправокъ надъ полученіями, обратится въ губернію потребляющую, т. е. съ превышеніемъ полученій; то же самое касается и Костромской и Нижегородской губ.; затѣмъ еще болѣе усилится потребительное значеніе Петербургской губерніи, получающей кромѣ громадныхъ количествъ хлѣба по желѣзной дорогѣ, также зерно и муку, идущія по воднымъ путямъ изъ волжскаго раіона; вмѣстѣ съ

тѣмъ еще болѣе усилится производительное значеніе средневолжскихъ губерній, отпускающихъ главныя массы зерна не по желѣзнымъ дорогамъ, а водой. Но необходимо, кромѣ того, отмѣтить, что и этимъ не исчерпывается вполнѣ вопросъ о соотношеніи раіоновъ; такъ, нѣкоторые раіоны съ громаднымъ преобладаніемъ полученій являются въ то же время раіонами чисто-производительными; это именно новороссійскія губернія, въ которыхъ преобладаніе полученій обусловливается экспортомъ заграницу; въ такомъ же положеніи находится раіонъ прибалтійскихъ губерній, потребительное значеніе которыхъ значительно меньше полученій, такъ какъ громадная часть ихъ идетъ на экспортъ.

Ограничиваясь пока этими общими указаніями, можно установить дѣленіе всѣхъ мѣстностей Европ. Россіи на раіоны съ дѣйствительнымъ потребительнымъ и производительнымъ характеромъ. Въ среднемъ за 1898—1902 гг. изъ 63 губерній Европ. Россіи 33 являются съ преобладаніемъ потребительныхъ полученій всѣхъ вообще хлѣбовъ и 30 съ преобладаніемъ собственныхъ отправокъ; граница этихъ двухъ главныхъ раіоновъ близко совпадаетъ съ границей черноземной полосы, раздѣляя, такимъ образомъ, всю Россію на двѣ различныхъ по хозяйственному положенію полосы, изъ которыхъ одна служитъ рынкомъ и мѣстомъ сбыта сельскихъ произведеній другой. Однако, для отдѣльныхъ хлѣбовъ получаются и здѣсь весьма существенныя различія: отправки пшеницы преобладаютъ надъ полученіями всего въ 20 губерніяхъ; ржи въ 29 губерніяхъ, овса 34 губерніяхъ, ячменя въ 18 губерніяхъ, муки пшеничной и ржаной въ 28 губерніяхъ. Эти губерніи и являются производительными раіонами, работающими для удовлетворенія какъ внутренняго потребительнаго спроса, такъ и внѣшняго рынка. Значеніе этихъ двухъ, весьма различныхъ по характеру своему, рынковъ — внѣшняго и внутренняго — рѣзко сказывается и на хозяйственныхъ, и на торговыхъ условіяхъ работающихъ на нихъ раіоновъ, часто производя коренныя измѣненія всей экономической жизни тѣхъ или другихъ мѣстностей, въ зависимости отъ характера идущихъ требованій, возможности ихъ удовлетворенія и конкурренціи отдѣльныхъ производительныхъ мѣстностей въ удовлетвореніи этихъ потребностей.

Для выясненія соотношенія внутренняго и внѣшняго рынка и значенія того и другого для разныхъ раіоновъ воспользуемся принятымъ въ желѣзнодорожной статистикѣ дѣленіемъ движенія грузовъ на движеніе въ вывозномъ и во внутреннемъ сообщеніи. Хотя благодаря нахожденію въ нѣкоторыхъ вывозныхъ пунктахъ также и крупныхъ потребительныхъ рынковъ (С.-Петербургъ, Одесса, Рига), вывозное сообщеніе служитъ частью и для удовлетворенія внутренняго спроса, если зерно направляется въ эти пункты не для дальнѣйшаго вывоза, а для собственнаго потребленія, однако въ общемъ это дѣленіе движенія грузовъ на вывозное и внутреннее все же можетъ служить указателемъ соотношенія внутренняго и внѣшняго рынка.

Если сравнимъ размѣры вывозного и внутренняго сообщенія за болѣе продолжительный періодъ времени, то получимъ слѣдующія цифры движенія 6 главныхъ хлѣбныхъ грузовъ [1]).

Г О Д Ы.	Вывозное сообщеніе.	Внутреннее сообщеніе.	Вывозное сообщеніе.	Внутреннее сообщеніе.
	Милліоны пудовъ.		Ростъ движенія, въ %.	
1876—1880	161,2	120.5	100	100
1881—1885	195,3	171.9	119	143
1886—1890	235.5	186.3	146	155
1891—1895	219.3	257.0	136	214
1895—1898	231.4	291.2	144	242
1898—1902	249.3	264.0	154	220

Такимъ образомъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда имѣлись только главныя желѣзнодорожныя магистрали, вывозное движеніе превышало внутреннее; но развитіе этого послѣдняго идетъ гораздо быстрѣе перваго, почему уже съ девяностыхъ годовъ получается преобладаніе внутренняго движенія надъ вывознымъ. Еще рельефнѣе это обнаруживается при разсмотрѣніи движенія отдѣльныхъ хлѣбовъ въ вывозномъ и внутреннемъ сообщеніи; взявъ средніе размѣры движенія за три періода, получаемъ слѣдующую таблицу движенія хлѣбныхъ грузовъ, въ милліонахъ пудовъ:

	1876—1880.		1893—1896.		1898—1902.	
	Вывозн. сообщ.	Внутр. сообщ.	Вывозн. сообщ.	Внутр. сообщ.	Вывозн. сообщ.	Внутр. сообщ.
Пшеница	50.6	24.8	107.0	64.7	78,8	78,2
Рожь	46.2	25.3	39,6	35,0	52,1	32,5
Овесъ	38.2	19,8	68,9	37,6	55,3	46,3
Ячмень	11.2	4,3	50,0	11,2	33,9	10,3
Мука	12,8	12,0	21,1	86,4	30,1	96,6

[1]) По даннымъ «Сводной статистики» департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ См. также «Матеріалы по пересмотру тарифовъ въ 1904 году».

Пшеница, перевозившаяся въ семидесятыхъ годахъ въ вывозномъ сообщеніи въ количествѣ вдвое большемъ, чѣмъ во внутреннемъ, въ девятисотыхъ годахъ перевозится уже въ равныхъ количествахъ и въ томъ, и въ другомъ: возрастаніе внутренняго движенія за счетъ вывознаго отмѣчается также для овса и ржи; преобладаніе вывознаго сообщенія отмѣчается попрежнему лишь для ячменя; перевозки муки хотя и развиваются относительно болѣе быстро въ вывозномъ сообщеніи, но абсолютно въ подавляющихъ размѣрахъ идутъ во внутреннемъ сообщеніи. Такимъ образомъ, это данныя ясно показываютъ, что если до сихъ поръ наши желѣзныя дороги и наша хлѣбная торговля по абсолютнымъ размѣрамъ оборотовъ и работаютъ главнымъ образомъ ради внѣшняго рынка, то все же безусловно, что расширеніе внутренняго потребительнаго рынка, связанное съ развитіемъ городской жизни и съ увеличеніемъ промышленнаго населенія, съ каждымъ годомъ начинаетъ играть все большую и большую роль; поэтому понятнымъ является также и особенно сильный ростъ движенія пшеничныхъ грузовъ, указывающій на сильное увеличеніе потребленія пшеницы внутри страны.

Отдѣльныя производительныя губерніи въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ значительное различіе, съ преобладаніемъ то внутреннихъ, то вывозныхъ отправокъ. Такъ, въ 1895 году общіе итоги перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ въ разныхъ группахъ губерній, въ процентахъ [1]).

ГУБЕРНІИ.	Вывозное сообщеніе.	Внутреннее сообщеніе.
Центрально-земледѣльческія . .	42,1	57,9
Приволжскія	47,0	53,0
Новороссійскія	75,4	24,6
Юго-западныя	72,8	27,2
Малороссійскія	46,5	53,5

Новороссійскій и юго-западный край работаютъ, главнымъ образомъ, на экспортный рынокъ, причемъ для отдѣльныхъ губерній этого раіона преобладаніе экспортныхъ отправокъ подчеркивается еще сильнѣе; напр. въ Бессарабской губ. 84,6% всѣхъ отправокъ идетъ на внѣшній рынокъ, въ Херсонской 88,1%, въ Таврической

[1]) Матеріалы по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ въ 1896 г. В. I—V. Спб. 1897.

93,0%, въ Кіевской 83,5%. Наоборотъ, изъ губерній центрально-земледѣльческихъ Воронежская губ. 75,5% своего хлѣба отправляетъ на внутренній рынокъ, Тамбовская 61%, Самарская 78,2% и Оренбургская 90,5%; впрочемъ относительно послѣднихъ двухъ губерній нужно замѣтить, что цифры желѣзнодорожныхъ отправокъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей, такъ какъ для Самарской губ. болѣе значительная часть грузовъ идетъ водой, а не желѣзной дорогой, для Оренбургской же губерніи преобладаніе внутреннихъ отправокъ происходитъ частью потому, что грузы идутъ до волжскихъ пристаней для дальнѣйшихъ отправокъ водой къ Рыбинску, откуда зерно идетъ какъ на внутренній, такъ и на внѣшній рынокъ. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе это обстоятельство, то окажется, что губерніями съ преобладаніемъ вывозныхъ отправокъ будутъ юго-западныя, новороссійскія, сѣверокавказскія и средневолжскія, какъ губерніи съ дѣйствительнымъ избыткомъ хлѣба собственнаго производства, и частью сѣверо-западныя и прибалтійскія, отправляющія зерно на вывозъ не благодаря избытку въ производствѣ, но благодаря близости портовыхъ рынковъ. Губерніями же, работающими на внутренній рынокъ, являются, главнымъ образомъ, губерніи центрально-земледѣльческія, большая часть малороссійскихъ и частью поволжскія — другими словами, тѣ губерніи, которыя по самому географическому мѣстоположенію своему тяготѣютъ къ ближе отъ нихъ расположеннымъ главнымъ внутреннимъ потребительнымъ центрамъ.

Это разграниченіе раіоновъ въ торговомъ обмѣнѣ, этотъ ихъ «естественный подборъ» для служенія цѣлямъ того или другого рынка имѣетъ въ настоящее время громадное торговое и экономическое значеніе. Представляясь результатомъ частью естественнаго географическаго положенія, частью желѣзнодорожной и тарифной политики, оно, во всякомъ случаѣ, могло явиться лишь послѣ того, когда всѣ раіоны, и отдаленные, и ближайшіе были связаны какъ съ внутреннимъ, такъ и съ внѣшнимъ рынкомъ желѣзными дорогами и были, такимъ образомъ, сравнены въ условіяхъ транспорта. Первоначально желѣзныя дороги соединили главнымъ образомъ центральный производительный раіонъ, съ одной стороны, съ портами, съ другой—съ главнымъ внутреннимъ рынкомъ—Москвою. Не находившему до сихъ поръ сбыта центральному хлѣбу былъ сразу предоставленъ широкій выходъ и центральныя губер-

міи получили преимущество передъ пользовавшимися лишь собственными путями—гужевыми или водными—южными и волжскими губерніями. Однако, какъ только желѣзныя дороги прошли и въ эти губерніи, преимущество центральныхъ губерній снова исчезло, и между окраинами и центромъ возникла ожесточенная конкурренція изъ за рынковъ.

Обладая болѣе дѣвственной и плодородной почвой, болѣе экстенсивными и дешевыми формами производства, окраины, понятно, стали легко побѣждать своимъ болѣе дешевымъ и болѣе хорошимъ хлѣбомъ центральное земледѣліе, поставляя сначала на внѣшній, а затѣмъ постепенно и на внутренній рынокъ все большія количества наиболѣе цѣнныхъ хлѣбовъ; дифференціальный общій тарифъ также, какъ мы видѣли, способствовалъ такой побѣдѣ отдаленныхъ окраинъ надъ центромъ. Начались, съ одной стороны, жалобы на обременительность тарифовъ на короткія внутреннія сообщенія; съ другой стороны—произошли перемѣны и въ самихъ предметахъ сбыта продуктовъ центральнаго земледѣлія на внѣшній и внутренній рынокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно было измѣниться и направленіе самого производства: центръ все болѣе сталъ спеціализироваться, сообразно почвеннымъ и другимъ условіямъ, на производствѣ сѣрыхъ, болѣе дешевыхъ хлѣбовъ, въ особенности овса, уступая окраинному земледѣлію въ сбытѣ пшеницы сначала внѣшній, а затѣмъ и внутренній рынокъ.

Дѣйствительно, обращаясь къ цифрамъ желѣзнодорожной статистики перевозокъ, находимъ, несмотря на ея недостаточность, полное подтвержденіе этого. Если сравнить средніе размѣры длины пробѣга хлѣбныхъ грузовъ, то оказывается, что онъ значительно длиннѣе для вывознаго сообщенія, чѣмъ для внутренняго. Такъ, за послѣдніе годы для главныхъ хлѣбныхъ грузовъ длина пробѣга была, въ верстахъ [1]).

Годы.	Вывозное сообщеніе.	Внутреннее сообщеніе.
1889 . . .	659	381
1893 . . .	619	420
1895 . . .	670	492
1898 . . .	867	487
1899 . . .	824	460
1900 . . .	1.019	485
1901 . . .	761	505
1902 . . .	665	504

[1]) Составл. по «Матеріаламъ по пересмотру тарифовъ», 1896 и 1904 гг.

Въ общемъ колеблясь, въ зависимости отъ высоты урожая въ тѣхъ или другихъ раіонахъ, отношеніе между пробѣгомъ въ вывозномъ и внутреннемъ сообщеніи всегда въ значительной мѣрѣ въ пользу перваго; другими словами, вывозъ питается, главнымъ образомъ, хлѣбомъ наиболѣе отдаленныхъ окраинъ, тогда какъ на внутренній рынокъ хлѣбъ идетъ изъ болѣе или менѣе небольшого, тѣснаго раіона. Но и въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что тогда какъ вывозное сообщеніе почти не обнаруживаетъ какого-либо правильнаго возрастанія длины пробѣга, во внутреннемъ сообщеніи длина пробѣга неизмѣнно и почти совершенно правильно увеличивается, указывая этимъ на возрастающую роль на внутреннемъ рынкѣ хлѣба отдаленныхъ раіоновъ.

Отдѣльные хлѣбные грузы обнаруживаютъ и здѣсь существенное различіе; такъ, средняя длина пробѣга различныхъ грузовъ въ вывозномъ и внутреннемъ сообщеніи за послѣдніе годы была, въ верстахъ [2]):

Грузы.	1895.		1900.		1902.	
	Вывозное.	Внутреннее.	Вывозное.	Внутреннее.	Вывозное.	Внутреннее.
Пшеница . . .	355	339	904	361	303	337
Рожь	803	638	1,071	463	638	633
Овесъ	1,005	440	1,155	492	1,027	438
Ячмень	365	103	398	487	407	558
Мука, крупа и солодъ. . . .	1,025	576	1,050	596	1,048	649
Отруби и выжимки	1,165	303	1,217	366	956	375

Пшеница поступаетъ на внѣшній рынокъ вообще съ болѣе далекихъ разстояній, чѣмъ на внутренній; еще болѣе съ громадныхъ разстояній поступаютъ на экспортъ рожь, а въ особенности овесъ и мука, тогда какъ внутренній рынокъ пользуется главнымъ образомъ ближайшими раіонами. Чтобы точнѣе выяснить характеръ и значеніе этого различія, необходимо ближе остановиться на движеніи разныхъ хлѣбныхъ грузовъ съ одной стороны къ различнымъ пунктамъ вывоза, съ другой—къ главнымъ внутреннимъ потребительнымъ рынкамъ, такъ какъ отдаленностью ихъ отъ тяготѣющихъ производительныхъ раіоновъ и обусловливается та или другая длина пробѣга къ нимъ различныхъ грузовъ.

[1]) «Матеріалы по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ» 1896 и 1904 гг.

По важности и размѣрамъ экспорта среди пунктовъ вывоза выдѣляются двѣ группы портовыхъ рынковъ—балтійскіе и черноморско-азовскіе; западная сухопутная граница имѣетъ уже значительно меньшее значеніе, остальные же пункты не только еще менѣе значущи, но до послѣдняго времени совсѣмъ не имѣли желѣзнодорожнаго сообщенія. Черноморскіе порты, лежащіе на границѣ обширной и плодородной пшенично-ячменной производительной полосы, естественно должны были привлекать къ себѣ громадныя количества пшеничныхъ и ячменныхъ грузовъ тѣмъ или другимъ способомъ транспорта; наоборотъ, балтійскіе порты, расположенные въ полосѣ малоплодородной, съ избыткомъ на вывозъ развѣ только одного овса, до проведенія желѣзныхъ дорогъ стояли въ гораздо худшихъ условіяхъ. Соединеніе балтійскихъ портовъ съ центральнымъ производительнымъ раіономъ, какъ мы сказали, дало выходъ хлѣбу этого раіона именно въ балтійскіе порты; въ особенности послѣ соединенія съ ними непрерывнымъ путемъ волжскихъ пристаней (Рыбинскъ, Сызрань, Саратовъ) все большія количества хлѣбовъ стали экспортироваться именно чрезъ балтійскіе порты. Но съ времени развитія южной желѣзнодорожной сѣти южные порты стали снова пользоваться преимуществами своего географическаго положенія въ привлеченіи къ себѣ хлѣбныхъ грузовъ.

Дѣйствительно, прибытіе всѣхъ 6 главныхъ хлѣбныхъ грузовъ въ 1876—80 гг. распредѣлялось между тремя главными группами экспортныхъ пунктовъ такъ: черноморско-азовскіе порты получали въ среднемъ за годъ 47,0 милл. пуд., балтійскіе—60,1 милл. пуд. и западная сухопутная граница 26,7 милл. пуд.; въ 1893—96 гг. черноморско-азовскіе порты получали уже 145,4 милл. пуд., балтійскіе 92,5 милл. пуд. и западная граница—21,7 милл. пуд. Такимъ образомъ, хотя полученія всѣхъ портовъ абсолютно и возрасли, однако возрастаніе полученій черноморско-азовскихъ портовъ шло гораздо быстрѣе, такъ что, занимая въ общемъ вывозномъ сообщеніи въ 1876—80 годахъ около 30%, черноморскіе порты увеличили это отношеніе къ срединѣ девяностыхъ годовъ почти до 60%, тогда какъ участіе балтійскихъ портовъ, наоборотъ, сократилось за то же время съ 50% до 33%.

То же соотношеніе сохраняется въ послѣдующіе годы. Если взять подвозы всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ къ портамъ, то по тремъ главнымъ группамъ вывозныхъ пунктовъ они распредѣлялись [1]):

(1 Матеріалы по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ въ 1904 г.

Годы.	Балтійскіе порты. Милл. п.	Балтійскіе порты. % ко-всѣмъ пер.	Западно-сухопутная граница. Милл. п.	Западно-сухопутная граница. % ко-всѣмъ пер.	Азовско-черноморскіе порты. Милл. п.	Азовско-черноморскіе порты. % ко-всѣмъ пер.
1895.	122,9	35,7	45,1	13,1	176,6	51,2
1896.	136,6	38,9	52,4	14,9	162,4	46,2
1897.	106,0	38,7	47,0	17,2	120,6	44,1
1898.	101,1	34,4	50,7	17,2	141,5	48,2
1899.	106,2	39,8	42,5	15,9	117,7	44,2
1900.	160,4	49 5	56,9	17,6	106,5	32,9
1901.	112.2	34,8	61,8	19,2	147,9	46,0
1902.	118,9	27,7	71,1	16,5	239,1	55,7

Южные порты, не смотря на то, что они собираютъ хлѣбъ съ меньшаго раіона, чѣмъ балтійскіе, и потому болѣе подвержены колебаніямъ, вслѣдствіе неурожаевъ, продолжаютъ стягивать къ себѣ все большія количества зерна. Это увеличеніе идетъ главнымъ образомъ за счетъ пшеницы, ячменя и въ послѣднее время также ржи; лишь овесъ остается главнымъ предметомъ, идущимъ къ балтійскимъ портамъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы размѣровъ поступленій къ балтійскимъ и черноморскимъ портамъ отдѣльныхъ хлѣбовъ въ среднемъ за три послѣдовательные періода лѣтъ, въ милліонахъ пудовъ [2]):

ГРУЗЫ.	Балтійскіе порты. 1876—80.	Балтійскіе порты. 1887—90.	Балтійскіе порты. 1895—98.	Черноморско-азовскіе порты. 1876—80.	Черноморско-азовскіе порты. 1887—90.	Черноморско-азовскіе порты. 1895—98
Пшеница . .	8,5	6,2	19,1	31,1	74,5	84,2
Рожь	28.8	23,1	14,1	5,1	21,4	14,5
Ячмень . .	6.9	6,9	4.4	3,3	15,4	26,1
Овесъ . . .	29,8	49,7	38,7	4,1	16,3	12,5

Для дальнѣйшаго выясненія условій хлѣбнаго снабженія портовыхъ рынковъ остается опредѣлить, какіе раіоны являются источниками этого снабженія для балтійскихъ и азовско-черноморскихъ портовъ.

Послѣ уничтоженія въ 1893 году тарифной разницы между балтійскими и черноморскими портами граница тяготѣнія между тѣми и другими должна была опредѣляться уже существующими естественными условіями и различіями тѣхъ или другихъ портовъ, а не тарифнымъ благопріятствованіемъ въ пользу балтій-

1) По даннымъ Статист. сборн. Минист. Путей Сообщенія и Сводной статистики.

скихъ портовъ, какъ это было ранѣе. Вслѣдствіе этого, раіонъ тяготѣнія къ балтійскимъ портамъ долженъ былъ вообще нѣсколько уменьшиться. Дальнѣйшее развитіе желѣзнодорожной сѣти, въ особенности линій, соединившихъ востокъ и юго-востокъ съ черноморскими портами, должно было еще далѣе расширить границу тяготѣнія черноморскихъ портовъ; наоборотъ, раіонъ тяготѣнія къ балтійскимъ портамъ долженъ былъ еще болѣе сократиться. Однако, удобство географическаго положенія ихъ по отношенію къ международному рынку, т. е. близость ихъ къ главнымъ потребляющимъ странамъ и поэтому болѣе высокій, сравнительно съ черноморскими портами, уровень цѣнъ создаютъ такое преимущество для балтійскихъ портовъ, что раіонъ тяготѣнія къ нимъ все же значительно больше, чѣмъ къ черноморскимъ. Изъ мѣстностей, одинаково отстоящихъ отъ тѣхъ и отъ другихъ, хлѣбъ направляется большею частью къ балтійскимъ портамъ.

Такъ, раіоны тяготѣнія къ тѣмъ или другимъ портамъ для отдѣльныхъ группъ губерній опредѣляются напр. слѣдующими цифрами перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ къ этимъ портамъ въ 1901 году, въ тыс. пудовъ [1]).

РАІОНЫ.	Балтійскіе порты.					Черноморско-азовскіе порты.				
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Мука.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Мука.
Новороссійскій . .	7	31	94	20	1.081	48.082	16.659	17.918	2.419	2.380
Сѣв. Кавказъ . . .	—	—	—	—	20	13.970	4.478	11.986	2.791	1.412
Юго-западный . .	12	21	132	98	620	5.402	727	393	1.448	393
Малороссійскій . .	11	651	20	5.580	567	685	1.787	71	1.067	120
Центральный . . .	99	9.751	7	15.262	1.232	330	1.977	—	835	36
Средневолжскій . .	636	4.843	9	8.667	3.600	148	641	7	28	85
Заволжскій	6.268	599	47	2.040	715	1.616	—	—	64	—
Промышленный . .	16	459	—	7.840	1.433	—	—	—	—	—
Сѣверо-западный .	8	478	489	2.893	75	—	—	—	—	—
Приозерный . . .	—	46	3	1.730	274	—	—	—	—	—
Прибалтійскій . .	158	452	1.605	2.136	319	—	—	—	—	—
Привислинскій . .	51	36	15	55	12	—	—	—	—	—

При всемъ громадномъ раіонѣ, съ котораго стягиваютъ къ себѣ грузы балтійскіе порты, значительно превосходя въ этомъ отношеніи южные, въ общемъ итогѣ къ нимъ идетъ, однако, го-

[2]) Сост. на основаніи данныхъ «Сводной статистики» и «Ежегодника Мин. Финансовъ».

раздо менѣе, чѣмъ къ южнымъ портамъ. При томъ отдѣльные хлѣба въ этомъ отношеніи занимаютъ различное мѣсто: пшеница, составляющая главный предметъ экспорта южныхъ портовъ, направляется сюда часто въ значительной мѣрѣ и изъ тѣхъ раіоновъ, которые обнаруживаютъ тяготѣніе къ балтійскимъ портамъ (заволжскій, центральный, юго-западный, малороссійскій). Наоборотъ, мука въ крупныхъ количествахъ идетъ въ южные порты только изъ ближайшихъ къ нимъ раіоновъ, изъ раіоновъ же, напр., малороссійскаго и юго-западнаго направляется большею частью въ балтійскіе порты. Наконецъ, овесъ, составляющій главный продуктъ экспорта балтійскихъ портовъ, изъ нѣкоторыхъ раіоновъ уже успѣшно начинаетъ отвоевываться южными портами; то же самое, даже еще въ большей степени, можно сказать и про рожь.

Переходя къ болѣе интересующей насъ характеристикѣ внутренняго хлѣбнаго рынка и снабженія, поскольку къ этому имѣются данныя о желѣзнодорожныхъ перевозкахъ, необходимо отмѣтить, что итоги желѣзнодорожнаго движенія здѣсь еще въ меньшей степени соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ размѣрамъ всего снабженія, а кромѣ того, и самыя данныя желѣзнодорожнаго движенія для внутренняго сообщенія разработаны съ меньшей полнотой, чѣмъ для вывозного, и подсчетовъ распредѣленія всего внутренняго движенія по отдѣльнымъ раіонамъ отправленія и полученія для послѣднихъ лѣтъ не имѣется.

Возьмемъ сначала цифры общихъ перевозокъ во внутреннемъ сообщеніи по желѣзнымъ дорогамъ всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ за послѣдніе годы въ сопоставленіи съ среднимъ пробѣгомъ этихъ грузовъ [1]).

ГОДЫ.	Милл. пудовъ.	Средній пробѣгъ верстъ.
1890	187,1	375
1893	256,6	420
1894	280,4	439
1895	305,8	492
1898	241,2	487
1899	275,8	460
1900	288,9	485
1901	291,4	505
1092	307,4	504

Такимъ образомъ, абсолютные итоги внутренняго сообщенія хотя и обнаруживаютъ возрастаніе, но весьма слабое. Величина

[2]) Цифры за 1890—95 г. взяты изъ «Журнала тарифнаго комитета по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ 1896/7 гг.», стр. 66, за 1898—1902 гг. «Матеріалы по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ въ 1904 г.» Спб. 1904 г. стр. 55.

внутренняго обмѣна между отдѣльными частями страны зависитъ, главнымъ образомъ, отъ равномѣрности распредѣленія урожая въ тѣхъ или другихъ раіонахъ и, слѣдов., можетъ увеличиваться даже при уменьшеніи урожая, именно въ случаѣ неравномѣрности его распредѣленія. Но что обнаруживаетъ безусловную тенденцію къ возрастанію—это средній пробѣгъ хлѣбныхъ грузовъ. Это увеличеніе пробѣга можетъ происходить отъ двухъ причинъ: или отъ увеличенія лишь крайнихъ максимальныхъ пробѣговъ, или же отъ общаго увеличенія пробѣговъ не только на большихъ, но и на короткихъ разстояніяхъ; первое должно было-бы свидѣтельствовать о преобладающемъ развитіи торговаго земледѣлія и отправокъ отдаленныхъ окраинъ, второе—вообще о развитіи торговаго земледѣлія всѣхъ раіоновъ и не только о расширеніи отправокъ окраинъ, но и о болѣе далекихъ отправкахъ хлѣба центральныхъ раіоновъ. Изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія мы увидимъ, что и та, и другая причины имѣютъ здѣсь мѣсто.

Для выясненія роли и мѣста отдѣльныхъ раіоновъ на внутреннемъ рынкѣ и значенія ихъ въ хлѣбномъ снабженіи, возьмемъ имѣющіяся на этотъ счетъ сводныя данныя желѣзнодорожнаго департамента, относящіяся къ 1895 году. Все внутреннее движеніе по раіонамъ полученія опредѣлялось въ этомъ году слѣдующимъ образомъ, въ милліонахъ пудовъ [1]):

Раіоны полученія.	Получено изъ другихъ раіоновъ.	Движеніе въ предѣлахъ раіона.	Всего получено раіономъ.	Всего отправлено раіономъ.	Въ томъ числѣ въ другіе раіоны.	Излишекъ отправокъ + или полученій —
Центрально-земледѣльческій.	12,3	25,4	37,7	83,9	58,5	+46,2
Средневолжскій	6,6	23,8	30,4	59,7	35,9	+29,3
Новороссійскій	2,1	10,5	12,6	28,7	18,2	+16,1
Малороссійскій	2,6	8,8	11,4	22,2	14,3	+11,7
Юго-западный	4,5	6,3	10,8	13,5	7,2	+ 2,7
Сѣверный Кавказъ	0,0	3,0	3,0	5,4	2,4	+ 2,3
Промышленный	61,2	13,9	75,1	23,1	9,2	-52,0
Сѣверо-западный	21,1	2,7	23,8	5,2	2,3	-18,8
Приозерный	16,5	2,3	18,8	2,4	0,1	-16,4
Прибалтійскій	1,4	0,6	2,0	1,0	0,1	— 1,0
Привислинскій	16,2	7,8	24,0	8,0	0,2	-16,0
Крайній Сѣверъ	4,1	0,0	4,1	0,0	0,0	— 4,1
Всего	148,7	105,1	253,8	253,8	148,7	+ 0,0

[1]) Матеріалы тарифнаго съѣзда въ 1896 г.

Отсюда видно, что для внутренняго снабженія главную роль играетъ центрально-земледѣльческій раіонъ, а также средневолжскій, въ особенности если принять во вниманіе, что для послѣдняго раіона болѣе важную роль, чѣмъ желѣзнодорожное, имѣетъ водное движеніе. Наоборотъ, сравнительно болѣе скромную роль въ удовлетвореніи внутренняго потребительнаго рынка играютъ новороссійскій, малороссійскій и особенно юго-западный и сѣверокавказскій раіоны, которые работаютъ, главнымъ образомъ, на внѣшній рынокъ. Съ другой стороны, внутренній потребительный рынокъ представляютъ главнымъ образомъ губерніи московскаго промышленнаго раіона, которыя потребляютъ наибольшія массы ввозимаго изъ другихъ раіоновъ хлѣба, а также губерніи западнаго и сѣверо-западнаго края и губерніи приозерныя.

Приведенныя цифры, характеризующія условія внутренняго рынка, страдаютъ устарѣлостью. Но для двухъ главныхъ потребительныхъ раіоновъ—московско-промышленнаго и привислинскаго за послѣдніе годы имѣются новѣйшія данныя, позволяющія выяснить нѣкоторыя условія хлѣбнаго снабженія этихъ раіоновъ. Посмотримъ сначала на общіе размѣры этого потребительнаго рынка, опредѣляемые цифрами желѣзнодорожныхъ поступленій сюда хлѣбныхъ грузовъ, и на ростъ этихъ размѣровъ за позднѣйшіе годы. По даннымъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ полученія хлѣбныхъ грузовъ станціями московско-промышленнаго раіона исчислялись, въ милліонахъ пудовъ [1]):

ГОДЫ.	Весь раіонъ.	Въ томъ числѣ гор. Москва.
1895	66,7	35,5
1896	65,4	38,1
1897	57,9	34,8
1898	58,9	38,4
1899	63,1	36,9
1900	69,7	41,9
1901	65,4	40,0
1902	63,6	38,0

Числа эти, конечно, не полны, частью вслѣдствіе неполноты учета желѣзнодорожнаго движенія, частью вслѣдствіе весьма круп-

[3]) Матеріалы по пересмотру тарифовъ въ 1904 г.

ныхъ поступленій въ нѣкоторые пункты водою; поэтому они не могутъ быть принимаемы за абсолютные размѣры центральнаго потребительнаго рынка; съ другой стороны, вслѣдствіе краткости періода, они не позволяютъ прослѣдить и измѣненія размѣровъ поступленій во времени. Впрочемъ, если взять одну Москву, какъ главный и типичный рынокъ для всего раіона, то полученія ея по тѣмъ же даннымъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ составляли въ 1889 году лишь 31,2 милл. п., въ 1890 г. 32,9 милл. пуд., въ 1891 г. 31,2 милл. п. въ 1892 г. 30,5 милл. пуд., въ 1893 г. 31,0 милл. пуд. и въ 1894 г. 34,5 милл. пуд. Представляя, такимъ образомъ, медленное, но замѣтное возрастаніе, полученія Москвою хлѣба обнаруживаютъ довольно значительныя колебанія въ зависимости отъ высоты урожая въ питающихъ ее раіонахъ: въ годы 1891—92 и 1897 сократились и полученія хлѣба, очевидно, за счетъ сокращенія потребленія, благодаря повышенію цѣнъ.

Гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ выясненіе трудно учитываемыхъ абсолютныхъ размѣровъ потребительнаго внутренняго рынка является выясненіе той роли, которая принадлежитъ въ снабженіи его отдѣльнымъ производительнымъ раіонамъ, такъ какъ измѣненія въ условіяхъ это снабженія характеризуютъ и измѣненія въ хозяйственныхъ условіяхъ производительныхъ раіоновъ. Послѣ того, какъ благодаря соединенію желѣзнодорожнымъ путемъ не только ближайшихъ центральныхъ раіоновъ, но и отдаленныхъ восточныхъ, стала возможна конкурренція на внутреннемъ рынкѣ двухъ главныхъ группъ производительныхъ раіоновъ, эта конкурренція должна была оказать весьма сильное вліяніе на условія земледѣльческаго хозяйства какъ въ центральныхъ, такъ и въ восточныхъ губерніяхъ. Для этого чтобы выяснить характеръ и результаты этой конкурренціи, разсмотримъ размѣры поступленій хлѣбныхъ товаровъ на главные потребительные рынки изъ отдѣльныхъ производительныхъ раіоновъ. Возьмемъ имѣющіяся на этотъ счетъ данныя, относящіяся къ 1895 году. Въ этомъ году на главные рынки московскаго потребительнаго промышленнаго раіона и въ г. Москву прибыло различныхъ хлѣбныхъ грузовъ изъ разныхъ производительныхъ раіоновъ [1]):

[1]) Журналъ тарифнаго комитета 1896/7 г., стр. 67.

	Всего тыс. пудовъ.	Въ томъ числѣ изъ губерній: центрально-земледѣльч. Тыс. п.	%	окраинныхъ. Тыс. п.	%
Въ Московскую губернію:					
всѣхъ хлѣбн. грузовъ .	47.393	32.725	69,0	1.965	4,1
ржи	3.443	2.616	75,9	—	—
пшеницы	2.685	752	28,0	492	18,3
овса	15.492	14.406	92,9	53	0,3
Въ Москву:					
всѣхъ хлѣбн. грузовъ .	35.497	25.490	71,8	1.067	3,0
ржи	1.450	1.180	81,3	—	—
пшеницы	1.713	376	21,9	239	19,8
овса	14.412	13.519	93,6	50	0,3

Окраинныя восточныя и юго-восточныя губерніи отправили въ 1895 году слѣдующія количества грузовъ, въ тысячахъ пудовъ:

	Всего.	Въ т. ч. въ Московскую губ.
Оренбургская губернія	17.645	637
Самарская »	29.129	779
Уфимская »	1.191	33
Уральская область	3.046	516
Кубанская »	42.995	441
Терская »	10.520	76
Ставропольская губернія	4.309	—

Общее же соотношеніе взаимныхъ отправокъ и полученій разныхъ раіоновъ лучше всего видны изъ слѣдующихъ сопоставленій [1]):

	Центрально-земледѣльческій раіонъ.	Лѣсопольный раіонъ.	Московско-промышл.	Привислинскій.
Прибыло на станц. раіона:				
Всего тыс. пуд. . . .	38.448	36.214	76.819	23.071
Въ томъ числѣ изъ губерній:				
раіона	26.061	3.908	14.411	7.661
заволжскихъ	2.313	2.840	5.526	322
средневолжскихъ . .	—	2.268	9.653	—
центрально-земледѣльч.	—	12.065	41.915	5.000
Отправлено со ст. раіона:				
Всего	164.430	14.361	—	13.681
въ т. ч. за предѣлы раіона и заграницу.	138.000	10.453	—	6.020

Такимъ образомъ, въ центрально-земледѣльческій раіонъ поступило изъ другихъ раіоновъ всего 12 милл. пуд., т. е. въ де-

[1]) Журналъ Тарифнаго Комитета 1896/7 стр. 76.

сять слишкомъ разъ менѣе того, что этотъ раіонъ самъ отправилъ на рынки другихъ раіоновъ. Но и изъ этихъ 12 милл.—8 милл. пудовъ приходилось на пшеницу, которая перерабатывалась на мельницахъ раіона въ значительной части для дальнѣйшихъ переотправокъ на другіе рынки. Центрально-земледѣльческій производительный раіонъ игралъ весьма крупную, почти первенствующую роль на всѣхъ взятыхъ потребительныхъ рынкахъ, напр. въ промышленный раіонъ поставлялъ 42 милл. пудовъ изъ 77 м. пуд. общаго ввоза въ этотъ раіонъ; въ общемъ, преобладающее значеніе имѣлъ центрально-земледѣльческій хлѣбъ и на рынкахъ сѣверо-западнаго и привислинскаго края, хотя и въ меньшей степени. Если въ чемъ и было побѣждено въ борьбѣ за внутренніе рынки земледѣліе центральнаго раіона земледѣліемъ восточныхъ окраинъ, такъ это въ поставкѣ на эти рынки пшеницы, преобладающее количество поступленій которой идетъ дѣйствительно изъ окраинныхъ губерній.

Таково было соотношеніе поступленій и потребленія хлѣбовъ разными раіонами въ 1895 году. Въ послѣдніе годы, вліяніе дифференціальности тарифовъ и распространенія желѣзныхъ дорогъ еще далѣе въ восточныя степи—должно было особенно рѣзко сказаться преобладаніемъ отдаленныхъ грузовъ востока за счетъ ближайшихъ раіоновъ. За отсутствіемъ такихъ же данныхъ о снабженіи потребительныхъ рынковъ за послѣдніе годы, сравнимъ соотношеніе хлѣбныхъ перевозокъ къ различнымъ потребительнымъ рынкамъ по поясамъ пробѣга, выдѣливъ отдѣльно поясъ пробѣга 1—500 верстъ — разстояніе, на которое центрально-земледѣльческія производительныя губерніи въ среднемъ отстоятъ отъ потребительныхъ промышленныхъ и западныхъ губерній. Общія количества перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ въ 1895—1902 годахъ были [1]):

	1895—1898.	1890—1902.
До станцій промышл. раіона:		
Всего, тыс. пуд.	62.265	65.470
въ т. ч. въ поясѣ пробѣга:		
1—500 верстъ	34.173	35.762
%	63,1	57,5

[2]) Матеріалы по пересмотру хлѣбныхъ тарифовъ въ 1904 г. Спб. 1904 г. стр. 80 и слѣд.

	1895—1898.	1890—1902.
До г. Москвы:		
Всего, тыс. пуд.	35.479	39.236
въ т. ч. въ поясѣ пробѣга:		
1—500 верстъ	22.377	24.555
%	62,9	62,5
До ст. привислинскаго раіона:		
Всего, тыс. пуд.	21.313	25.959
въ т. ч. въ поясѣ пробѣга:		
1—500 верстъ	1.862	6.172
%	25,7	27,6
До г. Варшавы:		
Всего, тыс. пуд.	11.221	11.243
въ т. ч. въ поясѣ пробѣга:		
1—500 верстъ	2.594	3.395
%	23,1	26,1

Изъ таблицы видно, что если въ поступленіяхъ на потребительные рынки хлѣбныхъ грузовъ изъ ближайшихъ раіоновъ и можно отмѣтить за послѣдніе годы пониженіе, то лишь для московскаго раіона, и вообще не очень незначительное. Для привислинскаго же потребительнаго раіона такого пониженія вообще не отмѣчается. Такимъ образомъ, центрально-земледѣльческимъ губерніямъ Россіи въ снабженіи внутреннихъ потребительныхъ рынковъ принадлежитъ, очевидно, и въ девятисотые годы такая же видная роль, которая болѣе подробно выяснилась въ перевозкахъ 1895 года. Хотя постоянно увеличивающееся абсолютное количество хлѣбныхъ грузовъ, идущихъ съ востока, доказываетъ, что центральному земледѣлію со стороны востока грозитъ дѣйствительно все возрастающая конкурренція, но до сихъ поръ она была еще не въ силахъ вытѣснить съ внутреннихъ потребительныхъ рынковъ центральнаго земледѣлія, пользующагося преимуществомъ болѣе выгоднаго географическаго положенія. Конечно, вѣроятно въ недалекомъ будущемъ этому послѣднему придется приспособляться къ измѣняющимся, благодаря возрастающей конкурренціи, условіямъ, развивая у себя болѣе интенсивныя формы промышленной жизни, какъ теперь это уже видно на примѣрѣ московскаго промышленнаго раіона.

Другимъ важнымъ вопросомъ въ соотношеніи отдѣльныхъ производительныхъ раіоновъ, главнымъ образомъ центрально-земледѣльческаго и восточныхъ, волжскихъ и заволжскихъ, является вопросъ о конкурренціи на внутреннемъ потребительномъ рынкѣ

продуктовъ ихъ перемолочнаго производства. Если мы возьмемъ общіе итоги поступленій мучныхъ продуктовъ на центральный потребительный рынокъ, то увидимъ сильное ихъ возрастаніе. Именно, начиная съ 1889 года, перевозка муки и крупы возрастаетъ слѣдующимъ образомъ [1]):

	Тысячи пудовъ.	Принимая перевозку 1889 г. = 100.
1889	96.357	100,0
1890	96.653	100,5
1891	93.060	96,5
1892	96.567	100,4
1893	120.647	125,2
1894	137.494	142,7
1895	151.798	157,5
1896	155.867	160,7
1897	131.841	136,8
1898	152.783	157,7
1899	172.994	179,5
1900	201.426	209,0
1901	199.307	206,8
1902	210.243	219,2

Послѣ весьма медленно шедшаго возрастанія перевозокъ мучныхъ продуктовъ до 1893 года, начинается быстрый ростъ перевозокъ, подъ вліяніемъ уравненія въ 1893 году тарифовъ на перевозку муки съ тарифами на зерно, что дало возможность переработки зерна въ муку на мѣстахъ производства его, т. е. въ южныхъ и восточныхъ окраинахъ. Значительная доля увеличенія мучныхъ перевозокъ падаетъ на расширеніе производства именно въ этихъ раіонахъ, создавшееся здѣсь уже въ первые годы по введеніи благопріятныхъ тарифовъ. Такъ, въ 1895 году, по сравненію съ 1893 годомъ, т. е. послѣ уравненія тарифовъ на муку, возрастаніе отправокъ муки изъ главныхъ мукомольныхъ центровъ южныхъ и восточныхъ раіоновъ было въ тысячахъ пудовъ [2]):

[1]) Журналъ тарифнаго комитета по пересмотру тарифовъ 1896/7 гг. и Матеріалы по пересмотру 1904 года.

[2]) Журналъ тарифнаго комитета 1896/7 гг., стр. 90—91.

	1893.	1895.	Въ 1895 году болѣе чѣмъ 1893 г., въ %.
Губерніи:			
средневолжскія	6.898	8.867	28,5
нижневолжскія	7.883	13.397	70,0
малороссійскія	12.150	17.994	48,0
черноморскія	2.516	3.632	44,4

Что касается пентрально-земледѣльческаго раіона, то увеличеніе отправокъ за тѣ-же годы даетъ лишь ржаная мука, пшеничная же почти не обнаружила возрастанія:

	1893.	1895.	Въ 1895 году болѣе 1893 г. въ %.
Мука:			
пшеничная	6.324	6.967	11,0
ржаная	4.910	10.025	204,2

Слѣдовательно, и здѣсь отмѣчается повтореніе того же явленія, которое мы видѣли въ перемѣнахъ распредѣленія перевозокъ зерновыхъ хлѣбовъ: какъ земледѣліе центра, такъ и его мукомольная промышленность неблагопріятныя послѣдствія конкурренціи съ окраинами испытываютъ прежде всего на своихъ пшеничныхъ продуктахъ, тогда какъ переработка ржи развивается очень быстро. Такъ, въ 1895 году прибыло всего мучныхъ грузовъ въ Москву и Московскую губернію:

	Всего тысячи пудовъ	Въ томъ числѣ изъ центрально-земледѣл. губерній.	%	Изъ окраинныхъ.	%
Въ Московскую губ.	22.783	14.157	62	1.415	6,2
» Москву	15.468	9.773	63	773	5,0

Такимъ образомъ, мукомольному производству центрально-земледѣльческихъ губерній принадлежитъ видная роль въ снабженіи промышленныхъ губерній, какъ своего главнаго потребительнаго рынка; но въ частности по отношенію къ пшеничнымъ продуктамъ центральныя губерніи вытѣсняются южнымъ и юго-восточнымъ мукомольнымъ производствомъ. Такъ, въ снабженіи московскаго

рынка за 1890 г. и 1895 г., т. е. за время введенія существующей тарифной системы, произошли такія перемѣны:

Изъ губерній.	Прибыло муки, тыс. пуд.: пшеничной.		ржаной.	
	1890.	1895.	1890.	1895.
Московской губ.	525	217	—	—
Центрально-земледѣл. . .	1.765	1.430	7.083	7.717
Волжскихъ	1.090	1.487	209	406

То же происходитъ въ снабженіи мукой Привислинскаго края, но здѣсь конкурренція новыхъ мукомольныхъ раіоновъ еще болѣе успѣшна; такъ, за тѣ же годы пшеничной муки прибыло въ Варшаву, тысячъ пудовъ:

	1890.	1895.
Изъ губерній:		
центрально-земледѣл.	985	552
юго-западныхъ и малороссійскихъ . . .	498	681
новороссійскихъ	331	1.349

Подъ вліяніемъ удешевленія перевозокъ перемолочныхъ продуктовъ развитіе мукомольной промышленности въ южныхъ и восточныхъ раіонахъ, на мѣстахъ производства зерна, идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ развитіе промышленности въ старыхъ мукомольныхъ центрахъ, которые если и развиваютъ свое производство, то лишь за счетъ увеличенія перемола ржи, т. е. продукта, воздѣлываемаго въ тѣхъ же раіонахъ. Поэтому, обращаясь къ послѣднимъ годамъ, мы естественно увидимъ увеличеніе средняго пробѣга мучныхъ грузовъ, и увеличеніе относительной доли далекихъ грузовъ въ общихъ перевозкахъ; за послѣдніе годы движеніе мучныхъ грузовъ во внутреннемъ сообщеніи даетъ такія числа, въ процентахъ къ общимъ количествамъ перевозокъ [1]):

	1898.	1899.	1900.	1901.	1902.
Пояса пробѣга:					
1 — 500 верстъ . . .	50,8	53,4	52,6	53,3	49,5
500—1,000 » . . .	30,4	29,5	26,8	25,6	29,1
болѣе 1,000 верстъ . .	18,8	17,1	20,6	21,1	21,4
Средній пробѣгъ верстъ .	592	570	596	617	649

[1]) Матеріалы по пересмотру тарифовъ 1904 г.

Тенденція къ возрастанію разстоянія перевозокъ мучныхъ продуктовъ отмѣчается совершенно ясно.

Этимъ приходится ограничиться въ изученіи внутренняго рынка для земледѣльческихъ продуктовъ, такъ какъ для другихъ потребительныхъ рынковъ, кромѣ только что разсмотрѣнныхъ и для другихъ произведеній земледѣльческаго хозяйства, кромѣ хлѣба, не имѣется столь же подробныхъ данныхъ. Но такъ какъ разобранные два рынка представляются типичными и главными по размѣрамъ потребленія; такъ какъ, съ другой стороны, измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ въ условіяхъ зернового производства, обыкновенно являются характерными для всего хозяйственнаго строя, то полученныя выше данныя могутъ быть приняты за характерныя вообще для внутренняго потребительнаго рынка и для тѣхъ измѣненій въ самомъ народномъ хозяйствѣ, которыя произошли подъ вліяніемъ измѣненій въ условіяхъ сбыта.

Если по отношенію къ общему сбору хлѣбовъ часть урожая, поступающая на рынокъ, становится все болѣе значительной, указывая на все большее внѣдреніе денежныхъ отношеній и на все большее воздѣлываніе хлѣбовъ на продажу, взамѣнъ личнаго потребленія, то, съ другой стороны, самый характеръ и положеніе хлѣбнаго рынка съ теченіемъ времени претерпѣваетъ глубокія измѣненія. Въ болѣе ранній періодъ развитія желѣзнодорожной сѣти, когда хлѣбу центральнаго раіона былъ предоставленъ широкій выходъ и на внутренній, и на внѣшній рынокъ, громадная доля его пошла на внѣшній рынокъ, благодаря и тѣмъ общимъ условіямъ экономической жизни, которыя требовали усиленнаго экспорта хлѣбовъ заграницу, и потому, что внутренній рынокъ не представлялся еще достаточно крупнымъ. Поэтому первымъ продуктомъ экспорта и внутренняго желѣзнодорожнаго движенія въ первые годы развитія желѣзнодорожной сѣти въ 60—70 годахъ являлась рожь, т. е. тотъ хлѣбъ, который въ одно и тоже время и представлялъ главный продуктъ внутренняго народнаго потребленія и, какъ остатокъ отъ внутреннаго рынка, шелъ на экспортъ. Поэтому-то ржаныя перевозки занимаютъ къ 70-годахъ такое преобладающее мѣсто, поэтому-то экспортъ ржи начинаетъ такъ усиленно расти въ 65—70 годахъ: поэтому же и центральный раіонъ, подходящій по почвеннымъ и бытовымъ условіямъ къ воздѣлыванію этого продукта, становится главнымъ раіономъ,

снабжающимъ и внѣшній, и внутренній рынокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ естественно, что и экспортъ балтійскихъ портовъ, прежде другихъ связанныхъ съ производительными раіонами центра, сталъ быстро развиваться. Но вмѣстѣ съ ростомъ городского населенія, съ одной стороны, и развитіемъ желѣзнодорожной сѣти съ другой—сталъ рости внутренній потребительный рынокъ количественно и видоизмѣняться качественно, переходя на потребленіе пшеничныхъ продуктовъ. Въ удовлетвореніи внутренняго потребительнаго спроса на пшеницу все болѣе видную роль начали играть, благодаря распространенію желѣзнодорожной сѣти, восточныя и южныя окраины, онѣ же стали служить и интересамъ экспорта, вытѣсняя сѣрые хлѣба центра изъ желѣзнодорожнаго движенія и экспорта своими красными хлѣбами—пшеницей и ячменемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ все большій перевѣсъ экспортной дѣятельности оказывался на сторонѣ южныхъ портовъ. Главной спеціальностью торговаго земледѣлія центра и предметомъ его сбыта на внѣшній и на внутренній рынокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ экспорта балтійскихъ портовъ сталъ на первомъ мѣстѣ овесъ: конкурренція съ окраинными пшеничными продуктами оказалась неблагопріятной для центральнаго земледѣлія.

V. Хлѣбныя цѣны.—Значеніе близости внутренняго и внѣшняго рынка.—Соотношенія мѣстныхъ и рыночныхъ цѣнъ.—Измѣненіе цѣнъ въ зависимости отъ урожаевъ.—Избыточное предложеніе и понижательное значеніе его.—Соотношеніе весеннихъ и осеннихъ цѣнъ: портовыхъ и внутреннихъ.—Размѣры портоваго остатка.—Общіе выводы относительно положенія сельскохозяйственнаго рынка.

Вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ представляется настолько обширнымъ и разностороннимъ, что изслѣдовать его во всей полнотѣ здѣсь невозможно. Мы остановимся на хлѣбныхъ цѣнахъ лишь какъ на факторѣ хлѣбнаго снабженія, регулирующемъ хлѣботорговое движеніе и обороты и обусловливающемъ тѣ или другія явленія, происходящія на хлѣбномъ рынкѣ.

Было уже указано, въ какихъ раіонахъ, вслѣдствіе почвенныхъ и климатическихъ условій, а также вслѣдствіе преобладанія городского и промышленнаго населенія, не достаетъ хлѣба собственнаго производства для покрытія продовольственныхъ нуждъ, и какіе раіоны являются поставщиками этого внутренняго потребительнаго рынка; другимъ потребительнымъ рынкомъ является внѣшній, міровой рынокъ. Весь хлѣботорговый оборотъ и хлѣботорговое движеніе и обусловливается этими тремя главными пунктами, направляясь изъ производительныхъ раіоновъ въ пункты внутренняго потребленія или на экспортные рынки. Хотя среднія хлѣбныя цѣны образуются, какъ результатъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, и регулируются, слѣдовательно, однимъ общимъ для всѣхъ рынковъ закономъ, однако, для каждаго изъ указанныхъ трехъ группъ рынковъ существуютъ нѣкоторыя особенныя экономическія условія, видоизмѣняющія и отклоняющія цѣны на нихъ отъ нормальнаго хода и общаго уровня.

Говоря вообще, чѣмъ ближе къ производителю, тѣмъ цѣна должна быть ниже; по мѣрѣ ухода зерна изъ рукъ производителя и удаленія изъ производительныхъ раіоновъ цѣна должна повышаться, включая въ себѣ транспортныя издержки, расходы по посредничеству и др. Однако, благодаря экономическому положенію земледѣльческаго населенія и нѣкоторымъ особенностямъ сбыта имъ своихъ произведеній, въ производительныхъ раіонахъ цѣна хлѣба зависитъ большею частью односторонне отъ размѣровъ предложенія и часто значительно ниже, чѣмъ цѣна на потребительныхъ рынкахъ съ исключеніемъ изъ нея транспортныхъ и другихъ расходовъ.

Такъ какъ предложеніе хлѣба на продажу со стороны главнаго продавца—крестьянскаго населенія, тотчасъ послѣ сбора урожая обыкновенно имѣетъ массовой характеръ, то осенью въ средніе по урожаю годы, а при исключительно высокихъ урожаяхъ—въ теченіе всего года устанавливаются цѣны, односторонне зависящія отъ предложенія и, слѣдовательно, ниже цѣнъ потребительныхъ рынковъ, съ исключеніемъ изъ нихъ транспортныхъ расходовъ. Въ годы сильныхъ неурожаевъ или ежегодно весною получается обратное явленіе—населеніе производительныхъ раіоновъ, обыкновенно продающее хлѣбъ, выступаетъ въ качествѣ покупщика, и такъ какъ часто торговый механизмъ и торговые пути оказываются неприспособленными къ удовлетворенію этого новаго потребительнаго спроса, то устанавливаются высокія, иногда прямо монопольныя цѣны. На потребительныхъ рынкахъ, предъявляющихъ всегда болѣе или менѣе равномѣрный и обезпеченный спросъ, цѣны обыкновенно гораздо болѣе равномѣрны, хотя, вслѣдствіе случайныхъ условій и возрастанія потребленія, могутъ быть иногда и выше цѣнъ производительныхъ раіоновъ съ прибавленіемъ транспортныхъ расходовъ.

Такимъ образомъ, въ производительныхъ и потребительныхъ раіонахъ цѣны въ ихъ колебаніяхъ и наростаніи часто не слѣдуютъ другъ за другомъ вполнѣ правильно и параллельно; цѣны производительныхъ раіоновъ, на мѣстахъ производства иногда колеблются въ направленіяхъ, совершенно противоположныхъ колебаніямъ ихъ на потребительныхъ рынкахъ, а среди этихъ послѣднихъ уровень цѣнъ и ихъ колебанія на внутреннемъ рынкѣ часто отличны отъ цѣнъ на международномъ рынкѣ.

Средняя мѣстная цѣна для 50 губерній Европейской Россіи въ послѣдніе 1896—1900 гг. опредѣляется по даннымъ Министерства Земледѣлія [1]) въ 60 к. для пуда ржи, въ 83 к. для пуда озимой пшеницы, 80 к. для пуда яровой пшеницы, 53 к. за пудъ овса и 59 к. за пудъ ячменя. Понятно, что разница въ уровнѣ цѣнъ получается, прежде всего, для двухъ крупныхъ, противоположныхъ по значенію раіоновъ — черноземной производительной полосы и нечерноземной потребительной. Взявъ то же пятилѣтіе 1896—1900 гг., получаемъ такое сопоставленіе среднихъ цѣнъ въ различныхъ раіонахъ:

Губерніи.	Рожь.	Пшеница:		Овесъ.	Ячмень.
		озимая.	яровая.		
Центрально-земледѣльческія	51	80	77	50	51
Средне-волжскія	47	72	67	45	50
Нижне-волжскія	43		70	41	45
Новороссійскія	57	83	81	53	48
Юго-западныя	55	80	78	55	56
Малороссійскія	51	78	73	47	47
Итого по черноземной полосѣ	51	79	74	50	50
Промышленныя	63	—	83	54	60
Бѣлорусскія	62	84	77	54	62
Литовскія	65	92	83	63	69
Приозерныя	81	—	97	62	74
Прибалтійскія	75	94	85	69	74
Приуральскія	48	—	67	41	51
Сѣверныя	83	—	105	57	77
Итого по нечерноземной полосѣ	68	87	84	57	67

[1]) «Сводъ статист. данныхъ по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка», вып. II. Спб. 1903.

Самыя низкія цѣны въ производительномъ раіонѣ—въ губерніяхъ нижне-и средне-волжскихъ, затѣмъ въ малороссійскихъ, центральныхъ и юго-западныхъ, наивысшія въ новороссійскихъ. Изъ нечерноземнаго потребительнаго раіона (за исключеніемъ приуральскихъ губерній, которыя не имѣютъ особенно крупнаго потребительнаго значенія) наиболѣе низкія цѣны въ бѣлорусскихъ, промышленныхъ и литовскихъ губерніяхъ, наивысшія—въ прибалтійскихъ, приозерныхъ и сѣверныхъ.

Главной причиной, обусловливающей ту или другую высоту цѣнъ, является удаленность потребительныхъ центровъ отъ мѣстъ производства, причемъ и для производительнаго, и для потребительнаго раіона особенное значеніе имѣетъ близость внѣшняго экспортнаго рынка, которая сильно повышаетъ цѣны. Явленіе это общее, какъ для цѣнъ ржи, такъ и другихъ хлѣбовъ. Дѣйствительно, въ наиболѣе отдаленныхъ какъ отъ внѣшняго, такъ и отъ внутренняго рынка губерніяхъ средне- и нижне-волжскихъ цѣна всѣхъ хлѣбовъ стоитъ наиболѣе низкая; малороссійскій раіонъ уже пользуется нѣкоторымъ преимуществомъ своей близости къ потребительнымъ внутреннимъ центрамъ, но особенно повышательнымъ образомъ вліяетъ это сосѣдство съ внутреннимъ рынкомъ на хлѣбныя цѣны центральнаго раіона, почему цѣны здѣсь большею частью еще выше. Но, во всякомъ случаѣ, близость одного внутренняго рынка вліяетъ не въ такой степени въ сторону повышенія, какъ близость экспортнаго; поэтому юго-западный край и особенно новороссійскія губерніи, находящіяся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ по близости своей къ внѣшнему потребительному рынку, имѣютъ цѣны наивысшія. Изъ потребительныхъ раіоновъ наивысшія цѣны стоятъ или въ наиболѣе отдаленныхъ (сѣверный), или тамъ, гдѣ крупный внутренній потребительный рынокъ соединенъ съ близостью внѣшняго рынка (приозерныя и прибалтійскія губерніи).

Этимъ состояніемъ цѣнъ и обусловливается хлѣботорговое движеніе хлѣбныхъ грузовъ, направляющееся изъ мѣстъ, съ наиболѣе низкимъ уровнемъ цѣнъ, изъ раіоновъ производительныхъ въ раіоны потребительные. Но экономическое значеніе того или другого уровня цѣнъ и ихъ колебаній совершенно противоположно для этихъ двухъ группъ раіоновъ. Приведенныя выше мѣстныя цѣны, т. е. такія, по которымъ мѣстный производитель продаетъ свой продуктъ, являясь вездѣ результатомъ обычныхъ явленій установленія цѣнъ—расходовъ производства, соотношенія спроса и предложенія

и др.—служатъ въ то же время и показателемъ доходности производства зерна; поэтому, вообще говоря, высокія цѣны должны бы считаться наиболѣе выгодными для народнаго хозяйства. Но раіоны потребительные, съ недостаточнымъ для покрытія продовольственныхъ нуждъ количествомъ хлѣба собственнаго производства и принужденные къ ввозу хлѣба изъ другихъ раіоновъ, заинтересованы, въ общей массѣ населенія, въ болѣе низкихъ цѣнахъ. Притомъ нужно замѣтить, что, несмотря на конкурренцію дешеваго хлѣба отдаленныхъ раіоновъ, для хлѣба мѣстнаго производства въ потребительныхъ раіонахъ получается то преимущество, что цѣна его устанавливается цѣною привознаго хлѣба, въ которую входятъ и издержки транспорта, повышающія не только цѣны привознаго, но и мѣстнаго хлѣба.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію движенія мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ за послѣднее двадцатилѣтіе, то увидимъ, что, подвергаясь значительнымъ колебаніямъ въ связи съ размѣрами урожая, общая тенденція цѣнъ какъ въ производительныхъ, такъ и въ потребительныхъ раіонахъ, оказывается все же понижательной. Именно, среднія пятилѣтнія цѣны были, въ коп. за пудъ:

	$188^{1}/_{5}$.	$188^{6}/_{90}$.	$189^{1}/_{5}$	$189^{6}/_{900}$
Черноземныя губерніи:				
рожь	65	46	59	51
пшеница:				
озимая	81	81	71	79
яровая	74	76	73	74
овесъ.	49	41	48	50
ячмень	54	45	49	50
Нечерноземныя губерніи:				
рожь	92	65	79	68
яровая пшеница	—	82	83	84
овесъ.	67	50	55	57
ячмень.	79	62	69	67
Въ среднемъ въ 50 губер. Европейской Россіи:				
рожь	79	56	70	60
пшеница:				
озимая	91	85	78	83
яровая	81	77	77	80
овесъ.	58	46	51	53
ячмень.	68	54	60	59

По отдѣльнымъ годамъ ходъ цѣнъ почти по всѣмъ хлѣбамъ представляетъ, въ общемъ, близкое сходство. Послѣ сравнительно высокаго уровня цѣнъ въ началѣ 80-хъ годовъ, цѣны начинаютъ быстро

падать вплоть до неурожайнаго 1891 года. Въ этомъ году цѣны рѣзко повысились, и хотя въ $189^{4}/_{5}$ годахъ снова спустились еще до болѣе низкаго, чѣмъ до 1891 года, уровня, однако, неурожай 1897 года снова повысилъ цѣны, которыя послѣднее пятилѣтіе держатся уже все время на болѣе высокомъ уровнѣ; но все же по сравненію съ первымъ пятилѣтіемъ всѣ цѣны обнаруживаютъ сильное пониженіе.

Для отдѣльныхъ губерній такой ходъ колебаній цѣнъ даетъ значительныя отступленія; говоря вообще, въ потребительныхъ раіонахъ цѣны обнаруживаютъ гораздо большую устойчивость, чѣмъ въ раіонахъ производства. Дѣйствительно, принявъ, напримѣръ, среднюю за разсматриваемое двадцатилѣтіе цѣну за 100, колебанія цѣнъ для отдѣльныхъ годовъ выразятся такими цифрами [1]). Въ черноземной полосѣ цѣны на рожь спускались до $50,9\%$ въ 1894 году, повышаясь въ 1891 году до $214,5\%$; и если даже не брать эти исключительные годы, то колебанія выразятся отъ 63,6 въ 1896 году до 156,4 въ 1881 году; въ то же время для губерній нечерноземной полосы колебанія цѣнъ на рожь выражаются отъ $62,1\%$ въ 1894 году до $183,3\%$ въ 1891 году, или за исключеніемъ этихъ лѣтъ всего отъ $68,2\%$ въ 1896 году до $148,5\%$ въ 1881 году; другими словами, амплитуда колебаній для черноземныхъ губерній выражается въ $163,6\%$, для нечерноземныхъ же $122,2\%$ (соотв. $92_{8},0\%$ и $80,3\%$). То же самое явленіе обнаруживаютъ и другіе хлѣба. Такимъ образомъ, въ потребительныхъ раіонахъ цѣны являются гораздо болѣе устойчивыми, чѣмъ въ производительныхъ. Болѣе или менѣе одинаковые размѣры потребленія (конечно, отчасти сжимающагося подъ вліяніемъ повышенія цѣнъ при недородахъ) создаютъ устойчивый и равномѣрный спросъ; конкурренція же производительныхъ раіоновъ, поставляющихъ свой хлѣбъ на потребительные рынки, способствуетъ тому, что при недородѣ въ одномъ изъ производительныхъ раіоновъ, его мѣсто въ снабженіи внутренняго рынка замѣняется другимъ раіономъ; благодаря этому даже крупные недороды сказываются на цѣнахъ потребительнаго раіона сравнительно въ незначительной степени. Наоборотъ, въ производительныхъ раіонахъ, обходящихся обыкновенно безъ привознаго хлѣба, зависящихъ въ своемъ продовольствіи отъ

[1]) Сводъ статистическихъ данныхъ по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка, вып. II.

размѣровъ мѣстнаго урожая и сбывающихъ всѣ свои излишки на сторону, даже менѣе значительный недородъ сказывается сильнымъ, иногда чрезмѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ.

Чтобы ближе выяснить характеръ соотношенія цѣнъ и ихъ измѣненій за послѣдніе годы въ производительныхъ и потребительныхъ раіонахъ, сопоставимъ цѣны на рожь въ центрально-земледѣльческомъ и промышленномъ раіонѣ. Мы видѣли, что главнымъ поставщикомъ ржаныхъ продуктовъ на потребительные рынки промышленнаго раіона являются центрально-земледѣльческія губерніи, и конкурренція отдаленныхъ раіоновъ съ центрально-земледѣльческимъ здѣсь еще сравнительно слаба. Поэтому цѣны московско-промышленнаго раіона должны вообще находиться въ тѣсной зависимости отъ цѣнъ центрально-земледѣльческаго раіона. Дѣйствительно, какъ здѣсь, такъ и тамъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія отмѣчается ясная тенденція цѣнъ къ пониженію, прерываемая лишь неурожайными годами, особенно 1891 и 1897 гг. Съ другой стороны, однако, паденіе мѣстныхъ цѣнъ въ промышленномъ раіонѣ гораздо болѣе значительно, чѣмъ въ центрально-земледѣльческомъ раіонѣ, являющемся поставщикомъ промышленнаго раіона. Именно въ послѣднее двадцатилѣтіе цѣны на рожь въ разсматриваемыхъ двухъ раіонахъ были, въ коп. за пудъ [1]).

Годы.	Губерніи: центрально-черновем.	Губерніи: промышленныя.	Разница.
1881	94	123	29
1882	77	95	18
1883	84	64	20
1884	89	63	26
1885	76	48	18
1886	61	43	18
1887	51	37	13
1888	62	40	22
1889	71	52	19
1890	64	45	19
1891	125	128	3
1892	82	90	9
1893	49	70	21
1894	30	50	20
1895	31	51	20
1896	34	46	12
1897	62	65	3
1898	61	77	16
1899	49	65	16
1900	45	60	14

[1]) Сводъ статист. данныхъ, стр. 24.

Если возьмемъ тѣ же цѣны въ двухъ раіонахъ и разницу между ними въ среднемъ по пятилѣтіямъ, то получимъ слѣдующія цифры:

	$188^{1}/_{5}$.	$188^{6}/_{90}$.	$189^{1}/_{5}$.	$189^{6}/_{900}$.
Промышленныя	94	62	78	63
Центрально-черноземныя.	69	43	64	51
Разница	25	19	14	12

Послѣднія цифры представляются въ высшей степени характерными: ближайшій потребительный для земледѣльческаго центра рынокъ—промышленныя губерніи—долженъ становиться все менѣе доходнымъ для земледѣльческаго центра и постепенно ускользать отъ него; хлѣбныя цѣны въ промышленномъ раіонѣ почти совершенно правильно падаютъ, несмотря на то, что неурожайные 1891 и 1897 годы должны были сказаться повышеніемъ среднихъ цѣнъ послѣднихъ пятилѣтій. Между тѣмъ, въ центрально-земледѣльческихъ губерніяхъ паденіе цѣнъ далеко не такъ правильно и идетъ далеко не въ такой сильной степени, какъ въ потребительномъ раіонѣ, такъ что разница цѣнъ между промышленными и земледѣльческими губерніями становится все менѣе значительной.

Выше мы отмѣтили, что количественно центрально-земледѣльческій раіонъ въ поставкахъ ржаныхъ продуктовъ въ промышленныя губерніи все еще продолжаетъ занимать господствующее положеніе; теперь же видно, что это положеніе должно дѣлаться все менѣе устойчивымъ, благодаря тому, что размѣръ торговой прибыли по уровню мѣстныхъ цѣнъ центральнаго земледѣлія становится все меньше. Понятно, что понижательная тенденція мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ невыгодна и для земледѣлія промышленнаго раіона, но въ общей массѣ населенія промышленныя губерніи, какъ потребительныя, скорѣе даже заинтересованы въ пониженіи цѣнъ. Подъ давленіемъ конкурренціи хлѣба болѣе дешевыхъ раіоновъ и происходящаго вслѣдствіе этого пониженія доходности зернового хозяйства, населеніе промышленнаго раіона уже давно стало переходить или къ болѣе интенсивнымъ формамъ сельскаго хозяйства (травосѣяніе, молочное скотоводство и т. п.) или даже совсѣмъ къ другимъ формамъ приложенія своего труда.

Между тѣмъ, въ центрально-земледѣльческомъ раіонѣ и интенсивированіе сельскохозяйственнаго производства, и промышленныя формы приложенія народнаго труда развиты еще очень слабо и поэтому земледѣльческое, главнымъ образомъ зерновое хозяйство

является почти единственнымъ источникомъ средствъ существованія населенія. Быстро завершившійся, послѣ освобожденія крестьянъ, переходъ отъ натуральнаго строя хозяйственной жизни къ денежному, при сохраненіи въ то же время за зерновымъ земледѣльческимъ производствомъ единственнаго источника покрытія всѣхъ чрезвычайно возросшихъ денежныхъ потребностей, поставилъ центральное земледѣльческое, особенно крестьянское хозяйство въ крайне неблагопріятныя условія: продажа хлѣба, даже въ ущербъ собственному потребленію, сдѣлалась необходимостью. Массовое предложеніе зерна осенью, не считаясь съ существующими размѣрами спроса, стало обычнымъ явленіемъ, почему цѣны въ производительныхъ раіонахъ стали всецѣло зависѣть отъ размѣровъ урожая текущаго года, рѣзко повышаясь или также рѣзко понижаясь.

Дѣйствительно, напр., въ 1891—1892 и въ 1897 гг., вслѣдствіе крупныхъ недородовъ, цѣны въ центральныхъ раіонахъ возросли такъ неимовѣрно, что разница между мѣстными цѣнами въ производительномъ раіонѣ и въ потребительномъ почти сгладилась, дойдя до 9 и даже 3 к. въ пудѣ ржи. Между тѣмъ, въ слѣдующіе за этими годами, въ 1894—1895 гг., благодаря высокимъ урожаямъ и стремленію реализировать возможно большія количества зерна для покрытія недочетовъ предшествовавшихъ лѣтъ, цѣны упали до такого уровня, который являлся прямо разорительнымъ для центральнаго земледѣлія; за одинъ пудъ зерна въ 1891 году приходилось отдавать 4 слишкомъ пуда въ 1894 году; для потребительныхъ раіоновъ явился въ высшей степени дешевый поставщикъ, продававшій теперь вчетверо дешевле того, что онъ просилъ три года назадъ.

Однако, если не брать эти крайніе, критическіе годы, то необходимо отмѣтить, что даже этими убыточными для себя низкими цѣнами центральное земледѣліе не можетъ удержаться на потребительномъ рынкѣ промышленныхъ губерній, ищущихъ болѣе дешевыхъ продавцовъ. Хлѣбное производство земледѣльческаго раіона должно все болѣе направляться на удовлетвореніе возрастающаго собственнаго мѣстнаго спроса и лишь въ годы исключительно высокихъ урожаевъ возобновлять свою дѣятельность въ качествѣ поставщика на потребительные рынки центральнаго раіона. Сравнительно менѣе сильное пониженіе цѣнъ въ земледѣльческихъ раіонахъ является вообще выгоднымъ для мѣстнаго земледѣлія; но если принять во вниманіе болѣе сильное пониженіе цѣнъ въ потребительныхъ раіонахъ, то, окажется, что образующаяся вслѣдствіе этого все менѣе значительная торговая разница должна постепенно обращать центральное земледѣліе отъ служенія интересамъ внѣшняго потребленія къ потребленію мѣстному. Отмѣчающаяся въ послѣднее время «независимость» мѣстныхъ цѣнъ на внутреннихъ русскихъ рынкахъ и обусловливается этимъ возрастаніемъ значенія внутренняго спроса и мѣстнаго потребленія.

До сихъ поръ мы говорили исключительно лишь о мѣстныхъ цѣнахъ, т. е. о тѣхъ, по которымъ производитель продаетъ свой продуктъ на мѣстахъ производства торговцу. Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стоятъ эти мѣстныя цѣны къ торговымъ, т. е. рыночнымъ цѣнамъ въ болѣе крупныхъ торговыхъ пунктахъ. Возьмемъ два года съ вполнѣ удовлетворительными и въ общемъ съ средними для разсматриваемыхъ губерній урожаями; цѣны въ эти годы были [1]):

	1899.			1900.		
	Пшен.	Рожь.	Овесъ.	Пшен.	Рожь.	Овесъ.
Саратовская губ.	80	50	40	68	41	41
г. Саратовъ.	82	60	54	66	47	42
Самарская губ.	71	47	40	60	34	35
г. Самара	87	60	61	70	45	40
Орловская губ.	76	48	38	78	49	46
г. Елецъ	98	62	47	82	51	40
Тамбовская губ.	71	49	37	71	43	43
г. Козловъ	88	56	49	78	44	39
Московская губ.	—	67	55	—	59	48
г. Москва	100	67	59	84	53	48

Если сравнить, съ одной стороны, мѣстныя цѣны въ трехъ разсматриваемыхъ производительныхъ губерніяхъ съ цѣнами въ главныхъ для этихъ губерній потребительныхъ рынкахъ и съ другой — съ цѣнами московскаго потребительнаго рынка, то оказывается, что главное наростаніе въ цѣнахъ происходитъ большею частью въ первоначальной стадіи движенія хлѣба, т. е. съ мѣстъ производства до мѣстныхъ рынковъ; по сравненію же съ цѣнами этихъ мѣстныхъ рынковъ, хлѣбныя цѣны такого крупнаго потреби-

[1]) Мѣстныя цѣны по даннымъ Министерства Земледѣлія, рыночныя по даннымъ отдѣла торговли и «Вѣстника Финансовъ».

тельнаго рынка, какъ московскій, отличаются сравнительно уже мало. Впрочемъ, три представленные хлѣба занимаютъ въ этомъ отношеніи различное положеніе. Въ цѣнахъ пшеницы между московскими цѣнами и цѣнами центральныхъ губерній разница настолько незначительная, что не покрываетъ расходовъ на перевозку; поволжскія губерніи въ этомъ отношеніи, очевидно, могутъ конкуррировать съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ разница между волжскими и московскими цѣнами гораздо болѣе значительна, чѣмъ между центральными и московскими. Рожь по отношенію къ московскимъ потребительнымъ цѣнамъ стоитъ почти въ одинаковомъ положеніи какъ на средне-волжскихъ, такъ и на центральныхъ рынкахъ; принимая же во вниманіе болѣе близкое разстояніе отъ Москвы этихъ послѣднихъ, нужно сказать, что въ снабженіи московскаго рынка рожью центральный раіонъ по уровню своихъ цѣнъ имѣетъ даже нѣкоторое преимущество. Наконецъ, въ снабженіи овсомъ центральнымъ губерніямъ на московскомъ рынкѣ принадлежитъ безусловно полная возможность преобладанія надъ восточными губерніями. Такимъ образомъ, московскій потребительный рынокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь промышленный раіонъ въ снабженіи пшеницей зависитъ отъ цѣнъ средне-волжскихъ рынковъ, въ снабженіи же овсомъ — отъ цѣнъ центральнаго раіона, что, впрочемъ, можно было видѣть уже изъ отмѣченнаго выше преобладанія въ поставкахъ московскому раіону центральныхъ губерній для ржи и овса и восточныхъ—для пшеницы.

Что касается вообще соотвѣтствія мѣстныхъ и рыночныхъ цѣнъ внутри однихъ и тѣхъ же раіоновъ, то въ этомъ отношеніи потребительный московскій раіонъ также значительно отличается отъ производительныхъ раіоновъ: мѣстныя цѣны Московской губерніи совершенно не отличаются отъ цѣнъ московскаго рынка, что является вполнѣ понятнымъ потому, что вся вообще Московская губернія съ ея промышленнымъ населеніемъ представляетъ потребительный рынокъ; въ общемъ, онѣ почти одинаково и параллельно повышаются или понижаются въ зависимости отъ размѣровъ урожая. Наоборотъ, въ производительныхъ раіонахъ мѣстныя цѣны значительно отличаются отъ рыночныхъ въ соотвѣтствующихъ раіонахъ, и могутъ быть не только много ниже, но даже много выше рыночныхъ цѣнъ. Возьмемъ для сравненія три года, изъ которыхъ первый 1897 годъ отличался особенно крупнымъ неурожаемъ, 1898—1899 же годы, наоборотъ, урожайны; предыдущій 1896 годъ

былъ также съ среднимъ урожаемъ. Въ эти годы осеннія мѣстныя цѣны и осеннія же рыночныя цѣны были, въ коп. за пудъ [1]).

Годы.	Рожь.		Пшеница.	
	Елецкій у.	г. Елецъ.	Елецкій у.	г. Елецъ.
1897	66	61	100	100
1898	62	65	100	100
1899	18	56	76	86

Наступившій послѣ 1896 года, урожайнаго и съ дешевыми цѣнами, неурожай 1897 года оказался критическимъ для сельскаго населенія: запасы предыдущаго года были, какъ всегда, всѣ распроданы, продовольственная нужда становилась все болѣе интенсивной, недостаточному населенію приходилось платить на мѣстахъ производства крайне высокія цѣны (рожь 66 коп.). Между тѣмъ, въ такомъ крупномъ торговомъ пунктѣ, какъ Елецъ, имѣвшемъ еще запасы отъ прошлогодняго урожая, цѣны оказались не только не выше, но даже ниже мѣстныхъ для тѣхъ хлѣбовъ, которые особенно необходимы для собственнаго продовольствія (рожь 61 к.). Болѣе урожайный 1898 годъ измѣнилъ соотношеніе мѣстныхъ и рыночныхъ цѣнъ, прежде всего для ржи, предложеніе которой послѣ неурожая необходимо должно было увеличиться особенно сильно со стороны крестьянъ. Гораздо меньшее пониженіе было для пшеницы. Наконецъ, новый урожай 1899 г. принесъ еще большую разницу въ цѣнахъ какъ для ржи, такъ и для пшеницы, и, подъ вліяніемъ избыточнаго предложенія на мѣстахъ, цѣны здѣсь рѣзко упали, причемъ какъ степень паденія ихъ, такъ и несоотвѣтствіе мѣстныхъ цѣнъ съ рыночными, особенно невыгодны стали для ржи.

Такимъ образомъ, неурожай влечетъ за собой особенно сильное повышеніе мѣстныхъ цѣнъ, доходящее до того, что уровень ихъ превышаетъ рыночныя цѣны; наоборотъ, высокій урожай влечетъ за собой паденіе мѣстныхъ цѣнъ въ такой степени, что получается весьма значительная разница между ними и стоящими на болѣе высокомъ уровнѣ рыночными цѣнами. Но какъ то, такъ и другое обстоятельство не идетъ въ пользу мелкому производителю, кре-

[1]) По свѣдѣніямъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и по даннымъ «Вѣстника Финансовъ».

стьянину; первое, повышеніе мѣстныхъ цѣнъ, при отсутствіи свободной зерновой наличности, сказывается губительнымъ образомъ на условіяхъ его личнаго существованія; второе, пониженіе мѣстныхъ цѣнъ сравнительно съ рыночными, заставляетъ его крайне невыгодно реализовать свой урожай, отдавая всю пользу отъ болѣе высокихъ рыночныхъ цѣнъ мѣстному скупщику.

Въ связи съ тою же зависимостью размѣровъ предложенія отъ урожая и неравномѣрностью предложенія по отдѣльнымъ мѣсяцамъ года, находится то извѣстное и важное явленіе, что осеннія цѣны стоятъ всегда много ниже весеннихъ; но и въ этомъ отношеніи характеръ колебаній цѣнъ на мѣстахъ производства разнится отъ рыночныхъ колебаній цѣнъ. Если мы сравнимъ мѣстныя осеннія и весеннія цѣны, то соотношеніе ихъ для 50 губ. Европ. Россіи выразится въ среднемъ за 1888—1900 гг. слѣдующими цифрами, принимая осеннія цѣны за 100 [1]):

	Рожь.	Озимая пшен.	Яровая пшен.	Овесъ.	Ячмень.
Черноземныя губ.	106	108	107	111	110
Нечерноземныя губ.	104	111	110	111	107
50 губ. Европ. Россіи	105	111	109	111	109

Такимъ образомъ, осеннія цѣны ниже весеннихъ въ среднемъ почти на 10%; но это соотношеніе подвержено значительнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ размѣровъ урожая. Если въ нормальныхъ или среднихъ условіяхъ осеннія цѣны ниже весеннихъ, то при сильныхъ неурожаяхъ осеннія цѣны обнаруживаютъ настолько рѣзкое повышеніе, что значительно превосходятъ цѣны, стоявшія весной до сбора новаго неудачнаго урожая; и, наоборотъ, если послѣ неурожайнаго года слѣдуетъ годъ высоко урожайный, то весеннія цѣны могутъ настолько понизиться, что дойдутъ до уровня осеннихъ цѣнъ. Дѣйствительно, сравнимъ мѣстныя осеннія и весеннія цѣны за рядъ лѣтъ, послѣдующихъ за неурожайнымъ 1897 годомъ; въ среднемъ для отдѣльныхъ раіоновъ эти цѣны были, въ копѣйкахъ за пудъ [1]).

[1]) Составлено на основаніи соотв. «Годовъ въ сельскохоз. отношеніи» вып. I и VI, изд. Мин. Земледѣлія.

Для 6 центрально-земледѣльческихъ губерній:

	Пшеница.		Рожь.		Овесъ.	
	Весенн.	Осеннія.	Весенн.	Осеннія.	Весенн.	Осенн.
1897	—	94	—	62	—	61
1898	110	93	70	61	75	65
1899	93	76	64	49	65	39
1900	74	74	49	46	43	41
1901	77	83	49	57	50	66
1902	89	71	64	53	75	46
1903	75	—	55	—	47	—

Для 6 средне-волжскихъ губерній тѣ же хлѣба:

1897	—	85	—	50	—	49
1898	97	87	59	69	60	76
1899	100	72	73	48	78	34
1900	80	68	48	40	38	37
1901	75	89	43	59	41	67
1902	95	73	65	58	70	47
1903	79	—	59	—	52	—

Для московскаго промышленнаго раіона цѣны ржи:

	Весеннія.	Осеннія.
1897	—	65
1898	77	77
1899	81	65
1900	69	60
1901	67	72
1902	80	74
1903	80	—

Если сравнивать осеннія цѣны какого-либо года съ весенними послѣдующаго, то окажется, что наивысшая разница между ними получается въ такіе годы, какъ 1897—1898 гг., когда, вслѣдствіе сильнаго неурожая, мѣстныя цѣны стали расти уже съ осени, но особенно высокаго уровня достигли весною, вездѣ значительно превысивъ средній уровень.

Что касается въ частности центральныхъ губерній, то сравнительно хорошій урожай 1898 года, въ особенности для овса, сравнялъ осеннія цѣны 1898 года съ весенними 1899 года; очевидно, населеніе, благодаря хорошему урожаю 1898 года, было уже нѣсколько лучше обезпечено продовольственными средствами, и цѣны весной обнаруживали по сравненію съ осенними гораздо меньшее повышеніе, чѣмъ въ предыдущій 1897 годъ; однако, онѣ стоятъ все еще выше средняго уровня, такъ какъ имѣющіеся запасы по

необходимости должны направляться на покрытіе собственныхъ потребительныхъ нуждъ, и предложеніе зерна со стороны производителей идетъ болѣе сдержанно. Послѣдующій очень высокій урожай 1899 года вноситъ новое измѣненіе въ уровень цѣнъ: благодаря крупнымъ избыткамъ и увеличившемуся стремленію къ реализаціямъ, осеннія цѣны падаютъ очень сильно; но хотя размѣры реализаціи урожая и продажъ хлѣба очень велики, однако у производителей остаются все еще настолько значительные запасы, что и весеннія цѣны послѣдующаго 1900 года не только не обнаруживаютъ повышенія, но даже большею частью стоятъ ниже осеннихъ. Притомъ нужно замѣтить, что и здѣсь для центральныхъ губерній наибольшія колебанія обнаруживаетъ главный рыночный продуктъ—овесъ, наименьшія же—рожь.

Въ общемъ, тотъ же характеръ колебаній отмѣчается и для средне-волжскихъ губерній; здѣсь, однако, послѣ 1897 неурожайнаго года слѣдовалъ повторный неурожай 1898 года, благодаря чему какъ осеннія, такъ и весеннія цѣны продолжаютъ расти до 1899 года; но и послѣдующіе урожайные годы сравнительно менѣе значительно уравниваютъ весеннія цѣны съ осенними. Наконецъ, цѣны московскаго раіона, имѣя, въ общемъ, тотъ же ходъ колебаній, оказываются вообще болѣе устойчивыми.

Понятно, что подобный характеръ колебаній мѣстныхъ цѣнъ зависитъ не только отъ размѣровъ урожая и предложенія, но и отъ требованія со стороны тѣхъ потребительныхъ или экспортныхъ пунктовъ, которые являются рынками сбыта для производительныхъ раіоновъ. Но мы уже отмѣчали, что въ раіонахъ производства установленіе мѣстныхъ цѣнъ зависитъ часто совершенно односторонне отъ размѣровъ предложенія. Поэтому и на внутреннихъ рынкахъ рыночныя цѣны, хотя нѣсколько и уравниваются условіями и цѣнами международнаго рынка, однако, все же болѣе всего зависятъ отъ мѣстныхъ цѣнъ и въ своихъ колебаніяхъ повторяютъ ходъ колебаній мѣстныхъ цѣнъ. Для сравненія хода весеннихъ и осеннихъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ, возьмемъ такой типичный внутренній рынокъ, какъ Елецъ. Весеннія и осеннія цѣны въ теченіе послѣднихъ лѣтъ стояли на этомъ рынкѣ, въ коп. за пудъ [1]):

[1]) По даннымъ «Вѣстника Финансовъ» за соотвѣтствующіе годы.

Годы.	Пшеница. Весна.	Пшеница. Осень.	Рожь. Весна.	Рожь. Осень.	Овесъ. Весна.	Овесъ. Осень.
1897	—	101	—	61	—	59
1898	105	100	64	65	70	63
1899	92	87	64	56	55	42
1900	83	78	53	46	45	52
1901	80	89	50	56	56	65
1902	91	75	61	55	73	45
1903	79	77	58	54	93	46
1904	80	—	60	—	52	—
Колебанія . .	79—105	75—101	50—64	46—55	43—73	42—63
Средняя 1897—1904 .	87	85	58	57	56	53

Изъ приведенной таблицы видно, что особенно сильныя колебанія обнаруживаютъ цѣны овса — главнаго продукта сбыта центральныхъ губерній (отъ 42 до 63 коп. осенью и отъ 43 до 73 коп. весною), нѣсколько менѣе пшеницы (съ 75 коп. до 101 коп. и съ 79 коп. до 105 коп.), и наименьшія колебанія даетъ продуктъ внутренняго потребленія — рожь (съ 46 коп. до 65 коп. осенью и съ 50 коп. до 64 коп. весною). Въ то же время колебанія весеннихъ цѣнъ оказываются вообще болѣе значительными, чѣмъ колебанія осеннихъ, и, что особенно важно, эти весеннія колебанія идутъ болѣе часто въ направленіи выше средней, чѣмъ ниже ея, причемъ въ движеніи цѣнъ овса все это проявляется особенно рѣзко. Кромѣ того, соотношеніе весеннихъ и осеннихъ цѣнъ для отдѣльныхъ хлѣбовъ оказывается также различнымъ: оно для рыночныхъ продуктовъ (пшеницы и въ особенности овса) болѣе значительно, чѣмъ для ржи.

Это еще разъ доказываетъ, что реализація урожая населеніемъ идетъ въ такихъ размѣрахъ и при такихъ условіяхъ, что уровень продажныхъ цѣнъ для главныхъ рыночныхъ продуктовъ опредѣляется по преимуществу размѣрами предложенія и вообще мало благопріятенъ для производителя. Чрезмѣрныя продажи осенью по пониженнымъ цѣнамъ ведутъ за собой, какъ естественное слѣдствіе, обратныя покупки весною по цѣнамъ, которыя иногда сильно возрастаютъ, подъ вліяніемъ этого увеличенія внутренняго спроса. Это станетъ особенно яснымъ, если сравнить мѣстныя весеннія и осеннія цѣны съ таковыми же рыночными въ томъ же раіонѣ; въ среднемъ за разсматриваемый періодъ эти цѣны были, въ коп. за пудъ:

	Мѣстныя Елецкій у.	Рыночн. г. Елецъ.	Мѣстныя ниже на
Пшеница:			
весеннія	84	87	—3
осеннія	81	85	—4
Рожь:			
весеннія	57	58	—1
осеннія	56	57	—1
Овесъ:			
весеннія	52	56	—4
осеннія	48	53	—5

Такимъ образомъ, если представить въ діаграммѣ годовой ходъ мѣстныхъ и рыночныхъ цѣнъ, онъ изобразится сходными ломаными линіями, причемъ высшій пунктъ ихъ придется въ обоихъ случаяхъ на весенніе мѣсяцы, но линія рыночныхъ цѣнъ вообще менѣе изогнута: рыночныя цѣны вообще менѣе падаютъ осенью и менѣе повышаются весной, чѣмъ мѣстныя цѣны. По отдѣльнымъ хлѣбамъ (для центральныхъ губерній) наиболѣе параллеленъ ходъ цѣнъ ржи и наименѣе овса, для котораго разница осеннихъ мѣстныхъ и рыночныхъ цѣнъ достигаетъ наибольшей цифры.

Отсюда можно еще разъ подтвердить уже отмѣченное выше положеніе, — что ходъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ и отмѣчающаяся «независимость» ихъ отъ международнаго рынка, т. е. непараллельность колебанія цѣнъ мірового и русскаго рынка, представляется явленіемъ, далеко не столь благопріятнымъ для русскаго рынка и не свидѣтельствуетъ о его дѣйствительной экономической самостоятельности, какъ это можно было бы думать на первый взглядъ. Эта «независимость» происходитъ, съ одной стороны, отъ характера предложенія зерна въ наибольшихъ и даже избыточныхъ массахъ осенью; съ другой—отъ развитія внутренняго потребительнаго спроса со стороны того же производительнаго населенія весною, какъ результатъ усиленныхъ и избыточныхъ продажъ осенью: первый факторъ является для русскаго зерна понижательнымъ какъ на внутреннихъ, такъ и на международномъ рынкѣ, второй же— повышательнымъ. Притомъ, если осеннее пониженіе представляетъ общее явленіе не только русскаго, но и всего европейскаго и международнаго хлѣбнаго рынка (хотя для послѣдняго не въ такой степени, какъ для русскаго), то повышательное движеніе внутреннихъ цѣнъ весною большею частью не совпадаетъ съ движеніемъ цѣнъ на международномъ рынкѣ, такъ какъ къ этому времени на

немъ (особенно сильно за послѣдніе годы) начинаютъ выступать новые понижательные факторы, вліяющіе иногда настолько сильно, что весеннія цѣны оказываются не только не выше, но даже ниже осеннихъ цѣнъ. Эти факторы — преобладаніе въ весеннюю половину кампаніи на международномъ рынкѣ дешевыхъ провенансовъ странъ зимняго урожая — Аргентины, Индіи, Австраліи, все болѣе успѣшно конкуррирующихъ съ болѣе дорогимъ хлѣбомъ собственнаго европейскаго производства.

Это обстоятельство и обусловливаетъ то, такъ часто наблюдаемое явленіе, что цѣны въ русскихъ портахъ стоятъ часто ниже цѣнъ на внутреннихъ русскихъ рынкахъ, и что, продавая осенью свой хлѣбъ на международномъ рынкѣ по цѣнамъ, ниже внутреннихъ — такъ какъ въ это время не чувствуется сдерживающаго вліянія внутренняго спроса — порты лишь къ веснѣ начинаютъ вести повышательную кампанію на международномъ рынкѣ. Понятно, что подобнаго соотношенія портовыхъ весеннихъ и осеннихъ цѣнъ не образуется въ тѣ годы, когда урожай настолько великъ, что и на внутреннихъ рынкахъ весеннія цѣны стоятъ не выше осеннихъ.

Для выясненія соотношенія портовыхъ и внутреннихъ цѣнъ и роли ихъ въ снабженіи, возьмемъ весеннія и осеннія цѣны на внутреннихъ рынкахъ и двухъ главныхъ портовыхъ рынковъ, Одессы—для пшеницы и Либавы—для ржи. За послѣдніе годы на этихъ рынкахъ цѣны были, въ коп. за пудъ, пшеницы озимой, въ четв. 10 пуд. [1]):

Годы.	Осень.			Весна.		
	Одесса.	Елецъ.	Мѣстн. центр. губ.	Одесса.	Елецъ.	Мѣстн. центр. губ.
1897	109	101	94	—	—	—
1898	93	100	93	130	105	110
1899	92	87	76	88	92	93
1900	87	78	74	88	83	74
1901	79	89	83	94	80	74
1902	81	75	71	87	91	89
1903	—	—	—	85	79	75

[1]) Сост. на основаніи данныхъ Мин. Землед. и «Вѣстн. Финансовъ».

Въ тѣ же годы за пудъ ржи (нат. 120 зол.), въ коп. за пудъ [1]):

Годы.	Осень.			Весна.		
	Либава.	Елецъ.	Мѣстн. пром. раіоны.	Либава.	Елецъ.	Мѣстн. пром. раіоны.
1897	75	61	65	—	—	—
1898	84	65	77	82	64	77
1899	79	56	65	81	64	81
1900	68	46	60	74	53	69
1901	74	56	62	73	50	67
1902	75	55	74	81	61	80
1903	—	—	—	75	58	80

Весеннія цѣны оказываются вездѣ и почти всегда выше осенних цѣнъ предшествующаго года. Въ портовыхъ рынкахъ какъ пониженіе цѣнъ осенью, такъ и повышеніе ихъ весною бываетъ вообще болѣе значительно для пшеницы, чѣмъ для ржи.

Что же касается внутреннихъ рынковъ и мѣстныхъ цѣнъ, то здѣсь наибольшее и гораздо болѣе значительное, чѣмъ для портовыхъ рынковъ, весеннее повышеніе обнаруживаетъ хлѣбъ, составляющій главный предметъ продовольствія—именно рожь. Среднія цѣны на разныхъ рынкахъ за тотъ же періодъ 1897—1903 годовъ были:

	Осень.	Весна.
Пшеница:		
Одесса	89	93
Елецъ	85	86
Мѣстныя, центральныя губ.	81	84
Рожь:		
Либава	74	78
Елецъ	56	58
Мѣстныя, центральныя губ.	56	57
Мѣстныя, промышленныя губ.	67	76

Для внутреннихъ рынковъ весеннее повышеніе цѣнъ ржи, благодаря усиленію потребительнаго спроса значительно превосходитъ соотвѣтственное повышеніе цѣнъ въ портахъ, тогда какъ весеннее повышеніе цѣнъ пшеницы используется, главнымъ образомъ, портами.

[1]) Сост. на основаніи данныхъ Мин. Землед. и «Вѣст. Финансовъ».

Обратно, мотивъ пониженія цѣнъ осенью исходитъ для пшеницы, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ портовъ: портовыя осеннія цѣны мало выгодны для мѣстныхъ производителей, тогда какъ уровень осеннихъ цѣнъ на рожь въ портахъ оказывается вообще болѣе выгоднымъ. Это, впрочемъ, какъ мы только что указывали, не мѣшаетъ къ веснѣ усиленію потребительнаго спроса на рожь (повышеніе цѣнъ въ московскомъ раіонѣ съ 67 к. до 76 к.), снова измѣнить такое соотношеніе въ томъ направленіи, что цѣны внутреннихъ рынковъ становятся относительно выше портовыхъ.

Этимъ, въ сущности, и опредѣляется характеръ вліянія расцѣнки портовыхъ рынковъ на цѣны внутреннихъ рынковъ. Вслѣдствіе массоваго поступленія къ портамъ сначала пшеницы и нѣсколько позже ржи, осенью портовыя цѣны оказываютъ вобще понижательное вліяніе на внутреннія, причемъ особенно интенсивно оно сказывается на цѣнахъ пшеницы и менѣе—на цѣнахъ ржи. Весною какъ для пшеницы, такъ и для ржи повышательная тенденція внутреннихъ рынковъ побѣждаетъ понижательное вліяніе портовъ, благодаря уменьшенію поступленій съ внутреннихъ рынковъ, при увеличеніи экспортнаго спроса. Конечно, полную правильность такого соотношенія возможно наблюдать лишь въ годы «нормальные», т. е. въ годы среднихъ урожаевъ и при отсутствіи какихъ либо необычайныхъ явленій на внутреннемъ и международномъ рынкѣ. Годы исключительныхъ недородовъ или урожаевъ вносятъ въ годовой ходъ цѣнъ и въ соотношеніе ихъ на различныхъ рынкахъ крупныя отклоненія, но самый характеръ этихъ отклоненій лишь подтверждаетъ правильность указанныхъ выше заключеній о вліяніи экспортныхъ цѣнъ на внутреннія и слѣд. о характерѣ значенія для нашего хлѣбнаго производства внѣшняго рынка.

Возьмемъ сначала для примѣра урожайные годы, когда внутреннее хлѣбное производство давало дѣйствительно крупные избытки и за переполненіемъ внутренняго рынка должно было искать внѣшняго сбыта. Въ такихъ случаяхъ естественно ожидать пониженія какъ внутреннихъ, такъ и экспортныхъ цѣнъ, но это пониженіе, конечно, не должно-бы идти до такой степени, чтобы внутреннія цѣны могли стоять выше экспортныхъ, т. е. тѣхъ цѣнъ, по которымъ продается нашъ же хлѣбъ на заграничные рынки. Между тѣмъ весьма часто отмѣчается именно такое соотношеніе цѣнъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда урожай хлѣбовъ въ иностранныхъ госу-

дарствахъ развѣ лишь средній и не можетъ производить большого понижательнаго вліянія.

Возьмемъ для примѣра 1894 урожайный годъ; цѣны на русское зерно стояли въ этомъ году, въ копѣйкахъ за пудъ:

	Москва.	Лондонъ.	
		русское.	мѣстное.
Пшеница, сентябрь	78	72½	65½
Ячмень, іюнь	52	51½	—
Пшеница:	Варшава.		
іюнь	83	77½	83
сентябрь	77	72½	65½
Ячмень, декабрь	70	55½	59½

Подобное же ненормальное соотношеніе цѣнъ отмѣчается и въ другомъ урожайномъ 1904 году. Возьмемъ, напримѣръ, соотношеніе цѣнъ на русскіе овесъ и рожь на внутреннихъ рынкахъ и въ Берлинѣ, въ коп. за пудъ [1]).

	Ревель.	Рига	Варшава.	Берлинъ.	Антверпенъ.
Рожь:					
1 полугодіе	79	78	77	77	75
іюль	83	82	81	80	77
августъ	81	83	76	80	78
Овесъ:					
1 полугодіе	73	70	82	76	74
іюль	80	82	83	85	86
августъ	72	78	81	86	87
Пшеница:					
1 полугодіе	94	98	100	106	100
іюль	100	100	106	106	102
августъ	103	102	106	110	99

Соотношеніе цѣнъ оказывается далеко не всегда въ пользу русскихъ рынковъ. Заграничныя отмѣтки часто почти не превышаютъ уровень русскихъ цѣнъ, а иногда даже бываютъ значительно ниже ихъ; и это происходитъ въ годъ очень высокаго урожая въ Россіи и ниже средняго въ Зап. Европѣ. Понятно, что въ обычные годы это явленіе можетъ обнаруживаться еще болѣе рѣзко. Общія условія русскаго хлѣбнаго предложенія на иностранныхъ рынкахъ

[1]) Матеріалы по пересмотру тарифовъ въ 1904 г.

(его несдержанность, невозможность выжидать укрѣпленія цѣнъ, массовой наплывъ и поэтому часто необходимость продажъ по невыгоднымъ цѣнамъ) оказываютъ въ такомъ соотношеніи цѣнъ рѣшающее и настолько сильное вліяніе, что оно остается въ силѣ даже въ такіе годы, когда повидимому могло бы быть парализовано противоположнымъ неблагопріятнымъ положеніемъ внутренняго хлѣбнаго снабженія. Одинъ изъ наиболѣе яркихъ къ тому доказательствъ далъ послѣдній голодный 1906—7 годъ.

Еще въ началѣ 1906—7 сельскохозяйственнаго года, т. е. въ іюлѣ 1906 г., когда опасенія сильнѣйшаго неурожая начали принимать все болѣе опредѣленную форму, на внутреннихъ русскихъ рынкахъ стала сказываться замѣтная повышательная тенденція. Между тѣмъ цѣны русскихъ портовъ обнаруживали не повышательную, а скорѣе понижательную тенденцію, слѣдуя въ этомъ отношеніи заграничнымъ рынкамъ. Такъ, если сравнить ходъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за іюль 1906 г., то увидимъ такую противоположность въ ходѣ ихъ отмѣтокъ [1]):

	1 іюля.	8 іюля.	15 іюля.	22 іюля.	29 іюля.
Пшеница:					
Елецъ, к.	86	88	90	90	90
Одесса, к.	92	93	94	93	91
Ростовъ н/Д. . . .	100	101	102	111	112
Берлинъ, м. . . .	182	182	182	175	175
Лондонъ, ц. . . .	29/10	29/10	29/9	29/7	29/7
Нью-Іоркъ, ц. . .	84	83	82	80	79
Рожь:					
Елецъ	65	68	75	78	78
Кіевъ	63	64	64	66	67
Саратовъ	77	81	83	83	81
Берлинъ	157	156	153	153	156

Съ тѣхъ поръ, какъ неурожай значительной части Россіи вполнѣ выяснился, ходъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ пріобрѣлъ рѣзко повышательный характеръ, доведя ихъ до уровня настоящихъ «голодныхъ» цѣнъ. Такъ, если сравнить цѣны главныхъ внутреннихъ русскихъ рынковъ за рядъ мѣсяцевъ 1906—7 года, то получимъ такую таблицу цѣнъ къ началу мѣсяца, въ коп. за пудъ:

[1]) *П. Лященко.* «Хлѣбная торговля и хлѣбное снабженіе въ 1906 г.» В. Ф. 1907, 16.

Въ началѣ:	Пшеница: Елецъ.	Пшеница: Кіевъ.	Рожь: Елецъ.	Рожь: Саратовъ.	Рожь: Рыбинскъ.
іюня	86	86	63	68	78
іюля	86	86	65	77½	78
августа	90	85½	77	83½	93
сентября	98	86½	78	87½	97
октября	98	88½	78	86	93
ноября	99	87½	79	82½	—
декабря	102	90½	82	87	—
января	105	94	88	91	—
февраля	115	104	102	105	—

Казалось бы, что такое рѣзко повышательное движеніе внутреннихъ русскихъ цѣнъ должно отразиться такимъ же повышеніемъ и нашихъ экспортныхъ и портовыхъ цѣнъ, т. е. что съ повышеніемъ внутреннихъ цѣнъ Россія возьметъ повышательную роль и на заграничныхъ рынкахъ. Оказывается, однако, что такого соотвѣтствія именно и не было. Если разсматривать, напр., цѣны такихъ представителей внутреннихъ и портовыхъ рынковъ, какъ Елецъ и Одесса, то можно замѣтить, что уже съ первой половины августа эти цѣны мѣняются своими мѣстами: болѣе низкія елецкія цѣны растутъ и обгоняютъ одесскія, стоявшія прежде болѣе высоко, осенью же пошедшія на убыль. Очевидно, что обычное стремленіе къ возможно быстрой реализаціи урожая на заграничныхъ рынкахъ и наплывъ хлѣба къ портамъ сказались здѣсь въ самой полной мѣрѣ. Хотя высокія внутреннія цѣны въ значительной мѣрѣ сдерживали и парализовали экспортъ, а накопляемое въ портахъ зерно часто оставалось безъ дальнѣйшаго движенія на заграничные рынки, однако, уже самое это накопленіе вліяло все же понижательнымъ образомъ на расцѣнку русскаго хлѣба на заграничныхъ рынкахъ, а наше повышеніе цѣнъ учитывалось—Соед. Штатами.

Дѣйствительно, если сравнить, напр., приведенныя выше внутреннія русскія цѣны съ русскими же портовыми и цѣнами Соед. Штатовъ, то получимъ слѣдующую картину. Цѣны на пшеницу въ началѣ каждаго мѣсяца были:

Къ началу:	Елецъ. Коп. за п.	Одесса. за п.	Нью-Іоркъ, цент. за буш.
августа	90	90	77¾
сентября	98	82	78⅝
октября	98	85	79⅞
ноября	99	85	81⅝
декабря	102	86	81⅝

Повышеніе цѣнъ въ Нью-Іоркѣ, не смотря на то, что урожай 1906 г. былъ для Соед. Штатовъ рекорднымъ по размѣрамъ, идетъ параллельно росту нашихъ «голодныхъ» цѣнъ, тогда какъ наши же портовыя цѣны не только не повышаются, а скорѣе понижаются. Что это пониженіе было пониженіемъ не только портовыхъ цѣнъ (что могло бы быть слѣдствіемъ частнаго явленія, напр.—накопленія запасовъ), а пониженіемъ вообще экспортныхъ цѣнъ, т. е. тѣхъ цѣнъ, по которымъ русскій хлѣбъ продавался заграницей, видно изъ того, что на лондонскомъ рынкѣ азовско-черноморская пшеница понизилась за указанное время, съ августа по декабрь, съ 28/3 шилл. за квар. до 26/6 шилл. за квар., тогда какъ американская пшеница за то же время повысилась здѣсь съ 6/2 шилл. за цент. до 6/5 шилл. за цент.

Такимъ образомъ, какъ въ годы, исключительно высокіе по урожаю, такъ и въ годы средніе и, наконецъ, даже и въ годы голодные—мы продаемъ свой хлѣбъ на заграничные рынки по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ тѣ, которыя стоятъ на внутреннихъ русскихъ рынкахъ т. е. по которымъ покупаетъ хлѣбъ наше потребительное населеніе и по которымъ продастъ нашъ производитель. Остается разсмотрѣть, гдѣ именно въ торговомъ обмѣнѣ происходитъ такое установленіе невыгоднаго соотношенія цѣнъ — на мѣстахъ-ли, у производителя, или уже по выходѣ товара изъ рукъ его, въ рукахъ у торговца, въ портахъ.

Портовыя цѣны, конечно, должны быть всегда значительно выше расцѣнокъ на мѣстахъ производства, такъ какъ включаютъ въ себѣ расходы транспорта. Для выясненія вліянія портовыхъ цѣнъ на мѣстныя необходимо было бы сравнить мѣстныя цѣны съ тѣмъ остаткомъ, который получится за вычетомъ изъ портовыхъ цѣнъ расходовъ по перевозкѣ, т. е. желѣзнодорожныхъ тарифовъ, накладныхъ расходовъ и т. п.; къ сожалѣнію, недостатокъ статистическаго матеріала обнаруживается и здѣсь, заставляя ограничиться лишь общими и приблизительными указаніями.

Возьмемъ портовыя цѣны въ главныхъ русскихъ портахъ въ среднемъ за 3 осенніе мѣсяца и, опредѣливъ транспортные и накладные расходы по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ отъ главныхъ станцій отправленія до портовъ, вычтемъ величину этихъ расходовъ изъ портовыхъ цѣнъ. Тогда получимъ для раіона каждой отдѣльной станціи отправленія или въ среднемъ для цѣлой губерніи тѣ цѣны, которыя экспортеръ можетъ платить, и въ среднемъ пла-

титъ, покупая хлѣбъ на мѣстѣ для отправокъ къ портамъ. Такъ какъ экспортный спросъ представляется вообще не только не единственнымъ, но по абсолютнымъ размѣрамъ даже не первымъ, имѣя предъ собою въ видѣ конкуррентовъ спросъ мѣстнаго потребителя или мукомола, то средняя мѣстная цѣна устанавливается въ зависимости отъ совокупности всѣхъ этихъ видовъ спроса; при этомъ расцѣнки портовъ въ отдѣльности могутъ быть выше или ниже среднихъ мѣстныхъ цѣнъ, т. е. производить повышательное или понижательное вліяніе. Въ этихъ цѣляхъ мы и сравнимъ, какъ указано, мѣстныя среднія цѣны съ остаткомъ отъ портовыхъ цѣнъ за вычетомъ издержекъ транспорта. Эти цѣны были въ копѣйкахъ за пудъ [1]):

Губерніи и хлѣба.	Остатокъ на мѣстѣ за вычетомъ тарифа изъ портовой цѣны.			Среднія мѣстныя цѣны по губерніямъ.		
	1895.	1900.	1903.	1895.	1900.	1903.
Курская:						
рожь	34	48	53	35	47	51
овесъ	37	42	44	38	45	46
Орловская:						
рожь	36	43	55	40	49	57
овесъ	39	43	44	44	46	48
Тульская:						
рожь	34	47	55	36	44	53
овесъ	37	42	45	44	45	51
Тамбовская:						
рожь	33	45	53	30	43	53
овесъ	36	41	43	36	43	48
Воронежская:						
рожь	31	44	50	31	46	45
пшеница	61	67	71	58	74	68
овесъ	34	41	40	35	44	44
Пензенская:						
рожь	31	45	53	27	40	52
овесъ	33	38	43	31	39	49
Саратовская:						
рожь	32	44	52	27	41	48
пшеница	56	65	71	51	68	62
овесъ	32	40	44	37	41	50

[1]) Составлены на основаніи «Матеріаловъ по пересмотру тарифовъ 1904 года» и данныхъ Министерств. Землед. и Гос. Имуществъ.

Губерніи и хлѣба.	Остатокъ на мѣстѣ за вычетомъ тарифа изъ портовой цѣны.			Среднія мѣстныя цѣны по губерніямъ.		
	1895.	1900.	1903.	1895.	1900.	1903.
Обл. войска Донского:						
рожь	35	47	52	36	51	51
пшеница	66	71	76	65	76	72
ячмень	31	49	44	33	48	45
Екатеринославская:						
рожь	44	58	56	41	49	52
пшеница	70	76	76	69	74	72
ячмень	37	51	43	37	52	44
Херсонская:						
рожь	44	57	56	46	62	52
пшеница	72	78	76	73	81	74
ячмень	39	53	45	44	57	47
Полтавская рожь:						
сѣв. порты	35	48	54	35	48	48
южн. порты	41	55	53	35	48	48
пшен. южн. портовъ	67	73	73	66	72	69
Харьковская:						
рожь	33	46	51	36	50	49
пшеница	65	73	74	64	98	71
овесъ	38	45	45	37	46	48

Изъ сравненія мѣстныхъ цѣнъ съ соотвѣтствующими размѣрами портоваго остатка на станціяхъ отправленія видно, что портовыя расцѣнки стоятъ большею частью выше мѣстныхъ цѣнъ, т. е. имѣютъ по отношенію къ мѣстнымъ цѣнамъ повышательное значеніе, для хлѣбовъ, которые осенью сбываются на внутреннихъ рынкахъ сравнительно сдержано (пшеница, особенно рожь), тогда какъ для тѣхъ хлѣбовъ, которые сбываются осенью въ особенно большихъ массахъ, портовыя осеннія цѣны даютъ большею частью понижательныя директивы (овесъ, частью пшеница).

Другими словами — производитель осенью принужденъ отдавать свой продуктъ тѣмъ ниже его рыночной стоимости, чѣмъ болѣе усиленное и массовое предложеніе сбиваетъ внутреннія цѣны. При томъ нужно замѣтить, что такъ называемый «внутренній экспортеръ» предпочитаетъ, какъ извѣстно, зерно низшаго качества, болѣе засоренное сравнительно съ тѣмъ, которое требуется для внутренняго потребителя, мукомола, не останавливаясь предъ самымъ низкимъ и самымъ дешевымъ зерномъ. Такимъ образомъ, мѣстныя цѣны своей вынужденной понижательной тенденціей идутъ

на встрѣчу понижательному же стремленію внутренняго экспортера, производя съ двухъ сторонъ понижательное давленіе на рынокъ. Лишь въ годы исключительные (мѣстные недороды, усиленный экспортный спросъ) такой «entente cordiale» экспортера и производителя можетъ нарушаться и измѣняться въ пользу того или другого, но все же приведенныя сравненія вполнѣ подтверждаютъ сдѣланные выше выводы о неблагопріятномъ вліяніи усиленнаго осенняго предложенія на соотношеніе мѣстныхъ и портовыхъ цѣнъ, въ особенности по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые являются осенью главнымъ предметомъ массоваго и общаго сбыта.

По массовому характеру, интенсивности и одновременности поступленій на рынокъ на первомъ мѣстѣ, въ особенности для нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ губерній, долженъ быть поставленъ овесъ, который осенью сбывается крестьянами въ большихъ количествахъ, безъ выжиданія цѣнъ. Нѣсколько менѣе интенсивное и обильное предложеніе со стороны крестьянскихъ хозяйствъ идетъ осенью для ржи, которая за то часто въ очень крупныхъ партіяхъ идетъ изъ помѣщичьихъ хозяйствъ; но съ другой стороны, и спросъ на рожь осенью со стороны внутренняго крупнаго потребителя, мукомола и винокура, очень интенсивный, причемъ, направляясь на лучшіе сорта и партіи, онъ является нѣсколько повышательнымъ факторомъ. Наконецъ, пшеница, обыкновенно находящаяся въ болѣе крѣпкихъ рукахъ, предлагается менѣе интенсивно, болѣе сообразуясь съ цѣнами и находя въ то же время также хорошій внутренній мукомольный спросъ; впрочемъ со стороны крестьянскихъ хозяйствъ и пшеница сбывается осенью въ очень крупныхъ количествахъ. Поэтому наиболѣе сильно понижательное вліяніе такихъ неблагопріятныхъ условій осенняго предложенія должно сказываться на продуктахъ массоваго производства и сбыта—овса, ячменя, пшеницы и менѣе для ржи.

Дѣйствительно, изъ приведенной таблицы видно, что, напр., для овса, сбываемаго осенью въ большихъ массахъ именно къ портамъ изъ всѣхъ центральныхъ губерній (Курская, Орловская, Тульская, Тамбовская, Саратовская), а также для ячменя, идущаго осенью исключительно на экспортъ изъ южныхъ губерній (Екатеринославская, Херсонская, Донская обл.), портовыя расцѣнки стоятъ всегда ниже мѣстныхъ цѣнъ, т. е. экспортеръ (конечно, не покупающій себѣ въ убытокъ) платитъ за зерно на мѣстныхъ рынкахъ вообще болѣе низкія цѣны, чѣмъ тѣ, которыя въ среднемъ устанавливаются на этихъ рынкахъ подъ воздѣйствіемъ всей совокупности не только понижательныхъ, но и повышательныхъ вліяній [1]).

Совершенно обратнымъ представляется соотношеніе мѣстныхъ и портовыхъ осеннихъ цѣнъ для ржи. Такъ какъ осенью рожь поступаетъ на рынокъ вообще медленнѣе и въ меньшихъ количествахъ, чѣмъ овесъ (изъ центральныхъ губ.) и ячмень (изъ южныхъ), то такого избыточнаго предложенія въ порты этого хлѣба, какъ овса и ячменя не бываетъ; наоборотъ, осенью рожь идетъ больше на внутренніе рынки и потому нѣкоторое переполненіе чувствуется скорѣе здѣсь. Поэтому для ржи понижательная тенденція мѣстныхъ цѣнъ, несмотря на болѣе благопріятныя портовыя отмѣтки, сказывается наиболѣе рѣзко: во всѣхъ губерніяхъ съ преобладающимъ производствомъ и экспортомъ ржи (Тульской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Полтавской, Воронежской, Самарской, Саратовской, Екатеринославской губ. и въ Донской обл.) продажныя мѣстныя осенью цѣны оказываются много ниже портоваго остатка; порты оказываютъ даже нѣсколько повышательное вліяніе, но, несмотря на это, мѣстныя цѣны подъ давленіемъ предложенія стремятся къ пониженію. Поэтому-то, какъ мы видѣли выше, мѣстныя цѣны напр. елецкаго раіона осенью уравниваются съ цѣнами Ельца, какъ потребительнаго и рыночнаго пункта (56 коп.), понижаютъ цѣны внутренняго московскаго рынка до 67 к., противъ весеннихъ 76 к. Въ общемъ, то же явленіе отмѣчается и для пшеницы, осеннія цѣны которой въ главнѣйшемъ раіонѣ производства (Екатеринославская, Подольская, Харьковская, Херсонская, Донская

[1]) Какъ мы указывали, мѣстныя цѣны, данныя по свѣдѣніямъ Министерства Земледѣлія, относятся главнымъ образомъ къ цѣнамъ помѣщичьихъ хлѣбовъ. Сравненіе ихъ съ портовыми для тѣхъ хлѣбовъ, которые и на экспортъ идутъ въ значительной мѣрѣ изъ помѣщичьяго хозяйства (пшеница, частью рожь) представляется поэтому болѣе правильнымъ, чѣмъ для овса, который въ большихъ массахъ идетъ на экспортъ отъ крестьянъ—а извѣстно, насколько сильно разнятся по цѣнѣ крестьянскіе хлѣба отъ помѣщичьихъ, благодаря худшему качеству зерна. Поэтому сравненіе въ предыдущей таблицѣ мѣстныхъ цѣнъ на овесъ съ портовымъ остаткомъ грѣшитъ въ томъ направленіи, что портовыя цѣны выведены по преимуществу на цѣнахъ крестьянскаго овса, мѣстныя же по преимуществу на цѣнахъ помѣщичьяго овса. И если принять во вниманіе всю эту громадную разницу въ качествѣ продаваемаго помѣщичьимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ зерна, и особенно неблагопріятныя для крестьянскаго хозяйства условія реализаціи, то нужно придти къ заключенію, что для овса вліяніе осеннихъ цѣнъ еще болѣе понижательно.

обл., Воронежская, Саратовская губ.) также не слѣдуютъ портовымъ но наоборотъ являются понижательными.

Такимъ образомъ, если осеннее пониженіе цѣнъ представляется вообще «естественнымъ», т. е. свойственнымъ всей вообще міровой хлѣбной торговлѣ, то въ условіяхъ русскаго земледѣльческаго хозяйства оно является и особенно сильнымъ, и особенно вреднымъ. Зависи, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій реализаціи урожая, въ которыхъ находится русскій производитель, въ особенности массовый производитель — крестьянинъ, это пониженіе особенно рѣзко и неблагопріятно сказывается на крестьянскомъ хозяйствѣ и на предметахъ преимущественнаго его сбыта, производя въ то же время неблагопріятное понижательное давленіе и на болѣе сильныя хозяйства; въ результатѣ хлѣбъ продается осенью на международномъ рынкѣ или въ крѣпкія руки посредниковъ ниже его рыночной цѣны, и даже, можетъ быть, ниже его дѣйствительной стоимости производства, хотя бы тому же производителю пришлось зимой голодать, а весной покупать то же зерно по болѣе высокимъ цѣнамъ.

Итакъ, резюмируемъ теперь вкратцѣ тѣ выводы, которые позволяютъ сдѣлать имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи статистическіе матеріалы относительно условій и значенія хлѣбнаго рынка и хлѣботорговаго обмѣна для всего вообще народнаго хозяйства.

Съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги впервые соединили производительныя губерніи сначала центра, а затѣмъ и востока съ портовыми и внутренними рынками, условія существованія преобладавшаго до того времени въ земледѣльческомъ населеніи натуральнаго хозяйства значительно измѣнились подъ напоромъ новыхъ условій денежнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ совершенно иныя отношенія къ рынку встало и земледѣльческое зерновое хозяйство страны. Эти отношенія могутъ быть характеризованы съ одной стороны, какъ все большая зависимость зернового хозяйства отъ характера и условій рынка; и съ другой, какъ расширеніе значенія внутренняго рынка, внутренняго потребительнаго спроса и вытѣсненіе имъ преобладавшаго прежде вліянія экспортнаго спроса.

Дѣйствительно, желѣзныя дороги, соединившія прежде всего производительный центръ съ портами и давшія не только выходъ на рынокъ старымъ запасамъ, но и толчокъ къ развитію торгова зернового хозяйства въ раіонахъ съ прежнимъ преобладаніемъ натуральнаго строя, могли первоначально двинуть на рынокъ только тотъ хлѣбъ, который являлся главнымъ въ народномъ производствѣ и на избытки котораго можно было болѣе всего разсчитывать. Это и была преимущественно крестьянская рожь, двинувшаяся изъ центра по желѣзнымъ дорогамъ въ подавляющемъ количествѣ, какъ на внутренній, такъ и на внѣшній рынокъ. Это и позволило заключать, что «наши желѣзныя дороги питаются главнымъ образомъ, крестьянскою рожью» (Чупровъ). Дѣйствительно, мы видѣли, что въ 70-хъ годахъ рожь являлась преобладающимъ продуктомъ въ желѣзнодорожныхъ перевозкахъ. Однако, послѣдующія общія перемѣны въ народномъ хозяйствѣ, развитіе денежно-торговыхъ отношеній съ ихъ наиболѣе могучимъ орудіемъ, желѣзными дорогами, охватившими всю страну до самыхъ отдаленныхъ восточныхъ окраинъ, пересоздали характеръ зернового производства и хлѣбнаго рынка, внеся крупныя перемѣны во взаимныя соотношенія какъ отдѣльныхъ раіоновъ страны, такъ и производителей и потребителей вообще.

Съ одной стороны, все болѣе возрастающее значеніе хлѣбнаго рынка, съ его требованіемъ, главнымъ образомъ, пшеничныхъ продуктовъ; съ другой—естественныя преимущества пшеничныхъ, хотя бы болѣе отдаленныхъ раіоновъ, явились причиной того, что въ торговомъ движеніи и въ обмѣнѣ все большее значеніе начинаютъ получать именно пшеничные продукты. Уже въ 90-хъ годахъ завоеваніе рынка пшеницей оттѣсняетъ торговое движеніе ржи на второе мѣсто, а въ девятисотыхъ годахъ даже ростъ торговаго движенія овса обгоняетъ рожь, оттѣсняя ее на третье мѣсто. Рожь вытѣсняется частью и изъ производства, но еще болѣе теряетъ свое прежнее торговое значеніе, становясь хлѣбомъ по преимуществу собственнаго потребленія массоваго производителя-крестьянина,каковой она и была по существу съ самаго начала; какъ рыночный продуктъ со стороны этого производителя она поступаетъ теперь уже въ значительно меньшей степени: такимъ является овесъ. Пшеница же, представляясь вообще преобладающимъ по размѣрамъ рыночнымъ продуктомъ, отличается по своему положенію на рынкѣ лишь въ томъ отношеніи, что, благодаря нѣкоторымъ экономическимъ условіямъ отдѣльныхъ, воздѣлывающихъ ее хозяйствъ и цѣлыхъ раіоновъ съ преобладаніемъ ея культуры, хотя и производится спеціально въ цѣляхъ продажи, но находится вообще въ бо-

лѣе «крѣпкихъ рукахъ». Это обстоятельство и вліяетъ на характеръ хлѣбнаго снабженія и поступленій на рынокъ тѣхъ и другихъ хлѣбовъ.

Такъ, вслѣдствіе этой причины наибольшая часть всего роднаго производства поступаетъ на рынокъ именно пшеницы: ея рыночные обороты обнимаютъ вообще отъ половины до трехъ четвертей всего производства страны. Нѣсколько меньше отношеніе поступающаго на рынокъ количества ко всему производству для овса, и совсѣмъ ничтожно оно для ржи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ различное положеніе въ производствѣ и въ обмѣнѣ пшеницы, ржи и овса вноситъ разницу и въ годовой ходъ снабженія этими хлѣбами. Пшеница, какъ хлѣбъ торговый по преимуществу, воздѣлываемый въ хозяйствахъ и раіонахъ болѣе высокаго экономическаго благосостоянія, хотя и поступаетъ на рынокъ вообще прежде другихъ хлѣбовъ, но до самаго конца сельскохозяйственнаго года оставляетъ въ странѣ сравнительно гораздо большіе запасы въ рукахъ у производителей. Поэтому же и торговое движеніе ея, поскольку оно выражается въ желѣзнодорожныхъ и водныхъ перевозкахъ, не такъ тѣсно связано по своимъ размѣрамъ съ урожаемъ текущаго года, имѣя возможность нѣсколько увеличиваться и при плохомъ урожаѣ, за счетъ старыхъ запасовъ. Совершенно иной видъ представляетъ торговое движеніе ржи и овса. Овесъ, какъ хлѣбъ торговый, но сбывающійся преимущественно массовымъ и наименѣе состоятельнымъ производителемъ-крестьяниномъ, въ теченіе годового періода почти весь исчезаетъ и изъ потребленія, и съ внутренняго рынка: запасы овса, также какъ другого торговаго хлѣба—ячменя, къ концу года, какъ мы видѣли, достигаютъ минимальныхъ, по отношенію къ общимъ размѣрамъ производства, цифръ. Поэтому же и размѣры годового торговаго движенія, въ его отраженіи—желѣзнодорожныхъ перевозкахъ, оказываются вполнѣ параллельными размѣрамъ текущаго урожая, такъ какъ находятся въ полной отъ этого урожая зависимости.

Въ связи съ условіями реализаціи урожая и одновременнымъ наплывомъ хлѣбовъ на рынокъ осенью, когда внутренній рынокъ не можетъ вмѣстить всю массу предлагаемаго хлѣба, весь хлѣбный рынокъ и всѣ условія хлѣбнаго снабженія въ осеннюю половину кампаніи попадаютъ въ тѣсную и прямую зависимость отъ внѣшняго экспортнаго рынка, и къ удовлетворенію именно этого экспортнаго рынка направляются ежегодно первые шаги вступающаго въ торговый оборотъ хлѣба. Въ зависимости, однако, отъ разнаго внутренняго продовольственнаго значенія хлѣбовъ и здѣсь для отдѣльныхъ хлѣбовъ отмѣчается значительная разница. Раньше всего и быстрѣе всего на внѣшній рынокъ начинаетъ поступать пшеница, а также ячмень: ихъ запасы въ портовыхъ рынкахъ начинаютъ быстро расти немедленно за снятіемъ урожая; однако, вмѣстѣ съ тѣмъ они и первые начинаютъ убывать—международный торговый хлѣбъ спѣшитъ занять мѣсто на международномъ рынкѣ, быстро покидая свои отечественные порты. Поступленіе овса и особенно ржи на портовые рынки происходитъ уже гораздо позже, причемъ и убыль ихъ идетъ нѣсколько медленнѣе. Лишь послѣ удовлетворенія внѣшняго спроса начинается приливъ хлѣба къ внутреннимъ рынкамъ, причемъ особенно значительная разница въ скорости поступленій отмѣчается именно для пшеницы. Весь ходъ снабженія даже и внутреннихъ рынковъ зависитъ, такимъ образомъ, отъ удовлетворенія внѣшняго экспортнаго рынка, несмотря на то, что по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ онъ значительно меньше перваго.

Эта характерная черта въ условіяхъ хлѣбнаго снабженія—невозможность для внутренняго рынка вмѣстить все количество предлагаемаго осенью на продажу зерна—является причиной другого, весьма важнаго явленія: мѣстныя цѣны въ производительныхъ раіонахъ устанавливаются въ значительной мѣрѣ не какъ равнодѣйствующая спроса и предложенія, а часто въ зависимости отъ одного, всегда избыточнаго предложенія. Поэтому-то мѣстныя цѣны производительныхъ раіоновъ и отличаются такой неустойчивостью, такими громадными колебаніями, которыхъ не знаютъ потребительные раіоны: въ случаяхъ хорошаго урожая цѣны въ производительныхъ раіонахъ всегда склонны падать гораздо ниже общаго, средняго пониженія, въ случаяхъ же плохого урожая онѣ имѣютъ тенденцію повышаться до чрезмѣрно высокаго уровня; это повышеніе доходитъ часто до того, что мѣстныя цѣны, т. е. цѣны на мѣстахъ производства, оказываются выше цѣнъ на крупныхъ потребительныхъ рынкахъ.

Въ общемъ тоже явленіе, хотя и въ меньшей степени, и по тѣмъ же причинамъ наблюдается въ колебаніяхъ и въ соотношеніи весеннихъ и осеннихъ цѣнъ. Завися осенью исключительно отъ предложенія, мѣстныя осеннія цѣны оказываются наименѣе устойчи-

выми, въ урожайные годы вообще особенно усиленно стремясь къ пониженію; разница между мѣстными осенними и рыночными осенними цѣнами въ годы хорошаго урожая бываетъ наивысшая. Къ осени, наоборотъ, мѣстныя цѣны, благодаря увеличенію мѣстнаго потребительнаго спроса, обнаруживаютъ такую сильную тенденцію къ возрастанію, что часто даже въ благопріятные годы догоняютъ рыночныя цѣны. Такимъ образомъ, разница между осенними и весенними мѣстными цѣнами получается, вообще говоря, очень значительная, гораздо больше, чѣмъ разница между осенними и весенними цѣнами на потребительныхъ рынкахъ и притомъ наивысшая въ годы плохихъ урожаевъ въ особенности для того хлѣба, условія сбыта котораго мѣстнымъ населеніемъ поставлены въ наименѣе благопріятныя условія, напр. въ центральныхъ губерніяхъ для овса.

Такой ходъ цѣнъ въ производительныхъ раіонахъ, въ особенности въ связи съ конкурренціей восточныхъ и южныхъ раіоновъ съ центральными изъ за дешевизны поставляемаго ими на рынокъ зерна, влечетъ за собой новое весьма важное слѣдствіе, клонящееся, благодаря общему паденію цѣнъ, къ выгодѣ потребительныхъ раіоновъ и къ невыгодѣ производительныхъ: цѣны въ потребительныхъ раіонахъ падаютъ вообще еще больше, чѣмъ въ производительныхъ. Населеніе потребительныхъ раіоновъ, прикупающее хлѣбъ—заинтересовано скорѣе въ низкихъ, чѣмъ въ высокихъ цѣнахъ; поэтому выгода отъ указаннаго понижательнаго измѣненія цѣнъ для потребительныхъ раіоновъ оказывается, вообще говоря, нѣсколько больше, чѣмъ соотвѣтствующія потери раіоновъ производительныхъ.

Не болѣе выгодно для мѣстныхъ осеннихъ цѣнъ и соотношеніе ихъ съ портовыми. Вслѣдствіе общаго неблагопріятнаго экономическаго положенія сельскаго населенія и массоваго избыточнаго предложенія, экспортъ и экспортныя цѣны вовсе не получаютъ того повышательнаго значенія для внутреннихъ цѣнъ, какъ это можно бы думать. Усиленное предложеніе осенью настолько понижаетъ уровень мѣстныхъ цѣнъ, что онѣ оказываются почти всегда ниже того «портоваго остатка», т. е. тѣхъ нормальныхъ цѣнъ, какія долженъ былъ бы платить производителю внутренній экспортеръ; менѣе всего неблагопріятно это проявляется на цѣнахъ ржи, какъ хлѣба, менѣе другихъ зависящаго отъ условій сбыта. Таково положеніе цѣнъ осенью; только весной начинаетъ часто отмѣчаться такъ называемая «независимость внутреннихъ цѣнъ», т. е. настолько высокія требованія внутреннихъ рынковъ, вслѣдствіе усиленія потребительнаго спроса, что повышательное движеніе ихъ оказывается часто совершенно противоположнымъ понижательной тенденціи международнаго хлѣбнаго рынка, находящагося въ то время подъ вліяніемъ иныхъ, большею частью понижательныхъ факторовъ. Но это повышательное движеніе внутреннихъ рынковъ бываетъ уже запоздалымъ: остатки зерна внутри страны уже давно запроданы къ портамъ (такова, какъ извѣстно, зимняя посредническая дѣятельность Рыбинска между всѣмъ восточнымъ и сѣверо-восточнымъ заготовочнымъ раіономъ и экспортными рынками, С.-Петербургомъ, Виндавой и др.); послѣднія партіи его изъ далекихъ заготовочныхъ раіоновъ весной начинаютъ усиленно поступать къ портамъ. Поэтому вывозъ русскаго хлѣба усиленно продолжается и въ весеннюю половину кампаніи: русскій крестьянинъ, голодая самъ и платя высокія цѣны за свой, распроданный осенью хлѣбъ, все же кормитъ дешевымъ хлѣбомъ Европу—или по крайней мѣрѣ европейскихъ и русскихъ спекулянтовъ.

Итакъ, необходимость вынужденныхъ и избыточныхъ продажъ, хотя бы цѣною собственнаго голоданія; продажъ вопреки всякимъ раціональнымъ хозяйственнымъ разсчетамъ и только ради доставленія торговой прибыли торговому капиталу, хлѣбному скупщику—вотъ что характеризуетъ отношеніе русскаго земледѣльческаго крестьянскаго производства къ рынку. Другими словами, для него являются характерными именно тѣ явленія, которыя характеризуютъ такъ называемую «систему производства на скупщика».

Неорганизованность нашей торговли, нашего хлѣбнаго сбыта, на которую любятъ ссылаться, является лишь слѣдствіемъ противорѣчій самого хозяйственнаго строя. Неблагопріятныя условія сбыта зависятъ отъ неблагопріятныхъ условій хозяйственнаго склада, именно, оттого, что наше некапиталистически организованное земледѣльческое—въ преобладающей массѣ крестьянское—производство встрѣтилось съ капиталистически организованнымъ обмѣномъ и рынкомъ. Слѣд., всѣ противорѣчія и неблагопріятныя явленія нашего крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства есть не что иное, какъ противорѣчія, свойственныя вообще той стадіи хозяйственнаго строя, которая характеризуется въ обрабатывающей промышленности, какъ система «домашней промышленности» съ ея подчиненіемъ торговому капиталу, съ ея производствомъ на скупщика. Эти противорѣчія слѣд., есть не что иное, какъ противорѣчія си-

стемы хозяйства, переходной отъ некапиталистической къ капиталистической.

Впрочемъ, до сихъ поръ, вслѣдствіе ограниченности и характера цифровыхъ данныхъ, мы могли только въ общихъ чертахъ разсмотрѣть эти соотношенія некапиталистическаго производства и капиталистически организованнаго рынка. Уже и здѣсь намѣтились нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о такой эволюціи въ условіяхъ производства, при которой производство извѣстной части земледѣльческихъ хозяйствъ дѣлается все болѣе капиталистически организованнымъ, тогда какъ другая, наиболѣе численная часть крестьянскихъ хозяйствъ сохраняетъ по прежнему некапиталистическій характеръ производства, зато всецѣло подчиняясь капиталу и завися отъ него въ области обмѣна.

Квалификація крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, какъ производства на скупщика представляется тѣмъ болѣе важной, что очень часто крестьянское хозяйство считается не только антитезой капиталистическаго, но и могущимъ самостоятельно эволюціонировать, прогрессировать и перейти въ высшія соціальныя формы. Между тѣмъ, если принять, что крестьянское хозяйство, въ общей массѣ своей—за исключеніемъ съ одной стороны ремесленно-, съ другой стороны капиталистически-организованныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ—представляетъ именно «систему производства на скупщика», то необходимо заключить, что никакого другого пути для дальнѣйшаго прогресса земледѣльческаго народнаго хозяйства и для разрѣшенія отмѣчающагося въ немъ противорѣчія между капиталомъ и трудомъ, кромѣ общаго пути развитія хозяйства въ сторону его капитализаціи, и здѣсь не имѣется.

Мы знаемъ, что «система производства на скупщика» эволюціонировать можетъ только въ одну сторону: въ сторону дальнѣйшей капитализаціи производства и въ сторону полнаго лишенія самостоятельности полу-самосостоятельнаго производителя. Моментомъ, наиболѣе неблагопріятнымъ для всего вообще народнаго хозяйства, здѣсь является то, что торговый капиталъ, эксплоатирующій производителя въ процессѣ обмѣна и пользующійся торговою прибылью, мало заинтересованъ въ развитіи производительныхъ силъ хозяйства, почему переходъ этой системы къболѣе прогрессивнымъ происходитъ и очень медленно, и часто очень болѣзненно. Зависимость труда этого полурабочаго-полухозяина отъ торговаго капитала, зависимость всего некапиталистическаго производства отъ капитали-

стически организованнаго обмѣна проявляется здѣсь въ полной силѣ и должна приводить именно къ тѣмъ неблагопріятнымъ для всего народнаго хозяйства условіямъ, которыя мы только что отмѣтили. Въ частности же для самого крестьянскаго хозяйства неблагопріятное положеніе его на рынкѣ и зависимость его отъ торговаго капитала должны вызывать особенно тяжелыя послѣдствія.

ГЛАВА X.

Крестьянское хозяйство и хлѣбный рынокъ.

Земскія данныя о соотношеніи крестьянскаго производства и потребленія.—Покупки и продажи хлѣба въ крестьянскихъ хозяйствахъ.—Размѣры внутренняго рынка и его элементы.—Характеръ измѣненій въ народномъ потребленіи.—Увеличеніе вывознаго потребленія.—Отсутствіе увеличенія мѣстнаго потребленія.

I.

До сихъ поръ мы разсматривали происходящія на рынкѣ явленія независимо отъ характера участвующихъ въ обмѣнѣ элементовъ. Очевидно, что положеніе на немъ напр. капиталистическаго и некапиталистическаго хозяйства будетъ совершенно различно, а сталкивающіеся интересы—часто даже противоположны. Для того, чтобы разграничить ихъ, необходимо ближе разсмотрѣть положеніе на рынкѣ каждаго изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи на первое мѣсто не только по размѣрамъ своего вліянія на рынокъ, но и по характернымъ чертамъ его, должно быть поставлено крестьянское хозяйство, являющееся въ массѣ своей типичной огранизаціей «производства на скупщика».

Къ сожалѣнію, какъ ни важно такое выясненіе отношеній крестьянскаго хозяйства къ рынку и обратнаго вліянія рынка на крестьянское хозяйство, какихъ-либо общихъ, исчерпывающихъ статистическихъ данныхъ здѣсь не имѣется. Все, что можно дать здѣсь — это рядъ описательныхъ иллюстрацій изъ богатой и въ этомъ отношеніи земской литературы, хотя, конечно, уже нѣсколько устарѣвшей по этому живому вопросу. Прослѣдивъ имѣющійся матеріалъ въ самыхъ разнообразныхъ по естественнымъ, экономическимъ, общественнымъ условіямъ мѣстностямъ, можно убѣдиться, что характеръ отношеній крестьянскаго хозяйства и рынка вездѣ болѣе или менѣе тождественъ. Общія для всѣхъ раіоновъ и мѣстностей причины и условія сбыта крестьянскихъ продуктовъ на рынкѣ позволятъ сдѣлать и общія заключенія о всемъ вообще отношеніи крестьянскаго хозяйства къ рынку.

Обратимся къ этому разсмотрѣнію земской статистической литературы, выясняющей условія и отношенія крестьянскаго хозяйства и рынка.

Возьмемъ сначала типичныя крестьянскія центрально-черноземныя губерніи. Въ Орловскомъ уѣздѣ [1]), несмотря на то, что производимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ хлѣба безусловно не можетъ хватить на собственное продовольствіе, на рынокъ поступаетъ масса крестьянскаго хлѣба. Общій продовольственный дефицитъ по уѣзду исчисляется въ 326 тыс. пуд. ржи, замѣняющейся въ народномъ продовольствіи постепенно все болѣе дешевыми хлѣбами—картофелемъ, овсомъ, ячменемъ. Изъ общаго числа крестьянскихъ дворовъ, 84,6% имѣютъ дефицитъ для собственнаго продовольствія и лишь 15,4% обладаютъ дѣйствительными избытками. Казалось-бы, что только эти 15% и могли бы выступать въ качествѣ продавцовъ на рынкѣ. «Въ дѣйствительности однако, говоритъ составитель сборника, число продающихъ и покупающихъ значительно больше, такъ какъ къ продажѣ прибѣгаютъ крестьяне вовсе не имѣющіе избытка продовольственныхъ средствъ... Потребность въ деньгахъ сильно оказываетъ свое вліяніе на продажу сельскохозяйственныхъ продуктовъ... Записи мѣстнаго изслѣдованія, относящіяся до продажъ пищевыхъ продуктовъ... почти всегда сопровождаются записями о слѣдующей затѣмъ покупкѣ ихъ. Хлѣбъ побываетъ сначала въ городѣ и затѣмъ уже возвращается въ деревню. Крестьянинъ, который свезъ осенью свой хлѣбъ въ городъ, весною вновь покупаетъ его, принимая на себя всѣ накладные расходы и уплачивая разницу между осенними и весенними цѣнами» [2]). А эта разница весеннихъ и осенніихъ цѣнъ достигаетъ 24.6 коп. на пудъ ржи и 39,4 коп. на пудъ овса. Благодаря этимъ же избыточнымъ продажамъ получается и то ненормальное явленіе, что

[1]) Сборникъ стат. свѣдѣній по Орловской губ. Т. VIII. Орелъ, 1895 г.
[2]) Ibid, стр. 178 и слѣд.

уѣздныя цѣны стоятъ выше городскихъ, въ особенности въ годы неурожайные, когда деревня получаетъ хлѣбъ изъ города.

Тѣ же явленія наблюдаются и въ другихъ уѣздахъ Орловской губерніи. Такъ въ Мценскомъ у. [1]) только крестьяне быв. государственные и полные собственники имѣютъ хлѣба въ достаточномъ количествѣ 20—22 пуда на душу, остальные же разряды крестьянъ—меньше 15 пуд.; у большинства крестьянъ всегда не достаетъ хлѣба для продовольствія. Въ Болховскомъ у. [2]) «встрѣчаются сплошь и рядомъ общины, которыя должны покупать хлѣбъ на полное продовольствіе; въ нѣкоторыхъ селахъ всѣ крестьяне покупаютъ хлѣбъ изъ года въ годъ на свое продовольствіе, 6—7 дворамъ хватаетъ до масляницы, до Рождества только 20%, большинство же покупаетъ съ 15 ноября». И несмотря на это, всѣ крестьяне, и лошадные, и безлошадные, и бѣдные, и богатые продаютъ хлѣбъ въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ. Въ Кромскомъ у. [3]) всего лишь 13,4% дворовъ обладаютъ избытками хлѣба на продажу, и 62,4% имѣютъ всего отъ 5 до 13 пуд. ржи на ѣдока въ годъ, а между тѣмъ въ продажу идетъ хлѣбъ почти изъ всѣхъ хозяйствъ. Поэтому и здѣсь вездѣ наблюдается обычное несоотвѣтствіе весеннихъ и осеннихъ цѣнъ, доходящее до особенной интенсивности въ годы неурожаевъ; и притомъ для овса, продукта, который поступаетъ на рынокъ со стороны крестьянъ въ наиболѣе значительныхъ количествахъ, это несоотвѣтствіе особенно сильно—до 165—172% [4]).

Въ сосѣдней Тульской губ., въ Тульскомъ у. [5]) хлѣба въ крестьянскихъ хозяйствахъ не хватаетъ для продовольствія даже въ самыхъ плодородныхъ частяхъ уѣзда; на 1 душу приходится всего 1,3 четв. ржи въ годъ и столько же овса; при изслѣдованіи 7 волостей уѣзда крестьяне дали показанія, что своего хлѣба на весь годъ хватаетъ только у 38,7% всѣхъ хозяевъ, у 24,3%—всего на 2—6 мѣсяцевъ; безнадѣльные и сдающіе надѣлы питаются исключительно покупнымъ хлѣбомъ—а въ изслѣдованныхъ 7 волостяхъ таковыхъ было 7,9% дворовъ.

1) Сборникъ стат. свѣдѣній по Орловской губ., т. I. Мценскій у. Ор. 1886.
2) Сборникъ стат. свѣдѣній по Орловской губ., т. VI. Болховскій у. Ор. 1892.
3) Матеріалы по оцѣнкѣ земель Орловской губ., Кромской у. В. III. Ор. 1902.
4) Сельскохозяйственный обзоръ за десятилѣтіе 1886—1895 гг. Ор. 1899.
5) *Борисовъ*, Статистико-экономическое изслѣдованіе 7 волостей Тульскаго у. Тул. 1881.

Въ Рязанской губ., вывозящей за свои предѣлы значительныя количества зерна, въ крестьянскомъ хозяйствѣ хлѣба, получаемаго со всей надѣльной и арендуемой земли не хватаетъ для продовольствія 950 т. четв. въ годъ; не смотря на это, осенью въ маломальски урожайные годы продаютъ хлѣбъ всѣ крестьяне: зато въ неурожайные годы уже съ августа мѣсяца до 1/4 всѣхъ дворовъ питается покупнымъ хлѣбомъ, а въ февралѣ уже 3/4 [1]). Другое, спеціальное обслѣдованіе по тому же вопросу пяти волостей Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи, произведенное по случаю неурожая въ 1897 и 1898 гг. [2]), показало, насколько неустойчиво крестьянское земледѣльческое хозяйство даже въ смыслѣ только удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія: при первомъ же неурожаѣ, не имѣя совершенно запасовъ отъ прежнихъ лѣтъ, оно должно доходить до крайняго напряженія силъ въ поискахъ средствъ для удовлетворенія своихъ потребительныхъ нуждъ. Такъ, въ 1897 году уже съ августа мѣсяца 16,1% хозяйствъ стали продовольствоваться чужимъ хлѣбомъ, въ сентябрѣ такихъ хозяйствъ было уже болѣе четверти — 25,1%, въ декабрѣ уже болѣе половины 57,3%, а своимъ хлѣбомъ до новаго урожая прокормилось лишь 13,8%. Но и эти сухія, голыя цифры приподнимаютъ только очень скромный уголъ завѣсы того, что разыгрывается въ деревнѣ предъ страшнымъ призракомъ голода и полнаго разоренія хозяйства. 23% всѣхъ домохозяевъ продали скотъ, употребивъ вырученныя деньги на нужды продовольствія, лишившись 35,3% принадлежащаго имъ скота; «вслѣдъ за скотомъ взялись за постройки»: до 33,6% въ среднемъ, а въ иныхъ селеніяхъ почти половина—46,4% строеній было раскрыто для прокормленія скота соломой; 3% всѣхъ построекъ было совершенно разрушено на отопленіе. Но и здѣсь, конечно, какъ и всегда, бѣдствіе однихъ было выгоднымъ для другихъ: если одна половина продавала свой скотъ, то другая покупала его, увеличивъ количество скота у себя на 8,3%. «Вотъ мѣстность—заключается изслѣдованіе не особенная, а самая заурядная, обыкновенная, пролетаріатъ въ которой уже готовъ. Онъ охватываетъ почти половину крестьянскаго населенія и цѣлая четверть готова, кромѣ того, попасть въ такое положеніе при первомъ удобномъ случаѣ».

1) Сборникъ стат. свѣдѣній по Рязанской губ., т. XI, Ряз. 1892.
2) Результаты обслѣдованія эконом. состоянія 5 волостей Михайловскаго у., Рязанской губ., пострадавшихъ отъ неурожая въ 1897 и 1898 гг. Рязань. 1899 г.

Въ земскихъ изслѣдованіяхъ Воронежской губерніи, которой, какъ извѣстно, принадлежатъ лучшія бюджетныя изслѣдованія, находимъ обширный матеріалъ по вопросу о характерѣ и размѣрахъ хлѣбныхъ продажъ и покупокъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. По Острогожскому напр. уѣзду [1]) въ среднемъ 58,1 % хозяйствъ не обходились своимъ хлѣбомъ и прибѣгали къ покупкамъ, причемъ потреблено было покупного хлѣба 16% всего потребленнаго хлѣба. Конечно, недостача хлѣба довольно неравномѣрна въ хозяйствахъ различнаго благосостоянія и чѣмъ выше обезпеченность хозяйства скотомъ, землей и пр., тѣмъ меньше приходится прибѣгать къ покупкамъ хлѣба. Такъ, процентъ покупавшихъ хлѣбъ хозяйствъ и размѣры покупокъ были въ различныхъ группахъ хозяйствъ:

Безземельныя. . . .	63%	хозяйствъ	по	6,7	пуд.	на 1 душу об. п.
Имѣющія 1— 5 дес. .	64,2	„	„	3,5	„	„ „
„ 5—15 дес. .	61,3	„	„	2,9	„	„ „
„ 15—25 дес. .	48.3	„	„	1,7	„	„ „
„ свыше 25 дес. .	36,6	„	„	1,1	„	„ „

Въ среднемъ по уѣзду и по всѣмъ группамъ на хозяйство покупного хлѣба приходится 18 пуд. Въ Землянскомъ у. [2]) недостатокъ хлѣба у населенія еще болѣе значителенъ и доходитъ въ среднемъ на хозяйство до 35 пуд., при чемъ изъ имѣющихъ на дворъ до 15 дес. земли покупаютъ хлѣбъ болѣе половины всѣхъ хозяйствъ, изъ имѣющихъ свыше 25 дес.—20%. Въ Задонскомъ у. [3]) 40% безлошадныхъ существуютъ весь годъ покупнымъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ, крестьянство даже такой губерніи, какъ Воронежская, представляетъ громадный потребительный рынокъ, такъ какъ напр. среди даже хорошо обезпеченныхъ землей хозяйствъ, въ 15—25 дес. земли, почти половина ихъ одинъ-два мѣсяца живетъ покупнымъ хлѣбомъ, только благодаря избыточнымъ продажамъ осенью.

Возьмемъ другую губернію, Калужскую; здѣсь даже въ высокоурожайные годы, какъ напр. въ 1901 году, по вычисленіямъ земскаго обслѣдованія [4]) у крестьянскаго населенія не хватаетъ на собственное продовольствіе до 77 тыс. пуд. хлѣба, т. е. около 1/2

[1]) Сборникъ статист. свѣдѣній по Воронежской губерніи. Т. II Острогожскій у. В. I—II, Вор. 1885.

[2]) Сборникъ стат. свѣд., т. III, Землянскій у. В. 1886.

[3]) Сборникъ стат. свѣд., т. IV, Задонскій у. В. 1888.

[4]) Статист. обзоръ Калужской губ. за 1901 годъ. Кал. 1902.

всей продовольственной потребности покрывается собственнымъ хлѣбомъ.

Въ то же время и продажи хлѣба осенью весьма обычны въ крестьянскихъ хозяйствахъ, хотя бы цѣной собственнаго недоѣданія: именно благодаря этому у 50% крестьянъ бюджетное изслѣдованіе нашло питаніе настолько значительно пониженнымъ противъ нормъ, что, продавъ свой хлѣбъ осенью, лѣтомъ, въ тяжелое время работъ приходится питаться «квасомъ съ лукомъ и тюрей изъ воды, льняного сѣмени и муки» [1]). Понятно, какой громадный потребительный рынокъ можетъ представить изъ себя крестьянство Калужской губ. и насколько уменьшились бы вынужденныя осеннія продажи крестьянами хлѣба при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, когда земледѣльческое хозяйство являлось бы дѣйствительно правильно и выгодно поставленнымъ промысломъ, а не приносило бы, какъ теперь «значительный убытокъ, не обезпечивая самыхъ необходимыхъ средствъ существованія для уплаты повинностей, лежащихъ на землѣ».

Отъ центральныхъ губерній перейдемъ къ молодымъ и богатымъ губерніямъ востока и юга.

Въ Самарской губерніи [2]) въ 1899 году, несмотря на то, что урожай въ этомъ году былъ въ общемъ выше средняго и много лучше предшествовавшихъ лѣтъ, не хватало хлѣба до начала полевыхъ работъ, по сообщенію корреспондентовъ управы, въ 62,3% всѣхъ показаній, а въ нѣкоторыхъ значительно чаще, напр. въ Николаевскомъ въ 86% случаевъ, въ Бузулукскомъ—94%. Недостатокъ продовольственныхъ средствъ во многихъ мѣстахъ сталъ ощущаться уже съ осени—въ Бузулукскомъ 11,7%, въ Новоузенскомъ 9,4%, и въ значительной части населенія почти вслѣдъ за сборомъ урожая приходилось прибѣгать для своихъ потребительныхъ нуждъ къ займу (около 25% всѣхъ показаній), къ покупкѣ (32% показанія), отработкамъ (до 28%). Понятно, что на такой почвѣ для одной части населенія создается въ высшей степени выгодныя условія для помѣщенія своего хлѣба, безразлично, происходитъ ли оно въ видѣ займа, отработковъ или прямо продажи хлѣба нуждающимся по повышеннымъ, конечно, цѣнамъ. А такихъ оказывается и въ обычные годы достаточно: только 38,6% всѣхъ

[1]) Стат. описаніе Калужской губ. т. I. Кал. 1898, стр. 666 и слѣд.

[2]) Сельскохозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1899—900 гг. Сам. 1902.

дворовъ имѣютъ избытки, остальнымъ же 61,4% приходится всегда балансировать между продажей того, что необходимо себѣ, вновь покупкой того же хлѣба, отработкой его или тяжелымъ займомъ. Таково положеніе въ относительно многоземельной и невыпаханной еще губерніи, поставляющей въ тоже время громадныя количества своихъ хлѣбныхъ «избытковъ» на вывозъ.

Въ Уфимской губерніи [1]) въ 1902 году, съ урожаемъ нѣсколько ниже средняго, слѣдовавшемъ за неурожайнымъ 1901 годомъ, 58% всѣхъ дворовъ оказалось недостаточно обезпеченными хлѣбомъ, тогда какъ у остальныхъ 42% имѣлись избытки на продажу. Это отношеніе является, конечно, очень непостояннымъ по своимъ размѣрамъ, но въ общемъ сохраняется всегда; такъ, въ 1899 году, лучшемъ по урожаю за послѣднія 5 лѣтъ, нехватало хлѣба на продовольствіе у 34% всего сельскаго населенія, въ 1901 же году этотъ процентъ возвысился до 73. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. въ Мензелинскомъ, даже въ 1902 году 95% дворовъ продовольствовалось покупнымъ хлѣбомъ. Недостатокъ хлѣба для полнаго продовольствія у недостаточной части населенія исчисляется земствомъ до 7,7 милл. пуд., у ненуждающейся же части населенія избытокъ исчисляется въ 11,6 милл. пуд.; за покрытіемъ потребленія неземледѣльческой части населенія, на что потребно около 1,4 милл. пуд., крестьянское хозяйство можетъ доставить на рынокъ до 2,5 милл. пуд. зерна. Если предположить, что весь владѣльческій урожай, около 4 м. пуд., идетъ также на рынокъ, то общее количество зерна, вывозимаго губерніей на внѣшній рынокъ, опредѣлится всего въ 6,5 милл. пуд., тогда какъ въ дѣйствительности торговый оборотъ зерномъ въ губерніи исчисляется до 14,2 милл. пуд., т. е. видимыя продажи составляютъ лишь менѣе половины происходящихъ въ дѣйствительности.

Въ Кунгурскомъ у. Пермской губ. [2]) собственное производство даетъ на душу только 13 п. ржи и 4,7 п. остальныхъ хлѣбовъ и населенію, конечно, приходится прикупать хлѣбъ. Въ общемъ по уѣзду продается на рынокъ до 296 т. пуд., внутренній же, преимущественно крестьянскій спросъ достигаетъ 729 т. пуд., въ среднемъ до 3,6 пуд. на душу. Насколько малую роль въ крестьянскихъ бюджетахъ играетъ земледѣліе и доходъ отъ продажи хлѣба и, наоборотъ, какой крупный внутренній рынокъ для хлѣба мѣстныхъ состоятельныхъ хозяевъ и владѣльцевъ представляетъ потребительный спросъ недостаточныхъ крестьянъ, видно напр. изъ того, что денежные доходы отъ продажи хлѣба и расходы на покупку его составляютъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ:

	Денежные прих.:	Денежные расх.:
въ богатыхъ хозяйствахъ	36,3 руб.=9%	264 руб.=10,5%
въ среднихъ „	5,9 „ =4%	168 „ =16,6%
въ бѣдныхъ „	1,5 „ =2%	150 „ =21 %

Въ другихъ уѣздахъ Пермской губ., напр. въ Екатеринбургскомъ, судя по размѣрамъ надѣленія землей, до 77,1% населенія (имѣющихъ менѣе 5 дес.) прикупаетъ хлѣбъ, лишь 8,1% (имѣющихъ 5 дес.) можетъ обходиться своимъ хлѣбомъ, и лишь 4,8% (св. 5 дес. посѣва) могутъ продавать хлѣбъ [1]). Тоже самое отмѣчается и для Чердынскаго у., гдѣ переписью было зарегистрировано лишь около 13% продающихъ хлѣбъ и болѣе 40% прикупающихъ [2]).

Въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губ. крестьяне осенью «сбываютъ свой хлѣбъ мелкимъ скупщикамъ, которые не двигаютъ дальше своихъ запасовъ, а ограничиваются храненіемъ ихъ до весны... запроданный осенью хлѣбъ снова покупаютъ у скупщиковъ по возвышеннымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, хлѣбная торговля носитъ характеръ краткосрочнаго кредита подъ залогъ хлѣба, кредита, оплачиваемаго довольно высокими процентами» [3]). Эти проценты достигаютъ, по разницѣ весеннихъ и осенніхъ цѣнъ, до 38% при покупкахъ ржи и до 62% при покупкахъ овса. То же мы видимъ и въ другихъ уѣздахъ Вятской губерніи—въ Котельническомъ и Глазовскомъ [4]).

Если мы перейдемъ къ югу, то окажется, что даже въ Херсонской губерніи, обладающей въ крестьянскомъ хозяйствѣ большими хлѣбными избытками, доходящими до 90 милл. пудовъ [5]), далеко не

[1]) Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1902 г. Уфа, 1903.

[2]) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Пермской губ. т. II Кунгурскій у. Пермь, 1900.

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринбургскому у. Пермской губ. 1881.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Чердынскому у. Пермской губ. 1891.

[3]) Матеріалы по статистикѣ Вятской губ. т. XI. Слободской у. В. 1897.

[4]) Матеріалы по статистикѣ Вятской губ., т. X. Котельническій у. В. 1894 и т. VIII, Глазовскій у. В. 1893.

[5]) Матеріалы для изслѣдованія грунтовыхъ дорогъ Херсонской губ. Херсонъ, 1898.

во всѣхъ крестьянскихъ хозяйствахъ имѣются дѣйствительные излишки. Уже у имѣющихъ 6—11 дес. получается дефицитъ ржи для продовольствія, а у имѣющихъ до 6 дес., обнаруживается уже дефицитъ ржи, пшеницы и проса, такъ что недостатокъ этихъ хлѣбовъ долженъ пополняться покупкой ихъ рынкѣ за счетъ продажи менѣе цѣннаго, но болѣе всего культивируемаго ячменя. Такимъ образомъ, значительная часть крестьянства даже такой губерніи, какъ Херсонская, представляетъ изъ себя крупный потребительный рынокъ, въ скрытой впрочемъ и ускользающей отъ учета формѣ.

Еще болѣе рельефно выступаютъ отмѣченныя явленія вынужденныхъ чрезмѣрныхъ продажъ хлѣба въ губерніяхъ нечерноземныхъ промышленныхъ. Хотя губерніи эти обладаютъ абсолютнымъ дефицитомъ хлѣба для продовольстія, однако осеннія продажи хлѣба совершаются въ крупныхъ размѣрахъ, и не только тѣми хозяйствами, которыя обладаютъ большими запашками, но и тѣми, которымъ самимъ не хватаетъ хлѣба собственнаго производства.

Такъ, изслѣдователь Костромской губерніи [1]), принимая весьма скромную норму потребленія хлѣба въ 19 пуд. на душу, находитъ напр. для Нерехтскаго у., что къ покупкамъ хлѣба должны прибѣгать изъ хозяйствъ безъ работниковъ 46%, съ однимъ работникомъ 38%, съ 2 работниками 27%, съ 3 болѣе 35%, т. е. въ среднемъ около 1/3—1/2 хозяйствъ должны покупать хлѣбъ. Въ дѣйствительности, число покупающихъ хлѣбъ хозяйствъ значительно болѣе, благодаря продажамъ хлѣба осенью также и тѣми хозяйствами, которыя фактически не имѣютъ избытковъ хлѣба, сверхъ нужнаго для собственнаго потребленія количества.

Продовольственный дефицитъ сельскаго населенія Московской губерніи опредѣляется спеціальнымъ земскимъ изслѣдованіемъ о состояніи продовольственнаго дѣла [2]) въ 12.769 тыс. пуд. Принимая даже такую слишкомъ умѣренную норму, какъ 16 пуд. на душу, всего нужно для продовольствія населенія до 20.324 т. п., обычный же сборъ не превышаетъ 7.555 тыс. пуд.; на человѣка въ годъ не хватаетъ, слѣдовательно, 10 пуд., т. е. населеніе своимъ

[1]) Сборникъ статистич. свѣдѣній по Костромской губ. В. I, Нерехтскій у. Кострома, 1901.

[2]) Сборникъ стат. свѣд. по Москов. губ. Т. X. Продовольственное дѣло. В. III. М. 1892.

хлѣбомъ кормиться можетъ лишь 4 1/2 мѣсяца. Изъ всѣхъ уѣздовъ самыми обезпеченными хлѣбомъ являются: Звенигородскій, Рузскій, Дмитровскій и Клинскій, гдѣ около 40% населенія прокармливаются весь годъ своимъ хлѣбомъ; въ уѣздахъ же Серпуховскомъ, Броницкомъ такихъ хозяйствъ насчитывается всего около 1/4. Вообще, по отвѣтамъ, полученнымъ изслѣдованіемъ, рожь продаютъ или «только болѣе состоятельные» или наоборотъ «продаютъ нѣкоторые по нуждѣ», «продавали осенью на оброкъ по 50—60 коп., весной покупали по 90 коп.». Продажи овса вообще болѣе часты, такъ какъ имъ покрывается значительная часть дефицита въ хозяйствѣ: не продаютъ овса только 27%, остальные же продаютъ осенью, хотя цѣны въ это время ниже процентовъ на 39.

Въ Мышкинскомъ у. Ярославской губ. [1]) въ среднемъ болѣе четверти населенія не продовольствуется своимъ хлѣбомъ; именно, хлѣбъ приходится покупать изъ имѣющихъ до 3 дес. на хозяйство—50,7%, т. е. болѣе, чѣмъ половинѣ домохозяевъ; изъ имѣющихъ 3—5 дес. 40%, 5—7 дес. 28,6%, 7—10 дес. 24%, 10—15 дес. 16% и даже изъ имѣющихъ болѣе 15 дес. 9,7% хозяевъ покупаютъ хлѣбъ на 1—3 мѣсяца, а иногда и болѣе.

Въ Нижегородской губ. крестьяне собираютъ съ надѣльныхъ земель на 1 душу только 19,8 п. всѣхъ хлѣбовъ въ Макарьевскомъ у., 19,7 въ Васильевскомъ и 17,2 п. въ Горбатовскомъ; слѣдовательно, населенію не хватаетъ своего хлѣба для собственнаго продовольствія и хлѣбъ приходится покупать. Въ частности въ Горбатовскомъ у. [2]), въ зависимости отъ распредѣленія пахотныхъ раіоновъ по обезпеченности населенія землей, 5,8% населенія имѣетъ съ своей земли до 29,1 пуда хлѣба на душу, т. е. имѣетъ избытки и можетъ сбывать хлѣбъ безъ ущерба продовольствію до 6,1 п. на душу; 13,8% населенія имѣетъ съ своей земли только 23 п., что считается изслѣдователями нормой потребленія; съ помощью аренды, впрочемъ, населеніе этой группы добываетъ еще 6,4 п. на душу, что и можетъ идти на продажу. Третья группа раіоновъ, 19,3% всего населенія, и четвертая—41,8% имѣютъ уже дефицитъ на душу въ 5,2 п. и 8,6 пудовъ; наконецъ пятая группа—

[1]) Статистическое описаніе Ярославской губ. Т. I., в. I. Мышкинскій у., Яросл., 1900.

[2]) Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. В. VII, Горбатовскій у. Ниж.-Нв. 1892.

19% населенія почти не имѣетъ запашки и существуетъ почти исключительно покупнымъ хлѣбомъ. Общій же балансъ народнаго производства и потребленія даетъ дефицитъ въ 557 тыс. пудовъ. Даже считая владѣльческую запашку, все же получаемъ дефицитъ въ 400 тыс. пуд. Изслѣдованіе другихъ уѣздовъ обнаружило вездѣ «недостатокъ въ хлѣбѣ для народнаго продовольствія»; такъ, въ Семеновскомъ у. изъ 112 раіоновъ уѣзда въ 99 не хватаетъ ржи на прокормленіе населенія [1]). И, несмотря на это, многіе уѣзды принадлежатъ къ отпускающимъ хлѣбъ, хотя «домашнія цѣны временами бываютъ выше базарныхъ, вслѣдствіе внутренняго спроса» [2]).

II.

Мы прошли самыя различныя по своимъ экономическимъ и естественнымъ условіямъ мѣстности черноземной и нечерноземной Россіи и вездѣ видѣли, что среди массы крестьянства, благодаря дифференціаціи ея, создался громадный потребительный сельскохозяйственный вообще и хлѣбный, въ частности, рынокъ. Учесть размѣры этого рынка статистически педставляется, конечно, совершенно невозможнымъ, такъ какъ его обороты совершаются въ бо́льшей части случаевъ невидимо, часто даже не въ формѣ непосредственной купли-продажи, а въ формѣ залога, займа, отработковъ и т. п.

Размѣры этихъ хлѣбныхъ отчужденій и покупокъ повышаются еще и потому, что въ продажу поступаетъ не только тотъ хлѣбъ, который является излишнимъ за покрытіемъ собственнаго довольствія, но и тотъ, который отнимается отъ собственнаго продовольствія и продажу котораго приходится восполнять обратной покупкой. Поэтому напр. годы хорошихъ урожаевъ, слѣдующіе за неурожайными годами, отличаются особенной быстротой реализаціи урожая, неравномѣрностью поступленія зерна на рынокъ, громаднымъ наплывомъ его осенью и происходящимъ вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіемъ цѣнъ. Наоборотъ, реализація слѣдующихъ другъ за другомъ урожайныхъ годовъ растягивается при благопріятныхъ условіяхъ

[1]) Матеріалы по оцѣнкѣ земель. В. XI. Семеновскій у.

[2]) ***Гацискій,*** Матеріалы для изученія хлѣбной производительности и торговли Нижегор. губ. Нижегородскій сборникъ, т. V.

на болѣе продолжительное время, такъ какъ за эти годы экономическое положеніе производителей поправляется и въ излишнихъ продажахъ зерна осенью встрѣчается меньше необходимости.

Изъ какихъ же элементовъ составляется и какихъ размѣровъ достигаетъ этотъ потребительный крестьянскій рынокъ и кто съ другой стороны является поставщикомъ и производителемъ для этого рынка?

Говоря вообще, возможность и размѣры продажъ производимаго въ хозяйствѣ зерна обусловливаются, прежде всего, размѣрами общаго зернового производства, а это послѣднее — размѣрами находящейся во владѣніи хозяйства земли, такъ какъ при нормальныхъ условіяхъ продаваться долженъ только тотъ хлѣбъ, который остается излишнимъ за покрытіемъ нуждъ потребленія. Въ дѣйствительности, однако, размѣры продажъ значительно больше, благодаря тому, что излишнія продажи осенью стали обычнымъ явленіемъ. Но все же группировка хозяйствъ по размѣрамъ землевладѣнія и землепользованія можетъ дать нѣкоторое указаніе на размѣры и на соотношеніе производительной и потребительной части крестьянства. Правда, и такая группировка представляется затруднительной, благодаря чрезвычайной устарѣлости главнаго источника, «Статистики поземельной собственности» и благодаря только пообщинной группировкѣ, дающейся въ ней.

Марресъ, въ извѣстномъ сборникѣ [1]) за неимѣніемъ другихъ, болѣе точныхъ данныхъ, пользуясь пообщинной группировкой и считая количество хлѣба въ 19 пудовъ на душу въ годъ не вполнѣ обезпечивающимъ продовольствіе населенія, норму въ 19—26,5 пуд. обезпечивающей только личное продовольствіе, но не дающей избытковъ на продажу и наконецъ свыше 26,5 пуд.—дающей для продажи болѣе или менѣе значительные избытки, считаетъ, что по распредѣленію продовольственныхъ средствъ населеніе 46 губерній Европ. Россіи можетъ быть сгруппировано слѣдующимъ образомъ:

Группа съ недостатками	33.533 тыс. душъ, или	52,3%
» только обезпеченная . . .	20.428 » » »	31,8%
» съ избытками	10.176 » » »	15,9%

Точность этихъ цифръ, какъ показатель размѣровъ потребляющей и производящей части крестьянства, т. е. размѣровъ потре-

[1]) ***Марресъ.*** Производство и потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ, сборн. «Вліяніе урожая и хлѣбныхъ цѣнъ и т. д.», т. I, стр. 35.

бительнаго крестьянскаго, не учитываемаго почти никакой статистикой, рынка, грѣшитъ въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ ихъ устарѣлостью; во-вторыхъ, указаннымъ выше фактомъ продажъ хлѣба даже нуждающимися въ немъ, благодаря чему увеличиваются какъ размѣры предложенія, такъ, съ другой стороны, и размѣры потребительнаго спроса; наконецъ — условностью самой взятой нормы потребленія [1]). Шаткость всѣхъ этихъ цифръ, дѣлаетъ и всѣ, строющіеся на нихъ разсчеты проблематичными.

---

1) Относительно послѣдняго мы не приводимъ очень обширную, но и съ довольно шаткими для установленія нормъ потребленія хлѣба, бюджетную литературу; см. указанный сборникъ «Вліяніе урожаевъ», т. I и II, а также «Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губ.», в. VII, примѣчаніе къ стр. 67. Кромѣ чисто теоретическихъ недостатковъ, эти данныя отличаются большею частью и устарѣлостью. Для болѣе новаго времени приводимъ нѣсколько бюджетныхъ данныхъ изъ наиболѣе точныхъ изслѣдованій, съ классификаціей хозяйствъ по состоятельности. Именно, на одну душу семейнаго состава въ семействахъ разной состоятельности потребляется въ годъ всего хлѣба, пудовъ:

	Бѣдныя (ниже средняго).	Средней состоятельности.	Зажиточныя и богатыя.
Херсонская губ. на 1 хоз. земли	3,82 дес.	до 21 дес.	24– 44 дес.
потребляется на 1 душу взрослыхъ .	22,0 пуд.	24,2 пуд.	30 пуд.
Херсонская губ. на 1 хоз. земли	—	5—25 дес.	св. 25 дес.
потребляется на 1 душу сем. состава	—	18 пуд.	22 пуд.
Воронежская губ. на 1 хоз. земли	до 5 дес.	5—25 дес.	св. 25 дес
потребляется на 1 душу сем. состава	13,8 пуд.	19,3 пуд.	21 пуд.
Полтавская губ. на 1 хоз. запашки . . .	до 1 дес.	1—6 дес.	св. 6 дес.
потребляется на 1 душу сем. состава	15,9 пуд.	17,9 пуд.	20,5 пуд.
Калужская губ. на 1 хоз. земли	до 3 дес.	3—12 дес.	св. 12 дес.
потребляется на 1 душу сем. состава	12,1 пуд.	14,8 пуд.	16,5 пуд.
Тверская губ. въ неурож. годъ на 1 душу сем. состава	10,0 пуд.	13,6 пуд.	14,8 пуд.

Цифры взяты: для Херсонской губ. первыя у *Арнольда*, «124 бюджета Херсонскаго у.». Сборн. Хер. зем. 1901, IV; вторыя у *Осадчаго*, «Щербановская волость»; для Воронежской г. *Щербина*, «Крестьянскіе бюджеты», по подворной переписи 6 уѣздовъ и 17,6 тыс. хоз., приложеніе, стр. 280; для Полтавской *Падалка*, «5 бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ с. Демьяновки, Полт. г., Хорольскаго у.», Полт. 1903; для Калужской изъ «Статистич. описанія Калужской губ.», т. I, Козельскій у. 1898; для Тверской «Статист. ежегодникъ Тверской губ.» 1898 г. См. также изъ новѣйшихъ бюджетовъ: *Македонова*, «Хозяйственное положеніе станицъ Кубанской обл.», Вор. 1901. «Село Малышево, Воронежскаго у.». Прил. къ Саратов. зем. недѣлѣ, 1903 г.; «Обзоръ Уфимской губ.» за 1899—1903 г. и др.

Главнымъ и исходнымъ пунктомъ въ установленіи размѣровъ какъ избытковъ хлѣба, могущаго поступать на рынокъ, такъ и размѣровъ внутренняго потребительнаго спроса на него со стороны крестьянскаго населенія, должно служить установленіе какихъ-либо потребительныхъ нормъ, среднихъ и т. п. признаковъ этого потребленія. Но именно въ этомъ-то отношеніи бюджетныя данныя наименѣе годны для какихъ либо массовыхъ статистическихъ подсчетовъ и опредѣленій. Устанавливать какія либо «нормы» или «среднія» душевого потребленія хлѣба на душу населенія является пріемомъ, очень шаткимъ въ своихъ основахъ, благодаря чрезвычайной подвижности, неуловимости, сжимаемости и расширяемости этого потребленія.

Но кромѣ неучитываемаго вліянія этихъ перемѣнныхъ факторовъ, бюджетныя данныя показываютъ, что размѣры потребленія варьируютъ и въ зависимости отъ постоянныхъ факторовъ, подлежащихъ нѣкоторому учету. Такими являются прежде всего экономическое положеніе хозяйства, такъ какъ въ бѣдныхъ хозяйствахъ потребленіе является безусловно пониженнымъ не только противъ «физіологической нормы», но и противъ «статистической средней». Въ богатыхъ хозяйствахъ, наоборотъ, потребленіе повышено сравнительно съ статистической средней и, вѣроятно, вполнѣ удовлетворяетъ физіологической нормѣ. Съ другой стороны, географическое положеніе отдѣльныхъ мѣстностей повидимому также имѣетъ здѣсь большое значеніе, такъ какъ въ нечерноземной полосѣ потребленіе зерновыхъ хлѣбовъ, замѣняемыхъ картофелемъ и др. продуктами, вообще ниже, чѣмъ въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и съ избыткомъ зерна. При томъ, эта разница особенно сильно сказывается именно на бѣдныхъ хозяйствахъ, тогда какъ въ хозяйствахъ богатыхъ норма потребленія во всѣхъ мѣстностяхъ все же болѣе однородна.

Хотя можно предполагать, что это явленіе—общее для всѣхъ мѣстностей и для всѣхъ хозяйствъ, однако на основаніи его нельзя строить никакой детализаціи въ размѣрахъ потребленія и въ потребительныхъ нормахъ. Самое большее, что здѣсь возможно, это нѣкоторое различеніе размѣровъ потребленія и избытковъ на продажу, остающихся въ отдѣльныхъ, различныхъ по благосостоянію группахъ крестьянъ, помня, однако, и здѣсь всю условность и непостоянство принятой нормы или «средней» потребленія.

Другой стороной неправильности и шаткости данныхъ, получаемыхъ при исчисленіи соотношенія производства и рынка является,

повидимому, также и довольно далекія отъ точности абсолютныя цифры сбора хлѣбовъ, даваемыя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Какъ указано выше, благодаря улучшенію методовъ собиранія этихъ данныхъ за послѣднее время, онѣ, быть можетъ, довольно вѣрно передаютъ относительныя колебанія урожаевъ за рядъ лѣтъ, но едва-ли настолько вѣрны, чтобы на основаніи ихъ можно было вывести болѣе или менѣе точно балансъ производства, потребленія и рынка.

По крайней мѣрѣ, если принять не только среднія нормы потребленія, принимаемыя Марресомъ (въ 19 пуд. на душу, какъ не вполнѣ обезпечивающую личное потребленіе, и 19—26,5 пуд., какъ обезпечивающую только личное потребленіе и не дающую избытковъ на продажу), но даже и значительно болѣе низкія нормы, то все же балансъ потребленія, экспорта и урожая будетъ сведенъ съ дефицитомъ. Поэтому нормой потребленія приходится брать цифры, значительно болѣе низкія, чѣмъ принимавшіяся до сихъ поръ.

Опредѣлимъ сначала часть рынка, наиболѣе и въ общемъ довольно точно поддающуюся учету. Это будетъ внѣшній экспортъ и потребленіе зерна на промышленныя нужды.

Размѣры экспорта за пятилѣтіе 1901—1905 г.г. по европейской границѣ и въ торговлѣ съ Финляндіей въ среднемъ опредѣлялись, въ милл. пудовъ [1]).

	По Европейской границѣ.	Въ торговлѣ съ Финляндіей.	Итого.
Пшеница	216,8	0,0	216,8
Рожь	71,1	2,9	74,0
Ячмень	110,2	0,1	110,3
Всѣхъ продов. хлѣбовъ [2]). и муки.	476,1	16,8	492,9
Овесъ	73,6	1,1	74,7
Всѣхъ хлѣбовъ [2]) и муки.	549,7	17,9	567,6

Такимъ образомъ, общій экспортъ продовольственныхъ хлѣбовъ изъ Европейской Россіи въ среднемъ за пятилѣтіе опредѣляется въ 492,9 милл. пуд. Но въ это число вошелъ, во-первыхъ, сѣверокавказскій хлѣбъ, экспортируемый изъ трехъ областей Сѣвернаго Кавказа или черезъ Новороссійскъ, или по Владикавказской желѣзной дорогѣ черезъ Ростовъ. Размѣры экспорта продовольственныхъ хлѣбовъ изъ Новороссійска въ среднемъ за разсматриваемое пятилѣтіе опредѣляются въ 34.123 тыс. пуд. [1]); къ Ростову, по Владикавказской желѣзной дорогѣ за тѣ же годы прибыло 6.071 тыс. пуд. [2]).

[1]) По «Обзорамъ внѣшней торговли» за соотв. годы, см. прил., т. VII.

[2]) Входящихъ въ учетъ «Урожая» Центр. Стат. Комитетомъ.

Затѣмъ сюда же вошла та часть Сибирскаго хлѣба, которая поступаетъ на рынки Европейской Россіи или заграницу путемъ черезъ Челябинскъ или Пермь-Котласъ. За послѣдніе годы количество этого хлѣба, прошедшаго черезъ Челябинскъ, опредѣляется приблизительно въ 20 милл. пуд., а черезъ Котласъ въ 3.307 тыс. пуд. Такимъ образомъ, за вычетомъ этихъ количествъ, общіе размѣры хлѣбнаго экспорта непосредственно изъ производства 50 губерній Европейской Россіи опредѣляются приблизительно въ 429,7 милл. пудовъ продовольственныхъ хлѣбовъ (безъ овса и картофеля).

Съ другой стороны, къ этому количеству необходимо прибавить тѣ грузы хлѣба, которыми эти губерніи Европейской Россіи питаютъ 10 привислинскихъ губерній съ недостаткомъ собственнаго зерна. По данныхъ Статистики Министерства Путей Сообщенія [3]) въ среднемъ за послѣдніе годы во внутреннемъ сообщеніи въ привислинскія губерніи было отправлено изъ Европейской Россіи болѣе, чѣмъ прибыло на 21,3 мил. пуд. всѣхъ продовольственныхъ хлѣбовъ. Въ результатѣ, такимъ образомъ, общіе размѣры хлѣбныхъ отправокъ 50 губерній Европейской Россіи на внѣшній и на внутренній привислинскій рынокъ могутъ быть опредѣлены около 451,0 милл. пудовъ.

Другой, сравнительно также довольно точно учитываемый потребительный рынокъ представляетъ промышленный спросъ, главнымъ образомъ для винокуренія. Въ среднемъ за пятилѣтіе 1899—1904 г.г. по даннымъ Департамента неокладныхъ сборовъ перекуривалось около 36 милл. пудовъ зерна [4]), включая сюда также и ячмень, перерабатываемый для винокуренія на солодъ (котораго употреблялось въ среднемъ за тѣ же годы на винокуреніе 14,1 милл. пудовъ).

[1]) «Обзоры внѣшней торговли» соотв. годовъ.

[2]) «Сводная статистика» и «Стат. Сборн. Мин. Путей Сообщенія».

[3]) См. приложеніе, таб. VI.

[4]) Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ за 1904 г. В. II. Спб. 1907.

Наконецъ, также довольно точно учитываемый видъ промышленнаго потребленія зерновыхъ хлѣбовъ составляетъ пивоваренное производство, которое въ среднемъ за пятилѣтіе для изготовленія солода потребляло 7.963 тыс. пуд. ячменя [1]). Въ общемъ, такимъ образомъ, эти двѣ отрасли промышленности потребляютъ въ годъ около 44 милл. пуд. зерновыхъ хлѣбовъ. Нѣкоторые другіе виды промышленности также потребляютъ для своего производства зерновые хлѣба (напр. крахмалозаводская), но за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ учетовъ, а также и въ виду того, что потребленіе ими зерновыхъ хлѣбовъ все же не настолько значительно, чтобы существенно повліять на цифру общаго потребленія, приходится не принимать ихъ въ разсмотрѣніе.

Такимъ образомъ, промышленность и экспортъ поглощаютъ вмѣстѣ до 495 милл. пуд. зерновыхъ продовольственныхъ хлѣбовъ (безъ овса и картофеля) изъ общаго производства 50 губерній.

По даннымъ Центр. Стат. Комитета въ среднемъ за разсматриваемое пятилѣтіе 1901—1905 г.г. въ 50 губ. Европейской Россіи собиралось всего продовольственныхъ хлѣбовъ (безъ овса и картофеля) на помѣщичьихъ и крестьянскихъ земляхъ 2.110.129 тыс. пуд. (пятилѣтіе отличалось вообще богатыми урожаями) [2]). За вычетомъ отсюда промышленнаго и экспортнаго спроса, количество продовольственныхъ хлѣбовъ, остающееся на внутреннее потребленіе 50 губ. Европейской Россіи опредѣляется въ 1.615 милл. пудовъ, или 15,3 пуда на душу, городского и сельскаго населенія [3]). Норма эта, слѣдовательно, много ниже нормы, принимаемой въ своихъ разсчетахъ г. Марресомъ.

Для выдѣленія изъ внутренняго потребленія размѣровъ городского и сельскаго спроса не имѣется уже такихъ точныхъ данныхъ, какъ для экспортнаго и промышленнаго спроса, такъ какъ

1) «Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ», вып. II за 1901—1905 годы.

2) См. прилож., табл. VIII.

3) Количество населенія въ 50 губ. Европейской Россіи по первой переписи 1897 г. опредѣлялось въ 82.384 тыс. сельскаго и 11.830 тыс. городского. По позднѣйшимъ текущимъ подсчетамъ оно опредѣлялось къ 1 января 1905 г. въ 94,8 милл. сельскаго и 13,2 милл. городского, а къ 1 января 1903 г. 92,7 милл. сельскаго и 12,9 милл. городского. См. «Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи» подъ ред. *Тройницкаго*. Спб. 1897—1901 гг. и «Ежегодники Россіи», Изд. Центр. Стат. Ком.

здѣсь всѣ разсчеты будутъ чрезвычайно шатки отъ взятой за «норму» цифры душевого потребленія хлѣба. Наиболѣе константно и менѣе сжимаемо, вѣроятно, потребленіе хлѣба городскимъ населеніемъ. Если взять за среднее въ этомъ городскомъ потребленіи найденное среднее для всей вообще страны, (около 15 пуд. на душу) то весь городской потребительный рынокъ опредѣлится приблизительно въ 194 милл. пуд. Остальное количество въ размѣрѣ 1.421 милл. пуд. должно оставаться у крестьянскаго производительнаго населенія, какъ на личное потребленіе, такъ и на продажу. Эти остатки на продажу, также какъ и степень правильности удовлетворенія или наоборотъ сжимаемости его весьма колеблются въ зависимости отъ различной обезпеченности землею и вообще отъ различнаго экономическаго благосостоянія группъ сельскаго населенія.

Комбинируя приведенныя выше цифры бюджетныхъ и земскихъ изслѣдованій о среднихъ размѣрахъ потребленія, о продажахъ-покупкахъ хлѣба въ крестьянскихъ хозяйствахъ, съ земскими и другими данными о хозяйственномъ обезпеченіи землею, скотомъ и т. п., можно принять слѣдующій приблизительный разсчетъ размѣровъ крестьянскаго потребленія въ различныхъ его экономическихъ группахъ, т. е. размѣровъ крестьянскаго потребительнаго рынка.

Группа безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ (съ $^1/_4$—$^1/_3$ надѣла на душу) съ недостаточнымъ производствомъ хлѣба для покрытія нуждъ собственнаго продовольствія составляетъ большею частью отъ 15% до 35% всего населенія [1]), такъ что въ среднемъ можно принять, что въ эту группу входятъ до 25% всего крестьянскаго населенія, причемъ собственнаго хлѣба ей хватаетъ не болѣе, какъ на полугодіе, остальные же полгода въ потребленіе идетъ исключительно покупной хлѣбъ. Среди этой группы безхозяйные, безскотные и бездомовые, составляютъ до 10 % [2]), или всего около 9 милл. душъ питающихся исключительно покупнымъ хлѣбомъ, если ведутъ самостоятельное хозяйство. Такъ какъ потребленіе хлѣба въ малообезпеченныхъ группахъ сельскаго населенія, какъ видно изъ бюджетныхъ данныхъ, значительно понижено про-

1) См. «Статистику поземельной собственности», а также *Благовѣщенскій* «Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній». М. 1893.

2) См. *Благовѣщенскій*, «Сводный сборникъ».

тивъ нормы, замѣняясь болѣе дешевыми продуктами или ихъ суррогатами, то размѣры душевого потребленія хлѣба въ этой группѣ едва ли можно считать выше 15 пуд., изъ которыхъ до 7 пуд. прикупного.

Вторая, болѣе многочисленная группа составляетъ приблизительно нѣсколько менѣе половины сельскаго населенія: перебиваясь кое-какъ большую часть года своимъ хлѣбомъ, она, однако, часто прибѣгаетъ и къ покупкамъ, и къ займамъ; только въ хорошіе годы ей удается обойтись вполнѣ своимъ хлѣбомъ, питаясь болѣе полно и нормально. Въ этой группѣ фактическое владѣніе надѣльной землей должно приближаться хотя бы къ 1 надѣлу на душу, такъ что землевладѣніе ея должно считаться нормально обезпечивающимъ семью. Однако, общія неблагопріятныя экономическія условія создаютъ то, что большею частью и эта группа подъ конецъ года истощаетъ свои продовольственные запасы и должна или понижать питаніе, или покупать хлѣбъ. Такимъ образомъ 2—3 мѣсяца эта группа предъявляетъ довольно интенсивный потребительный спросъ на зерно, въ общемъ около 3 пуд. на душу.

Наконецъ, надъ обѣими этими группами выдѣляются многоземельные, многоскотные дворы, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ по нѣсколько надѣловъ, арендующіе не только у своихъ односельчанъ, но и большую часть владѣльческой земли, имѣющіе купчую землю и производящіе зерно въ количествахъ, достаточныхъ не только для собственнаго продовольствія, но и для продажи. Благосостояніе этой группы, конечно, варьируетъ не менѣе сильно, и даже можетъ быть болѣе значительно, чѣмъ остальныхъ; однако, если принять за признакъ принадлежности къ ней обладаніе хотя бы не слишкомъ значительными, но постоянными избытками хлѣба для продажи, то численность этой группы можно принять приблизительно до четверти всего сельскаго населенія.

Принимая для этого населенія приведенную выше цифру Центр. Статист. Комитета въ срединѣ разсматриваемаго пятилѣтія, можно считать, что потребительный спросъ малоземельной группы крестьянства приблизительно опредѣлится (считая по 15 пуд. на душу) въ 349 мил. пуд., средней группы (считая по 15 пуд. на душу) въ 699 мил. пуд. и обезпеченной группы (считая по 16 пуд. на душу) въ 373 мил. пуд. Такимъ образомъ, все потребленіе зерновыхъ хлѣбовъ сельскимъ населеніемъ достигаетъ 1421 мил. пуд., изъ которыхъ прикупного хлѣба малоземельная группа потребляетъ

173 мил. пуд., средняя группа 140 мил. пуд. Значительная часть этого потребительнаго крестьянскаго рынка не можетъ быть учтена торговой статистикой, такъ какъ представляетъ изъ себя совершенно «невидимый» рынокъ, такъ какъ движеніе въ этихъ покупкахъ-продажахъ происходитъ на небольшихъ разстояніяхъ, въ предѣлахъ одной и той же деревни и часто въ скрытыхъ и видоизмѣненныхъ формахъ. Однако обычныя вліянія повышенія и пониженія цѣнъ и пр. эти покупки все же производятъ.

Принимая во вниманіе, что общій чистый сборъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель всѣхъ продовольственныхъ зерновыхъ хлѣбовъ опредѣляется за разсматриваемое пятилѣтіе въ среднемъ въ 1308 милл. пуд., можно видѣть, что этотъ сборъ съ надѣльныхъ земель не можетъ покрыть безъ дефицита количествъ, необходимыхъ для продовольствія населенія даже при взятыхъ очень низкихъ нормахъ потребленія.

Но извѣстно, что кромѣ надѣльныхъ земель у крестьянскаго населенія имѣется еще въ личной собственности: въ частной 13,2 милл. дес., въ общественной 3,7 милл. дес. и товарищеской 7,6 милл. десятинъ; всего, слѣдов., сверхъ своихъ надѣльныхъ земель крестьянское населеніе имѣетъ 25,5 милл. дес. земли изъ всей частной земельной собственности 101,7 милл. дес. [1]), т. е. почти ровно 25% всего частнаго землевладѣнія. Если предположить, что изъ всего количества урожая съ частновладѣльческихъ земель доля крестьянскаго урожая пропорціональна количеству землевладѣнія, то слѣд., изъ всего сбора съ владѣльческихъ земель въ 802 милл. пуд. продовольственныхъ зерновыхъ хлѣбовъ на долю крестьянскихъ хлѣбовъ придется около 200 милл. пудовъ. Но въ дѣйствительности это количество должно быть, конечно, уменьшено, такъ какъ урожай на частныхъ крестьянскихъ земляхъ хотя и выше, чѣмъ на надѣльныхъ, однако все же ниже помѣщичьихъ земель. Едва ли будетъ большой ошибкой принять, что собственныя крестьянскія земли доставляютъ крестьянскому населенію около 175 милл. пуд. зерновыхъ продовольственоыхъ хлѣбовъ.

Еще болѣе трудно исчислить другой, чрезвычайно важный источникъ крестьянскаго земельнаго и зернового обезпеченія— аренду частновладѣльческихъ земель. Не только какихъ либо исчерпывающихъ данныхъ относительно этихъ размѣровъ внѣнадѣль-

[1]) Статистика землевладѣнія 1905 г. Сводъ данныхъ по 50 губ. Европейской Россіи. Изд. Центр. Стат. Комитета. Спб. 1906.

ныхъ арендъ, но и вообще новыхъ данныхъ по этому вопросу существуетъ очень мало. Если брать цифры Марреса [1]), выведенныя главнымъ образомъ на основаніи данныхъ о размѣрахъ арендъ Карышева [2]), нѣсколько увеличивая эти цифры сообразно съ вѣроятностью увеличенія арендъ, распашекъ земли и наконецъ повышенія урожая съ нихъ, то размѣры сбора крестьянскихъ хлѣбовъ съ арендуемыхъ внѣнадѣльныхъ земель можно считать приблизительно въ 150 милл. пудовъ зерновыхъ продовольственныхъ хлѣбовъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, получается, что крестьянское населеніе имѣетъ отъ своего земледѣльческаго производства 1633 милл. пуд. зерновыхъ хлѣбовъ, т. е. около 17,6 пуд. на душу, тогда какъ требуетъ по взятому выше разсчету всего 1419 милл. пуд. Остающіеся 214 милл. пуд. и поступаютъ на рынокъ со стороны крестьянскаго производства.

Подведемъ такимъ образомъ балансъ годового зернового производства продовольственныхъ хлѣбовъ и рынка ихъ.

Всего производится:

Крестьянская надѣльная земля	1308	милл. пуд.
„ собственная земля	175	„ „
Помѣщичья, арендуемая крестьянами	150	„ „
Собственное помѣщичье хозяйство	477	„ „
Итого	2110	милл. пуд.

Всего потребляется:

Сельск. насел.: необезпеченной груп. .	349	милл. пуд.	изъ нихъ покупного . .	173	мил.	пуд.
„ „ средней группой . . .	699	„	„	„	„ . .	140	„	„
„ „ обезпеченной группой	373	„	„	„	„ . .	—	„	„
Итого сельскимъ населеніемъ . .	1421	милл. пуд.	изъ нихъ покупного . .	313	„	„.
Городскимъ населеніемъ	194	„	„	„	„ . .	194	„	„
Винокуреніемъ и пивовареніемъ . . .	44	„	„	„	„ . .	44	„	„
Экспортомъ	451	„	„	„	„ . .	451	„	„
Итого потребленіе	2110	милл. пуд.	изъ нихъ покупного . .	1002	мил.	пуд

[1]) *Марресъ.* Производство и потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ, въ сборникѣ «Вліяніе урожаевъ и пр.», т. I, стр. 54.

[2]) *Карышевъ.* Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Итоги эконом. изслѣдованія Россіи т. II. Дерп. 1892, а также *П. Лященко*, Мобилизація землевладѣнія въ Россіи и его статистика. Рус. Мысль 1905 г., кн. II, стр. 17.

Размѣры рынка опредѣляются, такимъ образомъ, въ 1002 милл пуд., т. е. около половины всего зернового производства. Въ томъ числѣ нѣсколько болѣе 1/5 его идетъ на внѣшній рынокъ, нѣсколько болѣе 1/4 составляетъ внутренній рынокъ. Остальное количество, болѣе половины всего народнаго производства, потребляется внутри хозяйствъ. Слѣдовательно, въ зерновомъ народномъ хозяйствѣ товарно-торговое производство затронуло сравнительно небольшую часть, менѣе половины всего продукта.

Мы разсматривали до сихъ поръ только продовольственные хлѣба въ общей ихъ массѣ; остановимся теперь на условіяхъ торговаго обмѣна и рынка въ отдѣльности для нѣкоторыхъ хлѣбовъ, такъ какъ они представляютъ характерныя отличія.

Чистый сборъ ржи за разсматриваемое пятилѣтіе опредѣляется Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ 967.177 тыс. пуд. изъ которыхъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ собирается 664,198 тыс. пуд. и на частновладѣльческихъ земляхъ 302.979 тыс. пуд. Выдѣляя тѣмъ же способомъ, какъ и выше, изъ послѣдняго количества сборъ съ крестьянскихъ собственныхъ земель около 65 милл. пуд., и даже не считая сбора съ арендуемыхъ крестьянами земель, за трудностью его опредѣленія, общій сборъ ржи у крестьянскаго производителя опредѣлится до 729 милл. пудовъ, въ помѣщичьихъ же хозяйствахъ (считая крестьянскую аренду) 238 милл. пудовъ. Изъ всѣхъ этихъ количествъ на экспортъ за пятилѣтіе шло въ годъ въ среднемъ 74 милл. пуд., на винокуреніе 18 милл. пуд.; городской спросъ можно считать около 90 милл. пуд. Слѣдовательно, рынокъ требуетъ до 182 милл. пудовъ. Всего этого количества, конечно, не можетъ удовлетворить крестьянское производство такъ какъ, при широкомъ развитіи потребленія ржаного хлѣба, собственнаго крестьянскаго производства недостаточно для покрытія этого потребленія. Слѣдовательно, наибольшая доля въ удовлетвореніи какъ внутренняго, такъ и внѣшняго спроса на рожь падаетъ на помѣщичье хозяйство. Если же и крестьянское хозяйство участвуетъ отчасти въ покрытіи этого спроса на рожь, то лишь благодаря сокращенію собственнаго потребленія и избыточнымъ продажамъ зерна за счетъ этого потребленія. Именно потому, какъ мы видѣли, земскія изслѣдованія и констатируютъ, что «записи о продажѣ хлѣба почти всегда сопровождаются записями о слѣдующей затѣмъ покупкѣ ихъ». Но такъ какъ при подобномъ оборотѣ крестьянинъ долженъ терять въ размѣрѣ всей разницы цѣны (между на-

иболѣе дорогими весенними цѣнами, когда происходятъ покупки, и наиболѣе дешевыми, когда происходятъ продажи), а также въ размѣрѣ всѣхъ накладныхъ расходовъ по продажѣ, то ему приходится прибѣгать къ одному средству: продавать болѣе дорогіе хлѣба и покупать болѣе дешевые, «мѣнять свою пшеницу на владѣльческую рожь».

Дѣйствительно, чистый урожай пшеницы за то же пятилѣтіе и по тѣмъ же даннымъ опредѣляется всего въ 614.277 тыс. пуд., изъ которыхъ на надѣльныхъ земляхъ 306.676 тыс. пуд., на частновладѣльческихъ 307.601 тыс. пуд. Изъ этихъ послѣднихъ на крестьянскихъ собственныхъ земляхъ собирается до 70 милл. пуд. Слѣдовательно, крестьянское хозяйство, не считая арендуемыхъ земель, собираетъ до 377 милл. пудовъ, на помѣщичье же хозяйство остается до 237 милл. пуд. пшеницы (считая въ томъ числѣ и аренду). Если считать городской спросъ до 95 милл. пуд. и экспортъ 217 милл. пудовъ, то окажется, что сборъ съ помѣщичьихъ земель, даже не вычитая крестьянскую аренду, ни въ коемъ случаѣ не можетъ одинъ покрыть эти 312 милл. пуд., потребныхъ для рынка. Значительная доля его должна удовлетворяться крестьянскимъ производствомъ, которое, имѣя всего до 377 милл. пудовъ, т. е. около 4 пудовъ на душу, потребляетъ, однако, пшеничнаго хлѣба гораздо менѣе, а большую часть зерна продаетъ, покупая обратно уже не пшеницу, а рожь.

Подобное же отношеніе отмѣчается и для овса. При 3 милліонахъ головъ лошадей во владѣльческихъ хозяйствахъ [1]) овса владѣльческаго производства, за исключеніемъ сбора съ арендуемыхъ земель, было бы далеко недостаточно для покрытія собственныхъ потребительскихъ нуждъ городского и экспортнаго спроса: на прокормъ владѣльческаго скота потребовалось-бы до 120 милл. пудовъ, экспортъ же за разсматриваемые годы исчислятся до 75 милл. пудовъ, тогда какъ со всѣхъ владѣльческихъ земель собиралось овса (за вычетомъ сбора съ собственныхъ крестьянскихъ земель въ 35 милл. пуд.) не болѣе 155 милл. пудовъ. Слѣдовательно, крупную роль въ дѣлѣ удовлетворенія овсомъ экспорта и городовъ должно играть крестьянское хозяйство, продающее значительную часть производимаго въ немъ овса, не смотря на то, что всей массы зерна было бы недостаточно для болѣе или менѣе правильнаго

[1]) Военноконскія переписи 1899—1901 г.г. и 1903—1904 г.г. Спб. 1902 и 1904.

прокормленія собственнаго скота: при 16,9 милл. головъ лошадей, съ крестьянскихъ земель собирается всего до 352 милл. пуд. овса т. е. всего около 20 пудовъ овса на голову.

Указанныя соотношенія въ народномъ потребленіи и хлѣботорговомъ обмѣнѣ отмѣчались изслѣдователями уже давно. Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Ник.—онъ, изслѣдуя процессъ развитія денежнаго хозяйства, отмѣтилъ, что «процессу ухудшенія качества народнаго потребленія при развитіи денежнаго хозяйства подчиняется... самый хлѣбъ, т. е. лучшіе роды его все болѣе и болѣе изъемлются изъ народнаго потребленія;... денежное хозяйство сократило деревенское потребленіе пшеницы до нуля» [1]).

Другой авторъ, отмѣчая эту же особенность положенія крестьянскаго хлѣба на рынкѣ — вынужденную продажу необходимаго для собственнаго продовольствія зерна — говоритъ: «крестьянинъ всю свою пшеницу продаетъ, несмотря на то, что по сбору ржи у него громадный дефицитъ въ собственномъ продовольствіи. Продавъ пшеницу, онъ покупаетъ... остатокъ за вывозомъ, винокуреніемъ и городскимъ потребленіемъ у помѣщиковъ ржи... Для крестьянина хлѣбная торговля, собственно говоря, есть не что иное, какъ залогъ хлѣба подъ тяжелые кулацкіе проценты» [2]).

Наконецъ, Марресъ, болѣе подробно разбирая вопросъ объ условіяхъ продажъ крестьянскаго хлѣба, приходитъ къ выводу, что «всѣ потребности рынка покрываютъ одно только частновладѣльческое хозяйство, да хозяйство небольшой, наиболѣе зажиточной группы крестьянъ. Хлѣбъ же массы крестьянскаго населенія на рынокъ не поступаетъ; осенью онъ продается, но не уходитъ далеко отъ мѣстъ его сдачи крестьянами; сгруппировавшись въ нѣсколькихъ пунктахъ, онъ ждетъ здѣсь того же самаго крестьянина, который и дѣйствительно приходитъ за нимъ зимою и весною. Само самой разумѣется, что эта операція купли-продажи хлѣба является очень разорительной для крестьянъ. Въ операціи этой есть еще одна важная сторона, на которую приходится обратить вниманіе. Пшеницы поступаетъ на рынокъ около 84%, почти вся пшеница, слѣдовательно, уходитъ изъ рукъ производителей. Проданная кре-

[1]) *Николай—онъ*, „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства". Спб. 1893.

[2]) *Голубевъ*. «Къ вопросу о причинахъ экономическаго упадка сельскаго населенія». Юрид. Вѣст. 1892, X.

стьянами, она не остается на мѣстѣ, а вывозится за границу или въ городъ. Вмѣсто пшеницы крестьянинъ покупаетъ весной себѣ другой, болѣе дешевый хлѣбъ. Этимъ путемъ лучшіе сорта хлѣба съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе изъемлются изъ народнаго потребленія [1])».

Повидимому, фактъ все растущихъ продажъ хлѣба вообще, и въ особенности пшеницы, при относительно слабомъ ростѣ производства позволяетъ дѣйствительно говорить объ изъятіи изъ «народнаго» потребленія этого, наиболѣе питательнаго хлѣба. Однако, мы уже знаемъ, что вкладывать какое либо конкретное содержаніе въ такія слова, какъ «народное» потребленіе, «народное» производство, значитъ всегда обобщать и сглаживать часто совершенно противоположныя явленія. То же самое имѣется и въ данномъ случаѣ: характеръ процесса обращенія на рынкѣ пшеницы и ржи болѣе сложенъ, чѣмъ простое «изъятіе лучшихъ сортовъ хлѣба изъ народнаго потребленія».

Такъ, прежде всего, увеличеніе размѣровъ продажъ и движенія пшеничныхъ грузовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ отмѣченнаго уже выше роста культуры этого хлѣба на востокѣ, гдѣ культура ея имѣетъ основною цѣлью именно сбытъ, а не натуральное потребленіе. Пшеница, поступающая на рынокъ съ полей востока, вовсе не «отнимается» отъ народнаго потребленія, такъ какъ самая первоначальная причина расширенія культуры ея уже заключалась въ сбытѣ на рынкѣ. Денежное хозяйство всегда разрушаетъ натуральное потребленіе и заставляетъ приспособляться къ требованіямъ рынка. Ростъ городовъ и промышленнаго населенія, развитіе экспорта—все это предъявляетъ спросъ именно на пшеничные продукты, и развитіе денежнаго хозяйства заставляетъ подчинять этому спросу само производство, обращающееся, въ особенности въ нѣкоторыхъ раіонахъ, все болѣе на этотъ рыночный товаръ.

Это особенно ясно видно, если сравнить ростъ культуры въ различныхъ раіонахъ такихъ противоположныхъ по хозяйственному значенію продуктовъ, какъ продуктъ натуральнаго потребленія—рожь и продуктъ сбыта—пшеницу. Если принять общій сборъ за

[1]) ***Марресъ.*** Производство и потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ, сборн. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ т. I, стр. 54.

пятилѣтіе 1886—90 г.г. за 100, то движеніе сбора въ слѣдующія пятилѣтія выразится такими цифрами [1]):

Раіоны губерній:	Рожь.			Пшеница.		
	1891—1895	1896—1900	1901—1905	1891—1985	1896—1900	1901—1905
Центрально-земледѣльч. .	87,2	96,7	104,1	105,9	110,5	154,2
Средне-волжскія	97,8	116,4	115,2	132,2	177,3	197,6
Нижне-волжскія	101,9	117,2	118,7	125,6	195,6	267,7
Новороссійскія	108,3	86,6	192,2	151,6	142,9	227,8
Юго-западныя	119,2	139,1	178,9	135,1	214,4	334,5
Всего 50 губерній	102,6	112,1	120,9	137,2	158,1	232,2

Слѣдовательно, отмѣченное выше увеличеніе поступленій на рынокъ пшеницы нельзя приписать лишь изъятію ея изъ народнаго потребленія и замѣною ея въ этомъ потребленіи рожью. Увеличеніе пшеничныхъ поступленій обусловлено наибольшимъ ростомъ ея производства, притомъ именно въ тѣхъ раіонахъ, которые спеціально работаютъ на рынокъ. При всемъ томъ, конечно, остается открытымъ вопросъ: идетъ-ли этотъ ростъ торговаго земледѣлія главнымъ образомъ для удовлетворенія внѣшняго, или внутренняго рынка, т. е. идетъ-ли вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніе внутренняго спроса и какихъ именно частей его: мѣстнаго-ли потребительнаго спроса земледѣльческаго населенія или спроса промышленнаго и городского населенія?

Отсутствіе точныхъ статистическихъ данныхъ опять не позволяетъ привести исчерпывающаго на этотъ счетъ отвѣта, а лишь статистическую иллюстрацію отмѣчающейся здѣсь тенденціи. Такъ, прежде всего, остановимся на соотношеніи размѣровъ внѣшняго и внутренняго спроса. Если сравнить цифры производства и экспорта средины 90-мъ годовъ и средины девятисотыхъ годовъ, когда экспортъ достигъ максимальныхъ цифръ, мы все же обнаружимъ, что внутренній рынокъ вообще развивается болѣе интенсивно, чѣмъ внѣшній.

Дѣйствительно, размѣры производства, экспорта и внутренняго потребленія за періодъ съ девяностыхъ годовъ до девятисотыхъ измѣнились слѣдующимъ образомъ [2]):

[1]) Вычислено по „Своду статистическихъ данныхъ“ и по „Урожаямъ“ Центр. статист. комитета.

[2]) Составлена на основаніи «Урожаевъ» Центр. Стат. Ком. и «Внѣшней торговли» соотв. годовъ.

Сельско-хоз. годы.	Средній сборъ	Средній вывозъ.	Среднее потребленіе.	Душевое потребленіе пудовъ.
	тысячъ пудовъ.			
Пшеница.				
1894/5—1898/9	505.671	208.309	297.362	2,75
1899/900—1903/4	630.330	174.207	456.122	3,92
Болѣе + менѣе −	+124.659	−34.102	+158.760	+1,17
Рожь.				
1894/5—1898/9	940.094	82.705	857.389	7,95
1899/900—1903/4	1.094.281	90.108	1.004.173	8,66
Болѣе + менѣе −	+154.187	+7.403	+146.784	+0,71
Овесъ.				
1894/5—1898/9	456.596	50.769	405.827	3,76
1899/900—1903/4	526.471	63.399	463.075	4,00
Болѣе + менѣе	+69.878	+12.630	+57.248	+0,24
Ячмень.				
1894/5—1898/9	286.856	103.598	183.258	1,69
1899/900—1903/4	301.366	94.477	206.889	1,78
Болѣе + менѣе −	+14.510	−9.121	+23.631	+0,09

Слѣдовательно, если говоря о «народномъ потребленіи», понимать подъ этимъ внутреннее потребленіе зерна въ общемъ во всей странѣ, то оно увеличилось болѣе всего именно для пшеницы—на 1,7 пуд. или на 42,5%. При томъ, это увеличеніе шло частью за счетъ сокращенія вывоза, частью за счетъ увеличенія производства; также значительно увеличилось душевое потребленіе ржи, на 0,71 пуда или 8,9%, но это увеличеніе идетъ лишь за счетъ увеличенія производства, такъ какъ въ то же время возросъ и вывозъ; наконецъ, увеличеніе потребленія овса еще менѣе значительно — 0,24 пуда или 6,4%, причемъ такъ же, какъ для ржи увеличеніе внутренняго потребленія шло вмѣстѣ съ увеличеніемъ экспорта, за счетъ расширенія культуры и увеличенія урожаевъ.

Такимъ образомъ, полученный новый выводъ общаго увеличенія «народнаго» потребленія всѣхъ хлѣбовъ, повидимому, стоитъ въ противорѣчіи съ прежнимъ наблюденіемъ объ изъятіи изъ народнаго потребленія лучшихъ сортовъ хлѣба. Въ дѣйствительности, однако, этого противорѣчія не будетъ, если только расчленить это общее «народное потребленіе» на входящіе въ него элементы, хотя бы въ общихъ чертахъ, поскольку это можно сдѣлать по характеру имѣющихся цифровыхъ данныхъ.

Въ общей величинѣ размѣровъ душевого потребленія заключается какъ увеличеніе потребленія собственно городского и промышленнаго населенія неземледѣльческихъ или земледѣльскихъ раіоновъ; такъ и собственно мѣстное, т. е. потребленіе самого земледѣльческаго населенія на мѣстахъ. Раздѣлить эти двѣ величины можно только въ общихъ чертахъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Потребленіе хлѣба въ нечерноземной полосѣ промышленнымъ и городскимъ населеніемъ покрывается въ громадной мѣрѣ привознымъ хлѣбомъ и, слѣдовательно, увеличеніе этого потребительнаго рынка должно отражаться на увеличеніи желѣзнодорожныхъ перевозокъ, тогда какъ увеличеніе мѣстнаго потребленія на этихъ перевозкахъ не отражается. Это обстоятельство и позволяетъ сравнить относительный ростъ того и другого рынка.

Сравнимъ только что приведенныя цифры увеличенія производства за періодъ съ средины 90-хъ годовъ до средины девятисотыхъ съ увеличеніемъ перевозокъ за тотъ же періодъ.

	Производство увеличилось.	Перевозки увеличились.
Пшеница	158,7	90,4
Рожь	146,7	39,7
Овесъ	57,2	12,9
Ячмень	23,6	11,6

Такимъ образомъ, остатокъ для мѣстнаго потребленія увеличился, поскольку это учитывается желѣзнодорожными перевозками, на:

пшеница	68,3	милл. пуд.
рожь	107,0	» »
овесъ	14,3	» »
ячмень	12,0	» »

Сравнивая увеличеніе общаго душевого потребленія за періодъ съ средины 90-хъ до средины девятисотыхъ годовъ съ увеличеніемъ мѣстнаго потребленія за тѣ же годы, получаемъ слѣдующія цифры:

	Общее потребленіе на душу пудовъ.			Мѣстное потребленіе на душу пудовъ.		
	1894/5—98/9	1899—1903/4	Увеличеніе.	1894/5—98/9	1899—1903/4	Увеличеніе.
Пшеница	2,75	3,92	1,17	1,11	1,93	0,82
Рожь	7,95	8,66	0,71	7,13	7,76	0,63
Овесъ	3,76	4,00	0,24	2,86	2,87	0,01
Ячмень	1,69	1,78	0,09	1,23	1,26	0,03
Итого	16,15	18,36	2,21	12,33	13,82	1,49

Такимъ образомъ, мѣстное потребленіе четырехъ главныхъ хлѣбовъ увеличилось всего на 1,49 пуда, тогда какъ общее потребленіе внутри страны, безъ различія мѣстнаго и привознаго хлѣба, уве-

личилось на 2,21 пуда. Слѣдовательно, наибольшая часть увеличенія внутренняго потребленія и внутренняго рынка обусловливается ростомъ городского и промышленнаго населенія, въ особенности въ раіонахъ съ недостаточнымъ собственнымъ производствомъ, нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ; среди же собственно сельскаго производительнаго населенія увеличеніе потребленія наблюдается въ такомъ небольшомъ размѣрѣ, что приписать его можно или вообще приблизительности вычисленій, или тому, что среди перваго пятилѣтія встрѣчаются неурожайные годы, тогда какъ второе было высокоурожайное.

Итакъ, нѣкоторое увеличеніе душевого зернового потребленія отмѣчается лишь для городского и промышленнаго населенія; въ мѣстномъ же потребленіи самимъ сельскимъ производительнымъ населеніемъ не замѣтно почти никакого увеличенія. Но, конечно, и среди этого послѣдняго уменьшеніе потребленія имѣется въ дѣйствительности лишь для наименѣе обезпеченныхъ экономическихъ группъ; для нихъ и отмѣчается указанное выше «изъятіе лучшихъ сортовъ хлѣба» и замѣна ихъ худшими или даже суррогатами. Благодаря тому, что большая часть увеличенія народнаго производства идетъ не на мѣстное потребленіе, а отчуждается на рынокъ, изъ за необходимости удовлетворенія возрастающихъ денежныхъ нуждъ хозяйства, страдаетъ не только личное потребленіе, но и хозяйственное потребленіе съ производительными цѣлями. Не только простое недоѣданіе, но и недостатокъ сѣмянъ на посѣвъ являются результатами такихъ избыточныхъ продажъ. Попадая въ зависимость отъ рынка, земледѣльческій производитель не только ограничивается въ условіяхъ личнаго своего существованія, но не можетъ развивать и производительныхъ силъ своего хозяйства.

Такимъ образомъ, подчиненіе торговому капиталу, съ одной стороны, обезпечиваетъ мелкому производителю его формальную независимость, оставляя процессъ производства не затронутымъ капиталистическими отношеніями; съ другой стороны, благодаря сохраненію хозяйствомъ этой формальной самостоятельности, не допускаетъ возможности возникновенія на мѣстѣ его новыхъ капиталистическихъ организацій. Торговый капиталъ, побѣдившій и разрушившій прежнее самостоятельное и замкнутое хозяйство, теперь является побѣдителемъ и капиталистической организаціи производства.

Эти черты въ положеніи хозяйства, какъ было указано, и характерны для той стадіи производства, которая, сообразно господству въ ней скупщика, торговца, торговаго капитала и характеризуется, какъ «производство на скупщика». Всѣ тѣ черты, которыя присущи этой системѣ по отношенію къ обрабатывающей промышленности, имѣютъ мѣсто и въ земледѣльческой промышленности.

При отсутствіи въ этой системѣ капиталистическихъ элементовъ и всегда заложеннаго въ капиталистической организаціи производства стремленія къ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ—эта стадія производства несетъ для мелкаго «самостоятельнаго» производителя лишь необходимость высшей трудовой энергіи, ради доставленія торговой прибыли капиталу; высшую степень эксплоатаціи производителя этимъ капиталомъ. Для всего же народнаго хозяйства вообще она означаетъ борьбу торговаго капитала съ производительнымъ, борьбу, оканчивающуюся далеко не всегда въ пользу послѣдняго или требующую для этого по крайней мѣрѣ продолжительнаго времени. Возможность сохраненія формальной самостоятельности мелкаго производителя при работѣ его на рынокъ и при полномъ подчиненіи его на этомъ рынкѣ торговому капиталу ведетъ лишь къ задержкѣ развитія капитализаціи производительнаго процесса, къ задержкѣ развитія производительныхъ силъ.

И по отношенію къ развитію и условіямъ существованія русскаго земледѣлія отмѣченное выше преобладаніе въ немъ мелкаго самостоятельнаго крестьянскаго производства играетъ именно эту роль, задерживающую развитіе производительнаго капитализма въ земледѣліи, совершенно не устраняя, однако, необходимости служенія и подчиненія торговому капиталу.

Изъ разсмотрѣнія историческаго хода развитія этого подчиненія земледѣльческаго производителя торговому капиталу и постепеннаго усиленія эксплоатаціи земледѣльческаго населенія торговымъ капиталомъ было видно, что эта эксплоатація и это подчиненіе вовсе не являются продуктомъ новѣйшаго времени, продуктомъ новѣйшихъ условій земледѣльческаго производства. Зависимость земледѣльческаго производителя отъ торговаго капитала существовала всегда, когда только существовалъ торговый капиталъ, такъ какъ самое возникновеніе торговаго капитала обусловливалось именно этой эксплоатаціей земледѣльческаго населенія, присвоеніемъ создаваемаго имъ прибавочнаго про-

дукта въ видѣ рентъ, накопленіемъ ихъ и превращеніемъ ихъ въ торговый капиталъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ разработкѣ различныхъ областей русской экономической исторіи одно за другимъ постепенно разрушались насажденныя народническими теченіями воззрѣнія о господствѣ въ русскомъ прошломъ «народныхъ» формъ хозяйства, зиждущихся на самостоятельности производителя, на всеобщемъ экономическомъ равенствѣ, на самобытности историческаго развитія народнаго хозяйства—для этихъ воззрѣній оставалась, повидимому, одна область, гдѣ господство народнаго хозяйства считалось непоколебимымъ.

Это—сельское хозяйство.

Сельскій производитель-крестьянинъ, и по преимуществу крестьянинъ-общинникъ, долженъ былъ олицетворять этотъ типъ самостоятельнаго, независимаго отъ капиталистическихъ отношеній производителя, хранителя экономическаго равенства. Какъ весь его земледѣльческій бытъ, такъ и его сельскохозяйственное производство представлялись носителями этой идеи независимости производства и правильности распредѣленія произведеннаго продукта, въ смыслѣ отсутствія присвоенія прибавочнаго продукта кѣмъ-либо, во внѣ этихъ народныхъ условій производства находящимся.

Было уже указано на совершенную, съ исторической точки зрѣнія, неправильность такого представленія о прошломъ русскаго сельскохозяйственнаго строя и вообще аграрнаго быта. Дѣйствительно, даже въ самой глубокой древности мы не находимъ этого самостоятельнаго народнаго производителя, мелкаго собственника земли, независимаго ни отъ крупнаго землевладѣльца, ни отъ торговаго капитала. Правда, пока хозяйство оставалось вполнѣ замкнутымъ само въ себѣ, оно могло до нѣкоторой степени сохранять свою самостоятельность.

Но дѣло въ томъ, что такой полной замкнутости нельзя встрѣтить нигдѣ на всемъ историческомъ полѣ зрѣнія: вездѣ, какъ только мы можемъ обозрѣть его, мы встрѣчаемся съ болѣе или менѣе развитымъ и оживленнымъ хозяйственнымъ мѣновымъ общеніемъ между собою отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. А разъ только хозяйство вынуждено было вступать въ сношенія съ другими хозяйственными единицами, съ потребителемъ-ли, или съ такими же производительными хозяйствами—оно тотчасъ-же болѣе или менѣе полно подпадало подъ вліяніе внѣшнихъ ему воздѣйствій, и если эти внѣшніе факторы оказывались экономически сильнѣе его—оно становилось въ полную отъ нихъ зависимость.

Уже одно то обстоятельство, что древній крестьянинъ, мелкій производитель большею частью не обладалъ земельной собственностью, въ смыслѣ-ли высшаго развитія этого понятія въ современномъ значеніи, или даже просто въ смыслѣ самостоятельнаго владѣнія землею, а пользовался ею на правахъ аренды, вышлачивая ренту землевладѣльцу, должно было имѣть громадныя послѣдствія. Конечно, вначалѣ какъ потребности мелкаго производителя, такъ и крупнаго рентьера-землевладѣльца почти не отличались другъ отъ друга. Поэтому существованіе до-капиталистическихъ арендныхъ отношеній и необходимость выплаты ренты, по крайней мѣрѣ въ отношеніи направленія производства, не вносили ничего особенно новаго.

Земледѣльческое хозяйство мелкаго производителя существовало все же ради удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, имѣло цѣлью, главнымъ образомъ, эти потребности, ради удовлетворенія ихъ брало землю, шло въ земельную кабалу, уплачивало ренту. Оно являлось, слѣдовательно, чистымъ семейнымъ, «домашнимъ производствомъ» этого сельскаго населенія, совершенно точно такъ же, какъ въ ту же форму «домашняго производства» вылились и первые зачатки обрабатывающей промышленности. Та доля прибавочнаго труда и продукта, которую приходилось удѣлять изъ этого домашняго производства и отъ личнаго удовлетворенія потребностей въ пользу собственника земли была, въ общемъ, невелика и не нарушала этого характера самостоятельности земледѣльческаго домашняго производства. Но все же именно въ этой необходимости отчужденія нѣкоторой доли прибавочнаго продукта въ руки одного привиллегированнаго класса лежалъ зачатокъ разрушенія самостоятельности натуральнаго строя и всей дальнѣйшей аграрной и вообще экономической эволюціи.

Какъ ни мала была степень эксплоатаціи невладѣвшаго землей населенія, какъ ни была относительно мала доля прибавочнаго продукта, присвояемаго землевладѣльцами, все же общая масса этого прибавочнаго продукта, валовой доходъ землевладѣльцевъ были, по тогдашнему времени, велики. Сила же впечатлѣнія и вліянія этого накопленія была еще болѣе значительна, сообразно характеру общихъ экономическихъ условій того времени, общему невысокому уровню экономическаго развитія.

Сосредоточеніе въ рукахъ одного класса большихъ количествъ прибавочнаго продукта являлось факторомъ, громаднымъ по важности и значенію даже не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Конечно, оно не могло бы имѣть значенія, пока этотъ продуктъ накоплялся только въ натуральной формѣ, и пока междухозяйственный обмѣнъ вообще отсутствовалъ. Но именно само это накопленіе и постоянное увеличеніе количества прибавочнаго продукта въ рукахъ одного класса явилось требованіемъ и побудительнымъ мотивомъ какъ къ развитію обмѣна, такъ и къ развитію вообще денежнаго хозяйства. А съ тѣхъ поръ, какъ въ хозяйствѣ стали развиваться денежныя отношенія и прибавочный продуктъ сталъ получаться въ денежной формѣ, препятствія къ накопленію его исчезли. Превратившись самъ въ капиталъ, онъ превратилъ прежняго привиллегированнаго землевладѣльца изъ рентьера, получавшаго отъ своихъ земель лишь обезпеченіе своего существованія, изъ «собирателя земли»—въ собирателя капитала.

Съ этихъ поръ должно было исчезнуть и то единство потребностей мелкаго земледѣльческаго предпринимателя и крупнаго землевладѣльца, которое защищало перваго отъ необходимости сношеній съ рынкомъ, ради реализаціи прибавочнаго продукта, уплачиваемаго землевладѣльцу. При расширеніи личныхъ потребностей владѣльческихъ классовъ и при расхожденіи ихъ съ потребностями мелкаго земледѣльческаго производителя, съ сохраненіемъ въ то же время тѣхъ отношеній зависимости послѣдняго отъ первыхъ, которыя выливались въ форму арендныхъ отношеній, должно было постепенно измѣняться и самое направленіе земледѣльческаго производства. Земледѣльческое хозяйство мелкаго производителя-крестьянина должно было постепенно все болѣе работать на рынокъ, чтобы на немъ реализовать свой продуктъ въ форму всеобщаго эквивалента, денегъ, для уплаты ихъ землевладѣльцу. Конечно, для возможности такой реализаціи на рынкѣ и для самого возникновенія рынка для земледѣльческихъ продуктовъ необходимы были общія соотвѣтствующія условія; но ходъ экономическаго развитія и создаетъ именно такія условія.

Первые шаги накопленія капитала и эксплоатаціи имъ земледѣльческаго населенія проявились, какъ мы видѣли, и въ Россіи точно такъ-же, какъ и въ другихъ странахъ—въ формѣ накопленія земледѣльческихъ рентъ, превращенія ихъ въ торговый капиталъ и въ формѣ торговой эксплоатаціи земледѣльческаго хозяйства, сохранявшаго еще долго многія черты натуральнаго строя. По условіямъ народной жизни, по преобладанію въ ней земледѣльческаго населенія и производства, торговый капиталъ для своего оборота и роста могъ воспользоваться продуктами только именно этого земледѣльческаго производства. Земледѣльческое крестьянское производство, которое раньше всегда носило характеръ «домашняго производства», т. е. служило на первомъ мѣстѣ удовлетворенію личныхъ потребностей крестьянской семьи, подъ воздѣйствіемъ торговаго капитала начинаетъ модифицироваться гораздо болѣе усиленно, чѣмъ прежде. Пока крестьянинъ стоялъ только въ отношеніяхъ арендатора къ землевладѣльцу, его хозяйство могло почти всецѣло сохранять свой самодавлѣющій характеръ. Теперь же, подъ вліяніемъ рынка и подчиненія торговому капиталу, разложеніе его натуральныхъ основъ пошло гораздо быстрѣе.

Какъ и всякая вообще мелкая промышленность, такъ и крестьянская земледѣльческая промышленность могла лишь до тѣхъ поръ сохранять свой самостоятельный характеръ «народнаго производства», пока она работала на близкій, мѣстный и небольшой рынокъ, пока сохранялась возможность непосредственнаго и самостоятельнаго общенія производителя съ этимъ рынкомъ, на подобіе отношенія къ рынку ремесленнаго производителя. Но какъ только появилась необходимость работать не для собственнаго потребленія, а массовой продуктъ для обширнаго рынка, то сферой обращенія долженъ былъ завладѣть капиталистъ-посредникъ, торговый капиталъ, и все земледѣльческое хозяйство подпало подъ его вліяніе.

Правда, этотъ торговый капиталъ вначалѣ долженъ былъ оставлять совершенно нетронутымъ самый производительный процессъ. Съ одной стороны, для самого земледѣльческаго хозяйства необходимость реализаціи на рынкѣ своего продукта и подчиненія торговому капиталу ограничивалась лишь тою небольшою долею, которая, какъ прибавочный продуктъ, шла въ руки землевладѣльческихъ классовъ, въ видѣ рентъ, или государству, въ видѣ податей. Съ другой стороны, самъ торговый капиталъ интересовался лишь торговой прибылью и не стремился преобразовать производство въ смыслѣ расширенія области прибавочнаго труда и прибавочнаго продукта. Поэтому крестьянское земледѣческое хозяйство, уже подчиненное въ части своей воздѣйствію торговаго капитала и рынка, сохраняло въ то же время въ преобладающей степени свой прежній характеръ «домашняго производства»; оно стало лишь

особой формой эксплоатаціи земледѣльческаго производителя торговымъ капиталомъ, зачаточной и наименѣе развитой формой капиталистическаго земледѣльческаго производства. Этотъ характеръ «домашняго производства» съ подчиненіемъ его торговому капиталу, торговцу, какъ представителю капиталистическаго рынка, крестьянское земледѣльческое хозяйство сохранило и до сихъ поръ.

Конечно, вмѣстѣ съ ходомъ экономическаго развитія, въ особенности въ нѣкоторой части наиболѣе крупныхъ и экономически сильныхъ хозяйствъ, должно было обнаружиться стремленіе и возможность иной организаціи производительнаго процесса. Въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, получавшемъ ренту съ своихъ докапиталистическихъ фермеровъ, уже одно возникновеніе рынка должно было породить это стремленіе къ новой организаціи производства. У землевладѣльческихъ классовъ, не бывшихъ до сихъ поръ, въ сущности, самостоятельными производителями, появляется теперь стремленіе къ самостоятельному земледѣльческому предпринимательству. А это стремленіе ведетъ, въ свою очередь, къ необходимости повышенія производительности земледѣльческаго труда, къ прикрѣпленію ради этого свободныхъ до тѣхъ поръ земледѣльцевъ-арендаторовъ къ землѣ, къ возникновенію крѣпостного права, съ цѣлью достиженія наивысшей производительности и наивысшей эксплоатаціи этого крѣпостного труда. Все это являлось лишь послѣдовательными звеньями той непрерывной цѣпи, начало которой лежало въ открывшейся, благодаря хозяйственной дифференціаціи и возникновенію рынка, возможности накопленія.

Мы видѣли, что первые шаги завоеванія земледѣльческой промышленности капиталистическимъ предпринимательствомъ были сдѣланы даже еще задолго до разрушенія общихъ некапиталистическихъ условій, до паденія, напр., крѣпостного труда. Поэтому то они и были обречены на неудачу. Но, конечно, съ измѣненіемъ этихъ общихъ условій, съ возникновеніемъ болѣе благопріятной къ тому общей обстановки, и въ земледѣльческомъ хозяйствѣ начинаетъ отмѣчаться тотъ же процессъ капитализаціи, какъ и въ другихъ областяхъ промышленной жизни. Это развитіе капиталистическаго предпринимательства, капиталистическій процессъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ проходитъ здѣсь, быть можетъ, даже въ болѣе сложныхъ формахъ и ведетъ къ болѣе глубокимъ перемѣнамъ всего хозяйственнаго и общественнаго строя, чѣмъ капитализація другихъ отраслей народнаго хозяйства, такъ какъ затрагиваетъ

и разрушаетъ болѣе глубокія и исторически болѣе прочныя основы современнаго хозяйственнаго строя. Съ другой стороны, этотъ земледѣльческій производительный капитализмъ, разъ возникнувъ, но встрѣчая на своемъ пути некапиталистическое «домашнее» земледѣльческое производство, съ подчиненіемъ его торговому капиталу, по необходимости вступаетъ съ нимъ въ экономическое состязаніе.

Этой борьбой капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства съ некапиталистическимъ домашнимъ крестьянскимъ производствомъ, борьбой «земледѣльческой фабрики» съ «земледѣльческимъ кустаремъ» и характеризуется настоящее положеніе русской земледѣльческой промышленности. Какъ процессъ возникновенія и развитія производительнаго капитализма въ земледѣліи, такъ и эта борьба капиталистическаго и некапиталистическаго хозяйства происходитъ въ такихъ сложныхъ формахъ и съ такими сложными результатами и послѣдствіями, что требуетъ особаго разсмотрѣнія. Здѣсь нашей цѣлью было пока другое: намѣтить лишь первоначальную и подготовительную стадію развитія земледѣльческаго капитализма, ту стадію, которая, послѣ разрушенія натуральныхъ основъ земледѣльческаго хозяйства и съ возникновеніемъ работы на рынокъ, выражается въ подчиненіи некапиталистическаго земледѣльческаго хозяйства, въ его отношеніяхъ къ рынку, торговому капиталу.

По аналогіи съ системами обрабатывающей промышленности эту стадію можно назвать домашней системой производства, системой производства на скупщика. Эта система производства и въ обрабатывающей промышленности Россіи, какъ извѣстно, имѣетъ крупное распространеніе и значеніе. Для русскаго же сельскаго хозяйства она имѣетъ не преобладающее даже, а рѣшающее значеніе, именно благодаря тому, что въ сельскомъ хозяйствѣ еще далеко не созрѣли условія для развитія производительнаго капитализма.

Если русская форма «системы производства на скупщика», наша кустарная промышленность, долгое время, почти до сихъ поръ успѣшно боролась съ капиталистической системой производства, съ фабрикой, то еще болѣе продолжительной и упорной должна быть борьба некапиталистическаго земледѣльческаго производства съ капиталистическимъ. По сложившимся исторически условіямъ землевладѣнія, въ русскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ преобладаетъ мелкое крестьянское хозяйство. Сохраняя, благодаря сложному ряду экономическихъ, общественныхъ и соціальныхъ причинъ, свой нѣсколько обособленный семейный характеръ, это крестьян-

ское домашнее производство въ сельскомъ хозяйствѣ имѣетъ еще болѣе важное значеніе и вліяніе, чѣмъ кустарное производство въ обрабатывающей промышленности. Всецѣло подчиненное рынку, работая исключительно на рынокъ, оно даетъ тонъ всему сельскохозяйственному рынку; всѣ тѣ неблагопріятныя условія, которыя наблюдаются на рынкѣ, зависятъ отъ преобладанія на немъ именно продукта мелкаго крестьянскаго хозяйства съ его некапиталистической организаціей производства и съ его полнымъ подчиненіемъ капиталистическимъ условіямъ обращенія. А такъ какъ на этомъ капиталистическомъ рынкѣ обыкновенно происходитъ учетъ результатовъ и успѣшности всѣхъ вообще хозяйствъ, то преобладаніе некапиталистическихъ формъ крестьянской домашней земледѣльческой промышленности сказывается неблагопріятно не только на рынкѣ, но и на самомъ производствѣ.

Современная экономика земледѣлія такъ же, какъ и экономика обрабатывающей промышленности не знаетъ такъ называемаго мелкаго самостоятельнаго народнаго производителя, если понимать подъ этою «самостоятельностью» какъ отсутствіе какой бы то ни было эксплоатаціи этого производителя капиталомъ, такъ и отсутствіе эксплоатаціи чужого труда этимъ производителемъ. Крестьянское земледѣльческое хозяйство, совершенно независимо отъ своихъ размѣровъ, можетъ обладать или капиталистической организаціей производства, по крайней мѣрѣ въ зачаткахъ ея, или должно представлять ту первоначальную форму и стадію развитія капиталистическаго производства, которая характеризуется, какъ система домашней промышленности, какъ система производства на скупщика.

Выше было отмѣчено, какія общеэкономическія условія являются особенно благопріятствующими развитію этой системы земледѣльческой промышленности. Въ русскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, съ его массой историческихъ пережитковъ и съ недостаточнымъ развитіемъ вообще производительнаго капитализма, эта система является и по количеству, и по значенію своему преобладающей. Но, конечно, въ той же народной жизни назрѣваютъ и условія капитализаціи земледѣльческой промышленности, такъ же, какъ и обрабатывающей; все болѣе успѣшно развивается капиталистическій процессъ, идущій на смѣну прежнимъ формамъ некапиталистическаго и домашняго производства.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Таблица 1.

Годовой ходъ запасовъ хлѣбовъ на главныхъ рынкахъ и въ элеваторахъ желѣзныхъ дорогъ въ среднемъ за 1903—1906 г.г. по свѣдѣніямъ корреспондентовъ „Вѣстника Финансовъ“

ВЪ ТЫСЯЧАХЪ ПУДОВЪ.

Портовые рынки.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Пшеница	25557	18409	15861	12436	11030	8986	6789	6751	15258	22976	25051	23141
Рожь	6157	5084	4881	4352	3910	3058	3004	2916	4148	4983	5349	5253
Овесъ	6942	5823	5076	4749	3801	3121	2544	1742	2769	4373	5049	4934
Ячмень	8019	6449	5553	3772	3909	3134	2129	3402	6122	8077	8369	7537
Внутренніе рынки.												
Пшеница	12516	10907	8879	6689	6763	9153	8525	6863	7671	11244	17486	14833
Рожь	2762	2509	2431	2479	2069	6419	2952	2126	1786	2128	3033	2817
Овесъ	2954	3150	3394	3608	4326	9731	2731	1711	1880	2065	2508	2442
Ячмень	132	113	94	97	87	84	67	71	79	110	126	130
Элеваторы и зернохранилища.												
Пшеница	1352	1335	1300	1179	1079	949	803	726	1029	1410	1411	1384
Рожь	1475	1354	1370	1425	1020	860	714	891	1324	1621	1760	1694
Овесъ	3014	3201	3121	3016	1799	1274	939	777	1724	2734	2796	3240
Ячмень	126	136	115	90	64	42	15	10	81	153	164	165
Итого												
Пшеница	39445	30651	26040	20304	18872	19088	16117	14340	23958	35630	43949	39358
Рожь	10394	9047	8682	8256	6999	10337	6670	5933	7258	8732	10142	9764
Овесъ	12910	12174	11591	11373	9926	14126	6214	4230	6373	9172	10353	10616
Ячмень	8278	6698	5762	3959	4060	3260	2211	3483	6282	8340	8659	7832

Рынки: С.-Петербургъ, Ревель, Рига, Либава, Варшава, Воронежъ, Кіевъ, Елецъ, Ливны, Москва, Рыбинскъ, Н.-Новгородъ, Казань, Чистополь, Верхнедрѣпровскъ, Саратовъ, Царицынъ, Оренбургъ, Таганрогъ, Геническъ, Новороссійскъ, Ростовъ на Дону, Маріуполь, Бердянскъ, Ѳеодосія, Одесса, Николаевъ. Желѣзнодорожные элеваторы: Харьково-Николаевской, Рязанско-Уральской, Юго-восточныхъ, Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской ж. д. Крупные городскіе элеваторы причисляются къ городамъ.

Таблица II.

Перевозки хлѣбныхъ грузовъ по всѣмъ (Европейскимъ и Азіатскимъ) желѣзнымъ дорогамъ по даннымъ „Сводной статистики“ (за исключеніемъ передачъ).

ВЪ ТЫСЯЧАХЪ ПУДОВЪ.

ГОДЫ.	Пшеница	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	МУКА.	
					Пшенич.	Ржаная.
1890 . . .	131394	58596	28855	83235	47876	31583
1891 . . .	159881	82044	35479	78774	47195	27995
1892	113246	60345	35419	62789	49190	27390
1893 . . .	142474	55887	69343	95813	59844	37593
1894 . . .	166663	71388	83190	118238	72269	38544
1895	183100	94347	51792	103249	79481	47991
1896	194329	78847	40631	108945	81688	47264
1897	174773	65886	40564	82663	76488	40141
1898 . . .	188496	93262	52958	85132	83347	43070
1899 . . .	146422	89151	44134	104789	95746	47917
1900	161240	111542	31293	136449	111470	58388
1901 . . .	185827	100481	48401	126020	116505	55715
1902	237272	121297	69160	133814	127921	58230
1903 [1] . .	289646	110709	86073	122837	140335	68967
1904 [1] . .	291524	82600	75552	134527	143633	77977
1905 [1] . .	265898	99321	73829	163865	143315	68824

[1]) По даннымъ Министерства Путей Сообщенія.

Таблица III.

Перевозки хлѣбныхъ грузовъ по воднымъ путямъ Европейской Россіи по даннымъ Министерства Путей Сообщенія.

ВЪ ТЫСЯЧАХЪ ПУДОВЪ.

ГОДЫ.	Пшеница	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	МУКА.	
					Пшенич.	Ржаная.
1890	48904	23204	5500	27369	8378	23974
1891	51523	23962	8 4	17091	7253	14062
1892 . . .	37241	12413	10258	12281	7703	6693
1893 . . .	54799	20566	18877	21846	11131	20711
1894	70917	44953	26111	35075	14746	28801
1895	80671	50111	23403	29400	16578	27599
1896	79856	47179	16515	28812	17102	34578
1897	87644	44426	20466	30051	22058	28028
1898	82958	53862	23086	37501	18315	19576
1899	60256	34225	16631	17156	22874	12874
1900	65036	55448	11384	47391	21841	23246
1901	75278	53259	14169	55270	29790	31737
1902	67355	51180	19946	25127	31654	27786
1903	104653	52242	34409	30510	36688	31711
1904	124661	59124	37269	21579	42948	33593
1905	127447	62998	26276	72955	38176	38594

Таблица IV.

Соотношеніе урожаевъ хлѣбовъ, желѣзнодорожныхъ и водныхъ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ въ 63 губерніяхъ Европейской Россіи.

По „Урожаямъ“ Центр. Стат. Комитета, „Сводной статистикѣ“ и даннымъ Министерства Путей Сообщенія.

ВЪ МИЛЛІОНАХЪ ПУДОВЪ.

Годы.	Чистый сборъ хлѣбовъ въ 63 губерніяхъ Европейской Россіи.				Перевозки по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ въ 63 губерніяхъ Европейской Россіи.			
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Пшеница	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.
1890 *)	265.9	817.2	181.6	386.2	183.3	78.9	39.5	109.0
1891 *)	201.1	556.9	151.3	276.8	191.9	95.9	41.9	94.0
1892 *)	331.9	738.7	202.0	305.4	136.2	65.3	45.3	71.0
1893	627.1	938.6	396.2	526.2	189.3	74.1	85.5	115.7
1894	590.3	1126.1	310.9	529.7	222.3	113.6	106.6	151.1
1895	520.8	991.6	273.5	492.3	251.1	139.7	75.1	125.3
1896	493.8	961.0	263.3	494.8	254.7	123.4	56.0	134.5
1897	360.6	741.7	248.8	367.2	214.2	63.7	56.7	109.4
1898	562.9	879.9	337.6	398.9	220.6	125.6	68.3	110.5
1899	529.9	1132.8	229.9	639.9	184.7	115.6	55.5	115.7
1900	525.9	1162.0	248.1	549.2	199.2	144.1	41.1	175.3
1901	531.3	907.5	251.0	354.1	224.2	144.0	60.7	165.9
1902	792.8	1147.6	379.0	615.7	279.4	162.7	87.2	150.0
1903	771.7	1121.4	398.7	473.4	359.2	153.3	115.3	146.5
1904	882.6	1276.3	380.1	771.0	375.4	134.8	111.6	149.3

*) Урожай хлѣбовъ только по 60 губерніямъ.

Таблица V.

Годовой ходъ поступленій хлѣбовъ къ 24 главнымъ рынкамъ [1]) Европейской Россіи въ среднемъ за 1897—1904 г.г.

по свѣдѣніямъ корреспондентовъ „Вѣстника Финансовъ“.

ВЪ МИЛЛІОНАХЪ ПУДОВЪ.

Портовые рынки.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Пшеница	5.1	4.8	5.4	8.8	9.4	4.8	4.7	15.4	18.9	17.3	11.3	6.5
Рожь	2.1	1.9	2.8	4.4	4.6	3.5	3.3	5.2	5.9	6.2	3.6	2.3
Овесъ	4.6	3.6	3.6	3.0	3.8	2.6	1.5	2.4	4.0	4.7	4.7	4.9
Внутренніе рынки.												
Пшеница	1.2	1.1	0.8	0.4	0.5	0.4	0.4	0.9	1.6	1.9	1.1	1.2
Рожь	1.4	1.4	1.4	0.5	0.9	0.6	0.7	1.3	1.8	1.2	1.1	1.1
Овесъ	3.6	3.4	3.1	1.9	2.1	1.6	1.4	2.7	3.5	3.1	2.9	3.1
Итого												
Пшеница	6.3	5.9	6.2	9.2	9.9	5.2	5.1	16.3	20.5	19.2	12.4	7.7
Рожь	3.5	3.3	4.2	4.9	5.5	4.1	4.0	6.5	7.7	7.4	4.7	3.4
Овесъ	8.2	7.0	6.7	4.9	5.9	4.2	2.9	5.1	7.5	7.8	7.6	8.0

[1]) *Портовые рынки:* С.-Петербургъ, Ревель, Либава, Таганрогъ, Новороссійскъ, Ростовъ на Дону, Маріуполь, Бердянскъ, Ѳеодосія, Николаевъ, Одесса. *Внутренніе рынки:* Воронежъ, Курскъ, Ливны, Моршанскъ, Москва, Варшава, Чистополь, Царицынъ, Верхнеудинскъ, Мелитополь, Пенза, Щигры, Оренбургъ.

Отправленія и прибытія хлѣб

въ среднемъ за

ПО ДАННЫМЪ „СВОДНОЙ СТАТИСТИКИ“

ВЪ ТЫСЯЧАХЪ

ГУБЕРНІИ.	ОТПРАВЛЕНО.							ПРИБЫЛО.					
	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.	ИТОГО.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.
Бессарабская .	8132	2520	662	3386	1551	22	16273	1396	334	112	231	377	5
Херсонская . .	25828	7839	1064	8938	4043	85	47797	31218	13518	3832	7857	1693	197
Таврическая . .	5519	257	419	1404	1315	136	9051	7028	1109	1238	2641	1453	305
Екатеринослвск.	9320	2681	384	5426	5381	178	23371	5573	1298	1065	3438	2506	114
Обл. Войска Дон.	14883	4011	317	4173	4374	103	27862	17756	7020	1612	4941	2189	115
Кубанская . .	13956	2048	970	6567	2615	27	26183	10046	2432	2011	8073	730	81
Ставропольская.	950	79	889	1877	66	1	3862	3	5	—	1	6	1
Терская . .	1127	78	331	1617	999	23	4175	1816	91	75	131	362	21
Подольская . .	6783	1825	795	941	3635	100	14078	562	35	271	125	38	6
Кіевская . .	9421	4157	1916	1295	4399	238	21426	2667	821	1138	406	1586	150
Волынская . .	1739	1888	239	183	2875	188	7112	1270	494	438	90	216	51
Полтавская . .	6252	5644	4341	978	7599	258	25072	4702	238	148	103	453	12
Харьковская .	6380	1822	2388	1879	2967	200	15636	2425	303	583	281	1868	247
Черниговская .	335	1889	6202	59	177	134	8796	398	464	52	23	1644	204
Курская . .	2270	3647	8120	56	1920	810	16823	1540	294	187	94	577	84
Орловская . .	897	2884	7592	3	2169	860	14405	2615	1909	1215	75	1193	881
Воронежская .	5616	3719	2156	1186	3478	664	16818	3392	794	330	108	676	36
Пензенская .	96	2247	3212	1	220	2882	8659	22	907	239	21	1189	70
Тамбовская . .	1241	15838	14166	69	481	7752	43247	3897	2190	1662	160	2060	255
Тульская . . .	306	3233	12895	10	1569	1598	19610	1953	705	790	32	1363	566
Рязанская .	192	3691	8077	5	312	2850	15128	68	946	1749	20	1999	1085
Симбирская . .	782	1634	2151	3	1572	478	6619	1515	515	787	12	428	60
Самарская .	17551	4663	1620	38	5362	545	29779	15821	2238	1127	68	2370	274
Саратовская .	11594	12895	7751	257	9590	6457	48545	8344	4380	2151	332	3156	325
Казанская . .	4	171	1025	27	85	81	1392	15	209	326	50	164	78
Нижегородская .	2076	271	503	18	5287	251	8406	2109	78	358	20	648	41
Астраханская .	328	24	10	—	38	11	411	—	—	—	—	23	2

Таблица VI.

ныхъ грузовъ по губерніямъ

1898—1902 г.г.

Департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

ПУДОВЪ.

	БОЛѢЕ													
	ОТПРАВЛЕНО.							ПРИБЫЛО.						
ИТОГО.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.	ИТОГО.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.	ИТОГО.
2455	6737	2186	549	3135	1173	18	13819	—	—	—	—	—	1	1
58316	4218	951	—	2218	2350	—	9738	9607	6631	2768	1138	—	112	20256
13773	55	—	—	—	39	—	94	1563	851	819	1237	177	169	4816
13994	4092	1659	32	2044	2876	85	10787	345	274	713	57	—	22	1410
33634	541	172	—	58	2185	33	2989	3414	3181	1295	826	—	45	8761
23373	4121	21	—	123	1885	—	6151	211	405	1041	1630	—	55	3343
16	947	74	889	1876	60	1	3846	—	—	—	—	—	—	—
2496	—	40	256	1485	637	10	2428	689	53	—	—	—	8	750
1038	6221	1790	590	816	3597	94	13107	—	—	66	—	—	—	66
6768	6754	3336	808	889	2815	88	14689	—	—	31	—	—	—	31
2559	469	1394	66	128	2659	137	4853	—	—	266	34	—	—	300
5656	1978	5405	4195	875	7146	246	19843	427	—	—	—	—	—	427
5706	3956	1519	1805	1598	1099	22	9999	—	—	—	—	—	69	69
2785	28	1425	6150	41	—	4	7648	90	—	—	5	1468	74	1637
2777	730	3353	7933	16	1342	728	14102	—	—	—	53	—	3	56
7888	—	1377	6378	—	976	188	8918	1718	402	—	72	—	209	2401
5337	2224	2925	1826	1078	2802	627	11481	—	—	—	—	—	—	—
2449	73	1373	2973	—	—	2812	7231	—	32	—	20	969	—	1021
10225	—	13648	12505	—	2120	7497	35768	2656	—	—	91	—	—	2747
5410	—	2755	12105	—	206	1032	16098	1627	228	—	23	—	—	1877
5868	127	2745	6355	—	—	1765	10992	3	—	27	15	1687	—	1731
3318	527	1122	1481	1	1143	418	4693	1260	3	117	10	—	—	1391
21898	2355	2426	759	7	2992	270	8809	625	—	265	37	—	—	927
18689	3417	8515	5600	36	6434	6132	30134	167	—	—	111	—	—	278
844	3	21	816	7	8	31	886	15	59	118	30	87	28	336
3254	325	204	211	6	4638	212	5596	358	11	66	9	—	2	446
25	328	24	10	—	31	9	402	—	—	—	—	16	—	17

ГУБЕРНІИ.	ОТПРАВЛЕНО.							ПРИБЫЛО.					
	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.	ИТОГО.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.
Московская .	27	93	869	16	822	516	2343	1545	1894	18230	971	9056	7061
Тверская . .	4	72	1018	3	1278	76	2451	2225	639	161	86	11634	450
Калужская . .	21	15	21	1	30	13	100	16	761	550	28	1306	687
Владимірская .	—	116	777	—	110	133	1136	389	1178	1887	7	3319	1419
Ярославская .	1277	1915	6027	53	5892	2580	17744	987	131	262	77	973	186
Костромская .	56	345	342	54	839	348	1984	105	97	113	77	392	216
Витебская . .	8	90	276	43	96	40	553	25	448	164	606	2287	850
Виленская . .	9	197	195	40	49	155	646	244	1804	585	473	1196	156
Смоленская . .	8	44	479	91	68	56	747	10	603	103	241	1752	509
Ковенская . .	120	323	879	184	458	47	2008	568	723	151	160	343	79
Гродненская .	49	414	99	316	115	276	1270	260	730	962	261	1831	431
Минская . . .	92	743	302	724	105	133	2098	20	563	350	163	1383	203
Могилевская .	9	371	498	44	181	133	1236	4	158	25	93	680	99
Лифляндская .	159	274	147	1261	208	126	2175	2217	5689	2877	1996	2000	341
Курляндская .	267	226	1168	411	381	61	2515	1405	7023	17811	433	614	165
Эстляндская . .	30	121	74	69	47	17	359	2581	4554	4449	305	464	125
Псковская . .	—	25	187	5	36	37	290	3	474	166	65	866	532
Новгородская .	—	11	1081	1	225	77	1397	256	450	270	34	1709	1910
Олонецкая . .	—	—	1	—	1	4	7	—	9	25	1	29	51
С.-Петербургск.	35	140	584	17	378	297	1451	2634	6338	19232	1666	9146	8510
Вологодская . .	22	9	82	2	51	59	225	417	185	149	34	1416	1131
Архангельская .	—	1	—	—	1	4	6	487	78	417	15	168	210
Уфимская . .	1165	916	514	1	99	124	2820	534	438	519	36	1580	44
Вятская . . .	—	48	906	84	13	343	1393	4	310	54	22	422	5
Пермская . . .	536	466	2322	48	4752	403	8527	6562	590	4472	121	4668	619
Оренбургская .	13106	485	1590	67	3315	60	18623	603	101	256	32	24	8
Привислинскія губерніи . .	1780	1651	1638	2120	2233	860	10281	4112	12028	8130	1991	9209	2280

БОЛѢЕ														
	ОТПРАВЛЕНО.							ПРИБЫЛО.						
ИТОГО.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.	ИТОГО.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Мука пшеничная.	Мука ржаная.	ИТОГО.
38757	—	—	—	—	—	—	—	1518	1891	17361	955	8234	6545	36413
5216	—	—	857	—	74	—	931	2221	567	—	83	430	374	3675
3347	17	—	—	—	—	—	17	12	746	530	27	1277	674	3264
8200	—	—	30	—	—	—	30	389	1062	1141	6	3209	1287	7094
2616	456	1783	5765	16	4919	2402	15342	166	—	—	41	—	8	215
1001	10	248	229	25	447	133	1090	59	—	—	48	—	1	108
4381	—	6	158	—	—	—	164	17	364	46	563	2191	811	3992
4458	—	—	—	—	—	23	23	235	1607	390	433	1146	23	3835
3218	6	—	377	—	—	—	383	8	559	—	150	1683	453	2854
2025	—	109	728	70	120	—	1028	450	510	—	46	5	32	1044
4476	—	83	—	126	—	—	209	212	398	863	72	1716	155	3416
2681	72	256	52	561	—	12	952	—	75	100	—	1278	81	1535
1050	6	214	473	—	—	61	753	1	—	—	50	499	18	567
15120	—	—	—	—	—	—	—	2058	5415	2730	735	1792	214	12945
27450	18	—	—	63	—	—	80	1155	6796	16642	85	233	101	25013
12480	—	—	—	—	—	—	—	2553	4433	4374	236	417	108	12122
2106	—	—	89	—	—	—	89	3	450	66	60	830	495	1903
4630	—	—	810	—	—	—	810	256	437	—	34	1484	1833	4043
115	—	—	—	—	—	—	—	—	9	25	—	28	46	109
47526	—	—	—	—	—	—	—	2598	6198	18648	1648	8769	8213	46075
3332	22	—	19	—	—	—	40	416	176	54	32	1365	1072	3115
1374	—	—	—	—	—	—	—	487	77	417	15	167	206	1368
3152	630	683	331	—	—	90	1735	—	205	335	35	1480	10	2065
818	—	27	851	63	—	339	1279	4	289	—	—	409	2	704
17030	—	171	—	—	297	—	468	6025	294	2150	73	213	216	8972
1024	12503	394	1333	39	3291	52	17612	—	9	—	4	—	—	14
37751	—	—	—	363	—	—	363	2332	10378	6492	235	6976	1420	27833

Таблица VII.

Вывозъ хлѣбовъ по Европейской границѣ и въ торговлѣ съ Финляндіей за 1901—1905 г.г.

по „Обзорамъ Внѣшней Торговли"

ВЪ ТЫСЯЧАХЪ ПУДОВЪ.

	1901	1902	1903	1904	1905	Въ среднемъ за 1901—1905
По Европейской границѣ.						
Пшеница	127960	175740	240773	261531	277840	216769
Рожь	77555	90075	77824	54618	55457	71106
Ячмень	66161	91025	133078	135964	125189	110283
Овесъ	76227	60756	55882	50453	124790	73622
Всѣхъ хлѣбовъ и муки .	415623	521869	591753	576548	642612	549681
Въ торговлѣ съ Финляндіей.						
Пшеница	12	2	0	3	9	5
Рожь	2376	3670	3324	3293	2035	2937
Ячмень	163	142	283	162	70	144
Овесъ	801	813	1825	928	976	1068
Всѣхъ хлѣбовъ и муки .	15469	18112	20009	21849	14376	17963

Таблица VIII.

Чистый (за вычетомъ на посѣвъ) сборъ хлѣбовъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи на частновладѣльческихъ и крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ

*по „Урожаямъ" Централ. Стат. Комитета *)*

ВЪ ТЫСЯЧАХЪ ПУДОВЪ.

	1901		1902		1903		1904		1905	
	Крест. надѣл.	Владѣл.	Крест. надѣл.	Владѣл.	Крест. надѣл.	Владѣл.	Крест. надѣл.	Владѣл.	Крест. надѣл.	Владѣл.
Озимая рожь	574284	259105	704626	330179	696781	322512	812911	347892	510947	246008
„ пшеница. . . .	56025	120264	65165	151434	58884	125678	54455	125423	60065	129021
Яровая рожь	3354	2010	4084	1544	4527	2178	5110	1936	4367	1532
„ пшеница. . . .	1316538	111008	261500	177890	269907	182373	333622	226737	242101	188178
Ячмень	122589	76085	202652	109277	199876	128676	211731	114775	182793	119636
Полба	2041	376	8743	1205	4124	805	21172	3313	12558	2176
Гречиха	20369	7513	46251	15310	23000	9301	30217	10928	29791	10782
Просо	53744	23143	108472	43347	64075	28650	45677	22875	46705	25894
Кукуруза	46825	45496	33150	27403	33247	27467	12953	14469	16088	17012
Горохъ	8670	5302	17476	11067	12023	9763	19143	15761	13191	8509
Чечевица	4614	1628	9392	3412	4742	2102	9652	3007	4226	1357
Бобы	930	1687	880	2385	788	2019	724	2070	570	1323
Итого продовольственныхъ хлѣбовъ . . .	1025103	653617	1462391	874453	1371974	841724	1557367	889186	1123402	751428
Овесъ	186474	119624	346984	211071	244787	172534	466977	264783	332944	182555

Въ среднемъ за пятилѣтіе 1901—1905 г.г.

	Крестьянскія надѣльныя.	Владѣльческія	Всего.
Пшеница	306676	307601	614277
Рожь	664198	302979	967177
Всего продовольственныхъ хлѣбовъ	1308047	802082	2110129
Овесъ	315833	190113	505746

*) Вслѣдствіе ошибокъ въ сводныхъ таблицахъ „Урожаевъ" сравнительно съ погубернскими, общіе итоги исправлены: для ячменя въ 1902 г. на—104 т. п., для чечевицы 1902 г. на + 124 т. п. и для озимой пшеницы въ 1904 г. на—34 т. п., общій итогъ всѣхъ хлѣбовъ въ среднемъ за пятилѣтіе менѣе на 6 тыс. пуд.

Главнѣйшая литература по экономической исторіи сельскаго крѣпостного хозяйства.

1. Экономическій сельскохозяйственный бытъ въ древній періодъ (до XIX вѣка).

Аристовъ, Н. Промышленность древней Руси. Спб. 1866.

Барсуковъ, А. „Докладная выпись 1613 г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ“ Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс., 1859, I.

Васильй, Д. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. М. 1887.

Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. Спб. 1879.

Блюменфельдъ, Г. О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Одесса 1884.

Богоявленскій, С. „Нѣкоторыя статистическія данныя по исторіи русскаго города XVII в.“. Труды Археогр. Ком. Моск. Арх. Об., I.

Болтинъ, И. Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка. Спб. 1788.

Болотовъ, И. Наказъ управителю или приказчику, какимъ образомъ ему править деревнями въ небытность своего господина. Спб. 1770.

Бѣляевъ, И. Крестьяне на Руси Изд. I. М. 1860, изд. II 1879, изд. III 1891.

Бѣляевъ, И. „Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Руси“. Врем. Общ. Ист. и Древн. Росс., XXII.

Бѣляевъ И. Законы и акты, устанавливавшіе въ древней Руси крѣпостное состояніе. Архивъ истор. и практ. свѣд., кн. II. 1859.

Горчаковъ, М. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріатрховъ и Св. Синода. Спб. 1871.

Дьяконовъ, М. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. В. I.—II. Юр. 1895—97.

Дьяконовъ, М. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. (XVI—XVII в. в.) Спб. 1898.

Дьяконовъ, М. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Жур. Мин. Нар. Просв. 1893. VI.

Забѣлинъ, И. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. Вѣст. Евр. 1871, XI—XII.

Кильбургеръ. Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какимъ образомъ оная производилась черезъ всю Россію въ 1774 г. Спб. 1820.

Кирилловъ, И. Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій и пр. М. 1831.

Ключевскій. Боярская дума древней Руси. М. 1883.

Ключевскій. „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“. Рус. М. 1885, VIII—X

Ключевскій. Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему. М. 1884.

Ключевскій. „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“. Рус. М. 1886, XI—X.

Ключевскій. „Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ“. Мос. Унив. Изв. 1866—67.

Корсакъ, А. О формахъ промышленности. М. 1861.

Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XV и XVII ст. и старинные земскіе соборы. Моногр., т. XIX.

Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст. Моногр., т. XX. Спб. 1889.

Котошихинъ, Г. О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича. Спб. 1840.

Лаппо, И. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. М. 1894.

Лаппо-Данилевскій. Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія Россіи. Сборникъ „Крестьянскій строй", в. I. Спб. 1905.

Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Спб. 1890.

Лаппо-Данилевскій. Русскія промышленныя и торговыя кампаніи въ первой половинѣ XVIII ст. Спб. 1899.

Лешковъ. „Продовольствіе древней Руси". Москвитянинъ, 1854, II—V.

Миклашевскій, И. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Ч. 1. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины въ XVII в. М. 1894.

Милюковъ, П. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. Изд. 2. Спб. 1905.

Никитскій, А. „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода". Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1892.

Перетятковичъ. Поволжье въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1877.

Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в. Одес. 1882.

Платоновъ. „Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Москов. Гос." Журн. М. Нар. Пр. 1898, III.

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1876.

Посошковъ. Сочиненія. М. 1842.

Родесъ-де. Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 году. Магаз. землевѣд. и путешест. т. V. М. 1858.

Рождественскій, С. Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ XVI в. Спб. 1897.

Рожковъ, Сельское хозяйство московской Руси въ XVI в. М. 1899.

Семевскій, В. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. т. I. 2 изд. Спб. 1903. т. II. Спб. 1901.

Семевскій, В. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка 2 т. Спб. 1888.

Семеновъ. Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836.

Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности, т. I—II. Спб. 1902.

Середонинъ. „Извѣстія англичанъ о Россіи". Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1884, IV.

Storch. H. Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reiches am Ende des 18 Jahrhunderts. 8 Th. und Supp. Riga-Leipz. 1797—03. (Часть вторая).

Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877

Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб. 1878.

Устряловъ. Именитые люди Строгоновы. Спб. 1842.

Флетчеръ. О государствѣ русскомъ. Спб. 1906.

Хлѣбниковъ. Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи. Спб. 1872.

Чечулинъ. Города московскаго государства въ XVI в. Спб. 1889.

Щербатовъ, М., князь. Сочиненія т. I. (Статистика въ разсужденіи Россіи. Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи. Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 г.). Спб. 1896.

2) Крѣпостная экономика и статистика XIX.

Авксентьевъ. Очеркъ сельскохозяйственной промышленности Новороссійскаго края. М. 1850.

Андросовъ. Хозяйственная статистика Россіи. М. 1827.

Арсеньевъ, К. Начертаніе статистики Россійскаго государства, ч. I—II Спб. 1819.

Арсеньевъ, К. Статистическіе очерки Россіи. Спб. 1848.

Арсеньевъ, К. Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи и выгодъ, отъ того происходящихъ для народныхъ промысловъ, нынѣ существующихъ. Спб. 1818.

Афросимовъ. „Опытъ оцѣнки работъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ" Земл. Журн. 1834, XX.

Бажаевъ. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европ. Россіи. М. 1900.

Б. И. П. Записки диллетанта въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ. Спб. 1861.

Бланкъ. „Русскій помѣщичій, крестьянинъ." Т. В. Э. О. 1845.

Бунинъ, Н. Мысли о русскомъ хозяйствѣ и о нѣкоторыхъ причинахъ дешевизны сельскихъ произведеній нашего земледѣлія, съ учетомъ земледѣльческихъ работъ при воздѣлываніи разныхъ хлѣбовъ на черноземной почвѣ. М. 1832.

Бутовскій, А. Опытъ о народномъ богатствѣ. Спб. 1847.

Веселовскій, К. Обозрѣніе успѣховъ науки сельскаго хозяйства въ Россіи за послѣднее трехлѣтіе. Спб. 1842.

Веселовскій. К. „О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи". Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1845, XV.

Веневскій уѣздъ въ географическомъ, земледѣльческомъ и вообще промышленномъ отношеніяхъ. М. 1852.

Вешняковъ, В. Крестьяне-собственники въ Россіи, историко-стат. очеркъ. Спб. 1858.

Вилькинсъ. Что нужно помѣщичьему издѣльному крестьянину для безбѣднаго содержанія себя въ нечерноземныхъ губерніяхъ. М. 1832.

Вилькинсъ. Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности. М. 1843.

Вирстъ, Ф. Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской Имперіи. Спб. 1807.

Волконскій. „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ". Труды Рязанской Учен. Архив. Ком. 1897 г. т. XII, в. 2—3.

Вольскій. Очеркъ исторіи хлѣбной торговли Новороссійскаго края съ древнѣйшихъ временъ до 1852 г. Одес. 1854.

Вольфъ. Наказъ управляющему, Тр. В. Э. О, VII.

Вонляръ-Ларскій. Руководство управленію имѣніями. Спб. 1840.

Гаряйновъ, А. Взглядъ на естественныя и нравственныя производительныя силы Россіи. Спб. 1858.

Haxthausen, A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. 3 Th. Han. 1847—52. Рус. сокр. перев., т. I. М. 1870.

Горизонтовъ. Хозяйственно-статистическое описаніе Пензенскаго у. Спб. 1859.

Горловъ. Обозрѣніе экономической статистики Россіи. Спб. 1849.

Грузиновъ. „Бытъ крестьянъ Тамбовской губ.". Журн. Землевл., 1858, II.

Гулишамбаровъ. Итоги торговли и промышленности Россіи въ Царствованіе Имп. Николая I. Спб. 1896.

Демчинскій, П. Не даромъ жилъ. Записки многихъ наблюденій съ присовокупленіемъ свѣдѣній изъ нѣкоторыхъ журналовъ, составляющихъ общій интересъ какъ для сельскихъ хозяевъ, такъ равно промышленниковъ, торговли нашей и всѣхъ классовъ и сословій по интересамъ всѣхъ нововведеній и по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1858.

Дубасовъ. Очерки изъ исторіи тамбовскаго края. Там. 1897.

Егуновъ. О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи М. 1855.

Егуновъ. „О среднихъ цѣнахъ на главныя жизненныя потребности въ Россіи за послѣднее пятилѣтіе". Отеч. Зап. 1852, X—XII.

Елагинъ, И. Д. с. с. и членъ дворцовой канцеляріи. Проектъ объ опредѣленіи въ неотъемлемое владѣніе дворцовымъ крестьянамъ земли и о раздачѣ казенныхъ деревень за извѣстную плату на временное владѣніе вольнымъ содержателямъ". Журн. Землевл. 1859, XXI—XXII.

Ефименко, А. Изслѣдованія народной жизни. В. I. М. 1884.

Желтухинъ. „Попытка къ соглашенію". Журн. Землевл. 1859. II.

Жуковъ. Руководство отчетливо, успѣшно и выгодно заниматься русскимъ сельскимъ хозяйствомъ. М. 1848.

Заблоцкій, А. „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи". Отеч. Зап. 1847, LII.

Заблоцкій, А. Сравнительное обозрѣніе внѣшней торговли Россіи за послѣдніе 25 лѣтъ. Сборн. стат. св. о Россіи, кн. I. Спб. 1851.

Заблоцкій-Десятковскій, А. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. 4 т. (т. II, приложеніе, записка „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи") С.-Петербургъ 1882.

Зябловскій, Е. Статистическое описаніе Россійской Имперіи. Спб. 1808.

Зябловскій, Е. Россійская статистика, ч. I—II. Спб. 1832.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб. 1903.

Игнатовичъ, И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. С.-Петербургъ. 1902.

„Инструкція титулярному совѣтнику Андрею Шестакову, какимъ образомъ поступать въ собственной ея Императ. Величества вотчинѣ, въ селѣ Бобрикахъ съ деревнями". Журн. Землевл., 1859, XXIII.

Карновичъ. Хозяйственные опыты. Тридцатилѣтней практики. Или наставленіе для управленія имѣніями. Спб. 1837.

Каразинъ. Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ. Спб. 1819.

Keussler, I. Zur Geschichte und Kritik des bäurlichen Gemeindebesitzes in Russland. Th. I, Riga, 1876. Th. II—III S.-Pt. 1882—87.

Кисловскій. „Очеркъ доходности сельскаго хозяйства при свободномъ трудѣ". Сел. хоз., 1858.

Кишкинъ, М. О земледѣліи, скотоводствѣ и сельскихъ промыслахъ въ Кирсановскомъ у. М. 1860.

Кишкинъ, М. „Данныя и предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ въ Кирсановскомъ у. Тамбовской губ". Сел. Благоустр. 1858, IV.

Леопольдовъ, А. Статистическое описаніе Саратовской губ. Спб. 1839.

Лодыженскій, Е. Русскій помѣщикъ. Спб. 1856.

Лоде, Э. Хозяйственное обозрѣніе Вологодской губ. Спб. 1843.

Матеріалы для статистики Россіи, собираемые по вѣдомству Министерства Государ. Имущ. В. I—VI. Спб. 1858—71.

Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые И. Вол. Экон. об. Кн. I. Спб. 1853.

Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Ч. 1—II. Спб. 1859—60.

Матеріалы Редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Первое изданіе. Ч. I—XVIII. Спб. 1859—60 г. Второе изданіе, т. I—III. Спб. 1859—60 г.

Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами главнаго штаба. По отдѣльнымъ губерніямъ. Спб. 1861—68.

Матеріалы, хозяйственно-статистическіе, собираемые коммиссіями и отрядами по уравненію денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. В. I—II. Спб. 1857.

Милюковъ, П. Очерки изъ исторіи русс. культуры. В. I, изд. 4 Спб. 1900.

М. М. „Приложеніе наемнаго труда къ хозяйствамъ сѣверной полосы Россіи". Журн. Землевл. 1859. XXI.

Мысли объ усовершенствованіи быта поселянъ хлѣбопашцевъ. Спб. 1837. (анон.)

Начальныя основанія русскаго сельскаго хозяйства, соотвѣтствующія настоящему положенію недвижимыхъ имѣній. М. 1837. (анон.)

Небольсинъ, Г. Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. 2 т. Спб. 1850.

Никольскій. Хозяйственное описаніе Балашовскаго у. Саратовской губ. Спб. 1855.

Новиковъ. Матеріалы для земледѣльческой статистики Оренбургской губ. (1859?)

Новый опытный сельскій управитель, приказчикъ и экономъ или самонужнѣйшія и обстоятельныя наставленія о управленіи деревнями, крестьянами, земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ, птицеводствомъ и огородными работами. М. 1825.

Н. П. „О торгѣ хлѣбомъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи". Отеч. Зап. 1840, VIII.

Обзоръ дѣйствій Департамента сел. хозяйства съ 1844—5 г.г. Спб. 1850.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 гг. Спб. 1836.

Оболенскій. Историческій сборникъ. Спб. 1859. Собраніе инструкцій по сельскому устройству и администраціи.

Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европ. Россіи, изд. Деп. сел. хоз. Изд. I Спб. 1851. Изд. II Спб. 1854. Изд. III Спб. 1857. Изд. IV, сост. *И. Вильсонъ.* Спб. 1869.

О задолженности землевладѣнія въ связи съ статистическими данными о притокѣ капиталовъ къ помѣстному землевладѣнію со времени освобожденія крестьянъ. Врем. Центр. Стат. Ком. № 2. Спб. 1888.

Отвѣтъ русскаго гражданина на вопросъ: полезно-ли заводить въ Россіи и распространять мануфактуры или лучше предоставить пространному сему государству обогощать себя земледѣліемъ, то-есть первыми произведеніями земли, хлѣбомъ, пенькою, льномъ и прочее. М. 1815. (анон.)

Оржицкій. „Объ устройствѣ оброчнаго имѣнія". Журн. Землевл. 1858, I.

Островскій, П. Сельскохозяйственное, статистическое описаніе Ростовскаго, Угличскаго и Романоборисоглѣбскаго у. Ярослав. г. Спб. 1860.

Павловъ, П. Очеркъ сравнительной хозяйственной статистики Россіи. Спб. 1869.

П-въ, П. „Хлѣбные избытки и народное продовольствіе". Отеч. Зап. 1879, III.

Пельчинскій, В. О состояніи промышленныхъ силъ Россіи до 1832 г. Спб. 1833.

Пензенскій помѣщикъ. „Письма пензенскаго помѣщика". Журн. Земл. 1858 т. II.

Плугъ и соха, писанное степнымъ дворяниномъ. Отцы наши не глупѣй насъ были. М. 1806.

Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Ряз. 1903.

Позднинъ. Объ оброчныхъ работникахъ или совершенно новомъ образѣ взиманія помѣщичьихъ повинностей М. 1845.

Прототоповъ. О хлѣбной торговлѣ въ Россіи. Журн. Мин. Госуд. Имущ. Спб. 1842. V.

Reden. Das Kaiserthum Russland. Berl. 1843.

Русскій земледѣлецъ. Крестьянская правда о мелкой поземельной собственности. Спб. 1860.

Сабуровъ, И. Хозяйственно-статистическая программа для описанія состава, производительной силы и различныхъ принадлежностей русскихъ дворянскихъ имѣній. М. 1858.

Сабуровъ. „Вліяніе земледѣлія на государственное богатство съ русской точки зрѣнія". Журн. Землевл. 1858, IX.

Сабуровъ. „Записки Пензенскаго помѣщика о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства". Отеч. Зап. 1842—43 г. г. XXI—XXVI.

Сабуровъ, Я. „Промышленный бытъ помѣщиковъ сельскихъ хозяевъ въ многоземельныхъ губерніяхъ". Отеч. Зап. 1841.

Самаринъ, Ю. Сочиненія, т. I—II, М. 1877—78. (Т. II. Записка о крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ).

Семеновъ, А. Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія до 1858 г. 3 т. Спб. 1856.

Семеновъ, Н. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II. 3 т. Спб. 1889—93.

Сердобскій помѣщикъ. „Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Сердобскомъ у.". Архивъ историч. и практич. св., кн. I. Спб. 1859.

Скальковскій, А. Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края 2 т. Од. 1850—53.

Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. По оффиціальнымъ источникамъ. 4 тома въ 5 ч. Боннъ на Рейнѣ. 1862—68.

Смирновъ, Ѳ. „Къ вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Отеч. Зап. 1858, V.

Снѣжневскій. „Крѣпостные крестьяне Нижегородской губ. наканунѣ реформы 19 февраля". Дѣйст. Нижегор. Уч. арх., Ком. т. 3. Н.-Н. 1898.

Соловьевъ. Сельскохозяйственная статистика Саратовской губерніи. М. 1855.

Сравненіе поселянина о пользѣ фабрикъ и заводовъ съ пользою земледѣлія въ Россіи. Спб. 1816 (анон.).

Стремоуховъ. „Описаніе хозяйственнаго распорядка, основаннаго на общественномъ или соединенномъ хозяйствѣ". Земледѣл. Журналъ 1829, XXV.

Струве, П. „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи XIX в.". Міръ Божій, 1901, X—XII.

Струве, П. Крѣпостная статистика. Спб. 1901 (Научн. обозр. 1901).

Струве, П. „Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ". Нач. 1899, I—II.

Сумароковъ, П. „Нѣсколько мыслей объ улучшеніи быта крестьянъ". Русс. Вѣст. 1858, VI.

Schnitzler. Essai d'une statistique générale de l'empire de Russie. Par. 1829.

Тарасенко-Отрѣшковъ, Н. Бесѣды съ землевладѣльцами и торговцами Спб. 1858.

Тенгоборскій, П. О производительныхъ силахъ Россіи. Ч. I. М. 1855—57. Ч. II Спб. 1858.

Тройницкій, А. Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10 народной переписи. Спб. 1861.

Туганъ-Барановскій, М. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX в. С.-Петербургъ. 1898.

Турчиновичъ, О. Исторія сельскаго хозяйства Россіи. Спб. 1854.

Тэеръ, А. Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства, переводъ С. А. Маслова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. 3 т. М. 1830.

Фоминъ, А. О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія въ Россіи, сочиненіе въ отвѣтъ на опубликованную Императ. академіей наукъ 29 декабря 1826 года задачу по политической экономіи. Спб. 1829.

Фундуклей, И. Статистическое описаніе Кіевской губ. 3 т. К. 1852.

Хозяйственное описаніе Пермской губ. Ч. I—II. Пермь, 1804.

Хозяйственное описаніе Астраханской и Кавказской губерній по гражданскому и естественному ихъ состоянію въ отношеніи къ земледѣлію, промышленности и домоводству. Спб. 1809.

Черемисинова, помѣщика Ковровской волости, дер. Елохова, приказъ старостѣ Егору Васильеву и всему міру. Арх. истор. и практ. свѣд. изд. *Калачовымъ,* кн. III. 1859.

Черемшанскій, В. Описаніе Оренбургской губерніи въ хозяйственно-статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ Уф. 1859.

Черновъ, С. Статистическое описаніе Московской губ. М. 1811.

Чичеринъ. „О настоящемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ.“ Атеней, 1858, VIII.

Чугуновъ. Историческій обзоръ мѣропріятій правительства къ развитію земледѣлія въ Россіи. Каз. 1858.

Шатиловъ. „Нѣсколько словъ о годовомъ заработкѣ крестьянскаго тягла.“ Русс. Вѣст. 1858, VI.

Швитковъ. „О двухъ главныхъ способахъ къ лучшему деревнями управленію.“ Тр. В. Э. Об. LXII.

Шелеховъ, Д. О настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи и о причинахъ прошлогднихъ неурожаевъ. Спб. 1841.

Шелеховъ, Д. „О пользѣ и средствахъ улучшенія въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ“. Библ. для чтенія, 1838, IV.

Шелеховъ, Д. „О вольнонаемномъ трудѣ“. Библіотека для чтенія. 1838, VII.

Шишковъ. „Оброкъ и барщина.“ Зап. Лебедян. Общ. сел. хоз. 1857, I.

Щегловъ. О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности. Спб. 1829.

Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. М. 1900.

Тезисы.

1. При отсутствіи какой бы то ни было экономической системы сельскохозяйственнаго производства и вслѣдствіе крайней важности при изслѣдованіи аграрныхъ отношеній имѣть такую схему, послѣдняя можетъ быть построена по аналогіи со схемами, выработанными для обрабатывающей промышленности и основанными на принципѣ измѣненій условій производства и обмѣна.

2. Въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ промышленности, развитіе капиталистическихъ отношеній начинается не прямо съ капитализаціи производства, но первоначально съ капитализаціи обмѣна, въ видѣ подчиненія торговому капиталу сбыта продуктовъ.

3. Исходя изъ такой предпосылки и изучая съ этой точки зрѣнія развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи, можно замѣтить распространеніе земледѣльческаго обмѣна и торговаго земледѣлія въ наиболѣе отдаленные періоды русской исторіи; съ эпохи же Петра, съ развитіемъ городской жизни и промышленности, торговое земледѣліе становится на болѣе прочную почву, при чемъ правительственная политика покровительства дворянскому земледѣлію особенно способствуетъ насажденію сословно-помѣщичьяго предпринимательства.

4. Низкая производительность крѣпостного труда являлась непреодолимымъ препятствіемъ возникшимъ уже въ первой четверти XIX в. попыткамъ крѣпостного помѣщичьяго хозяйства перейти къ технически раціональнымъ системамъ земледѣльческаго производства.

5. Обращеніе послѣ неудачъ раціонализаціи земледѣлія къ старымъ зерновымъ системамъ, при господствѣ на зерновомъ

рынкѣ помѣщичьяго производства, приводитъ къ зерновому товарному перепроизводству, къ пониженію и къ крайней неустойчивости цѣнъ.

6. Такъ какъ господство помѣщичьяго крѣпостного хозяйства на рынкѣ обусловливалось возможностью съ помощью крестьянскаго труда транспортировать свои продукты на далекіе рынки, то съ паденіемъ крѣпостного права помѣщичье хозяйство лишается и своего преобладанія на рынкѣ.

7. Крестьянское хозяйство, послѣ реформы занявшее на рынкѣ мѣсто помѣщичьяго, вслѣдствіе неблагопріятныхъ финансовыхъ условій реформы пошло тѣмъ же путемъ количественнаго расширенія зернового производства.

8. Замѣна крупнаго посѣвщика-помѣщика мелкимъ крестьяниномъ, усиливъ количество выработки и продажъ хлѣба, безъ возможности сноситься съ отдаленными рынками, приводитъ къ децентрализаціи торговли и ставитъ на первую очередь вопросъ о необходимости развитія желѣзнодорожныхъ путей.

9. Вызванная такой экономической необходимостью постройка желѣзныхъ дорогъ приводитъ къ дальнѣйшему увеличенію производства и сбыта хлѣбовъ, къ развитію экспорта, къ переустройству экономическихъ отношеній отдѣльныхъ раіоновъ, къ спеціализаціи ихъ на наиболѣе свойственныхъ имъ земледѣльческихъ культурахъ.

10. Изученіе этихъ вопросовъ по имѣющимся статистическимъ даннымъ приводитъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ:

а) Количество зерна, втягиваемаго въ торговый оборотъ, постоянно и быстро увеличивается, указывая на соотвѣтствующее возрастаніе денежнаго земледѣльческаго хозяйства.

б) Абсолютно—наиболѣе развито служеніе рынку и производство со спеціальной цѣлью продажи для пшеницы, ячменя и овса (resp. въ восточныхъ и южныхъ раіонахъ), наименѣе—для ржи (resp. въ центрѣ).

в) Относительно—ростъ перевозокъ пшеницы отстаетъ отъ урожаевъ, указывая на увеличеніе мѣстнаго потребленія; ростъ перевозокъ ржи и овса — превосходитъ ростъ урожаевъ.

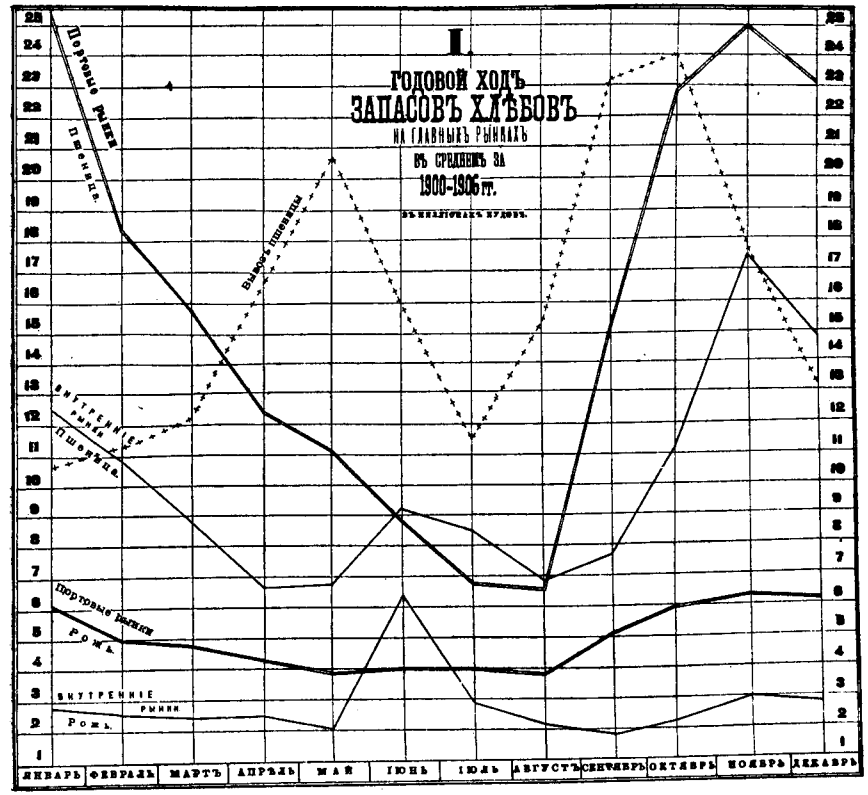
г) Внутренній рынокъ и внутреннее потребленіе развиваются вообще быстрѣе внѣшняго.

д) Увеличеніе внутренняго потребленія идетъ, повидимому, за счетъ увеличенія лишь городского, а не мѣстнаго потребленія.

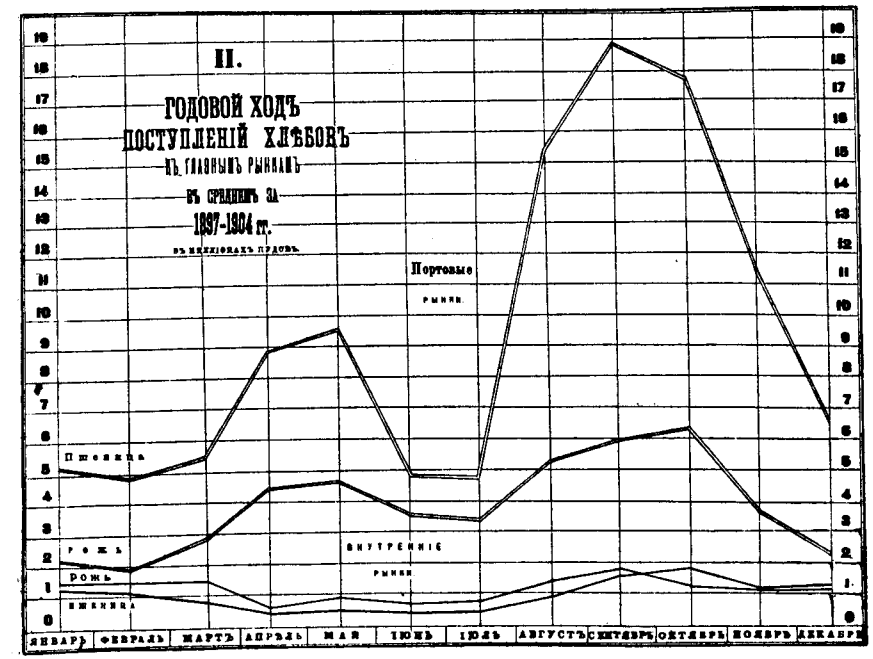
е) Экспортный рынокъ, помимо громаднаго количественнаго значенія, имѣетъ еще болѣе важное значеніе для опредѣленія финансовыхъ результатовъ реализаціи урожая, притягивая къ себѣ первыя рыночныя поступленія и опредѣляя цѣны.

ж) Мѣстныя цѣны обладаютъ вообще большей амплитудой колебаній, чѣмъ рыночныя, и въ годы неурожаевъ повышаются даже выше рыночныхъ, приводя къ обратному движенію хлѣба изъ города въ деревню.

з) Портовыя цѣны часто даже въ неурожайные годы оказываются относительно пониженными противъ внутреннихъ, и такъ наз. «независимость внутреннихъ цѣнъ» является лишь простымъ слѣдствіемъ вынужденной реализаціи зерна.



Діаграмма I. Годовой ходъ запасовъ хлѣбовъ, въ милл. пудовъ. Къ таблицѣ I.



Діаграмма II. Годовой ходъ поступленій хлѣбовъ, въ милл. пуд. Къ таблицѣ V.